

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННОЙ ФИЛОЛОГИИ
(структурное подразделение)
ГБУК РК «КРЫМСКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА имени И. Я. ФРАНКО»

МАТЕРИАЛЫ IV МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА

**ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Симферополь, 1 – 19 апреля 2019 г.

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2019

УДК 81-119:575.82
ББК 81.40-00
М 341

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Петренко А. Д., *д.филол.н., профессор, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Редактор: Полховская Е. В., *к.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Состав Редакционного Совета:

Вовк Н. А., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Ачкеназе В. Б., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Радченко Т. А., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Сердюк Е. Н., *ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (Симферополь)*

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, названий и данных ответственность несут авторы публикаций. Редакционный совет не всегда разделяет мнения авторов.

Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IV Международного научного конгресса, Симферополь, 1 – 19 апреля 2019 г. / ред. Е. В. Полховская. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 500 с.

ISBN 978-5-907198-07-4

В сборнике представлены статьи по докладам участников IV Международного научного конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы», который проходил в г. Симферополь 1–19 апреля 2019 г. В представленных публикациях рассматриваются актуальные проблемы социолингвистики, социофонетики, индоевропеистики, литературоведения, языкознания, теоретические и практические аспекты лингводидактики, прагмалингвистики, коммуникативистики, теории дискурса, корпусной лингвистики и библиотечного обслуживания.

УДК 81-119:575.82
ББК 81.40-00

ISBN 978-5-907198-07-4

© ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», 2019
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ..... 13

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ)

А. Э. Левицкий, К. Э. Погосян..... 18

АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У НОСИТЕЛЕЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

И. Ю. Павловская..... 22

ТЕРМИНЫ «PIDGIN» И «PIDGIN ENGLISH» В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ

А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, Н. А. Вовк..... 32

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

А. Д. Петренко, К. А. Мележик, В. Г. Шевель..... 42

ВАРИАНТ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ РАЗМЕТКИ ДЛЯ ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Д. Ш. Сулейманов, А. Р. Гатиатуллин, А. М. Баширов 45

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ НЕ-ДИАЛОГ КУЛЬТУР? ДИЛЕММА СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Е. Г. Тарева..... 49

DISCOURSE-PRAGMATIC FUNCTIONS OF OVERT SUBJECTS

В. Најиуев..... 54

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ СОВРЕМЕННЫХ ЕВПАТОРИЙЦЕВ

Е. В. Багумян 60

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОВОЗЕЛАНДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УТРЕННЕЙ ИНФОРМАЦИОННО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ПЕРЕДАЧИ TVNZ BREAKFAST)

С. С. Джемилова, Н. М. Евстафьева..... 64

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ БЛОГОСФЕРЫ

Е. О. Карнова, А. Д. Петренко..... 68

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ РУССКО-АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПАРЫ <i>Д. Н. Колянда</i>	72
ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ РЕЧИ БЕЖЕНЦЕВ В ГЕРМАНИИ <i>М. А. Марценюк , А. В. Пономарёва</i>	76
ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АББРЕВИАТУР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ <i>Т. М. Норец</i>	80
СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ЛЮКСЕМБУРГЕ <i>С. Е. Перепечкина, А. С. Шаронова</i>	83
ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ-ГРЕКОВ <i>Е. С. Тюменцева, Н. М. Евстафьева</i>	88
ФЕНОМЕН KURZDEUTSCH В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ <i>И. В. Черныш</i>	91
THE CHANGES IN THE SOCIAL ASPECT OF MASCULINE GENDER ROLE IN MODERN ENGLISH <i>А. Н. Шиманович</i>	96
СОЦИОФОНЕТИКА И ФОНОСТИЛИСТИКА	
НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ В ГЕРМАНИИ <i>Н. К. Воронцова</i>	100
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ КРЫМА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) <i>Н. М. Евстафьева, О. Н. Обухова, О. В. Скурихина, Г. В. Порческу, Ю. В. Березина, И. А. Андриющенко</i>	103
БАЗОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ДЛЯ СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА <i>Э. Ш. Исаев</i>	107
СПОСОБЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ ПРИ ФОНЕТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ КИНОДИСКУРСА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ <i>Ю. В. Онищенко</i>	111
ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОН- ТАКТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) <i>С. Е. Перепечкина</i>	116

KIEZDEUTSCH: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
Д. А. Петренко, Ю-К. Д. Кобазева..... 120

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
АВСТРИЙСКИХ СТУДЕНТОВ
Д. А. Петренко, К. К. Соловьева..... 125

ИНДОЕВРОПЕИСТИКА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НОВЕЛЛИСТИКИ
ГИ ДЕ МОПАССАНА: ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВА
Г. П. Гавришева..... 129

«ЖИВАЯ» МУЗЫКА ФРАНЦУЗСКОГО КОМПОЗИТОРА О. МЕССИАНА
Т. А. Емельянова..... 133

ПРОБЛЕМА «БЕГСТВА ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX-XXI ВВ.
Н. С. Лесова-Юзефович..... 136

АНТИТЕЗА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ПЕЙЗАЖЕЙ
В РОМАНЕ ЛУС ГАБАС «ПАЛЬМЫ В СНЕГУ»
Н. П. Науменко, З. С. Меметова..... 139

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛАТИНСКИХ
ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ I В. ДО Н.Э.
Е. Н. Татаренко 143

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «КАРЬЕРА»
В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ И АФОРИСТИЧЕСКОМ ФОНДЕ
СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
Т. В. Чекалина 146

ПОНЯТИЕ «ДОМ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ТРАДИЦИИ
Н. А. Шапошник..... 150

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ПРОЕКТА В РАЗВИТИИ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫ-
СКАЗЫВАНИЯ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ
И. В. Шibaева 154

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СПИРОСА ПЛАСКОВИТИСА
О. Н. Александрова..... 160

РОЛЬ «ЖЕНСКОГО ОБРАЗА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. ШЛИНКА
Е. А. Аникеева..... 163

ЭТНОСТЕРЕОТИП РУССКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИИ НИКОСА КАЗАНДЗАКИСА «ПУТЕШЕСТВУЯ В РУСИЮ» <i>Л. С. Банах, В. С. Лысова</i>	166
INDIVIDUAL COLOUR LINGUISTIC PICTURE OF MARINA TSVETAeva'S WORLD <i>A. A. Vobik, V. G. Klyuyeva</i>	171
«ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД» НА «МУЖСКОЙ МИР» (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЖЕНА ПИЛАТА» К. Э. ДАФФИ) <i>Л. Н. Глухенькая</i>	174
КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДРАМЫ ГЕН- РИ АРТУРА ДЖОНСА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ «СВЯТЫЕ И ГРЕШНИКИ») <i>М. А. Григорьева</i>	179
ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИПТОГРАФИИ В ЭПИСТОЛЯРИИ АНГЛИЙСКИХ РОМАНТИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ П.Б. ШЕЛЛИ И ДЖ. КИТСА) <i>Н. В. Доминенко</i>	183
«Я ВАМ ОБЪЯВЛЯЮ ВОЙНУ!»: НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ «НОВАЯ ДРАМА» ДЛЯ ПОДРОСТКОВ <i>Д. А. Кириченко</i>	189
ПРИЗРАКИ И СПИРИТИЗМ В НЕОВИКТОРИАНСКОМ РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «AFFINITY» <i>О. Н. Кохан</i>	193
ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ТЕМАТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В РОМАНЕ КЕРИ ХЬЮМ «ЛЮДИ-КОСТИ» (<i>THE BONE PEOPLE</i>) <i>Ю. Ю. Кравинская, Н. А. Хлыбова</i>	197
ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА “BLACK SWAN GREEN” <i>Т. В. Мельниченко</i>	201
НАРРАТОР В РОМАНЕ М. ЭМИСА <i>HOUSE OF MEETINGS</i> <i>Е. В. Полховская, Т. А. Радченко</i>	206
МИФЕМЫ ПОВЕСТИ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСОЛ» <i>С. В. Сдобнова, Д. О. Турчина</i>	209
FICTIONAL PECULIARITIES OF H. S. THOMPSON'S NOVEL <i>FEAR AND LOATHING IN LAS VEGAS</i> <i>Е. N. Serdyuk</i>	213

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
В. В. Силин..... 218

ВИРТУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ (НА МА-
ТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. С. ФОЕРА «ВОТ Я»)
Е. Р. Чемезова 224

ОБРАЗ РЕАЛИЙ КИТАЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ДО СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА
Юннин Цзя..... 227

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЙ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ
И SLA-ТЕОРИЯ КАТО ЛОМБ
Г. В. Витковская 233

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНЫХ ТЕК-
СТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ
Л. Г. Гаркуша, Е. А. Кислицына..... 237

ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА
ЛУЖИНА», ИЛИ А ГОВОРИЛ ЛИ ЛУЖИН ПО-РУССКИ?
В. Д. Грищенко, Л. И. Теплова 241

КОНЦЕПЦИЯ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА И
СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА
Доу Чуньяо 245

ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ
Н. А. Дьякова 249

НАРУШЕНИЕ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА РАДИО
И ТЕЛЕВИДЕНИИ
Зекаг Мавахеб 253

ПОНЯТИЕ *TERTIUM COMPARATIONIS* И ЗНАЧИМОСТЬ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА
Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова..... 257

ОСОБЕННОСТИ ЗОНЫ БАЗИСА ТЕРМИНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕН-
НОЙ И ПОЧВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ, УКРАИН-
СКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
М. В. Кислухина 261

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА
В ДИСКУРСЕ ДЕЛОВОГО ТУРИЗМА
Н. А. Князева..... 267

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ТЕКСТАХ
ВЕБ-СТРАНИЦ ТУРОПЕРАТОРОВ ГРЕЦИИ
В. А. Колчевская 273

О ВЛИЯНИИ ФЕМИНИЗМА НА СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНИЦ,
ВОШЕДШИХ В OXFORD ENGLISH DICTIONARY)
Н. Н. Трунченкова 276

ДЕРОГАТИВНО МАРКИРОВАННЫЕ ЭТНОНИМЫ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ
Т. А. Цебровская..... 279

КОНЦЕПТ «HOLINESS» КАК КОГНИТИВНАЯ ДОМИНАНТА ПРОПОВЕДИ
СВ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО «ON SAINT SERAPHIM»
Т. В. Чиковани 283

КОММУНИКАТИВИСТИКА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
Н. А. Гулевец 289

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРВЬЮ КАК ЖАНРА ТЕЛЕ-
И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ
Ю. В. Онищенко, Е. Н. Шик..... 292

РОЛЬ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВИРТУ-
АЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОСМЕТИЧЕСКОГО БЛОГА)
М. Д. Рыжикова 297

СОПОСТАВЛЕНИЕ СРЕДСТВ ОПИСАНИЯ ЭМОЦИЙ НА АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ И ПРОЦЕССОВ, ПРОИСХОДЯЩИХ В ОРГАНИЗМЕ ЧЕЛОВЕКА
Т. Г. Чернышова, В. О. Паршикова, С. А. Брюховецкая 300

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
ДЛЯ РЕШЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАЧ
(НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ПАССИВНОЙ ГРАММАТИКЕ)
Т. Г. Чернышова, Л. Н. Макеева 305

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ
ИДЕЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
Н. В. Арбузова 309

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ (ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ) <i>М. В. Беловенцева</i>	311
РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В РАЗВИТИИ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ <i>Т. В. Бочкарева</i>	314
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ КФУ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО (АНГЛИЙСКОГО) ЯЗЫКА (НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ «ТУРИЗМ», «БИОЛОГИЯ») <i>О. А. Васильева, И. А. Борзова</i>	317
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ <i>Е. Р. Вершицкая, Г. А. Гольдберг</i>	321
МЕТОД АССОЦИАТИВНОГО ЗАУЧИВАНИЯ ЛАТИНСКИХ СЛОВ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ <i>Л. Н. Жарко</i>	323
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТРЕНИНГ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА: МОТИВЫ, ФУНКЦИИ, СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ <i>Л. В. Кочергина, С. В. Майборода</i>	327
ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПАЦИЕНТАМИ С НАРУШЕНИЯМИ ПАМЯТИ <i>П. П. Першин</i>	332
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА <i>А. В. Романова, С. Е. Чернобай</i>	337
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗАПРЕТА <i>Е. М. Сахно, И. К. Вазиновская</i>	341
ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА СТОРИТЕЛЛИНГА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ <i>А. В. Скляренко</i>	345
ОЦЕНКА ВАРИАБЕЛЬНОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЦЕССЕ ПРОСЛУШИВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТОВ <i>Л. В. Ягенич, Т. О. Кот, О. В. Котолупова</i>	348

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- ЭЛЕМЕНТЫ ПЕРФОРМАНСНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
Т. И. Борисенко, Г. И. Сыроватская..... 353
- ОСОБЕННОСТИ НЕСТАНДАРТИЗИРОВАННЫХ ТЕСТОВЫХ
ЗАДАНИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
О. А. Асютина, И. А. Гулакова..... 357
- СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ
О. В. Исаева, Н. С. Стрембицкая 362
- ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КИНОМАТЕРИАЛА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
И. Каколири, О. А. Хорошилова..... 366
- КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ЯЗЫКЕ И ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВА-
НИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИК
А. В. Карпенко 371
- РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ГОТОВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ИЗУЧЕНИЮ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ
Т. И. Кушнарера..... 376
- ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМ-
ПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКО-
ВОМ ВУЗЕ
О. А. Мерзлякова..... 380
- ΤΑΞΙΔΕΥΟΝΤΑΣ ΠΑΡΕΑ ΜΕ ΤΟΝ ΚΑΒΑΦΗ ΓΙΑ ΤΗΝ «ΙΘΑΚΗ». ΜΙΑ
ΔΙΔΑΚΤΙΚΗ ΠΡΟΣΕΓΓΙΣΗ ΤΗΣ ΜΟΝΤΕΡΝΑΣ ΠΟΙΗΣΗΣ ΜΕΣΩ ΤΗΣ
ΔΗΜΙΟΥΡΓΙΚΗΣ ΚΑΙ ΚΡΙΤΙΚΗΣ ΑΞΙΟΠΟΙΗΣΗΣ ΤΩΝ ΤΠΕ
Δέσποινα Μέρμιγκα (Деспина Мермига) 383
- ВНЕАУДИТОРНОЕ ЧТЕНИЕ НА МЛАДШИХ КУРСАХ НЕФИЛОЛОГИЧЕ-
СКОГО БАКАЛАВРИАТА: ОТ ФОРМЫ К СОДЕРЖАНИЮ
М. В. Миколайчик..... 389
- ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ
ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИА-
ЛИСТОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА
О. Н. Никейцева..... 394

МОЛОДАЯ НАУКА

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК ПРОДУКТИВНЫЙ СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА <i>Е. А. Богославская</i>	445
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА В РОМАНЕ АЛКИ ЗЕИ «НЕВЕСТА АХИЛЛЕСА» («ΝΑΡΡΑΒΩΝΙΑΣΤΙΚΙΑ ΤΟΥ ΑΧΙΛΛΕΑ») <i>В. Н. Васько</i>	450
СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ В НОВЕЛЛЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА “THE FOX” <i>А. Ю. Иваниченко</i>	454
ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ГЕРМАНИИ <i>Е. А. Миргородская</i>	458
СТИЛЕВАЯ ЭКЛЕКТИКА В ПЬЕСЕ МАЙКА БАРТЛЕТТА «КОРОЛЬ КАРЛ III» <i>П. Ю. Нечипас</i>	461
РОЛЬ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ПРИЁМА «ТЕКСТ В ТЕКСТЕ» В ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКОЙ АНТИУТОПИИ ВЕРОНИКИ РОТ «ALLEGIANТ» <i>П. В. Петрова</i>	464
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ ДЖ. КУТЗЕЕ «ОСЕНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ» <i>А. В. Сотникова</i>	468
ЛИНГВОПОЭТИКА ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ У. Б. ЙЕЙТСА <i>К. А. Хоронская</i>	473
ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ <i>Д. А. Чумаков</i>	477
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕТЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛИЛИИ ДЖЕКсон БРАУН «КОТ, КОТОРЫЙ СМОТРЕЛ НА ЗВЕЗДЫ») <i>Э. С. Шамиева</i>	480
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	486

ОТ РЕДАКЦИИ

Целью научно-исследовательской деятельности Института иностранной филологии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» является разработка темы «Социальная и национальная вариативность языка и литературы».

Главные научные задачи, стоящие перед коллективом Института на долгосрочную перспективу, заключаются в:

- 1) разработке проблем социально обусловленной вариативности современных языков на национальном уровне по трем основным векторам:
  - функционирование языковой системы в синхронии и диахронии;
  - территориальное и социальное варьирование языков, основные проблемы лингвистики текста;
  - применение новых подходов к изучению иностранных языков в рамках формирования навыков межкультурной коммуникации в условиях российского мультикультурного сообщества;

- 2) исследовании национальных и социальных аспектов мировой литературы, а также проблем перевода.

Представленные задачи определяют в совокупности формирование исследовательских кластеров в рамках комплексной научной темы Института иностранной филологии:

- Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко;
- Социо- и психолингвистические параметры индоевропейского коммуникативного сообщества;
- Актуальные проблемы современной социолектологии и билингвизма;
- Современный литературный процесс;
- Жанровые стратегии в теории и практике перевода;
- Актуальные аспекты функциональной и прикладной лингвистики;
- Теория и практика сопоставительных исследований в лингвистике;
- Прагма- и психолингвистические аспекты коммуникативного поведения социальных групп и отдельной личности;
- Герменевтика текста;
- Лингводидактические аспекты обучения иностранному языку в ВУЗе;
- Актуальные вопросы корпусной лингвистики.

Традиционные ежегодные научные мероприятия, организуемые и проводимые Институтутом иностранной филологии, имеют целью развитие конструктивной дискуссии по актуальным вопросам социолингвистики, языкознания, литературоведения, теории перевода, классической филологии. К ним относятся:

Международный научный конгресс «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (апрель): <http://congrsin.cfuv.ru/>

Международная научно-практическая конференция «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» (апрель): <http://perevod.cfuv.ru/>

Международный научно-практический форум «Понтийские чтения: актуальные вопросы индоевропеистики и антиковедения» (май): <http://linguocultura753.cfuv.ru/>

Всероссийская научная конференция «Социофонетика и фоностилистика: от теории к практике» (июнь): <http://labov.sreadings.cfuv.ru/>

Международная междисциплинарная научная конференция «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация» (декабрь): <http://converg.cfuv.ru>

В 2019 году Институт иностранной филологии анонсирует проведение международной конференции «Computer Processing on Turkic Languages» (“Turklang 2019”, 3 – 5 октября) в сотрудничестве со Стамбульским техническим университетом, Евразийским национальным университетом им. Л. Н. Гумилёва Министерства образования и науки Республики Казахстан, Российской ассоциацией искусственного интеллекта, Академией наук Республики Татарстан, Крымским инженерно-педагогическим университетом и Крымской республиканской универсальной научной библиотекой имени И. Я. Франко.

Основная тематика научных публикаций по итогам IV Международного научного Конгресса «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» подчеркивает все возрастающий интерес международного научного сообщества к основным направлениям научно-исследовательской деятельности Института иностранной филологии ФГАОУ «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», которая характеризуется процессом совершенствования методологии исследований в сфере взаимодействия социальных, естественнонаучных, лингвистических и литературных явлений.

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

В разделе сборника «**Векторы развития филологической науки**» представлены результаты концептуальных исследований, выполненных докторами наук, профессорами, ведущими специалистами в ряде областей: социолингвистики, социофонетики, технологий обучения иностранным языкам и создания образовательной среды в вузе, концептологии, теории дискурса, корпусной лингвистики. Широкий географический охват научно-образовательных учреждений, которые представляют авторы, свидетельствует о тесном международном сотрудничестве ученых.

Направление «**Социолингвистика**» является одним из ведущих и приоритетных в научных изысканиях профессорско-преподавательского состава и обучающихся Института иностранной филологии. В настоящее время в рамках многоаспектного изучения социально обусловленной языковой вариативности исследуются актуальные проблемы социальной стратификации языка, социальные аспекты нормы, стиля и речевой ситуации, определяются базисные единицы фоностилистики и социофонетики, демонстрируется комплексная методика проведения социофонетических исследований. Вопросы теории вариативности рассматриваются в тесной связи с понятием языковой нормы. В данном сборнике представлены статьи последователей и соратников профессора А. Д. Петренко – С. Е. Перепечкиной, А. В. Пономаревой, И. В. Черныш, Н. М. Евстафьевой и А. Н. Шиманович.

По направлению «**Социофонетика и фоностилистика**» особый акцент делается на исследовании фонетико-фонологических процессов, способов

передачи данных при фонетическом анализе, функционирования языка в молодежной поликультурной среде. Важным направлением исследований является изучение фонологического аспекта функционирования национальных и региональных пиджин и креоле вариантов в синхронном и диахронном аспектах. Определение на реальном материале связей между языковыми и социальными структурами открывает возможность для решения этих проблем и выводит подобные исследования в ряд наиболее важных и актуальных для современной лингвистики. Особо значимым для направления прозвучал доклад доктора филологических наук, профессора И. Ю. Павловской «Аспекты развития фонологической компетенции у носителей идеографических языков», поскольку речь идет не просто об изучении частных фонологических явлений, а о формировании фонологической компетенции.

Доклады секции **«Индоевропеистика»** охватывают широкий спектр проблем в области как классических, так и современных языков, используя методику концептуальных исследований, когнитивный подход и узкоспециальную методику.

Секция **«Литературоведение»** объединяет различные направления и дисциплины филологической науки, под разными углами зрения изучающие современную художественную литературу в динамике ее развития. История и теория литературы, лингвокультурология, лингвопоэтика и стилистика художественного текста демонстрируют многообразие подходов к исследованию творчества писателей и поэтов, как классиков, так и современников: культурно-исторический, типологический, биографический, прагматический, социокультурный, когнитивный и др. Такая многоаспектность восприятия литературного процесса в широком контексте соотношения культуры, мышления и языка является залогом его углубленного понимания. В фокусе научных изысканий находятся дискуссионные проблемы концептуальности, мультикультуральности, интертекстуальности, игровой природы художественных произведений. Результаты исследований включают: выявление и освещение малоизученных, актуальных вопросов, касающихся определения ключевых понятий, основополагающих принципов, механизмов реализации литературных феноменов, раскрытие теоретического уровня развития этих проблем, обрисовку перспектив их дальнейшего изучения; адаптацию традиционных методик анализа художественного текста к исследованию современных, в частности постмодернистских произведений; разработку новых алгоритмов анализа, основанных на конвергенции методов различных наук (синергетического, феноменологического, семантического) для интерпретации как классической, так и недавно созданной художественной литературы, оценку эффективности предлагаемых комплексных методик. Теоретического осмысления требуют также новые тенденции развития художественной литературы – стилевая эклектика, жанровый синкретизм, размывание контраста между высокими и низкими стилями. Кроме того, актуальной задачей является раскрытие стратегий и механизмов стилевой игры, отличающейся многообразием видов, форм реализации и функций. Секционные доклады отличаются широким охватом материала (литературы стран Англии, Греции, Германии, США и Новой Зеландии).

Тематика исследований, результаты которых представлены в секции **«Языкознание»**, отражает междисциплинарный подход, свойственный науке на со-

временном этапе ее развития. Языкознание как наука о языке становится сферой для выдвижения и апробации многочисленных конвергентных идей, объединяющих различные взгляды и теории не только в рамках собственно языкознания, но и других наук. Языкознание выступает как центральная наука среди семиотических дисциплин, исследуя всевозможные виды и способы коммуникации посредством различных текстов. Антропоцентрический характер языкознания определяет его междисциплинарный характер на стыке исследований в области философии, психологии, педагогики, социологии, истории, биологии, физики, математики и других наук. Представленные исследования отражают прямую связь развития и изменения языка с жизнедеятельностью человека, а также эволюцией общества, они касаются различных проблем лингвистики: язык и сознание, публицистика, философско-религиозный контекст религиозного текста, сравнительный анализ, семантика, лексикология, лексикография, фразеология и др. Большой интерес представляют работы иностранных авторов о специфике функционирования современного русского языка.

Ряд статей носят прикладной характер. Так, представлены работы направления **«Коммуникативистика»**, которые в качестве предмета научного изучения избрали современное коммуникативное пространство, характеризующееся виртуализацией, усложнением контактов между людьми, глобализацией, появлением новых коммуникативных форматов, изменением статуса речевой коммуникации и другими процессами. Особый интерес представляет выявление роли социолингвистических факторов коммуникации.

Работы в рамках направления **«Прагмалингвистика»** отражают тенденцию к антропоцентричности, свойственную всем современным научным исследованиям: рассматривается речевое воздействие как важный фактор человеческого общения, прагматического воздействия. В контексте заявленной тематики прагмалингвистика представляет собой междисциплинарную область, в рамках которой пересекаются логико-философские, социо-психолингвистические, стилистические и этнографические направления. Доклады затрагивают новейшие области прагмалингвистики: особенности осуществления проектной деятельности, методы формирования инновационных идей в обучении иностранному языку, принципы формирования мотивации обучающихся и современные эффективные методы обучения иностранным языкам.

Секция **«Лингводидактика»** объединяет работы в области вышеназванной интегративной науки, предлагающей описание механизмов усвоения языка и специфики управления этими механизмами в учебных условиях. Лингводидактика призвана отвечать новым вызовам, охватывать все новые направления педагогической реальности. Основные векторы, возникшие в лингводидактике в XXI столетии, связаны с внедрением компетентностного подхода в образовании и стремительным развитием технологий, имеющих потенциал для повышения эффективности обучения языкам. Авторы работ, представленных в секции, направляют свои исследования на изучение тенденций, влияющих на образовательную среду вуза, и решение проблем, стоящих перед современным преподавателем иностранного языка. В представленных статьях на материалах английского, греческого и французского языков затронуты ключевые вопросы современного образования: формирование олимпиадной компетенции, коммуникативной компетенции, а так-

же межкультурной коммуникативной компетенции, современные методики разработки тестовых заданий, особенности практико-ориентированной подготовки специалистов и мотивации обучающихся.

В 2018г. впервые введена в работу секция **«Корпусная лингвистика»**, сформированная в рамках кластера **«Актуальные вопросы корпусной лингвистики»**. Корпусная лингвистика нацелена на разработку текстовых корпусов (т.е. электронного собрания текстов на данном языке). Они могут быть использованы как для разработки корпусных грамматик (наиболее популярные на сегодняшний день COBUILD Grammar, LSWE Corpus, содержащие десятки тысяч примеров различной регистровой принадлежности), так и в виде параллельных корпусов для создания систем машинного перевода на базе технологии нейронных сетей (чем, как известно, последние годы занимается компания Google). Корпусные описания отражают реальный язык в том виде, в котором он представлен в типичных речевых высказываниях, составляющих естественную информационную среду современного человека. В России в настоящее время создается корпусная грамматика русского языка на основе Национального корпуса русского языка. Для тюркских языков корпусные грамматики еще не созданы, соответственно, весьма актуальными являются теоретические положения и эмпирические данные, представленные в статьях секции. По вопросам корпусной лингвистики Институт иностранной филологии сотрудничает со Стамбульским техническим университетом (Стамбул, Турция), с НИИ «Прикладная семиотика» Академии наук Татарстана, Евразийским национальным университетом им. В.И. Гумилева (Астана, Казахстан). По данному направлению 3 – 5 октября 2019 г. на базе Института иностранной филологии пройдет очередная Международная конференции «Computer Processing on Turkic Languages» (“Turklang 2019”).

Направление **«Библиотечное обслуживание»** отражает результаты научно-исследовательской деятельности крымских библиотек в рамках фундаментальной научной темы Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко» (директор – Е. В. Ясинова). Библиотеки выполняют важнейшие социальные и коммуникативные функции, являются одним из базовых элементов культурной, образовательной и информационной инфраструктуры республики, вносят весомый вклад в экономическое развитие Крыма. Услуги, предоставляемые библиотеками гражданам Крыма, являются одним из факторов поддержки государственной социально-экономической политики, способствуют образованию и культурному развитию граждан. Основная цель проводимой научной деятельности – определение перспективных и стратегических направлений, целей и задач развития библиотечного дела в Крыму, создание механизмов превращения библиотек в современный, культурный, информационный, интеллектуальный и просветительский ресурс развития. Тематика работ, вошедших в сборник, напрямую связана с внедрением проектной деятельности и игровых технологий в процесс работы современных библиотек.

Сборник также включает самостоятельные исследования обучающихся, представленные в секции **«Молодая наука»**. Вовлечение студентов в исследовательскую работу позволяет обеспечить преемственность в развитии научных концепций и активизировать потенциал молодежи.

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 811.12

СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ)

А. Э. Левицкий¹, К. Э. Погосян²,

¹ доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

² обучающаяся факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Статья посвящена выявлению полевой структуры репрезентации номинаций транспортного средства в русском, английском и японском языках. Материалом послужили лексикографические данные русского, английского и японского языков. Отмечены значительные расхождения в вербальных репрезентациях информации о транспортных средствах в соответствующих лингвокультурах. Данные алломорфные черты свидетельствуют о важности идеоэтнического в семантике средств номинации действительности, в то время, как изоморфные – о главенстве глобального начала для современного мира.

Ключевые слова: лексическая семантика, вербализация, информация, лингвокультура, транспортное средство.

Summary. The article deals with the representation of field approach to structuring lexical units designating the vehicle in Russian, English and Japanese. The results of the comparative research reveal mental representations of Russian, English and Japanese. The resources applied include dictionaries of Russian, English and Japanese. Certain diversities in the verbal representations represent information related to verbal representation of information on vehicle in the linguocultures under comparison. Allomorphic features testify to the importance of idioethnic in the semantics of the phenomena, which mean reality, while isomorphic features reveal the priority of Global trends in the present-day world.

Key words: lexical semantics, verbalization, information, linguoculture, vehicle.

В ряде современных лингвистических исследований внимание уделяется особенностям семантики лексических единиц в сопоставительном аспекте (см., напр., [1], [3]). Такой подход позволяет раскрыть лингвокультурологические особенности семантики данных единиц номинации и их роль в функционировании определенной лингвокультуры (см., напр., [2], [4], [5], [6], [7]).

Целью данной статьи и является структуризация лексических единиц, называющих транспортные средства в русском, английском и японском языках.

Исследование выполнено на лексикографическом материале с применением методов анализа словарных дефиниций, сравнительного, полевого и семантического анализа.

Ядерная зона. При семантическом анализе лексическая единица может быть исследована в рамках определенного контекста, либо как составная лек-

сико-семантического поля. По этой причине для данного исследования решено рассмотреть лексические единицы как элемент лексико-семантического поля «транспортное средство». Данный вид анализа позволяет выявить особенности в развитии значения одного и того же слова в разных языках при их сопоставлении, а также проследить особенности восприятия мира через семантику номинаций транспортных средств в пределах определённой лингвокультуры.

Для определения толкования лексем был выбран метод дефиниционного анализа по толковым словарям русского, английского и японского языков. Поскольку основным элементом исследования является феномен «транспортное средство», изначально определена семантика данного явления в рамках трёх сопоставляемых лингвокультур. В толковых словарях русского языка найдено определение слова «транспорт». Так, большой толковый словарь С. А. Кузнецова характеризует данное слово как «*отрасль народного хозяйства, связанную с перевозкой людей или грузов; тот или иной вид перевозочных средств*» [5].

В толковом словаре английского языка обнаружено два слова, описание которых отражает первоначальную цель средств передвижения: *transport* и *vehicle*. Лексема *transport*, как и в русском языке, имеет латинский корень и образована от латинского глагола *transportare*, что переводится как «*переносить, перевозить*». Данная языковая единица трактуется в словаре как «*система транспортных средств, таких как автобусы, поезда, самолеты для передвижения из одного места в другое*» [8]. Лексема *vehicle* произошла от латинского *vehiculum* – *повозка* и обозначается как «*машина, обычно с колёсами и двигателем, предназначенная для транспортировки людей и грузов по земле, особенно на дорогах*» [8].

Из словаря японского языка было отобрано четыре слова как вербализаторы понятия о транспортных средствах. Первое слово 交通 [*ko:tsu:*] состоит из двух иероглифов: 交 [*ko:*] или [*kawasu*] – «*пересекаться, чередоваться, обмениваться*» и 通 [*tsu:*] или [*to:ru*] – «*ходить туда и обратно, циркулировать*» [9]. В русском языке данное слово соответствует *дорожному движению, транспорту*. В толковом словаре оно описывается как «*человек или транспортное средство, предназначенное для движения туда и обратно по определенному маршруту*» [9]. Упоминание человека в семантике данного слова становится интересным, поскольку можно предположить, что в Японии человек, управляющий транспортом, прежде также считался средством передвижения или же его частью. Второе слово, относящиеся к понятию транспорта, похоже по своему звучанию и строению на первое. К уже известной лексеме 交通 [*ko:tsu:*] прибавляется новая – 機関 [*kikan*], что означает «*мотор, двигатель, машина*», где 機 [*ki*] – *механизм*, а 関 [*kan*] или [*seki*] – *связь, барьер*. Вместе путем словосложения они образуют новую лексическую единицу – 交通機関 [*ko:tsu:kikan*], означающую *транспортное средство, средство сообщения* [9]. Следующее слово – это 乗り物 [*norimono*] – *транспортное средство, средство передвижения*, в котором 乗る [*noru*] – *садиться (в транспорт)*, а 物 [*mono*] – *вещь, предмет*. В толковом словаре описывается как средство для перевозки людей [9]. Четвертое слово состоит всего из одного иероглифа 車 [*sha*] или [*kuruma*], означающего *колесо, телегу, машину или колесное транспортное средство*. В словаре

найденое следующее толкование данного слова: *транспортное средство на колесах, созданное для передвижения* [9].

Таким образом, исследовав семантику понятия транспортного средства в трех сопоставляемых языках, можно сделать вывод, что народы, относящиеся к данным лингвокультурам имеют относительно схожее представление о транспортных средствах. В трёх лингвокультурах транспорт является средством для перевозки людей или грузов. Далее в исследовании рассматриваются лексемы, входящие в лексико-семантическое поле «транспортное средство», а именно, имеющие в своем значении сему «*устройство, предназначенное для передвижения или перевозки людей или грузов*», что входит в ядро данного поля.

В русском языке автомобиль – это «*транспортное средство на колесном (реже полугусеничном или другом) ходу с собственным двигателем для перевозок по безрельсовым путям*» [5]. Для обозначения этого вида транспорта существуют также слова *автомашина* и *машина*. В английском языке существует наибольшее количество лексем, которыми можно назвать один и тот же транспорт. Так, для описания автомобиля используют чаще всего лексему *car* со значением «*дорожный транспорт с четырьмя колесами, двигателем и сиденьями для небольшого количества людей*» [8]. Вместо данной языковой единицы можно также использовать такие слова, как *auto, automobile, motor, motor car*.

В японском языке было обнаружено слово 車 [*kuruma*], которое чаще всего используется для обозначения «*транспорта, созданного для передвижения на колёсах*» [9]. Таким образом, данная лексическая единица может одновременно обозначать не только *автомобиль*, но и *телегу, повозку, рикшу, грузовик* [9]. Второе слово обозначает только автомобиль — 自動車 [*jido:sha*]. Иными словами, оно означает «*транспорт, передвигающийся без рельсов и проводов при помощи двигателя*», однако используется оно намного реже [9].

Лексемы *plane, airplane, aeroplane, aircraft* также относятся к ядерной зоне лексико-семантического поля «транспортное средство» в английском языке [9]. Данная лексема описывается как «*транспорт, предназначенный для путешествий по воздуху с крыльями и одним или несколькими двигателями*». В японском языке существуют наименования 飛行機 [*hiko:ki*] и 航空機 [*ko:ku:ki*], которые описываются в качестве «*общего названия любого транспортного средства с пассажирами на борту и передвигающегося по воздуху*» [9].

В русском языке существуют такие единицы наименования как *самолёт* и *аэроплан*, словарные значения которых не позволяют точно понять, можно ли отнести данные лексемы в ядерную зону лексико-семантического поля «транспортное средство». В толковых словарях обнаружено следующее описание – «*летательный аппарат тяжелее воздуха с силовой установкой и крылом, создающим подъёмную силу*» [5]. Отсюда следует, что толкование данного слова передаёт прямое назначение какого-либо транспортного средства. Однако, существуют также такие наименования как *лайнёр* и *авиалайнёр*, которые могут быть определены в ядерную зону, поскольку описываются как «*большой пассажирский рейсовый самолёт*» [5].

Словарная единица *ship* описывается в словарях английского языка в качестве «*большой лодки для транспортировки пассажиров или груза по морю*» [9]. В японском языке лексема 船 [*funē*] имеет толкование «*транспортное средство для перевозки людей и грузов по воде*» [9]. В русском языке наименования корабль недостаточно, чтобы определить изначальную цель транспорта, поскольку трактуется как «*морское судно*» [5]. Если принять во внимание лексему судно, то получаем «*плавучее транспортное средство для перевозки людей и грузов для военных целей, водного промысла, спортивных состязаний*» [5]. Стоит сказать, что значение слова все равно остается немного неясным. Возможно, в понимании носителей русского языка корабль имеет своей целью военные действия или торговлю.

Таким образом, в наименовании транспортных средств лексическая единица, означающая одно и то же транспортное средство, может передавать разное представление о действительности у разных народов, как в примере с кораблем, что может привести к некоторым трудностям при взаимодействии друг с другом.

Периферийная зона. В структуре любого лексико-семантического поля существует также периферийная зона. Как правило, данное понятие относится к семантике того или иного слова, но при этом имеет более расплывчатый, неясный образ и не передает прямого значения. Для проведения данного исследования также было решено взять за основу анализ словарных дефиниций. Тем не менее следующие лексические единицы не обязательно имеют в своём значении сему «*устройство, предназначенное для передвижения или перевозки людей, или грузов*». Определение дефиниций зависит от назначения транспортного средства и его изначальной цели.

Для проведения данного исследования было решено рассмотреть имеющиеся виды транспортных средств и разделить их по типам. В ходе рассмотрения лексики, выбранной из толковых словарей методом сплошной выборки, согласно семантике номинации, транспортные средства были распределены по следующим типам: наземный транспорт; автомобильный транспорт; грузовой транспорт; общественный транспорт; железнодорожный транспорт; подземный транспорт; водный транспорт; воздушный транспорт; санитарный транспорт; военный транспорт; гужевой транспорт; космический транспорт.

Выводы. Итак, выделение лексических единиц, обозначающих транспортные средства в русском, английском и японском языках, позволило нам сгруппировать их в рамках семантического поля с ядерной и периферийной зонами на основе особенностей семантики. Наибольшее количество лексем, определяющих транспортное средство, было найдено в японском языке – 85. Это связано с тем, что в японском языке существует как исконное слово, так и заимствованное в большинстве случаев. В английском языке найдено 79 лексических единиц, а в русском – 76.

Сначала лексические единицы были отобраны из толковых словарей, затем было решено разобрать каждое толкование по отдельности и определить, какие лексемы относятся к ядерной зоне лексико-семантического поля «транспортное средство» на основании семантического анализа. Иными словами, они имеют в своём значении сему «транспорт, предназначенный

для перевозки пассажиров». Остальные лексемы относятся к периферийной зоне лексико-семантического поля «транспортное средство», потому что имеют изначально другую цель. К периферийной зоне относятся наземные, военные и грузовые транспортные средства.

Список использованных источников

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. 254 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: РУДН, 1997. 331 с.
3. Кошечая И. Г., Дубовский Ю. А. Сравнительная типология английского и русского языков. Минск, 1980. 270 с.
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
5. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Маслова В. А., Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.
7. Шейгал Е. И., Буряковская В. А. Лингвокультурология: языковая репрезентация этноса. Волгоград: Перемена, 2002. 178 с.
8. Deuter M., Bradbery J., Turnbull. J. Oxford Advanced Learner's Dictionary (9th edition). Oxford University Press: Verlag GmbH, 2014. 1869 с.
9. 日本国語大辞典 / 小学館国語辞典編集部編集精選版. — 第二版. — 3冊. — 東京: 小学館. [Электронный ресурс] // Большой словарь японского языка. — 2006. — Режим доступа: <http://arch.casio.jp/exword/products/XD-GP6900/> (дата обращения 17.01.2019).

УДК 811.34-282

АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У НОСИТЕЛЕЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ

И. Ю. Павловская,

*доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы многоязычия в фонетико-фонологическом аспекте на фоне столкновения фонографических и идеографических языков, а именно, английского, русского и китайского. Привлекаются данные последних разработок Совета Европы, в частности добавление дескрипторов фонологической и плюрикультурной компетенции (*The CEFR Companion Volume 2018*). Цель работы: изучить социальную и лингвистическую обстановку при тесном контакте западных и восточных культур на современном пространстве. Задачи настоящей статьи: провести эксперимент на восприятие плюрилингвальных стимулов и определить пути развития фонетико-фонологической компетенции у носителей идеографических языков. Приведены результаты экспериментального исследования по восприятию стимулов трех языков носителями китайского языка. Предложена педагогическая модель обучения фонографическому языку носителей идеографических язы-

КОВ.

Ключевые слова: фонографические языки, идеографические языки, фонологическая компетенция, плюрилингвальная компетенция, модель обучения, эксперимент на восприятие.

Summary. The article deals with the issues of multilingualism in phonetic-phonological aspect against the background of the collision of phonographic and ideographic languages, namely, English, Russian and Chinese. Data from the latest developments of the Council of Europe, in particular the addition of descriptors of phonological and pluricultural competence (*The CEFR Companion Volume 2018*) are involved. Purpose of the research: to study the social and linguistic situation in close contact of Western and Eastern cultures in the modern space. Objectives of this article: to conduct an experiment on the perception of plurilingual stimuli and to determine the ways of development of phonetic-phonological competence in native speakers of ideographic languages. The results of an experimental study on the perception of stimuli of three languages by native Chinese speakers are presented. A pedagogical model of teaching photographic language to ideographic language speakers is proposed.

Key words: phonographic languages, ideographic languages, phonological competence, plurilingual competence, learning model, perception experiment.

«Предсказуем исход, и жрецы от прогнозов устали,
Но строителям всё же надеяться не перестать,
Чтобы стала земля, как когда-то, одними устами,
И единым нареием полнились эти уста.»

Ирина Кузнецова 17
Этеманки С. И. Богданову. 2017

В эпиграфе к статье использован образ Вавилонской башни. Это всем известный символ многоязычия, возникшего как наказание людям за честолюбивые порывы возвыситься до небес. Но Вавилонская башня еще и символ вечного строительства. Её прообраз – зиккурат Этеменанки в Вавилоне, который существовал уже в конце второго тысячелетия до н. э. Башня разрушалась и реконструировалась несколько раз. Последняя и самая крупная перестройка была произведена во второй половине 7 в. до н.э. Тогда башня поднялась на недостижимую ранее высоту — 91 метр. На вершине находился храм с золотой статуей божества. В эллинистический период башня была разобрана, а из её кирпичей построен театр.

Именно в таком символическом значении образ Вавилонской башни был некоторое время эмблемой Филологического факультета СПбГУ. Именно в таком смысле было написано стихотворение Ирины Георгиевны Большаковой (Кузнецовой), бывшей аспирантки автора настоящей статьи, безвременно ушедшей от нас совсем недавно.

По преданию пока камни и стройматериалы поднимали наверх по стропилам, многие из них падали, причем падали не только камни, но и люди, каменщики, но если падение камня рассматривалось как трагедия, то падение человека – как рядовое событие. Наше время заставляет нас собирать камни — остатки разрушающейся башни нашего образования.

Но вернемся к идее Вавилонской башни как начала разделения языков, многоязычие или плурилингвализма. Крым – безусловно, пример Вавилонского столпотворения. Название Конгресса тому подтверждение – социальная и национальная вариативность проявляется в Крыму пышно и замысловато. Далеко не полный список существующих или существовавших на его территории языков включает великорусский, малорусский, татарский, немецкий, еврейский, греческий, армянский, болгарский, польский, эстонский, крымчакский (крымско-татарский), киммерийский, белорусский, турецкий, чешский, итальянский, цыганский. И это далеко не полный список.

Можно говорить об уникальности языковой ситуации в Крыму. Но что же происходит в европейской части нашей страны, в таком относительно монолингвальном городе как Санкт-Петербург? Лицо города меняется, и под лицом я имею в виду человеческое лицо – например, все чаще встречающийся сино-тибетский фенотип – и звуковой фон. Один из самых быстрорастущих секторов населения в Санкт-Петербурге – это китайцы. По официальным данным примерная численность китайцев в городе составляет 5000—10 000 человек. (Для сравнения: в середине прошлого века проживало около 500 китайцев.) Около 70 % из них является студентами петербургских вузов. Китайцы чаще всего занимаются бизнесом; также популярными профессиями у китайцев являются социология, экономика и дизайн. В 2007 году при поддержке Китая свою работу начала частная школа «Класс Конфуция». В Петербурге раз в неделю выходит китайская газета «Лун Бао», которая пишет о жизни китайской диаспоры. Во дворе филфака СПбГУ есть памятник Конфуцию и Центр изучения Китая. Сайт СПбГУ оформлен на русском, китайском и английском языках. Во всех университетских компьютерах есть китайский шрифт. В аэропорту «Пулково» объявления даются на русском, китайском и английском.

Хотя китайцы традиционно исповедуют буддизм, даосизм и конфуцианство, большинство из приезжих неверующие. В городе действуют примерно 45 ресторанов китайской кухни, также есть клубы китайской культуры и школы. Китай играет сегодня видную роль в инвестициях Санкт-Петербурга. За последние 5 лет китайцами было вложено в город более 5 миллионов долларов. Самым крупным проектом является «Балтийская жемчужина» — жилой квартал на 35 тысяч человек, крупнейший в России китайский инвестиционный проект.

В перспективе ожидается, что к 2030-м годам трудовые ресурсы Средней Азии закончатся, и, по наибольшей вероятности, нишу трудовых мигрантов вместо узбеков и таджиков начнут массово занимать китайцы. Поэтому нам, лингвистам и фонетистам, стоит задуматься, а что же произойдет при этом на языковом ландшафте города и страны.

Одной из общественных проблем китайской диаспоры является языковой барьер, так как китайцам крайне трудно даётся изучение русского языка ввиду слишком больших различий в построении языков. Трудности эти порождаются скорее образом мысли, а не невозможностью освоить структуру и правила русского языка. А дух народа порождается в свою очередь языком народа. Китайский язык принадлежит к идеографическим языкам, русский, также как и другие европейские языки – к фонографическим.

Изучение эволюции письма привело многих ученых, как отечественных, так и зарубежных, к схожему пониманию типологии языков по отношению к графическому знаку [6, 1, 9]. При этом первичность звукового языка по отношению к графическому никем не оспаривалась.

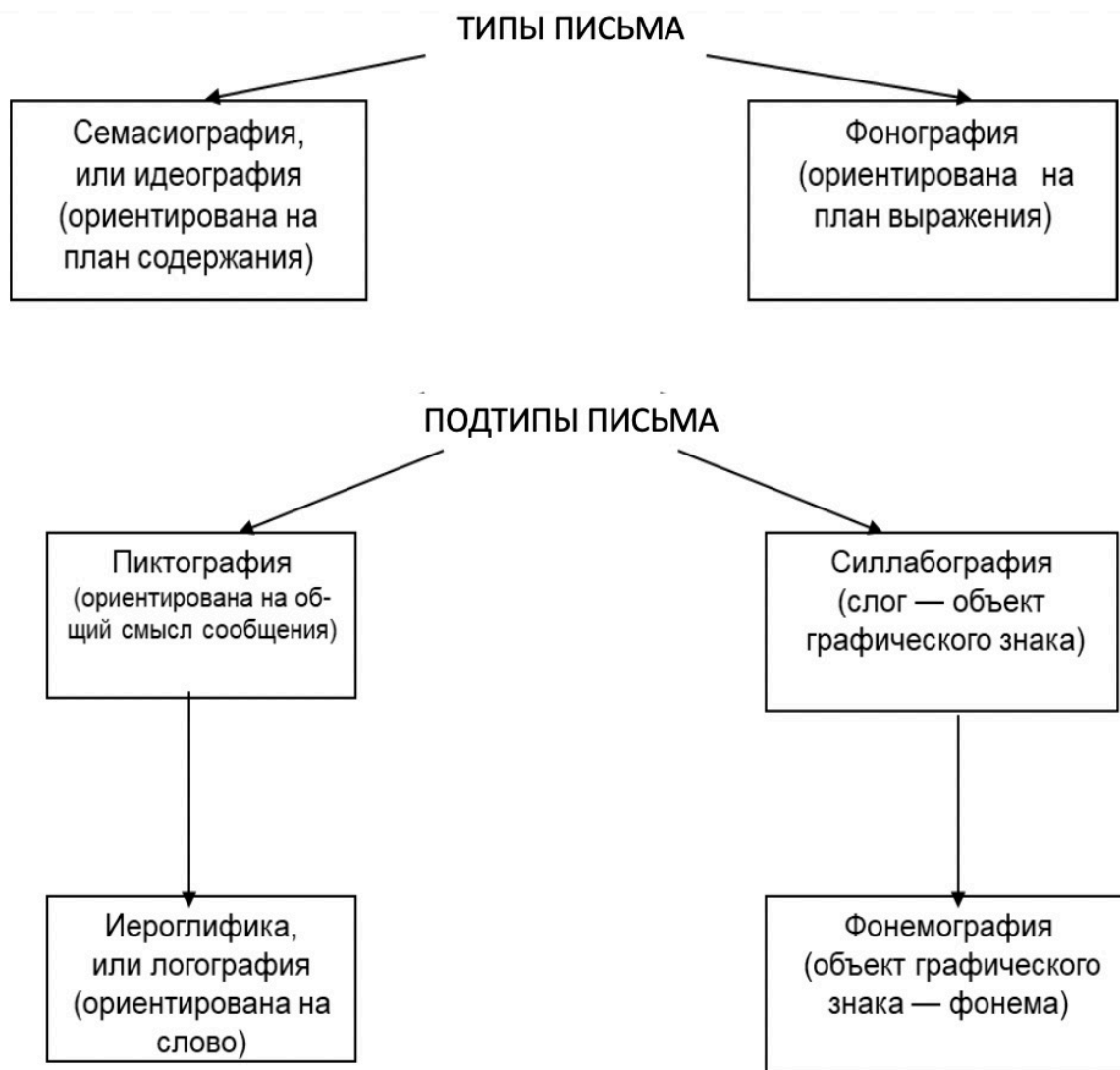

Рис. 1. Типы письма и подтипы письма [9, с. 2].

В схеме на Рис. 1 хорошо прослеживается правый вертикальный ряд. Он визуален – от конкретных рисунков до условных графических знаков, от конкретики к абстракции, от мотивированных изображений к условным. Гораздо реже прослеживают такую же последовательность в левом вертикальном ряду (звуковом) – от мотивированного знака до условного, от подражания звуком звуку (ономатопея) и не звуку (звукосимволизм) к денатурализованному слову абстрактной системы языка. Эти вопросы рассматривает фоносемантика [3].

Идеографическое письмо возникает в период образования древнейших государств, в тот момент, когда возникает необходимость зафиксировать сообщение для передачи его во времени и в пространстве. Сначала рисунком, пиктограммой. В тот момент, когда пиктограмма приобретает символический характер, из пиктографии рождается идеография. Становление китайских

иероглифов относится примерно к III тысячелетию до н.э. При идеографии увеличивается количество знаков, меняется, становится более упрощенным и условным их начертание, происходит закрепление формы знаков. Для отвлеченных или сложных понятий китайцы начали соединять простейшие иероглифы и таким образом получали необходимое значение. Например, два дерева, нарисованные рядом, обозначали рощу, а три – лес. (Прием итерации использовался также и в фонографических языках. Так, повтор слога мог означать множественное число). Новые понятия отображались уже не новыми пиктограммами, а сочетанием «ключей» и «фонетиков». Первая часть сложного иероглифа (ключ) раскрывала смысл слова, а вторая – звуковая часть (фонетик) указывала, как надо произносить слово. Тем не менее, количество иероглифов в китайском языке огромно и достигает по некоторым данным 50 тысяч. Кроме того, каждый иероглиф, произнесенный четырьмя разными тонами, будет давать разные значения.

Следует заметить, что иероглифическое письмо отличается от алфавитного не только формой или степенью сложности отдельных знаков. Когда носитель фонографического языка видит какую-то надпись, ему хочется ее прочесть, то есть озвучить, вслух или про себя. У китайца же нет такой необходимости, да нет и возможности, поскольку один и тот же иероглиф или сочетание иероглифов будет звучать по-разному в разных диалектах. Да ему и не надо его озвучивать. Грамотный китаец – это не тот, кто умеет переводить визуальный код в звуковой, а тот, кто за визуальным кодом осознает суть.

Так, на рис. 2 первые четыре иероглифа означают «богиня горы». Будут ли они звучать как *Тай Шань нянь нянь нянь* или иначе, не имеет большого значения. Важно другое – тот образ, который встает в голове китайца, смотрящего на эти иероглифы. «Богиня горы» – это символ плодородия, многоплодия, а значит женского начала. Она – чадоподательница. Кроме того, это совершенно определенная богиня, со своей родословной, дочь известного бога, Владыки Восточного пика, а он управляет царством мертвых.

Рис. 2.

Далее в эволюции идеографических языков начинается очень интересный процесс. С одной стороны, народы, упав с вавилонской башни, стали говорить на разных языках, и это есть «диверсификация», но, с другой стороны, они же все-таки

поднялись, и опять полезли на эту башню, и снова смешались – и это есть «конвергенция». Попытаемся доказать это на примере китайского языка и его фонетического строя.

Все мы, филологи, преподаватели иностранных языков и литератур, прекрасно знаем, что такое транскрипция, или МФА (IPA). Современная форма фонетического письма была инициирована Полем Пасси на конгрессе учителей французского языка в 1886 году. Тогда же ассоциацию переименовали в IPA (International Phonetic Association), аналогично аббревиатуре универсальной системы одно-однозначного соответствия звуков и письменных знаков. Но эта система для европейцев. Все, кто стоял у истоков – европейцы, поэтому в основе – латиница. Не прошла ни система Генри Свита, ни система Александра Мелвилла Белла, отца изобретателя телефона, более сложная, но визуально-ориентированная на условное обозначение полости рта, языка, губ, изначально созданная для глухих.

И это почти идеограммы, но не смысла, а звука. При этом восточные языки остались за пределами внимания фонетистов. Их как бы нет? Но там же идеография! Как ее можно транскрибировать, как транскрибировать идею?

Но ситуация была исправлена самими китайцами. Появился Пиньинь (кит. 拼音, pīnyīn; более официально: 汉语拼音, Hànyǔ pīnyīn, Ханьюй пиньинь, то есть «Запись звуков китайского языка») — система романизации для путунхуа, или запись латиницей китайских слогов. Это революционный поворот в истории китайской письменности. Китайцы по собственной инициативе перешли от идеографии к фонографии.

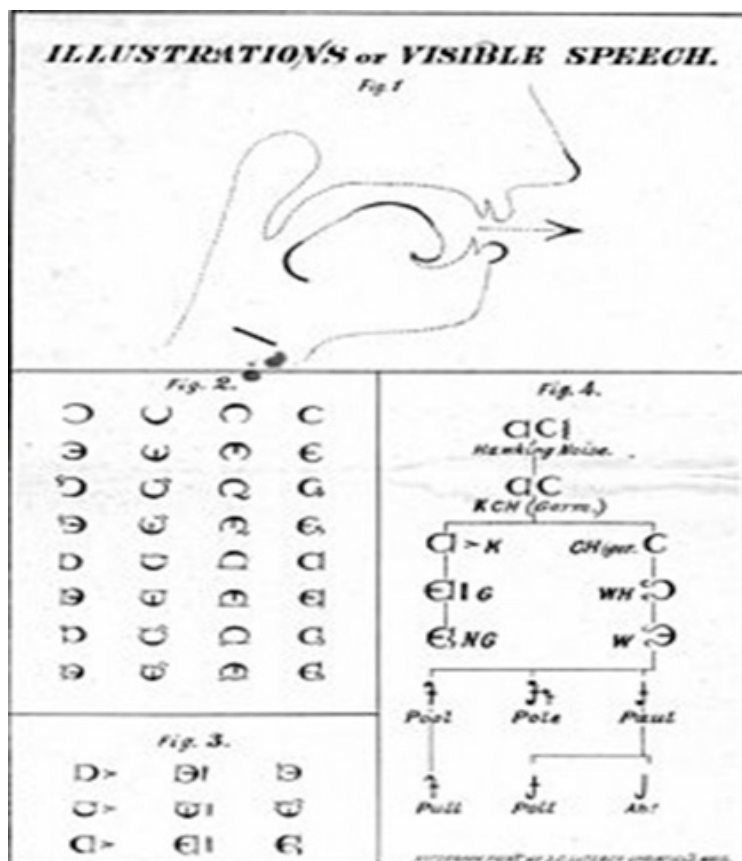

Рис. 3. Иконическая транскрипция Александра Мелвилла Белла.

Пиньинь был принят в 1958 году, автором пиньинь является Чжоу Юган. С 1979 года пиньинь используется во всём мире в качестве официальной

латинской транскрипции. Обозначение тонов в пиньине предусмотрено с помощью надстрочных знаков. Обычно их пишут только в учебной литературе. В словарях номер тона иногда указывается за словом, записанным пиньинем, например: dong2 или dong² (= dǒng).

В озвученной таблице пиньин [13] не только представлены все слоги китайского языка, но учтена фонотактика путунхуа – сочетания трех элементов в одном слоге – инициали, медиали и финали. Далекое не любое сочетание возможно, отсюда и известные трудности в произношении у китайцев [11]:

1. Главным приоритетом для китайского учащегося является обучение произношению сонорных звуков в конце слова (team, animal, onion).

2. Вторая проблема для носителей китайского языка – произносить комбинации смычных взрывных согласных+сонантов в начале слов или слогов (blind, play, little). Такие силлабические структуры не существуют на китайском языке, и учащиеся вставляют интервокальный нейтральный гласный («шва»).

3. Для китайцев проблематично правильно образовать английские дифтонги. Гласная часть слога, или финаль, в китайском языке может быть выражена монофтонгом, дифтонгом или трифтонгом. Несмотря на большое количество дифтонгов и трифтонгов в китайском языке, это не помогает, потому что соединение гласных элементов (ядра и глайда) в дифтонгах происходит по определенным правилам. В русском языке нет дифтонгов, но обычно таких проблем не возникает, потому что гласные элементы в русском языке следуют друг за другом неограниченным образом. Хотя учителю приходится подчеркивать восходящий характер английского дифтонга (скольжения не силлабические).

4. В начале слов китайцы не различают звонкие и глухие согласные.

5. В китайском языке, как и в русском, нет таких согласных, как /w/ губно-губной, /h/ фарингальный, /θ/ дентальные звонкий и глухой, и учащиеся должны к ним привыкнуть.

6. Китайские учащиеся не различают /r/ - /l/.

7. В системе интонации много общего, китайские тоны имеют очень похожие аналоги среди английских интонационных контуров [4, 10].

В документе Совета Европы *The CEFR Companion Volume with new descriptors* [8] фонологическая компетенция очень подробно описана с трех позиций – а) общего владения произношением, б) реализации индивидуальных звуков и в) просодических характеристик. Но опять же, это делается без учета идеографических, логографических языков. Чтобы восполнить этот пробел в соответствующих странах создаются дополнительные дескрипторы. Так, в Японии создана система CEFR- J для обучения 28 языкам. Носители китайского языка переосмысливают дескрипторы CEFR через пиньинь.

Есть еще одна важная инновация в упомянутом документе – дескриптор восприятия с учетом плюрилингвальной компетенции «Building on plurilingual repertoire» – и здесь могут прекрасно ужиться любые языки. Приведу примеры дескрипторов для уровней A2 и B2 (автоматический перевод с помощью Yandex):

«B2

Может определить, в какой степени целесообразно гибко использовать

различные языки в его / ее многоязычном репертуаре в конкретной ситуации, с тем чтобы повысить эффективность коммуникации.

Может эффективно чередовать языки в его / ее многоязычном репертуаре, чтобы облегчить понимание с третьими сторонами, у которых нет общего языка.

Может ввести в высказывание выражение из другого языка в его / ее многоязычном репертуаре, которое особенно подходит для обсуждаемой ситуации/концепции, объясняя ее для собеседника, когда это необходимо. Может чередоваться между языками в его / ее многоязычном репертуаре с целью передачи специализированной информации и вопросов по интересующей его теме различным собеседникам. Может использовать различные языки в своем многоязычном репертуаре во время совместного взаимодействия, чтобы уточнить характер задачи, основные шаги, решения, которые необходимо принять, ожидаемые результаты. Может использовать разные языки в своем многоязычном репертуаре, чтобы побудить других людей использовать язык, на котором они чувствуют себя более комфортно».

«А2

Может мобилизовать свой ограниченный репертуар на разных языках, чтобы объяснить проблему или попросить о помощи или разъяснении. Может использовать слова и фразы из разных языков в своем многоязычном репертуаре для проведения простой, практической транзакции или обмена информацией. Может использовать слово из другого языка в своем многоязычном репертуаре, чтобы сделать его / ее понятным в рутинной повседневной ситуации, когда он/она не может придумать адекватного выражения в языке, на котором говорят» [8, с. 159–162].

Однако, ни в одном плюрилингвальном дескрипторе не описано расширение фонетического репертуара и свободного обращения с ним.

Обучение иностранной фонетике, в частности, обучение носителей идеографического языка фонографическому языку, на наш взгляд, будет эффективнее, если применить следующую модель обучения:

- 1) начинать с перцепции, а не с продукции звуковой стороны языка;
- 2) начинать сверху вниз: от фразы – к слову, и только на последнем этапе переходить к сегменту, будь то фонема или слог [12, 7, 11, 10].

С целью проверки этой гипотезы нами был проведен эксперимент на восприятие трех языков (английского, китайского и русского) на средней из упомянутых ступеней – на уровне слова.

В качестве стимульного материала были отобраны квазиомофоны этих трех языков – очень похожие звучащие слова. Всего отобрано 54 стимула, начитанные мужским и женским голосом на русском, английском и китайском языках носителями этих языков. Стимулы предъявлены в случайном порядке. Было проведено 2 серии экспериментов.

В первой участвовало 16 студентов-китайцев 1 курса СПбГУ (при 2 кратном повторении стимулов двумя голосами (мужским и женским) подряд). Вторая серия эксперимента проводилась со студентами 3 курса при однократном предъявлении стимулов в случайном порядке.

По первой серии эксперимента мы получили следующие результаты.

Русский язык		Английский язык		Китайский язык	
стимул	правильное опознание %	стимул с транскрипцией	Правильное опознание %	Стимул в пиньинь	Правильное опознание %
Пин	25	Pin /pɪn/	100	pīn	100
Лань	50	Line /laɪn/	88	lán	100
Хай	0	Hi /haɪ/	69	hǎi	100
Янь	81	Young /jʌŋ/	75	yáng	99
Вай!(«вай , вай!» междометие)	50	Why /waɪ/	93	wài	50
Во! (междометие)	56	Waugh /wo:/ (Фамилия писателя)	44	wǒ	99
Даун	19	Down /daʊn/	71	dàng	81
Я	75	Ya /jə/	6	yà	37
Па (сокр. Папа)	12	Pa(papa) /pa:/	38	pā	88
Мен (Род. падеж от «мена»)	19	Men /men/	44	mén	80
Ай!	19	Eye /aɪ/	94	ài	69
Мин (Род. падеж от «мина»)	44	Mean /mi:n/	38	míng	94
Мы	99	Me /mi:/	44	mèi	31
Ты	100	Tea /ti:/	81	tī	99
Вен (род. падеж от «вена»)	56	When /wen/	88	wèn	99
Лай	19	Lie /laɪ/	93	lái	100
Гон	50	Gone /gɒn/	93	gòng	88
Он	99	On /ɒn/	56	lóng	100
Средняя	42		68		84

Таб. 1. Результаты восприятия полилингвальных стимулов носителями китайского языка.

В Таб. 1 русские стимулы даны без транскрипции, английские с транскрипцией IPA, китайские – в пиньине. Среди русских стимулов помимо начальной формы слов встречаются падежные словоформы и междометия.

Таблица позволяет сделать следующие наблюдения.

1. Лучше всего испытуемые опознали родные китайские стимулы (84% правильных ответов в среднем), что предсказуемо. Однако в некоторых случаях даже родные слова были опознаны неправильно: wàì, yà, mèi.

2. Оознаваемость английских стимулов составляет 68% в среднем, русских – 42%. Английские звукокомплексы воспринимаются китайскими студентами несколько лучше, чем русские. Это говорит о том, что уровень фонологической компетенции китайских студентов достаточно низок в целом. Для первого года обучения это нормально, несмотря на русскоязычную языковую среду, поскольку студенты поступали именно на английское отделение и, вероятно, проходили усиленную подготовку по этому языку. Хотя, как показывает практика, ситуация в группах такова, что кто-то лучше знает русский язык, а кто-то — английский.

3. Анализ русских стимулов, неправильно опознанных китайскими студентами, говорит о следующем: восприятие звукокомплекса зависит от того, опознает ли испытуемый стимул как слово соответствующего языка. Так, слово «хай» в русском языке было не опознано как русское, по-видимому потому, что такого слова студенты не знают. То же самое можно сказать о словах «гон, даун, лань», которые, очевидно, не входят в их лексический минимум. Непонятным оказывается слово «пин» (пинкод), а раз непонятным, то и не оознаваемым даже по принадлежности к языку. Словоформы родительного падежа («мен», «мин») и междометия «Ай!». «Вай!». «Во!» могут не восприниматься как слова, принадлежащие какому-либо языку вообще, в частности, русскому. В этом смысле может срабатывать психологический фактор (сравните: методика «Лексический выбор» [5]). Зато с полной уверенностью к русскому языку студенты относят такие простые и известные им слова как «ты», «мы». «я» (местоимения).

В заключении на основании проведенных наблюдений можно предположить, что перцептивный аспект фонетической компетенции носителя идеографического языка будет неразрывно связан с восприятием лексемы в целом, а не звукокомплекса как такового. Вступает в силу принцип восприятия морфо-фонетического образа. Это еще раз подтверждает особый механизм формирования фонетико-фонологической иноязычной компетенции носителей идеографических языков при изучении фонографических языков, который требует специальной модели обучения. Эти предварительные выводы, безусловно, нуждаются в более доказательной эмпирической базе и, при подтверждении выдвинутой гипотезы, серьезной разработки лингвометодических приемов обучения фонетике носителей идеографических языков.

Список использованных источников

1. Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Ленинград: Наука, 1987. 114 с.
2. Креер М. Я. Критерии оценки письменной речи учащихся на рубеже школа – вуз (на материале английского языка): дис.... кандидата пед. наук. Санкт-Петербург, 2007.
3. Павловская И. Ю. Фоносемантический анализ речи. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. 190 с.

4. Павловская И. Ю. Экспериментальное сопоставительное исследование английской и китайской интонации // Вестник Костромского государственного университета. — 2016. — Т. 22. — № 5. — С. 166–171.
5. Ткачева Л. О., Павловская И. Ю., Седелкина Ю. Г., Наследов А. Д. Возможные когнитивные механизмы опознания визуально предъявляемых звукоизобразительных слов английского языка русскоязычными искусственными билингвами // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. — 2017. — № 4. — С. 86–92.
6. Щерба Л. В. Теория русского письма. Ленинград: Наука, 1983. 135 с.
7. Cauldwell R. A Syllabus for Listening: Decoding. Speech in Action: 2018, 240 p.
8. Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment Companion volume with new descriptors [Electronic Resource] // Council of Europe, 2018. — Mode of access: URL: <http://www.coe.int/lang-cefr> (дата обращения 02.04.2019).
9. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. 1997. 448 p.
10. Pavlovskaya I. Testing and teaching English intonation to Chinese students // TEASIG Newsletter. — 2016. — № 60. — С. 13–16.
11. Pavlovskaya I. Methods of testing common phonological competence // Language testing: Current trends and future needs. 2014. С. 45–49.
12. Sullivan S. Speechstream – helping adults to hear // Speak Out! 2017.

УДК 811.111'27

ТЕРМИНЫ «PIDGIN» И «PIDGIN ENGLISH» В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ

А. Д. Петренко¹, Д. А. Петренко², Н. А. Вовк³,

*¹ доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федераль-
ный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немец-
кой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крым-
ский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*³ старший преподаватель кафедры английской филологии, аспирант,
Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федераль-
ный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются термины «pidgin» и «pidgin English» в диахронном аспекте. Цель исследования состоит в раскрытии понятий «пиджин» и «английский пиджин», а также выявить факторы их формирования через сравнение определений в англоязычных словарных изданиях разного времени. В ходе работы использовались аналитический и сопоставительный методы. В целом, анализ значений терминов «pidgin» и «pidgin English» в диахронии показывает, что они прошли определенное развитие. Основой значения понятий «пиджин» и «английский пиджин» выступает изначальная семантика, которую передавали эти терминологические единицы. Впоследствии произошло расширение значений и сферы применения анализируемых понятий. Следует отметить и проявление тенденции

включения в семантику противоположных значений, когда в ряде словарей «пиджин» рассматривается как креольский язык.

В Федеративной республике Нигерия (далее – ФРН) используется нигерийский английский пиджин, который входит в континуум западно-африканского *пиджин англиш*. Также пиджин используется нигерийскими литераторами.

Ключевые слова: пиджин, английский пиджин, жаргон, смешанный язык, лингва франка, нигерийский вариант английского языка, нигерийский английский пиджин, креольский язык, диахронный аспект, социолингвистика.

Summary. The article analyzes the terms «pidgin» and «pidgin English» in the diachronic aspect. The purpose of the research is to reveal the notions of «pidgin» and «pidgin English», and also to find the factors of their forming via the comparison of the definitions in the English reference editions of various periods. During the work analytical and comparative methods were used. In general, the analysis of the meanings of the terms «pidgin» and «pidgin English» in the diachrony shows that they have undergone a definite development. The basis of the meaning of the notions «pidgin» and «pidgin English» is made up by the initial semantics expressed by the terminological units. Afterwards there happened the widening of the meanings and the sphere of using of the considered notions. It should be noted that there has appeared the tendency to include a contradictory in meaning into the semantics when in a row of dictionaries the term «pidgin» is treated as a Creole language.

In the Federative Republic of Nigeria (further – the FRN) there is used Nigerian Pidgin English, which is a part of the continuum of West African Pidgin English. Also pidgin is used by the Nigerian people of letters.

Key words: pidgin, English pidgin, jargon, mixed language, lingua franca, Nigerian English, Nigerian Pidgin English, Creole language, diachronic aspect, sociolinguistics.

Большое количество исследований лингвистов современного периода, которые работают в научной сфере в Российской Федерации и в зарубежных странах, касается функционирования национальных языков в социолингвистическом аспекте. В рамках этих работ также рассматриваются основные направления развития языковой нормы, часто поднимается вопрос о том, какие аспекты в первую очередь воздействуют на её формирование [2, с. 5].

Помимо этого, социолингвистика на текущем этапе ставит перед языковедами задачу более детально проанализировать вопросы языковой вариативности, которая связана с разными социальными характеристиками коммуникантов [1, с. 13]. Таким образом, значительное внимание уделяется соотношению нормы и вариативности. В рамках этого направления актуальным представляется анализ соотношения терминов «пиджин» и «английский пиджин», которые обозначают некодифицированные формы языка.

Среди центральных задач по развитию научных исследований, которые планируются на долгосрочную перспективу коллективом Института иностранной филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, выделяется, среди прочих, и разработка проблематики функционирования языковой системы в синхронии и диахронии [3, с. 15]. Исследование терминов «пиджин» и «английский пиджин» в диахронном аспекте

позволит более глубоко понять суть анализируемых явлений языка.

В ходе анализа теоретической литературы по английскому лингва франка в целом и нигерийского варианта английского языка в частности на себя обращает внимание тот факт, что эти термины часто употребляются с таким словом как «пиджин» (pidgin) или словосочетанием «английский пиджин» (pidgin English). Это обуславливает необходимость проведения анализа соотношения семантики терминов «пиджин» и «английский пиджин» в плане их презентации в словарных изданиях.

Для исследования были взяты толковые словари на английском языке, которые были изданы в разные годы, начиная с 1954 по 2008. Проводился диакронный анализ значения лексических единиц «pidgin» и «pidgin English».

В словаре «The American College Dictionary» (1954) (далее – ACD) даны оба термина – «pidgin» и «pidgin English» [14, с. 917]. Первый трактуется как «жаргон». Также даётся такое пояснение: китайское произношение слова «business». Второй термин имеет два значения: 1. английский жаргон, который используется в сфере торговли в китайских портах; 2. любой из нескольких подобных жаргонов, которые используются на других территориях, например, в Меланезии (одна из основных островных групп в Океании, в юго-западной части Тихого океана) или Западной Африке. В обеих статьях слово «pidgin» имеет и другую орфографию – «pigeon».

В словаре «Cassell's New English Dictionary» (1960) (далее – C'sNED) словосочетание «pidgin-English» (с пометкой «китайский язык», искажённое английское слово «business») трактуется как жаргон английского языка, смешанного с китайским, малайским, португальским и так далее, используемый в беседе между местными жителями и европейцами на Дальнем Востоке. Также даётся разговорная фраза «not my pidgin», которая означает «не моё дело» (перевод авторов) [5, с. 1081].

В «Collins New English Dictionary» (1963) (далее – CNED) написано, что слово «pidgin» является китайским искажённым вариантом английского слова «business». Словосочетание «pidgin English» передаёт жаргон, составленный из английских, китайских и португальских слов, используемый в китайских портах в сделках между иностранцами и местным населением. Также даётся вариант орфографический в виде «pigeon English». Представлено и разговорное выражение «it's not not my pidgin», означающее «это не моё дело» (перевод авторов) [9, с. 743].

«A Dictionary of Modern English Usage» (1965) (далее – DMEU) даёт два орфографических варианта – «pidgin» и «pigeon». Далее пишется, что «деловой английский» был названием, данным китайцами англо-китайскому лингва франка; но они произносили «business» как «pidgin» («пиджин»), что привело к путанице бессмысленного «pidgin» и имеющего смысл «pigeon». Помимо этого написано, что такое же объяснение относится к фразе «that's not my pidgin or pigeon» – «это не моё дело» (перевод авторов) [4, с. 453].

В 1965 году был издан «The New National Dictionary» (далее – NND), где термин «pidgin» объясняется как искажение английского слова «business» [15, с. 367]. «Pidgin» или «pigeon English» – это жаргон, используемый в Китае в общении между иностранцами и местным населением.

«Chambers's Twentieth Century Dictionary» (1966) (далее – CTCD) объединя-

ет термины «pidgin» и «pidgin English» в одной словарной статье. Первый считается китайским искажением слова «business», упоминается также вариант написания «pigeon». Второй термин объясняется как жаргон, который, главным образом, имеет английский лексический состав и китайский грамматический строй. Этот жаргон используется в коммуникации между китайцами и иностранцами. Также английским пиджином называют любой подобный жаргон [6, с. 822].

Словарное издание «New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language» (1993) (далее – NWDTEL) выделяет термины «pidgin» и «pidgin English» в разные словарные статьи. Первое слово объясняется как любой смешанный язык, разговорный, обычно в торговле, который использует словарь двух или более языков и упрощённую форму грамматики одного из них. Пиджин используется особенно активно в торговых портах. Слово «pidgin» и его вариант «pigeon», с пометкой «британский», обозначает исключительно личную проблему или дело. Приводится предложение «That's his pidgin, not yours» – «Это его дело, а не твоё» (перевод авторов). Присутствует и объяснение, что это китайский вариант произношения слова «business». Словосочетание «pidgin English» обозначает вариант пиджина, который используется на Дальнем Востоке среди людей, говорящих на китайском и английском, а также может относиться к разновидности пиджина, который используется в Меланезии и Северной Австралии [11, с. 760].

«Webster's New World College Dictionary» (1997) (далее – WNWCD) содержит две словарных статьи. Слово «pidgin» содержится в первой из них с комментарием, что это слово предположительно является китайским произношением слова «business». В первом значении пиджин трактуется как смешанный язык, или жаргон, который содержит лексику одного или более языков с очень упрощённой формой грамматической системы одного из них. Пиджин не используется как основной язык любым из говорящих, т.е. не имеет коллектива исконных носителей. Второе значение – это один из разнообразных любых таких языков, как, например, пиджин на английской основе (pidgin English) или бичламар (смешанный язык на основе английского и малайского) (bêche-de-mer, bichelamar). Словосочетание «pidgin English» также имеет два значения. Во-первых, это упрощённая форма английского языка, которая используется определёнными народами Восточной Азии и южной части Тихого океана во время ведения дел с иностранцами. У этого пиджина есть две формы: китайский пиджин и меланезийский пиджин. Первая базируется на синтаксисе китайского языка, вторая – на синтаксисе определённых аборигенных языков Меланезии и Северной Австралии. Второе значение словосочетания «английский пиджин» – это любой пиджин, который имеет английский в качестве основы [17, с. 1022].

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (2004) (далее – OALDCE) выделяет у слова «pidgin» три значения. Первое – это простая форма языка, особенно английского, португальского или голландского, с ограниченным количеством слов, которые используются вместе со словами местного языка; используется, когда людям, которые не говорят на одном и том же языке, необходимо поговорить друг с другом. Второе значе-

ние – «pidgin = Tok Pisin», то есть креольский язык, который основан на английском, используемом в Папуа Новой Гвинее. Третье значение – «pidgin English, French, Japanese» и так далее, способ разговаривать на языке, который использует простые слова и формы, когда человек не говорит хорошо на языке, или когда он или она разговаривает с кем-то, кто не говорит хорошо на языке [12, с. 952].

В словаре «Oxford Dictionary of English» (2005) (далее – ODE) слово «pidgin» трактуется как грамматически упрощённая форма языка, обычно английского, нидерландского или португальского, некоторые элементы которой взяты из местных языков, используемая для общения между людьми, которые не говорят на общем языке. Также указано, что «Pidgin» с заглавной буквы является ещё одним термином для «Tok Pisin». Происхождение термина восходит к концу 19 века и является изменением английского слова *business* [13].

Словарное издание «New Oxford American Dictionary» (2005) (далее – NOAD) также содержит словарную статью с *pidgin*. Это слово объясняется как грамматически упрощённая форма языка, который используется для общения между людьми, не имеющими общего языка общения. У пиджинов ограниченный словарный состав, некоторые элементы которого взяты из местных языков. Пиджины не являются родными языками, а возникают в ходе языкового контакта между носителями других языков. В статье к слову «Pidgin» кроме указания на его возникновение в конце 19 века как искажённой формы английского слова *business* написано, что оно может также быть ещё одним термином для словосочетания «Tok Pisin» [10].

«Collins English Dictionary» (2006) (далее – CED) содержит отдельные статьи для слова *pidgin* и словосочетания *pidgin English*. Первое объясняется как язык, который сформирован элементами двух или более других языков и используется для контактов, особенно торговых, между носителями разных языков. В отличие от креольских языков, пиджины не являются родным языком какого-либо языкового сообщества. Этимология этого слова связана, возможно, с китайским произношением английского слова *business*. Словосочетание *pidgin English* трактуется как пиджин, в который в качестве одного из языков вовлечён английский [8].

В словаре Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary (2008) (далее – SCALED) у слова «pidgin» два значения. В первом пиджин объясняется как простая форма языка, которую люди, говорящие на разных языках, используют для общения. Пиджин не является чьим-либо родным языком. В качестве примера дается предложение «He's at ease speaking pidgin with the factory workers and guys on the docks» (Он легко общается на пиджине с рабочими на фабрике и с парнями в доках (Перевод авторов)). Во втором значении «pidgin» употребляется в дерогативной манере для обозначения плохого владения то ли родным, то ли иностранным языком, когда используются примитивные или упрощённые конструкции и сниженная лексика. Можно сказать, что малограмотные люди говорят на английском пиджине или итальянском пиджине: «The restaurant owner could only speak pidgin English» (Владелец ресторана мог разговаривать только на английском пиджине (Перевод авторов)) [7].

Таким образом, выборка состоит из тринадцати толковых словарей, которые содержат словарные статьи с терминами «пиджин» (*pidgin*) и «английский

пиджин» (pidgin English). Далее целесообразно провести анализ этих двух терминологических единиц с целью выявления специфики их семантики.

Само слово «пиджин» появилось как результат произношения на китайский манер английского слова «business». Это отмечается в таких случаях: китайское произношение слова «business» (ACD); с пометкой «китайский язык», искажённое английское слово «business» (C'sNED); китайский искажённый вариант английского слова «business» (CNED); название, данное китайцами англо-китайскому лингва франка; но они произносили «business» как «pidgin» (DMEU); китайское искажение слова «business» (CTCD); китайский вариант произношения слова «business» (NWDTEL); это слово предположительно является китайским произношением слова «business» (WNWCD); этимология этого слова связана, возможно, с китайским произношением английского слова «business» (CED). Происхождение слова «business» в качестве китайской адаптации упоминается в 8 словарных изданиях, что составляет 61,53% от их количества.

Также в ряде изданий просто упоминается тот факт, что термин «пиджин» появился в результате того, что английское слово «business» подверглось искажению, но не упоминается китайская составляющая: искажение английского слова «business» (NND); происхождение восходит к концу 19 века и является изменением английского слова «business» (ODE); возникло в конце 19 века и является искажённой формой английского слова «business» (NOAD). Три словарных издания (23,07% от общего числа) содержат более обобщённую информацию о появлении термина «pidgin». В целом 11 словарей (84,6%) затрагивают вопросы этимологии исследуемой терминологической единицы.

В исследуемых источниках также упоминаются и особенности орфографии слова «пиджин». В ряде случаев написано, что слово «pidgin» может иметь вариант «pigeon». Такая информация представлена в следующих словарях: в обеих статьях слово «pidgin» имеет и другую орфографию – «pigeon» (ACD); даётся орфографический вариант в виде «pigeon English» (CNED); два орфографических варианта – «pidgin» и «pigeon» (DMEU); но они произносили «business» как «pidgin» («пиджин»), что привело к путанице бессмысленного «pidgin» и имеющего смысл «pigeon» (DMEU). 3 словаря (23,07% от общего числа) затрагивают вопросы орфографии слова «pidgin».

Термин «pidgin» трактуется неоднозначно. Первая группа значений, самая многочисленная, объясняет слово «pidgin» как жаргон или ту или иную форму языка: «pidgin» трактуется как «жаргон» (ACD); любой смешанный язык, разговорный, обычно в торговле, который использует словник двух или более языков и упрощённую форму грамматики одного из них. Пиджин используется особенно в торговых портах (NWDTEL); смешанный язык, или жаргон, который содержит лексику одного или более языков с очень упрощённой формой грамматической системы одного из них. Пиджин не используется как основной язык любым из говорящих (далее – WNWCD); простая форма языка, особенно английского, португальского или голландского, с ограниченным количеством слов, которые используются вместе со словами из местного языка. Используется, когда людям, которые не говорят на одном и том же языке, необходимо поговорить друг с другом (OALDCE); грамматически упрощённая форма языка, обычно английского, нидерландского или

португальского, некоторые элементы которой взяты из местных языков, используемая для общения между людьми, которые не говорят на общем языке (ODE); грамматически упрощённая форма языка, который используется для общения между людьми, которые не говорят на общем для них языке. У пиджинов ограниченный словарный состав, некоторые элементы которого взяты из местных языков. Пиджины не являются родными языками, а возникают в ходе языкового контакта между носителями других языков (NOAD); язык, который сформирован элементами двух или более других языков и используется для контактов, особенно торговых, между носителями разных языков. В отличие от креольских языков, пиджины не являются родным языком какого-либо языкового сообщества (CED); простая форма языка, которую люди, говорящие на разных языках, используют для общения. Пиджин не является чьим-либо родным языком (SCALED); употребляется в том случае, когда кто-нибудь разговаривает на своём собственном языке в очень простой манере или плохо на другом языке и пытается общаться, вы можете сказать, что такие люди говорят на английском пиджине или итальянском пиджине (SCALED). 9 словарей (69,23% от общего числа) рассматривают слово «pidgin» в контексте жаргона или определённой формы языка.

Следующая точка зрения рассматривает «pidgin» как «pidgin English»: «деловой английский» было названием, данным китайцами англо-китайскому лингва франка (DMEU); «pidgin» или «pigeon English» – это жаргон, используемый в Китае между иностранцами и местным населением (NND); это один из разнообразных любых таких языков, как, например, пиджин на английской основе (pidgin English) или бичламар (смешанный язык на основе английского и малайского) (bêche-de-mer, bichelamar) (WNWCD); pidgin English, French, Japanese и так далее, способ разговаривать на языке, который состоит из простых слов и форм, используемых, когда человек не говорит хорошо на языке, или когда он или она разговаривает с кем-то, кто не говорит хорошо на языке (OALDCE). 4 словарных издания (30,77% от общего числа) передают этот аспект исследуемых терминов.

Третье направление выражает идею, что «pidgin» – это синоним словосочетания «Tok Pisin»: «pidgin» = «Tok Pisin», то есть креольский язык, который основан на английском, используемом в Папуа Новой Гвинее (OALDCE); «Pidgin» с заглавной буквы является еще одним термином для «Tok Pisin» (ODE); «Pidgin» – ещё один термин для словосочетания «Tok Pisin» (NOAD). Такое мнение выражено в трёх источниках (23,07% от общего числа).

В одном источнике (7,69% от общего числа) указана только этимологическая трактовка термина «pidgin» (искажённое «business»): первый считается китайским искажением слова «business» (CTCD). В этом случае исследуемое слово не рассматривается как наименование какого-либо жаргона или языка.

Слова «pidgin» и его графический вариант «pigeon» вошли в состав фразеологической единицы «not my pidgin» («не мое дело»): также дается разговорная фраза «not my pidgin», которая означает «не мое дело» (перевод авторов) (C'sNED); представлено и разговорное выражение «it's not not my pidgin», означающее «это не моё дело» (перевод авторов) (CNED); такое же объяснение относится к фразе «that's not my pidgin or pigeon» – «это не моё дело» (перевод авторов) (DMEU); приводится предложение «That's his pidgin, not yours» – «Это

его дело, а не твоё» (перевод авторов) (NWDTEL). Четыре источника (30,77% от общего числа) приводят этот фразеологизм в качестве примера.

Словосочетание «pidgin English» также представлено в словарных статьях. Семантика этого термина рассматривается по-разному. Первая сводится к тому, что это жаргон, который включает английский язык и используется в торговой среде в портах Китая: английский жаргон, который используется в сфере торговли в китайских портах (ACD); жаргон английского языка, смешанного с китайским, малайским, португальским и так далее, используемый в беседе между местными жителями и европейцами на Дальнем востоке (C'sNED); жаргон, составленный из английских, китайских и португальских слов, используемый в китайских портах в сделках между иностранцами и местным населением (CNED); жаргон, который, главным образом, имеет английский лексический состав и китайский строй. Этот жаргон используется в коммуникации между китайцами и иностранцами (CTCD); является вариантом пиджина, который используется на Дальнем Востоке среди людей, которые говорят на китайском и английском (NWDTEL); упрощённая форма английского языка, которая используется определёнными народами Восточной Азии. Форма этого пиджина называется китайский пиджин. Она базируется на синтаксисе китайского языка (WNWCD). 6 словарей (46,15% от общего числа) содержат такую точку зрения.

Второй аспект рассматривает «pidgin English» как жаргон в Меланезии, Западной Африке и Северной Австралии: любой из нескольких подобных жаргонов, которые используются на других территориях, например, в Меланезии или Западной Африке (ACD); английский пиджин является разновидностью пиджина, который используется в Меланезии и Северной Австралии (NWDTEL); это упрощённая форма английского языка, которая используется определёнными народами южной части Тихого океана во время ведения дел с иностранцами. Форма этого пиджина – меланезийский пиджин. Он базируется на синтаксисе определённых аборигенных языков Меланезии и Северной Австралии (WNWCD). Такая информация содержится в трёх словарях (23,07% от общего числа).

Ещё одна точка зрения связана с тем, что «pidgin English» используется для наименования любого «пиджина», где английский является основой: также английским пиджином называют любой подобный жаргон (CTCD); это любой пиджин, который имеет английский в качестве основы (WNWCD); пиджин, в который в качестве одного из языков вовлечён английский (CED). Этот подход присутствует в трёх словарных изданиях (23,07% от общего числа).

Следует отметить, что в Федеративной республике Нигерия используется нигерийский пиджин инглиш. Последний входит в конгломерат западно-африканского пиджин инглиш, который упоминается в ACD. Пиджин используется по всей стране в качестве лингва франка. В ряде случаев пиджин инглиш становится родным на таких городских территориях как Калабар и Порт-Харкорт, но всегда с одним или несколькими местными языками. Пиджин характеризуется множеством форм, которые отражают взаимное влияние родного языка и английского. В целом, лексическая сторона языка пиджин была отражена во многих толковых одноязычных словарях. При этом, фактически, пиджин ещё не подвергся процессу стандартизации.

Пиджин инглиш использовался в прозе многими нигерийскими писателями, включая Чинуа Ачебе. В качестве языка поэзии он применялся Франком Аиг-Имоукхуэде, а для драмы пиджин инглиш использовался Олой Ротими [16, с. 701].

На основе анализа исследуемого материала можно сделать такие выводы:

1. Само слово «пиджин» появилось как результат произношения на китайский манер английского слова «business». Это отмечается в 8 словарных изданиях, что составляет 61,53% от их количества. Также в ряде изданий просто упоминается тот факт, что термин «пиджин» появился в результате того, что английское слово «business» подверглось искажению, но не упоминается китайская составляющая: Три словарных издания (23,07% от общего числа) содержат более обобщённую информацию о появлении термина «pidgin». В целом 11 словарей (84,6%) затрагивают вопросы этимологии исследуемой терминологической единицы. В исследуемых источниках также упоминаются и особенности орфографии слова «пиджин». В ряде случаев написано, что слово «pidgin» может иметь вариант «pigeon». Такая информация представлена в 3 словарях (23,07% от общего числа).

2. Термин «pidgin» располагает рядом значений, которые распределяются по четырём направлениям. Первое, самое многочисленное, трактует слово «pidgin» как жаргон или ту или иную форму языка. 9 словарей (69,23% от общего числа) рассматривают слово «pidgin» в этом контексте. Следующая точка зрения рассматривает «pidgin» как «pidgin English». 4 словарных издания (30,77% от общего числа) передают этот аспект исследуемых терминов. Третье направление выражает идею, что «pidgin» – это синоним словосочетания «Tok Pisin». Такое мнение выражено в трёх источниках (23,07% от общего числа). В одном источнике (7,69% от общего числа) указана только этимологическая трактовка термина «pidgin» (искажённое «business»). В этом случае исследуемое слово не рассматривается как наименование какого-либо жаргона или языка. Слова «pidgin» и его графический вариант «pigeon» вошли в состав фразеологической единицы «not my pidgin» («не моё дело»). Четыре источника (30,77% от общего числа) приводят этот фразеологизм в качестве примера.

3. Словосочетание «pidgin English» также представлено в словарных статьях. Значение этого термина трактуется с разных точек зрения. Первая сводится к тому, что это жаргон, который включает английский язык и используется в торговой среде в портах Китая. 6 словарей (46,15% от общего числа) содержат такую точку зрения. Второй аспект рассматривает «pidgin English» как жаргон в Меланезии, Западной Африке (частью которой является и Федеративная республика Нигерия) и Северной Австралии. Такая информация содержится в трёх словарях (23,07% от общего числа). Ещё одна точка зрения связана с тем, что «pidgin English» используется для наименования любого «пиджина», где английский является основой. Этот подход присутствует в трёх словарных изданиях (23,07% от общего числа).

4. В целом, следует отметить, что с течением времени в словарях прослеживается тенденция возникновения большего количества трактовок терминов «pidgin» и «pidgin English». Появляются и противоположные тенденции. Пиджин, который не является родным для тех, кто на нем разговаривает, в ряде словарей рассматривается как креольский язык. Этот факт противоре-

чит самому значению этого термина «pidgin». Также можно отметить факт стилистической дифференциации значений термина «пиджин». Последний может быть и нейтральным термином, и словом с пейоративным значением, которое выражает слабое владение как родным, так и иностранным языком. В более поздних словарных изданиях семантика слова «pidgin» и словосочетания «pidgin English» подвергаются процессу генерализации. В ФРН применяется нигерийский пиджин инглиш, входящий в континуум западно-африканского пиджин инглиш. Пиджин используется представителями нигерийской литературы.

Список использованных источников

1. Петренко А.Д. Опыт изучения фонетической стратификации речи // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А.Д. Петренко, В.М. Бухаров, Д.А. Петренко [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. А.Д. Петренко. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 13–69.
2. Петренко А.Д. Социофонетика: Крымский резонанс // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А.Д. Петренко, В.М. Бухаров, Д.А. Петренко [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. А.Д. Петренко. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 5–12.
3. Петренко А.Д., Петренко Д.А. Предисловие // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы III Международного научного конгресса, Симферополь, 2–20 апреля 2018 г. / ред. Е. В. Полховская. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 15–22.
4. A Dictionary of Modern English Usage / Ed. by H.W. Fowler. 2nd ed. New York and Oxford: OUP, 1965. 725 p.
5. Cassell's New English dictionary / Ed. By E.A. Baker, A.L. Hayward. 19th ed. L.: Cassell, 1960. 1682 p.
6. Chambers's Twentieth Century Dictionary / Ed. by W. Geddie. Edinburgh: W. & R. Chambers Ltd., 1966. 1396 p.
7. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition. HarperCollins Publishers, 2008. Электронный словарь АБВУ Lingvo x3 Многоязычная версия.
8. Collins English Dictionary. 8th ed. HarperCollins Publishers, 2006. Электронный словарь АБВУ Lingvo x3 Многоязычная версия.
9. Collins New English Dictionary / Ed. by A.H. Irvine. London and Glasgow: Collins, 1963. 1264 p.
10. New Oxford American Dictionary. 2nd ed. Oxford: OUP, 2005. Электронный словарь АБВУ Lingvo x3 Многоязычная версия.
11. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. Lexicon publications, Inc., 1993. 1248 p.
12. Oxford Advanced Learners' Dictionary of Current English / Ed. by Sally Wehmeier. 6th ed. Oxford, New York: OUP, 2004. 1539 p.
13. Oxford Dictionary of English. Oxford: OUP, 2005. Электронный словарь АБВУ Lingvo x3 Многоязычная версия.
14. The American College Dictionary / Ed. by C.L. Barnhart, J. Stein. New York: Random House, 1954. 1432 p.
15. The New National Dictionary / Ed. by J.B. Foreman. London and Glasgow: Collins, 1965. 608 p.

16. The Oxford Companion to the English Language / Editor Tom McArthur. Oxford, New York: Oxford University Press, 1992. 1184 p.

17. Webster's New World College Dictionary / Ed. by V. Neufeldt, D. Guralnik. 3rd ed. New York: A Simon & Schuster Macmillan Company, 1988. 1588 p.

УДК 81

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

А. Д. Петренко¹, К. А. Мележик², В. Г. Шевель³,

*¹ доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики,
директор Института иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой иностранных языков №3,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*³ преподаватель кафедры иностранных языков №3,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения компьютерно-опосредованной коммуникации в социолингвистическом аспекте. Цель работы заключается в осмыслении актуальности наблюдения за речевым поведением коммуникантов в контексте Интернет-общения. В работе обозначается специфика коммуникации посредством видеоблога как одного из распространённых вариантов глобальной межкультурной и межличностной коммуникации. Основные результаты исследования были получены путем применения индуктивно-дедуктивного метода и метода обоснованной теории. Определение дифференциальных характеристик общения, реализуемого в формате видеоблога, видится целесообразным в связи с тем, что позволяет выявить условную норму языкового общения присущую коммуникантам с общей социальной реальностью.

Ключевые слова: социолингвистика, компьютерно-опосредованная коммуникация, формы интернет-коммуникации, видеоблог.

Summary. The article is devoted to the problem of the Internet communication studied within the field of contemporary sociolinguistics. The given work is a brief attempt to actualize the scrutiny of the communicants' speech behaviour in the context of computer-mediated interaction. The specificity of video blog communication is represented as the most widespread variant of global intercultural and interpersonal intercourse. The inductive-deductive method serves as a methodological procedure of the present research. Defining of differential characteristics of communication that is fulfilled in the form of video blog is seen as expedient due to the fact that it allows to identify the relative norm of speech behaviour among communicants who

share a common social reality.

Key words: sociolinguistics, internet communication, computer-mediated communication, video blog, video bloggers.

Социолингвистическое направление исследований представлено широким спектром проблематики. Особенности взаимосвязи языковых и социальных структур привлекают все большее внимание в качестве объекта научных изысканий; активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом факторов, регулирующих употребление языка [2, с. 4].

В рамках современных реалий глобализованного мира осуществление коммуникации подразумевает активное использование Интернет-технологий и её реализацию в медиакультурном пространстве.

В настоящее время процесс обмена информацией претерпевает значительные изменения: модернизируется и упрощается. Всемирная сеть «Интернет» открывает новые возможности для взаимодействия, а компьютерно-опосредованная коммуникация становится новым вектором изучения языка в социальном контексте.

Компьютерно-опосредованная коммуникация – «процесс, протекающий в открытой электронной социальной среде, чаще всего посредством вербальных средств коммуникации (текстов, графики, аудио-, видео-файлов оцифрованной речи и изображений), способствующий формированию интернет-объединений (сообществ) и особой формы самопрезентации» [4, с. 183]. Ряд интегративных исследований в области компьютерно-опосредованной коммуникации был осуществлен Е. О. Алябьевым, А. Е. Войскунским, А. А. Зубрилиным, И. В. Голубевым, Е. И. Горошко, С. Parker, G. Fitzpatrick, E. Mattson, G. Kulkarni, однако социолингвистический аспект данного вида Интернет-общения не получил достаточного освещения.

Несмотря на то, что коммуникация в киберпространстве может приобретать различные формы, в рамках современной компьютерно-опосредованной коммуникации особую роль занимает общение в формате видеоблога, являющимся вариантом глобальной межкультурной и межличностной коммуникации и представляющим собой средство самовыражения, саморазвития, самоутверждения и саморепрезентации [4, с. 8]. Видеоблог - форма компьютерно-опосредованной коммуникации, в процессе реализации которой видеоблогер (влогер), привлекая вербальные и невербальные средства общения, а также тематический видео материал, передает зрителю сообщение с целью получения ответной реакции. Необходимо отметить, что указанное общение, по сравнению с традиционной, не опосредованной компьютером коммуникацией, не функционирует в соответствии с фиксированными правилами. Формат видеоблога подразумевает вариативность ситуативных, функциональных и коммуникативных параметров и вносит коррективы в традиционную модель передачи информации между адресантом и адресатом.

При описании данного вида интернет-общения значимым видится тот факт, что видеоблогеры являются пользователями интернет-пространства, социальная деятельность которых характеризуется высоким уровнем мобильности и взаимодействия с аудиторией, коммуникацию которых необходимо рассматривать через призму того, что они представляют собой осо-

бую социальную общность, которой присущи конкретные социальные роли, установки, наличие группового самосознания.

Главным объектом социолингвистического исследования являются лица, представляющие собой сложную, неоднородную в социальном смысле аудиторию, вовлечённую в различной степени в сферу массовой коммуникации. На уровне непосредственно лингвистических явлений предполагается анализ отдельных внутривидовых особенностей языка, обусловленных спецификой данного вида коммуникации в целом и каждого её вида в отдельности [2, с. 59].

Специфические особенности в произношении, определенные лексические и семантические средства, своеобразная реализация грамматических структур, могут быть сведены на основании специфики и частотности их употребления в определенную модель, характерную для конкретной группы говорящих. Сам же социальный фактор характеризуется с точки зрения того, для скольких произносительных явлений он оказывается существенным, а отношение числа этих явлений к числу всех изучаемых произносительных особенностей представляет собой диапазон действия социального признака [1, с. 116-117].

Таким образом, дифференциация речевых характеристик говорящих в ситуациях компьютерно-опосредованного общения представляется перспективной поскольку: 1) данная коммуникативная среда наиболее динамично реагирует на изменения, стремительно происходящие на всех уровнях языка; 2) изучение вариантов языковых единиц, используемых говорящими, объединенными профессиональной деятельностью (напр. видеоблогингом) позволяет определить условную норму языкового общения, присущую коммуникантам с общей социальной реальностью; 3) речевое поведение сообщества отображает влияние языковых и внеязыковых факторов.

Как отмечает А. Д. Петренко, «материалы современных научных исследований представляют значительный вклад в изучение тенденций развития национальных языков, вопросов их социальной стратификации и территориальной дифференциации, намечают пути поиска источников языковых изменений, наблюдения их в динамике» [3, с. 157].

Список использованных источников

1. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 241 с.
2. Петренко А. Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры / Коллективная монография. Москва: Изд-во «Перо», 2015. 495 с.
3. Петренко А. Д., Петренко Д. А.. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Научный журнал «Известия Южного федерального университета». — 2014. — №4. — С.150-157.
4. Розина И. Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация в практике образования и бизнеса // Сборник научных трудов «Теория коммуникации & прикладная коммуникация». Вестник Российской коммуникативной ассоциации, 2004. 244 с

ВАРИАНТ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ РАЗМЕТКИ ДЛЯ ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Д. Ш. Сулейманов¹, А. Р. Гатиатуллин², А. М. Баширов³,

¹ доктор технических наук,

*директор Института прикладной семиотики,
Академия наук Республики Татарстан, Казань*

² кандидат технических наук, заведующий отделом

Института прикладной семиотики,

Академия наук Республики Татарстан, Казань

³ аспирант Института прикладной семиотики,

Академия наук Республики Татарстан, Казань

Аннотация. В статье рассматривается вариант разметки, предлагаемый авторами для представления семантико-синтаксической структуры татарских предложений в электронном корпусе татарского языка. Особенность этой разметки в том, чтобы совместить в одной системе тегов морфологическую, синтаксическую и семантическую информацию. В проекте предлагается представить синтаксическую структуру предложения в виде деревьев непосредственных составляющих, которая дополняется информацией о семантических ролях предикатов. Одним из условий, которое предъявляется к системе разметки, является максимальное соответствие системы наиболее распространенным международным стандартам. Это позволяет осуществлять обмен размеченными фрагментами информации без дополнительного согласования соответствующих разметок.

Ключевые слова: семантико-синтаксический анализатор, система разметки.

Summary. The article discusses a tagging suggestion proposed by the authors for representing the semantic-syntactic structure of the Tatar sentences in the Tatar electronic text corpus. The peculiarity of the tagging variety is that it allows to combine morphological, syntactic and semantic information in a single tagging system. The project also proposes to represent the syntactic structure of the sentence in the form of immediate constituent trees, which is complemented by the information on the semantic roles of predicates. One of the requirements that the authors imposed on the markup system is to provide the maximum compliance of the system with the most widespread international standards.

Key words: semantic-syntactic parser, markup system.

В институте прикладной семиотики АН РТ в рамках проекта «Разработка интегральной компьютерной модели и программного инструментария для семантико-синтаксического анализа татарских текстов» ведется разработка семантико-синтаксического анализатора (ССА) татарских предложений. Одно из предназначений этого анализатора – семантико-синтаксическая разметка предложений электронного корпуса татарского языка «Туган тел» [1]. На вход ССА поступает текст на татарском языке, а на выходе должны получаться структуры в виде деревьев непосредственных составляющих (ДНС).

На основе анализа существующих синтаксически размеченных корпусов, в качестве наиболее релевантного способа представления результатов семантико-синтаксического анализа татарского предложения был определен

формат деревьев непосредственных составляющих. Рассмотрим отдельные результаты этого анализа.

1. Обзор работ по представлению семантико-синтаксической разметки в электронных корпусах

Самым первым известным электронным корпусом с синтаксической разметкой является корпус Penn TreeBank. Следует отметить, что уже в этом корпусе были теги для представления семантической информации:

- VOC vocatives
- DIR direction & trajectory
- LOC location
- MNR manner
- PRP purpose and reason
- TMP temporal phrase

В настоящее время в мире существует большое количество синтаксически размеченных электронных корпусов, наибольшее количество из которых содержат тексты на английском, немецком, французском и испанском языках. В этих корпусах использованы разные типы синтаксических структур, деревья зависимостей, деревья непосредственных составляющих, а также различные их комбинации.

Что касается корпусов с синтаксической разметкой для языков Российской Федерации, то среди них можно выделить всего один корпус большого объема, на котором обучались самообучающиеся программы, это СинТа-ГРус. Все остальные корпуса имеют слишком маленький объем, поэтому не представляют интереса для технологий автоматического обучения.

Классические синтаксические деревья не содержат семантической информации, однако, как утверждается в работе [4], между задачами синтаксического и поверхностного семантического анализа существует двусторонняя связь:

- автоматическая разметка актантов опирается на синтаксис,
- синтаксический анализ может быть выполнен с лучшим качеством, если предоставить системе данные о семантических ролях.

Для русского языка найдены публикации только одной группы разработчиков, посвященных решению задачи автоматической классификации актантов. Это работы группы под руководством Г.С. Осипова [3], в них описываются реализации **методов частичного обучения с учителем**, где авторы используют реляционно-ситуационную модель текста.

Среди разработок с синтаксической и семантической разметкой для тюркских языков имеются разработки для турецкого языка: Turkish TreeBank и Turkish PropBank. Поиск таких корпусов для других тюркских языков оказался безрезультатным. В Turkish TreeBank информация представлена в виде деревьев зависимостей.

В Turkish PropBank семантические структуры предложения представлены в виде фреймов, и фрагмент этого фрейма выглядит следующим образом:

```
<FRAMESET id=»0006410»>  
  <ARG name=»ARG0»>Açan</ARG>  
  <ARG name=»ARG1»>Açılan şey</ARG>  
<ARG name=»ARGMTMP»>Açılma zamanı</ARG> </FRAMESET>
```

В работе [2] автор утверждает, что преимущество ДНС по сравне-

нию с деревьями зависимостей в том, что они содержат информацию об иерархической организации предложения и обо всех синтаксических единицах в составе предложения. Таким образом, синтаксические правила применяются не к отдельным словам, а к собственно синтаксическим единицам. Также, в ДНС из порядка слов видна «Более тесная связь» между составляющими.

В виде деревьев непосредственных составляющих можно представить структуру предложений только проективного типа [2], а тюркские языки принадлежат к языкам такого типа. Разработка и проверка работы анализатора на корпусных данных позволит проверить справедливость утверждения о проективности тюркских языков. А также, мы решили проверить гипотезу, о том, что использование информации о семантических ролях позволит улучшить качество синтаксического анализа, уменьшив процент многозначности в процессе распознавания.

Для представления семантико-синтаксических структур в корпусе в формате XML необходима соответствующая система тегов. В процессе выбора этой системы были изучены, существующие системы на возможность использования представленных результатов в нашем корпусе. В процессе анализа также изучались условия соответствия системы тегов уже известным международным стандартам, для чего был проведен анализ существующих стандартов разметки на возможность использования этих стандартов в формате нужной нам информации.

2. Стандарты XML

Для проанализированных корпусов можно сделать следующий вывод: наиболее популярными в представлении разметки в формате XML в электронных корпусах являются два стандарта: XCES (Corpus Encoding Standard for XML) и TEI (Text Encoding Initiative). Сайты с описанием этих стандартов представлены на рис. 1 и 2.

Рис.1. Сайт с описанием стандарта XCES

Проанализировав возможности представления необходимой информации в этих стандартах, мы пришли к выводу, что для представления семантико-синтаксической разметки в татарском электронном корпусе наиболее подходящим является стандарт TEI.

Рис.2. Сайт с описанием стандарта ТЕИ

Рассмотрим пример семантико-синтаксической разметки для представления предложения Малай урманга бара ала “Мальчик может пойти в лес” в стандарте ТЕИ:

```

<cl>
  <phr type=»N» function=»subject»>
    <w type=»person»>
      <m type=»N»>малай</m>
    </w>
  </phr>
  <phr type=»VP» function=»predicate»>
    <phr type=»N» function=»end_point»>
      <w type=»physical object»>
        <m type=»N»>урман</m>
        <m type=»DIR»>ГА</m>
      </w>
      <phr type=»V» function=»verb-main»>
        <w type=»move»>
          <m type=»V»>бар</m>
          <m type=»PRES»>Й</m>
        </w>
        <w type=»aux»>
          <m type=»V»>ал</m>
          <m type=»PRES»>Й</m>
        </w>
      </phr>
    </phr>
  </cl>

```

Рассмотрим теги, представленные в данном примере.

Тег `<m> </m>` - представляет морфему, а `<m type=»V»>бар</m>` и `<m type=»PRES»>Й</m>` представляют корневую и аффиксальную морфемы.

`<w> </w>` - словоформа;

`<phr> </phr>` - фразовая единица.

<phr type=>VP> function=>predicate>> - начало фразовой единицы в виде глагольной группы с функцией предиката.

Таким образом, в данном стандарте получается отразить информацию о синтаксических связях, семантических актантах и морфологических структурах словоформ.

Выводы. В настоящее время продолжается работа над созданием семантико-синтаксического анализатора и определен формат вывода результатов анализа в виде деревьев непосредственных составляющих. Выбор был произведен на основе утверждения, что тюркские языки в силу своих структурных особенностей являются языками проективного типа. Существующие синтаксические анализаторы для тюркских языков, обнаруженные и протестированные нами в сети Интернет, на выходе строят только формализмы в виде деревьев зависимостей. Соответственно, реализация варианта семантико-синтаксического анализатора татарского предложения, строящего, как результат анализа, деревья непосредственных составляющих, позволит на практике проверить утверждение о проективности предложений татарского языка.

Данная статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований РФФИ 18-47-160014 «Разработка интегральной компьютерной модели и программного инструментария для семантико-синтаксического анализа татарских текстов».

Список использованных источников

1. Сулейманов Д. Ш., Невзорова О. А., Галиева А. М., Гатиатуллин А. Р., Гильмуллин Р. А., Хакимов Б. Э. Размеченный корпус татарского языка «Туган тел»: аспекты реализации // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. — 2014. — С. 88–93.

2. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. РГГУ, 2001. 800 с.

3. Осипов Г. С., Шелманов А. О. Метод повышения качества синтаксического анализа на основе взаимодействия синтаксических и семантических правил // Труды шестой международной конференции «Системный анализ и информационные технологии» (САИТ). — 2015. — Т.1. — С. 229–240.

4. Haghighi A., Toutanova K., Manning C. D. A Joint Model for Semantic Role Labeling // Computational Linguistics. — 2008. — Т. 34, № 2. — С. 173–176.

УДК 372.881.1

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ НЕ–ДИАЛОГ КУЛЬТУР? ДИЛЕММА СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Е. Г. Тарева,

*доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой французского языка и лингводидактики, Институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет, Москва*

Аннотация. Изучение феномена «не-диалог культур» стало чрезвычайно актуальным в контексте лингводидактики ввиду его значимости для разработки лингвообразовательных технологий подготовки студентов к межкультурной коммуникации. В статье исследуются трудности, которые возникают в процессе понимания участниками друг друга в ходе межкуль-

турного общения. Актуализируется необходимость разработки целостной концепции обучения иностранному языку с ориентиром на преодоление непонимания в ситуации не-диалога культур. Предлагается классификация трудностей понимания, значимая для обучения иностранному языку.

Ключевые слова: диалог культур, не-диалог культур, понимание, непонимание, стратегии обучения.

Summary. In the era of global transformations, the development of educational strategies and tactics raises the issue of disruption of the intercultural dialogue between representatives of different cultures and the frequency of negative results during their interaction. The study of the phenomenon of *non-dialogue of cultures* has become extremely relevant in the system of political, linguistic, cultural knowledge; no less interesting is its linguo-didactic interpretation, namely the understanding of the essence of *non-dialogue of cultures* as one of the key concepts of modern theory and methodology of teaching foreign languages. The difficulty of understanding depends on many sociocultural, cognitive, evaluative factors. It is necessary to develop a holistic concept of teaching a foreign language with a focus on overcoming of misunderstanding. The report is aimed at revealing this problem and focusing on its solution.

Key words: dialogue of cultures, non-dialogue of cultures, understanding, misunderstanding, strategies of education.

Диалог культур — ключевой концепт лингводидактики как минимум последние два десятилетия. Его закрепление в этом статусе являет собой длительный путь развития подходов к обучению иностранным языкам (далее – ИЯ) и отношения к феномену «культура» в лингвообразовательном контексте. Можно проследить с этих позиций следующую циклическую динамику этапов: 1) культура выступает как цель обучения ИЯ в период утверждения коммуникативного подхода/метода; 2) культура рассматривается как компонент содержания обучения в эпоху распространения идей лингвокультурологического и социокультурного подходов; 3) способность участвовать в *диалоге культур* утверждается как компетентностно обусловленная цель обучения ИЯ (компетентностный и межкультурный подходы). Именно последний (3) этап знаменует собой востребованный в социальном, глубоко гуманистическом смысле образовательный идеал, стремление к которому обуславливает необходимость воспитания человека, готового к взаимодействию с иностранцем на основе всестороннего понимания его культуры и способного одновременно глубже понять и осознать свою национальную идентичность, измерить ее с точки зрения иностранного партнера по коммуникации (об этом подробнее см. [5]).

Современные процессы, происходящие в общественных, политических, экономических отношениях, свидетельствуют о возникновении факторов, которые заставляют усомниться в жизнеспособности этого «светлого» образа образовательного идеала; его достижение, что очевидно с учетом современного международного контекста, становится утопическим, мечты – несбыточными. Ориентир на исключительно благоприятные условия реализации международных, межкультурных отношений, долгое время торжествовавший в умах (и сердцах!) лингвистов, методистов, преподавателей-практиков, авторов учебников по ИЯ оказывается нереализуемым.

Наступила пора пересмотра статуса *диалога культур* в методологии лингводидактики и принятия практических решений, связанных со сменой направления (прежде всего, в смысле целеполагания) в обучении иностранным языкам студентов вузов.

Еще в 1988 году известный методолог, философ М.С. Каган провозгласил три возможных типа сосуществования культур [3]. Первый тип связан с *полноценным диалогом*, построенном на взаимоуважении участников общения. Именно в этом случае имеет место равнозначная репрезентативность культур, которые путем диалога взаимно обогащаются, развиваются и обновляются. Второй тип предполагает *утилитарное отношение* одной культуры к другой. Одна культура навязывает ценности другой, в результате чего последняя теряет свою идентичность, самобытность, поглощается другой более агрессивной культурой. Третий тип – это псевдиалог, когда происходит полное неприятие одной культуры культурой другой. Как результат – политика изоляционизма, резкое обострение отношений, стремление разрушить государственность. Вполне очевидно, что собственно диалог реализуется только в первом из перечисленных типов взаимодействия культур. Остальные два скорее препятствуют диалогу. И именно они, что очевидно, зримо проявляют себя в период ожесточения международных конфликтов и неприятия моделей обустройства мира.

Знаменательно, что тема не-диалога культур начала привлекать внимание зарубежных ученых. В 2018 году на страницах журнала *Dialogues in Human Geography* развернулась интересная дискуссия, инспирированная статьей о «границах диалога» (*limits to dialogue*) [12]. В развитие затронутой в публикации темы авторы включились в обсуждение различных аспектов «космополитического диалога» (*cosmopolitan dialogue*) [11], отказа от диалога (*When dialogue means refusal*) [10; 14]. В этих публикациях ставится вопрос о тех обстоятельствах общения и тех причинах, которые препятствуют конструктивному ведению диалога, объясняется природа нарушений коммуникативного взаимодействия, указывается на их частотность в современном межличностном и межкультурном взаимодействии, даются рекомендации о том, как поступить в случае деструкции диалогического взаимодействия.

Проблема подготовки обучающихся к тем ситуациям межкультурной коммуникации, когда культуры – родная и изучаемая – оказываются в идеологическом антагонизме, является наиболее сложной для принятия дидактических решений. Случаи возникновения конфликтных ситуаций, несоответствия представлений и мнений в ходе межкультурного диалога ранее не подвергались изучению с целью последующей дидактизации. В большинстве своем такие случаи умалчивались, им не предавалось значения. Объективная реальность заставляет задуматься о том, каким образом научить студентов принятию решений в сложной для себя коммуникативной ситуации, когда общение с партнёром являет собой *псевдиалог* (третий тип согласно М.С. Кагану, см. выше) или, как принято сегодня в отечественной лингводидактике, *не-диалог культур* (см. [6; 7; 8]).

Научная мысль находится только в начале осмысления технологий обучения студентов коммуникативному поведению в условиях не-диалога культур. Проявления не-диалога культур лишь эпизодически учитывают-

ся в построении лингвообразовательных концепций. Ученые сегодня только нащупывают подходы к осмыслению подобных случаев и принятию решений об их (подходов) интеграции в методическую систему. Известна, например, попытка П.В. Сусоева с этих позиций дополнить компоненты содержания обучения ИЯ [7]. В учебном пособии [2] приводятся задания и специальные упражнения, нацеленные на преодоление непонимания, а значит, на обеспечение подлинного диалога культур. Н.В. Барышников разработал стратегию целенаправленного обучения студентов тактикам коммуникативного реагирования на случаи неприятия, агрессии со стороны инокультурного собеседника [1].

Одной из продуктивных технологий предвосхищения случаев дискommunikации в рамках межкультурного взаимодействия является применение учебных кейсов, специальным образом ориентированных на моделирование ситуаций не-диалога культур. Общеизвестно, что востребованность и широкая популярность кейс-метода объясняется максимальным приближением отраженной в кейсе ситуации к реальной модели коммуникативного поведения человека в тех или иных (социальных, профессиональных) обстоятельствах жизнедеятельности. Сущностной характеристикой данной технологии является ориентация на межличностное общение, воздействие на психическую и социальную структуру личности.

Потенциал кейсов весьма ощутим при обучении студентов принятию решений в процессе нарушения межкультурной коммуникации, поведению в ходе не-диалога культур. В структуру кейса включается сложная для разрешения проблема, которая связана с ситуациями, при которых обе стороны оказываются в состоянии непонимания и даже неприятия друг друга. Наличие в кейсе двух оппозиционных моделей восприятия участниками общения одного и того же фрагмента действительности является обязательным [9].

В настоящее время в открытом доступе имеется немало сборников кейсов. Абсолютное большинство из них (86% из проанализированных 18 сборников кейсов отечественных и зарубежных составителей) занимают кейсы по *деловой* коммуникации. За пределами внимания авторов кейс-коллекций оказывается *кросс-культурный обиходно-бытовой дискурс*, частотность реализации которого намного превосходит профессионально-деловые ситуации взаимодействия коммуникантов. Именно этот тип дискурса предопределяет качественную сторону взаимоотношений участников общения, поскольку он призван поддержать контакт, обеспечить исходно позитивную тональность общения двух участников, принадлежащих к разным социокультурным общностям. Простота и беспрепятственность его реализации оказываются мнимыми. Напротив, ввиду спонтанности, сильной ситуативной зависимости, ярко выраженной субъективности и допустимости языковых и речевых нарушений [4], данный тип дискурса более всего оказывается подвержен сбоем, основанным на непонимании, обманутом ожидании. Тем самым, не-диалог культур в этом случае более чем вероятен.

Вследствие этих заключений становится очевидной необходимость разработки и включения в контекст подготовки выпускников вузов кейсов, фиксирующих *кросс-культурный бытовой дискурс*, т.е. отражающих различные ситуации непонимания и/или неприятия собеседниками друг друга в среде

повседневного общения. Кейс способен предоставить студентам возможность определить причину недопонимания, установить характер неприязни, основанной на разнокультурных ценностных представлениях, позволит им осознать важность учёта фактора культурного дистанцирования, задуматься о том, каким образом можно минимизировать межкультурные конфликты, как обучающиеся сами поступили бы на месте героев ситуации, описанной в кейсе.

Достижение позитивных результатов в ходе межкультурной коммуникации – чрезвычайно сложный процесс, требующий наличия специальных знаний, навыков, умений, качеств личности участников не-диалога культур. В период, когда учебники явно запаздывают в предоставлении содержания и технологий, направленных на применение межкультурного подхода в практике преподавания иностранных языков, наступил черед практико-ориентированных технологий, прежде всего кейс-метода, максимально отражающего реальную конфликтную действительность межкультурных взаимоотношений. Правильно составленный кейс, ориентированный на осмысление, анализ существа межкультурной проблемы и на принятие личностно обусловленного варианта ее решения, позволит снять или по крайней мере снизить дискомфорт в межкультурных отношениях и обеспечить продуктивность контактов на различных уровнях межгосударственных взаимоотношений.

Список использованных источников

1. Барышников Н. В. Основы профессиональной межкультурной коммуникации. М.: Издательский дом «Инфра-М», 2013. 368 с.
2. Бердичевский А. Л., Гиниатуллин И. А., Тарева Е. Г. Методика межкультурного иноязычного образования в вузе: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2019. 368 с.
3. Каган М. С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
5. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики / отв. ред. Е. Г. Тарева. М.: Логос, 2014. 232 с.
6. Сафонова В. В. Философская бинарная оппозиция «Диалог культур – не-диалог культур» в лингводидактическом рассмотрении // Преподаватель XXI века. — 2018. — № 2. — С. 20–39.
7. Сысоев П. В. Пересматривая конструкт межкультурной компетенции: обучение межкультурному взаимодействию в условиях «диалога культур» и «не-диалога культур» [Электронный ресурс] // Язык и культура. — 2018. — №43. — С. 261–281. — Режим доступа: <http://doi: 10.17223/19996195/43/16> (дата обращения 03.02.2019).
8. Тарева Е. Г. Межкультурный подход в парадигмальной системе современного социогуманитарного знания // В книге: Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности / отв. ред. Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 2017. С. 17–44.
9. Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации // Бизнес. Образование. Право. — 2018. — № 4 (45). — С. 398–404.

10. Mott C., Cockayne D. Conscientious disengagement and whiteness as a condition of dialogue [Electronic Resource] // Dialogues in Human Geography. — 2018. — Vol. 8, № 2. — P. 143–147. — Mode of access: URL: <https://doi.org/10.1177/2043820618780575> (дата обращения 03.02.2019).

11. Qian J. The possibilities of cosmopolitan dialogue [Electronic Resource] // Dialogues in Human Geography. — 2018. — Vol. 8, № 2. — P. 138–142. — Mode of access: URL: <https://doi.org/10.1177/2043820618780574> (дата обращения 04.02.2019).

12. Rose-Redwood R., Kitchin R., Rickards L., Rossi U., Datta A., Crampton J. The possibilities and limits to dialogue [Electronic Resource] // Dialogues in Human Geography. — 2018. — Vol. 8, № 2. — P. 109–123. — Mode of access: URL: <https://doi.org/10.1177/2043820618780566> (дата обращения 05.02.2019).

13. Tareva E. G., Tarev B. V. Cases on intercultural communication: new approach to design [Electronic Resource] // Журнал Сибирского федерального университета. Серия Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 11, № 10. — С. 1699–1710. — Mode of access: URL: <https://10.17516/1997-1370-0329> (дата обращения 02.02.2019).

14. Wright S. When dialogue means refusal [Electronic Resource] // Dialogues in Human Geography. — 2018. — Vol. 8, № 2. — P. 128–132. — Mode of access: URL: <https://doi.org/10.1177/2043820618780570> (дата обращения 01.02.2019).

УДК 81-112.2:81'36=111

DISCOURSE-PRAGMATIC FUNCTIONS OF OVERT SUBJECTS

B. Hajiyev,

Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of English for the Faculties of Arts, Baku State University, Azerbaijan, Baku

Аннотация. В статье рассматриваются дискурсивно-прагматические функции открытых подлежащих. Это одна из актуальных проблем современной лингвистики. В отношении этого вопроса были проанализированы точки зрения Х.П. Грайса, Кикио Ямакавы, Акио Камио, Романа Якобсона, Эарлиса Дэвиса, Радольфа Кверка, Ситдни Гринбаума, Джоффри Лича, Яна Свартвика, Даунза Уильяма. Был сделан вывод, что скрытое мнение, влияющее на различные способы использования открытых императивных подлежащих, можно свести к двум основным функциям. Первая реализуется по исключительно информационным причинам. Вторая выполняется по эмотивным причинам. Следует упомянуть, что первая дискурсивная функция открытых императивных подлежащих касается передачи самой важной информации в высказывании.

Ключевые слова: открытое подлежащее, императивное подлежащее, требование, высказывание, достоверность, расположение, адресат.

Summary. This article deals with discourse-pragmatic functions of overt subjects. This is one of the actual problems of modern linguistics. We analyzed the viewpoints of H.P. Grice, Kikuo Yamakawa, Akio Kamio, Roman Jakobson, Eirlys Davies, Radolph Quirk, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, Jan Svartvik, Downes William concerning this issue and came to the conclusion that the

implicit view influencing the various ways in which overt imperative subjects are used and interpreted can be reduced to two basic functions: the first, driven by purely informational reasons, and the second, which may be described as emotive reasons. It should be mentioned that the first discourse function of overt imperative subjects is that of conveying the most important information in the utterance.

Key words: overt subject, imperative subject, requirement, utterance, validity, location, addressee

Discourse-pragmatic functions of overt subjects is one of the actual problems of modern linguistics. The subject of an imperative must be overly present if it represents the most important information. This, of course, does not mean that imperative subjects that do not represent the most important information must undergo *pro-drop*. Subjects that have exclusively third person reference can never undergo *pro-drop* regardless of their information structure, because the identification requirement on *pro* cannot be satisfied. As for subjects with second-person reference, they can be overly present even when they do not represent the most important information. Does this mean that *pro-drop* is an optional process for second-person subjects that do not represent the most important information? The fact that the presence of an overt subject NP results in unacceptability in some examples, suggests that the answer is negative. What is more? On the assumption that communicational exchanges are conducted in general accordance with Grice's (1975) Cooperative Principle [1], we can expect that an imperative subject whose overt presence is not required by the Pecking Order of Deletion Principle will occur overtly only when it serves some particular purpose. The question is, then, what purpose do such subjects serve?

In the past a number of researchers addressed this question and offered various remarks and observations. Yamakawa, for instance, writes that the speaker chooses to "append" you to the imperative for the following purposes: «... first to emphasize the person addressed, often with the intention of contrasting or distinguishing him from some other person or persons, and secondly to add some subjective emotional coloring to the tone of the utterance and so reflect on the expression of you some feeling on the speaker's part towards the action that is to be done by the person addressed» [2, p. 6].

Offering much the same observations, Downes states, «... in those cases where a subject is supplied it is with good reason and the hearer can infer that some conversational purpose is served, either to specify the addressee's identity where this is required, All those who..., or contrast! YOU go next..., or to serve a persuasive function of some kind, for example, Come on – you give it a try» [3, p. 83].

Similarly, Quirk et al. remark that the subject you may be «contrastive in the sense of addressee-distinguishing» [4, p. 828], or, when used non-contrastively, either «admonitory» [4, p. 828] or «persuasive» [4, p. 828]. The following are some of the examples they cite in illustration of these functions:

«(48) a. Don't tell ME to be quiet. YOU be quiet! (Contrastive)

b. You mind your own business, and leave this to me!
(Admonitory)

c. I know you can do it if try hard enough. You show me what you can do. (Persuasive)» [4, p. 828].

Whatever differences may set these characterizations apart, there is an apparent commonality that underlies them all, namely, the implicit view that the various ways in which overt imperative subjects are used and interpreted can be reduced to two basic functions, the first driven by purely informational reasons, and the second, by what may be described as emotive reasons.

The first function, which, I shall call “informational,” has frequently been referred to in the literature as “contrastive,” and is illustrated by Downes’ first two examples and Quirk et al.’s. first example. Looking at these examples, it is perhaps clear why I have opted for the label “informational,” rather than the traditional “contrastive.” If “contrastive” is an apt label for utterances like “YOU go next” and “YOU be quiet!” ((48a)), it may be somewhat misleading to describe utterances like “All those who know how to swim come with me” as contrastive, since the subject all those who... is not explicitly being contrasted with another entity. On the other hand, these three utterances are all akin in that their subject NPs convey information that is new, hence important. The following examples can be also interesting in this regard:

- «(49) a. All of you listen up.
- b. Somebody call 911!
- c. No, I don’t want to call her. YOU call her, all right?» [4, p. 828].

As one might expect, deleting the subject NP in “YOU be quiet,” “YOU go next,” and “All those who...” either changes the semantics of the proposition conveyed or results in complete infelicity. To summarize, the first discourse function of overt imperative subjects is that of conveying the most important information in the utterance – hence the label “informational,” and naturally, all subjects that fulfill this function are required to occur overtly by Pecking Order of Deletion Principle.

The second function, which I propose to call “emotive” in the sense of Jakobson (1981), mainly concerns the second-person pronoun you in its “non-obligatory” use – i.e., where it does not represent the most important information in the utterance and thus is not required by the Pecking Order of Deletion Principle. This function is much more difficult to delineate than the first because the ways in which it can manifest itself are (or at least they appear to be) quite variegated. For example, in addition to being characterized as “admonitory,” utterances like (48b) above and (50a-b) below have been described as conveying “[a] feeling of impatience or threat”, or “an attitude of impatient hearer-directed anger on the part of the speaker” , or “a somewhat bullying or aggressive tone”:

- «(50) a. You get out of here this minute!
- b. You do as I say!» [4, p. 828].

Utterances like (48c) and (51a-b), on the other hand, have been described as expressing such positive attitudes as “conciliation” and «sympathy» [2] and «amicable encouragement or comforting reassurance» [6]:

- «(51) a. You tell him how you feel.
- b. You sit down and put your feet up» [6].

In remonstrance to such unenlightening characterizations, Davies [6] claims that there is in fact a single feature that can be attributed to all the manifestations of the emotive function. This feature, she concludes, is authority. To be more specific, Davies writes that in all the cases where the subject you is used non-obligatorily, «the speaker is laying claim to a certain authority over his addressee» [6, p. 147],

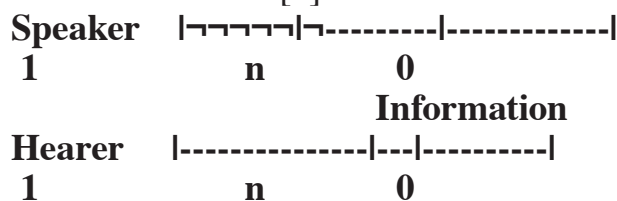

and that the difference in tone between utterances like (48b) and (50a-b) on the one hand and utterances like (48c) and (51a-b) on the other «can be attributed to the different purposes for which the speaker seems to be emphasizing his authority» [6, p. 147]. When the speaker is emphasizing his authority to issue a command, for instance, the addressee as impatient may perceive the resulting effect, irritated, or aggressive, whereas when the speaker is offering advice or making a suggestion, his emphasizing his authority may be taken as an expression of encouragement or concern. Of course, intonation plays an important role as well in how a given imperative is perceived. For instance, an utterance like “You tell him how you feel” can have very different emotive effects depending on how it is intoned.

While there is great validity in Davies’ [6] analysis, I believe that her notion of authority can be captured in terms of a more general theory, viz., the theory of territory of information. The theory of territory of information, which is the first proposed by Kamio Akio in 1979 and developed further in his researches and has the following basic assumptions:

«(52) Territory of Information

a. There are two linear psychological scales, one for the speaker and the other for the hearer, which measure the distance between the speaker/hearer and a given piece of information» [7].

A given piece of information is located on these scales and can take any value between (and including) 1 and 0. b. A given piece of information that is closer to the speaker than “n” belongs to the speaker’s territory of information, and that which is closer to the hearer than n belongs to the hearer’s territory of information, where n is a specified value between 1 and 0 and designates the outer boundary of both territories.

The exact location of a given piece of information on the two psychological scales, Kamio expounds, is determined on the basis of the following general conditions:

«(53) General Conditions on the Location of Information

- a. Information obtained through the speaker’s/hearer’s internal direct experience;
- b. Information embodying detailed knowledge which falls into the range of the speaker’s/hearer’s professional or other expertise;
- c. Information obtained through the speaker’s/hearer’s external direct experience;
- d. Information about persons, objects, etc. that are close to the speaker/hearer» [7].

Information that satisfies one or more of these conditions is considered to belong to the speaker’s/hearer’s territory of information. For instance, *ceter isparibus*, information that conveys the speaker’s internal feelings. Such as pain, memory, belief, hope, etc., belongs to the speaker’s territory information on account of (53a), whereas information that conveys information about the hearer’s mother belongs to

the hearer's territory on account of (53d). Examples like (54-55) below show how the notion of territory of information is relevant to language. The acceptability judgments are given by Kamio:

- «(54) a. I feel lonely.
b. I seem to feel lonely» [7].
«(55) a. That lady is your mother.
b. Isn't that lady your mother?» [7].

According to Kamio, (54b) is marginal because in general, information that falls within the speaker's territory on account of condition (53a) cannot be expressed using a "non-direct" form – i.e., an utterance that contains a hedging element or a rhetorical question. In (55), on the other hand, the (a) sentence is marginal because the speaker with a "direct" form – an utterance that makes a direct assertion without any hedging elements.

As to how the notion of territory of information bears on imperatives, I claim that whenever the speaker uses a non-obligatory you subject, he is asserting that the information conveyed in the imperative belongs to his territory of information. I also claim that the authoritativeness that is associated with the use of non-obligatory you is a derivative of such a territorial claim. To begin, let us reconsider examples (50-51), repeated below as (56-57):

- (56) a. You get out of here this minute!
b. You do as I say!
(57) a. You tell him how you feel.
b. You sit down and put your feet up.

In each of these examples, it can be reasonably argued that the information conveyed in the imperative belongs to the speaker's territory of information by virtue of the fact that it satisfies condition (53a) – i.e., it expresses what the speaker wants, wishes, or believes should be done, so it can be said to have been obtained through the speaker's internal direct experience. By introducing a non-obligatory you in the subject position, then, the speaker is declaring that the information conveyed in the given imperative lies within his territory. And by making such an open declaration, the speaker is imparting the message "I, the speaker, know what I am talking about, so you, the addressee, had better do as I say." It is therefore not surprising that imperatives that have a non-obligatory you in the subject position should be perceived as being authoritative in tone.

Finally, assuming that only the second-person pronoun you can serve as an expression of the speaker's territorial claim in imperative utterances, we must ask why this is so. As suggested by Davies [6, p. 149], it may be related to the fact that "in many cultures the act of explicitly designating an addressee is invested with special significance, being regarded as something like an imposition upon the addressee, and is therefore not something that everyone has the right to do in every circumstance." I leave these issues to be investigated in a future study.

References

1. Grice H.P. *Logic and Conversation in Syntax and Semantics*. Ed. Peter Cole and Jerry L. Morgan. New York, 1975. P. 41–58.
2. Yamakawa K. *The Imperative Accompanied by the Second Person Pronoun*. *Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences*. —1966. — № 7. — P. 6–25.
3. Downes W. *The Imperative and Pragmatics*. *Journal of Linguistics*. — 1977.

— № 13. — P. 77–97.

4. Quirk Radolph, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, and Jan Svartvik. A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985.

5. Jakobson Roman. Linguistics and Poetics. In Selected Writings III: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry / ed. Stephen Rudy. The Hague: Mouton, 1981. P. 18–51.

6. Davies Eirlys E. The English Imperative. London, 1986.

7. Kamio Akio. Territory of information. Amsterdam, 1997.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 811.1/9

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ СОВРЕМЕННЫХ ЕВПАТОРИЙЦЕВ

Е. В. Багумян,

*доцент кафедры иностранных языков,
зав. отделением международного сотрудничества,
Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Севастополь*

Аннотация. В статье рассматриваются виды номинаций, используемых современными жителями Евпатории, значение которых вызывают определенные сложности при коммуникации с гостями города; проводится лингвистический анализ употребляемых лексических единиц на основе историко-культурных, географических и этнических данных в качестве вспомогательных.

Ключевые слова: интерактивность коммуникации, языковые средства, образная аналогия, концептуализация объективной реальности.

Summary. The article deals with the types of nominations used by modern inhabitants of Yevpatoria, the meaning of which cause certain difficulties in communication with the guests of the city; linguistic analysis of lexical units has been performed on the basis of historical, cultural, geographical and ethnic background.

Key words: interactivity of communication, language means, image analogy, conceptualization of objective reality.

Общение современных крымчан как «межличностное взаимодействие людей при обмене информацией познавательного или аффективно-оценочного характера» [3, с. 61] представляет собой лингвистический интерес, поскольку через употребляемые ими лексические единицы люди особым образом формализуют воспринимаемые реалии окружающего мира. Использование языковых средств, вошедших в обиход евпаторийцев, иногда затрудняет их коммуникацию с гостями полуострова: без знаний о культурно-бытовых, социально-экономических, возрастных особенностях евпаторийцев искажается или вовсе отсутствует интерактивность общения.

Употребляемые лексические единицы можно классифицировать по семантическим, лексико-грамматическим и фонетическим признакам, составляющих основу для концептуализации объективной реальности.

Использование евпаторийцами метафоризации для названия зданий, сооружений, предметов и т.п. позволяет воплотить в языке различные характеристики этих объектов. Например, жители города называют «китайской стеной» или «лежащим небоскребом» дом на проспекте Победы 33, размеры и форма которого напоминают известное сооружение в Китае. «Доллар» – название дома на ул. 9 Мая, построенного в виде соответствующего денежного знака (\$). Визуальная аналогия лежит в основе именованной кафе в виде ковчега, которое названо «поплавком». Это сооружение на городской набережной было снесено в 2017 г., так как закрывало вид на море и выступающую в море часть городской набережной – евпаторийское «Ласточкино гнездо». Просто

«кольцом» называют автомобильное кольцо при въезде в город со стороны г. Саки. Дизайн и архитектура Евпатории зачастую имеет морскую стилизацию, поэтому жители города могут указать на остановку общественного транспорта, произнеся просто слово «ракушка».

Местный элеватор, в силу своей схожести с героем-монстром, которого придумал американский сценарист и режиссёр Мериан Купер, получил название «Кин-Конг»: в данном случае используется кинематографическая образная аналогия.

Гости Евпатории имеют возможность ознакомиться со знаменитыми постройками шести исторических религиозных конфессий, турецкими банями и мастерскими ремесленников, занимающихся изготовлением уникальных изделий, гуляя по «Малому Иерусалиму». Данный пешеходный маршрут назван евпаторийцами так в результате исторической и этнокультурной аналогии двух древних городов, Евпатории и Иерусалима. Город Евпатория был основан более 2500 лет тому назад, поэтому в основе многих названий-загадок лежат исторические факты. Например, в старой части Евпатории есть «катык» – небольшая площадь, на которой в конце XIX - начале XX веков располагался вещевой рынок – «толчок» (так и сейчас его называют евпаторийцы). До этого времени он именовался как «Катык-базар» кислого молока и пресной воды, где торговали даже невольниками. Слово «катык» произошло из тюркского языка и означает «простокваша». Этот район, состоящий из частных домов, жители называют «слободка», уменьшительной формой от «слобода». А в самом начале XX столетия на этом месте были скученные и убогие застройки цыганской и татарской слободок.

Евпаторийский индустриальный техникум, который в 1997 году имел название СПТУ №46, в народе значит как «46-я бурса», чем подчеркивается пренебрежительное отношение к уровню образовательного учреждения.

Одной из новых достопримечательностей Евпатории стало «лебединое озеро» на въезде в город – южная часть озера Сасык-Сиваш (тюрк. «зловонная грязь»), где много лет подряд зимовали лебеди, обжили это место и теперь остались круглогодично, – такова этимология орнитологической метафоры «лебединое озеро» в Евпатории.

Недалеко от этого озера располагается микрорайон «Пересыпь», собственно улица Симферопольская. Своё название он получил от способности моря в период зимних штормов заливать и засыпать песком прилегающую к домам территорию. Таким образом, «Пересыпь» – ландшафтная метафора.

Процесс именованья имеет свои возрастные особенности в Евпатории. Название «Пентагон» используется молодежью для указания на недостроенный и заброшенный Дом пионеров, а люди преклонного возраста употребляют его для жилого здания по улице 9 Мая. Известные всем шорты «бермуды» получили такое название за определенную форму изделия, напоминающую Бермудский треугольник. Для взрослых евпаторийцев Бермудский треугольник ассоциируется с местным ЗАГСом – зданием, в котором, по их мнению, «пропадают» мужчины и женщины: в данном примере доминирует оценочно-функциональное семантическое значение словосочетания. Жилой массив за железнодорожным вокзалом жители могут просто назвать «за линией», а район Евпатории, протянувшийся вдоль железной дороги, который

включает исключительно частные дома, построенные без разрешения, люди именуют «Нахаловка».

Ночной клуб «Европа», расположенный в центральной точке парка им. Фрунзе, имеет форму круга, поэтому называется как современной молодежью, так и ее родителями, «пятак». Ночной клуб «Амстердам», построенный в виде крепости, молодежь именует просто «крепость». Под «Крестом» в городе понимается пересечение улицы Фрунзе и набережной Горького; а для молодежи это может означать клуб «Южный крест».

Особого внимания заслуживает в Евпатории именование людьми пляжей, при котором наблюдается смешение всех вышеописанных аналогий. Метафора «яма» используется для пляжа между улицами Ивана Франко и Полупанова, так как морское дно в этом месте имеет много глубоких ям. Словосочетание «купаться на нефтебазе» указывает на часть морского побережья Евпатории, где в XX веке хранились нефтепродукты для воинских частей, дислоцировавшихся в городе. Так как некоторые казармы располагались на самом побережье, пожилые горожане называют это место «Конский пляж», а для молодежи это место – «Солярис» (лат. солнечный). С историей города связано название людьми пляжа и прилегающего района «Гелиос» (греч. солнечное божество): в 1914 году на данной территории располагался санаторий «Гелиос», полностью разрушенный во время Великой Отечественной войны. Евпаторийцы используют для названий пляжей усеченные аббревиатуры, например, пляж «МИТХИТ»/ «ХИТ»: МИИТ-ХИИТ – Московский институт инженеров транспорта – харьковский институт инженеров транспорта.

Интересны случаи использования метонимического сравнения жителями Евпатории. В транспорте можно услышать такие фразы: «Крупская, выходят?», «на Демьшева», «до Украины», «остановите на подсобке», «мне на мечети» и т.п. Однако, нужно понимать, что если вас отправляют («посылают») на улицу Гоголя, то, возможно, вас хотят назвать не совсем душевно здоровым человеком, т.к. в Евпатории на улице Гоголя расположена больница для душевнобольных людей. А когда указывают «на Пушкина», это может означать – в полицию. Просто «девяткой» люди называют девятый микрорайон города; «на прожекторах» означает двор на улице Интернациональная 139, а «на миру мир» – двор на улице Интернациональная 143, где и находятся эти прожектора и плакат с надписью.

Отдельную группу филологических загадок евпаторийцев составляют использованные ими жаргонизмы. Город Евпатория, названный в честь царя древнего Понта Митридата VI Евпатора, современная молодежь называет «Евпа».

Несмотря на то, что для самих его жителей существует только две формы официальные формы обращения («евпаториец» и «евпаторийцы») [2], В. Маяковскому, побывавшему в Евпатории четыре раза, удалось пополнить вокабуляр новыми словами-названиями местных жителей. В одноименном стихотворении «Евпатория» автор употребляет: «евпаторийки», «евпаторьяки», «евпаторьяне», «евпаторёнки», «грязи евпаторячьи», «евпаторство». В качестве синонима «евпаторийцы» местные жители называют себя «аборигены», а отдыхающие гости Евпатории получили

название «куржи». «Куржи» (производная форма от «курортники») – приехавшие на курорт люди. Любопытно, что в Ялте их называют «сдыхли» – производная от отдыхающий, а на курортах восточного Крыма – «отдыхайки».

Местные жители называют таксиста «корпала»: от слова «корпеть», что означает «усидчиво заниматься». Незрелые абрикосы евпаторийцы именуя «канчики», возможно, это усеченная форма существительного «кабанчики»; набережную – «набка». В этом городе, в отличие от, например, Санкт-Петербурга, парадное называется только «подъезд», или «падик». Уменьшительные формы используются жителями для названий улиц и объектов инфраструктуры, например: улица Эскадроная – «Эскадронка», кафе «Южное сияние» – «Южка» и т.д.

Одной из достопримечательностей Евпатории является единственная в Крыму работающая сеть трамвайных линий, заложенная городским главой С. Дуваном ещё в мае 1914 года. Как написала юная жительница Евпатории Тельминова Ульяна:

«... Я Евпаторию узнаю,
По одному её трамваю!» [4].

И только коренные жители Евпатории называют этот вид транспорта «траНвай».

Лексико-фонетический повтор стал основой прозвища «Наша Няша» для депутата Госдумы, экс-прокурора Крыма Натальи Поклонской, которая в 10 лет переехала с родителями в Евпаторию. Словосочетание «няш-мяш» взято из фразы самой Поклонской: «Я – прокурор, и поэтому никаких няш-мяш и тому подобное я не допущу».

Совсем непонятными для гостей города могут стать фразеологические словосочетания, которые употребляются в Евпатории, например: «через Саки – на Мойнаки», «четыре класса и один коридор», «Зев зек Панайот», «Нордостяка дуть будет, пока грека не выбросит». Фраза «Через Саки – на Мойнаки» приобрело значение движения к цели очень длинным, окольным путем. Саки – курорт, расположенный около 25 км от Евпатории, а Мойнаки – лечебное озеро в самой Евпатории, когда-то считавшееся противоположной окраиной города. «Четыре класса и один коридор» означает начальное образование и жизненный практический опыт, малограмотность человека. Родители иногда используют эту фразу для осуждения детей за незнание чего-либо. Словосочетание «зев зек Панайот» указывает на то, что человек говорит очень быстро, малопонятно и неразборчиво, как говорил Панайотов, владелец одноименного дома по улице Революции. «Нордостяка дуть будет, пока грека не выбросит» обозначает сильный северо-восточный ветер, который будет дуть, пока не выбросит на пологий евпаторийский берег лодку, принадлежащую какому-либо греку. Лодки, принадлежащие бедным хозяевам, не отличались в то время устойчивостью к штормам. Фразеологизм «что не двери, то Бендебери» берет начало с XX века, когда Бендебери был владельцем многих домов в Евпатории [1].

Таким образом, в основе полного или частичного нарушения вербальной коммуникации между евпаторийцами и гостями этого города лежит семантический и фонетический диссонанс, который возникает как результат

отсутствия у адресата необходимой информации об исторических, природно-ландшафтных, культурных и др. явлениях и событиях, наблюдаемых в жизни местных жителей Евпатории и особым образом отображаемых в их речи.

Список использованных источников

1. Выражения Евпатории. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://история-евпатории.рф/interesnoe/virazeniya.php> (дата обращения 10.03.2019).
2. Жители Евпатории. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://residentname.ru/ru/evpatoriya> (дата обращения 10.03.2019).
3. Сокол И. А. Соотношение понятий коммуникации и общения // VII Международная конференция «Личность-слово-социум». Минск, 2007. С. 61.
4. Стихи о Евпаторийском трамвае. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2013/02/07/8501> (дата обращения 10.03.2019).

УДК 811.111-26

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОВОЗЕЛАНДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УТРЕННЕЙ ИНФОРМАЦИОННО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ПЕРЕДАЧИ TVNZ BREAKFAST)

С. С. Джемилова¹, Н. М. Евстафьева²,

¹ обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

² кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования новозеландского варианта английского языка в телевизионном дискурсе на материале утренней информационно-развлекательной передачи «Breakfast». Исследование коснулось фонетического, лексического и стилистического уровней языка, каждый из которых отличается определённой степенью региональной маркированности. Выявленные в коммуникативном поведении телеведущего специфические черты NZE позволили сформулировать основные функции языка, реализованные в рамках жанра инфотейнмент: когнитивную, психологическую и эмоционально-волевою.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, инфотейнмент, новозеландский вариант английского языка.

Summary. The article highlights the peculiarities of New Zealand English functioning in television discourse based on the morning infotainment program «Breakfast». The investigation elicits phonetic, lexical and stylistic levels of the language. All of them are regionally marked. Three main functions of NZE were formulated based on the television anchorman's communicative behavior: cognitive, psychological and emotive.

Key words: television discourse, infotainment, New Zealand English.

Отличительной чертой коммуникации является её разнообразие: язык способен оказать воздействие на индивидуальное и социальное поведение личности, используя различные методы и средства.

Телевидение принято считать одним из наиболее сильных рычагов СМИ по воздействию на массовое сознание и поведение. Исследования социологов и психологов в данной области не прекращаются уже несколько десятилетий в виду необходимости рассмотрения всех возможностей и функций данного проводника информации в современном обществе (А. Ю. Карпова, Н. В. Арутюнова, Е. Е. Захаров).

Жанровое разнообразие телевизионных передач велико и увеличивается пропорционально потребностям зрителей. Классификация жанров телевидения возможна по тематическому признаку. Так, на данный момент выделяют новости, телеобзор, телесериал, телеспектакль, кино, интервью, ток-шоу, теледебаты, телеигры и телевикторины, телешоп, телешкола, телевикторина, утренние информационно-развлекательные передачи, кулинарная программа, программа о здоровье, спортивные выпуски [5, с. 166].

Лингвисты обратились к этой области вслед за социологами и психологами, связав их исследования воедино и проследив специфику изменения речи в зависимости от возникшей коммуникативной ситуации. Д. Фиске и Д. Харли отметили трансформации в коммуникативном поведении. Исследователи пришли к выводу, что любое информационное воздействие (телевизионное в том числе) является не только социо-культурным феноменом, но и определённым актом коммуникации. Данная гипотеза способствовала появлению телевизионного дискурса, как единого комплекса вербальных и невербальных средств, объединённых в целях распространения информации и воздействия на целевую аудиторию при помощи коммуникативных знаков [8, с. 11]. Телевизионный дискурс в широком понимании представляет собой «...телевизионную речь в ситуации социального взаимодействия телекоммуникатора и телеаудитории» [5, с. 167]. По утверждению О. А. Лаптевой, телевизионная речь способна выступать в качестве «речевого портрета эпохи» [4, с. 11].

Принимая во внимание особенности структуры и стилистические признаки телевизионного дискурса, представляется возможным сделать некоторые выводы. Если традиционные жанры телевидения предполагают монологическую речь (новости, обзоры и т.п.), то современные склонны к введению диалогической речи, тем самым расширяя и без того многочисленные жанры. Теледебаты, реалити-шоу, интервью и разного рода телеигры, отличительной чертой которых является относительно неподготовленная речь, становятся более востребованными. Тематическая направленность также определяет коммуникативное поведение аудитории и коммуникатора. Очевидна полярность выбора стилистических средств для построения речи в рамках «ток-шоу» и «теленостях». Первой коммуникативной ситуацией свойственна разговорная и обиходная лексика, второй – официальная. Как правило, тон дальнейшего ведения беседы задаёт именно коммуникатор. Как справедливо отмечает А. Д. Петренко: «В конкретном стилистическом контексте общения все члены социальной общности ведут себя сходно, то есть говорят одностильно, используя соответствующий стиль произношения» [7, с. 19].

«Важнейшей характеристикой современного телевизионного сообщения является доминирование личностного начала в подаче информации» [6, с. 81]. Коммуникативная лингвистика, будучи разделом языкознания, обращённым к анализу коммуникативного поведения личности, рассматривает телевизионный дискурс, базируясь «...на актуальных вопросах порождения текста: его замысле, конструировании, отборе тематических элементов» [6, с. 82].

Своеобразным отклонением от принятой системы признаков телевизионного дискурса стало явление диффузии жанров телевидения. Эти преобразования в первую очередь связаны с коммерциализацией социального запроса. Возникновение экстраординарных передач, способных совместить в себе эмоциональную подачу и обычные факты, породило три основных направления в синтезе жанров американского телевидения: инфотейнмент, эдьютейнмент и технотейнмент. В 1990-ых годах они утвердились уже на глобальном уровне. О целях и функциях каждого формата говорят их названия. Инфотейнмент предстал в качестве развлекательной подачи информации, обеспечивая зрелищный и познавательный досуг зрителя. Эдьютейнмент взял за основу идею об интересной подаче образовательной информации, делая процесс обучения простым и доступным. Технотейнмент является самым молодым из направлений. Это мультимедийная подача информации (онлайн-музеи, панорамы) [2, с. 139–144].

Рассмотрим подробнее термин инфотейнмент. Е. М. Драгун дал следующее определение: «Инфотейнмент – эстетизированная форма подачи новостных и других видов медиаинформации в развлекательном формате, иногда с элементами театрализации, игрового начала или с различными их оттенками» [2, с. 43]. Рассмотренным в данном исследовании жанром инфотейнмента стала утренняя информационно-развлекательная передача. Подобные передачи обычно включают в себя несколько рубрик. Основными из них являются краткие выпуски новостей и их обсуждение ведущими. Как правило, ведущих несколько, так как открытое общение группы людей в студии настраивает зрителя на динамичное восприятие увиденного и услышанного. Поскольку вся передача нацелена на аудиторию, собирательный образ телеведущих должен соответствовать главному пункту – удовлетворению телезрителей. Учитываются, как минимум, внешний вид (одежда, причёска, макияж) и элементы поведения и речи.

Отдельным пунктом, требующим внимания, являются вопросы о длительности трансляции и времени выхода передачи в эфир. Быстрый темп жизни не позволяет проводить время у экранов телевизоров ранним утром, поэтому одной из задач, поставленных перед телепередачей, является изложение необходимой информации и оказание позитивного влияния на зрителя в течение 15-20 минут.

Материалом для текущего исследования послужила утренняя информационно-развлекательная передача *TVNZ Breakfast*.

Фонетические особенности новозеландского варианта английского языка раскрываются в речи дикторов телепередачи. В спонтанной речи наблюдается тенденция перехода с гласного переднего ряда [ɛ] к гласному переднего отодвинутого назад ряда [ɪ]: *dead* – [dɪd], *ten* – [tɪn], *seven* – [sɪvn],

edge – [ɪdʒ], *weather* – ['wɪðə], *step* – [stɪp], *headline* – ['hɪdlaɪn], *ahead* – [əhɪd], *rest* – ['rɪst], *next* – [nɪkst].

Гласный переднего ряда низкого подъема [æ] произносится как переднеязычный среднего подъема [ɛ]. В большей степени такая трансформация была замечена в речи дикторов-женщин.

Отличия от RP также заметны в словах с дифтонгами. Слова *reel* и *real* звучат как [ri:l], *doll* и *dole* – как [dɒl].

Особенности лексического уровня более заметны, чем фонетические. Дружеская атмосфера во время бесед позволила обратить внимание на использование национальных идиом и реалий. К примеру, диктор использует выражение *get the rough end of the pineapple*, описывая несостоявшуюся сделку между знаменитостями.

Лексические единицы, характеризующие эмоциональное состояние человека, повторяются в нескольких выпусках. В большинстве своём они используются дикторами молодого поколения. *To be box of fluffies* означает быть очень счастливым, *get off the bike* – злиться на кого-либо, *keen* – позитивно-мыслящий, *sticky beak* – любопытный.

Традиционное маорийское приветствие *Kia ora* стало неотделимой частью любого эфира. Так ведущие не только обращаются к зрителям, но и к своим коллегам, которые ведут репортаж из другой локации. Не менее распространённой формой стало выражение *Giddy* (производная от *Good day*). Маорийское название Новой Зеландии *Aotearoa* в указанной телепередаче повторялось во всех эфирах в рубрике «Прогноз погоды». Для соседней Австралии существует эквивалент *across the ditch*. Вышеизложенные лексические единицы задействованы в телевизионном дискурсе в рамках функций информирования и создания местного колорита.

Стилистические особенности ведения утренней информационно-развлекательной передачи «*Breakfast*» обусловлены скорее жанром инфотейнмента, чем национальными чертами языка. Рассмотрим случаи отклонения от формального ведения телепередач.

Комментируя Канье Уэста, телеведущий отмечает мнение людей и в тот же момент делает себе комплимент, вызывая улыбку коллег и, наверняка, зрителей. *Some educated, esteemed people... like myself... say that he is a genius*. Все нижеизложенные примеры указывают на реализацию основной функции инфотейнмента – достижения эмоциональной реакции аудитории. *I'd like to quickly introduce Sarah. The other funny thing is that... What on Earth could go wrong? It's good to have you with us. Yeah, nah*. Выражение собственного мнения и переживаний, способность разделить их с аудиторией, преподнести новости в облегчённом формате – неотъемлемая часть утренней информационно-развлекательной передачи «*Breakfast*».

Таким образом, на материале особенностей новозеландского варианта английского языка были продемонстрированы основные функции телевизионного дискурса в рамках утренней информационно-развлекательной передачи. Проведённое исследование также коснулось региональной специфики языка, представленной на трёх основных уровнях. В результате выявлено, что наиболее регионально маркированным является фонетический уровень, представляющий вариативность звуковой системы. Региональные лексические особенности в речи

дикторов отражены в использовании традиционного приветствия и культурно-этнических компонентов. Стилистический уровень успешно реализовал основную цель жанра инфотейнмент, которая заключается в воздействии на аудиторию, однако региональные особенности на нем отмечены не были.

Список использованных источников

1. Демина М.А. Фонопрагматическая обусловленность речи телеведущих информационных программ (на материале британского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002. 24 с.

2. Драгун Е. М. Инфотейнмент как явление современной медиакультуры: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. С. 43, 139–144.

3. Камелина Т.А. Утренний канал на региональном телевидении (проблема контакта) [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский Томский государственный университет. – 2015. – № 10. – <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000580631> (дата обращения 23.02.2019).

4. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. 5-е изд. М., 2003. С. 11.

5. Ларина Е. Г. Телевизионный дискурс и его жанровое разнообразие [Электронный ресурс] // Волгоградский государственный университет. – 2006. – №5. — <https://cyberleninka.ru/article/n/televizionnyy-diskurs-i-ego-zhanrovoye-raznoobrazie> (дата обращения 24.02.2019).

6. Мелехова Н. А. Телевизионный дискурс в решении проблем массовой коммуникации [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2008. – №2. – http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2008/02/2008_02_18.pdf (дата обращения 22.02.2019).

7. Петренко А. Д. Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора Петренко А. Д. Симферополь: Ариал, 2017. С. 5–19.

8. Fiske J., Hartley J. Reading Television [Electronic Resource] // London: Routledge, 2003. – Mode of access: URL: https://s3.amazonaws.com/academia.edu/documents/41860781/_John_Fiske__Reading_Television.pdf. (дата обращения 26.02.2019).

УДК 811.12

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ БЛОГОСФЕРЫ

Е. О. Карнова¹, А. Д. Петренко²,

¹ обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

² доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье представлен анализ текстов немецкоязычных блогов. Выбранной областью исследования является интернет-коммуникация и блог.

Данная сфера достаточно динамично развивается и оказывает значительное влияние на развитие языка. Проведённое исследование по анализу текстов немецкоязычных блогов на различных языковых уровнях позволило установить, что блогеры активно используют различные средства выразительности, выбирают упрощённые грамматические конструкции, характерные для разговорного стиля общения. В период коммуникации в блогах происходят значительные отклонения от норм стандартного немецкого языка, что позволяет рассматривать язык общения блогеров как один из вариантов социолингвистической стратификации.

Ключевые слова: блог, интернет-коммуникация, блогосфера, блогер, текст, СМИ, медиалингвистика.

Summary. The article presents an analysis of the texts of German-language blogs. The chosen field of study is the Internet communication and blog. This area is developing quite dynamically and has a significant impact on the development of the language. The analysis of the texts of German-language blogs at various language levels made it possible to establish that bloggers actively use various means of expressiveness, choose simplified grammatical constructions characteristic of the conversational style of communication. During the communication period, blogs deviate significantly from the norms of the standard German language, which makes it possible to consider the language of communication of bloggers as one of the variants of sociolinguistic stratification.

Keywords: blog, Internet communication, blogosphere, blogger, language levels, text, media, mediallynguistics.

В настоящее время Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного человека. Данный ресурс доступен для всех людей и именно поэтому так востребован. В данной статье рассматриваются языковые особенности текстов немецкоязычной блогосферы. Целью исследования является изучение особенностей немецкого языка молодёжного Интернет-блога на различных языковых уровнях как способа Интернет-коммуникации. **Научная новизна** определяется направленностью исследования на анализ разнообразия языкового материала блогосферы, поиск и обработку информации не только с учётом лингвистических, но и культурологических факторов, формирующих содержание немецкоязычных блогов.

Стремительное развитие средств массовой информации и новых коммуникационных технологий за последние тридцать лет оказало большое влияние на функционирование языка. Интенсивный рост числа традиционных средств массовой информации – прессы, радио и в особенности телевидения, а также распространение всемирной сети Интернет привели к значительным изменениям в современной языковой ситуации. Огромная доля повседневного функционирования языка в создании новых текстов отмечается в средствах массовой информации.

Круглосуточные новостные каналы, многочисленные телевизионные программы и онлайн-издания, общение в социальных сетях – все это поставило перед языковедами новую цель, для достижения которой требуются инновационные форматы исследований [4].

Неудивительно, что резкое увеличение числа устных и письменных текстов в сфере массовых коммуникаций во второй половине XX и начале XXI веков

сопровождался все большим объёмом научных исследований, посвящённых различным аспектам функционирования языка в средствах массовой информации – от специальных характеристик новостных текстов до особенностей использования языка в интернет-блогах и социальных сетях. Новая динамично развивающаяся область исследований привлекла представителей практически всех отраслей лингвистики: социальной лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, специалистов по анализу дискурса.

«Бурное развитие медиа и медийных технологий как основы современного информационного общества послужило толчком к созданию многих научных дисциплин, таких, как медиаэкономика, медиабизнес, медиapsихология, медиалингвистика и др.» [5, с. 177].

Общая ситуация в изучении языков СМИ создала все необходимые предпосылки для появления новой полноценной отрасли лингвистики, а именно «медиалингвистики». Впервые данный термин был использован в докторской диссертации Т.Г. Добросклонской «Теория и методы медиалингвистики» [4, с. 10].

Значение термина основано на сочетании двух ключевых компонентов «медиа» и «лингвистика», предметом новой дисциплины является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации.

Другими словами, медиалингвистика занимается комплексным исследованием конкретной социальной области использования языка – речепроизводства и создания новых текстов в средствах массовой информации. Появление медиалингвистики как нового направления изучения языка вполне оправдано, принимая во внимание важнейшую роль, которую средства массовой информации играют в обществе на протяжении последних 30 лет.

В настоящее время, почти два десятилетия спустя, есть все основания полагать, что медиалингвистика прочно утвердилась и получила широкое признание как новая быстро растущая дисциплина, привлекающая к себе все более возрастающее внимание учёных. Как и любая полноценная академическая область, она соответствует определённым условиям и требованиям:

- 1) наличие тщательно разработанной теории, которая служит прочной основой дальнейших исследований в данной области;
- 2) стабильная внутренняя тематическая структура;
- 3) методология или совокупность приёмов и методов анализа;
- 4) терминология [4].

Несомненно, самая важная теоретическая составляющая медиалингвистики – это понятие медиатекста, которое упоминается фактически во всех исследованиях, посвящённых речевой продукции в массовой коммуникации. Суть данной концепции можно резюмировать следующим образом: традиционное для лингвистики определение текста как «связного и целостного участка языка, на котором говорят или пишут», когда данный термин используется в сфере массовой коммуникации, то значительно расширяет своё значение [3, с. 14–17].

В настоящее время медиатексты изучаются и описываются с помощью методов, разработанных когнитивной лингвистикой, анализом дискурса, критической лингвистикой, функциональной стилистикой, прагматикой, риторической критикой и лингвокультурологией. Этот междисциплинарный

методологический аппарат определяет новизну подхода медиалингвистики к анализу речевых практик массовой коммуникации, поскольку на основе интеграции существующих методов он обеспечивает систематическую многомерную основу для изучения медиатекстов [1].

Коммуникация – это социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации как в межличностном, так и в массовом общении по разным каналам при помощи различных вербальных и невербальных коммуникативных средств.

Среди различных форм интернет-коммуникации целесообразно остановиться на самых популярных из них – блогах.

В рамках настоящего исследования было отобрано 40 личных немецкоязычных блогов и выделены самые популярные из них для проведения анализа особенностей немецкого языка на различных языковых уровнях.

В ходе исследования были обнаружены следующие наиболее яркие языковые особенности немецкоязычного интернет-общения, которые относятся к разговорной речи:

1) слова с разговорной стилистической окраской: *Gammelst du wieder rum?/ Опять ты бездельничаешь?; Das macht mich echt fertig/ Это меня уже достало.*

2) выпадение гласного в неопределённых артиклях: *Letzte Woche ist'ne ganze Menge passiert./ На прошлой неделе произошло много чего.; Weil ich'ne ganze Menge weiß./ Потому что я много чего знаю.*

3) нестандартная передача умлаута на письме: *Moeglichkeit ,fuer, koennen.*

4) наличие орфографических ошибок: *Aaaber, interessnt.*

5) регулярное использование повторов: *Viele Dinge von denen ich nicht weiß ob ich sie gut oder schlecht finden soll./ Много вещей, о которых я не знаю плохо это или хорошо.*

6) употребление англицизмов: *Look, Party, Star, cool, Onlinemall, Internet Community.*

Язык интернет-общения и, в частности, блога является широкой областью для лингвистического и социолингвистического исследования.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: язык общения блогеров уникален и является отражением современных тенденций в языке. В текстах немецкой блогосферы часто используются упрощённые грамматические конструкции, которые свойственны разговорному стилю общения. Во время коммуникации в блогах происходят значительные отклонения от норм стандартного немецкого языка, что позволяет рассматривать язык общения блогеров как один из вариантов данного языка. Следует отметить, что блогеры используют разнообразные средства выразительности языка, чтобы привлечь большой круг читателей и наиболее полно передать необходимую информацию.

Список использованных источников

1. Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. — 2012. — Вып. 4(20). — С. 125–131.

2. Горшкова Е. И. Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. дис. ... кандидата филол. наук. СПб., 2013. 23 с.

3. Добросклонская Т. Г. Теория и практика массовой коммуникации: дис.

... доктора филол. наук. Москва, 2000. С. 9–17.

4. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Москва, 2009. 286 с.

5. Клушина Н. И. Стиль и дискурс: пути и перекрёстки современной лингвистики // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. Колл. монография / Под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. Москва, 2014. С. 177–182.

УДК 811.11; 81'373.46

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ РУССКО-АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПАРЫ

Д. Н. Колянда,

старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Целью работы является проведение анализа различий значений терминов в юридической терминологии в англо-американских и российских юридических текстах посредством метода контрастного анализа. Основные результаты: выявлены три основные категории по соответствию смысловых вариаций в юридических текстах русско-английской языковой пары. В качестве вывода приводится утверждение, что лексическая единица является способом хранения информации и актуализирует определенное видение и знание ситуации.

Ключевые слова: правовая система, контрастный анализ, юридическая семья, юридическая терминология.

Summary. The aim of the work is to analyze the differences in the meanings of terms in the legal terminology in Anglo-American and Russian legal texts through the method of contrast analysis. Main results: three main categories of correspondence of semantic variations in legal texts of Russian-English language pair are revealed. As a conclusion, it is stated that the lexical unit is a way of storing information and actualizes a certain vision and knowledge of the situation.

Key words: legal system, contrast analysis, legal family, legal terminology.

Юридический перевод – это особое направление переводческой деятельности. С ним связан правовой аспект, он имеет не только лингвистическое, но и правовое воздействие и последствия, а также ему присущи характерные особенности права и юридического языка. Кроме того, перевод юридических текстов любого рода – от статутного права до договоров и свидетельских показаний в зале суда – является практикой, находящейся на стыке теории права, теории языка и теории перевода. Поэтому крайне важно, чтобы переводчик-юрист имел базовое понимание природы права и юридического языка и его влияния на юридический перевод.

Сложность и трудность юридического перевода обусловлены характером права и языком, используемым правом, а также связаны с различиями в межкультурном и межъязыковом общении при переводе юридических текстов. В значительной степени юридический язык определяется и увязывается с нормативным, перформативным и техническим характером ис-

пользования языка.

Лингвистические трудности при переводе часто возникают из-за различий в правовых культурах общего и гражданского права. Корень проблем кроется в их различной правовой истории, культуре и системах. Право и языки тесно связаны между собой. Юридический язык обрел свои особенности с учетом требований правовой системы, в которой он применяется. Юридический перевод отличается от других видов технического перевода, передающих универсальную информацию. Каждый юридический язык является продуктом особой истории и культуры. Из этого следует, что характеристики русского языка не обязательно применимы к юридическому английскому языку.

Основная лингвистическая трудность юридического перевода заключается в отсутствии эквивалентной терминологии на разных языках. Отсутствие точного соответствия между правовыми понятиями и категориями в различных правовых системах является одной из самых больших трудностей, возникающих при сравнительно-правовом анализе. Конечно, можно ожидать, что будут встречаться правила с различным содержанием; но может быть неприятно обнаружить, что в каком-то иностранном праве нет даже той системы классификации правил, с которой мы знакомы. Но реальность такова, что юридическая наука развивалась независимо в каждой правовой системе и что те категории и понятия, которые кажутся юристу одной семьи столь элементарными, столь неотъемлемой частью естественного порядка вещей в одной системе, могут быть совершенно чужды другой.

Эквивалентность представляет собой сочетание или компромисс между двумя основными типами ограничений, которые вытекают из несовместимых полюсов целевой системы и исходного текста и системы. Можно утверждать, что с концептуальной и прагматической точек зрения перевод, включая юридический, – это не только вопрос пересечения языков или вопрос идентичности или синонимии. Это обусловлено тем, что актуальность перевода не зависит от того, является ли элемент в одном коде синонимом коррелированного элемента в другом коде. Перекодификация происходит независимо от точного соответствия перевода всем кодам. Трансляционная эквивалентность является относительным понятием. Переводчики принимают решение о конкретной степени эквивалентности, к которой они могут реально стремиться в конкретном тексте. Таким образом, перевод юридических текстов — дело относительное.

Возьмем, к примеру, юридические понятия. Правовые понятия из разных стран редко совпадают, потому что, во-первых, природа языка подсказывает, что два слова редко бывают идентичны между двумя языками и даже в рамках одного языка (например, английского юридического языка в США, Великобритании и Австралии). Во-вторых, человеческие общества со своими культурными, политическими и социальными условиями и обстоятельствами никогда не дублируют друг друга. Право является человеческим и социальным институтом, созданным на основе различных моральных и культурных ценностей отдельных обществ.

Анализ языка текстов международных договоров дает основание сделать вывод, что лексические единицы потенциально способны проявлять себя в различных типах семантических соответствий, таких как:

1) эквивалентные контекстно-семантические единицы;
2) частично эквивалентные контекстно-семантические единицы: (многозначные, недифференцированные и супердифференцированные, с разницей в прагматических значениях).

3) неэквивалентные контекстно-семантические единицы.

Эквивалентные контекстуально-семантические единицы

В текстах, относящихся к правовому дискурсу, можно выделить эквивалентные контекстно-семантические единицы – слова, которые являются моносемантическими и имеют только одно лексическое значение в обоих языках. Примерами этого могут быть международно-правовые термины, которые можно охарактеризовать как юридические термины, которые были унифицированы в международно-правовых документах и которые одинаково интерпретируются правительствами (*extradition* – *выдача преступников*).

Частично эквивалентные контекстно-семантические единицы

Эта группа лексических единиц включает многозначные контекстно-семантические единицы.

Подавляющее большинство слов любого языка характеризуется многозначностью, причем система значений слова в одном языке, как правило, не совпадают полностью с системой значений слов в другом языке. Иногда диапазон значений слова в английском языке шире, чем у соответствующего слова в русском, т. е. слово в английском имеет все те же значения, что и слово в русском языке, но, кроме того, есть значения, которые передаются другими словами в русском языке. Этот вид полисемии называется инклюзией. Например, согласно словарю, характер в русском языке, как и английское слово *character*, имеет следующие значения:

1) *character* (a set of mental properties of a person) – характер (совокупность психических свойств человека);

2) *character* (firmness, will) – характер (твердость, воля);

3) *character* (property, quality, originality) – характер (свойство, качество, оригинальность).

Но английское существительное *character* имеет больше значений:

4) репутация;

5) характеристика, письменная рекомендация;

6) отличительная особенность;

7) фигура, личность;

8) литературный образ;

9) печатный знак, буква, символ.

Эти значения в русском языке выражаются другими словами.

Русское слово *жертва* (*victim*) имеет следующие соответствия на английском языке:

1) *sacrifice*;

2) *victim*.

Значение многозначного слова четко определяется минимальным контекстом, поэтому полисемия лексических единиц не создает больших трудностей с выбором адекватного соответствия. Но для того, чтобы дать адекватный эквивалент контекстно-семантической единицы этой подгруппы, необходимо сначала определить желаемое значение, а затем в рамках этого

значения найти подходящий вариант для контекста. Наиболее распространенными являются многозначные слова, в которых отмечется пересечение референтных значений на английском и русском языках. Совокупные значения единицы одного языка не могут охватывать весь объем единицы второго языка, т. е. часть объемного значения единицы второго языка не может охватываться совокупностью ее словарных эквивалентов. Такое соответствие значений чревато ошибкой в выборе эквивалента, предлагаемого словарем, если ни один из вариантов в данном контексте не подходит. Например: *State Parties shall take into account the particular problems faced by rural women and significant roles which rural women play in the economic survival of their families...*; *Государства-участники принимают во внимание особые проблемы, с которыми сталкиваются женщины, проживающие в сельской местности, и значительную роль, которую они играют в обеспечении экономического благосостояния своих семей...*

Ни один из предложенных словарем вариантов перевода слова *survival* не может быть использован в данном контексте, и на основании первого словарного значения слова *survival* следует найти необходимый вариант: *survival* «уровень жизни» – адекватный уровень благосостояния. В таких случаях необходимо извлечь основное значение слова из словаря, а затем логически вывести контекстуальный эквивалент.

Сложность редактирования двуязычных текстов международных документов также представлена контекстуально значимыми единицами с широким недифференцированным значением. Смысл этого явления таков: одно слово языка, выражающее более широкое (недифференцированное) понятие, то есть обозначающее более широкий класс денотат, в другом языке может соответствовать двум или более словам, каждое из которых выражает более узкое, дифференцированное понятие по сравнению с первым языком, то есть относится к более ограниченному классу денотат, например: дело – *affair, business, work; occupation, pursuit; line*; просить – *ask, beg, request*.

Неэквивалентные контекстно-семантические единицы

Под неэквивалентными контекстно-семантическими единицами понимаются лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного языка, не имеющие ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Например, реалии понимаются как особенности жизни, быта, государственного устройства каждой страны, ее традиций, обычаев и верований — всего того, что составляет ее самобытный, национальный облик.

Применительно к текстам правового дискурса в эту группу правомерно зачислять контекстно-семантические единицы, обозначающие только политические институты и социальные явления, характерные для данной страны. Для Российской Федерации характерны следующие государственные институты: Федеральное Собрание, Государственная Дума, Совет Федерации; для Великобритании — Палата общин, Палата лордов; для США — Конгресс, Сенат и т.д.

К группе неэквивалентной лексики относится также часть национальных юридических терминов, т. е. слов и словосочетаний, с помощью которых выражается и фиксируется содержание нормативно — правовых пред-

писаний. Например: районный суд (district court) известен в законодательстве Российской Федерации, но неизвестен в законодательстве Соединенного Королевства и Соединенных Штатов. И наоборот, термины, которые известны законам США и Великобритании, могут быть не специфичны для законов Российской Федерации, а также не могут быть отражены на русском языке, например: «court of assize» (суд ассизов) – подразделение Высокого суда по рассмотрению дел с участием подсудимых, обвиняемых в совершении тяжких преступлений.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: изучение особенностей правового дискурса и используемой в нем лексики показывает, что лексическая единица является способом хранения информации и актуализирует определенное видение и знание ситуации. Анализ официальной и деловой документации позволил определить основные языковые средства лексического уровня (эквивалентные контекстно-семантические единицы, частично эквивалентные контекстно-семантические единицы, неэквивалентные контекстно-семантические единицы), наличие вариаций в которых создает некоторые трудности при переводе устных и письменных текстов русско-английской языковой пары.

Список использованных источников

1. Black's Law Dictionary. St. Paul. 1983. P. 473.
2. Fairclough N. Language and Power. L.; N.-Y.: Longman Group UK Limited, 1989.
3. Попова Л. Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: дис. ... кандидата филол. наук. Краснодар, 2005.
4. Талалаев А. Н. Право международных договоров. М.: Междунар. отношения, 1989.

УДК 811.112.2'342-054.73

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ РЕЧИ БЕЖЕНЦЕВ В ГЕРМАНИИ

М. А. Марценюк¹, А. В. Пономарёва²,

¹ обучающаяся 4 курса кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии,

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

² кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии,

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию фонетической вариативности немецкой речи беженцев из Сирии, находящихся в Германии, в условиях неофициальной коммуникации. В статье представлен анализ произносительных изменений, связанных с межъязыковой интерференцией, на сегментном и супрасегментном уровнях.

Ключевые слова: фонетическая вариативность, речь беженцев в Германии, сегментный уровень, супрасегментный уровень, межъязыковая интерференция.

Summary. The article is devoted to the research of phonetic variability in German

speech of Syrian refugees in Germany in conditions of informal communication. This article includes the analysis of pronunciation deviation connected with interlingual interference on segmental and suprasegmental speech levels.

Key words: phonetic variability, speech of refugees in Germany, segmental level, suprasegmental level, interlingual interference.

Актуальность исследования специфики общения на неродном языке в условиях миграционных процессов неоднократно подчёркивается в современной германистике. Так называемый европейский миграционный кризис привёл к возникновению ряда научных вопросов, связанных с интеграционными процессами в сфере культуры и языка, поскольку межкультурная коммуникация произвела большое количество изменений на разных уровнях жизни немецкого и сирийского общества на территории Германии. С начала сентября 2015 до конца июля 2016 гг. компьютерная система EASY (*нем.* Erstverteilung der Asylbegehrenden – первичное распределение желающих получить убежище) зарегистрировала 900 623 человека [2, с. 4]. Актуальными вопросами в сложившейся ситуации можно назвать социальную дифференциацию языка, языковые контакты, двуязычие и многоязычие, языковую политику. В связи с этим особый научный интерес представляет направление в лингвистической науке – миграционная лингвистика. Такие исследователи, как Т. Штель, Т. Крефельд, В. М. Бухаров, С. В. Шустова, А. В. Кирилина, Л. А. Жилинская, работают над вопросами межкультурной коммуникации, аккультурации, языкового контакта и языковой адаптации. Основными последствиями языкового контакта являются переключение кода, лексические заимствования, неполное усвоение второго языка, интерференция [3].

Целью данного исследования является анализ фонетических особенностей речи информантов из Сирии, находящихся на территории Германии. К задачам относится выявление причин фонетической вариативности, а также последующее выявление фонетических изменений на сегментном и супrasegmentном уровнях посредством следующих методов: аудитивный метод и метод количественного анализа. Материалом данного исследования послужила немецкая речь беженцев из Сирии в формате видеоматериалов, находящихся в свободном доступе в сети Интернет.

Исследование проводилось на основе речи более 10 информантов. Возрастной показатель информантов колеблется в диапазоне от 12 до 45 лет, половина из них – лица студенческого возраста. Количество мужчин – 6 человек, женщин – 4 человека. Время пребывания информантов в немецкоговорящей среде варьируется от нескольких месяцев до 10 лет.

Ещё в 50-е годы XX века в Германии наблюдался резкий наплыв переселенцев из Турции. Данный период ознаменовался внедрением тюркского языка в немецкий и позже возникновением «Kanak Sprak», так называемого гибридного языка. А. В. Кириллина отмечает, что данное явление можно назвать результатом транснационального взаимодействия тюркоговорящих мигрантов и носителей немецкого языка [3, с. 41]. Позже, в 80-е – 90-е годы XX века в Германию стали переселяться жители СССР, чью языковую ситуацию можно охарактеризовать как диглоссную и билингвистическую одновременно [1]. Исходя из этого, языковые контакты происходят по линии турецкий-немецкий и русский-немецкий. Турецкое население Германии

слабо интегрировалось, что было обусловлено компактным расположением поселений мигрантов и общим вероисповеданием – ислам.

Подобная ситуация происходит и в наше время, когда беженцы арабского происхождения входят в контакт с немецкоговорящими жителями Германии. Появляются новые лингвосоциумы, в которых большое количество людей не владеет немецким языком. Беженцы оказываются в системе двуязычия и, как следствие, в условиях межъязыковой интерференции. Коммуникация внутри группы арабговорящих людей осуществляется на родном варианте арабского языка, в то время как общение с коренными носителями немецкого языка происходит зачастую на английском языке. Реже переселенцы сразу же переключаются на немецкий код (схема последовательности освоения языков арабговорящего человека: английский, английский-немецкий, немецкий).

Как непосредственный результат языкового взаимодействия, интерференция влечёт за собой последствия в виде изменений на разных уровнях языка. В ходе исследования были выявлены основные типы языковой интерференции: фонетическая, лексико-грамматическая, синтаксическая и лексико-семантическая. Стоит отметить, что именно вариативность на фонетическом уровне проявлялась в значительной мере в процессе анализа языкового материала.

В ходе исследования особенностей вокализма немецкой речи информантов было выявлено, что следующие гласные фонемы и дифтонги, наряду со стандартной реализацией, проявляют ряд изменений качественного характера: [a], [a:], [o], [o:], [ɔ], [ʊ], [u:], [ɛ], [ɛ:], [e:], [i:], [ø:], [œ], [ʏ], [ɔø], [ɪ], [a_e], [a_ɔ]. Были зафиксированы трансформации при произнесении фонемы [y:], которая, наряду со случаями стандартной реализации, претерпела наибольшее количество изменений и трансформировалась в речи информантов в такие варианты, как: [u], [u:], [i:], [œ], например: *Blümen* ['blœ:mən], *Gefühl* [gə'fu:l], *müssen* ['musn̩], *überhaupt* [u:be'haʊpt]. Особого внимания требует лексема *Syrien* [zi:rien], в произношении которой наиболее ярко прослеживается фонетическая интерференция – влияние сирийского варианта арабского языка.

Анализ показал, что в системе консонантизма имело место большее количество изменений. Выяснилось, что фонема [z] в слове *Syrien* в половине случаев реализуется в качестве звука [s]. Также изменениям подвергся глухой палатальный спирант [ç], который перешел в [ʃ] в местоимениях *ich*, *mich*, наречиях *wirklich*, *ehrlich*, *gleich*, *herzlich*, форме глагола *möchte*, в существительных *Geschichte*, *Licht* и частице *nicht*. Данная тенденция прослеживается у многих не носителей немецкого языка ввиду особенностей фонетических законов в родном языке.

Не менее интересные изменения наблюдаются в произнесении фонемы [ʌ]. В некоторых случаях информанты не смягчают звук перед дифтонгами [ɔø], [aɪ] и гласным [y:], например, в словах *Leute*, *Leistung*, *bleiben*.

Кроме того, в результате аудитивного анализа была обнаружена возникла вариативность произношения фонемы [r]. Несмотря на то, что в немецком языке существует три варианта реализации звука [r], в речи беженцев наблюдалось совершенно нетипичное воспроизведение данных звукотипов в разных позициях. Так, было обнаружено, что информанты произносят

звук, подобный арабскому (или же русскому) варианту звука [p]. Это прослеживается в словах *wir, aber, dort, ehrlich, vermissen, mehr*. Но, если в вышеперечисленных словах немецкоязычная норма подразумевает звук [p], то в таких словах, как *Arbeit* ['arbaɪt], *Krieg* [kri:k], *Syrien* ['zy:riən], *Sprache* [ʃpra:xə], согласно правилам произношения, должен реализовываться увулярный дрожащий согласный [ʀ]. Тем не менее, в обоих случаях информанты употребляют неправильный звук. Также [r] в речи беженцев выражается звуком [l] и похожим на английский звук [r], что может быть связано с фонетической интерференцией из английского языка в немецкий. Будучи переселенцами не по своей воле, беженцы осваивают сначала английский язык, чтобы контактировать с гражданами тех стран, в которые они попадают в течение пути переселения из Сирии в другие государства, а в дальнейшем и язык места постоянного пребывания, в данном случае немецкий язык в Германии. Это явление ярче всего проявляется в следующих словах: *Freunde* ['frɛ̃ndə] под влиянием английского *friends* [fɛ̃n(d)z], *verstehen* [fɜ:'ste:ən] (*англ. Understand* [ʌndə'stænd]), *perfekt* [pæ:r'fɛkt] (*англ. perfect* ['pɜ:fɛkt]). Более того, был зафиксирован единичный случай реализации непроизносимого звука [h] в межвокальной позиции: *sehen* [zɛxɛn].

В ходе исследования в речи информантов были зафиксированы произносительные изменения на супрасегментном уровне. Было выявлено некорректное ударение в речи информантов в следующих словах: *Arbeit* [av'baɪt], *Monaten* [mo'na:tɪn], *antworten* [ant'vɔɪtɪn], *einfach* [aɪn'fax]. Данное явление обнаруживается довольно редко, следовательно, его можно отнести скорее к единичным случаям. В области интонации также наблюдается тенденция к акцентированию последнего слова в предложении или фразе, что создаёт интонационно-смысловую незавершённость.

Таким образом, исследование показало, что языковая интерференция на фонетическом уровне ярко проявляет себя на примере речи беженцев из Сирии в Германии. У информантов, проживших в Германии более 5 лет, наблюдается практически полная адаптация к нормам немецкого языка – отсутствуют грубые нарушения фонетических законов и лексико-грамматических правил. Также наблюдается закономерность более быстрого освоения языка у мужчин и молодых людей, подростков. Результаты изучения речи мигрантов также показали, что женщины сталкиваются с большими трудностями в изучении и использовании немецкого языка в Германии, что может быть результатом социального положения женщин мусульманского вероисповедания.

Список использованных источников

1. Бридко Т. В. Особенности немецкого языка переселенцев из бывшего СССР в Германии // *Культура народов Причерноморья*. — 2008. — № 138. — С. 75–77.
2. Бурдо В. В. Современная миграционная политика Германии: состояние и проблемы // *Международный студенческий научный вестник*. — 2018. — № 1. — С. 4–5.
3. Кирилина А. В. Контакт языков в немецком языковом пространстве // *Вестник Московской международной академии*. — 2011. — С. 8–41.
4. Afshar K. *Zweisprachigkeit oder Zweisprachigkeit. Zur Entwicklung einer Sprache in der deutsch-persischen Familienkommunikation*. Münster/New York/

München/Berlin: Waxmann, 1998. 364 с.

5. Zacher O. Deutsche Phonetik. Л.: Просвещение, 1969. 207 с.

УДК 811.133

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АББРЕВИАТУР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. М. Норец,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является изучение основных способов сокращения слов и их произносительных особенностей в современном французском языке. Для реализации поставленной цели были использованы такие методы, как теоретический анализ лингвистической литературы, описание, сравнение и классификация фонетических реализаций часто встречающихся аббревиатур. В ходе исследования были выделены основные правила в произношении аббревиатур.

Ключевые слова: графическая аббревиатура, лексическая аббревиатура, фонетическая реализация.

Summary. The purpose of this article is to study the main ways of shortening words and their pronunciation features in the modern French language. To achieve this goal, such methods as theoretical analysis of linguistic literature, description, comparison and classification of phonetic implementations of frequently encountered abbreviations were used. The study identified the basic rules in the pronunciation of abbreviations.

Key words: graphic abbreviation, lexical abbreviation, phonetic realization.

Использование в языке сокращённых лексических единиц растёт в последние десятилетия. Данный факт объясняется стремлением людей к экономии энергетических речевых усилий, а также к экономии времени, на воспроизведение тех или иных лексем. Обеспечение передачи наибольшего количества информации в единицу времени способствует повышению коммуникативной роли языка. Данный факт можно расценивать как действенный метод концентрации информации с целью увеличения ее эффективности.

Обращая внимание на определенные особенности речи, в первую очередь на линейность речевого потока, лингвисты делают вывод, о том, что средства коммуникации в этой связи достаточно ограничены.

Следовательно, для того чтобы повысить коммуникативные возможности языка в линейном потоке речи некоторые элементы могут быть опущены или сокращены, при этом, информационная ценность высказывания не снижена, и таким образом развёрнутое высказывание заменяется более кратким. Процесс аббревиации в этой связи является наиболее приемлемым и достаточно распространённым.

При изучении словообразовательных процессов, обращают на себя внимание причины, вызывающие изменения, происходящие в словарном составе, и события в жизни языкового сообщества, которые этому способствуют.

Французские лингвисты, анализируя процесс образования новых слов с помощью аббревиации, выделяют экстралингвальные причины, т.е. внешние по отношению к языку, и внутрилингвальные причины, т.е. внутренние языковые факторы. Изменение социальной ситуации способствует логическому обновлению языка. Повсеместное расширение употребления аббревиации происходит вследствие: 1) социальных изменений, таких как войны и революции; 2) прогресса в области науки и техники; 3) формирования культурных и социальных связей между нациями, а также становления морально-культурных ценностей; 4) становления государственного строя; 5) становления производственных отношений; 6) развития образования.

Внутренние языковые факторы, влияющие на использование аббревиатур, достаточно многочисленны. Кроме экономии речевых средств и времени, процесс аббревиации является одним из важнейших способов словообразования и непосредственно образования неологизмов, что является необходимым условием дальнейшего существования и развития любого языка. Графические и лексические способы аббревиации считаются наиболее распространенными при образовании новых слов при помощи сокращений существующих. «Под графическими аббревиатурами подразумевают символы, которые используют вместо словосочетаний и слов на письме. Словосочетания и полноосновные слова соответствуют графическим аббревиатурам в устной речи» [1, с. 47]. Например, *page* – *p.*, *téléphone* – *tél.* «Графические аббревиатуры используются чаще всего в письменной речи и не имеют собственной звуковой формы. Данные сокращения в устной речи реализуются как определенная несокращенная форма и представляет собой своеобразный способ сокращенной записи разнообразных слов или сочетаний» [2, с. 110]. Примерами графических аббревиатур являются *gramme* – *gr*, *mer* – *merc* и т.д.

Начальные буквы слов и основ являются важным условием образования графических сокращений. Остальные буквы исходной формы могут употребляться в разнообразных комбинациях графических аббревиатур [1, с. 48]. К примеру, *Docteur* – *Dr*, *Colonel* – *Col*.

Кроме того, одна аббревиатура может заменить ряд однокоренных словоформ и слов, например, французское *imprimeur*, *impression* – *impr*, а также наоборот, когда одно и то же слово может быть заменено на письме многочисленными вариантами графических аббревиатур, к примеру, *Monsieur* – *Mr*, *M* [2].

Следует отметить, что для графических сокращений характерно употребление разнообразных средств графического оформления, то есть точек, дефисов, косых линий, написание курсивом и т. д., в соответствии с этим выделена классификация графических сокращений:

- Сокращения точечные: *avenue* — *av.*, *page* — *p.*;
- Сокращения дефисные: *peut-être* — *p-e*;
- Сокращения косолинейные: *lettre de crédit*— *L/C*;
- Сокращения нулевые, то есть графически невыделенные: *numéro* — *no*;
- Сокращения комбинированные: *avant Jésus Christ* — *av. J.-C.* [2, с. 111].

«Графические аббревиатуры могут быть окказиональными и стандартными. Это обусловлено тем, что каждый человек имеет возможность пользоваться собственно созданными графическими аббревиатурами, сокращенными

записями слов и предложений в личных записях. Характерными примерами текстовых графических аббревиатур являются сокращения в тексте справочниках, энциклопедиях, статей и т. д. Такие сокращения часто поясняются в тексте при первом появлении» [2, с. 112]. Как правило, графические аббревиатуры употребляются в письменной речи и не имеют звуковой формы. Что касается лексических аббревиатур, надо отметить, что они являются самостоятельными звуковыми единицами, не повторяя звучания полного слова. Они, без сомнений, должны быть признаны отдельными единицами языка, поскольку в них сохраняются важнейшие общие признаки языка, но и вместе с этим, появляются новые, которые имеют дополнительные нюансы качества. Лексические аббревиатуры представляют особый интерес с точки зрения изучения их фонетической реализации. Классифицировать их достаточно сложно из-за большой вариативности, специфичности их структуры, возможности взаимодействия разнообразных способов сокращений. Однако, с точки зрения произношения, можно выделить три основные группы:

- 1) сокращения, которые произносятся в соответствии с алфавитными названиями букв;
- 2) сокращения, которые по произношению сходны с обычными словами;
- 3) сокращения смешанного типа, которые совмещают в себе оба способа произношения.

Все три способа основываются на правилах произношения алфавитных букв, как по отдельности, так и в различных сочетаниях.

А. П. Шаповалова выделяет следующие особенности в произношении аббревиатур:

«...- инициальные аббревиатуры, пишущиеся через точки, в устной речи произносятся по алфавитным названиям букв;

- если инициальная аббревиатура представляет собой набор букв, которые позволяют образовать слоги без внесения дополнительных гласных (согласно правилам французской орфоэпии), то такая аббревиатура читается как одно слово;

- буквенные аббревиатуры, элементы которых пишутся без точек, обычно произносятся, если возможно, как одно слово;

- просторечное произношение инициальных аббревиатур встречается в редких случаях;

- на произношение инициальных аббревиатур влияет продолжительность их употребления в разговорной речи: эволюция идет от алфавитизмов к акронимам;

- смешанный тип аббревиатур, т.е. такие аббревиатуры, которые в своем составе в качестве компонентов имеют целые слоги или даже отдельные слова, произносятся, если возможно, как целое слово...» [3, с. 87].

Необходимо отметить, что во французском языке прослеживается зависимость сокращённой единицы от исходной, это даёт основание утверждать, что аббревиация — процесс, в котором сокращение исходной единицы подчиняется определённым закономерностям, а не происходит произвольно. Так, например, сокращения у простых слов происходит на слоговом шве, к примеру: *bas* — *baccalauréat*, *doc* — *docteur*. В современном французском языке явление усечения последнего слога (апокопы) более распространено чем

усечения первого слога (аферезы).

Таким образом, слоговая структура исходной единицы в большинстве случаев учитывается при сокращении. Процесс аббревиации подчиняется определённым закономерностям фонетического и лексического уровней языка и не является произвольным. Сокращение производится с учётом силлабической структуры новой единицы либо по слоговому или морфемному швам.

Список использованных источников

1. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка (практический курс). Учебное пособие для II-III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. М., «Высшая школа», 1977. 240 с.
2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия / Под. ред. А. Д. Швейцера. М., 2004. 320 с.
3. Шаповалова А.П. Аббревиация и акронимия в лингвистике. Ростов н/Д., РГПУ, 2003. 350 с.

УДК 81: 435,9

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ЛЮКСЕМБУРГЕ

С. Е. Перепечкина¹, А. С. Шаронова²,

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

² обучающаяся 4 курса кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье даётся краткий обзор определений языковой ситуации как одного из ключевых понятий социолингвистики, рассматриваются сферы употребления доминирующих в Люксембурге языков. На основе аналитического обзора научной литературы и данных официального Интернет-портала Великого Герцогства, полученных в результате социологических опросов и интервью, выявляется специфика языковой ситуации в этой стране, взаимоотношения между языками и их значимость для жителей государства.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая ситуация, Люксембург, полилингвизм.

Summary. This paper presents a brief overview of the concept “linguistic situation” as one of the key concepts of sociolinguistics, also the areas of use of dominant languages in Luxembourg are considered. Based on an analytical review of scientific literature and the data of sociological surveys and interviews presented on the official Internet-portal of the Grand Duchy, the specificity of the linguistic situation in this country, the relationship between languages and their significance for residents of the state are revealed.

Key words: sociolinguistics, linguistic situation, Luxembourg, multilingualism.

В современном мире языки развиваются и взаимодействуют в различных социальных, экономических, этнолингвистических, общественно-поли-

тических и культурных условиях. Явления, возникающие в такой языковой среде, обусловили появление социолингвистики как области языкознания. Интегрируя методы языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии, она изучает «широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык» [2]. Развитие социолингвистики связано с именами таких ученых как У. Вайнрайх, У. Лабов, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов, В.М. Жирмунский, А. Мейе, Ш. Балли, Б. Гавранек и мн. др. Палитра современной тематики этой науки богата и разнообразна. Интенсивно разрабатывается ряд актуальных вопросов: социальная вариативность национальных языков в диахронии и синхронии; специфика социолектов на разных уровнях языковой системы; социокультурные аспекты многоязычия, типология языковых ситуаций (работы проф. А.Д. Петренко и представителей его научной школы [4; 5], проф. Дуйсбургского университета У. Аммона [9; 10], Г. Бикеля, Г. Мозера, Г. Лёфлера, Я. Эбнера и др.). Тематически данная статья находится в русле названных исследований и посвящена выявлению специфики современной языковой ситуации в Люксембурге, характера взаимоотношений между доминирующими языками и их значимости для жителей государства. Исследование проводилось на материале корпуса данных, представленных на Интернет-ресурсах Великого Герцогства и базирующихся на результатах социологических опросов и интервью.

«Термин “языковая ситуация”, или “лингвистическая ситуация”, использовался еще в 30-е гг. XX в. в работах зарубежных лингвистов, изучавших языки Африки и Азии (Д. Уэстерман, С.М. Доук, К. Рохль, С. Лопез, В. Клемперер). Этим термином обозначали совокупность языков, обслуживающих общение в стране или на какой-либо территории, их функциональное распределение. И только в 1960-е гг. одновременно советскими и американскими социолингвистами была предпринята попытка эксплицировать понятие языковой ситуации и дать ему социолингвистическое определение (Фергюсон Ч.А., 1971, Хауген Э., 1969; Никольский Л.Б., 1967)» [6; 8, с. 85–87]. Л.Б. Никольский трактовал языковую ситуацию как архисистему языковых систем, или систему подсистем, распределенных по этническим, социальным или социально-территориальным общностям, вместе составляющим одно сообщество. Определяя языковую ситуацию как систему в соотношении с функциями и со сферами, а также структурой общества, ученый применил системный и функциональный подходы к пониманию данного понятия [3, с. 80]. А.Д. Швейцер обращает внимание на иерархичность и взаимодействие языковых образований, составляющих языковую ситуацию [7, с. 134]; по Аврорину В.А., языковая ситуация – «это конкретный тип взаимодействия языков и разных форм их существования в общественной жизни каждого народа на данном этапе его исторического развития» [1, с. 5]. Сегодня определение языковой ситуации предполагает учет многих параметров и факторов (помимо исторических социальных и языковых также психологических, политических, юридических и др.) и единую междисциплинарную модель ее описания еще предстоит выработать.

Великое Герцогство Люксембург – одно из немногих государств мира, где по всей территории страны в различных сферах жизни (частной, профессиональной, социальной, культурной, политической) для коммуникации

используются сразу несколько языков. Полилингвизм был официально зафиксирован, когда в 1984 году французский, люксембургский и немецкий получили статус административных и юридических языков, при этом люксембургский был «народным языком», а французский – языком законодательства. Трёхязычие – особенность речевого поведения 277 900 жителей государства. В последние десятилетия, как следствие быстрого экономического роста и политики социального прогресса, к лингвистическому ландшафту Великого Герцогства также присоединились родные языки 205 900 иностранных граждан, проживающих на его территории. Самые большие иммигрантские сообщества в стране – испанское и португальское.

Сложившийся в государстве полилингвизм обусловлен исторически. Также большую роль в функционировании языков играют региональные различия. С географической точки зрения регионы с наибольшим числом говорящих на люксембургском – это север (85%) и восток (81%) страны. Lëtzebuergesch – наиболее распространенный язык в быту (74%), за ним следуют французский (32%) и португальский (15%). В официальной сфере, на работе, напротив, 84% жителей Люксембурга используют преимущественно французский язык, затем – люксембургский (73%), немецкий (51%) и английский (37%). В социальном контексте французский (81%) слегка опережает люксембургский (77%): последний является предпочтительным языком, в частности, среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 (92%) и лиц в возрасте 65 лет и старше (80%) [9].

Законодательные акты в Великом Герцогстве составляются на французском языке, вследствие чего на судебном уровне именно французский текст является основным в сфере государственного управления. Тем не менее, в парламенте (Chamber of Deputies) французский язык постепенно стал менее употребительным, уступив место люксембургскому, хотя и используется иногда при составлении значительных деклараций. Поскольку ни один из них не был официально утверждён в качестве единого и обязательного в этой сфере, политические деятели чувствуют себя свободнее и комфортнее в выражении собственных мыслей. Сообщения о публичных заседаниях парламента, представленные в ежедневных газетах, иллюстрируют разнообразие использования языков: дебаты проводятся на люксембургском языке, правительственные вопросы решаются, главным образом, на французском. Правовые тексты также издаются на французском языке. Важно отметить, что закон о языках от 24 февраля 1984 года гласит, что административные и юридические вопросы могут решаться на французском, немецком или же люксембургском языках. Граждане имеют такой же выбор при подаче административного заявления, администрация при этом строго соблюдает их предпочтения, отвечая на соответствующем языке.

Второстепенное употребление немецкого языка на национальном уровне и в общественной жизни частично связано с его преимущественным применением на местном уровне, как в разговорной, так и в письменной форме (местные правительственные публикации).

В дошкольном образовании и в течение двух лет обязательного детского сада учителя используют люксембургский, насколько это возможно, при разговоре с их маленькими учениками. Основная проблема заклю-

чается в развитии языковых способностей всех присутствующих детей, особенно у детей-иностранцев, для которых часто школа – это первый контакт с люксембургским языком.

В начальной школе вводятся и другие языки. В возрасте шести лет дети учатся читать и писать по-немецки. В следующем году они начинают изучать французский язык. Наряду с немецким языком, который является *Lingua franca* начального школьного образования, учителя в зависимости от состава класса (количество детей-иностранцев) иногда используют французский и люксембургский языки.

В первые годы средней школы большинство предметов продолжают преподаваться на немецком языке. В классической системе среднего образования языком преподавания всех предметов, кроме языковых, становится французский, в то время как немецкий преобладает в профессионально-ориентированной системе среднего образования.

В Люксембурге есть также иностранные школы – французские, британские и международные – доля обучающихся в которых составляет около 7% школьников государства. В этих частных школах преобладают французский и английский языки обучения, хотя определенный упор по-прежнему делается на немецкий и даже люксембургский.

Сегодня количество часов иностранных языков в рамках неполного среднего образования (младшая и средняя школа), составляет в среднем 38% от общей учебной программы.

В настоящее время каждый из языков выполняет определенную социальную функцию. Если говорить о церкви, то тут чаще используется люксембургский, почти наравне с ним идет немецкий, но, как и в сфере образования, есть церкви, где проповеди читаются для иммигрантов на соответствующих языках. Использование языков в сфере СМИ разнится. В печатных изданиях доминировал и доминирует немецкий язык, хотя это не исключает наличие газет на французском и других языках. Большинство программ на радио и телевидении ведутся на люксембургском языке. На телевидении также предусмотрены субтитры на других иностранных языках, а на радио – трансляция радиопередач приграничных государств. Тем не менее, 50% жителей Люксембурга выбирают немецкий язык при просмотре ТВ [9]. В культурной сфере нельзя выделить доминирующий язык, однако замечено, что люксембуржцы стремятся отдавать предпочтение именно люксембургскому языку, что в некоторой мере ограничивает их, т.к. авторы все чаще публикуются на немецком, французском и других языках. В более формальных условиях общения как граждане государства, так и иностранцы (иммигранты) чаще всего говорят на французском языке. Однако и люксембуржцы, и иностранцы в силу многоязычия, сформированного у них в поликультурной среде, могут переходить на другой язык в зависимости от речевой ситуации. Без сомнения, каждый выбирает разные лингвистические стратегии в повседневной жизни. Сегодня они смешиваются и накладываются друг на друга: люди все чаще и чаще используют разные языки в разных сферах жизни. Соположенное двуязычие прошедших дней уступило место «наложенному» полилингвизму (*superimposed multilingualism*): теперь один

и тот же человек оперирует разными языками в зависимости от места и обстоятельств. Следовательно, языки мирно сосуществуют, образуя единое полилингвальное пространство.

В качестве дифференциальных признаков, значимых для типологии языковой ситуации (ЯС) в Люксембурге, можно выделить следующие:

- количество языков и степень этноязыкового разнообразия: многокомпонентная, трёхязычная ЯС;
- количество коммуникативных функций, выполняемых каждым языковым образованием: сбалансированная (коммуникативно равновесная) ЯС;
- юридический статус языков: тождественный (три официальных языка);
- степень генетической близости языков, составляющих ЯС: неблизкородственные языки.

Список использованных источников

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. Л.: Наука, 1975. 275 с.
2. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/mechkovskaya-00.htm> (дата обращения 18.01.2019).
3. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. Теория и проблемы. М.: Наука, 1976. 168 с.
4. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. К.: «Рідна мова», 1998. 251 с.
5. Петренко А. Д., Бухаров В.М., Петренко Д.А., Храбскова Д.М., Бридко Т.В., Пономарёва А.В., Мележик К.А., Исаев Э.Ш., Перепечкина С.Е., Евстафьева Н.М., Лихачёв Э.В., Федотова Ю.Б. Социофонетика и фоностилистика: опыт, актуальная проблематика, перспективы. Москва, 2018. 370 с.
6. Цыбденова Б.Ж. К вопросу о языковой ситуации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-yazykovoy-situatsii> (дата обращения 21.01.2019).
7. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1977. 176 с.
8. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: «Высшая школа», 1978. 216 с.
9. Ammon U. Die Erforschung der sozialen Variation von Sprachen: Die Entwicklung in Europa. In: Geschichte der Sprachwissenschaften. Ein internationales Handbuch zur Entwicklung der Sprachforschung von den Anfängen bis zur Gegenwart, Bd.3. Hg. v. S. Auroux u.a. Berlin / New York: de Gruyter, 2006. S. 2379–2392.
10. Ammon U. [Zusammen mit Hans Bickel, Jakob Ebner u.a.]: Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin/ New York: de Gruyter, 2004. 1064 S.
11. Sprachen in Luxemburg. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://luxembourg.public.lu/de/le-grand-duche-se-presente/langues/utilisation-langues/index.html> (дата обращения 24.01.2019).

ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ-ГРЕКОВ

Е. С. Тюменцева¹, Н. М. Евстафьева²,

¹ обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

² кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей вариативности речи у детей-греков при изучении английского языка в качестве первого иностранного. Исследование коснулось фонетического уровня языка, который не отличается определённой степенью региональной маркированности. При проведении исследования мы манипулировали вариативностью говорящего, так как этот тип вариативности был изучен как в фонетической, так и в словесной литературе. Результатом исследования стало выявление ключевых показателей речевой вариативности у детей школьного возраста (7–8 лет).

Ключевые слова: вариативность речи, образование, Греция, английский язык.

Summary. The article is devoted to the peculiarities of speech variability among Greek children in study of English as their first foreign language. The study dwells upon the phonetic level of the language, which cannot be characterized by a certain degree of regional marking. In this study we manipulated the variability of the speaker, as this type of variability has been studied in both phonetic and verbal literature. The result of the study was the identification of key indicators of speech variability among Greek children of school age (7–8 years).

Key words: variability of speech, education, Greece, English language.

Вариативность языка или речи – это способность языка в процессе эволюции создавать конкурирующие средства выражения на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, стилистическом) под воздействием внутренних закономерностей развития языка или внешних причин. Социолингвистика исследует вариативность речи, обусловленную не внутриязыковыми процессами, а вызываемую действием разнородных внешних по отношению к языку факторов. К экстралингвистическим факторам, обуславливающим возникновение вариативных элементов, относятся территориальная обособленность и социальная стратификация носителей языка, различия сфер человеческой деятельности и ситуаций, в которых происходит общение. Эксперимент, проведенный нами, дополняет небольшое количество литературы, которая изучает фонетическое обучение как взрослых, так и детей. Мы основывались на работе Гианакопуло, Утера и Йлинена [1] и фокусировались на изучении неродного английского. Мы изучили звук /i/-/ɪ/ у 7–8-летних носителей греческого языка. Наш главный исследовательский вопрос заключался в том, принесет ли вариатив-

тивность пользу обучению. Хотя вариативностью можно манипулировать по нескольким измерениям, мы решили манипулировать вариативностью говорящего, так как этот тип вариативности был изучен как в фонетической, так и в словесной литературе.

С этой целью мы сравнили обучение с высокой вариативностью (четыре говорящих) и низкой вариативностью (один говорящий). Мы включили фонетическую задачу обучения в задачу обучения слову, в соответствии с которой обучение включало сопряжение минимальных пар с изображениями двух слов (например, услышав слово “sheep”, выбирать между изображениями овцы и корабля), проведенное в дружественной для ребенка компьютерной учебной среде. Этот выбор позволил исследовать влияние вариативности на обучение как на фонетическом, так и на лексическом уровне. Кроме того, использование изображений позволило нам избежать использования орфографии в обучении, решая проблему, что учащиеся в работе Гианакопуло, Утера и Йлинена [1], возможно, полагались на длинные подсказки в английском написании (например, овцы против корабля) в качестве помощи в обучении. Мы сопоставили другие аспекты обучения с работой Гианакопуло, Утера и Йлинена [2], чтобы обеспечить разумное прямое сравнение между исследованиями. Например, количество и продолжительность учебных занятий были примерно одинаковыми, в обучении использовалась анимация для обратной связи, а кнопка «повтор» позволяла участникам при необходимости повторять стимулы.

Тем не менее, наш тест фонетического обучения был задачей дискриминации трех интервалов, а не задачей идентификации, чтобы избежать использования орфографии. Включение неподготовленных предметов имеет большое значение, поскольку высокая вариативность конкретно прогнозируется в интересах обобщения, то есть воздействие нескольких собеседников должно способствовать возможности игнорировать фонетически неактуальную информацию. Новизна голоса и новизна слова манипулировались отдельно (так как возможно, что воздействие нескольких динамиков может специально способствовать обобщению через говорящих, а не обобщению в более широком смысле).

Нашей основной мерой была степень, в которой обучение укрепляло лексические представления, так как мы предполагали, что наши участники начнут исследование с некоторого знания слов. Мы решили сосредоточиться на связях между формами и их значениями и использовали примированную слуховую лексическую задачу решения, чтобы выявить семантические представления в L2 через межъязыковое грунтование (т. е. семантическое грунтование от L2 до L1). Это было адаптировано из задачи, ранее использовавшейся для тестирования развития словарного запаса в эксперименте по изучению искусственного языка [4].

Сравнение результатов до и после обучения проверяло, изменился ли этот аспект представлений участников в процессе обучения, и модулировалась ли степень изменений вариативностью входных данных. Мы также включили более прямую меру изучения лексики как до, так и после тестирования. Участники слышали греческие слова L1 и сопоставили их с правильным переводом одного из четырех английских слов L2, взятых из тренировоч-

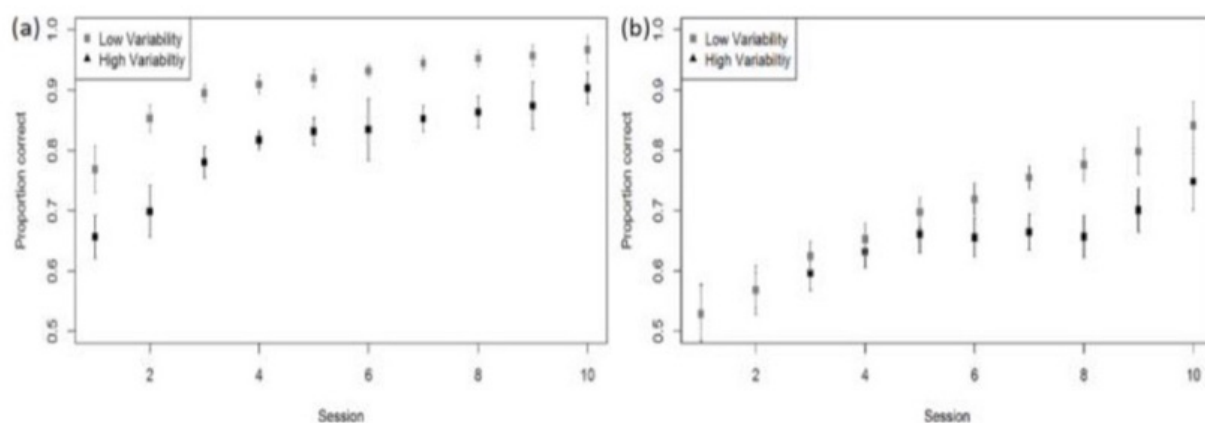
ного набора (без минимальных пар). Эта задача служила нескольким целям. Во-первых, это позволило определить, с какими словами участник был знаком до начала исследования. Во-вторых, это позволило нам измерить изучение лексики между пре-и пост-тестом, и, наконец, это гарантировало, что все участники начали учебное задание с некоторым знанием значений слов.

Наше главное предсказание заключалось в том, что как для показателей фонетического обучения, так и для изучения слов, должно быть больше улучшений от предварительного до последующего теста. Это было основано как на теоретических преимуществах повышения обобщения, рассмотренных выше, так и на существующей эмпирической литературе (хотя, как было замечено, в этой литературе есть некоторые существенные пробелы, особенно для фонетического обучения и особенно у детей).

Также говорилось о том, что в фонетических задачах обучения (т. е. в задачах обучения и дискриминации с тремя интервалами) дети будут показывать более сильные эффекты обучения, чем взрослые.

Участник: ребенок ($m = 8.4$; $СД = 0.6$; диапазон = 7;8 – 9;8 лет) говорящий на греческом языке, изучающий английский язык. Следует отметить, что использовался статистический анализ, позволяющий установить неравномерный баланс между условиями и версиями.

Итоги исследования приведены в Таблице 1.

Таб. 1. Итоги исследования вариативности английской речи у детей-греков

Таким образом, можно говорить о том, что в отношении того, какие языковые механизмы обеспечивают взаимосвязь и взаимодействие различных лексико-семантических вариантов слова, нет единства мнений.

В качестве возможностей здесь рассматриваются:

1. Особая роль прямого номинативного значения лексемы (т.е. ее исторически первого лексико-семантического варианта), которое обычно обладает высокой степенью устойчивости, мотивируя дальнейшее развитие смысловой структуры слова и перенос существующего именованного на обозначение новых классов слов.

2. Установление отношений семантической производности и определение базы семантической производности, которая в процессе исторического развития языковой системы не всегда совпадает с прямым номинативным значением слова.

3. Определение попарной связи между значениями многозначной лексемы и установление на этой логико-семантической основе смысловой

структуры слова с выделением тех участков, где значения обнаруживают более тесную связь, и тех участков, где значения слова представляются мало связанными между собой.

В нашем исследовании было доказано, что различные значения многозначной лексемы объединяются историческими связями, а также синхронными логическими связями, причем синхронная смысловая структура слова обычно не совпадает с его смысловой структурой, построенной на ди-ахронических основаниях.

Список использованных источников

1. Giannakopoulou U., Giannakopoulou A., Uther M., Ylinen S. Phonetic cue-weighting in the acquisition of a second language (L2): evidence from Greek speakers of English. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2011. P. 91–102.

2. Giannakopoulou U., Giannakopoulou A., Uther M., Ylinen S. Enhanced plasticity in spoken language acquisition for child learners: evidence from phonetic training studies in child and adult learners of English. Child Language Teaching and Therapy [Electronic Resource] // 2011. — Mode of access: URL: <http://doi:10.1177/0265659012467473> (дата обращения 14.02.2019).

3. Giannakopoulou U., Giannakopoulou A., Uther M., Ylinen S. Phonetic and orthographic cues are weighted in speech sound perception by second language speakers: evidence from Greek speakers of English [Electronic Resource] // 2013. — Mode of access: URL: <http://doi:10.1121/1.4830717> (дата обращения 13.02.2019).

4. Tamminen J., Gaskell M.G. Novel word integration in the mental lexicon: evidence from unmasked and masked semantic priming [Electronic Resource] // 2012. — Mode of access: URL: <http://doi:10.1080/17470218.2012.724694> (дата обращения 14.02.2019).

УДК 811.11

ФЕНОМЕН KURZDEUTSCH В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

И. В. Черныш,

старший преподаватель кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной работе исследуется проблема функционирования немецкого языка в виде разговорного варианта в Германии. Языковая ситуация изучается с позиции интерференции, обусловленной актуальным состоянием немецкого языка, находящегося под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Результатом интерференции немецкого языка с языками мигрантов стал новый вариант немецкого разговорного языка. Целью данного исследования является определение основных лингвистических параметров, характерных для данного варианта. В работе приведены основные качественные характеристики, определяющие суть изменений немецкого языка. В данной работе были использованы описательный, количественный и сравнительный методы, а также метод социолингвистического прогнозирования. Актуальность данного исследования обусловлена современным состоянием общества: процессы интеграции будут расширять

свои границы в силу активных миграционных процессов, а значит, разработка проблем интерференции будет одной из приоритетных.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковой ареал, интерференция, культурный симбиоз, экстралингвистические факторы, разговорный вариант, мультикультура, полиэтничность.

Summary. This paper explores the problem of the functioning of the German language in the form of a spoken version in Germany. The language situation is studied from the standpoint of interference due to the current state of the German language, which is influenced by linguistic and extralinguistic factors. The result of the interference of the German language with the languages of migrants was a new version of the German spoken language. The purpose of this study is to determine the basic linguistic parameters characteristic of this option. The paper presents the main qualitative characteristics that determine the essence of the changes in the German language. In this paper, we used descriptive, quantitative and comparative methods, as well as the method of sociolinguistic forecasting. The relevance of this study is due to the current state of society: the integration processes will expand their boundaries due to active migration processes, which means that the development of interference problems will be one of the priorities.

Key words: language situation, language range, interference, cultural symbiosis, extra-linguistic factors, colloquial variant, multiculturalism, polyethnicity.

Сегодняшняя языковая ситуация в Германии является отображением всех исторических, политических и миграционных процессов. Языковая ситуация отображает все те новые явления и инновации, которые создали новый формат жизни в эпоху бурного развития информационно-коммуникационных технологий, в свете глобализации и интеграционных процессов, приведших в движение Европу, Америку, весь мир.

Германия, будучи лидирующей страной в Европейском Союзе, находится в эпицентре всех актуальных событий. Самое большое количество беженцев и мигрантов попало также в Германию.

Актуальные экономические события и историческое своеобразие становления немецкой литературной нормы явились детерминантами языковой ситуации в стране.

Главная составляющая характеристики языковой ситуации – это национальный состав государства с большой долей этнических сообществ. В начале XXI в. в Берлине появилось разговорное словечко *Multikulti*, которое стало сокращением от *Multikulturalität*. Это слово быстро приобрело популярность, т.к. очень метко характеризовало многонациональный Берлин. Затем эта дефиниция стала употребляться и в отношении других регионов Германии с большими агломерациями иммигрантов.

Наличие обширной турецкой этнической группы внесло свой вклад в языковую ситуацию: появился вариант немецкого языка в виде *Kiezdeutsch* или *Kanakisch*. Проживание нескольких этносов на одной территории, функционирование разных языков в одном языковом ареале, обмен культурными традициями приводит к языковой интерференции, с одной стороны, и к культурному симбиозу, с другой стороны. Подобное межэтническое взаимопроникновение и срастание – культурный симбиоз – ученые считают ведущим фактором эволюции. А как тогда расценивать продукт интерференции

– новый вариант немецкого языка Kiezdeutsch или более современное наименование – Kurzddeutsch? Логичным считается утверждать, что любой из этих вариантов вносит определенный вклад в языковое развитие на данном этапе. Язык развивается благодаря своим носителям, каждая языковая инновация должна быть исследована в динамике.

В современных условиях Kurzddeutsch стал одним из разговорных вариантов немецкого языка. В вопросе изучения актуальной языковой ситуации в Германии главным остается вопрос: «Как мигранты влияют на немецкий язык?». Многие немецкие лингвисты придерживаются мнения, что речь мигрантов – это феномен, который, развиваясь в полиэтническом контакте, способен оказывать определенное влияние на немецкий язык. Как можно убедиться из статистики, число мигрантов – большое. Проходя процесс интеграции, мигранты изучают немецкий язык. Немецкий язык довольно сложен, особенно для мигрантов турецкого происхождения и выходцев с Ближнего и Среднего Востока.

Профессор славистики Лейпцигского университета Увэ Хинрикс считает, что подобное влияние мигрантов на немецкий язык происходит медленно, но верно. Речь идет о неизбежном процессе взаимовлияния в условиях тесного этнического контакта в языковом ареале. Ученый проводит свои исследования преимущественно в Берлине, где каждый четвертый имеет миграционное происхождение; в то время как в Лейпциге доля мигрантов – меньше 10%.

У. Хинрикс констатирует следующий факт, полученный им при эмпирическом исследовании: «Мигранты, даже если они старательно учат немецкий язык, делают ошибки. Ничего удивительного: ведь немецкий – язык не простой. Но самые расхожие ошибки постепенно перенимают и носители языка – коренные немцы» [4, с. 11]. Следует учесть, что в данном контексте речь идет прежде всего об устной речи. Очень часто можно зафиксировать случай – «Артикль забыл, падежей припомнил только два» [4, с. 17]. Артикль в немецком языке, действительно, является камнем преткновения для иностранцев: в русском языке, например, артикля нет, в турецком он тоже отсутствует. Мигрантам из этих стран непросто определять артикль имени существительного, т.к. рода существительных не совпадают: например, «вода» в русском языке женского рода, в немецком – *das Wasser* – среднего; «язык» мужского рода в рус. яз., в нем. – *die Sprache* – женского рода. Помимо этого нужно различать определенный и неопределенный артикль и падеж, в котором он стоит. Мигранты начинают путаться, теряться и вовсе опускают артикль, не употребляют его. Свой «вклад» вносит также язык SMS-сообщений и общение в мессенджерах и социальных сетях, где ради краткости сами немцы опускают артикль.

Следующая сложность – это падежи. В немецком языке четыре падежа: именительный, родительный, дательный, винительный. В русском языке – шесть падежей, в украинском, польском и хорватском – семь падежей. В английском и французском языках падежи вообще какой-либо роли не играют. Профессор У. Хинрикс резюмирует: «Мигранты путают падежи или вообще опускают падежные окончания» [2, с. 1]. Таким образом падежи теряют значение, их употребление снижается. Для мигрантов из Турции характерна замена дательного падежа родительным. Стоит подчеркнуть, что в немецкой

грамматике для разговорного стиля существует именно такая норма: вместо родительного падежа можно употреблять дательный, используя предлог *von*.

Мигранты из России просто добавляют немецкие слова в русскую речь. Такие сочетания режут слух, но большинству русских мигрантов приходится по душе такой нелепый симбиоз, т.к. мигранты среднего и старшего возраста не ходили в немецкие школы, не учились в университетах, не говорят на немецком языке на работе. Увэ Хинрикс отмечает, что «подобная тарабарщина типична для молодежных групп в таких крупных городах, как Франкфурт-на-Майне или Дюссельдорф. Они перепрыгивают из турецкого или русского в немецкий и обратно. Чем больше смешения языков, тем больше грамматических ошибок» [4, с. 8]. Аналогичного мнения придерживается и лингвист, культуролог, археолог Харальд Харман. Х. Харман является автором большого количества книг по индоевропейским языкам и эсперанто; основная тематика его работ – развитие языков и влияние других культур на их эволюцию. Он также считает, что «вполне логично искать корни перемен в речевых навыках мигрантов» [2, с. 1]. Эти переменные попадают из языка мигрантов в речь немецкой молодежи, чему способствует общение в школе, на улице, в группах. В первую очередь это, конечно же, школы, особенно в иммигрантских районах. Учителя пытаются противостоять этому явлению, бороться с ошибками, но подростковая среда и улица имеют более сильное влияние. В русском языке есть очень меткая поговорка на этот счет: «С кем поведешься – от того и наберешься». Так молодые немцы перенимают иммигрантский стиль: опускают артикли, путают падежи, используют в своей речи русские и турецкие словечки.

В феврале 2012 г. профессор У. Хинрикс опубликовал эссе под названием „*Hab isch gesehen mein Kumpel. Wie die Migration die deutsche Sprache verändert hat*“ в популярном немецком журнале „Der Spiegel“, обрушив тем самым на себя шквал резкой критики и развязав активную дискуссию в обществе по проблеме, которая волновала всех, но от которой пытались отгородиться, не замечая того, что происходит прямо под носом, по причинам вполне ясным и понятным: чтобы не быть обвиненными в отсутствии политической корректности и разжигании ненависти к иностранцам. Хинрикса даже называли «гробовщиком немецкого языка» и приверженцем радикальных взглядов, приукрашивающим мультикультурную и многоэтническую Германию. В ответ на эти выпады лингвист замечает, что он только фиксирует реальные изменения, произошедшие в языке за последние десятилетия: «Не было в истории языка, который не претерпел бы изменений под влиянием языка мигрантов. Так было в Римской империи, так было в Англии, почему же Германия должна стать исключением?» [2, с. 1]. Данное утверждение представляется нам закономерным, т.к. логично связывает проблему изменений в языке с эволюцией языков. Существование и развитие языка происходит в социальном контексте, и именно социальная среда формирует изменения в языке. Структура естественного языка не аморфна: она находится в постоянном развитии и преобразовании. Изменения в языке – это факт развития языка, это потенциал языка. Даже развитие в сторону упрощения языка следует воспринимать в качестве положительной динамики, усовершенствования: язык «приспосабливается» посредством своих носи-

телей к новой среде обитания, расширяя свой ареал. У. Хинрикс выражает свой прогноз следующим образом: «Те, кто лет через 30 или 40 будут учить немецкий язык, скорее всего, будут иметь дело с меньшим количеством падежей» [4, с. 51].

Языковой контакт в многоэтническом обществе является двигателем преобразований, обусловленных культурным обменом в новых социально-экономических условиях. Любой естественный язык, развивается именно путем преобразований, будь то заимствования, либо упрощение некоторых грамматических, синтаксических структур. Язык мигрантов, в частности, *Kiezdeutsch*, дал толчок для преобразований в разговорном варианте немецкого языка. Именно изучение *Kiezdeutsch* стали основой для проведения масштабных лингвистических исследований многими немецкими лингвистами. Одним из результатов этих исследований стала монография Увэ Хинрикса „Multi Kulti Deutsch“, изданная в 2013 г. Главная задача автора исследования выражена в необходимости демонстрации и объяснения незначительных, осторожных и структурных изменений в разговорной речи *коренных немцев*. Речь идет о преобразованиях в стандартизованном варианте немецкого языка, которые за последние десятилетия проложили путь и которые в настоящее время проявляются все более отчетливо: «Entgegen der landläufigen Meinung, als thematisierte der Essay den Slang ausländischer Jugendlicher, das berühmt-berüchtigte *Kiezdeutsch*, ging es dem Sprachwissenschaftler so gut wie ausschließlich um Aufzeigung und Darlegung von „subtilen, leisen und strukturellen Veränderungen in der gesprochenen Umgangssprache *der deutschen Muttersprachler*, um Veränderungen in der Standardsprache, die sich in den letzten Jahrzehnten angebahnt haben und sich zur Zeit immer stärker durchsetzten» [4, с. 9].

Вопросом особой релевантности является то, какую роль при этом сыграла и продолжает играть миграция; и как, в целом, многие языки мигрантов (турецкий, арабский, русский, югославский, албанский, польский и некоторые другие, не так отчетливо проявляющиеся, например, итальянский и армянский) влияют на разговорный немецкий и какие следы они оставили в своей языковой практике.

Взаимовлияние языков и культур настолько очевидно в данный момент, что позволяет сформулировать вывод о том, что развитие новонемецкого – это внутреннее преобразование немецкого языка, обусловленное языковыми контактами с иммигрантскими языками.

Турецкая диаспора в Германии является самой крупной: первая волна турецкой миграции началась после Второй мировой войны. У. Хинрикс постулирует следующий факт: «Турецкий язык является самым значимым иммигрантским языком и своего рода образцом для языкового смешения и смешанных языков в Германии. С полным правом можно говорить о начавшемся *симбиозе* между говорением на турецком и немецком» [3, с. 80]. В данном контексте представляется логичным, что языковой контакт турецкого и немецкого языков привел к образованию языковых изменений. Характер взаимодействия и взаимовлияния этих языков лингвист обозначает словом *Clash* – *коллизия, конфликт, стычка, столкновение*. В этом контексте речь идет о географическом и лингвистическом различии между турецким и немецким языком: они не только не являются родственными, а, более того,

практически диаметрально противоположны друг другу по языковому типу и в грамматике. Турецкая языковая интуиция и знание языков структурно отличается от немецкого языка. Данные языки относятся не только к разным языковым типам, но и к разным языковым семьям.

Разговорный вариант немецкого языка в будущем станет в большей степени продуктом сегодняшних языковых контактов.

Список использованных источников

1. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978. 216 с.

2. Große Glocke. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru-deutsch.livejournal.com/1248050.html> (дата обращения 21.02.2019).

3. Kurzdeutsch. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.kurzdeutsch.de (дата обращения 27.01.2019).

4. Uwe Hinrichs. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. С. Н. Beck Verlag, München, 2013. 294 S.

УДК 81'1/4

THE CHANGES IN THE SOCIAL ASPECT OF MASCULINE GENDER ROLE IN MODERN ENGLISH

А. Н. Шиманович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Термин маскулинность подразумевает рассмотрение мужчин в гендерном аспекте. Понятие рассматривается с точки зрения культурного конструкта. Маскулинность как категория способствует осмыслению стратегий мужского поведения относительно изменяющегося мира, социальных ценностей и практик, которые закрепляют современную гендерную иерархию. Следует подчеркнуть, что маскулинность может выступать не просто воплощением социальных норм, но навязывать мужчинам модели, которые тиражируются в СМИ. Концепт маскулинности рассматривается в данной работе с разных точек зрения: биологической, психологической, социологической. Целью данного исследования является изучение изменений в социальном аспекте маскулинных гендерных ролей в современном английском языке. Основными методами исследования являются: метод выборки, метод компонентного и структурно-семантического анализа, метод дефинитивного анализа, метод концептуального анализа.

Ключевые слова: гендер, маскулинность, стереотип, категоризация, картина мира.

Summary. The present research focuses on cognitive mechanisms generation of lexical units that denote a man, on their correlation with prototypes, stereotypes, concepts as cognitive structures; on changes in social aspect of masculine gender role in modern English. The term «masculinity» is explored in various aspects.

Key words: gender, masculinity, stereotype, categorization, linguistic view of the world.

Masculinity as a category is often comprehended through the term “gender”. The alternative nomination of this Latin term is “machismo”. Gender delineate inter-sexual relations for socio-cultural reasons. In linguistics the term “gender” with the new meaning emerged from the sphere of social sciences what led to the interdisciplinary nature of contemporary studies. It is worth mentioning that interdisciplinarity is a peculiar feature of gender explorations, because exceeding the limits of several disciplines, the scientists exploit the interdisciplinary approaches, and hence they specialize in several areas. Gender stereotyping is fixed at all language levels, including male and female characteristics and expectations.

The scientists interpret masculinity not as a unified and stable whole but as a dynamic and inconstant system with a plenty of elements. Coming into being of the new masculine paradigm is closely connected with the general trends in gender researches. Masculinity is naturally intertwined with the racial, sexual, class and national relations. The variety of masculine images manifests itself not only in the “history” of a concrete person, but in different situations and with various partners. The stereotype bearer “does”, “performs” and “presents” different masculinity [3].

The degree and rate of change of gender order and corresponding masculine images are uneven in different countries, in different age and social groups, in diverse social and economic layers, not to mention among various types of men.

The interest to the male gender nominative units, which is typical for contemporary linguistics, has made actual the range of questions involving evaluation of the existing lexical units. The notion “masculinity” has got categorical status and is a prototype for description of men. Therefore, the research of masculinity is inextricably linked with the exploration of male behavior.

The essential aspect in construction of masculinity is polarization at usual and new lexical units. At present relatively small number of new nominative units appear in mass media. Most of them are built on the opposition of additional components to the existing ones. The changes in estimation take place more often, especially due to the context. Consequently, the same nominative unit can take various concepts as the primary meaning in different contexts. The structural conception of masculinity is not homogeneous and represents the language material, the objective of which is the accentuation of differences, whether it is opposition of masculinity and non-masculinity inside the category or distinction between men and women.

Nevertheless, the definitive masculine image, on the one hand, remains unchanged, as far as estimation is concerned; on the other hand, it undergoes changes due to the appearance of new stereotypes.

Alternation of opinions, demands and expectations to the meaning of notion “masculinity” causes many conflicts (internal conflicts and conflicts between men and women) that men survive [1]. Estimation is closely connected with the stereotypes, as the system of estimation and values depends on definite existing stereotypes, which are present in any culture. Derogative estimations are much more represented in a language than the positive ones. The conceptualized sphere of masculinity is explicated with the greater number of characteristics involving emotional and psychological condition, behavior, style of life, hobby, education, activity and financial status [2].

The lexical meaning is represented by the denotative (carrying information) and connotative (carrying emotional coloring) components. The minimal componential

analysis presupposes the distinction of lexical units according to the meaning. The following lexical units were selected for analysis. All of them possess the integral seme “man”, but they are distributed into several groups, in which the dominant lexeme stands in the first place.

1) ***Knight*** – the devoted champion of a lady; ***Warrior*** – men that are fearless, strong and skill fighters that are lacking in our modern times;

2) ***Gentleman*** – a man who is respectful and considerate of those around him. Acts politely. Treats women with respect. Opens doors for them, pulls out chairs, and is classy. What more guys should be; ***Gatsby*** – a man awesome, cool, nifty; ***Prince*** – someone who is really attractive; ***Gallant*** – a man possessing heroism of epic proportions including dragons and a lady;

3) ***Macho*** – male who cannot “lose face” in front of his mates or women; ***Don Juan*** – a Great Lover, a Great Friend, a man that gave many women sexual gratification; ***Playboy*** – a rich unattached man who is a magnet for girls; ***Womanizer*** – a selfish, narcissistic, nefarious character who needs to manipulate and use women to feed his own childish, self serving ego; ***Toff*** – an important or seemingly important men, in top management, posh or upper class men; ***The Seducer***, ***Mr. Fun Social Guy***, ***the Professional Party Boy***, ***Mr. Saturday Night***, ***A man about town***, ***Clubman***, ***Good-time Charlie***, ***Coxcomb***, ***Lovelace***, ***Virile*** – capable of performing sexually as a male; potent; ***Skirt chaser*** – a man who goes around to girls, telling them how much he loves them;

4) ***Alpha male*** – the dominant male; ***Mr. Right*** – the guy every girl wants to get wit; ***Mr. President***; ***Mr. Man’s Man***; ***He-man*** – what all men strive to be like; ***Tiger*** – a willful man; ***The stronger sex***; ***Action man*** – a man of action; ***Hero***; ***the Head of the family***;

5) ***Cowboy*** – wild, impulsive, living on the edge and taking risks without worrying about the consequences; ***Hulk*** – any tall, stocky, broad-shouldered man; ***Stallion*** – a very sexy man; ***Stud***;

6) ***Metrosexual*** – strait guys who are mistaken for being gay because of their fashion sense and hygiene habits; ***Narcissus*** – a male who looks at himself often; a pretty boy; ***Technosexual*** – a man who feels sexual attraction towards computers or any form of technology; ***Ubersexual*** – a male who is similar to a metrosexual but displays the traditional manly qualities such as confidence, strength, and class, leaving no doubt as to his sexual orientation; ***Mr. Sexy Older Guy***; ***Mr. Fun Social Guy***; ***Stylish Guy***;

7) ***Kidult*** (also ***Kidalt***) – an adult man that acts more like a kid; ***Mama’s boy*** (also ***Mummy’s boy***) – the type of kid from the ages of 3 to about 33 that will not spend more than a day away from his mum; ***Emoman***; ***The Peter Pan***; ***The Player***; ***The gamer***; ***Toy boy***; ***The hippie***; ***The skater***;

8) ***Sissy*** (also ***Cissy***) – straight girly guy; ***Nancy*** – mocking term for a man engaging in feminine activities or otherwise compromising his masculinity; ***Ladylike Gentleman***;

9) ***Bludger*** – a lazy man; ***Work-shy***; ***Idler***; ***Slacker*** – a man capable of doing work, but is too lazy to do it correctly; ***Dallier*** – person who is slow on tasks; ***Twiddler***, ***The guy with no money***;

10) ***The Unicorn*** – a man who seems mythically beautiful and unattainable; ***The Lone Wolf***; ***The Statesman***; ***The Family Man***; ***The weirdo***; ***The Married Guy***;

11) *Money-bag* – a man that is obscenely wealthy; *Sugar-daddy* – a girl’s boyfriend or husband...who takes care of her, looks out for her, (like a daddy); *Daddy* – a man of great influence and power over another individual, a primary authority figure, who is both a disciplinarian and nurturer; *The successful Guy*; *Niggard* – a man who is greedy, stingy [4].

The evaluation component is represented by the following set of differential features: general cultural values, behavior, physical characteristics, polygamy, preferences, age features. Categorization of lexical units is conditional in character. Polarization of estimates in many aspects is present in the meaning of lexical units, namely: masculinity – non-masculinity; conventional – new; positive – negative.

Thus, the notion “masculinity” can be studied from various angles:

1) masculinity can mean a set of behavioral and mental characteristics, traits and peculiarities that are inherent in men;

2) masculinity can be interpreted as an element of culture of a society, as a set of social representations and views of who a man is and what features are typical for him;

3) masculinity can reflect the regulatory standard of being a man, i.e. set of requirements forming the gender stereotype.

Список использованных источников

1. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. 320 с.
2. Гендерная социализация: учеб. пособие. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 92 с.
3. Masculinity for Boys: Resource: Guide for Peer Educators // United Nations Educational Scientific and Cultural Organisation. 2010. P. 3–56.
4. Urban Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/define.php> (дата обращения 06.02.2019).

СОЦИОФОНЕТИКА И ФОНОСТИЛИСТИКА

УДК 811.12

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ В ГЕРМАНИИ

Н. К. Воронцова,

*ассистент кафедры немецкой филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции развития немецкого языка под влиянием процессов глобализации и миграции. Особое внимание уделяется этнолекту Kiezdeutsch и его характеристикам. Целью исследования является определение характерных особенностей Kiezdeutsch и его места в системе вариантов современного немецкого языка.

Ключевые слова: этнолект, Kiezdeutsch, молодёжный язык, поликультурная среда.

Summary. The article discusses the current trends in the development of the German language under the influence of globalization and migration. Particular attention is paid to the Kiezdeutsch ethnolect and its characteristics. The aim of the study is to determine the characteristic features of Kiezdeutsch and its place in the system of variants of the modern German language.

Key words: ethnolect, Kiezdeutsch, youth language, multicultural environment.

В современном мире границы между этносами и нациями становятся все более условными и прозрачными. Со времён начала процесса глобализации в 50-х годах XX в. переплетение культур и языков приобрело не только мировой и континентальный, но и внутринациональный характер. В этом контексте следует упомянуть Германию, как страну, известную своей широкой «иммигрантской палитрой» — за последние 60 лет сюда съехались люди из 194 стран мира.

Вследствие активных миграционных процессов возникают все новые разнообразные культурные и языковые контакты, которые становятся объектом исследований таких областей науки, как социо- и этнолингвистика.

В этой связи несомненный интерес представляет собой Kiezdeutsch, этнолект современного немецкого языка. Этнолект определяется, как «разновидность, возникающая в результате дифференциации языка, функционирующего в зоне языкового контактирования и приобретшего специфические черты под воздействием родного языка (языков) билингвов через интерференцию. Длительное контактирование, сопровождающееся постоянными типическими явлениями интерференции, может обусловить системные изменения в данном языке, который используется на данной территории, что и приводит со временем к формированию «местного» варианта данного языка» [1, с. 252].

Примерно с середины 1990-х годов «Kiezdeutsch» как молодёжный этнолект развивался в жилых районах крупных городов с высокой долей мигрантов. Вопреки широко распространённому общественному восприя-

тию, следует рассматривать этот вариант немецкого языка не как «неправильный», но как новый городской диалект немецкого языка, который, как и другие немецкие диалекты, имеет систематические особенности на всех языковых уровнях.

Особенность Kiezdeutsch заключается в том, что «этот молодёжный язык развивался в контакте с различными языками» [3]. Подобные молодёжные языки существуют и в других европейских странах, таких как Нидерланды, Дания и Швеция. Поэтому Kiezdeutsch не является исключительно немецким явлением. В Нидерландах соответствующий молодёжный язык называется Straattaal, буквально «уличный язык»; в Швеции говорят о Rinkeby-Svenska, названном в честь Rinkeby, пригороде Стокгольма с высокой долей мигрантов. В Дании такой молодёжный язык известен как кебенхавский мультиэтнолект. Отличительной чертой этих языков является то, что они не являются типичными для носителей определённого языка (например, турецкого), но развиваются в полиэтнической молодёжной среде. Таким образом, «Kiezdeutsch является примером особенно успешной языковой интеграции: вклад многонациональных жилых районов, в которых одинаково представлены молодые люди с миграционным прошлым и без него» [3].

Эта интеграция делает Kiezdeutsch особенно интересным языковым явлением. По сравнению с другими молодёжными языками Kiezdeutsch имеет особую грамматическую структуру, которая поддерживается многоязычными навыками его носителей. Многие носители Kiezdeutsch свободно говорят на немецком, а также на одном или даже нескольких других языках. Например, кто-то, кто говорит на Kiezdeutsch со своими друзьями, может говорить по-курдски с бабушкой, по-арабски с дедушкой и матерью и по-немецки с отцом. Другой подросток, который говорит на Kiezdeutsch, может быть немецкого происхождения и говорит только по-немецки дома, но у своих друзей научился говорить по-турецки. Эти многоязычные навыки создают среду, которая особенно способствует языковым новообразованиям. Такие новообразования иногда вызывают массовую критику среди общественности. Kiezdeutsch считают «испорченным немецким языком», который указывает на «языковую бедность» и «языковую некомпетентность», как то, что способствует «упадку нашего языка» [2]. Конечно, молодёжный язык всегда будет подвергаться критике, ведь одна из функций молодёжного языка – отличие от старших. В случае мультиэтнического молодёжного языка, такого как Kiezdeutsch, однако, часто присутствует социально-политический компонент, когда подросток не немецкого происхождения, говорящий на Kiezdeutsch, обвиняется в нежелании интеграции и неприятии языка большинства.

Но нужно понимать, что не существует одного немецкого языка, что немецкий язык, как и любой другой, включает в себя ряд различных диалектов и стилей, и молодёжный язык является одним из вариантов. Любой носитель того или иного языка использует различные варианты в зависимости от ситуации, в которой он находится в определённый момент. Кроме того, Kiezdeutsch является лишь частью лингвистического репертуара молодых людей, на Kiezdeutsch говорят среди друзей, но не с родителями, учителями и т. д.

Как и любой другой вариант, Kiezdeutsch, естественно, отличается от немецкого стандартного языка. Эти различия, однако, не указывают на «ис-

порченный немецкий», но образуют независимую систему, имеющую свои особенности на всех языковых уровнях.

На лексическом уровне наблюдается употребление слов из турецкого или арабского языка, таких как, например, 'Lan' (буквально 'человек / тип') или 'wallah' (буквально 'и Аллах'). Эти выражения не делают Kiezdeutsch турецко-немецким или немецко-арабским смешанным языком, но интегрируются как новые иностранные слова: они используются в соответствии с правилами грамматики немецкого языка (например, 'Lan', аналогично 'Alter', 'wallah' аналогично 'echt'), а их произношение германизировано. В качестве иностранных слов они в равной степени используются носителями разных языков, в том числе и тех, для кого немецкий язык является родным. Точно так же, как, например, знание английского языка не требуется для употребления слова «компьютер», можно использовать 'Lan' не говоря по-турецки.

Другой отличительной чертой Kiezdeutsch является упрощение грамматических конструкций, например, отсутствие флексий ('das ist mein Schule' вместо 'das ist meine Schule') или артикля ('Hast du Handy?' вместо 'Hast du ein Handy?'). В дополнение к грамматическим упрощениям и часто во взаимодействии с ними, в Kiezdeutsch появляются новые языковые формы и модели построения, например, 'lassma' вместо 'lass uns mal' или 'musstu' вместо 'musst du' (Lassma Viktoriapark gehen! Musst du hier anhalten!) [4].

Другой характерной чертой Kiezdeutsch является использование 'so' там, где его не ожидают в стандартном немецком языке (Ich höre Alpa Gun, weil der so aus Schöneberg kommt. Ich hab meiner Mutter so Zunge rausgestreckt, so aus Spaß). В стандартном немецком языке частица 'so' имеет несколько значений, в частности она может выражать сравнение (so schnell wie Anna) и интенсивность (So hoch!). В разговорной речи 'so' также используется в качестве так называемого факторного маркера для цитирования (Ich dann so: 'Was ist denn hier los?'). В Kiezdeutsch добавлена новая функция, когда 'so' всегда предшествует так называемой фокусировке предложения или той части, которая предоставляет новую, требующую особого акцента информацию.

Использование 'so' в качестве фокус маркера не ограничивается Kiezdeutsch, но также встречается и в других разговорных вариантах немецкого языка, хотя, возможно, не так часто. Вот пример из интернет-чата: G.: 'Was suchst du im chat?' — L.: 'So coole Leute zum kennenlernen.' Другой пример взят из ток-шоу, в котором модератор Йоханнес Б. Кернер спрашивает автора Шарлотту Рош, которая обращается к ней с е` новой книгой: 'So auch auf der Straße kommen die Leute, oder sind das hauptsächlich Journalisten?' В обоих случаях 'so' не несёт никакой смысловой нагрузки, но всегда помечает выражения, которые предоставляют важную информацию.

Таким образом, мы можем утверждать. Что Kiezdeutsch не является «неправильным» или «плохим» немецким, а одним из вариантов в системе форм существования современного немецкого языка. Как и любой вариант, он характеризуется отклонениями от стандартного немецкого языка, которые носят систематический характер, а не являются просто ошибками.

Изменения в языке, возникновение новых вариантов является естественным процессом, связанным с экономическим, политическим и культурным развитием государства. Одним из важных факторов, оказывающих влияние

на язык, являются миграционные процессы, в результате которых происходит взаимовлияние различных культур.

Список использованных источников:

1. Словарь социолингвистических терминов // Под ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 315 с.
2. Androutsopoulos J. Von fett zu fabelhaft: Jugendsprache in der Sprachbiographie // Sprechalter. Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST) 62. 2001. S. 55–78.
3. Auer P. Türkenslang: Ein jugendsprachlicher Ethnolekt des Deutschen und seine Transformationen / Annelies Häcki Buhofer (Hrsg.), Spracherwerb und Lebensalter. Tübingen, 2003.
4. Wiese H. Ich mach dich Messer: Grammatische Produktivität in Kiez-Sprache / Linguistische Berichte. Potsdam, 2006. S. 245–273.

УДК 39

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЭТНИЧЕСКИХ
НЕМЦЕВ КРЫМА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

*Н. М. Евстафьева¹, О. Н. Обухова², О. В. Скурихина³,
Г. В. Порческу⁴, Ю. В. Березина⁵, И. А. Андриющенко⁶,*

*¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*^{2,4,5} кандидат филологических наук, доцент,
Вятский государственный университет, Киров*

*³ кандидат педагогических наук, доцент,
Вятский государственный университет, Киров*

*⁶ кандидат культурологии, доцент,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье на основе анализа этнографических литературных источников Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И.Я. Франко проводится реконструкция коллективного социально-языкового образа немецких переселенцев, проживавших на территории Крыма с периода правления Екатерины II до депортации 1941 года. Приводится краткое системное описание географического происхождения и социального уклада немецкоговорящих языковых сообществ. Анализ фактора замкнутости/внешней интеграции сообщества, а также учет языковой ситуации в регионе способствует формированию представления об использовании немецкого языка представителями немецкоговорящего этноязыкового сообщества Крыма вышеуказанного периода.

Ключевые слова: этнокультурные маркеры, малые народы Крыма, немцы Крыма, немецкий язык в Крыму

Summary. Based on ethnographic literary sources of the I. Y. Franko Crimean Republican Universal Scientific Library the paper aims at reconstructing collective socio-linguistic image of German immigrants living in Crimea from the reign

of Catherine II until deportation in 1941. A brief systematic description of the geographical origin and social life of the German-speaking language communities is also given.

Key words: ethnocultural markers, ethnic minorities of Crimea, Germans of Crimea, German language in Crimea

Этническое разнообразие социума Крымского полуострова на протяжении многих лет является объектом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей в связи с разнообразием и обилием исторических, культурных, этнографических, политических, религиозных и языковых феноменов, изучение которых не только позволяет фиксировать особенности функционирования человеческого общества в различные периоды его существования, но и формирует культурное наследие региона.

Полная картина описания жизни социума невозможна без учета особенностей основного средства социального взаимодействия, которым является язык. К сожалению, именно языковые памятники немцев Крыма представлены в этнографической литературе в наименьшей степени и остаются малоизученными. Тем не менее, формирование общего представления об особенностях функционирования немецкого языка в этническом сообществе немцев Крыма возможно при помощи реконструкции фактов географического происхождения и социального уклада сообщества в различные исторические периоды с учетом фактора замкнутости/внешней интеграции сообщества.

Географическое происхождение. Первые германские племена, представленные восточными готами, появились на территории Крымского полуострова и Северного Причерноморья в III в. в результате Великого Переселения народов и к моменту издания императрицей Екатериной II 22 июля 1763 г. «Манифеста о даруемых иностранным переселенцам авансажах и привилегиях» ассимилировали с местными племенами [4; 6]. После издания манифеста 13 февраля 1798 г., определившего права и льготы при переселении в Крым, на территорию полуострова в числе первых прибыли немецкие колонисты из *Вюртемберга*, *Бадена*, *Цюрихского кантона Швейцарии*, которые основали колонии в Судаке, поселке Отузах (ныне Щebetовка Феодосийского горсовета). Вскоре выходцы из *Эльзас-Лотарингии* основали Цюрихтальскую волость недалеко от Феодосии. К юго-востоку от Джанкоя была создана Эйгенфельдская волость. В Симферопольском уезде была сформирована Нейзацкая волость. К 1805 г. уже сложилось население ряда колоний, давших начало будущим большим поселениям. В их числе Цюрихталь (ныне Золотое Поле Кировского района), Вейльбрун (Приветное) — в Феодосийском уезде, Фриденталь, Нейзац, Розенталь (Курортное, Красногорское, Ароматное Белогорского района), Кроненталь (Кольчугино Симферопольского района), Герценберг (Пионерское Феодосийского горсовета). В 1811 г. выходцы из *Баварии* и *Вюртемберга* основали в Симферопольском уезде колонию Кроненталь [2].

Принимая во внимание вышеупомянутые сведения, можно предположить, что на территории Крыма с приездом колонистов функционировали диалекты верхненемецкого кластера, представленные швабским (Вюртемберг), франкским (Лотарингия), эльзасским (Эльзас), баварским (Бавария), верхнеалеманским (Цюрих) диалектами. Помимо вышеописанных диалектов на территории

Российской Империи функционировало также множество других разновидностей немецкого языка: только в армии в конце XVIII в. до 30% офицерского состава составляли немцы. В 1860–70-е гг. после переезда части крымских татар на территорию Турции начинается второй этап переселения в Крым немцев, приезжающих из различных областей Германии и, главным образом, из материковой части Таврической губернии. Пополняется разнообразие функционирующих разновидностей немецкого языка [2].

Социальный профиль. Получив широкий спектр социальных льгот от государства (гражданские свободы, освобождение от рекрутской повинности и обязанности принимать войска на постои, от уплаты податей и налогов на 10 лет, свободу вероисповедания, право торго-вать, заводить фабрики с припиской к ним крепостных людей), немецкое общество смогло успешно реализовать свой социально-экономический потенциал [8].

Свобода вероисповедания являлась особенно желанной темой на фоне сложившейся конфликтной религиозной ситуации в Европе; среди переселенцев преобладающее большинство исповедовало протестантизм, хотя встречались и католики [5].

К характерным чертам трудовой деятельности немцев относились четкость, точность, аккуратность, своевременность, обязательность, добросовестность, бережливость, рациональность. Немецкие поселения также отличались высокой стабильностью, пониженной межэтнической и общенациональной конфронтационностью [1]. Обустройство территории и строительство велось фундаментально, экономно, расчетливо, масштабно и удобно, при этом использовался местный строительный материал, но сохранялся национальный колорит. Кроме жилья и дворовых построек строились церкви или мо-литвенные дома, создавались школы [8].

В начале XX в. немцы составляли значительную часть полиэтничного населения Крыма. В 1897 г. первая Всероссийская перепись населения зарегистрировала в Крыму 30 027 немцев — *сельских жителей* (5,5 % от общего числа населения): в Перекопском уезде — 11718 человек (22,8 %), Евпаторийском — 7558 чел. (12 %), Симферопольском — 5812 чел. (4,1 %) и Феодосийском — 4909 чел. (4,2 %). Приблизительно 80 % являлись *середняками и зажиточными крестьянами-собственниками*, 17 % — безземельными крестьянами (то есть не собственниками) и около 3 % — крупными земледельцами. Среди немецких колонистов можно было встретить и батраков. Основное же население немцев в Крыму относилось к категории относительно зажиточных [8].

С XIX в. у крымских немцев основной формой семьи являлась *малая семья — один-двое детей*. В сельской местности встречались *многодетные семьи*. Образ жизни и быт крымских немцев явственно отражал их культуру и цивилизацию [9]. Это была *чрезвычайно закрытая этническая группа населения* [8].

Наличие *церковно-приходских образовательных учреждений* [3], *компактное проживание, сохранение связи с родиной, общий высокий статус немецкого языка* в Российской Империи способствовали относительно сохранению языковых традиций. Русский язык служил языком межэтнического общения.

Начиная с 1897 г. национальная структура населения Крыма регулярно фиксировалась: 50% всего населения было русскоязычным, 34% составляли крымские татары, 6% — жители немецкой национальности, 3% — греческой, 1,5% — армянской, 1% — болгары. Основные черты структуры населения сохранились до 1921 г. За 40-летний период (1939–1979 гг.), вследствие последовавших общественно-национальных катастроф (Первая мировая война, Февральская революция 1917 г., репрессии, массовая депортация, Великая Отечественная война), национальный состав Крыма коренным образом меняется: перепись населения 1979 г. зафиксировала 68,4% русских, 25,6% украинцев, 2% белорусов, 0,3% крымских татар, 0,06% немцев, 0,08% греков, 0,2% армян и 0,06% болгар [8; 7].

Заключение. В наиболее общем виде социально-языковой портрет немцев, привлеченных в XVIII в. в Крым прежде всего для развития сельскохозяйственной сферы, представляет собой пример самоорганизованного, рационального и эффективного хозяйствования, вокруг которого строится самодостаточное общество, способное производить все необходимое, развивать и сохранять социальную структуру с собственными культурно-религиозными ценностями, поддерживать языковые традиции и преимущественно конструктивно взаимодействовать с внешней социальной средой.

Исследование проведено в рамках гранта РФФИ 19-012-00015 А «Система этнокультурных маркеров в традиционных культурах малых народов Крыма».

Список использованных источников

1. Брошеван В. М. Национальные меньшинства в Крымской АССР: историко-док. справ.: ил., табл. Симферополь, 2007. 89 с.
2. Генеалогический форум ВГД. Немцы России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.vgd.ru/132/8638/> (дата обращения 01.03.2019).
3. Глузман А. В., Редькина Л. И., Вишневский С. А. и др. Образование и педагогическая мысль Крыма (XIX — начало XX столетия): Монография / Под общ. ред. А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной. К.: Знання України, 2007. 384 с.
4. Меметов А. М., Меметов И. А. Готы в Крыму и их участие в этногенезе крымских татар // Ученые записки крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – Т.2 (68). — № 3. – С. 201–209.
5. Немцы Крыма. Дух жизнестойкости: фотоальбом. Симферополь, 2016. 207 с.
6. Петренко А. Д. О переводах готской библии // Сборник тезисов участников III научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых учёных КФУ имени В.И. Вернадского. Симферополь, 2017. С. 158–159.
7. Рисс Г. Крым наша Родина: депортация немцев в 1941, 1944 гг. Симферополь, 2005. 325 с.
8. Финогеев Б. А. Крымские татары, немцы, греки, армяне, болгары. Симферополь, 1997. 207 с.
9. У Кримській оселі. Вірмени. Болгари. Греки. Німці. Українці / За ред. Т. А. Салістої-Григорян. Сімферополь: ДіАйПі, 2007. 208 с.

**БАЗОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ДЛЯ СОЦИОФОНЕТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА**

Э. Ш. Исаев,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данное исследование выполнено в духе традиций научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко. В основу работы положены методологические принципы и методы социолингвистического и социофонетического исследования речевого материала, предложенные У. Лабовым и А. Д. Петренко. В статье рассматриваются базовые параметры социофонетического анализа языкового материала, возможные модели корреляции между произносительными и социальными структурами.

Ключевые слова: вариативность, языковая ситуация, языковая норма, социолект, произносительные стили, социофонетическая переменная.

Summary. The study was performed in line with the traditions of the scientific school of sociophonetics and phonostylistics of Professor A. D. Petrenko. The study is based on methodological principles and methods of sociolinguistic and sociophonetic research of the speech material that were suggested by W. Labov and A. D. Petrenko. The article discusses the basic parameters of sociophonetic analysis of language material, possible models of correlation between the pronunciation and social structures.

Key words: variation, linguistic situation, language norm, sociolect, pronunciation style, sociophonetic variable.

Данная работа выполнена в русле традиций научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко [5]. Вопросы общетеоретического и прикладного характера, посвященные многоаспектному изучению социально обусловленной языковой вариативности подробно описываются в работах Л. С. Бор, Д. С. Бородиной, Т. В. Бридко, О. И. Гладких, Н. М. Евстафьевой, Э. Ш. Исаева, Э. В. Лихачева, К. А. Мележик, С. Е. Перепечкиной, Д. А. Петренко, А. В. Пономаревой, Е. А. Устинович, Ю. Б. Федотовой, Д. М. Храбской и др.

Как отмечает А. Д. Петренко, «современный период развития социолингвистики ставит перед языковедами задачу всестороннего и углубленного изучения проблем языковой вариативности, связанной с различными социальными признаками говорящих» [6, с. 13].

В процессе становления социолингвистики как науки произошел переход от частной фиксации отдельных речевых особенностей к социологическому, психологическому, этнокультурному обоснованию особенностей речевого поведения представителей конкретной социальной группы. Комплексное социолингвистическое исследование предполагает анализ как стратификационных, так и ситуативных составляющих, влияющих на возникновение и функционирование языковых вариантов на всех уровнях языковой системы – лексическом, грамматическом и фонетико-фонологическом.

Анализ речевых вариантов на произносительном уровне учитывает наличие двух типов факторов, обуславливающих варьирование сегментного состава:

- 1) внутренние (лингвистические) факторы, т. е. фонетическое окружение, позиция звука в слове и т. д.;
- 2) внешние (экстралингвистические) факторы, являющиеся стратификационно и ситуативно обусловленными.

Длительное время в языкознании доминировало представление, что звуковые изменения происходят на протяжении многих веков, а зафиксировать эти процессы способны лишь последующие поколения. Однако, появление социофонетики, рассматривающей корреляции между произносительными и социальными структурами, доказало возможность фиксации таких процессов на стадии их становления.

«Социофонетический анализ», – по справедливому утверждению А. Д. Петренко [6, с. 65], «предполагает четкую соотнесенность действия любых постоянных признаков социальной и звуковой системы и открывает новые возможности поиска источников звуковых изменений. Данный подход позволяет наблюдать подобные процессы в динамике их развития, и в самой общей форме выстроить жесткую эволюционную цепь в распространении произносительных форм от идиолекта к социолекту, а далее к общепринятому языковым сообществом варианту, получающему в итоге шанс стать однажды кодифицированным».

Необходимым условием для успешного социофонетического исследования является детальный анализ таких фундаментальных параметров как **ВАРИАТИВНОСТЬ, ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ, ЯЗЫКОВАЯ НОРМА, СОЦИОЛЕКТ, СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ И СИТУАТИВНЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ, ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ, СОЦИОФОНЕТИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕННАЯ.**

ВАРИАТИВНОСТЬ. Вариативность – это одно из основных свойств языка, наглядно демонстрирующее многообразие языковой системы. Варьирование базируется на сложном комплексе как чисто языковых факторов, так и особенностей внеязыкового порядка. Кроме этого, сами языковые варианты также не являются однородными. Одни из них употребляются в определенном регионе, другие распространены повсеместно; одни хронологически отмечены, другие не имеют этой характеристики; одни варианты встречаются редко, другие отличаются частотой употребления; одни из них стилистически нейтральны, другие – содержат в себе экспрессивную или стилистическую окраску.

Одной из главных проблем социолингвистики является проблема социально обусловленной вариативности, характеризующаяся наличием двух измерений: стратификационного и ситуативного. Стратификационная вариативность проявляется в речевых различиях, фиксируемых в речи представителей разных социальных групп. Ситуативная вариативность характеризуется преимущественным использованием тех или иных языковых средств соответственно социальной ситуации.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ. Под «языковой ситуацией» обычно принято понимать совокупность языков, обслуживающих общение в стране или на какой-либо территории и их функциональное распределение.

Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение: «Языковая ситуация – это совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [4, с. 616–617].

Языковая ситуация представляет собой отражение объективно существующего распределения социальных позиций между языковыми коллективами. Фактически за каждой языковой ситуацией стоят определенные языковые общности. Следовательно, она отражает социальное взаимодействие определенных групп людей. Иначе говоря, функциональное распределение языковых образований является также следствием распределения людей по областям социальной деятельности в соответствии с их социальной ролью.

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА. Понятие нормы напрямую связано с понятием системы языка, функционирующего на данном историческом этапе. В лингвистике используются различные модели языка как предмета лингвистических исследований. Одной из наиболее известных является теория уровней Э. Косериу [2], согласно которой принято различать три уровня: система – норма – речь. Системой автор называет схему, которая включает в себя идеальные формы реализации данного языка. К норме он относит систему обязательных реализаций тех возможностей, которые содержатся в языке. Речью Э. Косериу называет индивидуальную реализацию нормы. Следуя данной схеме на уровне нормы происходит обязательная реализация, а на уровне речи – нетрадиционная.

СОЦИОЛЕКТ. При обозначении языковых отличий на региональном уровне лингвисты обычно используют термин «диалект». По данной аналогии Х. Кубчак [8, с. 94] предложил называть языковой вариант, несущий в себе языковые факты групповой принадлежности, «социолектом». Единицей исследования в социолингвистике и социофонетике является социальный диалект, то есть язык общественной группы, специфика которого проявляется на всех уровнях языковой системы, в том числе и на произносительном.

Социолект выступает в качестве определенного варианта к кодифицированной норме. В рамках конкретной социально-речевой общности он представляет собой некодифицированную норму языкового общения, реализуемую в разнообразных коммуникативных ситуациях группой говорящих, объединенных совокупностью общих социальных признаков. Социолект характеризует языковое поведение каждой отдельной социальной группы индивидов. Социокультурные потребности соответствующего речевого коллектива оказывают решающее воздействие на формирование лингвистического облика того или иного социолекта.

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ И СИТУАТИВНЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ. У. Лабов [3, с. 114–129] в процессе анализа социолингвистических переменных предложил выделить два типа переменных: стратификационные и ситуативные. Стратификационные переменные связаны с варьированием количественных и качественных показателей у представителей различных социальных групп независимо от признаков ситуации. А ситуативные переменные характеризуют изменение социальной ситуации.

Среди реализаций этих переменных обычно принято выделять так называемый «престижный» вариант, который чаще всего фиксируется в речи представителей высших социальных слоев, а также тяготеет к более официальным ситуациям с осознанной ориентацией на нормативные правила произношения. Главной особенностью социолингвистической переменной является ее связь с определенной социальной оценкой.

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ. Проблема фонетической дифференциации звучащей речи отражается в теории произносительных стилей. В процессе формирования и реализации высказывания проявляется многообразие языковой системы. Особенности коммуникации проявляются в конкретных актах речи, связанных с индивидуальностью говорящего, с целью высказывания, со своеобразием речевой ситуации и т. д. В зависимости от условий коммуникации одно и то же слово может быть произнесено по-разному. В настоящее время специалисты уделяют большее внимание особенностям реализации не только отдельных звуков, а целых участков речи, их просодических характеристик. Совокупность фонетических средств анализируется через призму внеязыковых факторов, предопределяющих выбор тех или иных форм, находящихся в распоряжении говорящего.

С. М. Гайдучик [1, с. 6] отмечал сложную природу фонетического стиля и определял его как «разновидность совокупности фонетических средств всех уровней фонетической системы языка, свойственных речевому высказыванию в данной форме и в определенной речевой ситуации».

Л. В. Щерба выделял два основных стиля произношения – полный (когда слова и звуки произносятся отчетливо) и разговорный (когда звуки артикулируются неотчетливо). Критерием выделения фонетических стилей для него является разнообразие социальных условий речи [7, с. 21].

При этом Л. В. Щерба отмечал, что не следует ограничиваться этим разделением, т. к. звучащая речь многообразна и не всегда вмещается в определенные рамки: «Совершенно очевидно, что тут возможно бесконечное число переходных ступеней...» [7, с. 154].

СОЦИОФОНЕТИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕННАЯ. Основной операционной единицей социолингвистического анализа языковой и речевой вариативности являются так называемые «социолингвистические переменные», т. е. любые языковые и речевые корреляты стратификационной и ситуативной вариативности. Если анализ стратификационной и ситуативной вариативности проводится на фонетическом уровне языковой системы, то правомерной считается возможность выделения «социофонетических переменных».

Приведенный выше перечень основных параметров социофонетического исследования не является исчерпывающим и окончательным. Однако, бесспорным является тот факт, что любое социофонетическое исследование должно опираться на подробный анализ и характеристику вышеупомянутых аспектов лингвистического и социального плана.

Список использованных источников

1. Гайдучик С. М. Фоностилистический аспект устной речи: дис. ... доктора филол. наук. Минск, 1973. 292 с.
2. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963. С. 175.

3. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике, вып. 7. М., 1975. С. 114–129.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.

5. Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора Петренко А. Д. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ta.cfuv.ru/pauchnie-shkoli/socfon> (дата обращения 22.01.2019).

6. Петренко А. Д., Бухаров В.М., Петренко Д.А., Храбскова Д.М., Бридко Т.В., Пономарёва А.В., Мележик К.А., Исаев Э.Ш., Перепечкина С.Е., Евстафьева Н.М., Лихачёв Э.В., Федотова Ю.Б. Социофонетика и фоностилистика: опыт, актуальная проблематика, перспективы. Москва, 2018. 370 с.

7. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 186 с.

8. Kubczak H. Was ist ein Soziolekt? Heidelberg, 1979. S. 94.

УДК 81'342+81'276

СПОСОБЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ ПРИ ФОНЕТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ КИНОДИСКУРСА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю. В. Онищенко,

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются способы интерпретации социолингвистической информации в кинодискурсе. Цель исследования – выявление закономерностей употребления произносительных вариантов (ПВ) в речи участников кинодискурса, а также классификация стереотипов по отношению к акцентам в менталитете британцев. Исследование осуществлено с помощью биографического метода, анализа литературы, фонологической и социофонетической интерпретации звучащего материала, аудитивного и сравнительно-сопоставительного анализа. Основные результаты состоят в исследовании роли территориальных и социальных диалектов в киноречи, в выявлении изменения отношения к ПВ и связанных с ними стереотипами, о чем свидетельствует изменение политики телеканала ВВС, и в иллюстрации процессов, актуальных для языковой политики Великобритании в целом.

Ключевые слова: языковая политика Великобритании, кинодискурс, киноречь, акцент, произносительный вариант, стереотип.

Summary. The article studies the ways of sociolinguistic information interpreting in cinematic discourse. The aim of the research is to reveal the patterns of accent usage in the film speech by the participants of the cinematic discourse with the following classifying the accent stereotypes in British mentality. The research is carried out using biographical method, literature analysis, phonological and sociophonetic interpretation of the speech, auditive and comparative analysis. The main results include the research of the role dialect and sociolects perform in the film speech. In conclusion, the change of attitudes to accents and accent stereotypes is reflected in the change of BBC channel politics and defines some of the processes relevant for the language politics of the British Isles in general.

Key words: language politics of Great Britain, cinematic discourse, film speech, accent, type of pronunciation, accent stereotype.

По мнению зарубежных исследователей, кинодискурс является не достаточно разработанным с точки зрения потенциально вычлениваемой в его рамках социолингвистической информации [2, с. 139]. Такие отрасли языкознания, как социолингвистика, лингвистическая антропология, социальная семиотика внесли вклад в теоретизацию многих понятий, используемых в настоящее время при анализе языка кино [12].

Киноречь изучается во всех странах мира; исследуемый материал представляет собой речь персонажей полнометражных кинофильмов и сериалов, зачастую содержит примеры социальных и территориальных диалектов, переключения стилей одного языка и кодов различных языков, что представляет интерес при фонетическом анализе. К методам анализа материала относятся как качественные, так и количественные методы [5].

Термин «кинодискурс» («cinematic discourse») находится в употреблении, однако, не является четко установленной академической концепцией. Языковая составляющая кинодискурса рассматривается как сложный мультимодальный семиотический артефакт [2, с. 139]. Чтобы не ограничиваться точкой зрения на кинодискурс как на «язык в фильме» и выявить различия между текстом и дискурсивной практикой [8], более продуктивным представляется анализировать кинодискурс как совокупность понимания «фильма-как-текста», процесса его производства и потребления [2, с. 140]. Кинодискурс предполагает контекстуализированный подход к фильму как источнику социолингвистической репрезентативности, порождая и трактуя социолингвистически интерпретируемую информацию в рамках дискурса [4]. В настоящее время лингвисты анализируют языковую гетерогенность киноречи, рассматривают методологический инструментарий социолингвистики для применения в исследованиях, а также перспективы и роль данных исследований в развитии теории социолингвистики [2].

Внимание специалистов различных сфер науки и культуры к киноречи как составляющей кинодискурса обращено с 60-х годов прошлого века. В первых релевантных работах мнения по поводу роли языка в кино разошлись: ряд критиков высказывал мнение о том, что наполнение аудиовизуального дискурса речью должно быть минимальным, другие настаивали на важности диалогов для надлежащего понимания зрителем данного вида искусства [9]. Так, по мнению одного из защитников роли киноречи, «любой говорящий фильм, показанный без звука и по-прежнему доступный для понимания – плохой фильм» [3]. Дискуссия расширялась сравнением кино и театра, противопоставлением одного вида искусства другому [13]. В одной из более современных работ автор С. Козлофф рассматривает роль кинодиалога в фильмах различных жанров, посвящая целую книгу анализу роли и функции речи в кино, затрагивая также аспекты социолингвистической репрезентативности, способы создания эффекта комичного, иронии, драматичности. Автор также затрагивает тему употребления диалектных форм языка в американских фильмах, полагая роль диалога между персонажами неотъемлемой [9].

В настоящее время многообразие вариантов английского языка (АЯ), функционирующих в дискурсе масс-медиа, является богатым ресурсом для

изучения современного произношения. Британское телевидение, в течение первых десятилетий своего существования одним из приоритетов ставившее языковое образование граждан и распространение языковой нормы, становится все более демократичным и толерантным к нестандартным ПВ [5, с. 8]. Вариативность произношения в рамках теле- и кинодискурса привлекает специалистов также в области культуры, этнологии и социологии. По мнению исследователей, язык масс-медиа выполняет важную функцию создания языковой идентичности (linguistic identity) образа, аккумулирует представления о «типичном характере» персонажа посредством тех или иных языковых средств [5, с. 1]. Исследователи отмечают, что «распространение масс-медиа, например, телевидения, музыки, фильмов и интернета, возможно, являлось наиболее выдающимся источником, ответственным за создание языковых норм и распространение стереотипов» [11].

Национальное телевидение не только инкорпорирует все большее количество региональных вариантов, но и задействует актеров различной этнической принадлежности. Так называемая «толерантность к акцентам» является частью современной языковой политики ряда стран: ни один акцент того или иного языка не является лучшим. Движение, активизировавшееся в последнее десятилетие, возникло как противодействие существующей в Великобритании классовости общества, проявляющей себя в социальной стратификации языка, признании элитарности нормативного варианта [5, с. 8]. Существует ряд работ, в которых изучается социальная структурированность убеждений британцев о престижности и привлекательности того или иного акцента [7].

Таким образом, анализируя социофонетические особенности киноречи, исследователи делают выводы об отношении к ПВ и выявляют связанные с ними социальные стереотипы. Одно из подобных исследований проведено в Америке среди детей-учащихся 3-5 классов. Из предложенных к прослушиванию акцентов АЯ в фрагменте мультфильма (стандартный американский, афроамериканский, британский, французский и арабский) наиболее престижным и социально привлекательным оказался стандартный американский. Афроамериканский акцент занял последнее место в рейтинге, британский был ассоциирован с профессиями дворецкого, слуги, повара [14]. Исследование о языковых стереотипах в голливудских фильмах проводилось Н. Андерссоном на материале фильмов «Властелин Колец», «Трансформеры», «Звездные войны» и было посвящено различиям произношения персонажей [2]. Автор установил, что британский стандарт RP высоко ценится в качестве модели для обучения английскому языку, воспринимается как высокостатусный ПВ [5, с. 5]. Социолект лондонского малообразованного рабочего класса кокни привносит «коннотации грубого, нечестного, необразованного или комичного» персонажа [10], в фильме «Властелин Колец» злобный народ (орки) говорит именно на кокни, усиливая этот стереотип [1, с. 13]. Использование как британского, так и американского стандартных вариантов в кино коррелирует с компетентностью и мудростью персонажей [1, с. 20]. Отклонения от нормы выступают приемом создания комического эффекта, указывая на глупость персонажа. С другой стороны, нестандартная речь соотносится с такими качествами, как проявление солидарности, коммуникабельности. [5, с. 3].

В одном из исследований, посвященном вариативности произношения британского кинодискурса на материале популярных фильмов («Властелин колец», «Хроники Нарнии», «Гарри Поттер и Орден Феникса») выявлены корреляции ПВ в кинофильме с гендерными и региональными характеристиками актера, с типом его персонажа и связанными с ним характеристиками [5, с. 25].

В данной статье представлены результаты исследования вариативности произношения киноречи на материале телесериала «Doctor Who», который является самым продолжительным научно-фантастическим сериалом в мире и важной частью массовой культуры Великобритании. Выбор материала обусловлен большим разнообразием персонажей, объединенных одной сюжетной канвой, что упрощает их типизацию, а также разнообразием ПВ актеров. Трансляция сериала на канале BBC происходила с 1963 по 1989 год, затем возобновилась с 2005 года. Обновленный проект задействовал новых сценаристов и актеров, говорящих уже не на единообразном произносительном стандарте, а на различных вариантах современного АЯ.

Для анализа социофонетической информации рассмотрены 10 эпизодов сериала с 2005 по 2018 гг., вычленена речь персонажей, которые классифицированы по следующим группам: протагонист, помощник протагониста, злодей, второстепенный персонаж (положительный, отрицательный, нейтральный, комичный). На дальнейшем этапе осуществлен сбор информации о происхождении актеров, исполняющих роли указанных персонажей, анализ фонетических особенностей их речи в неформальном интервью для определения привычного для них ПВ. В центре внимания такие типы персонажей, как «протагонист» и «помощник протагониста».

В результате анализа произношения выявлено следующее:

1. Речь и мужчин, и женщин варьируется в широком фонетическом спектре, информанты используют территориальные и социальные диалекты, нормативный стандарт АЯ в его наиболее консервативной, нейтральной, а также продвинутой форме.

2. В категории «Протагонист» с 2006 по 2018 года актеры-мужчины, владеющие различными ПВ АЯ (согласно происхождению и использованию в неформальных интервью), в сериале говорят на General RP с переключением на менее формальный вариант Estuary English. Двое из четырех актеров проявляют в киноречи черты территориальных диалектов, имея, однако, ярко выраженный региональный акцент в интервью. С 2018 года протагонист (актер-женщина) использует в речи территориальный диалект, свойственный графству Йоркшир, никак не модифицируя произношение для сериала.

3. «Помощники протагониста» – семь информантов, среди которых пять женщин и двое мужчин. С 2006 по 2017 год в речи информантов-женщин преобладающими ПВ были Estuary English (в сочетании General RP, стандартным южно-английским произношением и спорадическими проявлениями кокни). В 2018 году актер-мужчина старшего поколения (58 лет) в киноречи использует Advanced RP с элементами кокни, женщина (31 год), как и протагонист – ПВ графства Йоркшир, мужчина (26 лет) младшего поколения – Estuary English с выраженными чертами кокни.

Таким образом, двое из пяти актеров категории «протагонист» изменяли

свою речь для сериала в сторону нормативного варианта. Персонажам категории «Помощник протагониста» в целом свойственны менее престижные варианты. Закономерно также то, что в данной категории актерам практически не приходится изменять произношение. Тип персонажа «протагонист» (до 2018 года роль играли мужчины) – персонаж более консервативный, интеллектуальный, а его помощник (в основном женщины) ближе к обыденности, в большей степени подвержен эмоциям, тесно связан с современностью.

Популяризация территориальных и социальных диалектов телеканалом BBC в 2018 году в киноискусстве сериала «Doctor Who» вызвала положительную оценку на родине, в Великобритании, однако, спровоцировала негативную реакцию в США, поскольку многие зрители сочли северный тип произношения героев неразборчивым и требующим чтения субтитров для понимания речи персонажей [6].

Выводы. Процесс демократизации британского телевидения затронул и такой традиционный телепроект, как «Doctor Who». С изменением политики телеканала BBC наблюдается стирание гендерных стереотипов, а также расширение спектра произносительных вариантов: на главном канале страны можно услышать не только региональный акцент, но и территориальный диалект, не отличающийся от родного произносительного варианта актера, не только молодежный лондонский социолект Estuary English, но и некогда стигматизируемый кокни. Таким образом, брошен вызов устоявшимся стереотипам в менталитете британской нации: территориальные и социальные диалекты более не являются комичными, не ассоциируются с грубостью и глупостью, однако, звучат из уст протагонистов и их союзников.

Изучение кинодискурса способствует пониманию современной языковой ситуации и языковой политики в стране. Современные изменения в британском обществе порождают некий бунт против взгляда на языковой стандарт как на идеальную форму языка. Тенденция к снижению уровня дискриминации региональных акцентов, доступность образования, рост социальной мобильности способствуют демократизации языковой политики Британских островов.

Список использованных источников

1. Andersson N. Stereotypes of English in Hollywood movies: A case study of the use of different varieties of English: B. A. Thesis. Stockholm, Stockholm University, 2009.
2. Androutsopoulos J. Introduction: Language and society in cinematic discourse // *Multilingua*. Walter de Gruyter. – 2012. – № 31.
3. Bardsley Mary Lea. *The Talking Film* // *Rediscovering French Film*. N. Y.: Museum of Modern Art, 1983. 91 p.
4. Bednarek M. *The Language of Fictional Television*. London / New York: Continuum, 2010. 285 p.
5. Berglund H., Brock V. *Stereotypes of British Accents in Movies. A Speech Analysis of Character Types in Movies with British Accents*. Halmstad University, 2017. 32 p.
6. Bone Christian. *Doctor Who Star Responds To Fans Who Say They Can't Understand Her Accent* [Electronic Resource] // *We got this covered*. – Mode of access: URL: <https://wegotthiscovered.com/tv/doctor-who-star-responds-fans-struggling-understand-accent/> (дата обращения 27.02.2019).

7. Coupland N., Bishop H. Ideologised values for British Accents // Journal of Sociolinguistics. – 2007. – №11 (1). — P. 74–93.
8. Fairclough N. Media discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.
9. Kozloff S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley // University of California Press. 2000. P. 18–39.
10. Levey D. Harris T. Accommodating Estuary English, a study in accentual compromise // English Today. – 2002. – №18 (3). — P. 17–20.
11. Lippi-Green R. English with an Accent: Language, Ideology and Discrimination in the United States. London and New York: Routledge, 1997. 354 p.
12. Pennycook A. Global Englishes and Transcultural Flows. London: Routledge, 2007. 189 p.
13. Sontag S. Theater and Film // Film and/as Literature, ed. Jh. Harrington. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1977. 78 p.
14. Trowell M., Cukor-Avila P. A test of the effects of linguistic stereotypes in children's animated film. University of North Texas, 2007. 47 p.

УДК 811.112:2'34

**ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ
ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

С. Е. Перепечкина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается ряд причин возникновения языковых контактов, описываются их последствия для взаимодействующих языков. На основе аналитического обзора научной литературы, актуальных публикаций в немецкоязычной прессе, результатах аудитивного анализа произношения выявляется специфика фонетико-фонологических процессов, происходящих в немецком языке в диахронии и синхронии, подчеркивается роль исторического контекста и социокультурных факторов в появлении контактно обусловленных фонетических форм.

Ключевые слова: фонология, немецкий язык, языковой контакт, двуязычие, интерференция.

Summary. This paper deals with the complex of causes of language contacts and describes their implications for interacting languages. The study of the scientific literature, surveys of relevant publications in the German press and auditive analysis of news speakers' pronunciation patterns on German TV channels helped to reveal the specificity of the phonetic-phonological processes in the German language in synchronic and diachronic ways. It also highlights the role of historical context and socio-cultural factors in the appearance of contact-caused phonetic forms.

Key words: phonology, German language, language contact, bilingualism, interference.

Языковые контакты всегда играли особую роль в истории эволюции языков, что делает их предметом многих специальных исследований (труды У. Вайнрайха и Э. Хаугена, заложивших теоретические основы этого направле-

ния; В. А. Аврорина, Л. Блумфильда, Е. М. Верещагина, Ю. А. Жлуктенко, Н. Н. Семенюк и др.). В круг лингвистической проблематики включены как процессы языкового изменения в диахронии (к примеру, когда в языковой системе одна единица сменяет другую), так и синхронно происходящие процессы варьирования языка, имеющие социальную природу. «Материалы современных исследований представляют значительный вклад в изучение тенденций развития национальных языков, <...> намечают пути поиска источников языковых изменений, наблюдения их в динамике» (А.Д. Петренко [4, с. 157]).

Основными причинами возникновения языковых контактов (термин Андре Мартине) признаются географическое соседство языков; дву- или многоязычный поликультурный социум (включая ситуацию диглоссии), а также случаи, когда функциональная значимость того или иного языка в данном обществе оказывается наиболее высокой. Результатом языковых контактов могут быть различного рода заимствования (особенно на лексическом уровне), конвергентное развитие взаимодействующих языков, образование вспомогательных общих языков (*lingua franca*), языковая ассимиляция (явления субстрата и суперстрата). Целью данной статьи является анализ фонетико-фонологических процессов, диахронно и синхронно происходящих в немецком языке в результате его взаимодействия с другими языками и диалектами. Исследование основывается на данных теоретических источников, словарей произношения, актуальных публикаций в немецкоязычной прессе, результатах аудитивного анализа произношения дикторов новостных лент на каналах ARD, ZDF и RTL.

В целом, изменения в языке обусловлены многими факторами, в частности, экономией речевых усилий (напр., «тенденцией к облегчению произношения»: индоевропейский /k/ в немецком языке сменяется спيرانтом /x/: *octo* – *acht*; см. [3, с. 169; с. 197–307]); техническими инновациями (компьютер), а также вариантностью языка, допускающей, например, сосуществование синонимов (*Fahrstuhl*, *Aufzug*, *Lift*). Звуковые изменения могут быть продиктованы потребностями перестройки фонологической системы, когда ей приходится восстановить утраченное равновесие, препятствующее коммуникации. Так, в нововерхненемецкий период утрата долгих гласных *i*, *u* вследствие их дифтонгизации (*i* > *ei* [ae], *u* > *au* [ao]: ср.-в.-нем. *min* – совр. нем. *mein* ‘мой’, ср.-в.-нем. *hus* ‘дом’ – совр. нем. *Haus*) компенсировалась появлением долгих фонем *i*, *u* в результате стяжения дифтонгов *ie*, *uo* (*ie* > *i* [i:]: ср.-в.-нем. *tief* – совр. нем. *tief* ‘глубокий’, ср.-в.-нем. *guot* ‘хороший’ – совр. нем. *gut*). К изменениям в фонологической системе немецкого языка, не мотивированным системными требованиями, можно отнести увеличение либо уменьшение инвентаря ее элементов (развитие аффрикат в древневерхненемецкий период в результате 2-го передвижения согласных *p*, *t*, *k* в 5 – 8 вв. н.э.; возникновение гласных [y:], [y], [ø:], [œ] вследствие дистантной регрессивной ассимиляции; исчезновение древневерхненемецкого противопоставления кратких и долгих согласных), а также смену типа акцентуации (музыкальное и подвижное ударение в индоевропейских языках – динамическое и фиксированное, закрепленное за первым слогом корневой морфемы в общегерманском и немецком языках) и нек. др. (см., напр., [1]).

Анализ языкового развития, обусловленного взаимодействием языков, предполагает учет исторического контекста. Так, соприкосновение областей распространения романских и германских языков в Средневековье (с 8 в.), приток в немецкие

области французских протестантов (конец 16 в.), «Французский Ренессанс» (15–17 вв.) и придворная культура, французская революция (18 в.) и некоторые другие события привели к появлению множества лексических заимствований в немецком языке, часть из которых не подверглась полной фонетической ассимиляции. В немецких словах французского происхождения появляется звонкий постальвеолярный щелевой /z/, отсутствовавший в системе немецких фонем (*Journalist, Ingenieur, Genie*), носовые гласные в словах типа *Champignon, Restaurant, Chance*, имеющие параллельные фонетически ассимилированные, «немецкие» формы.

Технический прогресс в Англии, сделавший ее образцом в промышленности, торговле и транспорте (ткацкий станок, паровая машина, железнодорожные и морские перевозки и т.д.) привели к появлению в немецком языке английских заимствований (*Bestseller, Pullover, Manager*). Число англицизмов (и американизмов) после 1945 года еще более увеличивается, особенно в области политики, прессы, авиаиндустрии, информационных технологиях и др. (*check in, Cockpit, Terminal, Gate, Airline, Checkpoint, Broadcasting, VIP, Computer, Hard/Software*). Распространению их способствовало радио и телевидение, английский язык был введен в качестве первого иностранного языка в школах, в современных условиях глобализации он становится важным в профессии, а также активно используется в молодежном сленге, неологизмах. В немецком языке ряд таких заимствований подвергся частичной фонетической ассимиляции, напр., оглушение звонких согласных в ауслауте: *Band [bent], Snob [snɔp]*; сужение или изменение долготы гласных, монофтонгизация: *Fan [fen], Baby [ˈbe:bi]*. Происходит и расширение немецкой периферийной фонетической системы – появляются новые звуки: звонкая постальвеолярная аффриката /dz/: *Jazz [dzɛs], Dschungel [ˈdʒuŋl]*; межзубный глухой /θ/: *Thriller [ˈθrile]*. Аудитивный анализ дикторского произношения показывает преимущественное использование английского / французского варианта звучания имен собственных и некоторых нарицательных (*Washington, Trump, Macron, Brexit, shut-down, Budget, Portraits*), т.е. нехарактерные для немецкого языка фонемы и звукобуквенные соответствия становятся достаточно привычными для восприятия и продуцирования. Тем не менее, на данном этапе развития немецкого языка они не входят в систему его кардинальных фонем, а использование чуждых этому языку артикуляций не означает еще смешивания двух звуковых систем. Однако, по мнению Е. М. Верещагина, «в условиях более интенсивного контакта, сопровождающегося уже включением более или менее значительного слоя фонетически не аккомодирующегося материала, в фонологической системе заимствующего языка сдвиги могут произойти <...> и на уровне самой структуры», критерием завершенности заимствования фонемы следует считать факт появления её в речи монолингвов [2, с. 170].

Феномен языкового контакта в рамках поликультурного и полиэтнического общества формирует предпосылки для возникновения двуязычия и многоязычия. Взаимодействие разных языковых систем приводит к межъязыковой интерференции (термин У. Вайнрайха) – как правило, у говорящих первого поколения мигрантов, осваивающих новый язык. По мнению У. Хинрикса (Лейпцигский университет), автора книги «Multi Kulti Deutsch» [6], языковое изменение в последние пять десятилетий происходит в Германии ускоренными темпами и основным двигателем такого развития являются именно языки мигрантов. Вопрос остается дискуссии-

онным: немецкий язык находится в контакте со многими другими языками, диалектами и урбанолектами, но радикальной перестройки его системы до сих пор не произошло. Тем не менее, новаторские процессы на лексико-семантическом, морфолого-синтаксическом и даже фонетическом уровнях отмечаются уже в речи носителей немецкого языка, не имеющих эмигрантских корней, что подтверждается многочисленными исследованиями (см., напр., „Berichte über die Lage der deutschen Sprache“). Происходит т.н. «этнизация немецкого языка» (De-Ethnisierung), к примеру, у берлинской молодежи, комбинирующей элементы турецкого / арабского и немецкого литературных языков, урбанолекта и берлинского диалекта: „*Ich geh' Bus*“ „*Ick nehm dir in'n Arm!*“, „*Er ist voll geil jetzt, macht disch rischtisch platt so, voll der Killer*“ (работы Н. Диттмара, „Kiezdeutsch. Ein neuer Dialekt entsteht“ Х. Визе, „*Gehst du Bahnhof oder bist du mit Auto?*“ Д. Мароссек). Основные фонетические особенности такого этнолекта – отсечение окончаний, редукция, корональное произнесение звука /ç/, характерное для мигрантов турецкого происхождения (*isch* вместо *ich*). Как отмечает Н. Диттмар, сегодня они не объясняются трудностями усвоения иной языковой системы, как это было у поколения турецких «гастарбайтеров», а стремлением их потомков (а также немецкой молодежи, имитирующей такой «мигрантский» язык) противопоставить себя – как субкультуру – остальному обществу. Иное ритмическое оформление речи в результате выпадения звуковых сегментов и грамматического упрощения – это способ привлечь к себе внимание [7]. У. Хинрикс также определяет такое речевое поведение как сигнализирующее о принадлежности к своей социальной группе, солидарности, свободе, открытости иным культурам.

Фонетические системы национальных вариантов немецкого языка в Швейцарии и Австрии также имеют свою специфику, обусловленную ареальными контактами и взаимодействием немецкого языка с местными диалектами. Кроме того, здесь также усиливается влияние языков мигрантов (особенно турецкого и балканских) на язык местного населения. В немецкоязычной Швейцарии основным средством общения является швейцарско-немецкий диалект (Schwyzertütsch), и именно он в большей степени, по мнению швейцарского ученого Б. Зибенхара, претерпевает изменения. Интересен факт, подтвержденный исследовательницей Э. Глазер (Цюрихский ун-т): немецкий литературный язык, являясь в настоящее время функционально самым важным языком мигрантов в Швейцарии (как правило, они изучают его по прибытии в страну), через них воздействует на швейцарско-немецкий диалект – и не только на словарный состав, но и на произношение: так, согласный /p/ все чаще произносится с придыханием (аспирацией) [5]. Немецкий язык в Австрии в результате взаимодействия с региональными типами произношения (баварским, алеманнским, австрийско-дунайским и др.) также обнаруживает отклонения от немецкого стандарта – как в мелодике, так и в образовании звуков. Австрийский вокализм, к примеру, характеризуется более закрытым произнесением кратких гласных, отсутствием редукции /ə/ в ауслауте и безударных приставках *be-*, *ge-* (произносится открытый звук). Словесное ударение в заимствованиях колеблется и приходится либо на первый слог, как в немецком языке (*Anis*, *Diakon*, *Kimono*, *Marzipan*, *Offset*) либо на второй: *Kaf'fee*, *Kana'pee*, *Roma'dur*, *Tele'phon*) [8, S. 10, 12].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

- наиболее заметные изменения в фонологической системе происходят в условиях интенсивного и длительного взаимодействия разных языков, часто обусловленного территориальной близостью (чешско-немецкие контакты в

Богемии, франко-немецкие в земле Саар и др.);

- импульсом к фонетическим изменениям, в частности, появлению новых фонем и особенностей в акцентуации, могут стать изменения в лексической системе в результате ее обогащения заимствованиями;

- фонетико-фонологические процессы в Германии и других немецкоговорящих странах протекают сегодня на фоне многоязычия и мультикультурализма, что приводит к многочисленным и разнообразным случаям фонетической интерференции, а также к социально обусловленной конкуренции фонетических форм. И хотя фонологическая система немецкого языка в данный период достаточно устойчива, теоретически сосуществование вариантных реализаций фонем может привести к возможным сдвигам в этой системе.

Список использованных источников

1. Гухман М. М., Семенюк Н. Н. История немецкого литературного языка IX–XV вв. / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1983. 200 с.

2. Верещагин Е. М. О проблеме заимствования фонем // Язык и общество / редкол.: Ф.П. Филин [и др.]; АН СССР. Москва: Наука, 1968. С. 160–170.

3. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1970. 404 с.

4. Петренко А.Д., Петренко Д.А. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. — № 4. — Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. С. 150–157.

5. Frey, Andreas. Richtig krass, diese Sprache [Электронный ресурс] // NZZ AG Wissen, 18. — Oktober 2015. — Nr. 42. — Teil 3. — S. 57. — Режим доступа: http://www.ds.uzh.ch/_files/uploads/presse/338.pdf (дата обращения 03.02.2019).

6. Hinrichs, Uwe. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: C.H. Beck, 2013. 294 S.

7. Sprachentwicklung: Mein Deutsch, dein Deutsch. [Электронный ресурс] // Der Tagesspiegel, 20.09.2017. — Режим доступа: <https://www.tagesspiegel.de > Wissen> (дата обращения 03.02.2019).

8. Wiesinger, Peter. Das österreichische Deutsch in Gegenwart und Geschichte. Wien: LIT Verlag, 2006. Band 2. 428 S.

УДК 81.25

КIEZDEUTSCH: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Д. А. Петренко¹, Ю.К. Д. Кобазева²,

*¹ кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой немецкой филологии,*

*Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² обучающаяся кафедры немецкой филологии,
Институт иностранной филологии,*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье описаны особенности и перспективы со-

временного немецкого молодёжного жаргона на примере мультиэтнолекта Kiezdeutsch в ФРГ. В настоящее время молодёжный язык является одной из интереснейших языковых систем, изучаемых современной лингвистикой. Роль разговорного языка в современном языковедении, а также в коммуникативных процессах приводит к множеству дискуссий. Молодёжный язык является одним из важных факторов в современном языкознании, так как необходим для успешной коммуникации в различной языковой среде.

Ключевые слова: социолект, жаргон, сленг, мультиэтнолект, Kiezdeutsch, молодёжный язык, немецкий литературный язык.

Summary. This article describes the features and prospects of modern German youth jargon on the example of the Kiezdeutsch multi-ethnolect in Germany. At present, the youth language is one of the most interesting language systems studied by modern linguistics. The role of spoken language in modern linguistics, as well as in communicative processes leads to many discussions. Youth language is one of the important factors in modern linguistics, as it is necessary for successful communication in various language environments.

Key words: sociolect, jargon, slang, multi-lect, Kiezdeutsch, youth language, German literary language.

Целью статьи является изучение особенностей и перспектив развития современного немецкого молодёжного жаргона на примере мультиэтнолекта Kiezdeutsch в современной Германии. Рассматривается вопрос фонетических особенностей молодёжного жаргона в социолингвистическом аспекте, принимается во внимание употребление Kiezdeutsch в сферах межнациональной, гендерной и межпоколенной коммуникации.

Использовался метод сплошной выборки фактического материала, метод контекстуального анализа, который заключается в выявлении прагматического контекста, который влияет на функциональную нагрузку сниженной лексики в устной и письменной речи современной немецкой молодёжи на примере Kiezdeutsch.

К основным **задачам** работы относятся: 1) характеристика понятия и причины употребления на примере Kiezdeutsch, 2) рассмотрение фонетических особенностей Kiezdeutsch, 3) перспективы развития Kiezdeutsch.

Большую долю населения Германии составляет молодёжь, которая использует в своей речи жаргон, который отличается от литературного немецкого языка. А.Д. Петренко отмечает, что «материалы современных научных исследований представляют значительный вклад в изучение тенденций развития национальных языков, вопросов их социальной стратификации и территориальной дифференциации, намечают пути поиска источников языковых изменений, наблюдения их в динамике» [3, с. 150]. Поэтому детальное изучение речи молодёжи является одним из важных факторов современного языкознания.

Молодёжный язык «Jugendsprache» как самая крупная социальная разновидность языка давно интересуется многих лингвистов и языковедов.

Исследования речи молодёжи Германии отражены в таких источниках как словари молодёжного языка «Wörterbücher der Szene-Jugendsprache». Такие словари помогают понимать молодёжный язык, некоторые лингвисты подчёркивают, что появляются версии сказок братьев Гримм и Библия, написанные на молодёжном жаргоне. Таким образом, молодёжный язык пере-

стаёт быть изолированным от мира взрослых [4, с. 295].

Влияние молодёжных языков на литературный язык изучается лингвистами во всем мире. С середины 1990-х годов Kiezdeutsch находится в центре внимания исследователей молодёжного языка, который развился в жилых районах с высокой долей мигрантов.

Kiezdeutsch – это молодёжный язык, который используют различные этнические группы. Данный язык распространён в районах с большим количеством мигрантов, а одним из самых популярных районов в Берлине является Кройцберг. Kiezdeutsch претендует на статус молодёжного языка, поскольку его ежедневно употребляют юноши и девушки. Этот язык определяет повседневную жизнь в Берлине. Таким образом, Kiezdeutsch – это неофициальная, повседневная языковая форма немецкого языка. Также этот термин не содержит каких-либо этнических ограничений. Большой вклад в развитие Kiezdeutsch оказали арабская и турецкая молодёжь. При этом данный язык используют независимо от происхождения и вероисповедания. Он расширяет коммуникативную среду всей молодёжи Германии, тем самым объединяя народы. Данное явление в связи с этим называют термином «мультиэтно-летк» [4, с. 297].

Современная молодёжь Германии предпочитает использовать именно этот этнолект в своей речи, чтобы выделяться. Таким образом, данное явление представляет наибольший интерес для исследования. Следует отметить, что взрослые в основном контролируют свою речь, в отличие от подростков, и не прибегают к использованию Kiezdeutsch.

Для толкования значений слов и выражений Kiezdeutsch создан интернет-словарь «Wörterbuch der deutschen Umgangssprache» [4, с. 297].

Фонетические особенности Kiezdeutsch представляют особый интерес для изучения, так как данный аспект недостаточно изучен. Как отмечают в своих работах А.Д. Петренко и Д.А. Петренко: «Новым явлением для молодёжного языка стало распространение в среде молодёжи регионально окрашенной, диалектной лексики» [3, с. 157].

К молодёжному языку относятся вокальные слова, а комиксы являются чётким отражением данного явления. Для усиления в предложениях служат частицы: «whow» или слова, например: «schnarchen» – «храп» или сопровождающие комментарии: «rrrg», а также заменяющий персонаж «flatsch», «würg». Молодёжный язык состоит из звуковых сокращений в начале слова: «...какой вопрос...», посреди слова «...другие проблемы» и в конце слова «...я не верю...». В немецком молодёжном жаргоне часто звучит фьюжн «ichs» в связи со звукоизоляцией «willste». На фонетическом уровне Kiezdeutsch имеет следующие особенности [5, с. 45]:

Коронализация. Яркий фонетический признак, Kiezdeutsch, является переход глухого нёбного фрикативного [ç] в глухой шипящий [ʃ].

Данное явление в немецкой лингвистике получило название коронализация. Например: «ich», «Mädchen», «hinterlistig», «gleich» реализуются как [ɪʃ], [ˈmɛ:tʃən], [ˈhɪntɛˌlɪstɪʃ], [ɡl aɪʃ].

В данном фонетическом отклонении речь не идёт о региолекте. Данное явление наблюдается у всех носителей Kiezdeutsch на территории Германии.

Иная от литературного варианта немецкого языка артикуляция согласных

го [r]. Изменение артикуляции согласного [r] проявляется двумя способами: с одной стороны, в начале слова [r] произносится апикально как, например, «krass», «kriegst du Schläge» – [kras], [krikst du 'ʃlɛ:gə].

Т. Бюкер отмечает, что данная артикуляция согласного звука [r] проявляется особенно отчётливо, когда говорящий внутри своей группы обсуждает «определённые, щекотливые темы и пытается придать своей речи экспрессивность» [5, с. 46]. С другой стороны, согласный звук [r] в конечной позиции не подвергается вокализации. Например, «hast du eine Uhr» реализуется как [hastduaɪnəu:r], а «weiter» произносится как ['vaɪtɛr]. Этот феномен можно объяснить тем, что в Kiezdeutsch перешли фонетические законы турецкого и арабского языков, для которых характерна такая артикуляция согласного звука [r].

Сокращённые по длительности гласные звуки. Ослабление артикуляции и, как следствие, сокращение длительности гласных, являясь типичным для Kiezdeutsch, может также свидетельствовать о заимствовании фонетических особенностей из турецкого языка.

В турецком языке, в отличие от немецкого языка, нет оппозиции напряжённых и ненапряжённых гласных, и все гласные артикулируются ненапряжённо. Соответствующая артикуляция проявляется и в Kiezdeutsch, например: «Sohn» – [zon].

Артикуляция гласного звука [e], отличная от литературного варианта немецкого языка. С изменением качества гласных в Kiezdeutsch тесно связана артикуляция [e]: Schläge – ['ʃlegə], geben – ['gebən]. Так как в турецком языке нет дифференциации качества гласных, то [e] всегда произносится ненапряжённо и кратко.

Редукция аффрикаты [ts]. Проявление редукции от [ts] до [s] или [z] наблюдается как в начале, так и в конце слова, например: zwei – HD: [tsvai] – KD: [svai], ersählen – HD: [ɛɐ̯'tsɛ:lən] – KD: [ɛr'zelən]).

Сильная аспирация взрывных и щелевых звуков. Чрезмерная аспирацией взрывных [p], [t], [k], а также щелевых [s], [f], [ʃ] в начальной позиции в слове, причём в последних случаях наблюдается феномен удлинения гласных, например «sicher» – ['zhi:he] [5,с.47].

Рассматривая просодические характеристики Kiezdeutsch, необходимо отметить, что мультиэтнOLEKT отличается отрывистой речью и нетипичной для стандартного немецкого языка акцентной структурой из-за интонационных особенности языков этнических меньшинств. Наиболее частое явление представляет сокращение фраз вследствие опущения артиклей и предлогов.

В Kiezdeutsch можно наблюдать смещение словесного и фразового ударения на последний слог/слово. Kiezdeutsch выражается отрывистым ритмом, который придаёт речи грубое звучание. Причиной формирования такого речевого ритма в речи немецкой молодёжи является влияние музыкальных направлений хип-хопа и рэпа. Лингвисты, анализируя письменные тексты носителей Kiezdeutsch, подчёркивали, что было выявлено использование графонов, отражающих фонетическую специфику мультиэтнOLEKTA, которая выводит его за пределы литературной нормы. Под «графоном» понимается намеренное нарушение графического стандарта или орфографической нормы с целью отображения нарушений фонетиче-

ской нормы, отражающее индивидуальные или диалектные особенности произношения, например: 1. Naja wir sehn uns morgen. Vay bruder ais klar? – HD: [Vay] Bruder, ist alles klar? Shit aldda hast du wenige einträge ...ich lass mal grüße da man. so jzt siehts voller aus lan hahahah – HD: Scheiße, Alter, du hast wenige Einträge... Ich lass mal meine Grüße da... So jetzt sieht es voller aus [Lan]. 2. Kumma kann isch kann ich geschichte erzehn wenn es geht eh... aha isch hab war bei frisör hast gar nichts gesagt zu mein haarn – HD: Guck mal, ich kann Geschichte erzählen wenn es geht... Ich war bei einem Friseur und du hast gar nichts über meine Haare gesagt [5, с. 48].

Из чего следует, что фонетические особенности современной речи немецкой молодёжи обусловлены этническим происхождением носителей Kiezdeutsch, которые переносят в мультиэтнлект фонетические законы их своих родных языков.

Таким образом, следует согласиться с утверждением С.Е. Перепечкиной о том, что «Просодические характеристики звучащей речи – мелодика, тембр, интенсивность голоса – могут рассматриваться как культурно окрашенные феномены (напр., эмотивно-немаркированная просодия как специфический феномен британской лингвокультуры) и составить предмет интегрированного лингвокультурологического и социолингвистического исследования, поскольку культурно маркированные стили произношения рассматриваются в связи с социальной, территориальной, гендерной и пр. дифференциацией говорящих» [2, с. 36–37].

Следует отметить, что Kiezdeutsch все чаще находится в центре внимания. СМИ активно говорит о том, что современная молодёжь не желает владеть грамотным литературным немецким языком, вследствие чего появился термин «doppelseitige Halbsprachigkeit», который подразумевает нежелание и неспособность современной немецкой молодёжи грамотно владеть ни «Kiezdeutsch», ни «Hochdeutsch».

Однако, Kiezdeutsch не влияет на использование литературного немецкого языка. Это вопрос интерпретации, оценивать эти изменения как положительные или отрицательные. Таким образом, перспектива развития Kiezdeutsch очевидна, так как яркая особенность каждого молодёжного языка – постоянная обновляемость его состава.

Список использованных источников

1. Домашнев А. И. Немецкие социолекты: сленг // Лексика и лексикография. Сборник научных трудов. М.: Институт языкознания РАН, 2001. С. 42–43.

2. Перепечкина С. Е. К вопросу об актуальных направлениях лингвокультурологических исследований // Филология и лингвистика: современные тенденции и перспективы исследования: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 февраля 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 36.

3. Петренко А.Д., Петренко Д.А. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. — 2014. — №4. — С. 150–157.

4. Reinke M. Jugendsprache // Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1994. S. 295–322.

5. Wiese H. Kiezdeutsch – ein neuer Dialekt [Электронный ресурс] // Aus Politik und Zeitgeschichte. — 2010. — №8. — Режим доступа: <http://www.bpb.de/apuz/32957/kiezdeutsch-ein-neuer-dialekt?p=all> (дата обращения 23.01.19).

УДК 81-25

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА АВСТРИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Д. А. Петренко¹, К. К. Соловьева²,

*¹ кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой немецкой филологии,*

*Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² обучающаяся I курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Национальный вариант немецкого языка в Австрии имеет социально-функциональную структуру и обладает всеми основными составными компонентами, которые являются характерными составляющими любого другого национального варианта языка. Главной целью данного научного исследования является социофонетический анализ произношения австрийских студентов, на примере которого можно утверждать, что различия в произношении студентов представляют собой не только определенные отклонения от кодифицированной произносительной нормы, а также варианты реализации, которые в свою очередь обусловлены экстралингвистическими факторами речевого общения.

Ключевые слова: социофонетика, фоностилистика, социолингвистика, немецкий язык, речь молодежи, социолект.

Summary. The national version of the German language in Austria has a socio-functional structure and has all the main components of other national language variants. The main objective of this research is the sociophonetic analysis of the pronunciation of Austrian students, which showed that it gives differences in pronunciation not only in certain deviations from the codified pronunciation standard, but implementation options, which are caused by extralinguistic factors of communication.

Key words: Sociophonetics, Phonostylistics, Sociolinguistics, German language, Sociolect.

Исследование фонетических особенностей немецкого языка австрийских студентов является особо актуальным, так как современный немецкий язык на данный момент претерпевает определенные трансформации из-за многочисленных изменений в структуре немецкоязычного общества, вследствие чего происходит расшатывание традиционных литературных норм. На примере данного исследования можно рассмотреть определенные особенности, а именно некоторые отклонения от кодифицированной произносительной нормы. Научная новизна исследования определена, в первую очередь, прак-

тическим и теоретическим исследованием особенностей речи австрийской молодежи, а также были установлены некоторые дифференциальные признаки австрийского национального варианта языка по отношению к кодифицированному немецкому языку. Главными методами исследования были сравнительно-сопоставительный и описательный.

Современное изучение литературных форм языка и стандартных форм его разновидностей представляет для лингвистов достаточные трудности в выработке общих принципов обработанности литературного языка, его наддиалектности, кодифицированности и языковой образцовости. Принято считать, что первыми носителями немецкого литературного языка стали представители образованного слоя немецкого общества.

Язык, как социально и структурно обусловленная реальность, является концептуальной базой современных социолингвистических исследований. История лингвистики утвердительно свидетельствует о том, что реальный язык является настолько сложным объектом изучения, что его невозможно описать в рамках какого-либо отдельного подхода. Центральными категориями являются понятия языкового варьирования и нормы [1]. Большое внимание социальной структуре языка уделяли Бодуэн де Куртенэ, В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр.

По мнению отечественного языковеда В. М. Бухарова, в систему современного австрийского варианта кроме диалектов входят и наддиалектные синтопические вариации:

- языковые вариации городов (городские диалекты, полудиалекты);
- австрийский интердиалект – вариация, которая возникла на базе венского диалекта;
- литературный язык в виде австрийской стандартной вариации [2].

Хотелось бы отметить тот факт, что австрийский обиходно-разговорный язык стремится к литературному языку, но имеет выраженные отличительные черты. Австрийский немецкий будет иметь особенности на всех уровнях языковой системы. На самой вершине этой лингвистической пирамиды будет непосредственно находиться литературный язык, который имеет национальные австрийские черты, и именно поэтому будет классифицирован лингвистами как вариант литературного немецкого языка.

Австрийский язык имеет характерные не только грамматические, лексические, но также и произносительные, то есть фонетические особенности.

Неоспорим тот факт, что все-таки большинство фонетических процессов, которые являются нормой для австрийского варианта, являются и общими для немецкого языка в целом.

Большинство разновидностей реализаций фонем можно структурировать в одну определенную систему, хотя в фонетической литературе нет систематизированного описания артикуляционной базы стандартных вариаций национальных и региональных вариантов немецкого языка.

По мнению Г. Кельца, единственную закономерность, которую можно вывести относительно различных немецких национальных вариантов и диалектов, это только то, что многим из них присуща меньшая активность губ, смещённость языка в велярную зону, усиленная тенденция к редукции и меньшая общая напряженность, чем в стандарте [4].

Нами были выявлены главные фонетическими особенностями речи австрийских студентов [4]:

1. Ленизация взрывных согласных.

Ленизация взрывных согласных в немецком языке произошла в результате германского и верхненемецкого передвижения согласных [4].

В словаре Т. Зибса по норме немецкого языка, было отмечено, что в австрийском варианте произношения пропадает придыхание у глухих [p,t], вследствие чего и появляется ленизация [4]. Например, Kloster [glosdα]; Klavier [glaviα].

2. Апокопа конечного согласного [t].

Типичным для австрийского варианта будет выпадения конечного [t] в таких словах, как например, *Welt, nicht, überhaupt*. Данное изменение, лингвисты полагают, что можно интерпретировать как постлексический процесс, связанный с ослаблением конца слова [4].

3. Вокализация [R].

К. Луик в своих научных работах отмечает, что распространение вокализованного варианта [R] имеет тенденцию к образованию дифтонгоподобному сочетанию с предшествующими долгими гласными: Tor [toα].

4. Назализация гласных.

Назализацию гласных принято определять как естественный постлексический процесс. Данную ассимиляцию стоит рассматривать как уподобление диалекту [4]. В Австрии это явление распространено и затрагивает почти 90% реализаций. Например: Hahn [hã:n]; angerufen [ãŋgRu:fm]; Bahn [bã:n]; Hammer [hãmα].

5. Веляризация [ç] – [x].

Подобное явление будет замечено практически на всей территории Австрии. Примером данного фонетического явления могут послужить следующие слова: Märchen [mε:Rxen]; durch [dʊRx] [4].

6. Реализация дифтонгов.

Произнесение дифтонгов в австрийском варианте является действительно специфичным. Так как их произнесение будет коррелировать с произносительной спецификой монофтонгов [4]. Так, например, дифтонг [ae] будет произнесен скользящим движением от [a] к [e], которое будет смещено в перепалатальную полость по принципу баварского артикуляционного уклада: [ae] – [æi] – [ɛi] – [æ]; [oø] – [ây].

Кроме традиционных фонетических отличий в реализации различных звуков, присутствуют в языке и такие особенности как интонационные и различные словесные ударения. Австриец, используя кодифицированный литературный немецкий язык, проявляет под воздействием диалектной речи стремление к проглатыванию звуков и слогов, что способствует краткости и усилению высказывания [3]. Другой отличительной чертой является словесное ударение. Неоспорим тот факт, что в немецком литературном языке, как и в диалектах, преобладает силовой тип ударения, которое будет закреплено за первым корневым слогом. Однако, появление в литературном языке большого числа заимствований, к тому же весьма употребительных, глаголов с суффиксами -iren, -ist, -tät, -ie – вносит значительные изменения в общую систему ударения, поскольку большое число лекси-

ческих единиц являются носителями иного типа ударения [3]. Также в австрийском варианте можно встретить и подвижное ударение, и ударение которое будет стоять на первом слоге в определенном ряде слов, тогда как в кодифицированном немецком языке наоборот будет противопоставлено ударение в этих же словах на другие слоги [3].

В заключении необходимо отметить, что в работе рассматривается лишь один из аспектов особенностей речи немецкоговорящих студентов Австрии, а именно произносительный, то есть фонетический. Практическая значимость данной работы состоит в том, что результаты данного исследования могут быть в дальнейшем использованы для расширенного анализа речи современной молодежи Австрийской Республики, а также более детального анализа национального варианта немецкого языка на таких уровнях как, лексический, грамматический и др.

Список использованных источников

1. Ammon U. Die Begriffe 'Dialekt' und 'Soziolekt' // Kontroversen, alte und neue. Akten des Internationalen Germanisten-Kongresses Gmtingen Besch 1985, Band 4. Ebingen, 1986.

2. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка: Монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. 138 с.

3. Домашнев А.И. Очерк современного немецкого языка в Австрии: учебн. пособие. М.: Высшая школа, 1967. 180 с.

4. Петренко Д. А. Особенности немецкого языка в Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне. Маврикий: LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 109 с.

5. Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А. Д. Петренко, В. М. Бухаров, Д. А. Петренко [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. Д. Петренко. М.: ИНФРА-М, 2018. 370 с.

6. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

ИНДОЕВРОПЕИСТИКА

УДК 821.133.1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НОВЕЛЛИСТИКИ ГИ ДЕ МОПАССАНА: ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВА

Г. П. Гавришева,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры романской и классической филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье, на основе метода историко-культурного литературоведческого анализа, дается характеристика новеллистического мастерства Ги де Мопассана, классика французской литературы конца XIX века, подчеркивается его роль и заслуга в создании классических образцов реалистической новеллы как серьезного литературного жанра, способного, наряду с романом, правдиво отображать действительность и раскрывать особенности человеческого характера в различных жизненных ситуациях. В статье акцентируется новаторский характер творчества Мопассана по сравнению с французскими писателями новеллистами, его предшественниками и современниками, а также приводятся высказывания классиков русской литературы, в которых дана высокая оценка замечательному творчеству Ги де Мопассана новеллиста.

Ключевые слова: новеллист, реалистическая новелла, традиция, новаторский характер, жанр, творчество, натурализм, импрессионизм.

Summary. In the article, using the method of historic and cultural literary studies analysis there is given the characteristics of the novelistic mastery of Guy de Maupassant; a classic of the French literature of the end of the XIX century. The author underlines his role and merit in creating classic samples of the realistic novelette as a serious literary genre, capable along with the novel of true reflecting the reality and revealing the peculiarities of the human character in various life situations. In the article there is emphasized an innovative character of Maupassant's creative activities in comparison with French novelettist writers, his predecessors and contemporaries. Also there are quoted the utterances of the classics of the Russian literature, which contain a high opinion of wonderful creative works by novelettist Guy de Maupassant.

Key words: novelettist, realistic novelette, tradition, innovative character, genre, creative activities, naturalism, impressionism.

Предметом настоящей статьи является художественное своеобразие и интерпретация новеллистики Ги де Мопассана в оценке различных исследователей, писателей и литературных критиков. Представленный историко-культурный литературоведческий анализ опирается на труды следующих известных литературоведов, специалистов по французской литературе и творчеству Мопассана: Л.Г. Андреев, Ю.И. Данилин, К.А. Долинин, З.М. Потапова, А.И. Пузиков, Б. Раскин, С. Файн, З.И. Хованская, Е.Г. Эткинд, М.А. Яхонтова, М. Мурр, А. Труайя, Л. Форестье.

Со дня смерти Ги де Мопассана (1850–1893), гениального классика французской литературы конца XIX века, в 2018 году исполнилось 125 лет. Мемориальная дата представляет возможность обратиться в данной публикации к памяти великого писателя. 125 лет – отрезок времени, позволяющий констатировать, наряду с востребованностью произведений Ги де Мопассана поколением современных читателей, заинтересованное внимание к его творчеству специалистов литературоведов, как во Франции, так и в других странах, в том числе и в русской литературной критике.

Мопассан известен, в первую очередь, как романист и новеллист. Жанру новеллы он придал изумительную гибкость, используя с исключительным мастерством различные возможности этой повествовательной формы. Все его новеллы – подлинные шедевры, они многогранны по настроению, по стилю, по языку, по тону повествователя, по ритму.

Старшим другом и учителем Мопассана, как известно, был Гюстав Флобер, доброжелательные советы и критические замечания которого помогли ему в начале творческого пути успешно переходить от первых еще незрелых опытов к отточенному художественному мастерству. «Ни у кого, – писал Мопассан, – не было так развито, как у Гюстава Флобера, уважение и любовь к своему искусству, и чувство собственного достоинства» [4, с. 521]. Мопассан был достойным преемником своего учителя. Главным же в его жизни была непрерывная работа. Он был «великим тружеником», по свидетельству всех его современников. По собственному выражению Мопассана, он «вошел в литературу, как метеор» [3, с. 299]. Его литературный путь не столь велик, едва более одиннадцати лет, с 1880 по 1891 гг., но за это время он успел создать необыкновенно много: почти триста новелл, шесть романов, три книги путешествий, три пьесы, сборник стихов, большое количество различных статей. Флобер учил его так вглядываться в жизнь, чтобы увидеть в ней главное, типическое и вместе с тем замечать характерное, особенное, неповторимое в каждом человеке, предмете, событии. «Какова бы ни была вещь, – излагает Мопассан его требования, – имеется только одно существительное, чтобы назвать ее, только один глагол, чтобы обозначить ее действие, и только одно прилагательное, чтобы её определить» [1, с. 191].

Для мастерства Мопассана очень важен метод характеристики персонажей, в котором он следует, прежде всего, объективной манере письма Флобера. Задача писателя, считал Флобер, состоит не в том, чтобы рассказывать о мире, а в том, чтобы наглядно показывать его, заставляя говорить за себя сами факты действительности, не вмешиваясь в повествование со своим авторским словом и не навязывая читателю своего отношения к изображаемому. Художник должен быть «подобен Богу в его творении, всемогущим, но невидимым», – говорил он [2, с. 204].

Следуя своему учителю, Мопассан дает характеристику персонажей косвенными стилистическими приемами. Литературная техника «объективного романа», введенная Флобером, которую использовал также и Мопассан, была новаторской для их современников. Функция литературного произведения заключается для Мопассана в том, чтобы заставить читателя задуматься над явлениями окружающей действительности и понять их «глубокий и скрытый смысл» [6, с. 236]. Именно таким художником-реалистом Мопассан

предстает перед читателем в своей новелле «Пышка», первом художественном произведении писателя, которое он подписал своим именем. Она сразу же зарекомендовала его как крупного мастера слова.

Успех Мопассана растет от книги к книге. После «Пышки», опубликованной в 1880 г. в сборнике «Меданские вечера», в 1881 г. выходит его первый сборник новелл «Заведение Телье», вызвавший шумные отклики критики. В сборнике обнаружилась своеобразная «болезнь роста» молодого писателя – наличие натуралистических влияний. Следует, однако, отметить, что в дальнейшем Мопассан, по примеру Флобера, критически относится к теоретическим рекомендациям Золя и решительно освобождается от различных требований натуралистической эстетики, в частности, от преувеличенного понимания роли физиологического начала в человеке и т.п.

Для Мопассана было характерно противопоставление горячо любимой им природы, морского или загородного пейзажа – городской цивилизации и технике, в которых он отказывался видеть какие бы то ни было прогрессивные стороны. С этим были связаны и социальные симпатии Мопассана: в человеческих и душевных людях из народа он прежде всего выделял их естественность, близость к природе. Напротив, отсутствие этих качеств часто выступает в его новеллах как основание для осуждения буржуазного практицизма. Специалисты отмечают, что с культом естественного, непосредственного, иррационального было связано усиливавшееся с годами развитие художественного стиля Мопассана в сторону импрессионистической манеры письма. Как видно, Мопассан-художник во многих отношениях пошел дальше своих учителей – и Флобера, и тем более натуралистов. В отличие от строгой объективности прозы Флобера у Мопассана на повествование падает отсвет впечатлений, вкусов и привычек автора. Немалую роль в этом сыграло его сближение с импрессионизмом.

Интерес Мопассана к этому художественному и эстетическому направлению объясняется его личным знакомством с художниками-импрессионистами, которые работали на планэре в Этрета и в других живописных уголках Нормандии. С импрессионизмом писателя сближает его поразительное искусство видеть и различать в природе множество разнообразнейших оттенков, тонов, как и нюансов одного цвета. Недаром пейзаж Мопассана – это всегда цветная и динамичная картина, в которой огромную роль играют – освещенность предмета, известная зыбкость форм, переход одной краски в другую, в зависимости от смены времени года или игры солнечных лучей. Вместе с тем, писатель умеет подниматься до высокой лирики в своих описаниях природы (например, в таких новеллах, как «Лунный свет», «Два приятеля», «На воде» и др.).

Мопассан придавал исключительное значение языку художественной прозы. Язык мопассановской новеллы ясный, точный, «незамутненный» никакими вычурными словами по выражению самого писателя. Стиль прозы новеллиста лаконичен, отличается внешней простотой и скупостью средств. Язык его сжат, но в то же время колоритен и ярко эмоционален. Французские критики отмечают, что Мопассан использует незначительные языковые ресурсы, что в целом его лексика состоит из простых слов, обиходных и употребляемых в прямом смысле. Между тем, несмотря на видимость простоты,

мопассановский стиль сложен, многослоен, поднимается до высокой лирики. Принято считать, что Мопассан пишет короткими фразами, не превышающими в среднем трех строк.

Сам автор сознательно ставит такую задачу: добиваясь простоты и лаконичной формы, сделать свои произведения максимально доступными для широкого читателя: «Я хочу, чтобы меня читала вся Франция» [4, с. 538]. Именно поэтому писатель отдает предпочтение жанру новеллы – наиболее лаконичному и востребованному широким читателем. Возрождая новеллу как популярный «демократический вид литературы», Мопассан написал много «нормандских новелл», по темам, образам и стилю поражавших точным восприятием и безупречной передачей реальности («Пышка», «Папаша Милон», «Два приятеля», «Папа Симона», «Веревочка», «Туан» и др.). Сам же Мопассан говорил: «Ведь это я снова привил во Франции вкус к рассказу и новелле» [4, с. 538]. «Если он с первых же шагов был понят и любим, – говорил Золя над гробом Мопассана, – то потому, что он принес французской душе дары и качества, выявившие все лучшее в этом народе. Его понимали, потому что он был сама ясность, сама простота, само чувство меры, сама сила» [8, с. 617].

Реалистическая новелла XIX века (О. Бальзак, Стендаль, П. Мериме) обращается к изображению характера и судьбы человека, и чаще всего она имеет все признаки повести. Современники Мопассана (А. Доде, Э. Золя) создают образцы короткой новеллы, но нередко их повествовательная манера подчас представляет собой авторский монолог вместо объективного повествования. На этом фоне Мопассан явился подлинным новатором жанра как в плане композиции, стиля, языка, так и в плане содержания. Таким образом, анализ подтверждает основной вывод о том, что мастерство Мопассана новеллиста опирается на лучшие традиции его предшественников и современников в развитии жанра новеллы. Что же касается новаторства, заслуга Мопассана перед французской литературой состоит в том, что он создал классические образцы реалистической новеллы. Представляется справедливой точка зрения Ю.И. Данилина о том, что Мопассан «положил конец беспечной работе в этом жанре, показав, что новелла наряду с романом способна служить верным зеркалом действительности, быть произведением высокого искусства» [1, с. 209].

Мопассан был подлинным мастером, и недаром его так любили и ценили великие русские писатели И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, которые были его главными пропагандистами в России. Тургенев был другом и наставником Мопассана после смерти Флобера и считал его самым талантливым из всех современных французских писателей [5, с. 1]. А.П. Чехов сказал о Мопассане, что: «... он, как художник слова поставил такие огромные требования, что писать по старинке сделалось уже более невозможным» [5, с. 1]. Проза Мопассана и сейчас остается среди непревзойденных шедевров французской литературы. Она открывает читателю неисчерпаемое богатство и красоту французского литературного языка.

Список использованных источников

1. Данилин Ю. И. Мопассан // История французской литературы. Т. III. М.: Изд. АН СССР, 1959. С. 191–232.

2. Долинин К. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985. 288 с.
3. Потапова З. М. Ги де Мопассан // История всемирной литературы. В девяти томах. Т.7 / Отв. ред. Н. А. Бернштейн. М.: Наука, 1991. С. 299–308.
4. Раскин Б. Ги де Мопассан // Писатели Франции / сост. Е. Г. Эткинд. М.: Просвещение, 1964. С. 520–545.
5. Труайя А. Ги де Мопассан. М.: Эксмо, 2008. 416 с.
6. Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. М.: Высш. школа, 1980. 303 с.
7. Яхонтова М. А. История французской литературы. М.: Просвещение, 1965. С. 396–405.
8. Mourre M., Forestier L. Maupassant // Dictionnaire encyclopédique de la littérature française. P.: Robert Laffont. P. 615–618.

УДК 781(44)

«ЖИВАЯ» МУЗЫКА ФРАНЦУЗСКОГО КОМПОЗИТОРА О. МЕССИАНА

Т. А. Емельянова,

*ассистент кафедры романской и классической филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В работе рассматриваются особенности звуко-музыкальных изображений темы природы в произведениях Оливье Мессиана, что формулирует проблему, связанную с выявлением жанровой специфики звукового пейзажа. Это является целью настоящей работы. Ассоциативный метод анализа, используемый в такого рода исследованиях позволяет прочитывать произведения одного вида искусства как бы на языке другого. Также в работе рассматриваются принципы использования символов. В своем творчестве Мессиаан словно бы максимально приближается к природе, в ее конкретных голосах, и максимально отдаляется от нее. Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что оно представляет собой еще один шаг на пути сближения музыкознания и целого ряда смежных гуманитарных наук.

Ключевые слова: жанр, пейзаж, символ, образ.

Summary. In the work there are considered the peculiarities of the sound music pictures of the nature theme in the literary works by Olivier Messiaen, what formulate the problem connected with the identification of the genre specifics of the sound landscape. This is the purpose of the work. The associative method of the analysis, used in the researches of such kind allows to read the works of one kind of art as if in the language of another. Also in the work there are analyzed the principles of the symbol using. In his creative work Messiaen as if maximally approached nature in its concrete voices and maximally moved away from it. The practical importance of the research is in the fact that it represents in itself one more step on the way of combining music studies and a row of closely related humanitarian sciences.

Key words: genre, landscape, symbol, image.

Оливье Мессиаан – французский композитор, для которого стремление к

«подлинности» и «достоверности» воспроизведения звуков природы, стало главной идеей воплощения музыкального пейзажа. Пение птиц – вот настоящая музыка для Мессиаана. Музыка удовольствия, вдохновения, любви и умиротворённости... Творчество Мессиаана не сразу открывается даже благожелательному слушателю во всей его значимости. Оно может быть сравнимо с большими живописными полотнами: чем дальше отступаешь от него, тем яснее осознаешь его масштаб. Создав на основе своих теорий «живую» музыку, Мессиаан как бы во всеуслышание громко провозвестил: можно и по-другому!

В столь необычном изображении природы – звуками птичьего пения – Мессиаан явился первооткрывателем. Музыкальная «орнитология» композитора – это удивительный и неведомый доньше звуковой мир птиц, воплощенный его щедрой и неистощимой фантазией. «Пантеистические» воззрения Мессиаана своими корнями уходят в старую Францию далеких времен – можно вспомнить много самых различных музыкальных произведений французских композиторов, посвященных птицам и их пению. Это хоровые *chansons* Жаннекена – «Жаворонок» и «Пение птиц», пьесы для клавесина Куперена – «Печальные малиновки» и «Потревоженные коноплянки», Дакена – «Кукушка» и «Ласточка», Рамо – «Переключка пернатых», Дандрие – «Птичий гомон» и целая сюита «Птичий концерт». Поэтому появление «птичьих» опусов («Пробуждение птиц», «Экзотические птицы», «Каталог птиц») Мессиаана можно считать исторически подготовленным. Однако отношение композитора к этой сфере образов, ее трактовка – качественно отличны и представляют совсем новый этап в эстетическом освоении природы. Мессиаана можно сравнить с художником, который с кистью и мольбертом выходил на пленэр, чтобы непосредственно почувствовать и запечатлеть журчание ручейков, цветение яблонь, поэзию распускающихся почек...

«Я никогда не использовал магнитофон для записи птиц. Я все записываю карандашом, как если бы я писал диктант по сольфеджио...» [1, с. 80].

Мессиаан специально совершал многочисленные путешествия в различные области Франции; в некоторых его сопровождали опытные орнитологи – Жак Деламен и Жак Пено. С их помощью Мессиаану удалось систематизировать свои музыкальные наблюдения, классифицировать птиц по их музыкальным данным: пение каждой птицы имеет свою особую звуковую характеристику, свои мелодические контуры, свои ритмические интонации, индивидуальную технику импровизации... Мессиаан антропоморфно наделяет птиц различными чувствами и эмоциями: он убежден, что пение совы может быть «мрачным и печальным», каменка в своих фиоритурах «отражает радость синего моря», а утреннее пение воробья он называет «гимном рассвету».

Подходя к вопросу об интерпретации звуковых «пейзажей» Мессиаана, мы отталкиваемся, в первую очередь, от собственных суждений композитора, помогающих уяснить творческие истоки и художественный смысл его произведений. Нельзя не привести высказывания А. Онеггера, который, в ответ на вопрос Бернара Гавоти относительно литературных комментариев Мессиаана, сказал: «На некоторых слушателей они, быть может, и воздействуют как-то. Я же восторгаюсь богатством музыкальных образов, но далеко не всегда способен разобраться в подобном их истолковании. Право, не стоит распространять на музыку наши впечатления, положительные или отрицательные, вызванные

этой вздорной писаниной» [2, с. 182].

Интерпретация собственного творчества у Мессиаана направлена, прежде всего, на раскрытие содержания его музыки, на истолкование сложных образов-символов. Картинность музыкальных образов обнаруживает себя уже на уровне названий пьес, которые у Мессиаана всегда несут отпечаток его неповторимого художественного мышления. «Отблеск ветра», «Восторженная песнь на фоне грустного пейзажа», «Сверкающая гробница», «Образы слова Аминь», «Двадцать взглядов на младенца Иисуса», «Черный дрозд», «Цвета града небесного» — все эти заглавия свидетельствуют о том, что сложные художественные идеи Мессиаана могут быть представлены в конкретизирующей, зримой форме.

Идея зримости находит у Мессиаана воплощение и в приёмах колористики. В своих высказываниях композитор не раз подчеркивал значение цветовых ассоциаций для его музыки.

В музыкальном воплощении цветов приоритетное значение для Мессиаана имеют гармония и тембры инструментов. Изменения цветовых представлений могут быть связаны и с конкретным временем: так, в пьесе «Тростниковая камышевка» (№ 7) из «Каталога птиц» каждое время дня имеет свою индивидуальную окраску. Раннее утро (6 часов утра) характеризуется следующими пометками в партитуре: нижнему голосу предписываются указания розовый и сиреневый, верхнему — оранжевый. На закате солнца (9 часов вечера) цветовые указания изменяются: нижний голос «становится» красным и фиолетовым, средний — оранжевым.

Таким образом, цвето-звуковое мышление Мессиаана достаточно мобильно.

Отмечая самобытность творческой фигуры О. Мессиаана в контексте стилей и манер письма в музыке XX века, необходимо подчеркнуть особую духовность его творчества, тесно связанную с воспитанием, жизненными убеждениями, практической деятельностью композитора. Изучая его биографию, можно найти немало подтверждений особого, художественного отношения к миру, к жизни... Супружество, трагедия войны, концентрационный лагерь — все эти вехи жизни композитора нашли отражение и оригинальную трактовку в его творчестве. Так, своеобразно автобиографическими стали для Мессиаана его «Поэмы для Ми» (1936), «Песни Земли и Неба» (1938), «Квартет на конец времени» (1944). Таинство брака и рождение композитор трактует в божественном, трансцендентном смысле, понимая земную жизнь как преддверие иного, небесного мира. Во всех произведениях мастера чувствуется присутствие идеи Бога в религиозном, философском, эстетическом, этическом значениях.

«Основная идея, которую я желал бы выразить, — признавался сам композитор, — наиболее важная, потому что она превышает все, — есть идея о существовании истины в католической вере. Я имею счастливую судьбу быть католиком, я родился верующим, и именно поэтому случилось, что священные тексты поражали меня даже в раннем детстве. Некоторое число моих сочинений направлено к высокому свету теологических истин католической веры. Это главная область моей деятельности, наиболее благородная, без сомнения наиболее полезная, наиболее сильная, единственная, о которой я, возможно, не буду сожалеть даже в час своей кончины» [3, с.11–12]. Интересно, что под конец своей жизни композитор обратился к буддизму.

Возможно, в этих словах мастера стоит искать ответ на вопрос: почему в своем творчестве *образу птицы* Мессиаан отводит особую роль, особым образом выделяет ее из мира природы; символом чего она является – вопрос.

На наш взгляд, феномен творчества Мессиаана состоит в том, что при всем разнообразии истоков, замыслов, средств реализации, оно в конечном итоге воплощает одну идею. Принцип единства в многообразии проявляет себя в создании универсальной, целостной модели мира, основанной на тождестве, взаимосвязи божественного и земного. Человеческая жизнь, звуки природы, пение птиц, смена дня и ночи – все причастно Божественному, выводимо из него и подтверждается через соотнесение с ним.

Список использованных источников

1. Алеев В. Фортепианное творчество О. Мессиаана: дис. ... кандидата искусств. М., 1992. 213 с.

2. Мессиаан Оливье – о звуке и цвете (Из бесед с Клодом Самюэлем) // *Номо Musicus: Альманах музыкальной психологии*. М., 1994. С. 76–90.

3. Samuel C. Entretiens avec Olivier Messiaen. Paris, 1967. 236 p.

УДК 8

ПРОБЛЕМА «БЕГСТВА ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX-XXI ВВ.

Н. С. Лесова-Юзефович,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры романской и классической филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Проблема «бегства от действительности» (эскапизма) рассматривается в настоящее время в социологическом, философском, культурологическом аспектах, она находит также отражение в мировой литературе, начиная с эпохи Средневековья и, в частности, во французской литературе XVI–XX веков. В данной работе предпринята попытка исследования трактовки темы эскапизма во французской литературе второй половины XX – первой половины XXI веков.

Ключевые слова: французская литература, эскапизм, неблагоприятная внешняя среда, дегуманизация общества, самоидентичность.

Summary. The problem of «escape from reality» is currently considered in the sociological, philosophical, cultural aspects, it is also reflected in the world literature since the Middle Ages and, in particular, in French literature of the XVI–XX centuries. In this paper, an attempt is made to study the interpretation of the theme of escapism in French literature of the second half of the XX – first half of the XXI centuries.

Key words: French literature, escapism, unfavorable external environment, dehumanization of society, self-identity.

«Бегство из общества» (эскапизм) (англ. *escape* — убежать, спастись), — индивидуалистическо-примиренческое стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий.

Стремление бежать от реальности может возникать в виде ответной реакции на постоянный и сильный стресс, вызываемый психологическими травмами, напряжённой работой, небезопасной средой обитания или небезопасным окружением, неспособностью создать адекватные мнимому цензу отношения с окружающими субъектами представления, не занятыми «напряжённой работой».

Д.Г. Литинская даёт развёрнутое определение «эскапизма» — «любая активная деятельность (карьера, искусство, спорт, мода, ролевые игры, секс, религия и т. д.) может стать способом эскапизма, если человек использует её в качестве компенсации неразрешённых личных проблем. Способом эскапизма может стать и пассивная деятельность (просмотр фильмов, чтение книг, алкогольное или наркотическое опьянение, медитация и т. д.). Эскапизм может проявляться в виде физического ухода от мира (в глухие деревни, труднодоступные регионы), так и без этого — когда при отсутствии изоляции от общества человек перестаёт проявлять интерес к известным ему и принятым в обществе ценностям, предпочитая мир своих грёз.

На основе функциональной природы эскапизма можно выделить два его типа: инструментальный (служащий целям адаптации человека в социуме) и экзистенциальный (проявляющий себя в осознанном разрыве связей с другими и миром в ситуации смыслоутраты)» [2].

Реакция современных писателей на дегуманизацию общества становится исходной основой развития литературы во Франции. Эта реакция идёт в основном по трём направлениям. Одни писатели воссоздают в своих книгах облик бесчеловечного мира, который обрекает на гибель традиционные ценности и нивелирует значение отдельного человека. Другие, напротив, сосредоточивают внимание на внутреннем мире личности, показанной в момент кризиса; третьи стремятся найти среду, не похожую на современную дегуманизованную действительность, из которой они жаждут вырваться.

Именно к последнему направлению можно отнести представителей так называемой идеи «великого отказа» («le grand refus»), а крупнейшим и наиболее популярным представителем этого движения остаётся Жан-Мари Гюстав Ле Клезю, лауреат Нобелевской премии по литературе 2008 года. Основные идеи его творчества – это внимание к экологическим проблемам современности, нетерпимость к рациональному западному мышлению, битва против города, обрекающего на одиночество и насильственную потерю естественности. Неверие в возможности западной цивилизации, неприятие её рациональности вынуждает Ле Клезю уйти от нее, искать путь к спасению в незнакомой для европейца среде. «Западная культура стала слишком монолитной. Она бесконечно концентрируется на урбанистических темах и технике, мешая развитию таких форм выражения, как религиозность и чувства, например. Вся непроницаемая часть человеческой души отвергается во имя рационализма. Именно понимание этого обратило меня к иным цивилизациям» [1]. Роман «Пустыня» (*Desert*, 1980), за который автор получил премию Поля Морана, повествует о столкновении двух миров, двух культур, противоположных по своей ценностной ориентации, поведенческим и этическим нормам. Образ пустыни становится особым культурным кодом, вобравшим в себя систему ценностей, уже утраченных цивилизацией. Главная героиня романа, Лалла, искавшая лучшей

доли в Европе, возвращается в родную пустыню, однако в романе звучит нота не отчаяния, а надежды. Ле Клезио не отрицает современный мир, однако противопоставляет ему вечные ценности, помогающие человечеству приблизиться к всеобщей гармонии.

Жан Жионо — «певец земли», творивший в послевоенное время, описывает в своих литературных произведениях — «Человек, который сажал деревья» (*L'Homme qui plantait des arbres*, 1953) и «Эннемонда и другие персонажи» (*Ennemonde et autres caracteres*, 1968) — примитивную крестьянскую жизнь на лоне природы, вдали от шумных городов. Он создает романтическую утопию о сельской жизни, приводит в пример легенды о жизни самобытных, неиспорченных цивилизацией сельских жителей, как бы слившихся с природой, и указывает, таким образом, читателю альтернативу жизни в душных, шумных городах.

В XXI веке, с усилением экзистенциальных проблем, данная тема не только не исчезает, но часто находит своеобразное выражение — в романе Мартена Пажа «Как я стал придурком» (*Comment je suis devenu stupide*, 2001) описывается в определённой степени парадоксальная ситуация. Если ранее эскапизм выражался в желании бегства от общества, от привычной рутины и одиночества, в поиске новых берегов и идей, в уходе в себя, то главный герой романа М. Пажа бежит от себя. Антуан, умный, интеллектуальный молодой человек, чувствует себя чужим в современном обществе с его примитивными потребностями, олицетворяя собой образованных молодых людей его поколения, не умеющих найти свое место в современном обществе: «Ум делает своего обладателя несчастным, одиноким и нищим» [6]. Автор показывает конформизм молодого поколения, его герой стремится слиться с окружающей его обывательской «серой» средой, снизить свои интеллектуальные потребности. Первым опытом «бегства от себя» становится попытка стать алкоголиком, для чего герой прибегает к советам завсегдатая ближайшего кафе, так как «опьянение ему казалось способом подавления любой слабой попытки его рассудка к размышлению...» [6], однако опыт оказывается неудачным из-за врожденной аллергии на спиртные напитки.

Основной нитью почти всех произведений Анны Гавальды является поиск самоидентичности, иногда невозможный в условиях современного общества, однако, часто находящий неожиданное, но, как правило, счастливое решение в ее романах. Гаранс, героиня одного из её последних произведений «Луис Мариано, или глоток свободы (с последствиями)» (*L'echappee belle*, 2012), после непредвиденной поездки к своему брату Венсану и открытия для себя образа жизни, отличающегося от привычного ей, навсегда покидает шумный Париж, где она так и не смогла устроить свою жизнь, и уезжает в деревню, чтобы там обрести покой.

Творчество современных французских авторов можно рассматривать как попытку решения актуальных проблем, в частности, проблемы бегства от действительности, возникающих перед человеком в современном обществе; влияние представителей «литературы бегства» на современную философию и литературу не ослабевает и в настоящее время.

Список использованных источников

1. Ле Клезио Ж.М. Г. Французский язык моя единственная родина. Ин-

тервью от 10.06.2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://edushk.ru/cultura/20508/index/html> (дата обращения 02.04.2019).

2. Литинская Д. Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма. Ярославский педагогический вестник. — 2012. — №1. — Т. 1.

3. Le Clezio J.M.G. Desert. Paris: Gallimard, 1980. 205p.

4. Gavalda A. L'échappée belle. Paris: Le Dilettante, 2012. 220p.

5. Giono J. L'Homme qui plantait des arbres. Paris: Flammarion, 1993. 120p.

6. Page M. Comment je suis devenu stupide. Paris: J'ai lu, 2001. 219p.

УДК 811.134.2

АНТИТЕЗА КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ПЕЙЗАЖЕЙ В РОМАНЕ ЛУС ГАБАС «ПАЛЬМЫ В СНЕГУ»

Н. П. Науменко¹, З. С. Меметова²,

*¹ старший преподаватель кафедры романской и классической филологии,
Институт иностранной филологии,*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

² обучающаяся 1 курса магистратуры

*кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии,*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Выбор темы обусловлен малоизученностью функционирования такого стилистического приёма как антитеза в художественных текстах испаноязычных писателей. Целью работы является изучение роли антитезы в описании пейзажа в произведении «Пальмы в снегу» (*Las Palmeras en la Nieve*). Вопрос изучения функций стилистических приёмов, используемых в художественных текстах, всегда будет оставаться актуальным. Произведения, которые полностью построены на антитезе, представляют собой цельное противопоставление предметов, характеров, описаний явлений. Примером данного явления может послужить произведение Лус Габас «Пальмы в снегу».

Ключевые слова: стилистические фигуры, антитеза, пейзаж, Лус Габас (Luz Gábas), стилистика, «Пальмы в снегу».

Summary. The choice of the topic is determined by the fact that the problem of functioning of such stylistic device as antithesis in Spanish writers' literary works is under investigation. The aim of the research is to analyze the role of antithesis in landscape description in the novel *Palm Trees in the Snow*. The question of studying functions of stylistic devices used in literary texts is of current interest. Alongside with the developing of literature and language there appear more undiscovered topics concerning new functions of stylistic devices. There are a lot of works the whole structure of which is built on antithesis. The novel *Palm Trees in the Snow* written by Luz Gabás is a good example of such works.

Key words: stylistic figures, antithesis, landscape, Luz Gabas, stylistics, Palm Trees in the Snow.

Вместе с появлением первых художественных произведений появился и такой способ создания образности, стилистической окраски текста, как «стилистические приёмы». В течении многих лет они использовались непосредственно поэтами, мыслителями, философами, писателями. Сегодня образные средства — это главный «инструмент» в работе многих современных профессий, таких как: маркетологи, сценаристы, композиторы, журналисты. Использование разнообразных стилистических приёмов — это один из самых эффективных способов выделения текста, подчёркивания его уникальности, неповторимости и передачи национальных особенностей культуры или описания персонажей. Филолог-испанист Амадо Алонсо (Amado Alonso) говорил об этом в своих научных исследованиях: *“Otros aspectos de la obra podrán tener tremenda importancia: el ideológico, el social, el histórico, el folklórico, el lingüístico, el religioso, el político, etc.; pero dentro de la historia del arte y de la crítica literaria, un solo aspecto es esencial: el poético y su realización artística”* [2, с. 88].

Используя образные средства в своем произведении, автор помогает читателю лучше прочувствовать и погрузиться в вымышленный мир. Посредством содержащихся в художественном тексте образных средств автор проводит параллели между ним и читателем. Профессор французской филологии Марсэль Крессо (Marcel Cressot) в своей работе *Le Style et ses Techniques* подчёркивал, что художественное произведение это, в первую очередь, общение. *“La obra literaria no es otra cosa que una comunicación, y toda la estética que hace entrar allí el escritor no es en definitiva más que un medio de ganar más seguramente la adhesión del lector”* [4, с. 56].

Одним из наиболее употребительных и ярких стилистических приёмов является такая стилистическая фигура контраста как антитеза, или противопоставление. Отечественный лингвист А.Н. Гвоздев считает, что она «служит исключительно ярким средством изображения и характеристики лиц, предметов, событий путём их сопоставления с противоположными лицами, событиями...» [1, с. 54]. Антитеза — это применение контрастирующих понятий, слов или предложений, построенных на параллельных грамматических структурах с целью вызвать чёткие образы в сознании читателя. Приём параллелизма используется для того, чтобы привлечь внимание читателя к разнице между двумя понятиями. Сравнимые понятия не всегда контрастивны, то есть, не всегда являются антонимами. В отношении контраста ставятся и такие слова, которые могут быть не связаны между собой никакими отношениями, отчего эффект использования стилистического приёма только усиливается. Антитеза может быть классифицирована по структуре как простая (одночленная) и сложная (многочленная). Сложная антитеза состоит из нескольких антонимических пар или трех и более сравниваемых понятий. Также можно выделить сложную и развёрнутую антитезу. С помощью развёрнутой антитезы автор ярче актуализирует неожиданные понятия в привычном явлении.

Как и любое другое средство выразительности, антитеза выполняет определенные функции в тексте, одна из них — это контрастное описание пространства и времени, в том числе пейзажей. Именно эта функция рассматривается в данной статье на материале испанского произведения *Palmeras*

en la Nieve Марии Лус Габас. Испанская писательница, филолог и политик, стала известна благодаря данному произведению, по которому снят одноименный фильм. Роман был написан в 2012 году и переведён на многие языки. Успех произведения обусловлен темой колониального прошлого Испании, которая была мало изучена и редко встречалась в произведениях других писателей. Книга рассказывает о том, как молодой человек по имени Килиан отправляется в Новую Гвинею, на остров Фернандо-По, чтобы работать на плантации какао вместе с братом и отцом. На этом экзотическом острове он проведет много дней, полюбит девушку по имени Бисила, переживёт множество потрясений, а также столкнётся с предательством и потерей. Через сорок лет дочь брата Килиана, Кларенс, отправится на родину своего отца, чтобы пролить свет на семейные тайны. Там, в Гвинее, которая во времена жизни её родных была испанской колонией, она найдёт ответы на свои вопросы и узнает трагическую историю запретной любви.

Сюжет, как и название романа «Пальмы в снегу», построен на антитезе, противопоставлении бедных и богатых, униженных и управляющих, влюблённых и озлобленных, теплолюбивых пальм и холодных снегов. Наиболее ярко этот контраст выражается в описаниях природы, которые постоянно сменяются перед глазами главного героя Килиана. С самого начала произведения автор создаёт образ экзотического острова и противопоставляет его серой Испании: “*La tierra desconocida, lejana y exótica, la isla de Fernando Poo*” [3, с. 2]. “*En comparación con en España encortezada y gris*” [3, с. 4].

Как известно, сам цвет и его оттенки оказывают влияние на общее настроение от прочитанного. Тёмные, серые цвета вызывают печаль, грусть, угнетение. Светлые, наоборот, поднимают настроение, выражают радость и счастье. Так, в отрывке “*...hacia la ventana. La abrió un poco para que el humo saliera y respiró el aire fresco de ese día lluvioso que humedecía levemente la pizarra oscura de los tejados de las casas de piedra que se apretaban bajo las ventanas de su casa*” [3, с. 60] с помощью употребления тёмного цвета автор выделяет описание хмурого пейзажа Испании и подчёркивает пасмурную погоду, что вызывает у читателя мрачное настроение. В то время как для описания острова Фернандо-По используется такой цвет как «зелёный» и прилагательные «тёплый», «торжественный» в следующих предложениях: “*En esta tierra eternamente verde, cálida y voluptuosa..*” и “*El olor, el verde embriagador de la generosa naturaleza, el sonido solemne de los cantos profundos, la algarabía de las celebraciones, la nobleza de los amigos como José y el calor permanente sobre la piel*” [3, с. 27]. Такие прилагательные с положительной коннотацией создают образы прекрасного, цветущего пейзажа, постоянного праздника на экзотическом острове Фернандо-По. Противопоставления цветов играют важную роль в описании двух локаций, показывая то, насколько они отличаются друг от друга, и насколько отличается отношение повествователя к ним.

Прекрасный остров, который так дорог главным героям, сравнивается с раем и противостоит жестокому климату Испании. “*Que Jacobo y Kilian hablasen de su paraíso perdido... Y lo cierto es que tenerle mucho amor a esta tierra para resistir este clima salvaje... Clima - pensó Clarence - contraste entre el calor tropical y el frío de Pasolobino*” [3, с. 90–91]. Немаловажно обратить внимание на

негативный характер описания политической и социальной ситуации в Испании на момент написания рассказа. “*La verdad es que a ninguno le ha atraído la idea de un viaje a un país tan poco civilizado...*” и “*Ya te darás cuenta de la lamentable situación en la que se encuentra el país. Miseria y más miseria*” [3, с. 135]. Лус Габас использует такие прилагательные как “*poco civilizado*” — «нецивилизованная» и “*lamentable*” — «плачевная», которые несут в себе отрицательную коннотацию. Прямое противопоставление данному описанию — изображение состояния острова Фернандо-По с помощью таких словосочетаний, как “*magníficas montañas*” — «великолепные горы» и “*silencio apaciguador*” — «успокаивающая тишина»: “*Como podían haber resistido tantos años los hombres de su familia lejos de esas magníficas montañas de la tierra húmeda y el silencio apaciguador de la noche*” [3, с. 64].

Даже сами главные герои понимают контраст между двумя разными мирами и спрашивают себя с волнением: “*¿Cómo encajaría él en ese mundo tan diferente hacia el que partía?*” [3, с. 81]. Главным словосочетанием, подчёркивающим разницу между двумя разными пейзажами острова Гвинеи и Испании, является словосочетание “*tan diferente*” — «такая отличающаяся». Объектом для сравнения и противопоставления становится даже характеристика одежды. Так, в одном из предложений текста противопоставляются лёгкие, короткие платья, которые носят жительницы экзотического острова и тёмные шерстяные юбки с куртками жительниц холодной Испании: “*Los vestidos de las mujeres, con lazos en el pecho y escotes en pico, eran ligeros, alegres, entallados y cortos en comparación con las gruesas faldas a media pierna y las chaquetas de lana oscura de la montaña*” [3, с. 183]. Посредством описания того, как одеваются люди, автор передаёт читателю мысль о том, что Гвинея такая же лёгкая и жизнерадостная, как и платья девушек, в отличие от холодной, трепущей шерстяной одежды Испании.

Сложные многокомпонентные антитезы в этом произведении определяют не только климат в разных местах, но и настроение, преобладающее в каждом высказывании. По мере развития сюжета, меняется и антитеза. Если в начале истории для главных героев остров Фернандо-По казался сказочным раем, а дом — холодным и унылым, то к тому моменту, когда Килиан (главный герой произведения) приезжает на остров, всё меняется. Он начинает скучать по родной земле и описания острова приобретают негативный оттенок. И если в начале прилагательное “*duro*” применялось в описании Испании, то теперь оно используется в описании острова Фернандо-По. Сравним характеристику Испании: “*El clima del valle era muy duro. Y la vida dependía continuamente del clima. Los huertos, los campos, las fincas y los animales: si un año la cosecha era mala, se resentían todos*” [3, с. 158] и последующее описание острова “*La vida es dura en Fernando Poo*” [3, с. 312]. Кроме того, воздух Фернандо-По, который когда-то казался ему наполненным теплом и весельем, теперь уже не кажется таким свежим и приятным: “*Necesitaba respirar aire fresco y allí el aire no le parecía fresco*” [3, с. 301].

Антитеза — один из наиболее употребительных и ярких стилистических приёмов в произведении Лус Габас «Пальмы в снегу», который служит для привлечения внимания читателя к разнице между двумя мирами и выполняет различные функции. Эта фигура речи строится на параллельных

конструкциях, которые могут быть выражены как словосочетаниями, так и предложениями, противопоставляющимися в разных частях произведения. Являясь главной особенностью данного произведения, противопоставление — это фундамент структуры данного текста. Благодаря этому средству образности автор сумел передать колоссальные отличия между двумя локациями, преобразуя их восприятия по мере изменения и взросления главных героев. В исследуемом произведении антитеза играет главную роль в создании образности, в передаче атмосферы и настроения, в достижении основной цели текста — попытке помочь читателям пережить эту историю самим, погрузиться в неё.

Список использованных источников

1. Гвоздев А. Н. Очерки русской стилистики. М.: Гос. Учебно-педагог. изд-во, 1995. 462 с.
2. Amado Alonso. *Materia y forma en poesía* [Электронный ресурс] // Madrid, 1965. — Режим доступа: https://cvc.cervantes.es/lengua/thesaurus/pdf/12/TH_12_123_264_0.pdf (дата обращения 02.02.2019).
3. Gabás Luz. *Palmeras en la nieve* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://librosquehayqueleer-lakylogspot.com/2014/04/palmeras-en-la-nieve-luz-gabas.htm> (дата обращения 18.02.2019).
4. Cressot Marcel. *Le Style et ses techniques* [Электронный ресурс] // Paris: PUF, 1959. — Режим доступа: http://esad-gv.net/designgraphique/_ressources/2008-2009/Moderne_2008-2009/textes/litterature/marcelcressot_lestyleetsestechniques (дата обращения 20.02.2019).

УДК 811.12+821.124

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛАТИНСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ I В. ДО Н.Э.

Е. Н. Татаренко,

*старший преподаватель кафедры романской и классической филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются различные типы вербальных прецедентных феноменов в поэтических текстах латинских авторов I в. до н.э.; сделана попытка применения классификации с точки зрения использования прецедентных феноменов в некоторых поэтических текстах различного объема на латинском языке с использованием сопоставительного метода. В исследованных текстах используются все типы (уровни) прецедентных феноменов. Таким образом, исследованные поэтические тексты могут использоваться для культурной идентификации языковой личности с точки зрения использования прецедентных феноменов в широком смысле этого термина.

Ключевые слова: феномен прецедентности, прецедентный феномен, бинарная оппозиция, код.

Summary. The article deals with different types of verbal precedent phenomena in the poetic texts of Latin authors of the 1st century BC; an attempt is made to apply the classification in terms of the use of precedent phenomena in some poetic

texts of different volumes in Latin using the comparative method. As a result of the study, it can be argued that all these precedent phenomena are used in poetic texts. Thus, the studied poetic texts can be used for the cultural identification of the linguistic personality in the broad sense of the term.

Key words: precedent phenomenon, binary opposition, code.

Несмотря на то, что поэзия является наиболее индивидуализированным жанром литературного творчества, поэтический текст, представляя собой синтезированный результат мыслительной и речевой деятельности, можно рассматривать в широком смысле как прецедентный, поскольку он обладает, по меньшей мере, несколькими его признаками [6, с. 5–33].

Термин «прецедентный» происходит от латинского глагола *praecedo*, «предшествовать», первоначально применялся в юриспруденции и базировался на функционировании бинарной оппозиции «было – не было», и активно используется в лингвистике. Таким образом, можно рассматривать феномен прецедентности в качестве одной из составляющих соответствующей бинарной оппозиции, реализующейся во взаимодействии различных кодов, но единую с семантической точки зрения [4, с. 5–8]. Понятие прецедента многими учеными понимается как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи этого социума. Прецедентный феномен может быть вербальным и невербальным. Современная концепция прецедентности выделяет такие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты, прецедентные ситуации [1, с. 84].

Если рассматривать феномен прецедентности как образ с неким алгоритмом поведения и оценок, то поэтические тексты не могут не содержать прецедентные феномены, среди которых вслед за Д. Б. Гудковым и В. В. Красных можно выделить следующие: прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания.

Необходимо заметить, что указанные категории в латинской поэзии зачастую сочетаются с дополнительными стилистическими приемами.

Среди прецедентных имен подавляющее большинство относится к мифологическим, например, имена собственные, в том числе, богов: *Venus*, *Cupido* у Катулла (*Catullus XIII*) и Овидия (*Ovidius Amores I, 9*); *Melpomenē*, *Plūtō*, *Libitina* у Горация (*Horatius Ad Melpomenen; Ad Postumum*), *Aurora* у Овидия (*Ovidius Amores I, 13*); иногда это – имена мифологических персонажей: *Battus* у Катулла (*Catullus VII*), *Daunus*, *Sisyphus* у Горация (*Horatius Ad Postumum*), *Dardanus* у Вергилия (*Vergilius Aeneis, IV*); встречаются имена исторических личностей: *decoctoris amīca Formiāni* (*Catullus XLIII*), *pater huius* у Овидия (*Ovidius Metamorphoses XV*); часто при употреблении имен авторы используют дополнительные стилистические приемы, такие как *poeticus pluralis*: *Veneres Cupidinesque* у Катулла (*Catullus XIII*), антономасию: *Thyoniānus* (*Catullus, XXVII*), аллюзию: имена топонимические мифологические: *Cocytus* у Горация (*Horatius Ad Postumum*); географические: *Cyrēnae* у Катулла (*Catullus, VII*), *Nadria* у Горация (*Horatius Ad Leuconoen*), *Caucasus* у Вергилия (*Vergilius Aeneis, IV*). Кроме этого, можно отметить имена богов, обозначающие названия ветров: *Aquilo*, *Austrum* у Горация (*Horatius Ad Postumum*). В поэтических произведениях встреча-

ются названия продуктов, выраженные метонимически: Falernum у Катулла (Catullus XXVII), Caecubum у Горация (Horatius Ad Postumum).

Прецедентные ситуации часто передаются через названия конкретных предметов или явлений: cupressus, Babylonii numēri у Горация (Horatius Ad Postumum; Ad Leuconoen); habet sua castra Cupīdo у Овидия (Ovidius Amores I, 9); описание щита Энея у Вергилия (Vergilius Aeneis, VIII) подобно тому, как Гомер в «Илиаде» описывает щит Ахилла. Одинаковые по форме приемы, тем не менее, имеют разное содержание и выполняют различные функции. Безусловно интересным представляется прием описания прецедентной ситуации через метонимию, как в названии произведения Горация «К Левконое» (в переводе с греческого Левконое означает «болтушка»).

Сами тексты могут носить афористический характер, а, следовательно, содержать прецедентные высказывания. Так, у Горация в оде «К Левконое» используется выражение «Carpe diem» (Horatius Ad Leuconoen).

Некоторые тексты входят в антологию мировой литературы, например «Я ненавижу и люблю» у Катулла (Catullus, LXXXV). Это непревзойденное по силе воздействия двустишие стало прецедентным текстом.

Более того, если рассматривать стихотворные размеры исследованных текстов, они сами могут быть прецедентными феноменами: ямб, элегический дистих, гекзаметр и другие размеры известны всем читателям, знакомым с поэзией на русском языке.

Итак, в исследованных текстах некоторых латинских авторов I в. до н.э. используются указанные прецедентные феномены – прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания, прецедентные тексты. Указанные прецедентные феномены реализуют различные бинарные оппозиции, знакомые любому человеку, причем они, как правило, сопровождаются различными стилистическими приёмами. Нельзя не упомянуть природные, исторические и культурные реалии.

Как показывают приведенные примеры, читатель таких текстов должен в достаточной мере владеть универсальными, историческими, социальными и иными типами кодов, но со знанием таких кодов повышается степень владения бинарными оппозициями, а, следовательно, и степень ассоциативного мышления.

В широком понимании термина «прецедентный» мы живем в прецедентном мире, который мы осваиваем через четко установленные с антропоморфной точки зрения иерархические структуры; данные структуры в диахроническом плане, претерпевая определенные изменения, тем не менее, остаются практически единственной неизменной возможностью культурной идентификации языковой личности. Если рассматривать принадлежность личности к той или иной культуре, можно утверждать, что любой человек, обладающий определенной суммой гуманитарных знаний, не может быть не знаком с реалиями античной культуры и литературы. С этой точки зрения значимость поэтических текстов невозможно переоценить.

Список использованных источников

1. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inslav.ru> (дата обращения 09.03.2019).

2. Плуунгян В. А. Голос музыки. М.: Велес, 1998. 256 с.
3. П. Овидий Назон. Избранные произведения. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1946. 92 с.
4. Цивьян Т. В. Лингвистические основы Балканской модели мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inslav.ru> (дата обращения 09.03.2019).
5. Шталь И. В. Поэзия Гая Валерия Катулла. М.: Наука, 1977. 263 с.
6. Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов [Электронный ресурс]. – М.: Филология, 1998. – Вып. 4. – С. 5–33. – Режим доступа: <http://philol.msu.ru> (дата обращения 01.03.2019).
7. Publius Vergilius Maro. Aeneis. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: www.ae-lib.org.ua – E-Text: The Latin Library. Liber I. (дата обращения 10.03.2019).

УДК 811.133.1

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «КАРЬЕРА» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ И АФОРИСТИЧЕСКОМ ФОНДЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Т. В. Чекалина,

*старший преподаватель кафедры романской и классической филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная работа посвящена актуальной проблеме когнитивного исследования французской языковой картины мира. В фокусе внимания статьи некоторые характеристики паремиологического поля концепта «*carrière*» во французском языке. Целью работы является анализ языковых средств объективизации исследуемого концепта на материале французской афористики. В исследовании был использован метод концептуального анализа, представляющий собой совокупность методик анализа концепта, разработанных З.Д. Поповой и И.А. Стерниным.

Ключевые слова: концепт, афоризм, паремиологическое поле, концептосфера, языковая картина мира.

Summary. This study is dedicated to the actual problem of cognitive research of the French semantic picture of the world. The focus of the present study is on the paremiological characteristics of the concept «*carrière*» in the French language. The purpose of the work is to analyse objectivation and representation of the components of the concept «*carrière*» in the aphorisms of the French language. To solve the formulated tasks the methods of conceptual analysis were used.

Key words: concept, aphorism, paremiological field, conceptual field, semantic picture of the world.

Данное исследование проводилось в рамках когнитивистики, актуального направления в языкознании, которое исследует «ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [1, с. 9].

В фокусе внимания данной работы находятся языковые средства, объективирующие концепт «карьера» и формирующие его паремиологическое поле

в современном французском языке. Таким образом, целью работы является описание специфики паремиологических средств, вербализирующих исследуемый концепт во французской языковой картине мира. Паремиологическое поле концепта строится на основе анализа крылатых выражений, афоризмов, пословиц, содержащих ключевое слово «*carrière*» – репрезентант концепта.

Антропоцентрическая парадигма – подход к исследованию языка через призму человеческого сознания – в языкознании XX–XXI вв. становится одной из самых актуальных. Эта проблематика разрабатывается в значительной степени отечественными теоретиками языкознания, как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, прежде всего потому, что они обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [2, с. 11].

Значительный вклад в отечественную когнитивистику внесли такие учёные как Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, М.В. Пименова, А.А. Залевская, С.Г. Воркачёв и др.

В последние годы значительно возрос интерес к когнитивной лингвистике и во Франции, что способствовало созданию в 2005 году по инициативе Мартена Лемэна совместно с Жаном Реми Ляпэр Французской Ассоциации Когнитивной Лингвистики (Association Française de Linguistique Cognitive (AFLiCo)).

В этот же период выходит в свет новый электронный научный журнал под руководством М. Лемэна – *CogniTextes*, регулярно публикующийся на платформе *Revue.org*. Французская Ассоциация Когнитивной лингвистики активно проводит дискуссии, коллоквиумы, семинары по когнитивистике, а также в рамках других смежных научных парадигм. В этой связи следует упомянуть совместное исследование французских и квебекских учёных, инициированное Фондом изучения общества и культуры (Fond de recherche sur la société et la culture (FQRSC)). Результаты этого исследования опубликованы в статье «*La Carrière, un concept en évolution*». Её авторы анализируют динамику концепта «*carrière*» в когнитивном пространстве индивидуума и общества, а также подчёркивают практическую значимость и перспективность таких работ, поскольку «... *tout comme l'individu et la société, la carrière est un phénomène complexe, multidimensionnel et en perpétuelle évolution*» [4, с. 12].

Итак, объектом нашего исследования является концепт «*carrière*» – один из актуальных концептов современной французской концептосферы. Данный этап – часть комплексного исследования номинативного поля концепта и в качестве предмета исследования взяты паремиологические средства актуализации данного концепта.

В соответствии с целью исследования материалом для анализа послужила афористика французского языка. Как известно, к жанрам афористики относятся: афоризмы, пословицы, максимы, заголовки, лозунги, девизы и т.п. Репрезентация исследуемого концепта в данной статье рассмотрена на материале электронных интернет-словарей пословиц и афоризмов французского языка. Авторами афоризмов являются известные французские и франкоязычные писатели, общественные деятели, деятели искусств различных исторических эпох: Диана де Босак, Андре Моруа, Амели Нотомб, Жан-Поль Сартр, Фредерик Бегбедер, Патрик Модино, Альбер Коэн, Анри Сальвадор, Брижит Бардо и др.

Для настоящего исследования понятие «концепт» является базовым. Мы понимаем концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, предоставляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к данному явлению или предмету» [3, с. 34].

Концепт характеризуется наличием обширного номинативного поля и вербализуется различными языковыми средствами: лексическими, фразеологическими, паремиологическими и др. Важно отметить, что национальные паремии, афоризмы и т.п. обладают высокой степенью оценочности, образности, самобытности и ярко отображают когнитивные стереотипы определённой национальной концептосферы, её этнокультурную специфику.

Анализ материала исследования позволил выделить семантические группы, организованные по принципу тематического поля. Центральной единицей, доминантой тематического поля является определённый референциальный признак или группа признаков.

Рассмотрим семантические группы, объективирующие концепт «*carrière*» в афористике современного французского языка.

В первую группу включены афоризмы, в которых успешная карьера, продвижение по карьерной лестнице связывается с усилиями, работой самой личности: «*Une carrière ne s'improvise pas elle se construit*» (Диана де Босак).

Следующий афоризм принадлежит перу Алис Паризо, писательницы, журналистки из Квебека: «*Beaucoup de gens ont du talent, mais seul le travail permet de faire carrière*».

В высказывании Анри Сальвадора, французского певца, чья карьера охватывает более шести десятилетий, прямая связь карьерного роста с упорной работой выражается яркой метафорой: «*Une bonne carrière , c'est une carrière de sueur*».

Во второй группе представлены афоризмы, актуализирующие семантико-когнитивный профиль: карьера – призвание, любовь к своей профессии: «*Toute chaussure doit prendre son pied pour débiter sa carrière*» (Ж. Шуле); «*On peut très bien faire une carrière sans avoir de voix, mais en ayant du coeur*» (Анри Сальвадор).

Результаты нашего исследования показывают, что концепт «*carrière*» имеет гендерную специфику.

Таким образом, афоризмы третьей тематической группы актуализируют смысловые зоны с гендерными различиями. Такие лингво-ментальные компоненты относятся к общечеловеческим ценностям:

- влечение к профессиональной деятельности, даже к подвигам у мужчин;
- приоритет семьи, детей у женщин, например:

«*Ah, l'armée, l'honneur, la discipline, les vieilles traditions, l'esprit chevaleresque, la parole d'officier, les grandes batailles, les géniales stratégies des maréchaux, les morts héroïques! Il n'y avait pas de plus belle carrière!..*» (Альбер Коэн); «*Pour l'homme, c'est la carrière dont tout depend; pour la femme, ce sont des enfants*» (Амели Нотомб).

В эту же группу мы включили краткое, но очень ёмкое высказывание Андре Моруа, наглядно раскрывающее менталитет определённой группы мужчин, стремящихся сделать карьеру при помощи женщин: *«Les femmes font et défont les carrières»*.

Как показывают материалы проведённого анализа, концепт «carrière» является двухполюсным, т.е. с положительной и отрицательной оценочностью. Эта особенность проявляется в возможности репрезентации данного концепта антонимичными языковыми средствами, например: *échecs – réussites, être triomphale – avoir ses éclipses*.

Так, Жан Этье Блэс, квебекский писатель, литературный критик, дипломат, преподаватель французской и квебекской литературы – человек, испробовавший ни одну профессию – говорит о тернистом пути по карьерной лестнице: *«Une carrière se construit d'échecs aussi bien que de réussites»*.

Пятую семантическую группу составляют афористические высказывания с классификационным когнитивным признаком: карьера – личная борьба индивидуума за достижение поставленной цели и построение успешной карьеры.

Например, афоризм французского писателя, актёра, режиссёра, продюсера Саша Гитри: *«Quelle que soit la carrière, que vous embrassiez, proposez-vous un but élevé»*. *«Les portes de l'avenir sont ouvertes à ceux qui savent les pousser»* (Колуш).

Особую группу составляют афористические выражения о карьере, вербализирующие ее второстепенную роль в жизни индивидуума: *«Eh bien oui, je préfère réussir ma vie que réussir ma carrière»* (Брижит Бардо); *«Ma propre carrière n'a pas d'intérêt pour moi»* (Поль Валери).

Данные высказывания известнейшей актрисы и поэта, эссеиста, философа, автора многочисленных афоризмов, можно объяснить отсутствием у этих успешных, состоявшихся личностей эгоцентрического мышления.

Отдельную группу составили высказывания, которые объединяет юмор и самоирония авторов.

Известный французский писатель, публицист Фредерик Бегбедер так говорит о карьере писателя:

«La carrière d'un écrivain:

A 30 ans, on dit que tu es «brilliant».

A 40 ans, on dit que tu as du «talent».

A 50 ans, on dit que tu as du «génie».

A 60 ans, on dit que tu es «has-been».

A 70 ans, on dit que tu n'es «pas encore mort».

На наш взгляд, эта группа представляет афоризмы с выраженной этнокультурной спецификой.

Наши наблюдения показывают, что афористика современного французского языка позволяет выделить актуальные когнитивные признаки концепта «carrière», отражающие черты французского менталитета. Доминантными семантико-когнитивными профилями являются: работа, призвание, личная борьба индивидуума за построение успешной карьеры. Также выявлены гендерная специфика исследуемого концепта и его объективация лексическими единицами с положительной и отрицательной оценочностью.

Список использованных источников

1. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний: сборник научно-аналитических обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 4–38.
2. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 6–17.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.
4. Spain A., Bétard L., Paiment L. Carrière et expressions relationnelles // Revue de psychoéducation, vol. 32,2. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2003.
5. Actualité culturelle, belles citations et proverbes. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://evene.lefigaro.fr/> (дата обращения 03.06.2018).

УДК 821.133.1:159.924.7

ПОНЯТИЕ «ДОМ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ТРАДИЦИИ

Н. А. Шапошник,

*старший преподаватель кафедры романской и классической филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается понятие «дом» во французской картине мира в культурологическом, философском и литературоведческом аспектах на материале автобиографических романов М. Дюрас «Плотина против Тихого океана» и «Любовник». Анализ лексического и литературного материала с помощью биографического, культурно-исторического, а также лексико-стилистического методов показали, что понятие «maison» отражает широкий спектр значений от «жилья» до «коммерческого предприятия» и, таким образом, представляет многообразие социально-культурных коннотаций. Литературный и культурологический анализ показали, что «дом» в западноевропейском понимании существует на двух уровнях: материальном – здание, помещение и духовном – микроклимат его обитателей. Следовательно, внешний вид строения напрямую связан с чертами характера персонажей, его населяющих.

Ключевые слова: дом, М. Дюрас, семья, французская литература.

Summary. In the article there is analyzed the notion «home» in the French worldview in the culturological, philosophic and literary aspects using the material of the autobiographical novels by M. Duras «The Sea Wall» и «The Lover». The analysis of the lexical and literary material by means of the biographical, cultural and historical, and also lexicostylistic methods has shown that the notion of the «maison» reflects the wide range of meanings from «dwelling» to «commercial enterprise» and so represents the variety of social and cultural connotations. The literary and culturological analysis have shown that the «maison» in the Western European idea exists at two levels: material – a building, a room and spiritual – its inhabitants' microclimate. Consequently, the external look of the building is

directly connected with the characters' features inhabiting it.

Key words: maison, M. Duras, family, French literature.

С самого детства, с того момента как человек начинает ощущать Себя, он мыслит себя в связи со своим «домом». С детских лет, сначала в виде игры, мы строим домики, шалаши или другие «жилища», которые представляют собой небольшое замкнутое пространство, отделенное от внешней среды. Это то самое место, где можно укрыться от внешних раздражителей и чувствовать себя защищенным.

Этимология французского слова «maison» («дом») происходит от латинского глагола «maneo, mansi, mansum, manere», со значением «оставаться», «останавливаться для отдыха или ночлега», «продолжаться, длиться, сохраняться» [2, с. 469]. Таким образом, изначально французское «maison» обозначало место, где можно задержаться на долгое время, для отдыха или ночлега, – жильё. В современном французском языке существуют такие определения понятия «maison»: 1) *bâtiment d'habitation; bâtiment construit pour loger une seule famille* [9, с. 1492] (здание для проживания); 2) *ensemble des lieux que l'on habite où l'on vit* [8, с. 977] (совокупность мест, где проживают или существуют); 3) *ménage, administration des affaires domestiques* [8, с. 977] (хозяйство, управление домашними делами). Необходимо уточнить, что «хозяйство» понимается как «прислуга, челядь», то есть люди, совместно проживающие в одном помещении и осуществляющие его функционирование.

Лексико-семантическое поле понятия «maison» составляют, в частности, такое слово как «foyer» (очаг), которое имеет дефиниции «*domicile familial*» [8, с. 637] (семейное жилище) и «*lieu où on se réunit pour se distraire, discuter*» [8, с. 637] (место, где собираются, чтобы развлечься, побеседовать), а также выражение «*chez-soi*», со значением «свой дом, свой угол», если дословно «у себя». Следовательно, «дом» в понимании франкофонов – это не только место для жилья или приятного времяпрепровождения, но и люди, населяющие жилище, сохраняющие его микроклимат. «La maison» («дом») – это также микромодель французского общества, которая отражается в таких дефинициях как «*établissement commercial, financier, industriel*» [8, с. 977] («коммерческое учреждение») или «*famille noble, famille régnante*» [8, с. 977] («семья знатного происхождения, правящая семья»).

Интеграционные процессы современного научного пространства позволяют рассматривать объект литературного исследования с разных позиций в рамках гуманитарного знания: с философской, культурологической, психологической точек зрения. Нам представляется интересным изучить содержательную составляющую понятия «дом» в контексте западноевропейской, а именно французской, культуры прошлого столетия, на примере романного творчества М. Дюрас. Ее произведения, имеющие автобиографическую основу, пронизаны глубоким психологизмом, как на сюжетном, так и на внутреннем содержательном уровне (отступления, характеристика и взаимоотношения персонажей).

Е. В. Шутова рассматривает понятие «дом» в западноевропейской культуре как «точку» высокой концентрации человеческого существования, как «место локализации гуманистической модальности его бытия» [7]. Ученый утверждает, что «дом» – это «остановка на пути экзистенциального путешествия в поисках себя.

««Дом» представляет обретенную форму покоя, место для самоопределения, полагания своих границ в своем образе жизни и мыслей» [7].

В начале XX века в западноевропейской цивилизации проявились кризисные явления культурных и ценностных основ: утратилось равновесие между человеком и природой, культурой и цивилизацией.

С. Н. Рымарович связывает такие изменения с распространением в этот период утилитарных жизненных приоритетов, с увеличением количества городов, исчезновением сел, ускоренными темпами развития массового общества и массовой культуры, исчезновением религиозности и почитания культурных традиций. Изучив труды таких мыслителей как О. Шпенглер, З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, исследователь делает вывод о том, что специфика Нового времени с ее рациональным и индивидуалистическим мышлением породила «десакрализацию» мира и дома [6]. Например, немецкий философ О. Шпенглер сравнивает современную ему цивилизацию с машиной и все процессы, которые в ней происходят – это не что иное, как действия машины. В подобном обезчеловечивании он видит трагизм своего времени.

Помимо этих общих тенденций эпохи большое влияние на восприятие «дома» имела колониальная политика некоторых западных стран, в том числе и Франции. Европейские переселенцы в колониях даже в самой благоприятной ситуации не ощущали себя дома. Французская писательница Маргерит Дюрас сама провела детство и юность в колониях и описывает жизнь своих соотечественников как тягостную, полную тоски и желаний вернуться домой в метрополию. В романе «Любовник» она пишет: «Дама в то время возобновила у себя приемы... И снова стала устраивать вечера, которые необходимы, чтобы люди могли время от времени видеться, чтобы они хоть иногда вырывались из одиночества, неминуемого в затерянных среди нескончаемых рисовых полей факториях, среди страха, безумия, лихорадки, забвения» [3]. У белых жителей колоний сформировалась так называемая «идеология переселенца», когда родные дом, земля и природа, теряют свою значимость, нарушается гармония человека с природой, утрачиваются «корни». Таким образом «дом» воспринимается как норма жизни, традиция, целостная культура, а разрыв традиционного уклада, оторванность человека от своей культуры рассматривается Е. В. Шутовой как «бездомье».

«Примечательно, что как этнографы, так и психологи отмечают устойчивую связь между образом дома и человеком. Характер этой связи остается невыясненным, но, безусловно, он принадлежит к очень глубоким слоям психики и является наднациональной особенностью» [5, с. 20]. Так, О. Шпенглер, говоря о праформе дома, определял ее как органичную и распознаваемую бессознательно: «...она внутренне есть нечто само собой разумеющееся, и все черты изначальных обычаев и формы существования, супружеской и семейной жизни, организации племени имеют точное свое подобие в плане дома и в основных его помещениях... Достаточно сравнить устройство древнесаксонского и римского домов, чтобы почувствовать, что душа людей и душа их дома – одно и то же» [6].

М. Хайдеггер считал, что человек существует в двух «Домах». Один «Дом» внешний, материальный, социальный – оболочка. Другой – внутренний является настоящим «Домом», индивидуальной экзистенцией

духа, подлинным существованием. Австрийский философ М. Бубер считал подлинным «Домом» человеческие отношения, а не строение, в котором люди проживают. З. Фрейд, анализируя сновидения, утверждал, что постоянным и типичным изображением в них является дом. К. Г. Юнг придавал большое значение архетипу дома в жизни каждого человека. Он отождествлял «Дом» с архетипами «Семья», «Ребенок», «Мать», «Отец». Следовательно, устройство жилища напрямую связано с характерами индивидов, которые в нем проживают. Так французский философ Г. Башляр утверждает, что «дом и есть наш угол мира. Он есть... наш первый мир» [1, с. 2]. Содержание домашнего пространства, связанное с внутренним миром его обитателей: личные комнаты, потайные комнаты, коморка под лестницей, характеризуются метафорически, их описания напрямую связаны с их хозяином.

У М. Дюрас дом всегда соответствовал психологическому состоянию живущих в нем людей. В «Модерато кантабиле» это огромный старый пустынный дом, где постоянно слышен скрип вековых деревьев и больше ничего не происходит. Он похож на тюрьму и точно соответствует чувству одиночества и внутренней скованности главной героини. Дом здесь мыслится как склеп. В «Плотине против Тихого океана», дом главных героев бедный, но чистый и гостеприимный: нищие, бездомные, убогие всегда могут найти в нем приют и помощь. В «Увлечениях Лолы В. Штейн» дом Лолы – это аккуратное идеально обустроенное жилище, где все расставлено с геометрической точностью, даже сад высажен ровными квадратами и треугольниками. Такая педантичность в обстановке точно передает нестабильное психическое состояние главной героини. Таким образом, описание конкретного строения в литературе напрямую связано с чертами характера персонажей.

Итак, понятие «дом» в восприятии западноевропейской культуры XX века представлено на двух уровнях: внешнем – строение и внутреннем – домашний «климат», который соответствует характеру его обитателей.

Французская лексема «maison» («дом») также соответствует философским и культурологическим представлениям, составляющим исследуемое понятие. Такое восприятие «дома» отражено и во французской художественной литературе XX века.

Список использованных источников

1. Башляр Г. Дом от погреба до чердака. Смысл жилища [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/09.pdf> (дата обращения 20.02.2019).
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: 5-е изд. М.: Русс.яз., 1998. 846 с.
3. Дюрас М. Любовник. М., 1984. 83с.
4. Дюрас М. Плотина против Тихого океана. М., 1987. 134 с.
5. Кончакова С. В. Образ дома в романе Ч. Диккенса «Тайна Эдвина Друда» [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ, вып. 5 (109). – Тамбов: ТГУ, 2012. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/obraz-doma-v-romane-ch-dikkensa-tayna-edvina-druda> (дата обращения 20.02.2019).
6. Рымарович С. Н. Идея дома в философии культуры XX века: основные подходы [Электронный ресурс] // Учёные записки Курского государственного университета. — № 2 (26). – Курск: КГУ, 2013. — Режим доступа: <https://>

elibrary.ru/item.asp?id=19084866 (дата обращения 20.02.2019).

7. Шутова Е. В. «Дом» и «Бездомье» человека: терминальный статус и формы бытия в культуре [Электронный ресурс] // Вести Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Филос. — № 1 (13). — Волгоград, 2011. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/dom-i-bezdomie-cheloveka-terminalnyy-status-i-formy-bytiya-v-kulture> (дата обращения 20.02.2019).

8. Dictionnaire Hachette. Paris: Hachette Livre, 2007. 1812 p.

9. Petit Robert. Paris: Dictionnaire Le Robert, 1967. 2840 p.

УДК 811.133.1

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ПРОЕКТА В РАЗВИТИИ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ

И. В. Шубаева,

*старший преподаватель кафедры романской и классической филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данное исследование посвящено актуальной проблеме использования проектной методики в обучении монологической речи на французском языке. Целью работы является изучение применения проектной деятельности в развитии монологическому высказыванию на французском языке. В решении поставленных задач были использованы следующие методы: анализ научно-теоретической литературы, опытно-экспериментальная апробация разработки проекта учебного занятия. Проектная технология ориентирует обучающихся на самостоятельную деятельность и позволяет им самим решать поставленные задачи в определенной ситуации. Полученные результаты исследования могут служить основой для дальнейшего изучения проектной технологии в обучении диалогической речи на французском языке.

Ключевые слова: монологическая речь, педагогический проект, коммуникативная компетенция, информационный, исследовательский, практико-ориентированный, ролевой, творческий типы проектов.

Summary. This study is dedicated to the topical problem of using the project methodology in teaching monological speech in French. This research is devoted to a current problem of using the project methods in teaching the monological speech in the French language. The purpose of the work is to study the usage of the project activities in the development of the monological statements in French. To solve the formulated tasks the following methods were used: the analysis of scientific-theoretical literature, experimental approbation of the work-out of the project of the lesson. The project technology focuses students' attention on the independent activities and allows them to solve the defined tasks in a certain situation themselves. The received results of the research can form a basis for further studying the project technology in teaching the dialogical speech in the French language.

Key words: monological speech, pedagogical project, communicative competence, informational, research, practice-oriented, role-playing, creative types of projects.

«La parole n'a pas été donnée à l'homme, il l'a prise»
Louis Aragon. *Le Libertinage*.

«Деятельностный подход», определенный в монографии «Общевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» как один из основополагающих методов в обучении иностранных языков [4, с. 15], подводит педагога если не к приоритетному использованию, то, по крайней мере, к сосредоточению на коммуникативных задачах и деятельности, в которой обучающиеся должны вести себя как настоящие социальные актеры в пространстве, даже в таком, как класс. Эффективной формой деятельностного подхода является проектный метод, который и обеспечивает решение задачи по объединению учебной деятельности и социальной.

Обучение устной речи служит «развитию личности, обогащению её отношений с другими и пониманию общества, которое её окружает» [5]. Развитие монологического высказывания на среднем этапе обучения заключается в совершенствовании коммуникативных навыков иноязычного общения, что позволяет организовать самостоятельную познавательную деятельность обучающихся, научить их логически излагать и доводить свои мысли до слушателя.

Определение понятия «монологическая речь» далеко неоднозначно. «Монологическая речь — это форма речи, которая должна соответствовать речевой задаче, быть непрерывной и логичной, иметь смысловую завершенность и самостоятельный характер, обладать выразительностью» [3, с. 172].

М. Грандати называет «монологическое высказывание» длительной, продолжительной, прерываемой или мало прерываемой, самостоятельно построенной и управляемой речью» [6, с. 111]. Французский исследователь, ссылаясь на Э. Руле, «различает следующие виды монологической речи: высказывание одного говорящего (*monologal*); монологическое высказывание одного говорящего, исключаящее или не берущее во внимание выступление другого лица (*monologique*); высказывание, подразумевающее выступление другого лица, которое воспринимается другими собеседниками как «монологическая пауза», с соблюдением времени самими собеседниками (*monogéré*)» [6, с. 112].

Существуют несколько уровней формирования умений монологической речи у обучающихся: *репродуктивный*, *репродуктивно-продуктивный* и *продуктивный*. Методика обучения на *репродуктивном* уровне речи состоит в том, что задания должны помогать обучающимся и по содержанию, и по форме высказывания. На *репродуктивно-продуктивном* уровне преподаватель дает обучающимся только «опоры (языковые, речевые, содержательные)» [3, с. 177]. На *продуктивном* уровне обучающийся самостоятельно, без опор, должен воспроизвести речь при помощи «стимулов» (многочисленных прослушанных или прочитанных текстов).

Для эффективной организации этапа по формированию и совершенствованию монологической речи может использоваться «метод проекта». Еще в XVIII веке зарождается концепция педагогического проекта в произведении Ж.-Ж. Руссо «*Эмиль, или О воспитании*». Автор трактата считал, что при передаче знаний ученику важно не только учитывать его опыт и интересы, но и организовать этого ученика так, чтобы он взял сам на себя ре-

шение этой задачи. Философ подчеркивает эффективность обучения через деятельность и значение труда в воспитании: «*Jeunes maîtres, pensez, je vous prie, à cet exemple, et souvenez-vous qu'en toute chose vos leçons doivent être plus en actions qu'en discours*» [9, с. 133].

Наиболее полное определение «педагогического проекта» представлено в исследованиях Кр. Пюрана. Ученый рассматривает данную технологию как «деятельность, которая:

- побуждает преподавателя к реализации не только проектной методики, но и дифференцированного обучения;
- предусматривает навыки работы с аутентичным материалом;
- использует методы коммуникативного и деятельностного подходов;
- имеет определенный уровень сложности;
- коллективно разрабатывается, выполняется и оценивается;
- имеет определенную степень самостоятельности;
- сопровождается выполнением различных задач;
- требует мобилизации ресурсов (знаний и компетенций);
- предусматривает привлечение участников (обучающихся);
- включает ответственность участников (обучающихся) и их размышление над этим процессом;
- приводит к конкретному коммуникативному высказыванию;
- представляет социальный интерес для класса (микро-сообщества) и внешнего сообщества» [7].

В настоящее время ученые рассматривают различные классификации учебных проектов. Так, французские исследователи принимают во внимание классификацию проектов по двум признакам: *продолжительность проекта; характер проекта* (аутентичный и виртуальный) [8].

Тогда как в системе российского образования за основу принята классификация проектов Е. С. Полат по следующим типологическим признакам: «1. *Доминирующая в проекте деятельность*: информационный, исследовательский, практико-ориентированный, ролевой, творческий проекты с четким определением результата проектной деятельности. 2. *Предметно-содержательная область*: моно- и межпредметный проект. 3. *Характер координации проекта*: непосредственный и скрытый. 4. *Характер контактов*. 5. *Количество участников проекта*. 6. *Продолжительность проекта*» [2, с. 71–76].

Организация познавательной деятельности обучающихся зависит от типов проектов. Так, *информационный* тип проекта требует от участников поиска, анализа и обобщения фактов, полученных в результате изучения материала. В связи с этим, требуется хорошо продуманная структура проекта, включающая его оформление и презентацию.

В *исследовательском* типе проекта нужно обозначить не только четко продуманную структуру, но актуальность и социальную значимость выбранной проблемы, определить предмет, объект и методы исследования, поставить цели и задачи. Выполнение проекта предполагает выдвижение гипотез, разработку путей решения проблемы, обсуждение выводов и оформление результатов исследования, формулирование проблем для дальнейшего исследования.

Практико-ориентированный проект определяет изначально результат деятельности обучающихся, который ориентирован на социальные интересы самих участников. Этот проект предусматривает детально продуманную структуру, определение функций деятельности всех участников, четкие выводы и оформление результатов с участием каждого.

Ролевой тип проекта не требует четкой структуры, которая может изменяться вплоть до окончания работы. Участники исполняют определенные роли (литературные персонажи или вымышленные самими участниками герои), соответствующие характеру и содержанию проекта. Результаты проекта могут определяться либо в начале его выполнения, либо в самом конце работы.

В *творческом* проекте не существует четкой структуры совместной деятельности. Обучающиеся заранее договариваются только об оформлении результатов проекта.

Для успешной реализации проектной деятельности и обеспечения ее эффективности, следует в строгой последовательности выполнять определенные этапы с четко поставленными целями. Алгоритм по решению ряда проблем рассмотрим по Н. Н. Куровой [1, с. 30–34] на апробированной проектной работе студентов второго курса Института иностранной филологии, изучающих французский язык как основной. Тема проекта «*La cuisine française*» соотносится с темой учебной программы базового курса. Лозунгом проекта является цитата «*La bonne cuisine, c'est l'art de vivre à la française*». Данный проект представляет собой сочетание информационного, творческого и игрового типов. Поскольку работа предусматривает интеграцию дисциплин «Французский язык» и «Лингвокультурология французского языка», то проект является межпредметным. Координация проектной деятельности осуществлялась непосредственно преподавателем и носила гибкий характер. По количеству участников проект относится к групповому типу. Срок реализации проекта составил 2 недели.

На *первом «проектно-целевом» этапе* формулируются проблема, определяются цели, задачи, тема и форма проекта. Целью настоящей проектной деятельности является развитие монологического высказывания по теме «*La cuisine française*». Главная цель определила постановку *конкретных задач* по формированию компетенции коммуникативной: *коммуникативной* (изучить особенности французской кухни, составить и рассказать историю происхождения блюд «*La soupe au fromage*», «*Une pièce montée*», «*La quiche lorraine*», «*Fondant au chocolat*»; определить и понять основные этапы их приготовления); лингвистической (расширить лексический запас по теме «*Alimentation*»; использовать глаголы в повелительном наклонении, частичный артикль; понимать значение фразеологических выражений с компонентом); речевой, позволяющей развивать умения и навыки обучающихся во всех видах речевой деятельности: чтении; говорении (осуществлять монологическое высказывание по теме «*La gastronomie française*»); аудировании; письме (составлять рецепт); осуществлять интерактивную деятельность и медиацию; прагматической (приготовить блюдо по рецепту; снять на видео приготовление блюда; создать мультимедийные презентации с помощью компьютерной программы Sony Vegas Pro; воспроизвести монолог); *социокультурной* (ознакомиться с традиционными блюдами французской кухни; с устойчивыми выражениями и историей их происхождения);

когнитивной (воспроизводить и синтезировать просмотренное, прослушанное, увиденное); по *медиаграмотности* (анализировать различные элементы жанра передачи; разбить звуковую дорожку); *экзистенциальной* (работать в группе).

Для участия в виртуальной кулинарной передаче «*Un dîner presque parfait*», включающей «Кулинарный» и «Лингвистический» конкурсы, студенты делятся на две команды «Pêlemêle» и «Les petits choux» и обсуждают с преподавателем распределение обязанностей.

Второй этап «разработки сценария и технического задания» предполагает: обсуждение содержания проекта и его объема; распределение ролей для всех участников проекта; определение сроков выполнения работ. Перед обучающимися ставится задача разработать совместно с преподавателем сценарий проведения «Кулинарного конкурса». Участники должны подготовить мультимедийные презентации по истории возникновения приготовленных блюд и видео-рецепты, созданные с помощью компьютерной программы Sony Vegas Pro. Определяются функции самого преподавателя: разработка сценария проведения кулинарной передачи «*Un dîner presque parfait*» и критериев оценивания конкурсов, составление для них заданий.

На *третьем этапе* осуществляется *реализация проекта* всеми участниками (сбор информационного материала, анализ; подготовка мультимедийных презентаций; контроль преподавателем деятельности обучающихся и срока исполнения проекта). Преподаватель разрабатывает сценарий проведения кулинарной передачи и критерии оценивания конкурсов, составляет для них задания. Задания конкурса ориентированы на овладение всеми видами речевой деятельности, включая упражнения на развитие репродуктивной (*reproduire le dialogue «Il faut que je fasse un régime?»*), репродуктивно-продуктивной («*Ecouter des fragments des chansons et trouver le titre et l'interprète de chaque chanson*») и продуктивной речи («*Imaginer un monologue. Utiliser une expression imagée de votre choix*»).

На *четвертом этапе* преподаватель организывает *предварительный просмотр и прослушивание* выполняемого проекта с целью рекомендовать устранения недостатков, как в самой информации, так и в речи участников. Педагог акцентирует внимание на содержание и внешний вид презентаций, на корректность монологического высказывания обучающихся. Определяется окончательная форма проекта.

На *пятом этапе* проходит *публичная защита проекта*. Обучающиеся становятся участниками виртуальной кулинарной передачи. Преподаватель объявляет членов жюри и озвучивает критерии оценивания конкурсов (креативность и качество мультимедийной презентации и приготовленного блюда; корректность выполнения на время заданий «Лингвистического конкурса»). Итогами работы проекта стали «Кулинарный» и «Лингвистический» конкурсы.

На *заключительном, шестом этапе* проходит дегустация приготовленных блюд, подсчитываются результаты работы двух команд. Побеждает группа, которая набирает большее количество баллов.

Выводы. Реализация метода проектов на практике ведет ко многим изменениям. Педагог становится организатором познавательной деятельности студентов. Изменению подлежит психологический климат в группе, препо-

даватель переориентирует свою учебно-воспитательную работу и работу обучающихся на приоритет деятельности исследовательского, поискового, творческого характера. Проектная деятельность повышает творческий потенциал и мотивацию обучающихся, так как выходит за рамки традиционного учебника и предусматривает внедрение новых технологий (информационно-коммуникационных, мобильных приложений, междисциплинарных знаний) в преподавании и обучении.

Список использованных источников

1. Курова Н. Н. Проектная деятельность в развитой информационной среде образовательного учреждения: Учеб. пособие для системы доп. проф. образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ict.edu.ru/ft/005136/intrn_3.pdf (дата обращения 12.02.2019).

2. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: «Академия», 2005. 272 с.

3. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. М.: Просвещение, 2002. 239 с.

4. Cadre européen commun de référence pour les langues – Apprendre, enseigner, évaluer (CECRL) [Ressource électronique] // Les Éditions Didier, Paris. 2001. – Mode d'accès: URL: <http://rm.coe.int/16802fc3a8> (дата обращения 10.02. 2019).

5. De Grandpré M., Lafontaine L., Plessis–Bélaire G. L'oral pragmatique: un objet d'enseignement/apprentissage nécessaire pour faciliter l'entrée des élèves dans le monde scolaire [Ressource électronique] // Les Dossiers des sciences de l'éducation. – 2016. – №36. – Mode d'accès: URL: <https://journals.openedition.org/dse/1334?lang=en> (дата обращения 12.02. 2019).

6. Grandaty M. Elaboration à plusieurs d'une conduite d'explication en sciences, au cycle 2 [Ressource électronique] // Repères. – 1998. – №17. – Mode d'accès: URL: http://ife.ens-lyon.fr/publications/editionelectronique/reperes/IN_RPRS017_7.pdf (дата обращения 16.02.2019).

7. Puren Chr. Mettre en oeuvre la pédagogie de projet dans un contexte interdisciplinaire au collège. Approche historique, problématiques actuelles (diaporama pdf) [Ressource électronique]. – Mode d'accès: URL: <http://www.christianpuren.com/mes-travaux/2017c/> (дата обращения 12.02.2019).

8. Robert J.–P. Faire classe en FLE – Comment organiser un cours ? [Ressource électronique]. – Mode d'accès: URL: <http://jeanpierrerober.fr/wp-content/uploads/2011/09/maqPEDA-B.pdf> (дата обращения 12.02.2019).

9. Rousseau J–J. Émile ou de l'éducation [Ressource électronique] // Paris: Garnier Frères. – 1964. – Mode d'accès: URL: http://www.acgrenoble.fr/PhiloSophie/old2/file/rousseau_emile.pdf (дата обращения 16.02.2019).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.14'06–311.6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СПИРОСА ПЛАСКОВИТИСА

О. Н. Александрова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Цель статьи «Политические взгляды Спироса Пласковитиса» – анализ отражения политической борьбы против тирании, политических стереотипов и причин насилия над личностью в Греции и в современном мире после Второй мировой войны в творчестве греческого писателя Спироса Пласковитиса (Σπύρος Πλασκοβίτης, 1917–2000). Исследование проводится при помощи социологического и исторического подходов и методов символической интерпретации и тщательного прочтения. Основные результаты заключаются в выявлении политических взглядов Спироса Пласковитиса.

Ключевые слова: новогреческая литература второй половины XX века, Спирос Пласковитис.

Summary. The article is devoted to the analysis of the reflection of political struggle against tyranny, political stereotypes and causes of personal violence in Greece and in the modern world after World War II in the works of the Greek writer Spiros Plaskovitis (Σπύρος Πλασκοβίτης, 1917–2000). The research is carried out with the help of sociological and historical approaches and methods of symbolic interpretation and careful reading. The main results consist in revealing the political views of Spiros Plaskovitis.

Key words: Modern Greek literature of the second half of the XX century, Spiros Plaskovitis.

Политические взгляды современного греческого писателя Спироса Пласковитиса (Σπύρος Πλασκοβίτης, 1917–2000) во многом были обусловлены его профессиональной и политической деятельностью – юрист по образованию, депутат Европарламента, он рассматривал свое творчество как возможность обсудить с читателями самые важные проблемы, стоящие как перед Грецией, так и перед Европой. Более того, в своем интервью журналисту газеты «Свободная пресса» («Ελευθεροτυπία») писатель утверждал, что у человека, живущего в политизированном обществе нет иного выбора, он вынужден иметь дело с политикой: «άνθρωπος που ζει σε μία κοινωνία, η οποία συνταράσσεται από πολιτικά και κοινωνικά γεγονότα δεν έχει άλλη επιλογή από το να ασχοληθεί με αυτά» [7, с. 7].

Истинный демократ Пласковитис разделяет коммунистический тезис об ангажированности интеллигенции, он был убежден в том, что каждый писатель несет личную ответственность за каждое слово в каждом своем произведении из-за того, что искусство обязательно вносит в социум педагогическую составляющую. Он высказывает парадоксальную на первый взгляд мысль – даже плохие книги влияют на читателей: «Если плохие книги написаны, они будут прочитаны» («Αν γράφονται άσχημα βιβλία, τότε αυτά θα

διαβάζονται») [3, с. 20].

Для Пласковитиса эта ответственность приобретает тем большее значение, чем больше политика начинает вмешиваться как в жизнь граждан его страны, так и в его собственную. Писатель прекрасно понимал, что подобное вмешательство может принимать форму социального и государственного давления не только на отдельно взятую личность, но и на целые слои населения, подвергать общество цензуре, особенно это затрагивает искусство и писательский труд: «Я не хочу сказать, что оно (вмешательство – О. А.) служит или должно служить определенным социальным целям, или даже более того, что оно может подчиняться проверкам» («Δεν θέλω να πω ότι εξυπηρετεί ή πρόκειται να εξυπηρετεί ορισμένες κοινωνικές σκοπιμότητες, ή ακόμη περισσότερο, ότι μπορεί να υπακούσει σε επιταγές.») [6, с. 8].

Казалось бы, разрешение этой проблемы Спирос Пласковитис мог найти в своей основной профессии, в юриспруденции, но он не верил в торжество справедливости прежде всего из-за того, что слишком часто наблюдал нарушение законов в повседневной жизни: «Закон — не справедливость, он может даже стать для нее препятствием» («Ο νόμος δεν είναι δικαιοσύνη, μπορεί μάλιστα να' ναι και κι εμπόδιο γι' αυτή») [2, с. 36].

Возможно, греческий писатель разделял взгляды английских социалистов-фабианцев, таких как Герберт Уэллс и Бернард Шоу, полагавших, что этот мир невозможно улучшить, но необходимо неукоснительно выполнять свой долг. «... Я никогда не верил в закон, в то что это он метафизически действительно выражает справедливость. Но я полагал, что сотрудник правоохранительных органов, если он является информированным человеком и личностью, может сделать закон по-настоящему человеческим. И уж точно нельзя оставить его (закон – О. А.) как оружие в руках невежественных и реакционных людей любого времени» («...Δεν πίστεψα ποτέ στο νόμο ότι είναι κάτι το μεταφυσικό και εκφράζει πράγματι τη δικαιοσύνη. Πίστεψα όμως ότι ο εφαρμοστής του όποιου νόμου, αν είναι ένας πληροφορημένος και αληθινός άνθρωπος, μπορεί να τον κάνει το νόμο αληθινά ανθρώπινο. Και οπωσδήποτε να μην τον αφήσει σαν όπλο στα χέρια των αδαών και των αντιδραστικών κάθε εποχής») [2, с. 36].

Разочаровавшись в возможностях законов повлиять на современное общество, Пласковитис решает заняться политикой и начинает принимать активное участие в работе одной из наиболее популярных в Греции политических партий – Всегреческом социалистическом движении или, как чаще греки называют эту партию левоцентристского толка, созданную Андреасом Папандреу – «ПАСОК» (Πανελλήνιο Σοσιαλιστικό Κίνημα, ΠΑ.ΣΟ.Κ.).

Писателю импонировало то, что политики, стоявшие у руля этой партии, были во главе восстания против хунты Черных полковников, что именно эта партия несколько раз побеждала на выборах, и то, какие планы строились ими на экономическое и политическое развитие Греции. Спирос Пласковитис с головой погружается в политическую жизнь страны. Он выступает в суде над Черными полковниками, рассказывая о своем аресте и пытках, которыми подвергали и его самого, и его товарищей в почти пятилетнем заключении в одном из концентрационных лагерей, открытых на некоторых островах Греции во время правления хунты. Он дважды избирается в Государственный Совет

Греции, где оказывается весьма востребованным как юрист и занимается юридическим редактированием государственных документов, принимает участие в создании новой Конституции, даже пишет и публикует книгу «Предложения по демократической Конституции» («Προτάσεις για ένα Δημοκρατικό Σύνταγμα», 1975). Немалую роль сыграл Пласковитис в окончательном закреплении народной димотики в качестве государственного языка, собственноручно переводя с кафаревусы многие официальные документы.

В 1977 году Спирос Пласковитис избирается депутатом Европарламента, где его политическая карьера складывается более чем удачно: он становится вице-президентом Бюро Европейского парламента и председателем Социалистической группы.

Это было время объединения Европы в единый союз. Пласковитис был полон энтузиазма и надежд, он верил в безграничные возможности европейцев в реорганизации мира, в политическое, мирное разрешение любых международных конфликтов. Он пишет: «Я верю, что на всех идеологических пространствах есть честные люди. Усилия, предпринимаемые каждым депутатом Европарламента, который достойно представляет свою страну, состоит в том, чтобы тщательно изучив вопрос, объективно и аргументировано изложить проблему» («Πιστεύω ότι υπάρχουν έντιμοι άνθρωποι σ' όλους τους ιδεολογικούς χώρους. Οι προσπάθειες που κάνει κάθε ευρωβουλευτής, εκείνος που εκπροσωπεί ελάχιστα τη χώρα του, είναι να μπει μέσα σ' αυτό το χώρο με τρόπο πειστικό, τοποθετώντας τα πράγματα αντικειμενικά και με επιχειρήματα») [4, с. 33].

Но в конце-концов, Пласковитис начинает понимать, что слишком многие политики в Греции остановились в своем развитии, удовольствовавшись победой над диктаторским режимом, их жизнь стала напоминать бег белки в колесе: сессии в парламенте, участие в различных комиссиях, выборы, политические интриги и слишком частый компромисс с политическими противниками. Особенно вызывала раздражение писателя попытка, как он считал, «евангелизирования», возведения в ходе политической борьбы в абсолют мнения единственного бессменного лидера партии Андреаса Папандреу, что нарушало демократические принципы, по которым должно было бы строиться греческое общество.

Все большее недоверие у писателя начинала вызывать идея создания на территории Европы единого квазигосударства, пренебрежение руководством Евросоюза национальными интересами отдельных стран.

В 1989 году, неожиданно для многих, Спирос Пласковитис полностью порывает с политической деятельностью, решив посвятить себя только творчеству.

Греческие литературоведы отмечают, что творчество Спироса Пласковитиса приобретает четкий идеологический характер только после падения диктатуры в Греции, что это обращение писателя к политике не столь традиционно, как кажется.

Большинство писателей «Поколения 30-х», к которым относят и Пласковитиса, сознательно не обращались в своих произведениях к социальным проблемам, предпочитая критиковать недостатки жизни верхушки греческого общества. Сам писатель нередко отмечал, что они избегали заниматься политикой, не выдвигали возражений, если политика правящих кругов им не нравилась, не реагировали на злоупотребления властью.

Для Пласковитиса жизнь греческого высшего света никогда не представ-

ляла никакого интереса, он «рассматривал истеблишмент как форму тоталитаризма» («το κατεστημένο το βλέπω σαν μια μορφή ολοκληρωτισμού») [5, с. 7]. Писатель полагал, что создаваемая ими элитарная культура и литература не отвечают запросам общества. «В новогреческой литературе в 60-х годах XX века преобладало скептическое отображение экономических, социальных и политических реалий несмотря на кажущееся благоденствие страны» [1, с. 42]. Писатели предпочитали изображать не социальные, а семейные проблемы, глубоко погружаться в психологические терзания своих персонажей.

Представители власти и аристократии никогда не были для греческого писателя олицетворением греческого государства и греческой культуры хотя бы потому, что их преимущества перед народом заключались в деньгах и хорошем образовании. Но он понимал, что именно они нередко создают общественное мнение. Этой элитарной культуре писатель всегда противопоставлял «наследственный интеллект», свойственный народному творчеству.

Пласковитис чрезвычайно гордился свободолюбием своего народа, подчеркивая его дружелюбие и умение сочувствовать людям разных национальностей. Но для него это не значило неразборчивости и всепрощения, он полагал, что греки могут оказывать помощь любому политическому беженцу, только не тирану и не политическому преступнику. В одной из своих статей писатель сказал, что его Родина никогда не предоставит убежище ни одному Пиночету.

Для него навсегда истинная демократия осталась воплощением закона, закона справедливого и справедливо примененного.

Список использованных источников

1. Банах Л. С. Многозначность смыслового плана аллегории в романе Спироза Пласковитиса «Плотина» // Культура народов Причерноморья. – 2013. – №93. – С. 42–45.

2. Βιδάλης Γ. Μέσα από τη βιτρίνα της Ελλάδας, // Κυριακάτικη Ελευθεροτυπία. 1990. С. 36

3. Γουδέλης Τ. Γύρω από την πεζογραφία // Το Δέντρο. 1992. С. 20.

4. Κοντράρου-Ρασσία Ν. Αν ξαναζούσα θα έκανα πάλι τα ίδια // Ελευθεροτυπία. 2000. С. 33.

5. Το «κατεστημένο» και τι είναι // Ταχυδρόμος. 1973. С. 7.

6. Χατζηβασιλείου Β. Αφιέρωμα — Το δικαίωμα να σκεφτόμαστε την ελευθερία μας, Βιβλιοθήκη. 2001. С. 8.

7. Ψυρράκης Β. Κατεστημένο οι δοσίλογοι της χούντας // Ελευθεροτυπία. 1977. С. 7.

УДК 821.112.2

РОЛЬ «ЖЕНСКОГО ОБРАЗА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. ШЛИНКА

Е. А. Анিকেева,

старший преподаватель кафедры иностранных языков №2,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Данная статья является первой из цикла научных исследований, посвящённых изучению роли женских образов в произведениях

Б. Шлинка. Целью данной статьи является составление типологии женских образов, выведенных на страницах романа Б. Шлинка «Чтец». Делается вывод о том, что все героини романа могут быть разведены на две группы: та, которой отведено центральное место в сюжете, наравне с главным героем, и те, образы которых лишь фоново присутствуют в тексте. В исследовании используются следующие методы: психологический, биографический, историко-культурный.

Ключевые слова: Б. Шлинка, «Чтец», немецкая литература XX века, женские образы.

Summary. The purpose of this article is to compile a typology of female images displayed on the pages of B. Schlink's novel "The Reader". It is concluded that all the heroines of the novel can be divided into two groups: the ones who are given a central place in the plot, along with the main character, and those whose images are only a background in the text. The study uses the following methods: psychological, biographical, historical and cultural.

Key words: B. Schlink, "Reader", German literature of the twentieth century, female images.

Актуальность. Осмысление немецкими писателями причин и последствий Второй мировой войны вызывает устойчивый интерес читательской аудитории далеко за пределами этой страны. Особенно выделяется имя Бернхарда Шлинка, автора романа «Чтец», который стал международным бестселлером, был переведен на тридцать девять языков мира и удостоился множества литературных премий и наград. Имя Шлинка литературоведы ставят в один ряд с именами Г. Гессе, Г. Белля, Г. Грасса, П. Зюскинда и других авторов, принесших немецкой литературе XX века всемирную славу.

Цель работы – исследовать типологию и роль женских образов в романе Б. Шлинка «Чтец», а также выявить способы их художественного воплощения.

Первый женский образ в данном романе, с которым нас знакомит автор, – образ матери главного героя Михаэля Берга. Редкое повествование о детстве в русской или мировой литературе обходится без упоминания матери. И зачастую этот образ архетипичен, поэтому практически лишен детальных описаний. Он апеллирует к образу матери, сложившемуся у читателя, и поэтому является открытым для наполнения с его стороны теми чертами и ассоциациями, которые дороги лично ему. В романе «Чтец» мать для героя – воплощенная любовь и забота. Она ухаживает за своим больным сыном, а он воспринимает ее любовь как нечто вполне естественное, само собой разумеющееся. Образ матери не имеет ни развития, ни эволюции, появляясь эпизодически лишь в самом начале и в конце повествования.

Образ Ханны Шмиц – взрослой возлюбленной юного героя – кардинально отличается от образа его матери. Поначалу он также лишен конкретики, но причины у этого совершенно иные. Ее красоту, вызвавшую любовь героя, Шлинка описывает так, чтобы читателю хватало простора для личной фантазии: «Когда я вызываю ее теперь из своей памяти, то вижу безликой. Чтобы восстановить ее черты, приходится делать усилие. <...> Знаю, что она казалась мне красивой. Но самой красоты не помню» [2, с. 15].

По ходу развития сюжета образ Ханны конкретизируется, обрастает подробностями, в нем проступают индивидуальные, интимные и даже эротиче-

ские черты, поэтому перед читателем предстает уже не абстрактный персонаж, как в случае с образом матери, а вполне живой, из плоти и крови. Сам Шлинк отмечал, что у Ханны был реальный прототип – член нацистской партии, одна из обвиняемых в причастности к истреблению узников концлагеря. Однако история Хермины Браунштайнер стала всего лишь толчком для творческой фантазии писателя, который не перенес ее черты на героиню романа [1, с. 31].

Размышляя впоследствии над феноменом Ханны, поразившей его в ранней юности, герой осознает, что «дело было не столько в ее внешности, сколько в движениях и пластике <...> Она была гибкой, грациозной, соблазнительной – только соблазнительными были не грудь, не ягодицы, не ноги, а приглашение забыть об окружающем мире в глубинах тела» [1, с. 18]. Показательно, что необъяснимое влияние этой женщины на сознание Михаэля не ослабевает даже после ее смерти. Когда он на склоне лет пытается проанализировать причины того восхищения, которое охватило его при виде Ханны, то вместо четкого ответа на вопрос о природе ее очарования, его вновь переполняют прежние эмоции: «Я опять увидел ее перед собой и вновь не мог отвести взгляда» [2, с. 19].

При сравнении двух центральных женских образов романа, которое проводит и сам герой, выявляется их радикальное, но вполне оправданное с точки зрения психологии подростка различие: свою мать герой стыдится, а возлюбленной, напротив, гордится. Вспоминая, как он планировал выдать ее за мать, чтобы провести вместе ночь в съемной комнате другого города, герой по прошествии времени искренне недоумевает, что подобная идея вообще пришла ему в голову: «Ведь если бы я отправился в путешествие с собственной матерью, то обязательно настаивал бы на отдельной комнате» [2, с. 40]. Он объясняет это стыдливостью подростка, который, идя по улице рядом с матерью, опасается, как бы его одноклассники не сочли его маменькиным сыночком. В то же время он отмечает, что мог бы смело показаться на улице вместе с Ханной, которая по возрасту была всего на десять лет моложе его собственной матери.

Через все повествование образ Ханны проходит как образ-воспоминание. Однако читатель видит ее не только влюбленными глазами главного героя, но и глазами автора автобиографической книги, в которой описывается гибель трех сотен еврейских женщин, заключенных в горящей церкви. Этот прием стороннего взгляда придает образу Ханны Шмиц дополнительные обертоны. Показательно, что, читая текст обличительного документа, Михаэль пытается узнать свою возлюбленную среди описанных в нем безымянных преступниц. Таким образом, пытаясь конкретизировать образ Ханны, Михаэль все более его затуманивает.

Остальные женские персонажи романа представляют собой лишь фоновые, оттеняющие главную героиню, образы, которым автор не уделяет большого внимания. Они поданы схематично, набросками, безлико, а иногда характеризуются какой-либо одной, особо заметной, чаще гротескно выделяемой чертой. Так, например, надзирательница, обладающая «жестоким и стержневым» характером, напоминает кобылу.

Жена Михаэля, Гертруда, и все последующие женщины, с которыми его сводила жизнь, охарактеризованы лишь с позиции большего или меньшего

их сходства с Ханной. Они также безлики и второстепенны, а также неизменно проигрывают при сравнении: «Я никак не мог перестать сравнивать Гертруду с Ханной и, обнимая Гертруду, не мог отделаться от ощущения, что у нас с ней что-то неладно» [2, с. 156–157]. Герой разводится с женой из-за чувства «неладности», которое так и не прошло.

Желанного освобождения от Ханны не произошло и в отношениях героя с другими женщинами. Ему остается лишь с горечью констатировать, что все его попытки устроить личную жизнь после расставания с Ханной были заранее обречены на провал. Феномен первой любви накладывает на последующий выбор Михаэля Берга определенную стереотипность: ни литературовед Хелена, ни психоаналитик Гезина, ни дантистка Хильке не смогли вытеснить образ Ханны из памяти и сердца Михаэля.

Что касается оценки главным героем преступлений Ханны, то он, очевидно, не осуждает ее за содеянное в прошлом, а всячески пытается ее понять и отчасти оправдать. Что в итоге ему удастся. Значение же личности Ханны в судьбе Михаэля сложно переоценить.

Выводы. Сюжет романа Б. Шлинка «Чтец» представляет собой историю первой (и одновременно трагической) любви, в которой центральное место отведено отнюдь не главному мужскому действующему лицу, а героине, чей образ постепенно раскрывается по ходу повествования. Вторым по значимости женским образом становится образ матери героя. Этими двумя образами исчерпывается галерея женщин, выведенных в произведении, поскольку именно они воспринимаются автором как ключевые, остальные же женские персонажи – всего лишь фоновые, статичные фигуры, не обладающие индивидуальными чертами и лишь усиливающие выпуклость главного женского персонажа.

Список использованных источников

1. Платицына Н. И. Проблема «непреодоленного прошлого» в романе Б. Шлинка «Чтец» // Филологическая регионалистика. Тамбов, 2015. С. 29–34.
2. Шлинка Б. Чтец: Роман / Пер. с нем. Б. Хлебникова. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. 224 с.

УДК 821.14'06

ЭТНОСТЕРЕОТИП РУССКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИИ НИКОСА КАЗАНДЗАКИСА «ПУТЕШЕСТВУЯ В РУСИЮ»

Л. С. Банах¹, В. С. Лысова²,

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

² обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение интерпретации образа русского в произведении Никоса Казандзакиса «Путешествуя в Руссию». Исследование проводилось при помощи метода компаративного анализа,

имагологического и типологического подходов. Чётко проводя разграничение образа русского в дореволюционной и послереволюционной России, Казандзакис выводит как общие черты (широту души, общительность, радушие), так и отличные: вера в Бога заменилась в духовной практике верой в личность вождя, фатализм сменился верой в свои силы, люди в Советской России стали просвещённые и грамотнее, женщина стала независимой и уверенной в себе.

Ключевые слова: этностереотип русского, греческая литература, Казандзакис.

Summary. The purpose of this study is to examine the interpretation of the image of the Russians in the work by Nikos Kazantzakis «Travelling to Russia». The study was conducted using comparative method, imagological and typological approaches. By clearly distinguishing between the image of the Russians in pre-revolutionary and post-revolutionary Russia, Kazantzakis displays both common features (breadth of soul, sociability, hospitality) and distinct: the faith in God was replaced in spiritual practice by the faith in the personality of the leader, fatalism was replaced by the faith in one's own forces, people in Soviet Russia became more enlightened and literate, the women became independent and self-confident.

Key words: ethnic stereotype of the Russians, Greek literature, Kazantzakis.

Художественная литература является одним из основных средств создания образа определённой страны. Литературный текст играет важную роль в зарождении, распространении и укреплении национальных стереотипов, мировоззренчески значимых и закреплённых представлений одного народа о другом. А.П. Садохин и Т.Г. Грушевицкая определяют этнический стереотип как «упрощённый, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы, распространяемый на всех её представителей» [4, с. 149]. Греческая литература, отображая различные культурно-исторические, идеологические, социальные стороны русско-греческих взаимоотношений, содержит достаточное количество произведений, в которых русские выступают либо главными, либо второстепенными персонажами. Так, в рецепции России греками и в создании этностереотипа русского важную роль сыграли художники слова Йоргос Визинос (рассказ «Μοσχῶβ Σελήμ» – «Москов Селим», 1895), Мицос Карагатсис (роман «Полковник Ляпкин» – «Ο συνταγματάρχης Λιάπκιν», 1933), Мария Иорданиду («Каникулы на Кавказе» – «Διακοπές στον Καύκασο», 1965), Алки Зеи («Невеста Ахиллеса» – «Η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα», 1987), Мицос Александропулос («От Москвы до Москвы» – «Από τη Μόσχα στη Μόσχα», 1971»). Особое внимание репрезентации русской культуры и, как следствие, созданию этностереотипа русских людей уделил Никос Казандзакис (1883 – 1957), отобразив свои впечатления о послереволюционной России и её жителях в произведениях «Что я видел в России» (1928), «Тода-Раба» (1929), «История русской литературы» (1930), «Путешествуя в Русию» (1933). Изучение созданного Казандзакисом, одним из популярных греческих писателей, образа русских людей представляется актуальным, поскольку позволяет определить источники формирования этностереотипа русского в греческом коллективном сознании.

Раскрытию образа России в творчестве Казандзакиса посвящали свои работы как греческие, так и отечественные исследователи. Так, М. Димаси,

Э.К. Харатсидис в статье «Образ России в произведении Никоса Казандзакиса «Путешествуя в Русию»» отмечают мастерство писателя в описании географического пространства России, в умелом разграничении царской и Советской России на уровне культуры, образования, религии [2]. Лексические особенности книги исследовала О.Б. Боброва [1]. М. Патсис в книге «Καζαντζάκης και Ρωσία» пишет о связи Казандзакиса с Россией и русской культурой, отмечая сильные и слабые стороны в понимании и отображении Казандзакисом Советской России [6]. Однако созданию образа русских людей в книге «Путешествуя в Русию» специальных работ посвящено не было, что позволяет говорить о новизне предлагаемого исследования.

Книга Н. Казандзакиса «Путешествуя в Русию», став итогом трёх путешествий Казандзакиса в Советский Союз, представляет собой некий комбинированный жанр: художественное произведение с элементами публицистического эссе. В ней, повествуя от первого лица, Казандзакис сообщает об изменениях в социально-политической и культурной жизни России 20-30-х годов XX века, а также делится своим опытом общения с советскими людьми.

Образ русского у Казандзакиса включает в себя следующие составляющие:

1) на русский национальный характер оказывают влияние географические широты. Так, по мнению Казандзакиса, размах души русского человека определяется масштабами самой страны: «суша простирается так же широко, как и море, а пустыня создаёт по своему образу и подобию душу человека» («η στεριά απλώνεται όπως κι η θάλασσα, κι η έρημος πλάθει κατ'είκόνα κι ομοίωσή της και την ψυχή του ανθρώπου») [5, с. 25] (здесь и далее по тексту перевод наш – Л.Б., В.Л.). Греческие исследователи М. Димаси, Э.К. Харатсидис отмечают значение географических локаций в произведении: «Никос Казандзакис рассказывает о России 1930-х годов, описывая конкретно выбранные географические точки, которые становятся узловыми в ходе всего повествования» [2]. Так, основными «узловыми точками» в повествовании Казандзакиса выбраны Одесса, Киев, Крым, Москва, Кавказ, Сибирь. Писатель восхищается бескрайними просторами и разнообразием флоры и фауны России.

2) Духовный образ жителей Советской России складывается под влиянием новой религии – атеизма. Писатель отмечает, что духовные установки в России сменились в пользу «религиозной лихорадки труда» («θηρηγευτικό πυρετό της εργασίας») [5, с. 38], когда бывшие теологи «писали с религиозным рвением сатирические научно-популярные антирелигиозные статьи» («έγραφαν με θρηρηγευτικό ζήλο τα σατιρικά εκλαϊκευτικά άρθρα τους ενάντια στη θρηρηρεία») [5, с. 126]. Казандзакис отмечает, что коммунистический атеизм, как один из видов новой религии, имел в своей основе культ личности Ленина. Так, писатель с болью констатирует, что старые иконы покупают ради рамки, в которую можно будет поставить фотографию нового божества – Ленина.

3) Казандзакис утверждает, что на создание этностереотипа русского в сознании греков повлияло знакомство с русской дореволюционной литературой, многие произведения которой были переведены на греческий язык. В сознании самого Казандзакиса образ русского человека изначально сложился под влиянием произведений Ф. Достоевского и Л. Толстого: «Русский похож на старика Карамазова: неиссякаемые, дикие, необузданные страсти,

но мы чувствуем, что его душа широка, а сердце наполнено человеческим теплом» («Ο Ρούσος είναι σαν τον γέρο-Καραμαζώφ: πλούσια, πρωτόγωνα κι ασυνάρτητα πάθη...γιατί νιώθουμε πώς η ψυχή του είναι πλατιά κι η καρδιά του όλο ανθρώπινη ζέστα») [5, с. 15]. Казандзакис отмечает, что жители Советской России существенно отличаются от тех типажей, которых европейцы привыкли видеть в русской дореволюционной литературе: «уставших, истеричных фаталистов» («τους κουρασμένους, υστερικούς και μυστικοπάθους») [5, с. 37], «полных боли, страсти бунтарей, героев русских романов» («όλο πόνο, πάθος κι ανταρσία ήρωες στα ρούσικα ρομάντσα») [5, с. 133]. Советский человек «выкован новой Идеей» («σφυρηλατημένος από την νέα Ιδέα»), это «неулыбчивые люди, действующие системно, энергично, логично» («ανθρώπους αγέλαστους, όλο σύστημα, ενέργεια και λογική») [5, с. 37]. Даже внешне советский человек изменился: «жесткие и решительно настроенные, с горящими глазами, со сжатыми, упрямыми губами» («...τις σκληρές κι αποφασισμένες, τα μάτια που καίγονται, τα χείλια τα σφιμένα και πεισματικά...») [5, с. 38].

4) Восхищаясь русским театром («το ρούσικο θέατρο είναι σίγουρα το καλύτερο στον κόσμο»), Казандзакис отмечает такую особенность русского человека как артистизм и способность к перевоплощению: «...с восхитительными способностями русского народа подражать, играть, танцевать» («...με τις καταπληκτικές ικανότητες που έχει ο ρούσικος λαός να μιμείται, να παίζει, να χορεύει...») [5, с. 119], «русские имеют силу воспроизведения...» («Οι Ρούσοι έχουν δύναμη αναπαραστατική...») [5, с. 174]. Тем не менее, о театральном искусстве Советской России Казандзакис пишет с горечью, отмечая низкий уровень качества и тематики постановок: «большинство пьес, которые ставили в театре, потеряли свою исключительную ценность; их цель была не в красоте, а в общественной революционной проповеди» («Τα περισσότερα έργα που παίζονται δεν έχουν εξαιρετική αξία: σκοπός τους δεν είναι η ωραιότητα παρά το κοινωνικό επαναστατικό κήρυγμα») [5, с. 186].

5) В образе русского человека Советской России Казандзакис отмечает повышенную тягу к знаниям. Если в царской России «русский народ был безграмотным, убогим, фаталистом» («Ο ρούσικος λαός είναι αγράμματος, νωθρός, μοιρολάτρης») [5, с. 134], то с приходом новой власти пришла новая установка – просветить народ. Для этого при заводах, школах, больницах, на судах были созданы «клубы» «Το Κλούμπ, η Λέσχη», а в деревнях «избы-читальни» («Η Αναγνωστική Ισμλά»). Это была своеобразная «политическая, социальная и духовная подготовительная школа» («πολιτικό, κοινωνικό και πνευματικό φροντιστήριο») [5, с. 119], где русский человек получал образование, изучал свои права и обязанности.

6) Понятие национальной ментальности очень близко понятию национального характера: оба обозначают исторически сложившуюся общность психического склада нации, культуры, мотивов поведения, коллективного самосознания. Как отмечает профессор Л.П. Егорова: «Основываясь на традиционной для художественной литературы категории («характер литературный»), инонациональный характер не сводится к «зеркальному» отражению реальных черт, присущих представителям тех или иных наций, он несет в себе авторскую оценку «другого», выражающую нравственно-эстетиче-

скую концепцию человека» [3, с. 36]. В авторской оценке Казандзакиса русского национального характера доминируют такие черты как общительность («Начался разговор. Здесь часто, спустя некоторое время, чувствуешь рядом с русскими душевный комфорт, теплую, сердечную атмосферу» – «Αναψε η κουβέντα. Συχνά εδώ, ύστερα από λίγες στιγμές, νιώθεις με τους Ρούσους ψυχική άνεση, θερμή, εγκάρδια ατμόσφαιρα») [5, с. 156], духовность («Европеец, прежде всего, полагается на чистый разум, логическое мышление, русский, прежде всего, полагается на душу» – «Ο Ευρωπαίος απάνω απ'όλα θέτει το λαγαρό μυαλό, τη λογική συνάρτιση, ο Ρούσος απάνω απ'όλα θέτει την ψυχή») [5, с. 15], радушие («неистовое русское радушие, которое разрушает границы» – «...ορμητική ρούσινη εγκαρδιότητα που συντρίβει τα σύνορα») [5, с. 98]. Писатель утверждает, что тот, кто хочет понять Россию, должен ее полюбить, поскольку для русских важно духовное понимание: («Русию, тот, кто хочет присоединиться к Духу, который идет впереди, должен всецело любить» – «Τη Ρουσία, όποιος θέλει γόνιμα να συμμαχήσει με το Πνέμα που πάει μπροστά, πρέπει να την αγαπήσει ακέραια») [5, с. 9].

7) многократно Казандзакис подчёркивает факт неоднородности русских, поскольку многонациональная Советская Россия породила сплав народа, сформированного из разных национальностей: русских, украинцев, армян, евреев, узбеков, греков: «Вот и Украина, с её чудесными ковриками и разноцветной керамикой. А вот и Крым с радующими глаз вышивками из шёлка; а вот и великий татарский дух на изделиях из металла и кожи... а вот и длинноволосые, укутанные в тулупы отшельники севера. Они прибыли сюда, чтобы представить свои неповторимые изделия из дерева и кости» («Να η Ουκρανία, με τα θαμαστά της κιλίμια και την πολύχρωμη αγγειοπλαστική. Να η Κριμαία, με τα χαριτωμένα μεταξωτά της κεντήματα να η μεγάλη τατάρικη πνοή απάνω στο μέταλλο και στο δέρμα... να οι μαλλιαροί, τυλιμένοι με προβιές ερημίτες του Βορρά, έρχονται και καταθέτουν τα πρωτόγονα σκαλισματά τους απάνω στο ξύλο και στο κόκαλο») [5, с. 37]. Писатель отмечает, что русские близки грекам, так как у них много общего: «Αλφαβητάρι, γραφή και τέχνη, γράμματα, θρησκεία, όλα τα χρωστούν στους Βυζαντινούς» («Азбука, письменность, искусство, религия, всем этим они обязаны Византийцам») [5, с. 27].

8) Изменениям, произошедшим в образе русской женщины, Казандзакис посвящает несколько глав своей книги. Писатель говорит о том, что послереволюционная Россия преодолела «времена Домостроя», когда женщина приравнивалась к рабыне. В Советской России она имела права и обязанности, стояла наравне с мужчиной: («...нигде в вашем буржуазном мире женщина не защищена так осознанно и с любовью в своём качестве жены и матери» – «...λουθενά στον αστικό σας κόσμο δεν προστατεύεται με τόση επίγνωση κι αγάπη η γυναίκα ως σύζυγος κι ως μάνα») [5, с. 109]. Казандзакис утверждает, что после революции женщине стало уделяться больше внимания, она стала полноценным гражданином общества. Писатель выводит следующий образ советской женщины: «... одета, как рабочий, с красным платком на голове – лицо неженственное, без изящества, сконцентрировано на навязчивой идее. Миллионы женских лиц огрубели здесь, исчезла женственность...» («...ντυμένη σαν εργάτισσα, μένα κόκκινο μαντήλι στα μαλλιά – πρόσωπο χωρίς θηλυκότητα, χωρίς χάρη, συγκεντρωμένο

στην έμμονη ιδέα. Εκατομμύρια γυναίκες πρόσωπα έχουν αγριέψει εδώ...») [5, с. 97]. В связи с развитием страны, бешеным ритмом жизни, женщины и мужчины были сосредоточены на работе, в их жизни не было места для чего-то иного, кроме идеи создания новой России. Новыми особенностями женщины Советской России становятся её самостоятельность и независимость.

Таким образом, в интерпретации Казандзакиса русские наделены следующим набором характеристик: 1) широта души приравнена к бескрайности географических просторов; 2) вера в Бога сменилась в духовной практике верой в личность вождя; 3) фатализм сменился верой в свои силы; 4) люди в Советской России стали просвещеннее и грамотнее; 5) главными особенностями русского национального характера являются общительность, духовность, радушие; 6) многонациональный характер России приводит к открытости, толерантности, дружелюбию русского народа по отношению к другим народами. Советская женщина, частично потеряв внешнюю привлекательность, приобретает самостоятельность, социальную защищенность, равные права с мужчинами, возможность самореализации и активного участия в жизни страны.

Список использованных источников

1. Боброва О. Б. К вопросу о роли метафор типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ в тексте «Ταξιδεύοντας Ρουσία» Н. Казандзакиса // Stephanos. – 2018. – №4. – С. 143–150.

2. Димаси М., Харатсидис Э. К. Образ России в произведении Никоса Казандзакиса «Путешествуя в Русию» // Материалы IX Междунар. науч. конф. «Русистика в современную эпоху». Одесса, 2007.

3. Егорова Л. П. Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиция) // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2007. – №1-2. – С. 31–39.

4. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М.: Изд. центр «Академия»; Высшая школа, 2000.

5. Καζαντζάκης Ν. Ταξιδεύοντας Ρουσία. Αθήνα, Εκδόσεις Καζαντζάκη, 2002. 275 σ.

6. Πάτσης Μ. Καζαντζάκης και Ρωσία. Αθήνα, 2013. 600 σ.

УДК: 808.1 – 026.614:82 - 16

INDIVIDUAL COLOUR LINGUISTIC PICTURE OF MARINA TSVETAIEVA'S WORLD

A. A. Bobik¹, V. G. Klyuyeva²,

¹ обучающаяся 2 курса кафедры русского языка и литературы, Факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

² старший преподаватель кафедры иностранных языков №2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Изучение проблемы соотношения семантической структуры цвета и художественного образа в сознании человека является наиболее интересным направлением в работе лингвистов, литературоведов, культурологов

и психологов. Использование определённой цветовой палитры помогает нам исследовать внутренний мир автора, мир героя поэмы и особенности поэтики автора. Целью работы является анализ индивидуальной цветовой лингвистической картины мира Марины Цветаевой и выявление особенностей использования названий цветов как части языковой картины мира автора.

Ключевые слова: цвет, поэтика, названия цветов, тексты, лексемы.

Summary. The study of the problem of correlation between the semantic structure of the colour and the artistic image in the human mind is the most interesting direction in the work of linguists, literary critics, cultural researches and psychologists. The use of a certain colour palette helps us to explore the inner world of the author, the world of the hero of the poem and especially the poetics of the author. The objective of the work is to analyze the individual colour linguistic picture of the world of Marina Tsvetaeva and identify the features of the use of the colour names as a part of the linguistic picture of the world of the author.

Key words: colour, poetics, colour names, lyrics, lexemes.

To study the colour names in the poet's lyrics from the linguistic point of view is necessary to define the concept of «the picture of the world». The picture of the world is a holistic, global image of the world, which is the result of all the spiritual activity of a man. It arises in a person's mind in the course of his contacts with the world and ideas about it [6, p. 36]. The picture of the world can be expressed by means of spatial (top – bottom, right – left, East – West, far – near), temporal (day – night, winter – summer), quantitative, ethical and other parameters [6, p. 36]. A special place in it is occupied by the colour.

The picture of the world combines three principles: universal, national and individual principle of the author. It is recreated in different ways. Reflecting in the human consciousness the picture of the world becomes a linguistic one. It finds its direct expression in the language of the writer. Thus, the language picture of the world of a concrete writer is born.

The linguistic picture of the world is a category that is quite stable due to the fact that changes in the language do not occur very quickly; it is universal, the whole nation is its creator. The poetic picture of the world is individual; it is created in the texts of one person – the representative of this nation [6, p. 42].

The picture of the writer's world is always subjective: the more talented the writer is, the more distinctive the individual author's worldview is. It carries the features of the linguistic personality of its creator. Therefore along with the language we consider it appropriate to talk about the individual author's picture of the world. The degree of individuality of this picture, its originality is determined by the personality of the poet, the peculiarities of the formation of the character and the worldview. A special role in this originality is played by the cultural foundation of the individual.

Colour is an additional characteristic of things by which you can recognize people, animals, plants and this is the most striking external sign of individual objects of the real or imaginary world. However, according to A. S. Zaitsev, the role of colour is not limited to saying: this object is red and this one is green. Its purpose is to influence the person emotionally, to cause a variety of feelings and experiences through associations. This means that the concept of «colour» outside of our perception does not exist. Colour is considered as a type of information that

stands in one semantic row «colour – information – emotion». In colour there is something addressed not so much to the «eye» as to the human consciousness. At the level of consciousness, colour acts as a means of emotional impact on it. The perception of colour depends «on the individual characteristics of vision, mood, temperament, level of aesthetic taste of a person» [5]. In each case, the perception of colour depends on culture, language, age, gender, lifestyle and professional skills.

The colour starting from the period of oral folk art has always had a symbolic meaning. Thus the traditional perception of colour designations was formed in the history of mankind. However in the artistic consciousness the individual author's perception and understanding is always added to the traditional symbolism of the colour. Therefore the colour symbolism of a particular artist can be the key to understanding of the whole figurative picture of the author's world or the experiences of a lyrical hero in a specific time period.

Marina Ivanovna Tsvetaeva started to write poems very early. She admitted that all her childhood was a cry for white paper. It has developed a special attitude to white as a symbol of creative inspiration. Her husband, Sergey Efron, a white guard officer, the person of high honour and advantage, always remained devoted to Russia. For this reason in the worldview of M. I. Tsvetaeva white colour became the personification of purity, holiness and faithfulness (the cycle of poems «don») [7]. The epithet «white», «noble» is applicable to the characteristic of the poet herself.

Due to the peculiarities of the growth, upbringing, education and the fate of the poet, her rich and sublime-tragic artistic world is quite difficult to perceive and comprehend. It is the result of her spiritual activity.

The basis of her conceptsphere consists of the concepts: «time», «space», «love», «separation», «death», «dream», «homeland», «fire», «house», «swan», «horse», «hassle» and others. The concept of «color» signifies a special place in her works. Thus we have formulated a definition of the concept of «the picture of the world». Being reflected in the human consciousness the picture of the world becomes a linguistic picture.

A fragment of the language picture of the world is the colour naming. The system of poetics of literary text includes symbolic and aesthetic aspects of the expression of colour names which play an important role in the process of studying of the picture of the writer's world.

There is a psychological connection between colour and emotions. It is certain that colour vocabulary plays an active role in the development of associations, impressions and thoughts. Thus through the choice of a colour the author conveys his own feelings and feelings of his hero to the reader.

M. I. Tsvetaeva argued that art is an element and that it is beyond good and evil. The artist is obsessed with the elements of nature. She expresses these elements or even continues their existence in art. Therefore, the primary colours of the poet are traditionally associated with the perception of elements of the nature: earth, water, air, fire.

The originality of the colour names in the lyrics of the poet is, above all, in the classical, naturalistic perception of the objects in the world: green eyes, blood red, red Rowan, his cheeks scarlet, paper white, earth black, pink ear. Colour naming-adjectives of the poet dominate. They are often used in the direct meaning.

The most frequent colour values are: white, black, red. These colour lexemes in her poems symbolize either contrast, changeability of moods and psychological

experiences of the lyrical heroine or the complex range of perception of the world, which M. Tsvetaeva is able to metaphorically summarize, expressively and effectively «present» to the reader with the help of original artistic means.

M. I. Tsvetaeva uses the lexeme «Golden» in the meaning of «divine»: «God's spark», «love», «love of life», «graces». The meaning of «red» varies depending on the period of the poet's life: from «dear or valuable», traditionally «exciting, or thrilling» to «violent or destroying». Marina Tsvetaeva reproduces the shades of red-purple, purple, scarlet. Particularly destructive colour is red in combination with black within the same context.

Expressive lexical technique of the lyrics of Marina Tsvetaeva is the oxymoron: «black gold», «red maiden pale», «not black white», «ice fire», «showers of lights».

We can draw the conclusion that the range of contextual meanings of colour in the poet's work is very rich. Marina Ivanovna Tsvetaeva's impetuous nature, her active creative and civic spirit and her artistic identity were expressed in the use of the colour palette and various colour oppositions found in the lyrics.

References

1. Бобыль С. В. Семантико-стилистические свойства русских цветообозначений: автореф. дисс. .... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1984. 20 с.
2. Брутян Г. А. Язык и картина мира // Философские науки. –1973. – №1. – С. 108–110.
3. Воробьев Г. Г. Психосемантика цвета // Психосемантика познавательной деятельности и общество. М.: МГЗИИ, 1988. С. 51–58.
4. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира: монография. К., 2000. 293 с.
5. Зайцев А. С. Наука о цвете и живопись. М.: Искусство, 1986. 147 с.
6. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 256 с.
7. Цветаева М. Избранное. М.: Просвещение, 1989. 367 с.

УДК 821.111

«ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД» НА «МУЖСКОЙ МИР» (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЖЕНА ПИЛАТА» К. Э. ДАФФИ)

Л. Н. Глухенькая,

аспирант 1-го года обучения кафедры русской и зарубежной литературы, Факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье критически осмысливается концепция «женского взгляда» в творчестве поэта-лауреата К. Э. Даффи через призму теории «женского письма» на примере стихотворения «Жена Пилата», в котором происходит освобождение от маскулинистского типа языка и децентрация системы традиционных текстовых значений. Используемые методы: герменевтический, интертекстуальный и метод символической интерпретации.

Ключевые слова: К. Э. Даффи, поэзия, «Вечная жена», «Жена Пилата», «женское письмо», «женский взгляд».

Summary. The present article introduces critical interpretation of the concept of the “women’s view” in the work by poet-laureate C. A. Duffy through the prism of the theory of “women’s writing”. The poem “Pilate’s Wife” has been selected as an example. The text is observed to being freed of masculine type of language. Traditional textual meanings are seen to be decentralized. The methods used within the research are the hermeneutic, intertextual ones and the method of symbolic interpretation.

Key words: C. A. Duffy, poetry, The World’s Wife, Pilate’s Wife, “women’s writing”, “women’s view”.

Женское поэтическое письмо в английской литературе представлено именами П. Пети, К. Джеми, Э. Освальд, Ф. Сэмсон, Дж. Лимберг, Дж. Кэй, Ф. Эдкок, К. Руменс и К. Э. Даффи.

Особое, почетное место в этом списке занимает К. Э. Даффи – поэт-лауреат, лауреат премий С. Моэма, Т. С. Элиота, Уитбредовской и Форвардской премии, одна из самых популярных поэтесс Великобритании, чьи сборники становятся бестселлерами, а отдельные стихотворения входят в школьную программу.

В творчестве К. Э. Даффи находят отклик католическое воспитание поэтессы, длительная связь с литературной группой «Ливерпульские поэты» и идеи постмодернизма.

Автор умышленно отказывается от традиционных канонов поэтического творчества, создает стихотворения, написанные разговорным языком, при полном или частичном отсутствии стихотворного размера, обильно «сдобренные» графическими средствами выразительности и стилизации. Поэтесса нередко обращается к античным мифам, притчам из Библии, литературным произведениям других авторов, известным историческим событиям, рассматривая их с позиций новой иерархии ценностей, в т.ч. с позиции «женского взгляда».

Концепция «женского взгляда» поэтессы рассматривается в контексте постмодернистских идей, наиболее приемлемых для обоснования специфики женского самосознания.

Термин «женское письмо» (фр. *écriture feminine*) был введен и обоснован французским философом Э. Сиксу в начале 70-х гг. XX в.

Прежде западная культура была «мужской», т.е. такой, которая возвела в Абсолют «идеологию гегемонной маскулинности. Фемининность также была идеализирована, но противоположным образом – до подчеркнуто приспособленческого, пассивного типа: среднестатистическая женщина, слабая и беззащитная, воспринималась скорее не как идентичная личность, а как объект потребления» [6, с. 134]. Реализация женщины вне рамок социальной роли жены, матери и домохозяйки представлялась как «гендерно неспецифическая» [6, с. 134].

«Женское письмо» «призвано освободить женщину от маскулинистского типа языка, стремящегося к единой истине... Цель женского языка или женского письма – децентрация системы традиционных текстовых значений» [5].

В самом известном поэтическом сборнике поэтессы – «Вечная жена» – в полной мере разработана теория «женского взгляда» поэтессы. Лирические героини поэтессы – женщины, которые «оказались в тени своих мужей, так как политическая и культурная жизнь общества была ориентирована в пер-

вую очередь на мужчину» [3, с. 64]. Её «жены» – вымышленные или реально существовавшие супруги известных государственных деятелей, ученых, писателей, мифологических и библейских персонажей и литературных героев – по большей части, не довольны мужьями и открыто говорят о прозаичности их будней, а порой и ничтожности их «великих» дел. Основная идея сборника заключается в гротескном высмеивании выдающихся историй и открытий, принадлежащих «мужскому миру».

Например, в стихотворении *Mrs. Aesop* («Миссис Эзоп») речь ведет супруга известного баснописца, которую раздражает склонность мужа к сочинительству. Супруга Дарвина из стихотворения *Mrs Darwin* («Миссис Дарвин») смеется над схожестью мужа и шимпанзе. Горбун Квазимодо в стихотворении *Mrs Quasimodo* («Жена Квазимодо») связан узами брака, а его жена ведет неравную борьбу с возлюбленной мужа – Эсмеральдой, при этом не уставая подчеркивать уродство мужа. А Миссис Икар из одноименного стихотворения *Mrs Icarus* и вовсе сетует на отсутствие здравого смысла у супруга.

В центре нашего исследования стихотворение *Pilate's Wife* («Жена Пилата»). Нами был рассмотрен процесс децентрации системы традиционных текстовых значений в сюжете первой книги Нового Завета, переложенном на новый лад К. Э. Даффи

Аллюзия на библейский сюжет. Даффи опирается на Евангелие от Матфея, главу 27. В данной главе речь идет о суде Понтия Пилата над Христом. Римский наместник безуспешно пытался оправдать Иисуса, но отказался брать на себя ответственность за помилование Христа, когда понял, что его казни не избежать. Из этой же главы становится известно и о неназываемой по имени супруге Понтия (Клавдия Прокула, причислена к лику Святых), которая во время суда над Иисусом посылает к нему слугу сказать: «не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него» (Мф.27:19).

В стихотворении многое из новозаветного сказания сохранено:

1. экстагическая толпа (*the frenzied crowd*),
2. помилование преступника Варравы (*The crowd was baying for Barabbas*),
3. слуга подле жены Пилата (*When the Nazarene/ entered Jerusalem, my maid and I crept out, / bored stiff, disguised, and joined the frenzied crowd*),
4. вещий сон и предостережение Клавдии (*Leave him alone. I sent a warning note*).

Новозаветный хронотоп формируют следующие имена собственные и топонимы: Galilee (Галилея – историческая область Палестины, где жил и проповедовал Иисус Христос), Pontius Pilate, Rome, Nazarene (назаретянин, житель Назарета; также человек, посвятивший себя Богу и давший обет вести строгий образ жизни), Jerusalem, Barabbas, the Place of Skulls (Голгофа).

С другой стороны, **Даффи обыгрывает сюжетную линию по-своему**, берется пересмотреть метанарратив прошлого, которым является Библия, так как в эпоху постмодерна он относителен, а с точки зрения «женского письма» – контекстуален.

Евангельская история рассказывается с позиции женщины, которая оценивающе смотрит на мужчину, более того, влюбляется в него, видя в нем не божественную природу, а привлекательность и мужественность. Так Даффи переводит ощущения своей героини в более привычную для

женщины плоскость.

Стихотворение начинается с введения символического образа «женских» изнеженных рук Пилата, которым предстоит вершить суд:

« Firstly, his hands — a woman's. Softer than mine,
with pearly nails, like shells from Galilee.

Indolent hands. Camp hands that clapped for grapes.

Their pale, mothy touch made me flinch. Pontius» [7, с. 18].

Далее мы видим, как Клавдия вместе со служанкой пробираются в толпу, чтобы встретить Иисуса в Иерусалиме. Женщина с первого взгляда влюбляется в мужчину. Чтобы еще больше очеловечить Христа, Даффи усиливает его гротескность – он представляется в образе уродца с прекрасными глазами. Женщина осознает, что перед ней незаурядный мужчина. Тем не менее, она не мыслит абстрактными категориями. Для нее *My God* не имеет сакрального смысла, а представляет всего лишь метафору:

«I longed for Rome, home, someone else. When the Nazarene
entered Jerusalem, my maid and I crept out,
bored stiff, disguised, and joined the frenzied crowd.

I tripped, clutched the bridle of an ass, looked up
and there he was. His face? Ugly. Talented.

He looked at me. I mean he looked at *me*. My God.

His eyes were eyes to die for. Then he was gone,
his rough men shouldering a pathway to the gates» [7, с. 18].

Особенно важно в этом отрывке обратить внимание на курсив, при помощи которого, по утверждению самой Даффи, «Вы можете, словно бы высветить небольшими прожекторами фразы-клише, и тем самым показать, что пусть они выглядят как пластмассовая роза, но у них есть корни» [8, с. 112]. Клавдия предается грезам. Ей кажется, что Христос смотрит именно на нее как на женщину, более того, как на равную себе, в отличие от мужа, который позже отвернется от нее и не прислушается к совету.

В следующих строфах мы видим сон Клавдии накануне казни Христа. Но и здесь появляются новые детали – в женщине превалирует плотское желание, картины расправы над Христом, его окровавленное тело вызывают в ней греховную страсть. Тем не менее, именно это желание заставляет женщину просить мужа за Христа:

«The night before his trial, I dreamt of him.

His brown hands touched me. Then it hurt.

Then blood. I saw that each tough palm was skewered
by a nail. I woke up, sweating, sexual, terrified.

Leave him alone. I sent a warning note, then quickly dressed.

When I arrived, the Nazarene was crowned with thorns» [7, с. 18].

Здесь же видим изображение рук Христа, как бы в противопоставление рукам Пилата (*woman's, Softer than mine, with pearly nails – his brown hands* (загорелые, натруженные руки)). Важен здесь и ритуал омовения рук, символизирующий уклонение Пилата от ответственности за судьбу Христа – Понтий умывает руки:

«The crowd was baying for Barabbas. Pilate saw me,
looked away, then carefully turned up his sleeves

and slowly washed his useless, perfumed hands.
They seized the prophet then and dragged him out,
up to the Place of Skulls. My maid knows all the rest.
Was he God? Of course not. Pilate believed he was» [7, с. 18].

Божественная природа Христа для женщины так и не открывается. Она берется утверждать, что Христос был лишь человеком. Женщина выступает в нехарактерной для себя роли – как прагматическая сила. Подчеркнуто приспособленческим, даже пассивным типом в стихотворении можно назвать образ Пилата. В данном контексте разыгрываются «гендерно неспецифические» роли как женщины, так и мужчины времен Нового Завета.

Клавдия живет в настоящем моменте, в котором происходит убийство. Пилат, напротив, верит в Христа как в Бога (*Was he God? Of course not. Pilate believed he was*). Это можно трактовать двояко. С одной стороны, Пилат в конце концов уверовал в учение Христа. С другой стороны, Клавдия иронизирует. Мы видим слабость духа Пилата, несоответствие архетипу гегемонной силы: Мужчина просто боится возмездия, а потом верует в воскрешение и прощение Иисуса.

Так, в стихотворении «Жена Пилата» мы можем наблюдать, как в тексте происходит освобождение от маскулинистского (единственно истинного) типа языка, и децентрация системы традиционных текстовых значений (в данном случае, на примере Библии). Как следствие этого, были сделаны следующие **выводы**:

1. Внимание в переработанном библейском сюжете обращается на человеческую (и даже греховную) природу основных героев стихотворения «Жена Пилата»: Христа, Понтия Пилата и его жены. Так, Клавдия примыкает к экстатической толпе народа (в евангелистской версии – женщина не появляется среди народа); Клавдия влюбляется в Христа, грезит о нем (в евангелистской версии – супруге Пилата снится вещий сон, в котором она видит казнь Христа).

2. Происходит реинтерпретация традиционных библейских архетипов, согласно идеологической установке автора: гендерное превосходство мужчин недопустимо. Женщина у Даффи – ведущий образ, мужчина – второрядный, пассивный.

3. Разрушается библейский метанарратив, Евангелие превращается в контекст(ы) для «личных историй» (ср. «Мастер и Маргарита» в отечественной культуре).

Список использованных источников

1. В двух измерениях: Современная британская поэзия в русских переводах / под ред. М. Я. Бородицкой, Г. М. Кружкова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 528 с.

2. Ганин В. Н. Женский взгляд на «мужскую» историю в цикле К. Э. Даффи «The World's Wife» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Ganin> (дата обращения 15.02.2019).

3. Ганин В. Н. Жизнь, смерть и ненависть мисс Хэвишем (Ч. Диккенс «Большие надежды» и К. Э. Даффи «Хэвишем») // Филологическая регионалистика. – 2012. – № 1 (7). – С. 64–66.

4. Жеребкина И. А. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоана-

лиз. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 256 с.

5. Жеребкина И. А. Феминистская литературная критика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/004t.htm> (дата обращения 15.02.2019).

6. Леонтьева К. И. Художественный перевод и гендер: адаптация в формате «Woman- / manhandling» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – №7 (18). – С. 133–135.

7. Duffy C. A. *The World's Wife*. London: MacMillan General Books, 2000. 96 p.

8. Duffy C. A. Interview // *Poetry Review*. – 1994. – V. 84, №1. – P. 111–112.

УДК 82-21, 821.111

КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДРАМЫ ГЕНРИ АРТУРА ДЖОНСА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ «СВЯТЫЕ И ГРЕШНИКИ»)

М. А. Григорьева,

*аспирант кафедры английской филологии, Институт иностранных языков,
Московский городской педагогический университет, Москва*

Аннотация. В статье предпринята попытка определить значение драматургии Генри Артура Джонса для становления английской драмы рубежа XIX–XX веков. На примере пьесы «Святые и грешники» (в переводе автора статьи) проанализированы сюжетно-композиционные и тематические особенности творчества Г. А. Джонса. Несмотря на наличие элементов мелодрамы, драматургу удалось выйти за границы этого жанра. Темы религии и морали, общественного лицемерия, положения женщины в обществе были нетипичными для английской драмы поздневикторианского периода. Сделан вывод о том, что использование драматургом новаторских тем и приёмов (например, ретроспекции) способствовало развитию и становлению английской национальной драмы.

Ключевые слова: английская драма конца XIX века, «новая драма», жанровые модификации, Г. А. Джонс, тематическое разнообразие, ретроспекция.

Summary. In the article an attempt is made to estimate the significance of Henry Arthur Jones's drama in the emergence of English "new drama" on the border of the XIX–XX centuries. The play "Saints and Sinners" (translated by the author of the article) is analyzed in terms of its compositional and thematic peculiarities. Despite the apparent melodramatic elements in the play, the playwright succeeds in overcoming this genre's limits. Religion and ethics, social hypocrisy, woman's place in the society were not typical themes in late Victorian drama. A conclusion is made that the playwright's usage of innovative themes and devices, for example, retrospection, contributed to the development of English national drama.

Key words: English drama of the late XIX century, "new drama", genre modifications, H. A. Jones, thematic diversity, retrospection.

Английская драма конца XIX столетия отличалась разнообразием направлений, смешением жанров. Она формировалась под влиянием европейской литературы, одновременно сохраняя свои национальные черты. «Новая драма» как модификация жанра драмы характеризовалась рядом особенно-

стей. Перечислим некоторые из них, более подробно рассмотренные в статье «Жанрово-типологические особенности “новой драмы”» [1]. Конфликт усложняется, становится столкновением идей, а не интересов, воли героев. Композиционно драматурги стали в меньшей степени придерживаться традиционной схемы «завязка – кульминация – развязка». Вместо этих элементов появились дискуссия, ретроспективная композиция. Ремарки и паузы как вид ремарок занимали значительное место в пьесах, выражая позицию автора, либо подтекст. Проблематика произведений расширилась. Темы капитала и труда, социального устройства, гендерных стереотипов, морали и этики впервые за долгое время появились на английской сцене.

Творчество Генри Артура Джонса охватывает несколько десятилетий на рубеже XIX–XX веков. Наиболее успешный период его литературной карьеры совпадает с периодом расцвета «новой драмы» (1890–1900 гг.). Цель статьи – определить вклад Г. А. Джонса в развитие жанра «новая драма». В задачи статьи входит рассмотреть проблематику пьесы «Святые и грешники» и использованные в ней композиционные приёмы на предмет их актуальности и новаторства в рассматриваемый период.

Пьеса «Святые и грешники» (“Saints and Sinners”, 1891) была создана в наиболее продуктивный и успешный период литературного творчества Джонса. Как автор указывает в названии – «новая и оригинальная драма о жизни современного английского среднего класса в пяти актах» (здесь и далее перевод Григорьевой М. А.) – основное внимание уделено образу жизни, привычкам и ценностям среднего класса. Как отмечают английские и американские литературоведы (Домераски [5], Гуденаф [6]), одной из главных заслуг Джонса было создание целого ряда образов типичных мещан, обличение их недостатков. Как писал Джонс в предисловии к пьесе «Святые и грешники» об одном из персонажей, *«Хоггарта можно вполне справедливо считать представителем широко распространённого класса в небольших английских религиозных сообществах»* [8, с. 22].

Религиозная тема является центральной в произведении, хотя её трактовка далека от пуританских взглядов викторианской эпохи. Автор показывает, что большинство прихожан в Стиплфорде (где и происходит действие) относятся к религии как к чему-то, не связанному с их реальной жизнью. Примером могут послужить диалоги:

«Гринейкр: Я регулярно хожу в церковь каждый воскресный вечер, мистер Флетчер.

Джейкоб: Да, Питер, и каждый вечер по будням ты так же регулярно посещаешь публичный дом» [8, с. 5].

«Джейкоб:...давайте не будем говорить на словах одно, а в жизни делать другое.

Хоггарт: Послушайте, Флетчер, Вы мой священник, но я не позволю читать мне проповеди по будням. Воскресенье для проповедей» [8, с. 11].

Для прихожан это своего рода сделка с совестью, позволяющая не думать о своей душе, нравственности или хотя бы порядочности поступков, всего лишь заплатив аренду за место на церковной скамье во время воскресной службы. Ещё один эпизод о глухом старике, регулярно приходящем в часовню Бэтел и неизменно засыпающем во время речи священника, символи-

зирует не столько физический недуг, сколько глухоту жителей Стиплфорда к содержанию проповедей.

«Бэмберри: Провопедь – да, да! Я не слышу. Я не слышал ни одной проповеди уже больше тридцати лет; мой недуг, глухота – полагаю, они все очень хороши – я всегда прихожу в часовню» [8, с. 79].

Для некоторых прихожан воскресная служба – это ещё и способ прорекламировать своё дело, либо ремесло, привлечь больше покупателей. Институт церкви воспринимается ими как бизнес, как торговая сделка в прямом смысле слова.

«Прэббл: Если я поддерживаю Ваш приход, то я ожидаю от Вас, что Вы убедите прихожан поддерживать мой магазин» [8, с. 53]

В таком обществе дельцов, торговцев, лавочников, для которых материальная выгода занимает первое место, становится невозможным существование честного и принципиального человека, каким является Джейкоб Флетчер. Корыстолюбивые жители Стиплфорда вынуждают священника покинуть приход и оставляют без средств к существованию, так как он не выполняет их требования. Это приводит к трагическому исходу – бедственному положению семьи священника, болезни и смерти его дочери. Необходимо заметить, что премьера пьесы была провальной, поскольку зрители не смогли воспринять её концовку, и Джонс поменял её на счастливую, чтобы пьесу не убрали из репертуара театра. Наибольший резонанс пьеса получила из-за того, что высказывания о разнице между религией и жизнью принадлежат самим служителям церкви, старшему и младшему дьяконам Хоггарту и Прэбблу. Попытка Джонса изобличить их лицемерие вызвала негодование и неприятие как у зрителей, так и у театральных критиков. Это лишь подчёркивает отношение к театру как к развлечению в викторианскую эпоху, а также неспособность современников Джонса критически отнестись к самим себе, осознать необходимость изменений.

Говоря об элементах мелодрамы, нельзя не упомянуть разделение героев на положительных и отрицательных. Это характерная черта ранней драмы Джонса. В пьесе «Святые и грешники» центральные персонажи обладают двойственной натурой, нельзя однозначно оценить их. Например, капитан Феншоу вначале охарактеризован полностью негативно: *«Если когда-нибудь и был дьявол на этой земле, то это капитан Юстас Феншоу!»* [8, с. 25]. Тем не менее, драматург наделяет его способностью любить:

«Только подумать, что я попал в собственную ловушку и действительно полюбил эту девочку! Ведь я люблю её, она добрая и настоящая – это по сравнению со мной. В конце концов, есть что-то в добродетели, иначе почему я чувствую желание быть лучше, когда я рядом с ней? Почему я сожалею о том, что разрушил её бедную маленькую жизнь?» [8, с. 60].

Дальнейшая судьба капитана predeterminedена автором в традиционном для мелодрамы ключе. Феншоу погибает на службе в Индии, что преподносится как заслуженное для него наказание за содеянное (соблазнение Летти): *«Казалось, это наказание для него, гибель в Индии почти сразу же, как он прибыл туда»* [8, с. 97]. Другой персонаж, старший дьякон Хоггарт, имеет только отрицательные черты и не менее сурово наказан автором в конце. Его преследует полиция за все мошеннические сделки и махинации, с помощью

которых он наживался. В его лице Джонс высмеивает целый класс подобных людей, не знающих границ в погоне за наживой, мелочных и жадных.

Композиция пьесы заслуживает внимания, поскольку основана на новаторском для рассматриваемого периода приёме ретроспекции. В театральном мире ретроспекция – это «термин для обозначения сцены или мотива, предшествующих разыгрываемому эпизоду. Этот приём повествования напоминает экспозицию *in medias res*, (в разгар действия), которая затем отсылает к antecedentам действия» [3, с. 288]. Основываясь на наиболее полном существующем исследовании приёма ретроспекции проф. М. Г. Меркуловой [2], проследим, как Г. А. Джонс использует этот приём. В данном произведении ретроспекция связана с темой «женщина с прошлым», с судьбой главной героини Летти Флетчер. Убежав из родительского дома в Лондон вместе с капитаном Фэншоу, женатым на тот момент, Летти нарушает религиозные заповеди и основанные на них общественные нормы. Впоследствии она возвращается домой и раскаивается, старается искупить вину трудом. Между третьим и пятым актами проходит четыре года, то есть героиня осмысляет события недавнего прошлого. Её страдания из-за личной трагедии усугубляются общественным осуждением и бедностью, в которой находится семья священника. Летти понимает, что её вина есть и в том, что Флетчер вынужден оставить приход, где каждый знает о грехе его дочери. Её восклицание: «*О христиане, неужели вы никогда не научитесь прощать?*» [8, с. 115], выражает пережитые страдания, некогда бывшую надежду на прощение. Героиня понимает, что прошлого уже не вернуть, имея в виду годы своей юности, невинность, беззаботность. Она чувствует приближение смерти, что кажется ей избавлением от страданий, ведь такая ноша слишком тяжела для молодой девушки: «*Когда я была маленькой девочкой, я так боялась смерти – теперь она кажется такой лёгкой – и такой приятной. Это даже не похоже на смерть...*» [8, с. 114]. Меняется отношение героини к смерти, к жизни и к другим людям. Цена искупления вины оказывается слишком высокой, Летти не в силах пережить такого морального напряжения. Хотя пятый акт пьесы называется “*Lived down*” («Пережила»), пьеса заканчивается трагически – героиня умирает. Такое противопоставление названия финалу лишь подчёркивает невозможность будущего для Летти. Прошлый опыт не оставляет шанса начать жизнь заново, другими словами, трактуется автором в негативном ключе.

Подведём итоги относительно композиционных и тематических особенностей пьесы «Святые и грешники». Наряду с другими произведениями Г. А. Джонса, Б. Шоу, она расширяет границы жанра «новая драма» благодаря использованному в ней приёму ретроспекции, а также проблематике, связанной с остросоциальными аспектами поздневикторианской эпохи.

Список использованных источников

1. Григорьева М. А. Жанрово-типологические особенности английской «новой драмы» рубежа XIX–XX веков // Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Самара, 2017.— № 4. — С.20–22.

2. Меркулова М. Г. Ретроспекция в английской «новой драме»: истоки, типология, функционирование: дисс. ... доктора филол. наук. М., 2006. 345 с.

3. Пави П. Словарь театра: пер. с франц.; под ред. К. Разлогова. М.: Прогресс, 1991. 504 с.

4. Cordell R. A. Henry Arthur Jones and the Modern Drama. New York: Kennikat Press, 1968. 265 p.

5. Domeraski R. A World Divided: The Plays of Henry Arthur Jones: diss. ... D. Ph. City University of New York, Faculty of English, 1980. 231 p.

6. Goodenough A. W. Henry Arthur Jones; a study in dramatic compromise: diss. ... D. Ph. State University of Iowa, Iowa City, Iowa. September, 1920. 194 p.

7. Jones H. A. Religion and the Stage // The Nineteenth Century. London: Henry S. King & Co, 1885. P. 154–170.

8. Jones H. A. Saints and Sinners. A new and original drama of modern English middle-class life in five acts. London, New York: Macmillan & Co, 1891. 115 p.

УДК: 82-6=111+003.26

ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИПТОГРАФИИ В ЭПИСТОЛЯРИИ АНГЛИЙСКИХ РОМАНТИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ П.Б. ШЕЛЛИ И ДЖ. КИТСА)

Н. В. Доминенко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются такие элементы художественной криптографии как аллюзии и реминисценции. Изучение функционирования в эпистолярном творчестве младшего поколения английских романтиков библейских, литературных, а также исторических, мифологических и философско-эстетических аллюзий позволяет расширить контекст наших представлений о религиозно-философских и литературно-эстетических исканиях представителей английского романтизма.

Ключевые слова: художественная криптография, эпистолярное творчество, английские поэты-романтики, аллюзия, реминисценция.

Summary. This article deals with such elements of artistic cryptography as allusions and reminiscences. The investigation of the functioning of biblical, literary, as well as historical, mythological and philosophical-aesthetic allusions in the epistolary work of the younger generation of English romanticists allows us to expand the context of our ideas about the religious-philosophical and literary-aesthetic searches of representatives of English romanticism.

Key words: artistic cryptography, epistolary creativity, English romantic poets, allusion, reminiscence.

В эпистолярном творчестве английских поэтов-романтиков младшего поколения, которое до настоящего времени не является достаточно исследованным, наблюдается широкое использование интертекстов псалмов, евангельских заповедей, реминисценций и аллюзий из Библии, а также литературных произведений античной эпохи и Ренессанса, что было продиктовано потребностью авторов посланий найти ответы на волнующие их вопросы бытия, выразить свои религиозные предпочтения, воссоздать главные вехи

собственного духовного и творческого пути.

Цель данной статьи обусловлена необходимостью исследовать тексты писем английских романтиков, пронизанных иносказаниями и символическими образами, что позволит расширить контекст наших представлений о них как о творческих личностях.

Для реализации поставленных цели и задач в исследовании использован комплекс общенаучных и специальных литературоведческих методов, среди которых: описательный, биографический, историко-генетический, историко-функциональный, структурно-семантический, сравнительно-типологический.

Некоторые литературоведы (Ю. Коновальчук, например) объединяют совокупность многочисленных лексико-стилистических приемов и форм тайнописи общим понятием – художественная криптография [3, с. 109], так как, по мнению исследовательницы, «историко-литературная аллюзия, как стилистическая фигура, является излюбленным приемом тайнописи» [3, с. 109]. «При всех своих разнообразных формах и видах, аллюзию, прежде всего, объединяет тип языковой, метафорической образности, некий скрытый семантический код, в котором каждая значимая единица может быть заменена эквивалентной описательной формой, проясняющей авторский замысел и раскрывающей суть самой аллюзии» [3, с. 110]. Под аллюзией принято понимать «некий намек, уподобление, полуузнаваемость, а также шутку, иронию, за которыми скрываются, но все-таки угадываются определенные события, факты, исторические лица [3, с. 110]. М. Тухарели считает, что аллюзия – сложное и многоликое художественное явление. Вот что литературовед пишет об этом: «Кроме традиционных форм: аллюзия – имя собственное, – реалия, – цитата, существуют и ее большие формы: абзацы, строфы, значительные отрезки текста, главы и даже целое произведение, включая его название» [9, с. 115].

В письмах английских поэтов-романтиков младшего поколения широко используются библейские (религиозные), историко-литературные, а также мифологические и в меньшей степени, философско-эстетические аллюзии.

Приведем пример отрывка из письма П.Б. Шелли к отцу сэру Т. Шелли от 27.09.1811г., в котором сын просит простить ему неравный брак с Харриет Вестбрук и цитирует одну из десяти христианских заповедей, надеясь вернуть расположение отца, человека консервативных взглядов и деспотического нрава: «...отец, разве Вы не христианин? Так не судите же, да не судимы будете» [10, с. 33]. Библейские аллюзии обладают большей экспрессивностью и эмоциональной окраской по сравнению с другими видами аллюзий. П.Б. Шелли не принимал христианство, часто иронизировал по его поводу, в связи с чем и использовал цитаты из Священного Писания в своем эпистолярном творчестве. Приведем еще один пример из письма П.Б. Шелли к представителю старшего поколения английских романтиков, поэту Р. Саути от 17.08.1820г.: «Вы обвиняете меня – не знаю, на каких основаниях, в преступлении. <...> Вы, следовательно, – из тех безгрешных, каких Иисус не сыскал во всей Иудее, чтобы бросить камень в женщину, виновную в прелюбодеянии». В данном письме П.Б. Шелли, перефразируя изречение из Евангелия от Иоанна (VIII, 7), ошибочно обвиняет адресата в написании отрицательной рецензии на свою поэму «Восстание Ислама» в «Куотерли Ревью». Р. Саути в своем

июльском письме от 1820 г., опровергал свою причастность к этому.

Дж. Китс в своем письме к Б. Бейли от 3.11.1817г., возмущенный поведением епископа Линкольнского из-за которого Б. Бейли долгое время не получал обещанный ему церковный приход, отказывается дальше писать о нем и обращается к адресату со следующими словами из Псалтыри (Псалом 149, стих 6): «Поговорим о чем-нибудь другом, а то желчь во мне разливается все больше и больше, а ведь в руке моей не “меч обоюдоострый”» [4, с. 128]. В другом письме к Дж. Тейлору от 24.04.1818г., Дж. Китс, планируя свое путешествие, цитирует Книгу Притчей Соломоновых, 4:5: «Летом я собираюсь на север; удерживает меня только то, что я почти ничего не знаю, почти ничего не читал про эти края, – придется поэтому следовать совету Соломона: «Приобретай мудрость, приобретай разум» [4, с. 150].

Использование библейских аллюзий как особой разновидности историко-литературной аллюзии вообще в эпистолярной прозе английских поэтов-романтиков объясняется следующими факторами: во-первых, тем, что это была норма эпохи, на которую приходится творчество поэтов; во-вторых, тем, что политико-экономическая борьба в Англии проходила под религиозными флагами и лозунгами, и освещение этой борьбы побуждало романтиков к использованию соответствующих оборотов речи в своем эпистолярном творчестве; в-третьих, тем, что с помощью религиозно окрашенных стилистических конструкций поэты-романтики пытались найти ответы на волнующие их вопросы Бытия и текущей жизни. В своей переписке поэты-романтики цитируют Книгу Пророка Даниила, Книгу Притчей Соломоновых, Книгу Царств, Деяния Святых Апостолов, Евангелие от Матфея, Псалтирь.

Из предшественников английские поэты-романтики чаще всего пишут о литературных деятелях античности: Гомере, Горации, Софокле, Цицероне, Эсхилле, Симониде Кеосском, Плинии Младшем, Платоне, Феокрите. Приведем пример из письма Дж. Китса к Б. Бейли от 18.07.1818г.: «Я все довожу до крайности: любая мелкая неприятность через пять минут под моим пером превращается в трагедию Софокла...» [4, с. 159]. П.Б. Шелли в письме к Т.Дж. Хоггу от 20.04.1820г., ссылается на гомеровского Одиссея (Гомер. Одиссея, IX, 82–104): «Я удивляюсь, почему никто из них не забрел в эту райскую страну, и, наевшись лотоса, подобно мореходам Одиссея, не остался здесь, как это сделал я» [10, с. 206]. Говоря о скитаниях Одиссея и стране лотофагов, а также об отведавших чудесного лотоса и оставшихся в этой стране навсегда, позабыв свое прошлое, П.Б. Шелли имеет ввиду себя и Италию, приютившую поэта и его семью.

Среди классиков Возрождения, особенное предпочтение поэты-романтики отдают в своих письмах Данте, Шекспиру, Ариосто, Тассо, Гварини, Кальдерону, Боккаччо, поэту и политическому деятелю Мильтону. Так, Дж. Китс в письме к Дж. Гамильтону Рейнольдсу от 3.05.1818г., сравнивает Мильтона с Вордсвортом, под сильным влиянием которого находился какое-то время. Вот что он говорит об этом: «Я думаю, что Вордсворт, должно быть, глубже, чем Мильтон, хотя это зависело больше от всеобщего и стадного прогресса интеллекта, чем от индивидуального величия ума. Исходя из “Потерянного Рая” и других произведений Мильтона, я надеюсь, будет не слишком дерзко даже между нами сказать, что его философия, человеческая и божественная,

может быть вполне понятна тем, кто не так уж и стар» [11]. Приведем еще один пример реминисценции из «Потерянного рая» Дж. Мильтона (книга первая, 571) из письма Дж. Китса к Дж.Г. Рейнольдсу от 24.08.1819г.: «С каждым днем я все больше утверждаюсь в мысли, что нет на земле дела важнее, чем хорошо писать: совершенное сочинение мало чем уступает благородному поступку; “Потерянный рай” с каждым днем потрясает меня все больше. Чем яснее я постигаю, чего со временем может достичь мое трудолюбие, тем более освобождается мое сердце от гордыни и упрямства» [11].

П.Б. Шелли в предисловии к своей поэме «Освобожденный Прометей» уверял, что «великим писателям золотого века нашей литературы мы обязаны тому бурному пробуждению общественного сознания, которое повергло во прах старейшую и наиболее деспотичную из христианских церквей. Мильтон появился в результате дальнейшего развития того же самого духа. Не забудем, что великий Мильтон был республиканцем и отважным исследователем в области нравственности и религии» [10, с. 376]. В своем письме к жене Мери от 23.08.1818г., Шелли пишет: «Я, очевидно, передам Албанцу письмо от нее, а сам не стану прямо вмешиваться. Сейчас он еще не встал, и она тем временем хочет навестить миссис Хоппнер. Все это, как видишь “полно зловещих предзнаменований для дела нашего”» [10, с. 148]. Автор письма, рассказывая о намерениях К. Клермонт относительно Байрона, которого П.Б. Шелли называет в письме Албанцем, цитирует «Потерянный рай» Дж. Мильтона (IX, 325).

Ссылаясь в текстах писем на мильтоновский «Потерянный Рай», поэты-романтики «ассоциируют свое одиночество с трагическим одиночеством великого революционного поэта Англии, оказавшегося, подобно ослепленному Самсону, плененному филистимлянами, среди торжествующих врагов в годы Реставрации» [2, с. 341]. По мнению Р.М. Самарина, Мильтон — это «продолжатель лучших традиций английского и – шире – европейского гуманизма» [7, с. 105]. Для английских романтиков поэтический гений и творчество Мильтона – один из критериев оценивания произведений как собственных, так и других авторов: с именем Мильтона связана та напряженная идейная борьба, которая возникла в тот период в Британии вокруг восприятия и отношения к литературному наследству.

Творчество Шекспира, интерес к которому возрождается в эпоху романтизма, является одной из часто обсуждаемых тем в эпистолярной прозе английских поэтов-романтиков. Дж. Китс в письме к Дж.Г. Рейнольдсу от 22.11.1817г. говорил, что среди трех книг, которые у него всегда находились с собой, были и поэмы Шекспира: «Они кажутся мне полными прекрасного, сказанного нечаянно...» [11]. А в письме к Дж. Тейлору от 27.02.1818г. Дж. Китс радуется, что «у него имеется возможность читать и постигать Шекспира до самой глубины» [11]. У Дж. Китса было особенное отношение к Шекспиру, которому в его творчестве часто отводилась роль идеального художника; поэт ценил предшественника за душевную и поэтическую отзывчивость, за умение все познать, во все проникнуть, все вместить в себя и одновременно – отречься от своего «Я»; Дж. Китс называет это «негативной, или отрицательной способностью» (*negative capability*), которая, по его мнению, была у Шекспира и под которой понимается «состояние, когда человек пребывает в сомнениях и до-

гадках, когда он не чувствует уверенности в себе, не ставит факты и здравую рассудительность на первое место» [11]. Письма Дж. Китса словно сотканы из аллюзий и реминисценций, которые отсылают к произведениям Шекспира. Так, в письме Дж. Китса к Дж.Г. Рейнольдсу от 09.04.1818г., автор цитирует «Короля Генриха VI», часть II, акт 3, сц. 3.: «Мое предназначение – разогнать и затмить тысячи досужих болтунов, любящих порассуждать о картинах и книгах. Я вижу перед собой тысячи дикобразов с иглами, что “торчат, как сучья”, которых очень хочется распугать пылающим факелом» [11]. Ссылается на «Короля Генриха VI» Шекспира в своих письмах и П.Б. Шелли, когда делится впечатлениями, произведенными на него Сайтропом из произведения Т.Л. Пикока «Аббатство кошмаров» (1818г.): «Развязка великолепна – Мораль, насколько я понимаю, может быть выражена словами Фальстафа: “Бога ради, говори как житель здешнего мира”» [10, с. 174].

В эпистолярном творчестве младших поэтов-романтиков заметно то глубокое влияние, которое было оказано на их поэтическое мышление образами шекспировских произведений. Для английских поэтов-романтиков было характерно не только прямое цитирование Шекспира, но зачастую перефразирование его мыслей, использование их как своего рода предтекст, вызывающий у английского читателя художественные ассоциации, которые обогащают восприятие нового образа. В стиле Шекспира романтики, например, П.Б. Шелли, справедливо видят не только проявление его поэтического гения, но и наиболее полное выражение тех тенденций, которые были характерны для стиля всей романтической эпохи.

Появление дантовских аллюзий в письмах английских романтиков связано с тем, что «Божественная комедия» является для них тем материалом, посредством которого они могут выразить свои идейно-нравственные искания, стремление к идеалу, сознание собственного несовершенства и греховности. Для П.Б. Шелли, например, Данте – это второй эпический поэт после Гомера, поэтому ссылок на него в письмах романтика достаточно много. В Данте П.Б. Шелли «видел великого национального поэта, с огромной силой отразившего в “Божественной комедии” трагическое настоящее своего народа и его чаяния будущего» [6, с. 443]. Высказывания П.Б. Шелли о Данте «проникнуты глубоким историзмом. Называя его поэзию мостом от состояния варварства к новейшему времени, П.Б. Шелли подчеркивает, что в ней отразилось все противоречие идейных представлений той эпохи. Под покровом сложной символики “Божественной комедии” П.Б. Шелли ясно различает тот реальный исторический фон, отражением которого эта символика является» [6, с. 445]. В письме к жене Мэри от 15.08.1821г. Шелли сообщает, что «видел могилу Данте и поклонился священному месту» [11]. А в письме к Т.Л. Пикоку от 20.04.1818г., Шелли, описывая собор, обнаруженный им недалеко от озера Комо, пишет: «В одном из приделов, за алтарем, есть укромное место, освещенное тусклым желтоватым светом, – его я избрал, чтобы читать там Данте» [10, с. 135].

Китс в письме к Б. Бейли от 10.06.1818г. пишет о том, как он «проникся отрывком из Данте» [11], поэт ссылается на Данте еще в одном письме к Б. Бейли от 18.07.1818г.: «Вы пишете, что я должен изучать Данте, – так вот, кроме трех маленьких томиков Данте, я с собой ничего не взял» [4, с. 161]. Как считает И. Бэлза, именно Данте стоял у истоков того явления, что с течением

времени получило название романтизма, поскольку «уже у Данте можно найти многое, что лежит в основе различных этапов развития романтизма и помогает понять, прежде всего, его морально-эстетический аспект, требующий не только обличения и осуждения социального зла и пороков, но и участия в преображении действительности» [1, с. 5]. Иносказания, метафоры, аллегории, символы, «характеризующие творчество романтиков, восходят, разумеется, уже к Данте, в творчестве которого как бы сфокусировался поэтический опыт тысячелетий, Ветхий и Новый Заветы, поэзия раннего Средневековья. Из всего этого и многого другого создан дивный сплав поэтических образов, в которых с небывалой силой прозвучали социально-этические призывы к совершенствованию общества» [1, с. 5].

Проецируя на собственное творчество образы, созданные Данте, Шекспиром и Мильтоном, поэты-романтики (особенно младшее поколение) стремятся показать масштабность и важность своих исканий и своего противостояния времени и судьбе. В их высказываниях о великих предтечах ярко проявились такие основополагающие принципы романтизма, как «стремление выявить общественную сущность творчества художника, интерес к образу, имеющему обобщенно-философское звучание» [6, с. 437].

В поэзии эпохи Возрождения романтиков привлекал ее гуманистический пафос, утонченно-поэтическое раскрытие интимных тем, богатство и гибкость языка. Как следствие этого, у романтиков наблюдается значительное количество литературных аллюзий и цитат, которые содержатся не только в их поэзии, но и письмах. Осмысление романтиками традиций искусства эпохи Возрождения сыграло огромную роль в формировании эстетических взглядов каждого. Это было тесно связано с общими вопросами идейно-политической борьбы в литературе тех лет.

Посредством умелого использования идейно-образных реминисценций из произведений античных авторов, английского поэта и мыслителя Мильтона, а также классиков Ренессанса: Данте, Шекспира, авторы пытались выразить свои религиозно-философские, нравственные и литературные искания. Подробное изучение функционирования элементов художественной криптографии в эпистолярном творчестве английских поэтов-романтиков позволило нам расширить контекст наших представлений о них как творческих личностях и заполнить существующие лакуны.

Список использованных источников

1. Бэлза И. Исторические судьбы романтизма и музыка: очерки. М.: Музыка, 1985. 255 с.
2. Елистратова А. А. Наследие английского романтизма и современность. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 505 с.
3. Коновальчук Ю. Историко-социальная аллюзия как вид криптограммы и ее дешифровка в пьесе М. Булгакова «Кабала святош» («Мольер») // Литература в контексті культуры: зб. наук. праць, вип. 18. Дніпропетровськ: Видав. ДНУ, 2008. С. 109–115.
4. Ливергант А. Живейшее принятие впечатлений: письма Дж. Китса // Вопр. лит. – 2002. – № 5. – С. 103–166.
5. Ливергант А. Живейшее принятие впечатлений: письма Дж. Китса // Вопр. лит. – 2002. – № 6. – С. 214–260.

6. Неупокоева И. Г. Революционный романтизм Шелли. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 471 с.
7. Самарин Р. М. Зарубежная литература. М.: Высш. шк., 1987. 366 с.
8. Тураев С. В. Байрон в движении времени // Великий романтик. Байрон и мировая литература. М.: Наука, 1991. С. 3–9.
9. Тухарели М. О стилистическом приеме аллюзии // Реалистические формы изображения действительности. Тбилиси: Изд-во ТбГУ, 1986. С. 110–116.
10. Шелли П. Б. Письма; Статьи; Фрагменты [пер. с англ. З. Е. Александровой]. М.: Наука, 1972. 534 с.
11. Keats J. [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: <http://englishhistory.net/keats/letters.htm/> (дата обращения 12.08.2017).

УДК 821.112.2

«Я ВАМ ОБЪЯВЛЯЮ ВОЙНУ!»: НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ «НОВАЯ ДРАМА» ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Д. А. Кириченко,

кандидат филологических наук,

*Севастопольский академический русский драматический театр
имени А. В. Луначарского, Севастополь*

Аннотация. В статье анализируется проблематика пьес «Временно недоступен», «Первый урок» и «Ливия, 13» современных немецкоязычных драматургов Петры Вюлленвебер, Йорга Менке-Пайцмайера и Кристины Риндеркнехт. Автор приходит к выводу, что во всех трёх произведениях речь идёт о подростках, находящихся в трудном, иногда совсем безнадёжном положении в школе и собственной семье. Читатели не получают ответов, а скорее знакомятся с возможными перспективами поведения в сложных ситуациях.

Ключевые слова: «новая драма», пьесы о подростках, насилие, буллинг.

Summary. The article analyzes the issues of the plays *Temporarily Unavailable*, *The first Lesson* and *Livia, 13* written by German speaking playwrights Petra Wullenweber, Jorg Menke-Paizmar and Cristin Rinderkhent. The author comes to a conclusion that all these plays are about teenagers who are in a difficult, sometimes completely hopeless situation at school and in their own families. Readers do not receive the answers, but rather get acquainted with the possible perspectives of behaviour in such situations.

Key words: new writing, plays about teenagers, violence, school bullying.

На протяжении многих десятилетий прошлого столетия в отечественной и зарубежной драматургии и театре, находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом, образовался вакуум, заполняемый с появлением пьес и спектаклей так или иначе говорящих о проблемах детей и подростков. В хрестоматийных историях о Золушке, Белоснежке и Робин Гуде, к сожалению, можно найти всё меньше ответов на вопросы, которые возникают у детей третьего тысячелетия. Да и столь любимый несколькими поколениями роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи» не познакомит читателей со всеми страхами, одолевающими подростков сегодня.

Между тем, нынешние немецкоязычные драматурги всё чаще задаются вопросом: «Легко ли сегодня быть молодым?» С начала 2000-х годов в Германии, Австрии и Швейцарии появилось большое количество пьес,

написанных для аудитории старше 11 лет. С некоторыми из них узкий круг читателей в нашей стране мог познакомиться лишь благодаря сборнику «ШАГ 11+», подготовленному и изданному Гете-Институтом в рамках проекта «Год немецкого языка и литературы в России 2014/15». Несколько текстов из сборника ждала счастливая судьба: по пьесам «Временно недоступен» и «Ливия, 13» вышли спектакли в двух крупных театрах Петербурга. Кроме того, время от времени тексты этих пьес звучат в форме театрализованных читок. Однако в поле зрения академического литературоведения эти тексты до сих пор так и не попали.

Современная драматургия продолжает испытывать на себе влияние постдраматического театра: авторы всё чаще играют с плотностью знаков, в пьесах одновременно могут происходить несколько событий, центром внимания становится тело. Несмотря на это, в проблемно-тематическом плане немецкоязычную драматургию о детях и подростках начала XXI века можно назвать продолжателем «классической» традиции. Драматурги говорят о семейных и психологических проблемах, не забывая о том, что театр остаётся «моральным институтом и открытым форумом, на который должны быть вынесены самые насущные проблемы времени» [2, с. 11].

В своём произведении «Временно недоступен» (*Zur Zeit nicht erreichbar*) австрийский драматург и режиссёр Петра Вюлленвебер (*Petra Wullenweber*) рассуждает о том, как отражается на жизни семьи внезапный уход одного из её членов. Как мы понимаем, это может быть связано как с разводом родителей, так и трагической гибелью матери или отца. Исходным событием пьесы становится автокатастрофа, в которую попадает Санни – мать двоих подростков: десятилетнего Нико и тринадцатилетней Веньи. Пребыванию женщины в больнице, ухудшению её состояния здоровья и дальнейшей смерти от осложнений, не связанных напрямую с аварией, сопутствует процесс нарушения коммуникации и распада отношений между членами семьи. Нико всё чаще прогуливает школу, грубит отцу, дерзит сестре и находит единственную для себя отдушину в посещении заброшенного здания старой фабрики. Венья в свою очередь пытается убежать от реальности, переключая своё внимание на мысли об однокласснике, в которого она тайно влюблена. Однако отсутствие матери всё равно накладывает отпечаток и на её поведение: «Венья слушает музыку. Достает припрятанную блузку. По фасону блузки видно, что ее носила мама. Венья нюхает блузку и пытается надышаться запахом. Но это ей не удаётся, тогда она надевает блузку поверх футболки и обнимает себя за плечи. Несколько секунд она кажется чуть счастливее. Потом достаёт ещё одну спрятанную блузку и надевает её поверх первой. Через некоторое время на ней уже четыре маминых блузки» [3, с. 225].

Каждый герой поочередно винит себя в случившейся трагедии и, пожалуй, единственным способом сплочения семьи становится всеобщая попытка предотвратить очередную катастрофу. Нико, руководствующийся одним-единственным желанием – оказаться рядом с мамой, забирается на верхний этаж фабричного здания и, не рассчитав свои силы, оказывается на грани гибели. Но всё же история заканчивается чуть ли не в стиле старого-доброго Голливуда: сестра спасает брата, отец обещает проводить вечера дома, а возникшая словно из ниоткуда бабушка планирует раз в две

недели навещать своих внуков.

Пьесу в классной комнате «Первый урок» (*Die erste Stunde*) Йорга Менке-Пайцмайера (*Jörg Menke-Peitzmeyer*) можно назвать энциклопедией школьного буллинга. Только на этот раз жертва и её палачи меняются своими ролями с самого начала. На протяжении сорока пяти минут, «новенький» по имени Юрген ведёт откровенный и безответный монолог-провокацию, цель которого становится ясна только к концу произведения. Каждая часть урока для школьника и будущих одноклассников сродни путешествию по кругам современного школьного ада.

Первые пять минут ученик отводит для того, чтобы в его адрес прозвучало максимальное количество самых обидных и колких ругательств и сопутствующих им проявлений насилия и агрессии: «Можете называть меня говнюком, скотиной, гнидой, сволочью, стырить у меня ранец, обчистить пенал, сломать все карандаши и ручки. Можете снять с меня кроссовки, сунуть мою куртку под кран, не знаю, что еще, ну да вы наверняка что-нибудь придумаете. По мне, так хоть избежите меня» [3, с. 243]. Здесь же звучит проблема гендерной идентичности, когда нетипичные музыкальные предпочтения или неформальный стиль в одежде вызывают насмешки со стороны окружающих. Юрген причисляет себя к числу поклонников немецкой поп-дивы Сары Коннор, у него дома над кроватью даже висит постер с ней, и её песню он готов прямо сейчас спеть перед всем классом.

Юрген не видит в одноклассниках потенциальных друзей или хотя бы людей, с которыми можно ужиться в одной классной комнате. Вместо этого он отводит каждому определённую роль в сложной цепочке издевательств. Так, школьница со светлыми волосами из второго ряда должна будет уверять всех, что подверглась домогательствам с его стороны. После этого вместе со своим соседом по парте из последнего ряда выйдет парень «со стрижкой под ежика», подойдёт к обидчику и пихнёт его. Герой щедр на всевозможные сценарии дальнейшего развития событий. Помогает ему в этом опыт пребывания в других школах, где он учился.

На предложения отнять у Юргена деньги, исковеркать его фамилию, класс всё также безмолвствует. Тогда он сам идёт в наступление: требует деньги и одежду, угрожая всем ножом. Школьный буллинг воспринимается им, как трамплин для будущей успешной карьеры. В доказательство он приводит бразильцев, которые так хорошо играют в футбол лишь из-за того, что в детстве должны постоянно выживать, отбиваясь от бандитов в трущобах. А обидчики в школе истратят все свои силы за время учёбы, вероятно, попадут в тюрьму и фактически поставят крест на своей дальнейшей жизни.

«Класс без издевательств, такого не бывает. Это как море без воды или город без домов» – эту мысль, с которой в наше время трудно не согласиться, автор пьесы то и дело вкладывает в уста своему персонажу. Первый урок в новой школе становится определённого рода терапией, эффективность которой напрямую связана со степенью проявления жестокости. Возможно, Юрген не хочет вновь оказаться запертым на восемнадцать часов в хранилище для карт без окон и дверей, без еды и воды, как это было в предыдущей школе.

Кристина Риндеркнехт (*Christine Rinderknecht*) пишет пьесу «Ливия, 13»

(*Livia, 13*) в которой проблема школьного буллинга обсуждается на фоне истории взросления подростков из средней школы, сталкивающихся с такими понятиями, как дружба, секс, насилие и изоляция. Три подружки Ливия, Фабьенн и Мелани, которые только что перешли в новую школу, мечтают как можно скорее заняться «настоящими делами», например, ходить вместе на вечеринки и употреблять алкоголь. Слишком быстро повзрослеть главной героине Ливии берётся школьник по имени Маус, живущий по принципу: «Провокация – это супер! Человек должен самовыражаться» [3, с. 337]. Желание пожить свободной, взрослой жизнью «без тормозов» приводит к тому, что на первой же вечеринке девушка сначала напивается, а затем становится объектом сексуальных домогательств со стороны одноклассников, самих не до конца понимающих, что происходит: «Теперь устроим хардкор», «...я снова без понятия, что я делаю. Но это так весело, безумно весело» [3, с. 343]. Её фотографируют в самых неприглядных позах, а затем распространяют эти снимки по всей школе. Фотографии попадают, в том числе, и к отцу Ливии, который работает учителем. В сложившейся ситуации его беспокоит только страх потерять рабочее место, осуждение со стороны коллег и обвинения в развращении собственной дочери. Единственным решением в сложившейся ситуации становится желание школьницы покончить с собой, выбросившись из окна. Жертва школьного терроризма, не желая того, заставляет одних развить в себе страх любого посещения вечеринки, употребления алкоголя и какого-либо проявления чувств к противоположному полу, а других – поставить под сомнение всю искренность своего поступка: «В общем, я тоже была на этой вечеринке. И я тоже видела, как она из окна выпрыгнула, эта шлюшка, прямо из окна. Но я вам вот что скажу, если бы она на самом деле хотела покончить с собой... в общем, я бы на её месте бросилась под поезд. Она поступила так, чтобы привлечь к себе внимание. Это же очевидно» [3, с. 356–357].

Характерно, что во всех трёх пьесах, проанализированных нами, главный герой, пройдя через серьёзные жизненные испытания, находит силы и возможности жить дальше. Современные немецкоязычные драматурги – авторы пьес для подростков – критикуют не своих героев, а общество, которое рождает чудовищ. Несомненно, новой и смелой является тема смерти кого-то из родителей, когда герой стоит перед задачей не только осмыслить, но и преодолеть трагическую потерю. Авторы давят и на одну из самых болезненных точек современности – школьный буллинг, предлагая неожиданное и единственное на их взгляд решение проблемы – поменять местами жертву и палачей.

Список использованных источников

1. Леман Х.-Т. Постдраматический театр. М.: Издательская программа Фонда развития искусства драматического театра режиссера и педагога Анатолия Васильева, 2013. 311 с.
2. Фишер-Лихте Э. Немецкая драматургия девяностых годов // Современные немецкие пьесы / под ред. А.А. Чепурова и Т.В. Загорской. СПб.: Стой-издат СПб., 2000. С. 11–16.
3. ШАГ 11+ // Новая немецкоязычная драматургия для детей и юношества / пер. с нем. Москва: Гете-Институт; Текст, 2015. 448 с.

**ПРИЗРАКИ И СПИРИТИЗМ В НЕОВИКТОРИАНСКОМ РОМАНЕ
САРЫ УОТЕРС «AFFINITY»**

О. Н. Кохан,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является приложение понятий «призракологии» (Ж. Деррида) к интерпретации неовикторианского романа Сары Уотерс «Affinity». Методика исследования также включает в себя комбинацию культурно-исторического и формального подходов. Спиритические сеансы конца XIX века давали британцам возможность не только получить сенсационный опыт выхода за границы реального и потустороннего миров, но также преодоления привычных социальных норм в качестве участников своего рода театрального перформанса. Спиритизм в романе способствует расширению границ – как пространственных, так и социальных, а также является способом выражения трансгрессивных желаний женских персонажей романа.

Ключевые слова: спиритизм, призракология, Сара Уотерс, английская литература.

Summary. The purpose of the article is to apply the concepts of «hauntology» (J. Derrida) to Sarah Waters' neo-Victorian novel *Affinity*. The methods of the study include cultural-historical and formal approaches. The late 19th-century séances let the general public not only communicate with the spiritual world, but also go beyond the usual social norms and become participants of theatrical performances of a particular kind. Spiritism in the novel contributes to the expansion and breaking of the boundaries – both spatial and social. Apart from that, it becomes the way of expressing transgressive desires of the female characters.

Key words: spiritism, hauntology, Sarah Waters, British literature.

Хонтология, или призракология – термин, введенный Жаком Деррида для обозначения парадоксального состояния призрака, который ни существует, ни не существует [2, с. 9], изначально отсылал к особому «бытию» идеи коммунизма, но впоследствии стал использоваться в более широком культурном контексте, также применительно к искусству и литературе. Согласно Деррида, призрак – это «странный голос, одновременно присутствующий и отсутствующий, единичный и множественный, носящий в себе различие, такой же призрачный, как человек, отличный от самого себя и своего духа. Приходящий из прошлого и носящий в себе наследие других эпох, он, тем не менее, непредсказуем и неумолим» [2, с. 11].

Понятие призракологии связано с идеей деконструкции. По логике призракологии, прошлое всегда присутствует в настоящем, но не в первоначальной своей форме, а в виде следа. Так, деконструктивист Джулиан Вулфрис в книге «Викторианские призраки» утверждает, что «рассказывать историю всегда означает вызывать к жизни призраков, открывать пространство, через которое возвращается что-то другое» [11]. В этом отношении особый интерес представляет ревизионистская в отношении репрезентации культурных

практик викторианской эпохи проза Сары Уотерс, профессионального историка и сенсационной писательницы, открывающей малоизвестные страницы социальной и гендерной истории прошлого в своих романах «Бархатные коготки», «Нить, сотканная из тьмы», «Тонкая работа».

Сюжет «Affinity» («Нить, сотканная из тьмы», 1999) включает историю о мошенницах, ложных спиритках, эксплуатирующих интерес викторианцев к философской доктрине Кардека (спиритизм) [3], их веру в реальность посмертной жизни и возможность общения с духами умерших посредством медиумов (спиритуализм) [1]. Жертвой мошенниц становится благородная девица Маргарет Приор, которая испытывает чувство одиночества и отчуждения в собственной семье, глубоко переживает потерю отца, и сталкивается с непониманием со стороны матери. Отчасти из-за настигающей ее депрессии, отчасти движимая высокими помыслами, Маргарет решает стать визитёром тюрьмы Миллбанк, чтобы поддержать несчастных заключённых на их пути к нравственному восстановлению. Ее знакомство с Селиной Дауэс, девушкой осуждённой за мошенничество и насилие, производит на нее сильное впечатление: совершенно чуждая тюремному быту заключенная представляется медиумом и рассказывает о своих спиритических возможностях. Ей также удается убедить Маргарет в своей невинности, постепенно завоевать доверие девушки, чтобы затем грубо разорвать связующую их «духовную» (spiritual) нить.

Любопытно, что увлекательный сюжет романа тесно связан с целым рядом «спиритических» мотивов. В отличие от современных неовикторианских романов А. Байетт («Обладать»), Дж. Барнса («Артур и Джордж»), в романе Уотерс тема призраков и введение эпизодов со спиритическими сеансами – не только часть исторической постмодернистской реконструкции нравов эпохи, но и основной элемент в реализации главной темы *разрушения границ*, разделяющих классы, социальные группы, а также разрушения предписываемых викторианской моралью гендерных ролей. Однако разрушение это театральное, условное, осуществимо лишь отчасти.

Как известно, популярность спиритических сеансов значительно возросла в Англии в эпоху позднего викторианства. Согласимся с Д. М. Холл в том, что использование мотивов спиритизма в романе расширяет, а также нарушает как сексуальные, так и пространственные границы [8, с. 45]. В романе это тюрьма и гостиные во время спиритических сеансов, места, становящиеся совершенно проницаемыми. Уотерс показывает, и положительные, и отрицательные стороны спиритических сеансов: с одной стороны, они являлись своего рода развлечением для викторианского общества и помогали его представителям выйти за пределы привычных социальных ролей; с другой стороны, они продолжали оставаться иллюзией и обманом чувств для доверчивых зрителей.

Медиумизм в представлении викторианцев был одновременно увлекательным и устрашающим (разрушающим границы между реальным и потусторонним, живым и мертвым), но также сомнительным в отношении социальных норм. Медиумом мог стать человек любого происхождения, медиуму позволялось «воплощать» дух мужчин и женщин, использовать телесный контакт, в иных ситуациях недопустимый [10, с. 210]. Это также

давало невиданные возможности как для мошенничества и манипуляций с целью обогащения, так и для воплощения запретных сексуальных фантазий. Подтверждение этому мы видим в романе Уотерс: переодевание в «духа» Питера Квика позволяло горничной Рут Вайгерс в условно легитимной форме воплощать некоторые сексуальные фантазии: «Ты видишь моего медиума раздетым, — говорил Питер. — Вот так же выглядит дух, когда у него забирают тело. Дотронься до нее. Горячая? Очень горячая, сказала мисс Ишервуд» [4, с. 126]. Возможно, избранное Уотерс мужское имя отсылает к знаменитому «злому духу» Питера Квина из «Поворота винта» Генри Джеймса. Интертекстуальная отсылка тем более значима, что именно сексуальные и социальные табу викторианцев во многом объясняют появление фантазмических проекций духов в повести Джеймса.

Кроме того, согласно Л. Барроу, в конце XIX века появилось много примеров распутного сексуального поведения со стороны месмеристов. Растущий интерес викторианцев к спиритизму связан не только с увлечением призраками, но также с желанием ощутить некую сексуальную опасность [5, с. 85]. Популярность сеансов Селины постоянно увеличивалась, как и фривольное поведение ее духа Питера Квика: «Питер предпочитает дам. Он среди них разгуливает, дает подержать свою руку и потрогать бороду. Разрешает поднести огонь к папиросе. Они полагают, что его поцелуи не считаются. Мужчин Питер дразнит» [4, с. 105].

Спиритизм также выступает как условный язык для выражения трансгрессивных желаний Маргарет и Селины в романе, позволяет соблюсти табу и одновременно разрушить его. Как отмечает М. Льюэлин, именно спиритизм способствовал выражению недопустимых в обществе побуждений, теперь принимающих форму «духов» [10, с. 210]: «Вы мой медиум, сказала Селина. Она подошла чуть ближе и взглянула на мое горло под воротником. Вы чувствуете, что я рядом? Чувствуете, что я окружаю вас? Мой дух приходит к вам по ночам» [4, с. 144].

В романе «Affinity» появление призраков и спиритические сеансы представлены также как способ материального заработка для представителей низшего класса. Как считает Б. Клоновска, «Affinity» дает иллюстрацию ложного спиритизма [9, с. 171], далекого от проявления сверхъестественных способностей, но становящегося эмблемой торжества представителей низших классов над «покорными их воле» высшими, к тому же зачастую расстающимися со своим материальными богатствами. Роман, в финале которого бывшие горничные (мошеницы-спиритки), завладев деньгами и платьями аристократки, празднуют освобождение от любого заключения (тюремного и социального), выносит на обсуждение политические и социальные проблемы, такие как классовое неравенство и несправедливость.

Исследуя неовикторианскую литературу, Л. Хадли отмечает тот факт, что большинство медиумов викторианской эпохи были женщинами, которым удалось бросить вызов викторианской гендерной идеологии и осуществить свою власть в «духовном мире». Спиритизм давал возможность женщинам-медиумам почувствовать некую свободу, а также заметно улучшить свое социальное положение [6, с. 87]. В романе Уотерс, Селина попала в дом к состоятельной миссис Бринк и, став спиритом для нее и ее знакомых,

наслаждалась всеми удобствами, доступными леди из высшего общества: «Миссис Бринк говорит, чтобы я не вздумала вылезать из постели раньше десяти утра. Теперь Рут приносит мне завтрак и подает платье; если вдруг я уроню платок, чулок или еще какую пустяковину, она их поднимет, а попробуй я сказать «спасибо», улыбнется и проворчит: «Да что вы, мисс, нечего меня благодарить!»» [4, с. 76].

Следует отметить, что Селина отлично справлялась с ролью медиума, никто из посетителей не мог усомниться в ее спиритических способностях. Не жалея сил и фантазии, Селина и Рут устраивали во время сеансов настоящие спектакли: «Стянутые бечевкой кисти и лодыжки Селины привязывали к стулу, а узлы заливали сургучом; или же заводили ее руки за спинку стула и пришивали рукава к платью. Глаза и рот закрывали шелковой лентой; иногда сквозь дырочку в мочке уха пропускали нитку, которую крепили к полу за шторой, но чаще всего Селина просила надеть ей на шею бархотку с привязанной к пряжке бечевкой, которую не выпускала из рук дама, сидевшая в круге» [4, с. 75]. Перформативность в романе подчеркивает Э. Хейлман, которая отмечает, что спиритическое действие в нем становится симуляцией и производит эффект тройного обмана: на персонажей романа, обманутых гомосексуальной парой; на главную героиню Маргарет, которая хотела воплотить свои трансгрессивные желания и стала жертвой обмана; на читателей романа, которые благодаря спиритическому маскараду находятся в неведении и в ожидании счастливого конца лесбийской лавстори [7, с. 25].

Спиритические сеансы в романе Уотерс подобны театру, в котором разыгрывалось представление, и сидели зрители, а так называемые медиум и его дух, подобно актерам, надевали свои сценические образы и впечатляли публику ярким зрелищем. Спиритизм в романе «Affinity» является инструментом расширения социальных и гендерных границ, а также обретения материальных благ, личной свободы и классовой независимости. Однако все из этих побед оказываются иллюзорными или вводящими в иллюзии, далекими от реальной жизни «призраками» чаемой свободы.

Список использованных источников

1. Веницкий И. Ю. Общество мертвых поэтов. Спиритическая поэзия как культурный феномен второй половины XIX века // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 1 (№ 71). — С. 133–165.
2. Деррида Ж. Призраки Маркса. М.: Logos altera, Ecce homo, 2006. С. 256.
3. Кардек А. Книга медиумов. М.: Изд-во Ренессанс, 1993. С. 251.
4. Уотерс С. Нить, сотканная из тьмы. М.: Эксмо, 2011. С. 169.
5. Barrow L. Independent Spirits: Spiritualism and English Plebeians, 1850–1910. Routledge & Kegan Paul, London, 1986. P. 350.
6. Hadley L. Neo-Victorian fiction and historical narrative: The Victorians and us. Houndmills, UK: Palgrave, 2010. P. 192.
7. Heilman A. Doing It With Mirrors: Neo-Victorian Metatextual Magic in Affinity, The Prestige and The Illusionist // Neo-Victorian Studies 2:2. – Winter 2009/2010. – P. 18–42.
8. Hall D.M. Space and Sexuality in the Post-Victorian Fiction of Sarah Waters // School of English, Journalism and European Languages, the University of Tasmania. Tasmania, 2006. P. 88.

9. Klonowska B. Haunting across the Class Divide: Sarah Waters's Affinity and The Little Stranger // AVANT. — Vol. VIII, No. 2. — 2017. — P. 171—178.
10. Llewellyn M. “‘Queer? I Should Say it is Criminal’: Sarah Waters' Affinity.” // Journal of Gender Studies 13.3. — 2004. — P. 203—214.
11. Wolfreys J. Victorian Hauntings: Spectrality, Gothic, the Uncanny and Literature. Palgrave Macmillan, 2001. P. 175.

УДК 821.(931)=111:159.923.2-054

**ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
КАК ТЕМАТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В РОМАНЕ
КЕРИ ХЬЮМ «ЛЮДИ-КОСТИ» («THE BONE PEOPLE»)**

Ю. Ю. Кравинская¹, Н. А. Хлыбова²,

*¹ старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу центральных тем романа новозеландской писательницы Керри Хьюм «Люди-кости» («The Bone People»). Анализ проводится в контексте исследования репрезентации национальной идентичности в прозе Маорийского ренессанса. Авторы считают необходимым доказать, что выбор тематики обусловлен отображением формирования национальной идентичности новозеландца в постколониальном пространстве. В статье представлен анализ следующих тем произведения: изоляция, христианские мотивы, единение.

Ключевые слова: национальная идентичность, постколониальное пространство, Маорийский ренессанс, гибридность, тема произведения.

Summary. The article is devoted to the themes analysis of the novel «The Bone People» by Keri Hulme, New Zealand. The analysis is conducted in the context of the national identity representation research in Maori Renaissance prose. The authors find it necessary to prove the theme choice is determined by the description of national identity forming in the postcolonial space. The analysis of such themes as isolation, Christian motives, unity was presented.

Key words: national identity, postcolonial space, Maori Renaissance, hybridity, theme.

Национальная идентичность, как осознание тождественности определенному национальному характеру, является предметом литературной репрезентации. С. Г. Тер-Минасова охарактеризовала роль классической литературы в формировании национальной идентичности: «Национальные классические литературы – это важнейший источник информации о корнях национальной идентичности, это ключ к «волшебной двери», а вернее – к «семи дверям с семью печатями», за которыми хранится загадочная душа любого народа, потому что все различия национальных идентичностей, характеров и культур непонятны и загадочны для других народов» [4]. Для постколониального

пространства поиск национальной идентичности является объединяющим элементом, как и исторический контекст колонизации. Национальные литературы, возникшие на почве становления новых англоязычных наций и возрождения культуры колонизированных народов, стали инструментом поиска отличительных национальных признаков. Ф. Фанон, описывая литературу Негритьюда, подчеркнул ее важность для становления национальной идентичности: «Это литература борьбы, так как она формирует национальное самосознание, давая ему форму и границы, и раскрывая перед ним новые, безграничные горизонты;...» [6, с. 239]. Следует подчеркнуть, что сказанное о литературе Негритьюда — типично и для постколониальных литератур. Б. Эшкрофт, Г. Гриффит, Х. Тиффин, теоретики постколониализма, также отмечают системную роль литературы для поиска национальной идентичности: «Литература [постколониальная] представляет собой одним из наиболее важных способов выражения этого нового восприятия, и именно текст ... кодирует ежедневную реальность колонизированных людей, что делает его влияние наиболее сильным» [5, с. 1].

Цель статьи — доказать, что вопрос формирования национальной идентичности новозеландца является основополагающим для создания тематической канвы романа Кери Хьюм «Люди-кости» (“The Bone People”, 1985). Актуальность анализа обусловлена расширением практического материала по исследованию репрезентации национальной идентичности в современной прозе англоязычных авторов маори. Выбор произведения определен тем, что мировое признание романа привлекло внимание критиков-литературоведов к явлению Маорийского ренессанса. Роман был отмечен национальными премиями (Mobil’s Pegasus Prize, 1984; New Zealand Book Award for fiction, 1985), и в 1985 был награжден Букеровской премией. Еще одним фактором, определяющим необходимость анализа произведения в рамках исследования репрезентации национальной идентичности, является специфика романа, которая возводит его до уровня «модели национального бикультурализма» [3]. В отличие от других авторов-маори К. Хьюм не считает первостепенным раскрытие проблематики сосуществования маори и пакеха (Pakeha – маор. белый поселенец) в современной Новой Зеландии. Автор уделяет больше внимания таким вопросам, как творческий кризис, насилие в семье, развитие асексуальных отношений, преломление концепта «мультикультурализм» на бытовом уровне. Хьюм пытается не противопоставлять культуру маори культуре белого населения островов, а предложить путь от взаимного непонимания и отрицания внутри социума к осознанию и слиянию в новую бикультурную структуру.

В романе присутствуют ряд магистральных тем, которые, постепенно раскрываясь, образуют сюжетно-тематический конструкт, характер связей внутри которого обусловлен поиском национальной идентичности. Первой из инкорпорированных автором тем является изоляция. Главные герои романа, Керевин Холмс, немой мальчик Саймон и его приёмный отец Джо, выбирают путь изоляции в попытке решить внутренний кризис. Керевин Холмс, находясь в творческом кризисе, живет в одиночестве в своём жилище-маяке на берегу океана. Саймон, переживший кораблекрушение и потерю родителей, чувствует себя в изоляции от общества из-за физической и психологической травмы, вследствие которой он страдает немотой. Джо

замкнулся в себе, переживая недавнюю смерть жены. Хьюм указывает на деструктивность изоляции для выхода из кризиса. При этом, Саймон и Джо тяготятся изоляцией, но боятся сделать шаг на встречу, а Керевин не желает разбивать эмоциональные границы, проложенные вокруг ее личного пространства. Джо рассуждает о Керевин: «... *I wonder what she really thinks of us? me? She never show anything much. ... God, what makes her tick? She must feel like this sometimes... but she never shows it. She's distant as a stone*» [7, с. 174]. На этом этапе возникает вопрос, что связывает главных героев, когда никто из них не проявляет желания сближаться. Единственным скрепляющим элементом остается необходимость заботиться о Саймоне, что эмоционально не сближает героев.

Раскрывая тему добровольной изоляции героев, К. Хьюм отражает различия в восприятии изоляции не только как пространства страдания, но и как пространства свободы. А. Н. Крылов характеризует природу изоляции через стремление к индивидуализации, свойственное европейской культуре: «Этому соответствует амбивалентное отношение к групповой идентичности: с одной стороны, желание быть признанным, быть своим, с другой — стремление к свободе, в том числе свободе от обязательств, от установленных обществом норм и стереотипов поведения, от самого общества» [1, с. 96]. Та же амбивалентность проявляется в кризисной природе национальной идентичности маори. В постколониальном пространстве маори, обладая опытом колонизированного, находятся в кризисе амбивалентного восприятия собственной идентичности. Возникает вопрос о национальной принадлежности и маори пытаются отказаться от мимикрии, свойственной колонизированным этносам и не раствориться в новозеландском обществе, что видится возможным при культурной изоляции, сохранении чистоты национальной идентичности и поиске ее доколониальных истоков.

Далее К. Хьюм обращается к христианской теме, которая выражена через символизм треугольника героев. К. Хьюм с помощью аллюзий и метафорических описаний предлагает читателю следующую ассоциативную связь: Саймон символизирует Иисуса Христа; Джо, его приемный отец, несет на себе символическое сходство с Иосифом; Керевин Холмс проявляет к нему материнские чувства, и воспринимается читателем символом Девы Марии. Но символизм этой троицы оказывается предметом авторской деконструкции, которая позволяет глубже увидеть проблематику произведения и критичность поиска национальной идентичности для маори.

Саймон, также как и Иисус, подвергается гонениям. Его образ вызывает сострадание у читателей из-за физической неполноценности и пережитой трагедии. Но причина гонений более чем прозаична: Саймон незаконно проникает в дома, замешан в мелких кражах, не подчиняется нормам поведения, принятым в обществе. Джо, при символическом сходстве с Иосифом, подвержен неконтролируемым вспышкам гнева, которые приводят к насилию над Саймоном. Керевин Холмс символически близка к Деве Марии тем, что она асексуальная девственница и видит в Саймоне ребёнка, а не проблему. Но в отличие от Девы Марии Керевин не представляет собой юную неопытную девушку, не чувствует себя избранной для высокой миссии. Иными словами, герои романа теряют христианский символизм, который был подвергнут авторской деконструкции, но финал романа опять возвращает читателя к идее

христианской протосемьи, и даёт понимание, что данная ассоциация работает только при слиянии героев в единое целое.

Деконструкция христианской темы для К. Хьюм — пересмотр наследия колонизаторов. Христианские миссионеры выступали посредниками между местными племенами и колониальными властями, и обосновывали важность колонизаторской культуры для маори как более прогрессивной. С. П. Миرون характеризует доктрину распространения христианства: «После того, как они (маори) признают превосходство европейской цивилизации, по мнению С. Марсдена, они обратятся к его основе — христианству» [2, с. 19]. Маори сначала познакомились с материальными продуктами колониальной культуры, а затем с идеями христианства. Они делали выбор в пользу христианства именно в обмен на получение предполагаемых благ, а не в отказ от язычества, что привело к возникновению гибридного варианта христианства и язычества. Это показано в романе, где присутствуют христианские артефакты, но они потеряли сакральный смысл. Так, например, Саймон дарит четки Керевин: *«There is no crucifix. ... There is a ring on the rosary. The chain of beads has been broken and rejoined through it.»* На четках нет христианских символов, а на кольце изображен феникс. Но Саймон не знает предназначение четок, и Керевин объясняет ему: *«...it's yours. It's also something you use when you pray...»* [7, с. 67]. Для Саймона это красивая безделушка, которую он дарит новому другу, стащив предварительно у нее кольцо. Возникает аллюзия на христианские миссии, которые одаривали маори семенами и шерстяными одеялами за принятие христианства и не препятствовали отчуждению родовых земель. Иными словами, автор с помощью темы христианства показывает формирование гибридной природы идентичности, в которой важны элементы материальной культуры европейцев и смысловые интерпретации маори.

Идея перерождения и слияния главных героев в единое целое раскрывает следующую тему романа — утопическое единство маорийской и западной культуры. Единство Джо Саймон Керевин функционирует как аллегория в контексте постколониализма. Джо олицетворяет маорийскую культуру, Саймон — европейскую, а Керевин — порождение культурного столкновения, имея гибридные корни, маори и европейские. Болезни героев (раковая опухоль Керевин, вспышки агрессии и алкоголизм Джо, немота и амнезия Саймона) представляют собой образы культурных «болезней» новозеландского общества. Герои преодолевают их через перерождение, создание семьи и закрепления их единства через сублимацию (Джо вырезает маорийский тотемный столб, в котором соединяет черты Саймона, Керевин и свои). Керевин осознает ценность единства: *«but not me alone. He's the bright sun in the eastern sky, and he's the moon's bridegroom at night, and me, I'm the link and life between them. We are chance we three, we're the beginning free»* [7, с. 424]. Она выступает связующим элементом между Джо и Саймоном, так как обладает гибридной природой. Тем самым, автор утверждает, что будущее новозеландской нации в единстве двух культур. Идентификационный путь маори и пакеха должен стать общим, и они смогут формировать национальную идентичность на бикультурной основе.

В статье были рассмотрены три центральные темы романа «Люди-кости» новозеландского автора Кери Хьюм. Была проанализирована сюжетная связь между ними и высказана идея, что тематический выбор основан на репрезен-

тации идентификационного поиска, который показан в произведении на примере развития отношений между главными героями Керевин, Джо, Саймона. Развивая тематическую картину произведения, автор показывает этапы развития национальной идентичности, каждый из которых коррелируется с раскрываемой темой. Первая них — добровольная изоляция как форма защиты от кризиса, обусловленного внешними факторами, что олицетворяет попытку маори изолироваться от белого населения в идентификационных поисках. Авторская деконструкция темы христианства показывает невозможность применения сугубо европейской основы как для поиска связей между героями, так и для формирования национальной идентичности. Третья тема — слияние главных героев, которое становится возможным с преодолением болезни каждого из них. Керевин, имеющая гибридную природу, выступает сцепкой между Джо и Саймоном, что олицетворяет соединение двух культур через гибридность.

Список использованных источников

1. Крылов А. Н. К вопросу о кризисе идентичностей // Знание. Понимание. Умение. Гуманитарные науки: теория и методология. — 2007. — № 3. — С. 95–103.
2. Миронов С. П. Британские колонизаторы и туземцы Новой Зеландии 1769–1840 гг.: междивилляционные отношения в контексте колониальной политики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. С., 2006. 28 с.
3. Павлов Е., Уильямс М. Вновь приводя в замешательство: малые литературы Аотеароа / Новой Зеландии [Электронный ресурс] // НЛО Независимый филологический журнал. — 2007. — № 85. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/pa23.html> (дата обращения 17.01.19).
4. Тер-Минасова С. Г. Национальные литературы в диалоге культур в эпоху глобализации. Аспекты национальной идентичности [Электронный ресурс] // Россия и Запад: диалог культур. — 2012. — № 1. — Режим доступа: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-15-01/163--1-r.html> (дата обращения 10.02.19).
5. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin. H. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. 2nd ed. L. & N.Y.: Routledge, 2010. 283 p.
6. Fanon F. The Wretched of the Earth. NY.: Grove Press, 2004. 251 p.
7. Hulme K. The Bone People. NY.: Penguin Books, 1983. 449 p.

УДК 82.0

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА “BLACK SWAN GREEN”

Т. В. Мельниченко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данного исследования является выявление и анализ особенностей создания и функционирования образа времени в романе современного британского писателя Д. Митчелла “Black Swan Green”. Делается вывод о том, что образ времени в романе связан с мотивом движения, мотивом развития, становления главного героя в результате испытаний, которым

он подвергается на пути к взрослению, с мотивом противопоставления преходящего и вечного, конечного и бесконечного. Субъективное восприятие времени проявляется в оценочном отношении к описываемым событиям и фактам, в создании разных образов времени.

Ключевые слова: художественное время, мотив, образ, роман.

Summary. The article deals with the category of time in the novel *Black Swan Green* by D. Mitchell. It explores the image of time created through the motives of movement, development, opposition between eternal and transient, endless and terminal.

Key words: time, motive, image, novel.

Пространство и время являются основными формами существования материи, присутствующими в реальном мире во всех его проявлениях. В художественном тексте, в независимости от его жанровой специфики, отражаются события, явления или психическая деятельность человека в их пространственно-временной ориентированности. Процесс активного изучения пространственно-временных категорий активно идет в науке о литературе начиная со второй половины XX в. В своей фундаментальной работе «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» М. М. Бахтин называл «время в литературе» «ведущим началом в хронотопе» [1, с. 122]. В современной лингвистике художественное время трактуется и изучается как текстовая категория [10, с. 88], которая участвует в организации содержательной стороны произведения [7, с. 185], композиции, выражает «движение художественной действительности во времени и в пространстве» [8, с. 43], обеспечивает эффект конкретности и реалистичности описания [2, с. 89]. Категории пространственно-временных отношений, или хронотопа, имеют жанровое значение и понимаются как формально-содержательная категория литературы.

Как отмечает Н. А. Николина, в художественном произведении соотносятся различные аспекты и формы художественного времени [5]. Но наряду с этим, создаётся и образ самого времени, «связанный с мотивом движения, развития, становления, с противопоставлением преходящего и вечного» [5, с. 98]. Данное исследование посвящено анализу и систематизации особенностей создания образа времени в современном английском романе воспитания на материале произведения Д. Митчелла “*Black Swan Green*”.

Образ времени в романе связан, в первую очередь, с мотивом **движения**. Поступательное движение времени отражается в композиционной структуре произведения, каждая глава которого описывает события, происходящие в жизни главного героя Джейсона Тейлора последовательно в течении каждого месяца на протяжении одного календарного года, 1982. Непрерывность сюжетного времени достигается за счет последовательной смены временных и пространственных фактов в пределах описываемых отрезков времени (в данном случае – в пределах главы романа), и реализуется посредством хронологически последовательного развертывания событий – месяц за месяцем, день за днем, без явно выраженных временных смещений и сдвигов, за исключением небольших по объему элементов ретроспекции. Прерывность, или дискретность художественного времени в романе проявляется, в частности, в сжатии или расширении сюжетного времени. Так, эффект расширения времени достигает

ся тем, что из всего временного континуума «выхватываются» и даются крупным планом лишь наиболее значимые и яркие события каждого месяца, происходящие, в подавляющем большинстве, в течении одного или нескольких дней. Так, события первой и последней глав происходят в течении одного дня, второй – в течение двух и т.д. О том, что происходило в промежутках между описываемыми событиями, читателю или не сообщается, или сообщается сжато и коротко.

Такой принцип организации временного плана произведения связан не только с мотивом движения времени, но и с мотивом **развития, становления** главного героя в результате испытаний, которым он подвергается на пути к взрослению. Этот мотив реализуется в тексте с помощью пространственного образа пути (дороги), на котором происходит множество встреч, каждая из которых меняет Джейсона. Образ пути в символической форме воплощает жизненный путь главного героя, который ищет себя, ищет способы взаимодействия с окружающим миром, познает его и проходит ряд испытаний. Образ пути – традиционный пространственный образ, и в тексте произведения он реализуется в системе лексических повторов, развёрнутых метафор и сравнений, повторяющихся и формирующих сквозной мотив движения и преодоления себя: *“The sequence of doors we passed made me think of all the rooms of my past and future”* (Пока мы шли через все эти двери, я задумался обо всех тех дверях и комнатах, которые встречались и ещё встретятся в моей жизни). *“The bridlepath narrowed to single file”* (Верховая тропа сузилась до тропинки).

Образ времени в романе создается, в том числе, и через мотив **противопоставления** преходящего и вечного, конечного и бесконечного. Символом вечного для главного героя романа является память – и личная, и историческая. Так, говоря о событиях Фолклендской войны, он убеждён, что люди будут помнить это «до конца времён»: *“People’ll remember everything about the Falklands till the end of the world”*. Личная память хранит воспоминания о людях, давно умерших, о вещах и событиях, давно исчезнувших и прошедших. Джейсон размышляет о том, что время безжалостно уничтожает все внешнее, видимое, материальное. Рассказ мадам Кромеллинк о несчастливом браке ее отца и матери наводит его на размышления о своих собственных родителях, чьи отношения уже на грани разрыва. Направление движения времени становится неважным, когда ему удаётся увидеть черты схожести, общности человеческих судеб вне зависимости от исторического времени: *“Photographs make me forget if time is forwards or backwards. No, photographs make me wonder if there is a forwards or backwards”* (Глядя на снимки, я всегда забываю, в какую сторону движется время – вперед или назад. Нет, даже не так: фотографии вообще заставляют меня задуматься – а существует ли «вперед» и «назад»?). Таким образом, фотографии в романе символизируют историческое прошлое и память о нем, разрушительную силу времени, и в то же время – присутствие прошлого в настоящем через тему любви.

Противопоставление преходящего и вечного происходит и через обращение к теме смерти, которая раскрывается в романе как на уровне сюжетно-композиционном (смерть одного из местных жителей, тома Юи, брата

одноклассника Джейсона), так и на уровне образной структуры произведения (замерзший котенок, надгробия на кладбищах). Смерть воспринимается главным героем как неизбежный и логический исход всего на земле: *“Dead things show you what you’ll be too one day”* (Мертвые показывают нам, какими мы сами станем однажды), вызывает уважение. В то же время в романе звучит мысль об абсолютной ценности человеческой жизни и свободы.

Прошлое, настоящее и будущее находятся в постоянном и тесном взаимодействии, переплетаются, прорастают друг в друга, создавая живую и подвижную перспективу. Настоящее неизбежно сменяет прошлое, и в романе этот процесс строится не на подростковом бунте главного героя, как можно было бы ожидать, принимая во внимание его возраст, а на постепенно, исподволь происходящих изменениях в его мировоззрении, характере, жизненных ценностях. Две сюжетные линии связаны с темой **изменений**, которые происходят в жизни главного героя. Первая касается перемен в семье, которые не зависят от Джейсона (отъезд старшей сестры, развод родителей, необходимость смены места жительства), но становятся источником размышлений о природе человеческих отношений. Через эту сюжетную линию реализуется мотив неотвратимого, поступательного движения времени, неизбежной и закономерной смены одного этапа жизни другим: *“The world won’t leave things be. It’s always injecting endings into beginnings. ...The world never stops unmaking what the world never stops making”* (Мир не позволяет вещам просто быть. Всегда есть начало и конец. ...Мир всегда разрушает то, что создает).

Вторая сюжетная линия касается отношений Джейсона со сверстниками, которые травят его за то, что он «другой» (не коренной местный житель) и за то, что он заика. Год описываемых событий стал для него периодом очень непростых испытаний, проверки на прочность, верность своим принципам и стал решающим для формирования его характера. В данном случае настоящее не просто сменяет прошлое – происходит мощная трансформация, в результате которой на свет рождается «новый» Джейсон: *“Everything that’s wrong with us, if we’re too selfish or too Yes, Sir, No, Sir Three Bags Full, Sir or too anything, that’s a hidden step. Either you suffer the consequences of not noticing your fault for ever, or one day, you do notice it, and fix it”* (Все, что в нас есть, все плохое, наш эгоизм и наша готовность соглашаться с тем, с чем мы не хотим соглашаться, – это и есть наши грабли. И тут есть два пути: либо мы всю жизнь будем страдать от нежелания замечать и признавать свои ошибки, либо мы научимся замечать и признавать и исправлять их). В обоих случаях реализуется линейная модель времени, в которой время течет от настоящего в будущее, а пространство бесконечно и простирается во все стороны. Именно в такой модели возможен психологизм, так как человек в ней понимается как существо, способное к развитию и изменению.

Субъективное восприятие времени проявляется в **оценочном отношении** к описываемым событиям и фактам, в создании разных образов времени. Например, время может быть старым и молодым, правдивым и не очень: *“Time in woods’s older than time in clocks, and truer”* (Время в лесу старше, чем в часах, и правдивее). В зависимости от ситуации оно может ползти, бежать, стоять на месте: *“one whole minute later, just for a minute”* (целую минуту спу-

стя, всего лишь минуту). Время может быть другом, а может – врагом: “*The unfriendly clock’s second hand shuddered, shuddered, shuddered, shuddered*” (Злая секундная стрелка на часах двигалась медленно, медленно, медленно). Время может обладать физическими характеристиками вещества. Например, когда Джейсон сочиняет стихотворение, он проталкивает через себя время, словно воду по трубам: “*Fitting words together makes time go through narrower pipes but faster*” (Когда ты пишешь, время меняется – оно словно под давлением движется по узкой трубе, становится тугим и быстрым). Наслаждаясь свободой, он сравнивает время с шоколадом: “*Every single hour of today is a Black Magic chocolate, waiting in its box for me*” (Каждый час сегодняшнего дня – как плитка шоколада). Когда он заикается, время становится похожим на «горящий фитиль динамитной шашки» (a time fuse lit). И справиться со своим недугом он сможет, лишь “*making that fuse infinitely long, so that the dynamite’d never go off*” (...сделав этот фитиль бесконечно длинным, настолько длинным, что динамит никогда не взорвётся). В ряде образов временные характеристики дополняются пространственными, что придает им объемность и выразительность.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 121–291.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
3. Кандрашкина О. О. Средства создания пространственно-временного фона в современных англоязычных североирландских романах: дис. ... кандидата филол. наук. Самара, 2013. 193 с.
4. Нестерик Э. В. Языковые средства выражения субъективного восприятия времени в английском художественном тексте: дис. ... кандидата филол. наук. Москва, 2007. 196 с.
5. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Русский язык и литература». 3-е изд., стер. Москва: Академия, 2008. 268 с.
6. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журналистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368с.
7. Пелевина Н. Ф. Стилистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1980. 272 с.
8. Рейман Е. А. О роли инициальных детерминантов предложения в структуре текста // Общественно-политический и научный текст как предмет обучения иностранным языкам. М: Наука, 1987. С. 38–52.
9. Темирбулатова А. Б. Художественное время и пространство: их значение и функции // Вестник КазГУ. Серия филологическая. – 2001. – №1. — С. 60–67.
10. Тураева З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). Учебное пособие. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
11. Mitchell D. Black Swan Green [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: <http://www.read222.com/black-swan-green> (дата обращения 02.03.2019).

*Е. В. Полховская*¹, *Т. А. Радченко*²,

¹ кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой английской филологии, доцент,

Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь

² ассистент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности типизации и функционирования нарратора в романе М. Эмиса *House of Meetings*. Исследование проводится с позиции рецептивной критики с применением нарративных методов исследования. Нарратор определяется с точки зрения индивидуализации, эксплицитности, диегетичности и положения в системе обрамляющих историй. Также проводится параллель между нарратором, метаавтором (имплицитным автором) и фиктивным образом автора.

Ключевые слова: нарратор, индивидуализация, эксплицитность, диегетичность, метаавтор, образ фиктивного автора.

Summary. The article explores the typical features and functions of the narrator in the novel *House of Meetings* by M. Amis. The research has been carried out from the perspective of receptive criticism while employing the methods of narrative study. The narrator is defined from the point of view of personalization, explicitness, diagesis and position in the story framing. The parallel has been made between the narrator, meta-author (implicit author) and the image of the fictitious author.

Key words: narrator, individualization, explicitness, diagesis, meta-author, image of the fictitious author.

К ключевым объектам изучения нарратологии традиционно наравне с фикциональностью, соотнесенностью исторических и вымышленных повествований (принцип т.н. «великой нарратологии» П. Рикёра и «тропологии» Х. Уайта), построением интриги, соотношением персонажа и сюжета, нарративными трансформациями и теорией «точки зрения» относится проблема нарратора, или фиктивного нарратора (в пределах фикционального «повествуемого» мира). В данном аспекте одной из важных проблем является выявление индивидуальности или личностности нарратора, которой последний может быть как наделен в избытке, так и полностью лишен. В рассматриваемом нами романе М. Эмиса *House of Meetings* нарратор не просто является ярко персонализированным, но и текстопорождающим субъектом нарратива, в котором повествование ведется от первого лица: «*My little brother came to camp in 1948 (I was already there), at the height of the war between the brutes and the bitches... Now that wouldn't be a bad opening sentence for the narrative proper, and I am impatient to write it. But not yet. 'Not yet, not yet, my precious!'*» [5, с. 7].

С индивидуальностью нарратора также тесно связан принцип его имплицитного или эксплицитного изображения, при этом эксплицитное изображение всегда выступает в роли некой надстройки по отношению к имплицитному. Так, согласно В. Шмиду? нарратор может быть охарактеризован с точки зрения а) модуса повествования, б) нарративной компетентности, в) социально-бытового статуса, г) географического происхождения, д) образованности и умственного кругозора и е) мировоззрения [4, с. 39]. Приведем некоторые примеры из романа, которые позволяют с полной уверенностью судить об эксплицитности изображения нарратора.

Интенционально, по модусу повествования нарратив представляет собой книгу-исповедь, которую нарратор написал или, скорее, пишет для своей падчерицы, и характеризуется неспонтанностью и высокой степенью риторичности в лучших традициях эмисовского академического стиля «вычурных излишеств». Тем не менее, нарратор не всеведущ и не наделен способностью к интроспекции в сознание других героев, на чем и строится главная интрига романа, в котором нарратор-протагонист пытается найти ответ на вопрос – что же случилось в доме свиданий (*House of Meetings*) в 1956 году и почему его страна умирает.

С точки зрения социально-бытового статуса положение нарратора нестабильно и напрямую зависит от временной перспективы повествования, которое можно условно разбить на несколько периодов: 2004 год (настоящее, состоятельный пожилой малопривлекательный седоволосый мужчина с дурным характером: «*It's massively established, aboard the Georgi Zhukov, that I am a vile-tempered and foul-mouthed old man – huge and shaggy, my hair not the downy white of the unprotesting dotard but a jagged and bitter grey*»[8]); 1945 год (солдат, насильник: «*I lost my virginity to a Silesian housewife, in a road-side ditch, after a ten-minute chase*» [5, с. 27]); 1948 – 1956 года (заклученный Норлага, бунтарь, убийца: «*I was unrecognizable. In a matter of weeks I had become a Stakhanovite of agitation, a 'shock' stirrer – demands and demonstrations, pickets, petitions, protests, provocations*» [5, с. 83]); реабилитационный период (карьера, финансовое благополучие: «*I always had a lot of spare cash, even in the USSR. But now I'm rich. For the record (and this is my record), just one patent, but with wide applications: a mechanism that significantly improves the 'give' of prosthetic extremities...*»[5, с. 9]); 1980 – 2000-ые годы (эмигрант, новая семья в США – из опосредованных комментариев и обращений к падчерице: «*It could be objective, and I would not argue, that I didn't deserve your mother; and I didn't deserve to have you in the house for nearly twenty years*» [5, с. 2]).

Стоит отметить, что говоря о нестабильности социально-бытового статуса нарратора, мы в большей степени имеем в виду нестабильность статуса «повествуемого я», тогда как «повествующее я» определяется исключительно временной перспективой настоящего (2004 года), при этом другие временные перспективы могут восприниматься как имплицитный аккумулялированный опыт.

Географическая принадлежность нарратора определяется несколькими противоречивыми факторами, а именно: самоопределением нарратора одновременно в качестве русского, примеряющего на себя маску англичанина (скорее, относительно формы и стиля повествования: «*Please, indulge the slight eccentricity in my use of dialogue. I'm not being Russian. I'm being 'English'*» [5,

с. 13]) и «возвращающегося к своим национальным корням» европейца, осмысляющего «себя» в России и Россию в «себе» (в идейно-философском и сюжетном плане: *«My eyes, in the Conradian sense, have stopped being Western and started being Eastern. ... My mother tongue – I find I want to use it as little as possible. If Russia is going, then Russian is already gone. ... The rest of me, even so, is becoming Eastern – re-Russifying»* [5, с. 12]). Что касается кругозора и мировоззрения нарратора, то они выражены как эксплицитно, так и имплицитно, и, с нашей точки зрения, непосредственно связаны с «замыслом текста», иными словами, имплицитным автором (или метаавтором) и образом фиктивного автора, о которых речь пойдет ниже.

Принимая во внимание все вышесказанное, нам также необходимо ответить на вопрос о диегетическом или недиегетическом характере нарратора в романе. Исходя из того, что диегетический нарратор одновременно является и субъектом и объектом повествования, мы можем выделить присутствие двух типов нарратора: первичного диегетического (он же безымянный нарратор-протагонист) и вторичного диегетического (Лев, один из главных персонажей, единокровный брат нарратора-протагониста). В системе обрамляющих историй произведения Лев выступает в качестве вторичного нарратора в пятой (заключительной) главе четвертой части романа, которая представляет собой реинтерпретацию предшествующего ей повествования и, содержательно заполняя лакуны-недосказанности, подводит его к логическому завершению и исчерпанности интриги: *«You may live but you won't love. Now, it would be ghoulish to say that I had lost all my love. And not true, not true. This is what had happened to me, brother – I had lost all my play. All. ... When you've lost all your play, guess what love becomes. Work... I cried in my sleep. And it was always the same dream. The dream was a dream called the House of Meetings»* [5, с. 181]. *«They did more than take our youth away. They also took away the men we were going to be»* [5, с. 189]. Так, появление вторичного нарратора выполняет определенную организующую, структуро- и интригоформирующую функцию в произведении.

В контексте данного исследования также важно отдельно выделить понятия имплицитного автора (метаавтора) и образа фиктивного автора. Так, Г. А. Жиличева в своих работах уделяет большое внимание проблеме «ненадежность нарратора», в частности, она указывает на характерное для современного романного дискурса постулирование фигуры «метаавтора», что приводит к «нарративному солипсизму» и ставит под вопрос «надежность» повествуемой реальности. Исследователь также отмечает роль паратекста в произведении, в рамках которого нарратор выступает в качестве составителя, комментатора и редактора, а не только рассказчика [1, с. 35]. В этом аспекте ей также созвучна теория Виллема Вестстейна, который выделял «имплицитного автора» как техническую инстанцию (сопоставим с метаавтором), отвечающую за структуру текста, и «автора в тексте» проявляющегося в отдельных идеях (в данной работе – с той оговоркой, что «автор в тексте» понимается как образ фиктивного автора).

Что касается паратекстуальных элементов, то в исследуемом романе отсутствует авторское вступление, послесловие или же комментариев, которые заменяются графически маркированными (курсивом) рамочными конструк-

циями эпистолярного характера (саморефлексирующее письмо), где нарратор берет на себя функцию имплицитного автора (метаавтора), комментирующего и характеризующего причины, повод и сам процесс написания книги (экскурса в свое прошлое): «*When at first I assembled the facts before me, black words on a white page, I found myself staring at a shapeless little heap of degradation and horror. So I've tried to give the thing a bit of structure. Inasmuch as I could locate a semblance of form and pattern, I felt less isolated and could sense the assistance of impersonal forces (which I badly needed)*» [5, с. 1]. «*Any moment now I will click SEND. Go, little book, go, little mine tragedy*» [5, с. 196].

Говоря об образе фиктивного автора в произведении, можно выделить ряд безличностных комментариев-рассуждений, образующих широкое поле идейно-мировоззренческую проблем, тем и стилистических особенностей, характерных не только для данного романа, но и ряда других произведений М. Эмиса; к ним относятся темы власти, насилия, ответственности, страха смерти и рождения, разрушительной силы старения, эвтаназии, определение бытия сексуальным началом и порнографизация повествования.

Таким образом, в романе *House of Meetings* нарратор занимает ключевую роль в повествовании, выполняет организующую функцию на структурном, содержательном и метатекстуальном уровнях произведения и в совокупности с образом фиктивного автора создает направляющую канву повествования.

Список использованных источников

1. Жиличева Г. А. Функции «ненадежного нарратора» в русском романе 1920-30-х годов. Вестник ТГПУ. – 2013. – №11(139) – С. 32–38.
2. Ковалев О. А. Нарративные стратегии в литературе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 198 с.
3. Лурье В. М. Проблемы общей нарратологии и фигуры мнимости: Анкерсмит, Долезел и история философии в деле осмысления и восприятия агиографии [Электронный ресурс] // http://cf.hum.uva.nl/narratology/a05_pdf/narratio-ankersmit-dolezel.pdf (дата обращения 18.03.2019).
4. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
5. Amis M. *House of Meetings*, 2007. 199 p.

УДК 821.111 (092)

МИФЕМЫ ПОВЕСТИ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПОСОЛ»

С. В. Сдобнова¹, Д. О. Турчина²,

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

² магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена мифологическому анализу образов художественного произведения Уильяма Джеральда Голдинга «Чрезвычайный

посол». Британский писатель дает представление о моделях личности и общественного поведения, переплетая древнюю эпоху с реалиями современной цивилизации. В данной статье раскрываются мотивы Уильяма Голдинга, а также определяются архетипичные образы, лежащие в основе общечеловеческой символики мифов.

Ключевые слова: архетип, миф, мифема, интерпретация, символ, символическое значение, Уильям Голдинг.

Summary. The article is devoted to the mythological analysis of images of the William J. Golding's work «Envoy Extraordinary». The British writer gives an idea of the models of personality and social behavior, interweaving the ancient era with the realities of present-day civilization. This article reveals William Golding's motives, as well as identifies the archetypical images that underlie the universal symbolism of myths.

Key words: archetype, myth, mytheme, interpretation, symbol, symbolic meaning, William Golding.

Художественный мир Уильяма Джеральда Голдинга представляет собой сложную систему, в которой эмоциональное воздействие и идейно-стилевое своеобразие творчества писателя создают авторскую картину мира. Анализ структуры и первоисточков авторской философской концепции предполагает обращение к ключевым образам – мифемам.

Целью работы является анализ и интерпретация системы образов повести «Чрезвычайный посол» посредством выявления мифем.

В соответствии с целью исследования, необходимо решить следующие задачи: определить систему образов произведения «Чрезвычайный посол» Уильяма Голдинга, выявить архетипы, исследовать мифологическую составляющую архетипических образов, проанализировать и осуществить интерпретацию ключевых мифем повести.

В работе применены сравнительно-типологический и культурно-исторический методы, которые позволяют выявить влияние исторической эпохи на культурный контекст. Метод интертекстуального анализа необходим для анализа единиц-маркеров интертекстуальности, которые создают интертекстуальный подтекст. Использование архетипического метода позволяет определить первообразы в произведении. Применение метода мифопоэтического анализа необходимо для выявления структурных и содержательных элементов мифа.

В соответствии с теорией К. Г. Юнга, мифы являются описаниями архетипов, которые несут память расы, нации, культуры. Они не только распространяются «через традицию, язык и миграцию», но возникают спонтанно в любое время, в любом месте [4, с. 214]. Таким образом, архетипическое начало образует мифопоэтический подтекст произведения.

По мнению К. Леви-Стросса, мифема является «короткой фразой», включающей в себя «пучок отношений» [2, с. 50]. Согласно определению К. Леви-Стросса, миф – это «совокупность событий (поскольку во всяком мифе рассказывается какая-то история)» [2, с. 134]. Следовательно, мифемы являются содержательными единицами, которые отсылают образы повести к античной мифологии.

Повесть «Чрезвычайный посол» является одной из трех коротких произведений, опубликованных в сборнике Уильяма Голдинга «Бог-Скорпион».

Истории, собранные в этом томе, сочетают трагические и комические элементы социального и культурного развития, а действия происходят в далеком прошлом: рассказ «Бог скорпион» изображает Древний Египет во времена фараонов, «Клонк-Клонк» рисует яркую картину первобытной Африки, а в повести «Чрезвычайный посол» читатели переносятся во времена Римской империи.

Стиль повествования произведения сильно отличается от предыдущих повестей Уильяма Голдинга. Ироничная окраска несколько снижает внешний трагизм произведения, однако в то же время скрывает авторскую концепцию человека, где просматривается пессимистичность мировоззрения, раскрывается идея научно-технического прогресса и автор размышляет о развитии цивилизации и ее влиянии на человечество.

Однако Уильям Голдинг акцентирует внимание не столько на значимости технологического развития, сколько на опасности изменить текущий ход событий. Так, герой повести, ученый-изобретатель Фанокл, создает модель боевого парового корабля, который приводит к непредсказуемым трагическим последствиям: «За пределами смертоносной траектории „Амфитриты“ воды было не видно – все пространство заполнили малые и большие суда, которые, расталкивая друг друга бортами, спешили спастись из задымленного порта» [1, с. 226].

С давних времен корабль считался «символом Земли, плывущей в безграничном космосе». С одной стороны, он являлся неким благодетелем, защитником у моряков: символизировал удачу, доверие, надежду. Например, в «Одах» Горация Фортуна была «повелительницей вод», потому могла иметь руль, парус или держать в руках модель корабля. В морской торговле его также часто изображали не парусником, а пароходом. Но, с другой стороны, корабль предзнаменовал горечь и слезы. Он может олицетворять некоего проводника в загробный мир: в греческой мифологии мрачный старец Харон перевозил души умерших через реку Ахерон в царство мертвых; народы Двуречья полагали, что модель лодки или корабля в гробнице облегчает умершему путь в потусторонний мир; скандинавы сжигали или хоронили своих усопших в ладьях.

Уильям Голдинг в произведении «Чрезвычайный посол» предупреждает о ненадежности увлечения своими фантазиями. Ученый-мечтатель должен принимать во внимание вероятность риска для окружающих и нести ответственность за свои творения. Фанокл был полон идей, однако в силу собственной непрактичности не умел продумывать детали, проявлять уместную деловитость, а также предвидеть трудности, возникавшие в ходе реализации проектов.

Еще одним символом технического прогресса становится так называемая «взрывчатка», установленная на борту корабля. Мощный взрывчатый снаряд, способный уничтожить все живое вокруг, защищен лишь нелепым механизмом – латунной бабочкой. Образ бабочки как олицетворение ускользающей красоты, и человеческой души отсылает нас к древнегреческой мифологии и образу Психеи. Психея (в переводе с греч. – «душа») представлялась в образе бабочки, вылетающей из погребального костра, улетающей в Аид.

Из произведения мы также узнаем, что императорский дворец находится в городе. А город всегда символизировал цивилизационный центр, и с древности являлся моделью мироздания. Центральная часть города, располагалась на горе или на холме, где возводился главный храм. Города строились на

перекрестье путей, отсюда знаменитая пословица: «Все пути ведут в Рим». Перекресток являлся знаком выбора, но вместе с тем и опасности. Его олицетворением у римлян был Янус (в древнеримской мифологии двуликий бог дверей, входов, выходов, различных проходов, а также начала и конца). «Улицы, как главные городские артерии, служили знаком пространственной ориентации. Площади символизировали общественный аспект городской семиосферы. Тупики раскрывали архетип лабиринта в городах» [3, с. 117].

В древности на священном месте должны были находиться источник, лабиринт и колодец. Императорский дворец окружен прекрасным садом, из которого был лишь один выход – через тоннель, что тоже может служить вариантом лабиринта. Лабиринт – символ двойственный. С одной стороны, он воплощает в себе вселенское препятствие, которое изображается в виде диска, соединяя загробный мир и небеса: «Души живых и умерших не могут выбраться из безвыходной ситуации лабиринта» [3, с. 157]. С другой стороны – это символ путешествия от смерти к рождению: в лабиринте «главное – не только добраться до сердцевины, но и выбраться, вернуться обратно к своему возрождению» [3, с. 157].

Каждый из героев повести «Чрезвычайный посол» проходит через своего рода испытание лабиринтом. По мнению автора, проходят его лишь женщины и истинные мудрецы. Цезарь, из чувства любви к младшему внуку, жертвует старшим, а сестра ученого Евфросиния «выпускает запертую молнию», уничтожая тем самым взрывчатку Фанокла и спасая жизнь Императора.

Изделие из металла отражает холодный рассудок изобретателя. Фанокл называет свои творения «десятым чудом света», но настоящее чудо – его смысленная и добросердечная сестра Евфросиния. Слепо идя на поводу своих желаний, он не замечает истинную красоту: эстетику и гармонию человеческого сознания.

Боевой корабль Фанокла, переделанный из мирной баржи для перевозки хлеба, становится олицетворением нашей Земли, которая с научно-техническим развитием пропитывается страхом и нагружается смертоносным оружием. Мифема «Корабля» символизирует катастрофические разрушения и смерть. Ученый стремится облегчить жизнь, добиться свободы и мирного сосуществования, а в результате усугубляет напряженную ситуацию в империи. Английский писатель предостерегает от необдуманных действий, выражает идею отказа от оружия для сохранения мира на планете.

Таким образом, выявление и анализ мифем позволяет расширить интерпретацию художественного текста, определить мифологические мотивы произведения и получить истинное представление философской концепции британского писателя. Интерес к вопросам философского характера вызван тревогой Уильяма Голдинга за судьбу человечества. Его произведения призваны встревожить читателя и показать, насколько ошибочна вера в рациональность сознания и в пользу развития цивилизации.

Список использованных источников

1. Голдинг У. Бог-скорпион. М.: АСТ, 2016. 256 с.
2. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. статья и примеч. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
3. Телицин В. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. Рипол Классик, 2003. 528 с.
4. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Минск: Харвест, 2003. 399 с.

**FICTIONAL PECULIARITIES OF H. S. THOMPSON'S NOVEL
FEAR AND LOATHING IN LAS VEGAS**

E. N. Serdyuk,

assistant of English Philology department,

Foreign Philology Institute,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. Статья посвящена изучению художественного своеобразия романа Хантера С. Томпсона «Страх и отвращение в Лас-Вегасе», выполненного в стиле гонзо-журнализма. В работе анализируются фактуальный и фикциональный аспекты романа, а также способы создания «ненадёжности» повествования за счёт нарушения и интеграции разных жанровых структур. Актуальность статьи обусловлена повышенным вниманием исследователей к национальной американской традиции единения документа и его художественного воплощения. В ходе исследования используются типологический и структурный подходы, а также культурно-исторический метод.

Ключевые слова: гонзо-журнализм, субъективность, ненадёжный нарратор.

Summary. The article is dedicated to the study of fictional peculiarities and originality of Hunter S. Thompson's novel *Fear and Loathing in Las Vegas*, which is notable for the wide usage of gonzo-journalistic techniques. The paper analyzes factual and fictional aspects of the novel. Special attention is paid to the creation of the narrative 'unreliability' due to the violation and integration of different genre structures. The topicality of the article is characterized by the heightened attention of researchers to the national American tradition of the unity of fact and its fictional expression. The analysis is conducted on the basis of the typological and structural approaches, and the cultural-historical method.

Key words: gonzo-journalism, subjectivity, unreliable narrator.

In 1971, an American new journalist, writer and the founder of the gonzo journalism movement Hunter Stockton Thompson, published his most famous novel *Fear and Loathing in Las Vegas (A Savage Journey to the Heart of the American Dream)*. This wild journey into the very heart of the American dream almost immediately won the approval of the rebellious youth of the 1970s and became the manifesto of the hippie generation. The images of the heroes — journalist Raoul Duke (the alter ego of Hunter Thompson) and Dr. Gonzo, his attorney (who personifies Oscar Zeta Acosta, the writer's friend and lawyer) turned out to be so vivid and memorable that nearly half a century later are still quoted in the global mass culture and familiar to the modern audience.

The story follows Raoul Duke and Dr. Gonzo as they descend on Las Vegas to chase the American Dream through a drug-induced haze, all the while ruminating on the failure of the 1960s countercultural movement. The work is Thompson's most famous book, and is noted for its lurid descriptions of illegal drug use and presents a retrospective on the culture of the 1960s. Its popularization of Thompson's highly subjective blend of fact and fiction has become known as gonzo journalism. The novel first appeared as a two-part series in *Rolling Stone* magazine in 1971 and was published as a book in 1972. It was later adapted into a film of the same title in 1998 by Terry Gilliam, starring Johnny Depp and Benicio del Toro who portrayed Raoul Duke and Dr. Gonzo, respectively.

The aim of this work is to study the fictional peculiarities of Hunter S. Thompson's novel *Fear and Loathing in Las Vegas*.

The analysis is conducted on the basis of the following literary approaches and methods: the typological approach which is necessary to define the crucial terms employed in the investigation. The structural approach helps to arrange the material for congruent investigation. The cultural-historical method and the method of close reading ensure objective view on the literary material.

Fear and Loathing in Las Vegas blurs the border between fiction and non-fiction literature and is recognized as the model of gonzo journalism, as well as the best book about the "drug era" of 1960–1970s.

For the first time, the term *gonzo* was used by Bill Cardozo, the editor of *The Boston Globe*, in respect of the famous and already well-known cult article by Hunter Thompson, *The Kentucky Derby Is Decadent and Depraved*, which was published in 1970. The article represented a series of scattered notes and sketches that were marked by a deeply subjective assessment. After reading Thompson's article Cardozo stated: "This is pure Gonzo!" which implied "It's insane!" According to Cardozo, the word *gonzo* is South Boston Irish slang describing the last man standing after an all-night drinking marathon [1]. In American slang, *gonzo* means *crazy, cranky, mad*.

Most researchers consider gonzo journalism to be one of the trends of new journalism. The scholar Peter Tamony provides the following definition: "the style of subjective journalism, the characteristic features of which are the distortion and exaggeration of facts ... eccentric, crazy" [2, p. 74].

Thompson himself explained that the main feature of gonzo journalism is the profound subjectivity of the narrative: the reporter is involved in the events; he becomes not just a passive spectator, but the subject of the narration. However, Thompson claimed that *Fear and Loathing in Las Vegas* went beyond gonzo. In one of his articles, he admitted that he liked the novel despite the fact that it was a failed experiment. At the same time, Thompson refused to recognize his book as a veritable sample of gonzo journalism and stated that "*only a goddamn lunatic would write a thing like this and then claim it was true*" [3, p. 109].

The novel *Fear and Loathing in Las Vegas* is based on two trips taken by Thompson and his attorney, a political activist for the rights of the Latin Americans in the United States, Oscar Acosta, to Las Vegas in March and April 1971. Thompson received an assignment to write an unmasking article for *The Rolling Stone* about a TV journalist of Latin American origin, Ruben Salazar, who was shot dead by a policeman during an anti-Vietnam War march. Acosta was Thompson's main informant. They decided to take advantage of the *Sports Illustrated* magazine proposal to go to Las Vegas in order to highlight the Fourth Annual *Mint 400* motorcycle desert race, explaining that there was an atmosphere of racial tension in Los Angeles which prevented the white reporter from having a free dialogue with a Mexican lawyer. Later Thompson wrote that at the end of the trip he spent thirty-six hours in a hotel room, writing down in his notebook everything that had happened during their trip.

A few weeks later, Thompson and Acosta returned to Las Vegas to do a report on the National Conference of District Attorneys Seminar on '*Narcotics and Dangerous Drugs*', and to collect more material for *Fear and Loathing in Las Vegas*. Thus, a note consisting of two hundred and fifty words for *Sports Illustrated*

turned into a thematic article with a volume of a novel, which was published in *The Rolling Stone* in October–November 1971.

Taking into account the fact that the novel is based on real events, there is every reason to rank *Fear and Loathing in Las Vegas* as a sample of new journalism. The transcribed dictaphone records and quoted newsletters, which were included in the text, also indicate the validity of this assumption. Nevertheless, the novel blurs the line between truth and imagination, facts and fiction, journalism and literature, which will be illustrated further.

Fear and Loathing in Las Vegas combines the established scheme of the picaresque novel and Thomson's unique approach to journalism — a daring, challenging, non-standard, denying any objectivity and focus on reliable information as well as irrefutable facts inherent in the media. Gonzo journalism itself goes beyond the scope of ordinary journalism. It violates the journalistic schemes by means of refusing objectivity, linguistic conventions, and even fundamental evidence-based journalism. Thompson's Raoul Duke almost completely ignores the topic that he had to cover together with Gonzo, which is a kind of “*a mockery of the traditional news report*” [4, p. 189]. The main character maintains repeatedly that it is important to *mind one's primary responsibility*, nevertheless, no light is thrown in the text upon the *Mint 400 race* (the reader does not even know who won it) and the drug conference serves only as a background, against which Duke and Gonzo communicate with the police and talk about the activities of US law enforcement agencies.

Thus, Thompson mixes the schemes inherent in journalism and fiction: the figures of the author, the protagonist and the narrator have many areas of contact, just like the genre of reportage and the literature of fiction. In such a situation, the boundaries between fact and fiction are diluted.

In *Fear and Loathing in Las Vegas*, one can trace many features of the picaresque novel. John Hellman admits that Duke «is a descendant of a trickster character of folklore, the Vice of medieval drama, the picaro of early prose narratives, he is a self-portrait of the journalist as rogue» [5, p. 71]. All these characteristics also apply to Dr. Gonzo's character. The work describes the adventures of the heroes on their way to Las Vegas and back, they are episodic and almost completely unrelated to each other. The journey of the characters is very chaotic and Duke's words confirm this statement: “*Jesus, just one hour ago we were sitting over there in that stinking bagnio, stone broke and paralyzed for the weekend, when a call comes through from some total stranger in New York, telling me to go to Las Vegas and expenses be damned — and then he sends me over to some office in Beverly Hills where another total stranger gives me \$300 raw cash for no reason at all... I tell you, my man, this is the American Dream in action! We'd be fools not to ride this strange torpedo all the way out to the end*” [6, p. 4].

Such a remark, which ends the quotation, not only explains the structure of the novel and the development of the plot but also indicates that Duke and Gonzo cannot control the things that occur. They set off for a trip, but just like the readers of the book have no idea where and how it will finish. Some strangers send Duke on a mission and give him a certain amount of money without the slightest reason — this kind of interaction between the main characters and the secondary ones can be observed throughout the whole novel. All characters and

places visited during their trip, as a rule, appear only once and, thus, do not play a significant role in the narration.

Thompson's novel is notable for the wide use of amplification techniques. Two parts of *Fear and Loathing in Las Vegas* are completely identical in structure and are filled with different characters and locations. At the beginning of both parts, Duke and Gonzo go to Las Vegas by car: in the first case it is the 'Great Red Shark', in the second — the 'White Whale'. This is followed by the check-in at the hotel, in the first part — at the Mint hotel, in the second — at Flamingo. Later, when Duke and Gonzo get down to fulfilling their journalistic obligations, we can observe certain confusion. Duke's remark that the Mint 400 motorcycle race «was just a pack of observers» but the drug conference “required participation” indicates that in the second part the tension is appreciably rising. Both parts end with the escape of the main characters from Las Vegas after abusing 'vile chemicals'.

Hunter Thompson employs a lot of parallel and overlapping scenes, which instigates the feeling of “déjà vu”. For example, passages that provide the description of the drugs of every sort and kind not only overlap with each other but also indicate a gradual 'disintegration' of the narrative.

In comparison with the coherent and consecutive narrative in the first part, the narration in the second part is fragmentary. This fact is emphasized by the illustrations of Ralph Steadman made in the form of ink stains spattering the pages. Thus, the whole story proves to be a «hopeless mess». Scott MacFarlane notes that “Thompson uses the destruction of the narrative as an artistic device which helps to reflect the fragmentary perception of a person in the state of narcotic intoxication. Fragmentary perception, in its turn, imitates the chaos and destructive influence of the modern American state” [4, p. 186].

In the second part of the novel the reader becomes accustomed to the perception of *Fear and Loathing in Las Vegas* as a sequential narrative, in which, with the exception of certain passages describing the memories and reflections of the characters, Duke describes the events in chronological order. Toward the end of the first part, however, the coherence of the narration begins to crumble. In the second part, the reader witnesses the aggravation of the situation. Functioning at the level of instincts, Duke begins to describe things on the basis of his sensual experience, rather than their rational understanding. The result is a collage of impressions. When Duke loses his ability to establish a standard chronological connection between this and that event, the sequence of the narrative becomes ruined. Anecdotes, paragraphs, even sentences remain unfinished. When Duke's narrative and consciousness finally fail, the reader observes a certain demolition which is presented in the form of transcribed incoherent conversations that took place during the narrator's search of Paradise Boulevard.

These deviations from the traditionally strict chronological structure of the picaresque novel narrative and its violations most clearly reflect the “unreliability” of the narration at the structural level. This tendency reaches a high in the ninth chapter of the second part which is entitled “Breakdown on Paradise Boulevard”: *EDITOR'S NOTE: At this point in the chronology, Dr. Duke appears to have broken down completely; the original manuscript is so splintered that we were forced to seek out the original tape recording and transcribe it verbatim. We made no attempt to edit this section, and Dr. Duke refused even to read it. There was*

only one way to reach him. The only address/contact we had, during this period, was a mobile phone unit somewhere on Highway 61 — and all efforts to reach Duke at that number proved futile. In the interests of journalistic purity, we are publishing the following section just as it came off the tape — one of many that Duke submitted for purposes of verification — along with manuscript [6].

The whole chapter is indicative of the rejection of the previous coherent narrative — it stands apart from the whole novel. This passage presents a complete violation of the previously established order of text organization and claims its authenticity. The alleged editor appears to inform the reader about the events that otherwise would not have appeared in the novel. The editor's insertions are basically the transcripts of Duke and Gonzo's dialogues. The use of such passages is aimed at convincing the reader to believe in authenticity, truthfulness, "purity and adherence to the principles of journalistic work" [7, p. 106–107]; this is no longer a memoir style, not a subjective reconstruction of events, but an immediate recording of real dialogues. However, the passage with a bare listing of facts rather quickly transforms into something absolutely different, thus undermining the established scheme: "*This section follows an episode involving Duke, his attorney and a waitress at an all-diner in North Vegas. The rationale for the following section appears to be based on a feeling — shared by both Duke and his attorney — that the American Dream would to be sought out somewhere far beyond the dreary confines of the District Attorneys' Conference on Narcotics and Dangerous Drugs. The transcription begins somewhere on the Northeast out of Las Vegas — zooming along Paradise Road in the White Whale...*" [6].

At this point, the editor's note suddenly begins to resemble Duke's narrative. The text goes farther and farther away from the reportage register, and thus illustrates the destruction of Thompson's usual schemes. This technique, which is repeatedly encountered in the novel, imitates the fragmentary, distorted perception of Duke and Gonzo.

However, Thompson's most audacious disregard for the principles of text organization can be seen at the very end of the novel, when Duke's attorney leaves Las Vegas for the second time. Without Gonzo, the complementary view of the described events disappears. The reader has to rely solely on Duke. And from that moment on, the text becomes absolutely absurd. Duke is in his room at the Flamingo Hotel when the telephone starts ringing: *Suddenly the phone was ringing, jerking me out of my fantasy stupor. I looked at it. Riiiiinnnnnggggggg... Jesus, what now? Is this it? ... So I picked up the phone. It was my friend Bruce Innes, calling from the Circus-Circus. He had located the man who wanted to sell the ape I'd been inquiring about. The price was \$750. "What kind of a greedhead are we dealing with here?" I said. "Last night it was four hundred"* [6].

Until that moment, the reader had never heard of Duke's friend named Bruce Innes and a monkey. However, the narration continues as if nothing had happened and all the necessary information had been provided beforehand. The reader is supposed to be aware of what is happening as he continuously follows Duke throughout the novel. Duke's unreliability is gaining ground and increasingly disorienting the reader.

In *Fear and Loathing in Las Vegas* Thompson does not only use the schemes of the picaresque novel and reportage, but violates them, mixes them up, and finally goes beyond them. No matter how honest and straightforward the narrator Raoul Duke may be, no matter how factual the narrative itself would seem, on

closer examination, the unreliability of the narrator and the fictional aspects of the narration become apparent. This fact may not be so important, because the object of the description in the novel is not the main character, but first and foremost the USA of the 1970s.

References

1. Bill Cardoso — journalist who coined the word ‘Gonzo’ [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.sfgate.com/bayarea/article/Bill-Cardoso-journalist-who-coined-the-word-2503046.php> (дата обращения 26.02.2019).
2. Tamony P. Gonzo // American Speech: A Quarterly of Linguistic Usage. 1983. P. 74.
3. Thompson H. S. The Great Shark Hunt: Gonzo Papers. Volume I. New York: Ballantine Books, 1979. 602 p.
4. MacFarlane S. The Hippie Narrative. A Literary Perspective on the Counterculture. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, 2007. 263 p.
5. Hellmann J. Fables of Fact. The New Journalism as New Fiction. Urbana: University of Illinois, 1981. 164 p.
6. Thompson H. S. Fear and Loathing in Las Vegas [Electronic resource]. – Mode of access: URL: <http://www.behigh.org/library/tompson/tompsonfnl.html> (дата обращения 27.02.2019).
7. DeKoven M. Utopia Limited. The Sixties and the Emergence of the Postmodern. Durham: Duke UP, 2004. 362 p.

УДК 82.02

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В. В. Силин,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры романской и классической филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Причиной кризисных явлений в европейской литературе второй половины XIX века стало буржуазное мировоззрение, охватившее всю Европу и воплотившееся в философии позитивизма. Кризис в литературе этого периода выразился в основном в попытках придать произведениям форму объективного научного исследования, несмотря на то, что научное познание мира несовместимо с художественным познанием. Выход из кризиса выразился в возникновении новых многочисленных форм в поэзии, драме и романистике.

Ключевые слова: позитивизм, Парнас, натурализм, социальный детерминизм, биологический детерминизм, натуралистическое описание.

Summary. The reason for the crisis in the European literature of the second half of the XIX century was the bourgeois worldview that embraced the whole of Europe and incarnated in the philosophy of positivism. The crisis in the literature of this period was expressed mainly in attempts to give the works the form of objective scientific research, despite the fact that scientific perception of the world

is incompatible with artistic perception. The way out of the crisis was expressed in the emergence of numerous new forms in poetry, drama and novels.

Key words: positivism, Parnassus, naturalism, social determinism, biological determinism, naturalistic description.

В статье поставлена **цель** – выявить причины кризисных явлений в европейской литературе второй половины XIX века, охарактеризовать эти явления и показать, как осуществлялся выход из кризиса. Для достижения этой цели был произведен анализ исторических событий, породивших кризис европейской культуры, были выявлены признаки кризиса на основе анализа основных направлений европейской литературы второй половины XIX и были определены формы выхода из кризиса.

Первой причиной кризиса стал исторический факт, что в середине XIX века в Европе прошли последние буржуазные революции и буржуа стали повсеместно господствующим классом. Точкой отсчета принято считать 1852 год, когда после революции 1848 года избранный французами президент республики узурпировал власть, объявив себя императором Наполеоном III [4]. С этого момента Европа стала единообразной: все государства стали монархическими с капиталистическим экономическим укладом. К 70-ым годам XIX века этот процесс практически завершился, когда прусский канцлер Отто фон Бисмарк объединил Германию, а король Сардинии Виктор Эммануил II при содействии Гарибальди объединил Италию [6; 7]. В результате мелких феодальных государств осталось совсем немного: Люксембург, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино и Андорра.

Однако вследствие политического соперничества европейских стран, которое привело к первой мировой войне, государственное единообразие было нарушено. Распались Австро-Венгерская империя, образовав Австрию, Венгрию, Чехословакию; распалась Османская империя, и на ее месте образовалась Турецкая республика и несколько балканских стран, от России отделилась Польша, Финляндия, прибалтийские страны. Таким образом, в XX веке на карте Европы рядом с монархиями появились республики.

Капитализм способствовал бурному развитию производства, которое сопровождалось прогрессом науки и техники. К концу века паровые машины были заменены на электрические. Был изобретен телефон и телеграф, электрическая лампочка, на смену конкам пришел электрический трамвай. Были сделаны большие научные открытия: Пастер подарил миру пастеризацию, Кох открыл туберкулезную палочку, Менделеев создал периодическую таблицу элементов, Дарвин – теорию эволюции и т.д.

Экономические достижения капитализма стали следствием грабежа природных богатств колоний и жестокой эксплуатации рабочей силы. Невыносимые условия труда и жизни французских горняков хорошо описаны, например, в романе Эмиля Золя «Жерминаль» (1885). Свидетельствуют об этом также события Парижской коммуны, которую Маркс характеризовал как первый пример диктатуры пролетариата [8].

Экономический подъем привел также к появлению паразитического класса людей, которые стали жить на проценты от банковских вложений или на дивиденды от акций. Их называли рантье и жуирами, так как, имея средства к существованию, они искали в жизни только развлечений.

Спрос способствовал развитию целой отрасли развлечений – появились кабаре, первым из которых стал «Черный кот», основанный в 1881 году в Париже на улице Монмартр, затем в 1889 году «Мулен руж» на площади Пигаль, в 1854 году Флоримон Эрве основал театр «парижской оперетты» Фоли-Консертан, в 1855 году Жак Оффенбах открыл театр оперетты Буфф-Паризьен. В театрах стали ставить развлекательные пьесы, названные «хорошо сделанными драмами». Основателем этого жанра был Эжен Скриб (1791–1861). Как писал А. А. Аникст, «хорошо сделанная драма» подвергалась критике со стороны многих прогрессивных деятелей искусства за ее потворство вкусам буржуазной публики, за ограниченность и, хуже того, пошлость. Но при всем том она обладала качеством, которого были лишены многие пьесы, прекрасные в литературном отношении. Говоря по-просту, они были необыкновенно занимательны, пока шел спектакль, хотя после него оставалось ощущение пустоты» [1]. Вполне очевидно, что такие жанры отвечали запросам самодовольных, малообразованных нуворишей.

Негативная реакция на развлекательный театр проявилась в конце XIX века, когда была создана «новая драма», то есть, *интеллектуальная* драма, заставившая задуматься о серьезных социальных проблемах. Первым реформатором театра стал норвежский драматург Генрик Ибсен (1828–1906), создавший жанр *аналитической* пьесы. Например, в его драме «Кукольный дом» (1879) в полемической форме обсуждается тема равноправия женщин и мужчин. Примеру Ибсена последовал Бернад Шю, интеллектуальные пьесы стали создавать в Швеции – Август Стриндберг, в Германии – Герхард Гауптман, в России – Антон Чехов. Чтобы отделить себя от развлекательных заведений, сторонники интеллектуальных драм стали создавать новые театры: в Париже появился «Свободный театр» Андре Антуана, в Лондоне — «Независимый театр», в Москве — МХТ.

Второй причиной кризиса стало появление философии, соответствующей мировоззрению победившего класса буржуазии, — *позитивизма*, главными представителями которой являются Огюст Конт (1798–1857), автор «Курса позитивной философии» (1842) и Герберт Спенсер (1820–1903). Исходным положением этой философии является критика теологического (религиозного) мировоззрения, развитие которого привело к признанию единобожия, а, следовательно, по мнению позитивистов, к тупику, так как религиозное объяснение мира сводится к ссылке на Божий промысел. К такому же тупику, по их идее, привела эволюция метафизического (материалистического) мировоззрения, которое объясняет мир только проявлениями Природы.

Позитивисты отказались от решения сложных философских вопросов, например, о первичности материи или духа, и избрали третий путь развития философской мысли, который они называли *позитивным* или *научным*. По убеждению Конта, «в позитивном состоянии человеческий разум, признав невозможность достигнуть абсолютных знаний, отказывается от исследования происхождения и назначения Вселенной и от познания внутренних причин явлений и всецело сосредоточивается, правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, на изучении их действительных законов, т.е. неизменных отношений последовательности и пособия. Объяснение фактов, приведенное к его действительным пределам, является отныне только установлением связи меж-

ду различными частными явлениями и некоторыми общими фактами, число которых уменьшается все более и более по мере прогресса науки» [2].

Для объяснения фактов позитивисты разработали универсальный исследовательский метод, который состоит в объективном всестороннем детальном описании любого явления, с целью получения позитивного вывода. «Позитивное» здесь означает пользу, которую можно получить от подобного исследования. Именно этим философия позитивизма отражает настроения буржуа, стремящихся к наживе.

Отказ от решения мировых глобальных проблем также привел позитивизм к кризису, так как в XIX веке в Европе возникли различные направления философской мысли: марксизм, который считал необходимым сменить капиталистический строй социалистическим, эстетизм Рёскина, который предлагал избегать несовершенство этого мира приобщением к красоте, теория Ницше, которая отвергала христианскую мораль и выдвинула идею сверхчеловека, и др.

Тем не менее, позитивизм успел оказать влияние на европейскую литературу, в частности, на поэзию Парнаса. Парнасцы, критикуя субъективизм поэзии романтизма, решили создать безличностную поэзию, ориентируясь на позитивистскую объективность. Они объявили чувство, выраженное в стихотворении, не субъективным, авторским, а объективным, общенародным. Их произведения представляли собой четко описанные реалистические образы, а лиризм парнасцы заменяли размышлением, мудростью. Как отмечала Т. Михайлова, «характерными чертами парнасцев стали точность и выверенность вместо вдохновенной небрежности романтиков, заботливое отношение к отделке стиха и внимание к вещи в ее чувственных проявлениях. <...> В отличие от романтика, изображавшего мир в его динамике, парнасец стремился остановить мгновение, придать ему законченность и величие. <...> Главным приемом парнасцев стало развернутое описание, создание «словесной картины» [5].

Однако парнасцам не удавалось ради объективности максимально сократить авторское отношение к поэтическим образам. Например, в стихотворении Шарля Леконт де Лиля (1818–1894) «Слоны» невозможно не заметить авторского восхищения могучей силой слонов, а в стихотворении «Багровое светило», в котором описан конец света, явно проступает сожаление об уничтожении человеческой цивилизации.

Неудачная попытка парнасцев ввести почти научную объективность, заимствованную из исследовательского метода позитивизма, продемонстрировала несовместимость художественного и научного познания мира, так как искусство пользуется для этого субъективными эмоционально окрашенными образами, а наука стремится к объективности, используя для этого абстрактные понятия, выраженные в терминах.

Выход из кризиса в европейской поэзии был бурным. На отрицании позитивизма и поэзии Парнаса появился вначале французский *символизм*, затем немецкий *экспрессионизм*, английский *имажизм*, венская школа «*модерн*», итальянский и российский *футуризм*. Как верно отметила Т. Скрябина, «предпосылки возникновения символизма – в кризисе, поразившем Европу во второй половине XIX века». А символизм, по ее мнению, «явился одной из форм преодоления позитивизма» [9].

В наибольшей степени кризис европейской литературы второй половины XIX проявился в жанре романа. Вначале кризис затронул *реалистический* роман. Причиной этому стали сами художественные принципы реализма. Описания переживаний героев (психологизм), исторических событий (историзм) и жизненных обстоятельств (социальный детерминизм) неизбежно замедляют динамику событий в произведениях, делают их длинными и скучными. Следствием кризиса стало «измельчание» реалистических произведений, примером чему являются новеллы Ги де Мопассана и рассказы А. П. Чехова.

Затем кризис стал заметен в *натурализме*. Свой теоретический трактат Эмиль Золя назвал «Экспериментальный роман» (1880), указав тем самым на научное происхождение художественных основ натуралистического романа. Такая ориентация на научный эксперимент была явно вдохновлена позитивистскими установками.

Первой научной основой натурализма стал *биологический детерминизм*, идея которого была заимствована из известной работы Чарльза Дарвина «Происхождение видов» (1859). Согласно теории Дарвина, на формирование видов влияют два фактора – среда и наследственность. В среде Золя увидел, очевидно, аналогию с социальным детерминизмом, который лежит в основе реалистических произведений, а наследственность он использовал для создания биологического детерминизма. В соответствии с этим принципом герои произведений делятся на две части: на людей с хорошей наследственностью, то есть энергичных, предприимчивых, а потому счастливых и богатых; и на людей с плохой наследственностью, ленивых, порочных, вороватых, которые составляют большинство. Вполне очевидно, что такое деление слишком примитивно, поэтому в своем творчестве натуралисты не отказались от социального детерминизма, а дополнили реализм биологическим детерминизмом. О сочетании обоих художественных принципов в натурализме написал сам Золя: «Не решаясь формулировать законы, я все же полагаю, что наследственность оказывает большое влияние на интеллект и страсти человека. Я придаю также важное значение среде. <...> Человек существует не в одиночку, он живет в обществе, в социальной среде, и мы, романисты, должны помнить, что эта социальная среда непрерывно воздействует на происходящие в ней явления. Главная задача писателя как раз и состоит в изучении взаимного воздействия — общества на индивидуум и индивидуума на общество» [3]. Роман Золя «Жерминаль» хорошо демонстрирует сочетание этих двух художественных принципов. В нем социальные обстоятельства заставляют шахтеров объявить забастовку, но плохая наследственность мешает им бороться до конца, и они смиряются с поражением.

Второй основой натуралистического романа стало натуралистическое описание. Это описание фотографически подробно, бесстрастно, так как автор старается дистанцироваться от этого описания, стремится придать ему научную объективность, избегая выражать свое отношение к изображаемым образам. Необходимость такого описания Золя объяснял следующим образом: «В качестве наблюдателя он <писатель-натуралист> изображает факты такими, какими он наблюдал их, устанавливает отправную точку, находит твердую почву, на которой будут действовать его персонажи и разворачиваться события» [3].

Такое описание явно заимствовано из исследовательского метода позитивизма, и, как в поэзии Парнаса, оно не достигает научной объективности, заявленной в теории натурализма, так как авторская оценка образов всегда заметна. В романе «Жерминаль», например, невозможно не заметить авторского возмущения по поводу нечеловеческих условий существования французских горняков.

В жанре романа выход из кризиса был сложным и не таким быстрым, как в поэзии и драматургии. Во-первых, был замечен «шаг назад» к романтизму, когда появились *неоромантические* произведения, к которым относятся романы Жюль Верна, «Остров сокровищ» (1882) Р. Л. Стивенсона, «Овод» (1898) Э. Л. Войнич и др. «Шагом вперед» следует считать *интеллектуальную* тенденцию в романах, так как она зародилась в конце XIX века и развивалась весь XX век. В таких романах обсуждаются *универсальные* общечеловеческие проблемы. Например, в романе «Портрет Дориана Грея» (1890) Оскара Уайльда в аллегорической форме выражена идея вечной ценности искусства и быстротечности человеческой жизни, в романе «Машина времени» (1895) усматривается предупреждение, что человечество может в будущем выродиться в два беспомощных подвида, если не прекратить чрезмерную эксплуатацию трудящихся.

К этой тенденции следует отнести и романы Л. Толстого и Ф. Достоевского, так как авторы ввели в них универсальные философские идеи. В романе «Война и мир» (1868) изложены идеи Толстого о непротивлении злу насилием, о нравственном самоусовершенствовании. В романе «Преступление и наказание» (1866) диалогически представлены различные мнения по поводу идеи о возможности устранения социальной несправедливости путем насилия.

В заключение необходимо отметить, что, во-первых, кризис в литературе нельзя считать негативным явлением. Кризисная литература не значит «плохая», она только отражает социальный кризис. Во-вторых, кризис в литературе всегда заставляет искать выход и находить новые идеи и новые формы.

Список использованных источников

1. Аникст А. А. Хорошо сделанная драма: Эжен Скриб // Теория драмы на Западе во второй половине XIX века [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dereksiz.org/anikst-a-a-horosho-sdelannaya-drama-ejen-skrib-iz-knigi-teoriy.html> (дата обращения 03.03.2019).

2. Конт О. Курс позитивной философии. Закон трёх стадий и сущность позитивной философии [Электронный ресурс] // Антология мировой философии. — 1971. — Т.3. — С. 553–557. — Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/2475673/page:8/> (дата обращения 03.03.2019).

3. Луков В. А. Экспериментальный роман (статья и сборник Э. Золя) [Электронный ресурс] // Современная французская литература. — Режим доступа: <http://modfrancelit.ru/eksperimentalnyiy-roman-statya-i-sbornik-e-zolya/> (дата обращения 03.03.2019).

4. Маркс К. Г. 18 брюмера Луи Бонапарта [Электронный ресурс] // Литмир. — Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=134402> (дата обращения 03.03.2019).

5. Михайлова Т. Парнас [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет. — Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/PARNAS.html (дата обращения 03.03.2019).

6. Объединение Германии (1871). [Электронный ресурс] // Всё о Германии. – Режим доступа: <https://germanexpert.ru/obedinenie-germanii-1871/> (дата обращения 03.03.2019).

7. Объединение Италии (1870). [Электронный ресурс] // Академик. – Режим доступа: https://news_enc.academic.ru/9536/%D0%9E%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B8_%281870%29 (дата обращения 03.03.2019).

8. Парижская коммуна 1871. [Электронный ресурс] // Академик. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/118594/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B6%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F> (дата обращения 03.03.2019).

9. Скрыбина Т. Символизм [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SIMVOLIZM.html (дата обращения 03.03.2019).

УДК 82-31(73):[316.4:004.55]

ВИРТУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. С. ФОЕРА «ВОТ Я»)

Е. Р. Чемезова,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры иностранной филологии и методики преподавания,*

Институт филологии, истории и искусств,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал),

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Ялта

Аннотация. Данная статья посвящена изучению вопроса о состоянии виртуальности в современной американской прозе. Материалом исследования стал роман Дж. С. Фоера «Вот я», который создает многоплановое повествование, в том числе и задействующее существование одного из героев в «Иной жизни». «Иная жизнь» – подобие видеоигры, которое дает возможность утверждать, что мир виртуальности не противопоставлен бытию в реальности, а является гиперреальностью с неким симулятивным её продолжением.

Ключевые слова: современная американская проза, Дж. С. Фоер, виртуальность, гиперреальность, симуляция.

Summary. This article is devoted to the study of the state of virtuality in contemporary American prose. The material of the study is the novel by J. S. Foer «Here I am». The author creates a multi-dimensional narrative, including the hero's involvement in «Another Life». «Another life» is a semblance of a video game. This game makes it possible to assert that the virtual world is not opposed to being in reality, but such virtual world is a hyper-reality with a kind of simulative continuation of real life.

Key words: contemporary American prose, J.S. Foer, virtuality, hyper-reality, simulation.

Современная американская литература активно развивается в контексте мирового процесса. Несмотря на то, что большинство авторов работают в

соответствие с так называемыми «канонами» постмодернизма, довольно активную позицию в конструировании художественного текста произведений Соединенных Штатов Америки занимают новейшие литературные тенденции, такие как использование техно-образов, виртуализация пространства, глокализация и другие.

Одним из популярных писателей на сегодняшний день является Дж. С. Фоер, автор бестселлеров «И все осветилось», «Жутко громко и запредельно близко» и др. Дж. С. Фоер имеет еврейское происхождение, что ярко отражается в его текстах. Эта черта является особенностью его авторского стиля, насыщенного упоминаниями реалий евреев в США.

Последний роман Дж. С. Фоера «Вот я» (Here I Am, 2016) представляет особый интерес для нашего исследования. Это произведение о прошлом, настоящем и будущем евреев в Соединённых Штатах Америки. Каждое поколение семьи Блох представляет нам различные взгляды на онтологические вопросы. Прошлое и традиционные устои связаны с историей жизни Исаака Блоха, пережившего Шоа и теперь ожидающего бар-митцву Сэма, своего внука. Повествование ведется от лица Джейкоба Блоха и Сэма Блоха, его сына. Именно повествование Сэма подгружает читателя в виртуальную реальность, создаваемую Дж. С. Фоером, что и является объектом нашего рассмотрения.

Цель данной статьи – охарактеризовать виртуальность в современной американской прозе, основываясь на материале романа Дж. С. Фоера «Вот я».

Как отмечает В.А. Гермашова, «виртуальность – общее свойство реальности, состоящее в обособлении некоторой произвольной изменяющейся – усложняющейся в инаковости – структуры реальности и противопоставлении ее другой структуре, актуальной – устойчивой в очевидности» [2]. Виртуальность всегда имеет собственное пространство, построенное на элементах реальной действительности, но кардинальное отличие от реальности заключается в том, что виртуальность всегда упорядочена, благодаря сложившейся системе и законам. «Поскольку виртуальное есть невозможное, то есть неизвлекаемое из очевидного опыта, то виртуальность суть еще и скрытое содержание» [2].

Виртуальностью, которая представляется читателю в романе Дж. С. Фоера «Вот я», является существование Сэма в «Иной жизни». «Иная жизнь» – это полная симуляция реальности, где участники игрового процесса полностью проживают новую жизнь. Это не игра, на чем постоянно делается акцент: «Я знаю, что в “Иную жизнь” ты не играешь. А что ты делаешь? <...> Ты живёшь в “Иной жизни”?» [4, с. 99]. Виртуальная игра, которая поглощает Сэма, представляется как компенсация реальных явлений, предметов и образов, основой которых является симуляция. Такая «жизнь» в игре, в виртуальности, становится полной симуляцией онтологического процесса, который насыщается симулякрами.

Возникает нерешенный вопрос, можно ли приравнивать пространство в виртуальности к пространству реальному в таком контексте. Здесь следует обратиться к исследованию Ж. Бодрийяра, который отмечает, что «земное пространство сегодня виртуально выражено с помощью кода, нанесено на карты, переписано, насыщено и таким образом будто замкнуто в себе вследствие глобализации» [1]. Так, мы можем утверждать, что само

по себе художественное пространство романа Дж. С. Фоера «Вот я» уже представляется виртуальным, а пространство «Иной жизни» – это некая «над-реальность» или «гиперреальность», что объясняется Ж. Бодрийером: «Симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального. Территория больше не предшествует карте и не переживает ее. Отныне карта предшествует территории – прецедсия симулякров, – именно она порождает территорию» [1].

В «Иной жизни» каждый из героев – это аватар, у которого есть только одна попытка на существование в виртуальности. Герои пребывают в трансформируемом ими пространстве: «Айстик, примитивный недоработанный аватар, стол посреди цифровой лимонной плантации – четко обозначенной и огороженной колючей проволокой собственности лимонадной корпорации, которая снимала якобы смешные видео с типа вызывающими доверие актерами, чтобы заставить заинтересованных-но-не-мотивированных потребителей поверить, что они пьют жидкость, имеющую какое-то отношение к натуральным продуктам. <...> Он пробрался туда, чтоб побыть в одиночестве» [4, с. 351]. Аватары могут быть совершенно разными, выбранными в соответствии с ощущениями героя. Так, аватар израильского кузена Ноама выглядел следующим образом: «Аватар, заговоривший с Айстиком, был львом с роскошной радужной гривой; шоколадная замшевая жилетка с переливчатыми пуговицами, почти скрытая под белым смокингом с фалдами до кончика хвоста (который был украшен фианитовым сердечком); отбеленные зубы, почти скрытые накрашенными губами (насколько у льва есть губы); нос, пожалуй, чересчур мокрый; рубиновые зрачки (не рубинового цвета, но из камней); и перламутровые когти, с вырезанными на них пацификами и магендавидами. Если это было хорошо, то это было очень хорошо. Но хорошо ли это было?» [4, с. 353]. Виртуальность дает героям романа реализовать себя в желаемом ключе, совершенно не привязанном к социальным законам реальности.

Виртуальность – это новые социальные возможности для героев, которые являются чаще всего подростками в реальной действительности. Это не полное противопоставление действительности, а скорее плюралистичное ее продолжение. Из-за определенного набора возможностей и интерфейса современная «виртуальная реальность нарочито искусственная и формализованная» [3, с. 55].

Виртуальность в романе Дж. С. Фоера «Вот я» усовершенствована автором до такой степени, что там возможна безвозвратная смерть аватара, восстановление которого невозможно. Так, взяв планшет Сэма, Джейкоб, его отец, случайно «понюхал какой-то цветок» [4, с. 185], который оказался «Букетом Погибели» [4, с. 185], созданным «чтобы у мудаков была возможность умереть дурацкой смертью» [4, с. 185]. Позже Джейкоб беседует с оператором службы поддержки «Иной жизни», где выясняет, что «Букет Погибели предусматривает моментальную смерть» [4, с. 201] и что есть возможность «перевоплотиться, но без прежней психооболочки. То есть это как начать заново с нуля» [4, с. 201].

Таким образом, мы можем утверждать, что виртуальность в романе Дж. С. Фоера «Вот я» избавлена от возможной неполноты, которая часто свой-

ственно создаваемому в художественном мире виртуальному пространству. Такого рода виртуальность соответствует концепции Ж. Бодрийера, который обозначает данное явление как форму существования общей гиперреальности, где исчезают все различия «между сказанным и случившимся, между событием и месседжем» [3].

Список использованных источников

1. Бодрийер Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения 21.02.2019).

2. Гермашова В. А. Понятие «Виртуальная реальность» в философском знании [Электронный ресурс] // Наука. Инновации. Технологии. — 2009. — №5. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-virtualnaya-realnost-v-filosofskom-znanii> (дата обращения 21.02.2019).

3. Либерман С. А. Виртуальность – возможность социального // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. — 2018. — Т.13, №. 2/176. — С. 51–60.

4. Фюер Дж. С. Вот я. М.: Издательство «Э», 2018. 608 с.

УДК 82.02

ОБРАЗ РЕАЛИЙ КИТАЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДО СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Юннин Цзя,

*аспирант кафедры новейшей русской литературы
Литературного института имени А. М. Горького, Москва;
старший преподаватель факультета русского языка
Сианьского нефтяного университета, Сиань, КНР*

Аннотация. В статье исследуется образ Китая в русской литературе до середины XX века. Дан подробный анализ изображения китайских реалий у И. А. Гончарова, А. П. Чехова и А. М. Горького. Также рассматривается изображение национально-освободительного движения в Китае 20-40 гг. XX в. в творчестве русской эмиграции первой волны в Китае. Анализ образа Китая после основания КНР основан на материале книги советского писателя И. Эренбурга.

Ключевые слова: образ реалий Китая, русская литература, XIX в., национально-освободительное движение, основание КНР.

Summary. The article describes the image of China's reality in Russian literature until the mid-twentieth century. A detailed analysis of the image of China's reality in the works by writers of the nineteenth century A. Goncharov, A. Chekov and A.M. Gorgy is given. As well as the image of China in the national liberation movement 20th-40th years of twentieth century in the works of Russian emigration in China by the first wave is studied. Analysis of the image of China after the founding of the People's Republic of China is also given on the material in the book by the Soviet writer I. Erenburg.

Key words: image of China's reality, Russian literature, nineteenth century, national liberation movement, founding of the People's Republic of China.

Образ Китая присутствует в русской литературе на протяжении нескольких столетий, с XVIII в. по сегодняшний день. Увлечение русского общества

XVIII в. китайской культурой, особенно в период правления Екатерины II, превратило образ Китая в восточную сказку, резко контрастирующую с реальной жизнью. В XIX в. образ Китая играл важную роль в полемике между западниками и славянофилами об особом российском пути. Интерес к культуре Китая развивался у А.С. Пушкина и многих других писателей. Серьёзное увлечение древней китайской философией пережил Л.Н. Толстой. Для литературы серебряного века древний Китай стал популярным символом мистической красоты и философских медитаций. После октябрьской революции русская эмиграция первой волны в Китае изображала реалии Китая в 20–40 гг. во время китайско-национального освободительного движения.

Рассматривая образ Китая в русской литературе, выделим два характерных направления: использование образа Китая и китайских мотивов в символическом плане в русском культурном контексте и изображение собственно китайских реалий. Такое разделение имеет культурно-исторические основания. В течение последних трёхсот лет ступили на землю Китая и своими глазами увидели его реалии лишь немногие писатели. Кроме писателей русской эмиграции первой волны в Китае, из писателей, короткое время проведших в Китае, можно назвать А.П. Чехова, И.А. Гончарова, И.Г. Эренбурга и немногих других. Для большинства русских писателей Китай был скорее воображаемым. Они использовали образ Китая как инструмент и символ, помогающий глубже раскрыть интересовавшие их темы внутри России. Этот образ Китая нечёткий, расплывчатый, переменчивый: или это восточная сказка с усовершенствованной и высокоразвитой цивилизацией, или застойная, неподвижная страна деспотии. Даже писатели, побывавшие в Китае, не были свободны от предрассудков и стереотипов. Из-за короткого срока пребывания в стране они видели лишь поверхностную картину, свойственную определённому историческому периоду, и не проникали в глубины пяти тысячелетий китайской культуры и цивилизации.

Обобщая, можем отметить, что образ Китая у русских писателей, питающих всечеловеческое гуманистическое чувство, приобретает окраски мудрости, таинственности, экзотичности, в то же время и отсталости, трудолюбия и миролюбия народа.

1. Образ Китая в русской литературе XVIII-XIX вв.

В XVIII в. русские писатели в своих произведениях восхищались китайскими мудрыми правителями и учением конфуцианства. А.Н. Радищев, например, воспевал Конфуция в своём позднем стихотворении «Песнь историческая» (1807). Однако он занимался и конкретными вопросами, связанными с Китаем и русско-китайскими отношениями. После публикации его книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) он был сослан Екатериной II в Сибирь. Там он написал «Письмо о китайском торге» (1792), в котором давал рекомендации как развивать торговые отношения с Китаем, и говорил об их положительном влиянии на сибирскую экономику. Автор в книге не затрагивает глобальных вопросов, его цель более практична. Но заметно явное отличие его позиции от официальной. Он больше обращает внимание на взаимную выгоду двух стран и народов. «Д.И. Белкин считает, что «Письмо» Радищева (так же как и работы других российских авторов XVIII в., касавшихся практической политики в отношении Китая) «способствова-

ло утверждению в русской словесности элементов реализма в изображении ориентального мира», и прежде всего Китая» [1].

Через долгое время постижения китайской культуры в воображении, в XIX в. наконец ступили на землю Китая и своими глазами увидели китайскую действительность два великих русских писателя. Это И.А. Гончаров и А.П. Чехов. Увиденная ими реальность серьёзно отличалась от представлений, сложившихся в русском обществе того времени. Китай оказался не прекрасной сказочной землёй, образ которой рисовали русские писатели; страна была мятежной, печальной, впечатления были тяжёлыми. Находясь в управлении слабой и трусливой династии Цин, Китай подвергался колониальным захватам европейских стран во главе с Англией.

В 1858 г. писатель И.А. Гончаров, побывавший как секретарь главы морской экспедиции русской дипломатической миссии в кругосветном плавании на фрегате «Паллада» (1852–1855), издал двухтомную книгу «Фрегат “Паллада”», в которой было описано путешествие [2]. В книге были специально посвящённые Китаю главы: «Гонконг» (Том 1, глава VII. весна–лето 1853 г.) и «Шанхай» (Том 2, глава II. осень 1853 г.). В этих двух главах автор дал непосредственное, объективное описание жизни в Китае. Авторская оценка увиденного в Китае даётся и в последующих главах «Русские в Японии» (Том 2, глава III) и «От Манилы до берегов Сибири» (Том 2, глава VI). Острым чутьём и наблюдением писатель живо изображает широкую картину действительности Китая в середине XIX в. Мы видим трудолюбивых китайских людей, занимающихся различными видами деятельности, видим слабое и бездеятельное правительство поздней династии Цин и армию народного восстания Тайпин, видим бесстыдных и жестоких английских захватчиков-империалистов. Автор показал глубокие общественные конфликты в критический исторический период Китая. В то же время из-под пера писателя вышло живое изображение народного быта, обычаев и традиций, охватывающее разные сферы: сельское хозяйство, жильё, ремесло, рынок, питание, чаепитие, одежду, похороны, храмы буддизма и т.д. Гончаров описывает трудолюбивый, деятельный, но покорный и бедный китайский народ и осуждает преступления английских империалистов. Впрочем, автор всё же приходит к выводу, сходному с взглядом западников: от неподвижности Китай сможет спасти только европейская цивилизация и христианство.

Почти через сорок лет, в 1890 г., великий писатель А.П. Чехов также ступил на землю Китая. Он по дороге на Сахалин заезжал в уезд Айхуэй, на другом берегу Амура, напротив Благовещенска и встречался с местными жителями, о чем рассказал в письмах и в книге «Остров Сахалин» [3]. Возвращаясь из поездки на Сахалин, он побывал и в Гонконге, первом заграничном порту на пути. Описание Китая занимало у писателя небольшой объём, но по сравнению с воображаемым образом Китая у других писателей, оно оказалось более правдивым. В письмах писатель говорил о доброте, уме и достоинстве китайцев, а в книге «Остров Сахалин» описал их нечистоту, болезненность и угнетённое состояние.

А.М. Горький также попытался поехать в Китай, но поездка не состоялась. В ключевом для его творчества романе «Жизнь Клима Самгина» он создал образ высокопоставленного китайского чиновника Ли Хунчжана, по-

сетившего Россию по случаю коронации Николая II (том 1, глава 5) [4]. Лично увидев Ли Хунчжана на выставке в Нижнем Новгороде, Горький живо и образно изображает портрет этого высокомерного сановника, который, не обращая никакого внимания на окружающих людей, плывёт из павильона в павильон. Увидев в витрине красивый драгоценный изумруд, он сразу сунул его в свой рукав, не спросив согласия даже у сопровождающего его русского генерала. Он относится ко всем присутствующим как к подчинённым, никому не разрешает идти впереди него, даже поравняться с ним нельзя. Таким образом, перед нами представляется живой образ бюрократа иерархического китайского общества, который ни на минуту не забывал о собственной важности и заботился прежде всего о поддержании своего статуса, в то время, когда Китай переживал сложный, критический период своей истории, государство и народ подверглись империалистической агрессии сразу нескольких держав.

В противовес чиновнику, Горький изобразил образ трудолюбивого, доброго, и миролюбивого китайского крестьянина в повести «Лето» (1909) и рассказе «Жалобы» (1911). В обеих книгах главным героем является русский крестьянин, который попал в Китай во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Он вступает в разговор с добрым страдающим китайским крестьянином. Устами русского крестьянина писатель-гуманист выразил глубокое сочувствие китайскому народу и в то же время резко осудил русско-японскую войну, которая вешалась на китайской территории.

2. Образ реалий Китая в русской литературе в первой половине XX в.

После октябрьской революции в России появилась первая волна эмиграции, продолжавшаяся до второй мировой войны. Естественно, образ реального Китая в этот период создаёт именно русское дальневосточное зарубежье (харбинский круг). Русская эмиграция первой волны в Китае реалистично изображала жизнь Китая в 20–40 гг. XX в., особое внимание они уделяли национально-освободительному движению китайского народа.

В оригинальных стихах и прозаических произведениях многих писателей присутствует местный колорит, образность, реалии. Поэзия русских эмигрантов в Китае особенно примечательна. Китайские реалии, мотивы, пейзажи органично становятся неотъемлемой частью творчества русских поэтов Китая. Сопки Маньчжурии, жёлтая Сунгари, города и лица, виды, уличные сценки, китайская музыка, праздники, заклинания, тайфуны, драконы, храмы, рикши и даосские боги — всё это густо, цветисто, одушевлённо впервые пропитало ткань русского стиха.

В этом отношении поэзия А. Несмелова являет собой выразительный пример глубокого духовного сопряжения собственного художественного опыта, как с русской литературной традицией, так и с идейно-эстетическими поисками художников XX века [5]. Непосредственное изображение китайских реалий воплощается в десятках стихотворений поэта на три основные темы: о природе, о маленьком человеке и о национально-освободительном движении. Все эти стихотворения представляют собой сочетание миниатюрной формы со сжатым, концентрированным содержанием, что совпадает с духом китайской поэзии.

Оригинальные стихотворения Валерия Перелешина и его стихотворные переводы с китайского языка проникнуты глубоким влиянием китайской культуры, особенно древней философии Даосизма. Сквозными поэтически-

ми образами в оригинальном творчестве В. Перелешина часто служат образы, своеобразные и символические для китайской культуры, такие как весна, солнце, лотос, южные ветер, китайская скрипка (эрху) и др. [6].

Русский поэт-футурист Алексей Третьяков с энтузиазмом изображает в своей поэме «Рычи, Китай!» (1924) национально-освободительное движение китайского народа [7]. Его поэма «Рычи, Китай!» сначала была напечатана в «ЛЕФе», переделана позднее в одноимённую пьесу в 1926 году и поставлена известным режиссёром С.М. Эйзенштейном в Москве. В 1929 году «Рычи, Китай» была переведена на китайский язык. В тридцатые годы самым горячим лозунгом в Китае стало «Рычи, Китай!», заключающее в себе семантику сознания сопротивления ради спасения Родины от гибели.

Прозаические произведения на тему истории современного Китая писателя-историка Всеволода Никаноровича Иванова – это наглядное свидетельство внимательного очевидца событий китайской истории 20–40-х годов. Образы китайских реалий возникают и в других произведениях русских писателей, в том числе, получивших большую известность в СССР. Это например, «Бронепоезд №14-69» Всеволода Вячеславовича Иванова, посвящённый действиям китайских партизан.

После основания КНР русских эмигрантов в Китае почти не осталось. В 1951 г. советский писатель И. Эренбург, пробывший в Китае около месяца, записывал впечатления о новом Китае в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» (1961–1965) в книге VI, главе 27. В описании автор рассказывал все, что для него было новым и непонятным [8]. Его поражает сложность китайских иероглифов, высокое мастерство китайских искусств, условность театра, он озадачен сложными, непонятными для европейцев китайскими церемониями при торжественной встрече, за столом и в повседневном общении. Он видит бедноту в китайских деревнях «ранним утром нового Китая» и знакомится с духовным обликом китайских людей того времени, которые демонстрируют огромное терпение и стремление к единству во всем, в идеологии, в мысли, даже в одежде. Хотя страницы, посвящённые Китаю, немногочисленны, перед читателями живо воссоздаётся жизнь Китая 50-х гг. XX в.

Такова эволюция образа реалий Китая в русской литературе. Русские писатели с великим гуманистическим чувством объективно и живо изображали широкую картину жизни китайского народа в последние столетия. Сквозь призму их изображения перед нами явно представляется образ китайской нации на сложном и драматическом этапе своей истории в период с начала опиумной войны в середине XIX в. до основания КНР в середине XX в. [9]. В течение столетия находясь в тяжёлом состоянии полуфеодального и полукOLONиального общества, китайский народ проявлял огромное терпение, стойкость, мужество и убеждённость в борьбе за национальное освобождение.

Список использованных источников

1. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 608 с.
2. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Л.: Наука, 1986. 394 с.
3. Чехов А. П. Собрание сочинений. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. – Т. 11. – 467 с.

4. Горький А. М. «Жизнь Клим Самгина (сорок лет): Повесть. М.: Худ. лит. 1987. 575 с.
5. Несмелов А. Собрание сочинений. В 2-х тт. / Сост. Е. Витковский, А. Колесов, Ли Мэн, В. Резвый; Предисл. Е. Витковского; Коммент. Е. Витковского, Ли Мэн. Владивосток: Рубеж, 2006.
6. Перелешин В. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подгот. текста, коммент. В. А. Резвого. М.: Престиж Бук, 2018.
7. Третьяков А. Рычи, Китай! М., 1926. С. 15.
8. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М.: Советский писатель, 1990.
9. Ван Цзечжи, Чэнь Цзяньхуа. Ююань дэ хуйсян. Жлосы цзоцзя юй чжунго вэньхуа (Далекие отзвуки: русские писатели и китайская культура). 汪介之, 陈建华, 悠远的回响 — 俄罗斯作家与中国文化. Иньчуань: Нинсяское народное издательство, 2002.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'246.3

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЙ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И SLA-ТЕОРИЯ КАТО ЛОМБ

Г. В. Витковская,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии изучения языков и SLA-теория известной венгерской переводчицы Като Ломб. Изучаются возможности их применения в процессе преподавания иностранных языков, а также анализируются эффективность данных стратегий.

Ключевые слова: переводчик-синхронист, полиглот, стратегии изучения языка, SLA-теория (теория усвоения второго языка), мотивация.

Summary. The article deals with the strategies of language learning and SLA-theory (Second Language Acquisition Theory) of the famous Hungarian interpreter Kato Lomb. The possibilities of their use in the process of teaching foreign languages are studied, and the effectiveness of these strategies is analyzed.

Key words: a simultaneous interpreter, polyglot, strategies of language learning, SLA-theory, motivation.

Среди лингвистов, особенно среди переводчиков, нет ни одного, кому было бы незнакомо имя Като Ломб. Это венгерская переводчица, писательница, полиглот. Ее считают одной из первых профессиональных переводчиков-синхронистов. Не имея лингвистического образования, Като Ломб, физик и химик по специальности, самостоятельно овладела шестнадцатью языками, причем русский, французский, английский и немецкий языки знала на том же уровне, что и родной венгерский. Опираясь ими, она могла свободно переводить, как художественную литературу, так и техническую. Ее цель, овладеть большим количеством языков, была, прежде всего, практической: ее пригласили на работу в Министерство иностранных дел Венгрии переводчиком. Кроме того, стремление выучить еще один язык объяснялось интересом именно к изучению языков, как процессу познания. В 1970 году была впервые опубликована книга Като Ломб «Как я изучаю языки», пережившая множество изданий и переведенная на многие языки. Фактически, это сборник размышлений об изучении языка, описание авторской методики и стратегий, а также рекомендации для тех, кто хочет овладеть иностранным языком на уровне родного. Методы, которые Ломб использовала, представляют особый интерес для так называемых взрослых обучающихся, которые хотят выучить иностранный язык самостоятельно.

Хотя прошло уже почти пятьдесят лет после издания этой книги, многие лингвисты в своих работах неоднократно ссылаются на рекомендации, данные в этом бестселлере. Рассмотрим, каковы же характерные особенности стратегий изучения языков и SLA-теория Като Ломб, а также насколько они эффективны в современных реалиях.

Несмотря на то, что за это время технический прогресс быстро шагнул вперед, основные мотивы для изучения иностранных языков остаются неизменными. Като Ломб не верила во врожденный языковой талант. Крылатая фраза переводчицы «Мы изучаем языки потому, что язык – единственное, что бесполезно изучить даже плохо» является мотивирующей в процессе изучения иностранных языков [1]. Слово «интерес» в книге было равнозначно термину «мотивация». Во многих методических пособиях успех в изучении языка был выражен простым уравнением: мотивация плюс время, затраченное на изучение языка. Ломб предложила более сложную формулу, где мотивация плюс время, затраченное на изучение языка, были в числителе. Автор относила их к положительным факторам, влияющим на конечный результат. В знаменателе, как оправдание доли неудач при изучении языка, была заложена возможность торможения процесса в силу объективных или субъективных причин. Сюда же входит страх быть осмеянным из-за ошибок, стеснение, что мешает заговорить на иностранном языке, на любом уровне его изучения. Утверждалось, что мотивируемый человек может выделить хотя бы десять минут в день даже при постоянной загруженности [1]. Мотивационная основа может быть разнообразна, варьируясь от жизненной необходимости до обычной скуки.

Чем сильнее мотивация у нас и чем больше мы подавляем так называемое торможение, тем быстрее мы овладеваем языком. Причем мотивация взрослого человека подкрепляется языковой базой его родного языка, и этим обусловлено естественное стремление довести уровень владения вторым языком до оптимально необходимого, исходя из целей обучающегося. Ломб определила, что интерес и мотивация являются ключевыми для успешного обучения. Вместо пассивной зубрежки она рекомендовала изучать языки с помощью чтения художественной или специальной литературы, самостоятельно выбирать жанр, руководствуясь личными предпочтениями. Интерес к сюжету заставит дочитать книгу до конца. Изучение лексики вне контекста Като Ломб считала бессмысленным. Ее стратегии по запоминанию так называемых «готовых фраз» и идиом, причем с использованием глаголов в первом лице единственного числа, широко применяются в различных современных языковых пособиях, что полностью соответствует современной SLA-теории. Например, при изучении английского языка делается упор на усвоение фразовых глаголов и устойчивых выражений [2, с. 275].

Показательно, что Ломб полагала, что помощь опытного педагога в процессе обучения более эффективна по сравнению с помощью носителя языка, который не является профессиональным учителем. Вместе с тем, признается ценность неподготовленного носителя языка как источника информации. Это полностью согласуется с подходом к обучению иностранному языку, обоснованным Стивеном Крашеном, американским профессором, специалистом по проблемам прикладной лингвистики. Поскольку стратегии Като Ломб рассчитаны, в большей степени, на тех, кто решил освоить иностранный язык в зрелом возрасте, а, следовательно, ее рекомендации будут применяться сознательно, Крашен считает их очень актуальными для обучения иностранным языкам [5, с. 41].

На протяжении всей своей жизни Ломб никогда не позволяла себе пугаться ошибок и неудач и никогда не стремилась к идеалу. Это привело ее к первому усовершенствованию техники самообучения: «смело пропускайте редкие и сложные выражения на первых прочтениях. В конце концов, то, что мы помним лучше всего, — это то, что мы сами выяснили из контекста [1]. Чтобы оставаться мотивированным и избежать эффекта «выгорания», не следует искать каждое выражение, которое озадачивает, а вместо этого рекомендуется использовать контекст, чтобы понять содержание. Эта стратегия также находит свое подтверждение в наши дни, если говорить о широком применении ознакомительного, просмотрового и поискового видов чтения в образовательном процессе.

Вместе с тем, переводчица отрицательно относилась к так называемому «закреплению ошибок», к чему прибегают некоторые авторы современных изданий. Можно назвать довольно много учебников и пособий, где наряду с правильными вариантами даются неверные. По ее мнению, и с этим нельзя не согласиться, такая практика не способствует успешному усвоению языка.

SLA-теория (теория усвоения второго языка) рассматривает изучение иностранного языка в комплексе, т.е. создание благоприятной языковой среды. Сейчас повсеместно используется термин «языковое погружение», который вполне можно применить к рекомендациям венгерской переводчицы. Ломб считала, что наряду с чтением художественной литературы и заучиванием грамматических правил, в процесс изучения языков следует включать также чтение газет и журналов, просмотр разножанровых фильмов и телевизионных передач, прослушивание аудиоресурсов, беседы с носителями языка. Интересна и рекомендация по переводу всех увиденных вывесок, рекламных объявлений и даже услышанных реплик, что, несомненно, является хорошей языковой практикой. По утверждению Като Ломб, именно переводы способствуют знанию иностранного языка и сразу выявляют ошибки [1]. Практика перевода и сейчас является важной частью обучения иностранному языку в большинстве стран [4].

Уникальной и еще мало изученной является ее стратегия по использованию двуязычных словарей, как одной из составляющих процесса обучения. Знакомство с русским языком переводчица начала с помощью чтения русско-английского словаря, за которым последовало чтение художественной литературы [1]. Исследование, проведенное Батией Лауфер и Линор Надар, лингвистами из Израиля, подтвердило преимущества применения двуязычных словарей по сравнению с одноязычными. Кроме того, было выявлено, что применение двуязычных словарей лексических параллелей более результативно, независимо от уровня знаний учащихся [6, с. 194].

С обилием ресурсов, доступных сегодня, важно не тратить слишком много времени на изучение прикладных программ и учебников, а следует остановиться на нескольких, которые нравятся больше всего. Однако это не означает, что нужно ограничиваться одним источником. Необходимо стараться интегрировать обучение во всё, что вы делаете, тогда формула успеха Като Ломб будет работать в полную силу. Её стратегии практически не отличаются от различных методов, которые на протяжении долгого времени использовали и используют изучающие иностранный язык. Кроме Стивена

Крашена, эффективность стратегий Като Ломб отмечали зарубежные известные лингвисты и переводчики Эрл Стевик [10], Пэтси М. Лайтбоун и Нина Спада [7], Джоан Рубин и Ирен Томпсон [9].

Стратегии Като Ломб примечательны по нескольким причинам. Во-первых, данные рекомендации тесно коррелируют со стратегиями, которые успешно применяются и рекомендуются тем, кто приступил к изучению иностранного языка самостоятельно в зрелом возрасте. Их эффективность отмечена во всех основных исследованиях в рамках SLA-теории, проводимых последние 25 лет. Во-вторых, эта книга является одним из немногих дискурсов по изучению языка, написанная непрофессионалом, который достиг различных степеней беглости в 16 иностранных языках, в основном, за счет самостоятельного изучения. Стивен Крашен отмечает, что Ломб «весьма эффективно демонстрирует, что высокий уровень владения вторым языком может быть достигнут взрослыми» [5, с. 30]. Наконец, книга Ломб важна, поскольку она представляет собой редкий свод данных для SLA-теории, т.е. современных подходов к процессу усвоения иностранного языка, а также служит хорошим доказательством утверждения, что «Учиться никогда не поздно».

Можно с уверенностью констатировать, что стратегии изучения языка Като Ломб соответствуют актуальным стратегиям изучения языка и их применение дает положительные результаты, особенно в отношении тех, кто самостоятельно стремится выучить иностранные языки, опираясь на инновационные технологии и современные средства обучения. Применительно к системе высшего образования, использование этих стратегий позволит преподавателю, взяв на себя функции координатора и мотиватора, дистанцироваться от любого диктата в процессе обучения, отводя главную роль студенту, что, несомненно, будет способствовать достижению успешных результатов в образовательной деятельности.

Список использованных источников

1. Ломб К. Как я изучаю языки (Заметки знатока 16 языков) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=100863&p=1> (дата обращения 28.01.2019).
2. Chamot A. U. Strategy Instruction and Good Language Learners // Lessons from Good Language Learners. Cambridge, 2008. P. 266–281.
3. Cohen A. D. Styles and Strategies-based Instruction: A Teachers' Guide. Minneapolis, 2006. 342 p.
4. Ellis R. Principles of Instructed Second Language Acquisition [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cal.org> (дата обращения 18.02.2019).
5. Krashen S. D. Explorations in Language Acquisition and Use: The Taipei Lectures. Portsmouth: Heinemann, 2003. 201 p.
6. Laufer B. Assessing the Effectiveness of Monolingual, Bilingual, and «Bilingualised» Dictionaries in the Comprehension and Production of New Words Source // The Modern Language Journal. — 1997. — Vol. 81. — No. 2. — P. 189–196.
7. Lightbown P. M. How Languages Are Learned [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=1447279> (дата обращения 18.02.2019).
8. Mitchell R. Second Language Learning Theories [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eprints.soton.ac.uk/12312/> (дата обращения 28.01.2019).
9. Rubin J. How to Be a More Successful Language Learner. Boston: Heinle & Heile. 1994. 182 p.

10. Stevick E. W. Success with Foreign Languages. New York: Prentice Hall, 1989. 252 p.

УДК 811.111

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Л. Г. Гаркуша¹, Е. А. Кислицына²,

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

² обучающаяся 3 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные стилистические средства, используемые в заголовках новостных текстов англоязычных СМИ с точки зрения когнитивистики. Анализируется когнитивная сущность перечисленных стилистических явлений и приемов, раскрывается смысл газетного заголовка как результат взаимодействия разных видов информации: энциклопедической, ситуативной, контекстуальной и текстовой. Рассматриваются когнитивные процессы, происходящие в результате получения адресатом новостного сообщения.

Ключевые слова: заголовок, новостной текст, когнитивный подход, когнитивная стратегия, метафора, метонимия, аллюзия, антитеза, ирония, каламбур, оксюморон, олицетворение, перифраз, сравнение, эпитет, информация.

Summary. The review presents the analysis of the main stylistic devices used in the news headlines of English media in terms of cognitive approach. The nature of the listed stylistic devices and means is analyzed from the cognitive point of view. The idea of the article is revealed as a result of interaction of different kinds of information – encyclopedic, situational, contextual and textual. The cognitive processes occurring in the getting information from the article are also reviewed.

Key words: news headline, cognitive approach, stylistic devices, metaphor, metonymy, allusion, antithesis, irony, pun, oxymoron, personification, paraphrase, epithet, information.

Заголовки понимаются нами как особая категория базовых текстов СМИ. Рассмотрение и учет когнитивных особенностей любого типа текстов (в частности заголовка, как подтипа текста) приобретает большую важность, так как язык является частью познавательной и коммуникативной деятельности человека.

В настоящее время стилистические приемы рассматриваются не только со структурной, семантической и функциональной, но также с лингвокультурной и когнитивной точек зрения.

Когнитивные стратегии активизируют глобальную и локальную информацию, необходимую для объяснения смысла заголовка при помощи ключевых слов и совокупности знаний, которые существуют в сознании

читателя в виде моделей ситуации. Когнитивный подход обеспечивает изучение текста, и в частности газетного заголовка, учитывая особенно-сти текстового кодирования информации, которая содержится в заголовке. Точная трактовка смысла заголовка невозможна без учета когнитивных и лингвокультурных особенностей заголовка.

Учет указанных особенностей предполагает выявление и описание связи между мыслью и её репрезентацией в дискурсе, так как языковая деятельность – одна из видов познавательной деятельности человека. Процессы понимания, мышления и восприятия лежат в основе языковых явлений. Таким образом, когнитивные структуры и процессы сознания человека выступают в когнитивной лингвистике в качестве основных понятий. К таким понятиям относят понятия категории, концепта, модели, фрейма и пр.

На протяжении всего существования средств массовой информации тексты новостей считались структурообразующими для СМИ: «структурообразующими для медиаречи являются, безусловно, тексты новостей, которые можно считать базовыми текстами массовой информации» [1, с. 30].

Самая важная тема (новостного) текста выражена в заголовке, который инициирует процесс понимания текста. Таким образом, заголовок является первым элементом текста и дает общее представление о содержании статьи, обычно он выражает основную мысль. Он также является посредником между читателем, точнее его знаниями и статьей. При этом когнитивную функцию заголовка мы понимаем с одной стороны, как передачу главной мысли статьи, а с другой, использование тех или иных лексических единиц и языковых средств, в целях информирования читателя, т.е. с точки зрения реализации функции информирования.

Смысл газетного заголовка можно представить, как результат взаимодействия разных видов информации: энциклопедической, ситуативной, контекстуальной и текстовой. Имеющаяся у нас база знаний или когнитивная карта обеспечивает участие индивида в актах коммуникации, интерпретацию письменной речи, т.е. текстов, и находит свое выражение в конкретных языковых проявлениях. Для описания структуры базы знаний индивида было предложено понятие фрейм, рассматриваемый как принцип организации знаний в памяти человека. При этом концептуально фрейм понимается как организующий принцип, в соответствии с которым информация поступает в память, хранится в ней, и используется индивидом в актах коммуникации, при интерпретации и создании текстов.

Получив новостное сообщение, адресат производит ряд когнитивных процессов: декодирование, обработку и запоминание информации. В ходе выполнения декодирования информации происходит наложение визуальных и вербальных кодов на знания адресата, его когнитивный модуль. Результатом данного процесса является актуализация определенного фрейма, что обуславливает успешное восприятие и понимание информации.

В когнитивной лингвистике метафора и метонимия рассматриваются как основные ментальные механизмы, участвующие в познании действительности.

Метафора, с одной стороны, является одним из наиболее распространенных приемов, применяемых в заголовках текстов СМИ, с другой стороны, в современной когнитивистике рассматривается как одна из

основных умственных операций, которая является способом познания и осмысления мира [2, с. 7]. Ученые-языковеды разработали когнитивную теорию метафоры. Метафоры помогают преобразовать языковую картину мира и ввести новую категоризацию в представление имеющихся феноменов в сознании читателя. Например: “*The poor have wisdom that rich can't buy*” (*The Times*, 20 December, 2017); *The American president is stirring up trouble in a volatile oil market* (*The Economist*, 5 July, 2018).

Метонимия — один из способов осмысления и объяснения действительности. Традиционно метонимия понималась, как процесс замещения. С когнитивной точки зрения она не просто замещает одно значение другим, но способствует их взаимодействию, в результате чего формируется новое значение. Дж. Лакофф и М. Джонсон в своем научном труде высказывают предположение, что метонимия наряду с метафорой, является одним из основных мыслительных инструментов познания мира. Метонимия способствует формированию понятия об одном объекте через его отношение к другому объекту. По мнению исследователей, метонимические концепты организуют и язык, и отношения, и действия [3, с. 37]. Пример синекдохи (как разновидности метонимии): *Honda Civic: not just a pretty face* (*The Telegraph*, 16 February, 2012).

Использование атрибутивных групп свойственно заголовкам статей СМИ. В учебной и исследовательской литературе данный прием называется перенесенный эпитет. Современное изучение перенесенного эпитета осуществляется в рамках когнитивных теорий. Когнитивный подход позволяет рассмотреть механизм ментального конструирования при анализе перенесенного эпитета. Например, в работе Ф. Р. Кубаевой подчеркивается, что наиболее важным аспектом в случае рассмотрения перенесенных эпитетов является использование особого дополнительного соединительного пространства, называемого пространством обобщения. Например: *John F Kennedy's 'don't ask' speech inspired by school headmaster* (*The Telegraph*, 2 November, 2011).

Аллюзивные заголовки употребляют разные единицы культуры и языка в качестве аллюзий. Так как аллюзивные единицы обусловлены экстралингвистически, то при их исследовании важно учитывать социально-психологические аспекты. Как известно, аллюзия возникает в результате оценки объектов действительности и проведения аналогии с известными лицами или фактами, имевшими место в прошлом (далеком или недавнем). По этой причине важно учитывать экстралингвистический аспект при рассмотрении закономерностей функционирования аллюзии. В этом отношении важна зависимость выбора той или иной аллюзии как от личности говорящего (пишущего), так и от целей акта коммуникации. Например: *White Paper's corporate governance reforms are a missed opportunity* (*The Telegraph*, 16 September, 2017).

Исследователи полагают, что наряду с метафорой и метонимией существует способ мышления, в котором контрастируют две части. Это ирония. Ученые-языковеды рассматривают иронический дискурс, как вариант нейтрального дискурса. Ментальное отражение мировосприятия участников дискурса определяет когнитивную природу иронии. В случае употребления иронии успешность дискурсивной ситуации имеет конвенциональный харак-

тер, что предполагает общность адресанта и адресата. Пример употребления иронии: *The Earth is flat, Trump is a Democrat ... and other great conspiracy theories of 2016* (*The Guardian*, 21 December, 2016).

Использование каламбура в заголовках текстов СМИ определяет коммуникативный эффект, коммуникативную стратегию. «Если каламбур направлен на что-либо, не заслуживающее осмеяния, он неуместен, имея оскорбительный характер, ... каламбур сам по себе не может быть ни нравственным, ни безнравственным: все зависит от способа его употребления, от того, на что он направлен» [4, с. 97]. Каламбур непременно формирует определенный образ. Созданный образ является знаком, который функционирует. Например: *How do you do 'How do you do?'?* (*The Guardian*, 3 June, 2014).

При исследовании механизма формирования оксюморона также необходимо учитывать когнитивный аспект. С точки зрения лексико-семантического подхода значение оксюморона рассматривается как наложение определяющего значения на определяемое. Когнитивный подход выходит за пределы традиционного описания противоречивого значения оксюморона и утверждает, что формирование сложного значения происходит на основе принципа создания фреймов. Интеграция создает сеть, состоящую из ментальных пространств, внутри которых и происходит процесс формирования значения. Например: *A quiet revolution in Theresa May's cabinet* (*The Economist*, July 14, 2018).

Сравнение является приемом, выполняющим компаративную функцию. В случае использования сравнения активизируется механизм сопоставления нового с уже известным. Таким образом, сравнение способствует выделению отдельного, коммуникативно-приоритетного денотата. Например: *A Labour government might not be as bad as Brexit, claims Heseltine* (*The Guardian*, 26 December, 2017).

Наряду с перечисленными стилистическими приемами эпитет является одним из важнейших средств выражения культурных концептов и элементом национальной картины мира. Национальная маркированность эпитетов обусловлена как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами [5, с. 186]. Свойства эпитета сопряжены с особенностями самого сознания. Например: *Iran calls Donald Trump 'mad man' as US looks to LIFT nuclear sanctions* (*Daily Express*, 15 January, 2018).

Заголовок играет решающую роль в процессе запоминания текста. С одной стороны, он активизирует познавательные механизмы сознания: активизирует структуру фонового знания читателя, устанавливает ассоциативные связи с определенными объектами и понятиями. С другой стороны, заголовок организует и наполняет смыслом текст.

Список использованных источников

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. 100 с.
2. Балашов С. Н. Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и их русских переводов): автореф. дис. ... кандидата филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 25.
3. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1999. С. 288.

4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press. M., 1980. С. 191.

5. Кулижанов У. А. Эпитет как компонент национальной картины мира // Молодой учёный. — 2010. — №3. — С. 186–188. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/14/1218> (дата обращения 16.02.2019).

УДК 347.78.034

ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА», ИЛИ А ГОВОРИЛ ЛИ ЛУЖИН ПО-РУССКИ?

В. Д. Грищенко¹, Л. И. Теплова²,

¹ обучающаяся 4 курса направления подготовки «Филология»,

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь

² кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,

Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь

Аннотация. Лингвистический анализ речевого портрета фокусируется на фонетических, лексических и синтаксических особенностях речи персонажей, вместе с тем важным аспектом речевого портретирования является язык общения персонажей. Целью данной работы является исследование различных приемов указания на использование персонажами конкретных языков (русского, немецкого и т.д.) в романе В.В. Набокова «Защита Лужина». Авторы приходят к выводу, что Лужин является в большей степени немецкоязычным и переходит на родной язык в ситуациях сильных эмоциональных и психических потрясений. Кроме того, напрашивается вывод, что, создавая речевой портрет Лужина, Набоков описал ситуацию своего собственного вынужденного ухода из родного языка.

Ключевые слова: речевой портрет, приемы речевого портретирования, язык общения персонажей, лингвистическая идентификация личности, В.В. Набоков.

Summary. Literary characters are developed through various means, with their speech peculiarities and the language they speak being very important. The report studies devices used by V. Nabokov to inform the reader about the language the characters of his novel *The Luzhin Defence* choose to communicate with each other. The authors come to the conclusion that Luzhin speaks mainly German and switches to Russian in emotionally charged or stressful situations. This aspect of developing the literary character may also reflect some facts from Nabokov's life when he was forced to abandon his mother tongue and switch to English.

Key words: literary character's speech, developing literary character through speech patterns and language of communication, linguistic personality identification, V.V. Nabokov.

Аспекты языка и речи персонажей художественного произведения представляют интерес, как для литературоведов, так и для лингвистов [3]. Литературоведческий анализ текста апеллирует к таким понятиям как речевая характеристика и речевой портрет героя, которые рассматриваются «особый подбор слов и выражений, оборотов речи и т. д, как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения» [1]. Лингвистические исследования речевого портретирования рассматривают

данное явление как выбор из ряда вариантов одних, а также осознанное или подсознательное неупотребление других элементов, характеризующих речевое поведение [7].

Лингвистический анализ речевого портрета опирается как на устную, так и на письменную разновидности речи, в том числе на дискурс литературных персонажей [2] и предполагает описание фонетических, лексических и синтаксических особенностей речи персонажей. Данное направление исследования текстов художественного произведения неизбежно предполагает ответ на вопрос: а на каком языке говорят персонажи? Выбор автором языка общения персонажей также вносит существенный вклад в создание их образов. Особый интерес представляют случаи, когда персонажи на протяжении произведения говорят на нескольких языках, осуществляя переход с одного языка на другой, в зависимости от изменений языковой среды, в которой они пребывают.

Подобные ситуации описаны в романе В. Набокова «Защита Лужина», где персонажи (Лужин-сын, Лужин-отец, жена Лужина, Валентинов) на протяжении определённого времени проживают в России, затем перебираются в Европу. А на каком языке говорят герои набоковского романа?

Автор сообщает об этом читателю, используя различные приёмы:

- непосредственное указание на язык персонажа, без указания на то, как хорошо он на нём говорит.

“Насквозь”, — сказал он по-немецки, взяв из её руки платок (“ещё вот это”, — сказала она по-русски).

“Я его убью”, — громко сказал он по-немецки и пошёл быстрее.

“Кто вы?” — спросил Лужин по-немецки.

Я хочу говорить с господином Лужиным, — начал он опять, вернувшись к немецкому языку.

- вкрапление иноязычных слов в русский текст в виде транслитерированных слов или с сохранением написания на языке оригинала.

“Мерси, мерси”, — кланялся Лужин, пока ему накладывали вторую порцию.

«Ach wo, — сказал Лужин, — пара партишек».

- стилизованное искажение иностранцем звукового облика русского слова.

“Карашо?” — дружелюбно осведомился он.

- прочтение текста, написанного на кириллице, на основе звуко-буквенных соответствий, присущих латинице.

«Бак берепом», — прочёл Курт по системе “реникса”¹, что было простительно.

Персонажи романа, покинув Россию, продолжают пользоваться русским языком в разной степени. Лужин и Валентинов преимущественно говорят на немецком языке. Жена Лужина предпочитает говорить по-русски. В романе она часто переходит на русский язык, что может объясняться её ностальгией по родине, а также своеобразной атмосферой в доме девушки, в котором царит «русский уют», а родители её живут «в строгом русском вкусе». Набоков фокусирует внимание читателя на её языковых предпочтениях уже при описании первой встречи Лужина с его будущей женой: *Ей захотелось познакомиться с ним, поговорить по-русски.*

1 Шутл. ошибочное прочтение рус. *чепуха*, воспринятого как лат. *гепуха*: *В какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха», а ученик прочел «реникса» - думал, по-латыни написано (А.П. Чехов, «Три сестры»).*

Вероятно, этим контрастом: он говорит ей на немецком, она на русском, хотя тоже знает немецкий, автор подчёркивает то, что героиня скучает по России и русским людям на курорте.

На протяжении произведения Набоков неоднократно указывает на степень владения Лужиным русским языком.

Формирование языковой компетенции начинается с детства. Начальное языковое образование Лужин-младший получает в семье, когда мальчик под руководством отца пишет диктовки.

“Это ложь, что в театре нет лож”. И сын писал, почти лежа на столе, скаля зубы в металлических лесах, и оставлял просто пустые места на словах “ложь” и “лож”.

Оценивая успехи сына, Лужин-старший отмечает, что «арифметика шла лучше». Эта фраза косвенно свидетельствует о том, Лужин-младший не отличался блестящими языковыми способностями.

Позднее, когда Лужин учится в гимназии (которую он, кстати, так и не закончил), учитель словесности так отзывается о его способностях: *«Мальчик мог бы учиться лучше».*

И, наконец, высказывание жены Лужина о том, как её муж владеет русским языком: *“Ах, Лужин, — вздохнула жена. — Что вы делаете с русским языком”.*

Вопрос о том, на каком языке говорит Лужин, можно рассмотреть с точки зрения билингвизма. В исследованиях, посвященных лингвистической идентификации личности, отмечается, что «по большому счёту, родным все-таки может быть один язык, поскольку языковое сознание индивида не может вместить в одинаковой мере две разных языковых системы». При этом «второй, неродной, язык билингва должен жёстче контролироваться мышлением, которое рано или поздно может дать сбой» [6, с. 85].

Если рассматривать Лужина как билингва, то эта схема подтверждается его поведением, контроль мышления дает сбой, и Лужин переходит на русский язык в минуты эмоциональных переживаний или серьёзных потрясений.

Лужин говорит по-русски, попадая в русский мир, пусть даже и в стилизованный.

А над дверью, сразу над косяком, была в глаза большая, яркая, масляными красками писанная картина. Лужин, обыкновенно не примечавший таких вещей, обратил на неё внимание, потому что электрический свет жирно ее обливал, и краски поразили его, как солнечный удар. Баба в кумачовом платке, до бровей ела яблоко, и её чёрная тень на заборе ела яблоко побольше. “Баба”, — вкусно сказал Лужин и рассмеялся.

Предложение «Баба» — реакция на яркую запоминающуюся картину, увиденную в квартире будущей жены. Автор не указывает в данном случае, на каком языке это произнесено, однако вывод однозначен: Лужин говорит по-русски.

Находясь в гостях у родителей будущей жены, Лужин оказывается в обстановке, которая когда-то была для него если уж не родной, то привычной, и впадает в состояние, где он не может осознать грань между реальностью и сном.

Но самым замечательным в этом сне было то, что кругом, по-видимому, Россия, из которой сам спящий давненько выехал. Жители сна, веселые люди, пившие чай, разговаривали по-русски, и сахарница была точь-в-

точь такая же, как та, из которой он черпал сахарную пудру на веранде, в летний малиновый вечер, много лет тому назад. Это возвращение в Россию Лужин отметил с интересом, с удовольствием.

Лужин возвращается к русскому языку, когда он переживает серьёзное потрясение и практически теряет рассудок, отправляясь на игру с итальянским шахматистом Турати. В таком полубессознательном состоянии он говорит по-русски, подбирает синонимы к русскому слову, затем, почувствовав, что его не понимают, он переходит на немецкий язык.

“Где лес, лес? — настойчиво спросил Лужин и, так как это слово не вызвало ответа, попробовал найти синоним: — Бор? Вальд? — пробормотал он.

Лужин приходит в сознание, находясь в больнице, куда он попал, после того, как его доставили в квартиру его будущей жены случайные прохожие, прочитав адрес на открытке, найденной в его кармане.

Сразу кругом произошло движение, женщины зашептались, и с удивлением Лужин заметил, что понимает их язык, сам может на нем говорить... “По-видимому, я попал домой”.

При анализе романа «Защита Лужина» мы выяснили, что Лужин на самом деле предстает более «немецким», чем «русским» с точки зрения языка общения. Конечно, это объясняется тем, что герой всю сознательную жизнь проводит в Европе, живя в Париже или в Берлине и путешествуя по другим странам, и не испытывает желания вернуться в Россию. Но, вместе с тем, учитывая биографию самого Набокова, мы считаем, что автор предпринимает попытку описать опыт добровольного ухода из родного языка, и отражает этот факт своей жизни, создавая своеобразный речевой портрет Лужина.

Набоков тяжело переживал эмиграцию, которая для него была в первую очередь тем тяжела, что отнимала возможность находиться в русской как бытовой, так и языковой среде. М.Р. Напцок высказывает мысль о том, что ситуацию Набокова можно расценивать как уход из своей речи в чужую, что является не новым явлением в русской литературе [5]. Подобный уход из своей речи может быть реализован, по мнению исследователя, в трех вариантах: уход из речи в некую форму инобытия; уход в другую речь; уход не только из речи, но и из всей светской культуры ради религиозных идеалов. М.Р. Напцок полагает, что Набокову наиболее близок вариант перехода речи в инобытие, и под подобным инобытием русской речи подразумевается набоковский английский язык [5].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что набоковский герой Лужин говорил в основном на немецком языке, возвращаясь к языку, усвоенному в детстве, только в ситуациях сильных эмоциональных и психических потрясений.

В образе Лужина, возможно получила отражение ситуация ухода из родной речи самого Набокова. Только в случае с Набоковым этот уход был вынужденным, а для героя его произведения добровольным выбором.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

2. Иванцева И. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. — 2008. — № 3(4). — С. 27—43.

3. Макеева С. О. Речевой портрет в круге смежных понятий // Материалы и тезисы докладов ежегодной международной конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики». — 2014. — Ч. 3. — С. 79–85.

4. Набоков В. В. Защита Лужина. Берлин: Слово, 1930. 175 с.

5. Напцок М. Р. Русская литературная личность в условиях эмиграции: языковой феномен Набокова [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2011. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-literaturnaya-lichnost-v-usloviyah-emigratsii-yazykovoy-fenomen-v-nabokova> (дата обращения 05.03.2019).

6. Наумов В. В. Лингвистическая идентификация личности. М., 2007. 240 с.

7. Шильникова И. С. Когнитивное моделирование лингвокультурного типажа «The Man of Property» (на материале цикла Д. Голсуорси): дис. ... кандидата филол. наук. Иркутск, 2010. 245 с.

УДК 81

КОНЦЕПЦИЯ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

Доу Чуньяо,

соискатель факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация. В. Фон Гумбольдт – выдающийся основоположник теоретического языкознания. Он открыл новый путь к исследованию языкознания – философии языка, разрабатываемой в русле человековедения. Данная статья посвящена изучению концепции В. фон Гумбольдта и роли данной концепции в развитии теории современной лингвистики.

Ключевые слова: В. Фон Гумбольдт, концепция, современная лингвистика, язык, культура.

Summary. W. von Humboldt is an outstanding founder of theoretical linguistics. He opened a new path to the study of linguistics — the philosophy of language, developed in line with human studies. This article deals with the study of the concept of W. von Humboldt and the role of this concept in the development of the theory of modern linguistics.

Key words: W. von Humboldt, concept, modern linguistics, language, culture.

Вильгельм фон Гумбольдт – великий мыслитель, философ, филолог, историк, правовед, дипломат и государственный деятель, который оставил нам богатое научное наследие, открыл новый путь к исследованию языкознания – философии языка, разрабатываемой в русле человековедения. По мысли В. фон Гумбольдта, язык представляет собой подлинный и действительный ключ к пониманию феномена человека и познанию мира. Учёный особо выделяет идею значимости и тесной связи между феноменами «человек», «язык» и «культура» для создания философской антропологии. В наши дни многие ученые, вслед за ним, развивают его концепции и учения в своих направлениях исследования [7; 8].

На наш взгляд, лингвокультурология – важный раздел современного языкознания, который посвящен изучению связи между феноменами «человек», «язык» и «культура». Лингвокультурология возникла на стыке куль-

турологии, лингвистики, человеческого фактора в языке и роли культуры в формировании мышления и в языке. Язык – это механизм создания, развития, хранения и трансляции культуры [11; 14; 15; 16; 17]. Очевидно, что работы В. Фон Гумбольдта составляют прочную базу лингвокультурологии.

В наше время концепции В. фон Гумбольдта играют важную роль в гуманитарных исследованиях. Учёный считал, что язык тесно связан с носителями данного языка и его культурой; язык – это самый важный антропологический фактор. Без языка человек не сможет думать, чувствовать и жить в этом мире [18, с. 77]. По В. фон Гумбольдту, язык – это «народный дух» и «само бытие» народа. Культура прежде всего проявляется в языке, который представляет собой истинную реальность культуры и играет роль введение человека в культуру. Язык – это память культуры о мироздании и себе самом [7; 8].

В. фон Гумбольдт установил антропологическую программу изучения языка, в которой концепт «человек» занимает центральное и важное место: 1) Язык – это сила, которая делает человека человеком. 2) Язык представляет собой антропологический феномен, несущий на себе неизгладимый «след» этого начала. 3) В ходе исследования для достижения адекватного изучения языка необходимо анализировать связи между языком и сознанием, мышлением, культурой и духовной жизнью человека. 4) Язык – это подлинно антропологическая реальность. Язык является универсальной системой, раскрывающей истину о человеке, о сознании и подсознании человека. 5) Цель изучения языка должна заключаться в познании человечеством самого себя и своего отношения к миру [7; 8; 13, с. 199].

В. фон Гумбольдт представил свой взгляд на природу человека, введя в филологию категорию духа. По его мнению, категория духа может передать суть человека. Он считал, что язык является идеальным явлением и актом духа. Этот акт включает подлинно творческое действие в каждом языке и глубоко индивидуален. Связь между языком и духом состоит в том, что язык является живым порождением и главнейшей деятельностью духа [7; 8; 13, с. 199].

С точки зрения В. Фон Гумбольдта, язык представляет собой напряженное живое целое антиномии, включая антиномию индивидуального и коллективного, антиномию свободы и необходимости и антиномию постоянного и преходящего. Для человека язык есть инстинкт интеллекта и разума, творение человека и вместе с тем дар, доставшийся народам. В. Фон Гумбольдт также выдвинул следующую формулировку: язык (дух) народа = его дух (язык) [7; 8; 13, с. 200].

Понятия, представленные В. фон Гумбольдтом, «дух» и «дух народа» в толковании Г. Штейнталя были превращены в «психику» носителей данного языка. Надо особо обращать внимание на то, что язык – это миропонимание народа и свойственный ему способ осмысления и разработки языковой и культурно-языковой картин мира. «Тезис Гумбольдта о неразрывности понятия языка и жизни осмысливается в современной лингвокультурологии, развивающей идею о «живодействующей» связи языка и культуры» [13, с. 200].

По В. Фон Гумбольдту, различные языки являются различной картиной мира. Потому, что в каждом языке способы акта интерпретации мира совершенно разные. Каждый язык образует специальный и свойственный говорящим на нём круг, разные языки – разные круги. Кроме того, мышление

носителей любого языка зависит от данного языка, так как язык – орган мышления наций, и может оказывать регулирующее воздействие на поведение человека [13, с. 200].

Очевидно, что феномен «человек» занимает центральное и важное место в концепции В. фон Гумбольдта. Человек занимает особо важное место во Вселенной. По мнению В. Н. Телия, между миром и человеком в образно мотивированных знаках языка проявляется изоморфизм [14, с. 67].

В современной лингвистике концепт «человек» есть ядро исследования. Многие исследователи по-своему подходят к осмыслению данного концепта: Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, А. И. Геляева и др. исследуют концепт «Человек» в языковой картине мира на материале разных языков и культур; Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, Г. Н. Складневская и др. описывают концепт сквозь призму метафоры; В. Н. Телия, В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, А. В. Артемова, Р. Х. Хайруллина и др. изучают концепт «Человек» во фразеологическом аспекте; также Е. М. Вольф, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова и др. рассматривают вопросы аксиологии; Е. С. Кубрякова, Т. И. Вендина и др. анализируют феномен «Человек» и его отражение во внутренней форме слова; Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Ю. Е. Прохоров и др. занимались концептом «человек» в этнопсихолингвистическом аспекте; Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов, В. В. Морковкин занимались проблемой «человек» — лексикографированием концепта в словарях ассоциативного направления.

С точки зрения А. Н. Леонтьева, человек – это неотделимая часть природы, общества и культуры. Без общества и созданной человечеством культуры, невозможно существовать человеку [12, с. 3], т.е. культура и язык делают человека человеком. Н. Д. Арутюнова считает, что феномен человека только осмысляют через естественные языки [2, с. 324]. В культуре, мы, вслед за В. Н. Телия, считаем, что существуют материальная культура и духовная культура, при этом, духовная культура образуется в процессе движения человека к самопознанию [15].

Действительно, основная идея философии второй половины XX века заключается в том, что язык не только представляет собой средство выражения каких-либо концепций и идей, но и есть средство познания мира и человека.

В российской лингвистике академик В. В. Виноградов первым обратился к изучению проблемы человека. Он считает, что личность – это «...монада, по-своему, единственно ей свойственным образом воспринимающая, отражающая и создающая в себе мир» [6, с. 273].

В наши дни получило широкое распространение и утверждение такое мнение: язык – это самый важный источник знаний о человеке; это средство переадаптации знания и создания сознания человека [2, с. 325]. Язык, как зеркало, в котором отражается всё, что носители данного языка думают и знают о человеке. При этом, человек не только является объектом познания, но и субъектом познания. В. З. Демьянков установил метод и способ изучения концепта «человек», он считает, что человек – это система переработки информации, а при изучении поведения человек, надо анализировать внутреннее состояние человека [9, с. 1].

В языковой картине мира человек обладает разными представлениями, в том числе и о добре или зле. В наши дни популярно исследование репрезен-

тации основных органов и атрибутов – ума, зрения, обоняния, души и сердца. Более того, внутренний мир человека субъективно уподобляется внешнему миру. С точки зрения Ю. Д. Апресяна, язык характеризуется высокой антропоцентричностью. Большая часть словарного состава данного языка посвящена человеку [1, с. 18].

Язык показывает то, что человек – единство физического модуса (внешность), внутреннего модуса (душа, сердце, дух, ум, чувства, сознание, эмоции, характер) и его общественной сущности (общение, ценности, мораль и т.д.). Л. Вайсгербер, развивая мысль В. Гумбольдта, считал, что язык занимает промежуточное положение между миром и человеком. Язык – «сила» духовного формирования и культурного творчества, которая формирует представление человека об окружающем мире. Язык также является картиной национальной культуры народа [3; 4].

Тем самым, феномен «Человек» получает самое разное освещение и подходы к его исследованию в лингвистике.

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели концепции В. фон Гумбольдта и тенденции их развития в современной лингвистике (лингвокультурологии). В наше время существуют такие категориальные связки «язык – дух», «язык – человек», «язык – культура», «язык – действительность» и их более сложные комбинации.

А. Е. Кибрик выразил такое мнение: современная лингвистика — «почему-лингвистика» и посвящена проблеме, чего достигает человек посредством языка, например, какая связь между языком и культурой и как они взаимодействуют, какую роль человек выполняет в языке и культуре, как культура воплощается в языковых знаках и многому другому [10].

Чистая лингвистика уже не может дать нам ответы на эти вопросы. Для получения ответа на эти вопросы нужно воспользоваться достижениями ряда наук – философии, психологии, антропологии, лингвистики, культурологии, социологии и др. По мнению А. Вежбицкой, «языкознание имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» [5, с. 263].

Язык – уже не просто система и орудие коммуникации, передачи и выражения мысли. Он еще представляет собой часть культуры и ее орудие. В таких случаях, в том числе и в коммуникативных процессах, онтогенезе, филогенезе, и в языке оформляется концептуальный образ мира, включающий в себя «культурный фактор»; язык и культура взаимосвязаны.

Список использованных источников

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999.
3. Вайсгербер Й. Л. Избранные труды по языкознанию. М., 1993.
4. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
6. Виноградов В. В. Из истории слов. М., 1994.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
8. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
9. Демьянков В. З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М., 1994.

10. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., МГУ, 1992.
11. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
12. Леонтьев А. Н. Человек и культура. М. 1961. 114 с.
13. Постовалова В. И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции Вильгельма фон Гумбольдта / Отв. ред. А. А. Леонтьев. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2014. 256 с.
14. Телия В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987.
15. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
16. Телия В. Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии). М., 2002.
17. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2005. 184 с.
18. Humboldt W. Uber den Nationalcharakter der Sprachen. Darmstadt, 1963. S. 77.

УДК 82'04.81'373

ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Н. А. Дьякова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности перифрастических сочетаний и их употребление в поэтических произведениях древнеанглийского языка, что и является целью данного исследования. Анализ материала проводился сравнительно-сопоставительным и контекстологическим методами и показал, что структура их трафаретна, комплексы образованны по модели «существительное + существительное», при этом оба компонента в исходной форме — именительном падеже; выделяется группа перифрастических сочетаний, которые строятся по модели «прилагательное + существительное», а также «существительное + причастие». Благодаря широкому использованию формульных перифрастических сочетаний происходит органическое слияние разнородных элементов текста.

Ключевые слова: перифраза, формулы, кеннинг, перифрастическое сочетание.

Summary. The article deals with English periphrasal combinations which functioned in poetic written records of the early period of the language development. Specific features of phraseology in every separate language demand the necessity to analyze original material, that's why we investigate the phrases of OE written records of original poetry. While studying the phraseology of early records we are to single out the stable units from the text. For this purpose we used the comparative-correlative method worked out by historical linguistics and the contextual method

of modern linguistics. The phrases investigated are of different syntactic patterns: “noun + noun”; “adjective + noun”; “noun + participle”. The usage of formulas or periphrasal combinations helps to organize different elements of the text.

Key words: periphrases, formula, kenning, periphrasal combination.

В древней литературе понятия о предметах и явлениях действительности, о её процессах выражались устоявшимися формулами, трафаретными словесными выражениями. Это характерно для летописного текста, где повторяются сходные события, соответственно повторяются и средства описания происходящего. Установившаяся традиция мешала летописцу вносить субъективные элементы, требовала использования определенных, устоявшихся языковых средств. То же относится и к древнегерманской поэзии, фразеология которой очень архаична. Наиболее характерными ее элементами являются формулы и перифрастические сочетания, так называемые кеннинги. Свойственная древнегерманской литературе формульность, которая идет от устной традиции, впоследствии зафиксированная письменностью определяется М. Перри [4, с. 80], а вслед за ним и А. Лордом, как «группа слов регулярно встречающихся в одних и тех же ритмико-композиционных условиях для выражения нужной мысли (идеи)» [3, с. 30]. Ф. Т. Уитмен определяет формулу как «приём композиции, при котором индивидуальная значимость частей подчинена одной доминирующей идее, так что фраза не создаётся в данный момент» [5, с. 535]. Каждой теме произведения древней литературы соответствовал определенный набор формул, который скоп держал в голове и применял по своему усмотрению, сохраняя одну и ту же модель, каждый раз наполняя ее новым лексическим содержанием. При этом сохраняется одно или несколько опорных слов, а их окружение варьируется. Рассматривая кеннинги, лингвисты расходятся во мнении на сущность данной единицы. Так, одни относят кеннинги к устойчивым словосочетаниям, т.е. к фразеологическим единицам, которые не создавались при сочинении того произведения, в котором были употреблены, а брались готовыми из традиции. М. И. Стеблин-Каменский считает, что это не создание того, кто сочинил произведение, а нечто, также находившееся в его распоряжении как слова языка, на котором он говорил [2]. А. И. Смирницкий определяет кеннинг как описательно-метафорическое обозначение предмета, т.е. как стилистический приём, и считает, что единицы, образованные с помощью этого приёма есть как среди фразеологических единиц, так и среди сложных слов, состоящих из двух корневых морфем [1]. Мы считаем, что кеннинг не следует, как правило, включать в число устойчивых словосочетаний, т.к. они хотя и наделены семантической целостностью (что и заставляет отдельных авторов считать их фразеологическими единицами) не удовлетворяют критерию воспроизводимости. Действительно, в своем большинстве, кеннинги являются так называемыми *hapax legomena*, которые создаются отдельными авторами на данный случай, «будучи не воспроизводимыми, а создаваемыми из отдельных единиц языка, являются новыми сочетаниями языковых единиц, произведениями, в которых используется язык, но которые сами, в силу своей целостности, не представляют единиц языка, подобно тому, как свободные сочетания слов» [5]. отождествлять кеннинг с фразеологической единицей значит смешивать явления языка с явлениями речи и определять

фразеологическую единицу как стилистическое средство. Правильным было бы определить кеннинг как перифрастическое сочетание, в основе которого может быть особый стилистический прием, характерный для древнегерманской и, в частности, для древнеанглийской поэзии. Цель исследования — дать структурно-семантическую характеристику данных сочетаний на материале древнеанглийской поэмы «Беовульф». При анализе используются сравнительно-сопоставительный и контекстологический методы.

Элементы эпического мира, и в первую очередь его социальное устройство, где нет реальных общественных отношений, а лишь одна ячейка социальной структуры – вождь и его дружина, которые отвечают героическому идеалу, соответственно языковые средства выражения ограничены этой тематикой, т.е. это перифразы для вождя, воина, битвы, оружия, корабля, моря, дракона, арфы, женщины и бога.

Анализ выделенных сочетаний показал, что их структура трафаретна. В большинстве своем они образованы по модели, состоящей из двух существительных, при этом оба компонента употребляются в их исходной форме – именительном падеже: **word hoard** «сокровищница слов»; **guf cyning** «битвы король».

В формулах, выражающих патронимические отношения, структура также включает два существительных, но в отличие от первой модели, одно из них стоит в родительном падеже: **folces hyrde** «пастырь народа»; **helm Scyldinga** «защитник Скилдингов»; **freofu webbe** «пряжа согласия». Выделяется группа перифрастических сочетаний, которые строятся по модели «прилагательное + существительное», здесь возможно расширение модели за счет употребления еще одного существительного: **flota fami heals** «конь пеногрудый». Особо выделяются сочетания модели «существительное + причастие», необычность структуры объясняется особенностями грамматического строя древнеанглийского языка, его эпических произведений. Примером служат перифразы воина и корабля: **rond hæbendra** – «щит носящий»; **on sipwudu bundene** – «прочно сбитый борт». Как вариант модели причастие замыкается между двумя существительными: **brand healdenes segen gyldene sigores** — «ратное знамя, стяг златовышитый». Можно сделать вывод, что структура перифрастических сочетаний древнеанглийской поэзии не отличается большим разнообразием, и в большинстве случаев представлена соположением двух корневых морфем номинативного характера.

Семантические особенности перифрастических сочетаний неразрывно связаны с тематикой эпической поэзии в целом и поэмой в частности. Эпический мир древних германцев, сложившийся в эпоху великого переселения народов, нашел отражение в яркой и наиболее законченной форме в поэме «Беовульф», произведении героического эпоса, сохранившемся целиком. Содержание и поэтика эпоса поражают своей сложностью, многогранностью и одновременностью. В нём органически переплетаются архаические сюжеты борьбы героя с чудовищем и этика раннефеодального общества; пересказ библейских сказаний и легенда о золотом кладе, на котором лежит проклятие, являющееся причиной гибели героя; изысканные описания и сложные метафоры, лежащие в основе перифрастических сочетаний и древний аллитерационный стих с множеством формул, типичных для фольклорного произведения. Формулы характеризуют главных представителей общества,

прежде всего правителей своего народа, что осуществляется по линии их основных функций: распределение богатств, раздача сокровищ и защита племени, дружины от всевозможных бед и неприятностей. Сочетания не придумывались, а брались готовыми из традиции. Метафора в них застывшая и образ в их основе всегда один и тот же. Традиционность образов эддическая, следовательно, они восходят к эпохе германской общности. Отдельные словосочетания вообще не являются образными описаниями, а лишь констатируют общеизвестный факт – принадлежность к роду, что имеет особое значение, поскольку определяет достоинство героя. Основу героического действия составляет защита родной земли от внешнего врага, поэтому чаще всего употреблены перифразы для оружия битвы, основанные на метафоре и олицетворении. Великолепие оружия является приемом характеристики персонажа, сюда же входит и описание одежды, доспехов воина, выраженное в большом количестве перифрастических сочетаний. Перифраз построен на разных признаках, прежде всего подчеркивается функция – «платье битвы» в основе метафоры лежит признак, связанный с техникой изготовления доспехов. Несколько перифраз воина основаны на метонимическом переносе, обозначают его как носителя шлема, щита и т.д. Такой же перенос используется и при описании битвы, которая представляется как игра, забава, но не воинов, а их атрибутов: щитов, копий, мечей. Иногда подчеркивается разрушительная сила битвы, которая стремительно проносится над народами – «буря копий» — метафора, яркая и точная. Еще один образ, отраженный в перифрастических сочетаниях, – это море, которое предстает как нечто исключительное, чуждое и до некоторой степени, враждебное миру людей. Описание моря мрачно, неметафорично, лишь две из множества перифраз моря заключают в себе метафору – «дорога китов»; «чаша волн». Совершенно по иному описываются корабли, которые связывались с надеждами древних германцев на преодоление морского пространства. Яркая образность, метафоричность представления корабля как кольцегрудой ладьи, мчащейся среди бурлящих волн с раздутым парусом, который сравнивается с плащом. В древнегерманском эпосе не менее популярен мотив драконоборчества, все подвиги герой совершает в борьбе с чудовищем, огнедышащим, лежащим в могильном кургане и охраняющим золотой клад. В основе перифраз, описывающих дракона, лежит гиперболизация, соответствующая значимости дракона для племени, передается высокий накал страстей: беспощадная жестокость, ярость, ужас, сопровождавшие все поединки с драконом. Необходимо отметить роль христианского элемента в древнеанглийской поэзии, несмотря на то, что большинство современных исследователей признают, что они возникли в поэме на позднем этапе ее существования, но к моменту записи были вплетены в текст, и без них анализ перифраз не может быть полным. Религиозность была неотъемлемой частью сознания средневекового человека, ею была проникнута вся его жизнь от рождения до смерти. Бог — верховный повелитель героев, и отношения между ними строятся по знакомому земному образцу: взаимное выполнение долга обеспечивает благополучие и неизменность миропорядка. Победы Беовульфа над чудовищем нравственны и освящены авторитетом бога. Все это отразилось в перифразах: «правитель неба», «дела судящий», «даритель славы». В поэзии даже

имена собственные, в первую очередь, имена героев, являются символами героической эпохи. Образованные сложными существительными они также служили средством героизации. Такие имена как «славное копье», «пчелиный волк», «медведь» Медведь олицетворяет силу и мощь, которая не только противостоит врагу, но и побеждает.

В заключение необходимо отметить, что благодаря широкому использованию особой формульной и перифрастической поэтической лексики происходит органическое слияние внешне разнородных элементов эпического текста.

Список использованных источников

1. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М., 1955.
2. Стеблин-Каменский М. И. Доступны ли изучению причинные связи в истории языка? // Вестник ЛГУ, вып. 2. — 1961. — № 8.
3. Lord A. B. The Formula in the Singer of Tales. Cambridge, 1960.
4. Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-making: Homer and Homeric Style, H.SCP, 4 Parry M. 1930.
5. Whitman F. N. The Meaning of "Formulaic" in O. E. Verse Composition. Neuphilologische Mitteilungen 4 LXXVI. Helsinki, 1975.

УДК 81-26

НАРУШЕНИЕ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИИ

Зекаг Мавахед,

*аспирантка кафедры турецкого и русского языков,
факультет арабского и восточных языков,
Алжирский университет 2*

Аннотация. Статья посвящена речевой культуре ведущих, корреспондентов, дикторов радио и телевидения с учётом её соответствия нормам современного русского литературного языка. Рассмотрены некоторые орфоэпические, грамматические, лексические ошибки, даны рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: языковая норма, типы речевых норм, русский литературный язык, речевые ошибки, телевидение, радиопередачи.

Summary. The article is devoted to the speech culture of the presenters, correspondents, radio and television announcers. Special attention is given to the compliance of their speech culture with the norms of the modern Russian literary language. Some orthoepic, grammatical, and lexical errors are considered, and recommendations on their elimination are given.

Key words: language norm, types of speech norms, Russian literary language, speech errors, television, radio programs.

В наше время средства массовой информации настолько прочно вошли в жизнь, что превратились в реальную силу воздействия на человеческий разум. Язык СМИ динамичен: он быстро реагирует на изменения в общественном сознании, отражая его состояние, и, в свою очередь, сам влияет на развитие общественного сознания.

Невозможно отрицать влияние СМИ, теле- и радиовещания на формирование языковой нормы, а также их роль в воспитании языковых вкусов. В связи с этим весьма актуальной для лингвистического изучения пред-

ставляется проблема речевой культуры корреспондентов [4], обозревателей, комментаторов, дикторов, ведущих теле- и радиопрограмм.

Информируя человека о происходящем в мире и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на его мышление, мировосприятие, а также на жизнь общества и актуальное состояние культуры в целом, на социально-психологический и нравственный облик каждого члена общества.

Новая информация, поступающая по каналам СМИ, содержит черты пропаганды и несёт в себе многократно повторяемые политические и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей. При этом отклонение от языковой нормы в тексте СМИ может привести к искажению в восприятии информации или подсознательному недоверию аудитории к её источнику.

В процессе своего развития литературный язык впитывает элементы диалектов, а также других нелитературных разновидностей языка [11]. Как правило, нормы письменной речи складываются раньше, чем устной. В настоящее время существует тенденция к сближению норм письменной и устной речи.

Немаловажно отметить, что языковое явление считается нормативным, если оно характеризуется следующими признаками:

- соответствие структуре языка;
- массовая и регулярная воспроизводимость в процессе коммуникации;
- общественное одобрение и признание.

Таким образом, при формировании речевой нормы действуют как стихийные, так и сознательные процессы. Стихийный процесс связан с массовым и регулярным употреблением той или иной языковой нормы в речи носителей языка. Сознательный процесс – процесс «узаконивания», или кодификации, сложившихся стихийно языковых норм в грамматике и в словарях. Нормы существуют на всех уровнях языка и во всех функциональных стилях [10]. Они необходимы для достижения единообразия в употреблении языка, облегчают общение между людьми, помогают им быстрее понять друг друга.

Для устной речи, в том числе для текстов теле- и радиопередач, наибольшее значение имеет орфоэпия – совокупность норм литературного произношения.

Ещё недавно, несколько десятилетий назад, в эфир отправлялась чёткая, проработанная (без орфоэпических ошибок), выверенная (согласно логике повествования и грамматическим нормам), подготовленная речь. Работники радио искали новые формы передач, учились писать тексты для радио и работать с микрофоном. Большинство людей, слушавших радио, хотели говорить так же грамотно, как вещали дикторы.

К сожалению, сегодня язык СМИ нельзя назвать эталоном для слушателей. Несмотря на то, что язык СМИ является строго нормированным языком, в речи дикторов и других выступающих на телевидении и радио встречается много ошибок. Как показывает наше исследование, посвящённое анализу качества речи в крупных российских СМИ (таких как «Россия сегодня», «Первый канал», «НТВ»), на радио и телевидении чаще всего встречаются следующие типы ошибок:

1. Орфоэпические (чаще всего ошибки в постановке ударений).
2. Грамматические.
3. Лексические.
4. Синтаксические.

Перечислим основные ошибки, характерные для текстов СМИ.

Самые частые ошибки, связанные с нарушениями правил образования различных форм слова [9], — это ошибки в употреблении форм числительных. Например: «*Более восемьсот тысяч пенсионеров могут жить теперь достойно*» (правильно: «*более восьмисот тысяч пенсионеров*»), «*Совсем недавно в Москве было около четыреста камер*» (правильно: «*около четырёхсот*»). Журналисты часто неправильно склоняют числительное «*полтора*». «*За полтора суток город опустел*» (правильно: «*в течение полутора суток*»). Нередки ошибки и в выборе падежной формы составного числительного, оканчивающегося на «*два*», «*три*», «*четыре*» в сочетании с одушевлённым существительным. В таких конструкциях, независимо от категории одушевлённости, винительный падеж сохраняет форму именительного, например: «*Итого за этот месяц в больницу доставили тридцать два больных*» (а не «*тридцать двух больных*»).

Несклонение или неполное склонение порядковых числительных и существительных при них также является нарушением литературной нормы. Например, в СМИ встречаются ошибки такого рода: «*Правительство обещает выплатить пособия к десятому ноябрю*» (правильно: «*к десятому ноябрю*»).

Нередки погрешности и при употреблении собирательных числительных. Их использование в сочетании с существительными, относящимися к официально-деловой лексике, в литературном языке не рекомендуется (тем более в информационных программах). Например: «*Не случайно оказались в этом регионе сразу двое депутатов*» (правильно: «*два депутата*»). Не всегда верно употребляются и числительные «*оба*» (муж. р.) и «*обе*» (жен. р.), например: «*Введение другой валюты (кроме рубля) пагубно для обеих стран*» (правильно: «*для обеих стран*»).

Частой речевой ошибкой является неправильное образование форм существительных мужского рода во множественном числе именительного падежа (*почерка* – вместо *почерки*, *инспектора* – вместо *инспекторы*, *фельдшера* – вместо *фельдшеры*).

Случаются ошибки в эфире и при образовании родительного падежа существительных множественного числа (*будни* — *будней* (не «*буден*»), *сумерки* – *сумерек* (не «*сумерков*»), *дыни* - *дынь* (не «*дыней*»)). Встречаются ошибки у дикторов при склонении существительных, обозначающих названия некоторых национальностей. В частности, нередко ошибки при употреблении форм родительного падежа множественного числа (*туркмены* - *туркмен* (не «*туркменов*»)).

Лексические ошибки часто связаны с незнанием значений слов и устойчивых выражений. Нередко ведущие начинают предложение со слов «*в этой связи*» («*В этой связи хочется вспомнить и о недавних событиях*»). Чаще всего это словосочетание употребляется, когда в тексте не указано ни на какую связь предыдущего с последующим. Правильно: «*В связи с этим...*»

К лексико-стилистическим погрешностям относится и незнание особенностей лексической сочетаемости слов в русском языке. Например: «*Ухудшается уровень жизни народа*» (правильно: «*Снижается уровень жизни народа*»).

Типичными для эфира являются погрешности следующего рода: «*Пожар возник на очень высокой высоте*», «*Репортер проводил репортерское исследо-*

вание», «Отличившиеся в этой операции награждены государственными наградами». Явления такого порядка в лингвистике принято называть тавтологией.

Фонетические ошибки составляют самую многочисленную группу погрешностей. Особенно часто встречаются ошибки, связанные с нарушениями норм ударения (вОзрастов (люди всех вОзрастов, а не возрастОв), договОрные цены — по договОрам (не договорнЫе), опека (не опёка)) [1].

Самой распространённой синтаксической ошибкой является нарушение норм управления (журналисты часто говорят «закон предусматривает о том» вместо «закон предусматривает (что?)», «мы уже обсуждали об этом» вместо «мы уже обсуждали это».

Распространённую ошибку допускают дикторы, употребляя существительное в родительном падеже с предлогами «согласно» и «благодаря»: *согласно приказа, согласно договора, благодаря хорошей погоды*. Правильно: *согласно приказу, согласно договору, благодаря хорошей погоде*. Имя существительное в сочетании с предлогами «благодаря» и «согласно» употребляется в дательном падеже [3].

Что касается иностранных слов, то необходимость некоторых из них несомненна, однако чрезмерное употребление заимствований губительно для русского литературного языка. Между тем на радио и телевидении регулярно и ежедневно звучат слова «конфронтация», «раунд», «саммит», «консенсус», «тинэйджер», «шоу», «мимикрия», «брейн-ринг» и сотни других. На наш взгляд, в некоторых случаях можно использовать их русские аналоги: не «тинэйджер», а «подросток», не «консенсус», а «соглашение».

Человек, обладающий правильной и хорошей речью, достигает высшего уровня речевой культуры. Это значит, что он не только не допускает ошибок, но и умеет наилучшим образом выстраивать высказывания в соответствии с целью общения, отбирать наиболее подходящие в каждом случае слова и конструкции, учитывая при этом, к кому и при каких обстоятельствах он обращается.

Высокий уровень речевой культуры — важнейшая черта культурного человека. Совершенствование речи — задача каждого носителя языка. Таким образом, необходимо следить за своей речью, чтобы не допускать ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в построении предложения. Кроме того, нужно постоянно обогащать свой словарный запас, учиться слушать и чувствовать собеседника, подбирать подходящие для каждого случая слова и конструкции.

Публичная речь, и особенно речь в СМИ, предполагает обращение к большой и разнообразной по составу аудитории. При этом журналисты не только выдают информацию, но и дают свою оценку событиям и фактам. Таким образом, хотелось бы, чтобы работники СМИ, телевидения и радио не забывали о том, что слово не только называет, но и оценивает. Используя то или иное слово, они не только информируют читателя или слушателя о событии или явлении, но и выражают своё личное отношение к нему, одновременно транслируя это отношение и в сознание читателя или слушателя [8].

Уровень культуры русского языка творческих работников СМИ на радио- и телевидении непосредственно влияет на миллионные массы читателей, радиослушателей и телезрителей. Высокий уровень языковой культуры сотрудников СМИ позволит убедить аудиторию от опасного влияния ненормативного языка героев прямого эфира [13].

На наш взгляд, необходимо совершенствовать речевую культуру работников СМИ, теле- и радио, а для этого нужно, во-первых, обеспечить элементарный контроль за языком эфира на всех каналах с участием консультантов-специалистов. Во-вторых, организовывать систематические занятия по русскому литературному языку и риторике. В-третьих, один из каналов следует сделать образцовым в языковом плане, эталонным с точки зрения соблюдения языковых норм.

Список использованных источников

1. Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 1993. 645 с.
2. Буторина Е. П., Евграфова С. М. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. М.: ФОРУМ, 2009. 281 с.
3. Володина М. Н., Язык средств массовой информации. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. 760 с.
4. Гаузенблас К. Культура языковой коммуникации. М.: Прогресс, 2002. 272 с.
5. Иванова Т. Ф., Черкасова Т. А. Русская речь в эфире. М., 2000. 346 с.
6. Караулов Ю. Н. Культура речи и языковая критика. М., 2000. 146 с.
7. Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум. М.: Флинта: Наука, 2008. 315 с.
8. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. М., 2000.
9. Нарушение норм русского литературного языка в программах центральных телевизионных и радиоканалах (Бюллетень по итогам мониторинга). М., 2000.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.
11. Оссовская М. П. Русские диалекты (наречия и говоры): учебное пособие. М., 2000.
12. Петрова Е. А. Язык средств массовой информации в аспекте языка города. М.: ФОРУМ, 2009. 145 с.
13. Повышение статуса русского языка на телевидении и радиовещании // Материалы ИПК работников ТВ и РВ. М., 1997.

УДК 81'42

ПОНЯТИЕ *TERTIUM COMPARATIONIS* И ЗНАЧИМОСТЬ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА

Н. Н. Кислицына¹, Е. А. Новикова²,

¹ кандидат филологических наук, доцент,

*зав. кафедрой иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

*² преподаватель кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Сопоставительные исследования в лингвистике охватывают все структурные уровни языка. Целью данной работы является определение значимости *tertium comparationis* при сопоставлении дискурсов, принад-

лежащих к различным языковым культурам. Изучение дискурсов в аспекте сопоставления их структурно-системных и функциональных свойств продолжает оставаться одним из актуальных направлений в современной лингвистике. Теоретические и практические задачи сопоставительного исследования диктуют необходимость представления дискурсивных процессов в системной организации, так как языковая система характеризуется сложностью и динамичностью.

Ключевые слова: сопоставление, сопоставительные исследования, tertium comparationis, дискурс, анализ дискурса.

Summary: Comparative linguistics is concerned with all levels of language structure. The paper is aimed at determining the significance of tertium comparationis for comparing discourse kinds belonging to different linguistic cultures. The study of discourse kinds in the aspect of comparing their structural-systemic and functional properties remains one of the current trends in modern linguistics. Theoretical and practical issues necessitate the systemic representation of the comparative discourse study, since language system is characterized by the complexity and dynamism.

Key words: comparison, comparative studies, tertium comparationis, discourse, discourse analysis.

Сопоставительный анализ дискурса является одним из наиболее перспективных направлений лингвистических исследований начала XXI века, что обусловлено открывающимися возможностями увидеть специфические черты языка и обнаружить динамику скрытых языковых преобразований, которые этот тип анализа позволяет выявить. В данном ракурсе исследований работают такие лингвисты как Дж. Лавид, Р. Ладо, С. Йохансон, Х. Куфнер, Д. Вайхман, К. Аймер. Значительный вклад в развитие сопоставительного анализа дискурса в отечественной лингвистике внесли А. А. Кибрик, В. З. Демьянков, В. Д. Аракин, Е. В. Левенкова, Г. Э. Мирам, В. Б. Кашкин, Е. В. Ерофеева, Ю. Н. Гаврютина, Н. С. Рядовая, О. С. Полатовская, М. А. Терпак.

При исследовании дискурса в аспекте сопоставительного анализа главной целью является изучение функционирования и реализации языка в разных культурах. Данные идеи находят отражение в работах М. Fiedler, который, говоря о том, что объект действительности, который вербализируется в языке в определённой ситуации по отношению к предмету, является частью комплексного действия, подчёркивает также, что действие может быть представлено как знак с планом содержания, а значение этих знаков не является чем-то статическим. Конкретизированное значение, по мнению М. Fiedler, должно рассматриваться как принципиально динамическая единица с учётом её обращения в различных культурных группах [5, с. 15]. Сопоставительное исследование дискурса ориентировано на фактически безграничный диапазон текстов. Так существуют следующие уровни сопоставительного анализа дискурсов:

- 1) сопоставление дискурсов с общей тематикой, принадлежащих двум и более различным языковым и культурным сообществам одного временного периода;
- 2) сопоставление дискурсов с общей тематикой, принадлежащих двум и более различным языковым и культурным сообществам различных временных периодов;
- 3) сопоставление дискурсов не связанных общей темой, принадлежащих двум и более различным языковым и культурным сообществам одного временного периода.

Процедура проведения сопоставительного анализа дискурса на любом уровне включает сравнение культурных особенностей. По мнению W Czachur: «Ein Vergleich, unabhängig davon, ob auf Wort-, Satz-, Text- oder Discoursebene, ist immer ein Kulturvergleich, den die Sprache ist das Produkt der Kultur und ihr Generator zugleich» [4, с. 15]. – Сравнение, независимо от того, проводится ли оно на уровне слова, предложения, текста или дискурса, всегда является сравнением в культурном плане, т. к. язык является продуктом культуры и в тоже время стимулом её развития [перевод авторов].

Сопоставление родственных и неродственных языков позволяет выявить первоочередные сходства и различия между ними, изучить законы функционирования языков. Как справедливо замечает S. Johansson: «Language contrasting is of great interest in a theoretical as well as in applied perspective. It reveals what is general and what is language specific and is therefore important both for the understanding of language in general and for the study of individual languages compared» [7, с. 25]. – Сопоставление языков представляет большой интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Сопоставление выявляет общие и различные черты, что является важным как для понимания языка в общем, так и для изучения отдельных сравниваемых языков [перевод авторов].

Модель сопоставительного анализа должна не только гарантировать точность проведения анализа и достоверность его результатов, но и создавать условия для его проведения. С этой целью конструируется *tertium comparationis*. Понятие *tertium comparationis* («третье сравниваемое», т. е. основа для сравнения) занимает в сопоставительной лингвистике центральное место, поскольку этот критерий используется для фактического сравнения.

Соответственно, *tertium comparationis* может быть определена на основе концептов, которые могут быть сопоставлены в межкультурном плане и выявлены на разных уровнях анализа. Данный факт обуславливает необходимость выделения критериев сравнения, которые позволят установить константы сопоставления на базовых, основных фазах анализа: отбор первичного материала, определения сравниваемых концептов.

Tertium comparationis является общей платформой сопоставления, что важно на всех уровнях исследования: в определении и формировании сравниваемых текстов, отборе текстовых концептов, исследуемых в дискурсе, определении и выделении различных лингвистических ресурсов, используемых для реализации фиксированных концептов.

Целью межъязыкового сопоставления является генерализация и систематизация используемых языковых средств в различных языках, что позволяет дать характеристику их строя и особенностей функционирования. По мнению J. Firbas, сопоставительный метод является полезным эвристическим инструментом, способным пролить свет на характерные черты сравниваемых языков и видов дискурса [6, с. 13]. Важно отметить, что все уровни сопоставительного исследования объединены базовым критерием сравнения языков – эквивалентностью. Эквивалентность, по утверждению А. Е. Nida, должна характеризоваться степенью отношения восприятия сообщения слушателем на языке говорящего и восприятием сообщения на родном языке. Данное восприятие никогда не может быть полным, воспри-

ятие должно отличаться высокой степенью эквивалентности и может быть отражено в переводе [8, с. 69].

Подобной точки зрения придерживается и J. Carl, который считает, что: «...translation including interpersonal, and textual as well as ideational meaning is the best available tertium comparationis for contrastive analysis» [3, с. 178]. – Перевод, включая как межличностные, так и текстовые, идейные смыслы является наиболее приемлемой *tertium comparationis* для сопоставительного анализа [перевод авторов]. В процессе перевода эксплицируется смысл высказывания, т. е. пропозиция приобретает свое вербальное воплощение. При переводе выбираются такие языковые структуры, которые выполняют одинаковые функции в языке оригинала и перевода. Перевод как *tertium comparationis* представляет собой воплощение функций, соответственно, это – компонент когнитивного и коммуникативного домена языковой действительности.

Таким образом, сопоставительные исследования являются одним из наиболее популярных направлений в дискурсологии, поскольку позволяют получить данные касательно сходства/расхождения в структурной и жанровой организации различных типов (устный – письменный) и видов (персональный – институциональный) дискурса, а также общности конфигурации дискурсивных признаков. К нерешённым задачам следует отнести исследование особенностей вычленения минимальных единиц анализа различных типов и видов дискурса. В зависимости от цели и уровня проведения сопоставительного анализа дискурса в качестве *tertium comparationis* могут выступать как отдельные языковые единицы и структуры, так и концепты.

Список использованных источников:

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1979. 260 с.
2. Демьянков В. З. Контрастивный анализ эксплицитности в английском и русском дискурсах (Интерпретирующий подход) // Полифония образования и англистика в мультикультурном мире. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2003. С. 31.
3. Carl J. Contrastive Analysis. London: Longman, 1980. P. 208.
4. Czachur W. Diskursive Weltbilder im Kontrast. Linguistische Konzeption und Methode der kontrastiven Diskursanalyse deutscher und polnischer Medien. Wrocławsk: Wydawnictwo Oświatowe, 2011. 307 p.
5. Fiedler M. Modernhebraeisch Und Deutsch: Kontrastive Analyse Der Prosodie in Interkulturellen Kommunikationssituationen. Frankfurt am Main: Peter Land Editon, 2013. 442 S.
6. Firbas J. Functional sentence perspective in written and spoken communication. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 239 p.
7. Johansson S. Contrastive analysis and learner language: A corpus-based approach. Oslo: Department of British and American studies, University of Oslo Contrastive linguistics and corpora, 2008. 168 p.
8. Nida A. E., Russel Ch. T. The Theory and Practice of Translation. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. 218 p.

ОСОБЕННОСТИ ЗОНЫ БАЗИСА ТЕРМИНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПОЧВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ, УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. В. Кислухина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья отражает результаты исследования ономасиологической тернарной модели терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках, в частности, особенности зоны базиса. Были установлены и описаны наиболее релевантные типы базисов в данном подъязыке. В исследовании использовались следующие методы: метод сплошной выборки, метод количественного анализа и ономасиологический анализ терминов.

Ключевые слова: ономасиология, ономасиологический базис, ономасиологическая модель, термин, терминология.

Summary. The article reflects the results of the investigation of onomasiological tertiary model of agricultural and soil microbiology terms in English, Ukrainian and Russian, bases zone, in particular. Types of the most relevant bases of the sublanguage were identified and described. In our article we used such methods as the method of entire selection, method of quantitative analysis and onomasiological analysis.

Key words: onomasiology, onomasiological base, onomasiological model, term, terminological system.

В области анализа специального профессионального языка изучение терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в когнитивно-ономасиологическом аспекте представляет определенный интерес и является актуальным в настоящее время, поскольку в единении когнитивного и ономасиологического начала отражаются факторы, являющиеся важными для всей языковой системы. Как известно, ономасиологическое направление является одной из ранних версий когнитивного направления в отечественной науке. Объектом ономасиологического анализа служили и могут служить различные тематические группы: термины венчурного финансирования (Л. В. Ивина) [3], горной промышленности (Т. Н. Высоцкая) [1], лекарственные растения (Н. И. Панасенко) [9;10], английская терминосистема земельного права (И. Я. Туманова) [14], термины материаловедения (Ю. Р. Олещенко) [8], наименования явлений и объектов природы (Н. В. Ситянина) [11], терминологические словосочетания строительной терминологии (Т. Е. Щеглова) [16], терминологические единицы казахского языка (Э. М. Ханкишиева) [15], композиты-обозначения объединений людей в русском языке (В. И. Теркулов) [13] и т. д.

Исследователь Е. А. Селиванова указывает на то, что использование ономасиологического метода в анализе терминологии позволяет установить, как соотносятся понятия, отраженные в семантике этих терминологических единиц, подвести обозначаемое под определенную категорию, а также выявить

понятийные механизмы образования наименования, характер мотивированности нового наименования, поскольку он направлен на объяснение связи ономаσιологической структуры со структурами знаний об объекте номинации [12, с. 248]. Необходимо подчеркнуть, что ономаσιологический подход рассматривает содержательную сторону языковых единиц с точки зрения их предметной направленности, то есть соотносительности языковых единиц с внеязыковым предметным рядом как средства обозначения, именованного. Вслед за Н. И. Панасенко считаем, что именно ономаσιологический анализ позволяет выявить понятийные механизмы образования того или иного термина (в нашем случае, сельскохозяйственной и почвенной микробиологии), а также уточнить принципы их мотивированности [9].

Фактический материал нашего исследования составляют термины сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в германских (английский 1100 единиц) и славянских (украинский 1100 и русский 1100 единиц) языках.

Цель данной статьи: исследовать ономаσιологические базисы терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках.

Поставленная цель обусловила следующие **задачи**:

- выявить ономаσιологические базисы в ономаσιологической модели терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках;

- описать зону базиса терминов в исследуемом подъязыке науки в английском, украинском и русском языках, определить наиболее характерные базисы.

В ходе исследования использовались следующие **методы**: метод сплошной выборки и метод количественного анализа для получения количественных характеристик терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии и отбора их для исследования; ономаσιологический анализ терминов, который ориентирует языковую единицу на ментально-опосредованную связь с миром действительности.

Необходимо отметить, что наше исследование подъязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии было разделено на три этапа: 1) словообразовательный анализ терминологии; 2) семантический анализ лексики; 3) ономаσιологический анализ с последующей когнитивной обработкой. Мы использовали предложенную Е. С. Кубряковой концепцию рассмотрения словообразования с точки зрения ономаσιологического ракурса [7] и выделили в терминах сельскохозяйственной и почвенной микробиологии тернарную модель, которая включает: 1) ономаσιологический базис, то есть основное, опорное слово в этой модели, 2) ономаσιологический признак, который характеризует определенный термин 3) предикат-связку, которая приписывает данный признак базису [5, с. 136].

В данной статье мы более подробно остановимся на ономаσιологическом анализе и, в частности, на описании особенностей зоны базиса терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках.

Е. С. Кубрякова подчеркивала, что базис отражает «номинативную деятельность человека, совершающего в акте словообразования подведение обозначаемого под некую категорию» [6, с. 39–40]. Это, в свою очередь, не-

посредственно связано с естественной категоризацией мира. М. Докулил выделил двучленную модель, которая состоит из ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака. Он определил следующие типы базиса: категория субстанции, свойства, действия и обстоятельства [17, с. 197]. Базис играет роль понятия, которое лежит в основе обозначения какого-либо класса предметов, и может быть описан с категориальной и структурной точек зрения, то есть формально и содержательно.

В ходе анализа было установлено, что одна из наиболее распространенных тернарных моделей в германском (английский) и славянских (украинский и русский) языках это модель, которая включает один признак и один базис (производное слово, сложное слово, сложносуффиксальный термин, несколькословный комплекс). Например, англ. *cooling* – охлаждение (правосторонний базис – суффикс **-ing**, обозначающий процесс, предикат-связка – «выполняет действие», признак – оценочный (физическое свойство); укр. *бродіння, біодобриво*; русск. *протравливание*.

Из этого следует, что базис может быть выражен различными единицами: в производном слове – это суффикс, который выполняет роль категоризатора или классификатора (англ. *sterilization* – суффикс **-ation**, указывает на то, что данный термин обозначает процесс, укр. *дезінфекція* – суффикс **-ціј** также несет в себе значение процессуальности; русск. *бруцеллѐз* – терминологический элемент **-ѐз (-оз)** (суффикс, обозначающий заболевания) и полнозначным словом при словосложении и в многословных комплексах. Например, англ. *standing vegetation* (стоячая (в воде) растительность); укр. *азотне добриво*; русск. *бляшки вирусом* [4, с. 59].

При словосложении базисом является, как правило, второй или последний компонент сложного слова. Например, термин *grassland, wetland* – имеют базис -land (значение – земля), покрыта травой (*grass*) – травостой; *wetland* – заболоченное место, сырой участок. Вышеназванные термины имеют базис, обозначающий объекты природы. У термина *turnover* базис – слово turn (первый компонент сложного слова), а у термина – *uptake* – базисом является второй компонент – take. Как первый, так и второй базис несут значение действия. Здесь и далее мы выделяем базисы подчеркиванием.

Поскольку подъязык сельскохозяйственной и почвенной микробиологии имеет свои специфические особенности, а именно: в отдельном термине должен быть отражен максимальный объем информации о процессе, явлении, состоянии, веществе или микроорганизме несколькословные номинации присутствуют в нашем исследуемом материале.

Как мы отмечали ранее, что базисом может быть не только суффикс, но и целое слово. Это хорошо просматривается на примере терминологических сочетаний, несколькословных комплексов: англ. *abiotic factors of environment, above ground plant parts, acetylene method, fatty acids, active iron, active microflora, agar beef-extract, agar blood*.

В первом многословном комплексе базисом является слово – factor, обозначающее причину какого-либо явления, процесса. Присутствуют базисы полнозначные слова, обозначающие части растения *part, body, hairs*; собственно растения – *bean, rice, grass, broomcorn*; также отмечен базис часть вещества – basic. В следующем словосочетании базисом является слово –

method, которое обозначает совокупность приемов и способов. Были выделены базисы-слова, обозначающие вещество: *acid*, *antibodies*, *biomass*, *iron*, *agar*, *soil* и т.д.

Отмечен также базис, обозначающий живой организм в следующих несколькихсловных комплексах *autotrophic microflora*, *facultative anaerob*, *anaerobic bacterium*, *temperate bacteriophage*, *facultative parasite* и т.д.

В исследуемой терминологии присутствуют базисы, обозначающие артефакты, например, *dish* в терминологическом словосочетании англ. *Petry dish*; укр. *чашечка Петри*; русск. *чашечка Петри*; *flask* – в терминословосочетаниях англ. *culture flask*; укр. *колба з культурою*; русск. *колба с культурой*; англ. *graduated flask*; укр. *мірна колба*; русск. *мерная колба*.

Необходимо упомянуть о базисах, отражающих состояние, например: англ. *active immunity*, *passive immunity*, *specific immunity* и.д.

В славянских языках украинском и русском, с точки зрения структуры, мы выделяем базис-суффикс и базис-полнозначное слово.

Среди базисов-суффиксов мы отмечаем суффикс, характеризующий процессуальность, действие, условие действия укр. **-аціј**, русск. **-аціј** [2, с. 73]. Например, укр. *бутонізація*, *вакуолізація*; русск. *амплификация*. Также необходимо отметить следующие базисы-суффиксы подобного значения: **-н**, **-ізм**, **-ість**, **-іння**, **-изм**, **-ен**, **-енн**, **-нн**, **-цтв**, **-ств**, **-ениј**: укр. *баштанництво*, *тваринництво*, *садівництво*, *птахівництво*, *плодоовочівництво*, *бродіння*, *живлення*, *культивування*, *селективність*; русск. *заражение*, *инфицирование*, *синергизм*, *связывание*, *вариант*, *цветение*, *растение*.

Базис-суффикс **-інг**, **-инг** несет значение процессуальности. Например, укр. *скринінг* (выделение искомого микроорганизма из смешанной популяции путем получения клона из отдельной клетки, сортировка).

В исследуемой терминологии присутствуют базисы-суффиксы, обозначающие вещество, химические соединения: **-ат**, **-ик**, **-ин**, **-ит**. Например, укр. *антибіотик*, *екзотоксин*, *лектин*, *лінкоіцін*, *мікотоксин*, *норфлорксацин*; русск. *автолизат*, *агаропектин*, *аденозин*, *азотобактерин*, *акразин*, *акридин*, *анаболит* и др.

Базисы-суффиксы, обозначающие конкретные предметы, орудия, приспособления, машины, деятеля: **-ик**, **-к**, **-ор (-ер/ёр)**, **-тел'** отмечены в следующих терминах: укр. *стимулятор (росту рослин)*, *інгібітор*; русск. *возбудитель*, *киллер (убийца)*, *репрессор*, *вытяжка* и др.

Базис-суффикс **-иј** [2, с. 182] – регулярная и продуктивная (особенно в специальной терминологии) словообразовательная единица, которая образует имена существительные женского рода, обозначающие научные дисциплины, например, укр. *імунологія*, *мікробіологія*, *фізіологія*; русск. *биогеохимия*, *химия*, *экология*.

Базисы-суффиксы **-ик**, **-ок**, **-к** являясь регулярной и очень продуктивной формообразующей единицей, образуют имена существительные (преимущественно женского, редко мужского и общего рода) со значением уменьшительности, которая обычно сопровождается экспрессией ласкательности. Например, укр. *волосок*; русск. *жгутик*, *реснички*, *головка*, *колосок*.

Базисы-суффиксы **-ит**, **-оз**, **-изм**, **-ёз** (особенно в медицинских терминах)

обозначают заболевания, например, укр. *бруцельоз, менінгит, туберкульоз*; русск. *лейкоцитоз, ботулизм, бруцеллёз, бактериоз, дисбактериоз*.

Необходимо отметить базисы-полнозначные слова, обозначающие артефакты, например, укр. *воронка* (*воронка* Бюхнера – а) делительная, б) для фильтрации); русск. *барабан, бюксы, бюретка*.

Мы рассмотрели базисы-полнозначные слова на примерах нескольких словосочетаний. Необходимо подчеркнуть, что «в них когнитивная сущность базиса представлена четко, так как формируется за счет опорного слова, которое само по себе может быть простым, сложным, производным, сложносuffиксальным образованием, требующим уточняющего признака» [10, с. 54]. Отметим, что сложносuffиксальные образования в нашем материале не относятся к наиболее частотным моделям, поэтому число и типы базисов у них ограничены.

В нескольких словосочетаниях базисы означают: живой организм (микроорганизм), растение, часть растения, части тела животного, овощ, грызунов, животных, насекомых, вещество, местность, человека, состояние (болезнь), процесс, разделы науки. Например, укр. *люпин жовтий, молекулярний азот, домова миша, жовтогорла миша, суха речовина, колорадський жук, цукровий буряк* и т. д.; русск. *питательная среда, патогенный грибок, ползучий пырей, генетический банк, двигательный нерв, корневой рак, гистологический срез, клеточный яд, почвенная карта, стрессовый ответ, сухой вес (клеток)* и т. д.

Ономазиологический анализ показал, что ономазиологический базис выражен именем существительным и может занимать вторую (в основном) и иногда первую позицию в нескольких словосочетаниях.

Далее остановимся на сложных и, как их разновидность, сложносuffиксальных словах. Например, укр. *азотобактерин, бульбочкоутворення; грунтознавство, грунтознавець*; русск. *амбер-мутация, биогеоценоз, клубенькообразование, кормопроизводство, лен-долгунец, спорообразование* и др.

Базисы в сложных словах означают живой организм, вещество, медицинский препарат, состояние (болезнь), процесс, части живого организма, отдельную отрасль науки.

Выделенные нами типы базисов в дальнейшем приведут к когнитивному анализу терминологии сельскохозяйственной и почвенной микробиологии в английском, украинском и русском языках.

Список использованных источников

1. Высоцкая Т. Н. Роль когнитивно-ономазиологического метода в изучении терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2011_1/article/6.pdf (дата обращения 20.01.2019).

2. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. Около 1900 словообразовательных единиц. М.: Астрель-АСТ, 2005. 637 с.

3. Ивина Л. В. Номинативно-когнитивное исследование англоязычной терминосистемы венчурного финансирования: автореф. дис. ... кандидата филол. наук. М., 2001. 24 с.

4. Кислухина М. В. Ономазиологическая структура терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии (на материале английского, укра-

инского и русского языков) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Симферополь. – Т. 27 (66). – N 1. – Ч. 2. – С. 57–63.

5. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 160 с.

6. Кубрякова Е. С. Производные слова с когнитивной точки зрения // Словообразование и лексические системы в разных языках: межвуз. сб. научн. трудов. Башкирский гос. пед. институт, вып. 1. Уфа, 1994. С. 39–47.

7. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 113 с.

8. Олещенко Ю. Р. Основные когнитивно-ономаσιологические модели суффиксальных терминов материаловедения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2008/40.pdf> (дата обращения 25.01. 2019).

9. Панасенко Н. И. Имена собственные в названиях лекарственных растений (ономаσιологический подход) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2016/09/fi11-21.pdf> (дата обращения 23.02.2019).

10. Панасенко Н. И. Фитонимическая лексика в системе романских, германских и славянских языков (опыт ономаσιологического и когнитивного анализа). Черкассы: Брама-Украина, 2010. 451 с.

11. Ситянина Н. В. Анализ наименований объектов и явлений природы в терминах падежной грамматики. Реляционные модели производных наименований объектов и явлений природы // Вестник Брянского государственного технического университета. – 2006. – № 3 (11). – С. 86–90 с.

12. Селиванова Е. К. Когнитивная ономаσιология: монография. К.: Изд-во Укрфитосоциологического центра, 2000. 248 с.

13. Теркулов В. И. Ономаσιологические модели композитов-обозначений объединений людей в русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litmisto.org.ua/?p=8247> (дата обращения 20.01.2019).

14. Туманова И. Л. Концептуальная структура терминосистемы современного английского земельного права: автореф. дис. ... кандидата филол. наук. М., 2003. 23 с.

15. Ханкишиева Э. М. Ономаσιологический подход к исследованию терминологических единиц казахского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://netref.ru/o--i-t-u-e-distemes-i-balabekova.html?page=15> (дата обращения 21.12.2017).

16. Щеглова Т. Е. Когнитивно-ономаσιологические модели терминологических словосочетаний со сложным адъективом на материале строительной терминосистемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stationline.org.ua/index.php/filologiya/52/7188-kognitivno-onomasiologicheskie-modeli-terminologicheskix-slovosochetaniy-so-slozhnym-adektivom.html> (дата обращения 21.01. 2019).

17. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Praha: Nakl. ČAV, 1962. 263 s.

УДК 81'1=111

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА В ДИСКУРСЕ ДЕЛОВОГО ТУРИЗМА

Н. А. Князева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью исследования является описание концепта делового туризма как лингвокультурной единицы через выявление языковых средств его объективации в туристическом дискурсе. Изучение функционирования языка в данном контексте показывает, что понятийной основой трактовки концепта являются концептуальные признаки делового туризма, отражающие профессионально-ориентированную фактуальную информацию в сочетании с оценочной и ценностной составляющей.

Ключевые слова: концепт, репрезентация, дискурс, деловой туризм, когнитивный, лингвокультурный.

Summary. The research is focused on the description of the concept of business tourism as a lingua-cultural unit through revealing language means of its representation in tourist discourse. Studies of functioning of language in this context give evidence to the fact that basis of interpretation of the concept is constructed by a set of conceptual signs reflecting professionally-based factual information combined with evaluative and value-orientated constituent.

Key words: concept, representation, discourse, business tourism, cognitive, lingua-cultural.

В контексте современной антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований актуальным является расширение спектра филологической проблематики, связанной с формированием языковых знаний в соответствии с правилами и нормами речевого общения языковой личности в определенной профессиональной среде. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «...изучая язык в целях общения или в научных целях, используя его в повседневной жизни, мы всегда имеем дело с различной структурой знаний, важнейшие из которых объективируются и сохраняются именно в языковой форме» [2, с. 20]. Очевидна значимость профессиональной деятельности специалиста-филолога, которая проявляется во владении когнитивно-языковыми знаниями, позволяющими правильно строить свое речевое поведение в зависимости от факторов межкультурной коммуникации. В такой перспективе интерес представляет туризм как совмещенное с бизнесом явление культуры национальной идентичности в условиях международного взаимодействия. На современном этапе развития туристической индустрии английский язык прочно удерживает ведущие позиции в силу причин исторических, экономических, а также лингвистических и культурологических особенностей. Именно здесь важна способность личности к межкультурному контакту с использованием изучаемого языка как инструмента создания успешной коммуникации. Одной из форм реализации туристической деятельности является бизнес туризм, деловой туризм, который в данном исследовании изу-

чается через модель туристического дискурса, где в качестве дискурсивно значимых параметров используются характеристики когнитивных, социокультурных и языковых особенностей на основе теоретических положений, изложенных в работах В.И. Карасика [8], В.В. Красных [11], В.В. Воробьева [6], В.А. Масловой [14], М.Л. Макарова [13], А.П. Садохина [15].

Объект исследования – концептуальное пространство туризма, которое сочетая понятия, признаки, ценности деловой культуры и путешествий, соединяет формы территориального перемещения, социального взаимодействия и языковые средства общения, отраженные в лингвокультурном концепте.

Предметом исследования является дискурс делового туризма, сформированный текстовыми фрагментами информативно-справочного характера, включающего рекламные тексты, нормативные документы по бизнес-туризму [18; 19], а также академический курс по туризму издания Oxford University Press [17]. Как ком-плексный феномен межкультурной коммуникации, деловой туризм рассматривается в концептуальном туристическом пространстве на основе контекста речевых произведений через взаимодействие когнитивно-языковых, культурных факторов, ориентированных на обслуживание сферы делового общения.

Цель исследования направлена на раскрытие понимания лингвокультурного концепта делового туризма, воплощенного в систематизации определенного набора языковых средств, отражающих тенденции в развитии специализированного рынка туристических услуг с ориентацией на обслуживание коллективного или индивидуального адресата (туриста).

Основопологающей методологической установкой в проведении намеченного исследования является трактовка понятия «туризм», который в языковом сознании любой нации неразрывно связан с путешествиями и рекреационно-познавательными ценностями. Актуально в связи с этим звучит высказывание о том, что «туристическая картина мира – это осознание себя в мире туризма и этого мира в себе» [7]. Дискурс бизнес туризма нацелен на позиционирование и продвижение туристических услуг с помощью коммуникативных стратегий, имеющих в своей основе лингвокультурный концепт для создания положительного образа туристического продукта в виде деловых мероприятий для расширения и развития карьерных возможностей в сфере бизнеса. Особенности данного сегмента туристической деятельности заложены в самом концепте, имеющем ряд специфических обозначений и выражений в языке анализируемого контекста. Например: *business tourism, business tourism facilities, destination's infrastructure, incentive travel, corporate event, event environment, sales background, customer care, welfare organisations, high yield end, labour-intensive service, exceptional travel experience, etc.*

В сфере лингвоконцептологии концепт определяется как «культурно маркированная и мировоззренчески ориентированная смысловая единица, являющаяся продуктом коллективного мышления, хранящаяся в сознании языковой личности и объективированная рядом языковых средств» [5]. Языковое сознание В.И. Карасик называет областью «пребывания культурно-детерминированного концепта, а язык или речь – сферой, в которой концепт опредмечивается» [8]. Под концептом понимается «ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся

совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых единиц, номинирующих и описывающих данный объект» [4]. Постановка проблемы определения лингвокультурного концепта как формирующего начала для систематизации языкового материала потребовало обращение к работам Е.В. Кубряковой [9], В.И. Карасика [8], Н.Н. Болдырева [2], А.П. Бабушкина [4], И.А. Стернина [16], Анны Вежбицкой [4]. Концепт рассматривается прежде всего как культурная категория, отражающая определенную национально-культурную концептосферу с закрепленными за ней средствами вербализации; “знания” о ней подразумевают ее многогранность, что и находит свое воплощение в языковом выражении. Е. В. Кубрякова подчеркивает, что исследование любого предметного явления осуществляется «по тем реальным связям и корреляциям, которые могут быть выявлены между структурой сознания или структурой знаний и объективирующими их языковыми формами» [9]. Существуют различные термины для обозначения языкового выражения концепта: «языковая апелляция, вход в концепт, также объективация или репрезентация концепта в языке» [8, с. 19]. Языковая репрезентация концепта осуществляется на различных уровнях языка и с помощью целой парадигмы средств. «Это могут быть готовые лексемы и фразеосочетания; свободные словосочетания; структурные и позиционные схемы предложений, несущие типовые пропозиции (синтаксические концепты); тексты и совокупности текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов)» [10].

Пользуясь подходом А.П. Бабушкина [3], приведем в качестве примера ряд процедур вербализации, раскрывающих содержание лингвокультурного концепта: мыслительные картинки (*performance, inbound travel market, incentive destination, exceptional travel experience, accrued profit, national buyer, business customer*); схемы – слова с “пространственным значением” (*venues, revenues, multinational conglomerates, event management, business research, head up, industry-leading, repeat and increased business*); фреймы, соотносимые с некоторой ситуацией или образом ситуации (*product launching, export markets, boost sales, long-haul-originating incentives, display initiatives, networks of colleagues, itineraries to events, events industry*); сценарии, реализующие в себе идею развития (*exhibition organizing, enterprise activity, promotional event, external sales, corporate levels, attaining goals*); калейдоскопические концепты как абстрактные имена социальной направленности (*top-quality, considerable responsibility, productive relationships, entrepreneurial, corporate hospitality, highly committed*). Представленный иллюстративный материал подтверждает тезис о том, что «лингвокультурный концепт состоит из компонентов объективного или субъективного мира (концептуальных признаков), которые находят выражение на различных уровнях и в различных актах языка» [16]. Сформированная на основе изложенных выше положений перспектива семантико-когнитивного исследования выглядит следующим образом: построение номинативного поля концепта делового туризма через поиск, анализ языковых средств его выражения; выявление иерархии когнитивных признаков для составления содержания концепта; моделирование концепта на основе его составляющих.

Как правило, представительство концепта в языке приписывается слову, а само слово получает статус имени концепта – языкового знака, передающего наиболее полно содержание концепта, в данном случае «деловой (бизнес) туризм». Существующие трактовки делового туризма (И.В. Зорин [7], В.А. Квартальнов [12], А.В. Бабкин [3]) основаны на концепции, ориентированной на его целевую составляющую, которая связана с выполнением бизнес-функций и реализацией деловых интересов через путешествия. Следует подчеркнуть взаимовлияние концепта и языка, так как изменение структуры концепта под влиянием языковых структур – очевидно. Например, расширение представлений о понятии “деловой” за счет таких слов как *incentive, inbound, corporate, sustainable, high-profile, discretionary, prioritise, decision-making, leading edge of marketing, enterprise activity, capitalize*. Продолжая это высказывание, отметим, что деловой туризм рассматривается по принадлежности к определенной сфере туристической деятельности, которая отражает широкий спектр профессиональных действий туристических операторов от организации и обслуживания конференций, конгрессов до посещения выставок, ярмарок, предприятий; коммуникационная сфера включает также авиационные агентства, отели, круизные линии, учебные учреждения, страховые и консалтинговые компании. Анализ аутентичных источников, реконструкция в них концептосферы делового туризма позволяет выделить совокупность семантически и ассоциативно близких единиц, отражающих определенную понятийную сферу фактуальной информации, в терминах С.Г. Воркачева, имеющей признаковую и дифференциальную структуру [5]. Информационная составляющая сформирована на основе таких понятий как профессиональная деятельность, индивидуальные и коллективные достижения, коммуникация с профессиональным сообществом, ресурсная составляющая, временная и финансовая перспектива. Своеобразие данной составляющей заключается в том, что она отражает специализированное пространство предмета профессиональной туристической деятельности, когда формируются собственные отраслевые концепты в системе международного туризма. Вокруг названных ключевых понятий образуются смысловые сегменты, которые характеризуются определенным языковым наполнением: секторы туристической индустрии: *conferences, meetings, exhibitions and trade fairs, general assemblée, convention, incentive travel, corporate events, outdoor events, business individual or corporate travel*; разновидности передвижения: *business trips, destinations, cruise shipping, affordable day trip, business-oriented touring*; участие в мероприятиях, цель путешествий: *regeneration of urban and inner city areas, seaside resort, sustaining full-time employment, business tourism facilities, CEO organizers, developing and transition economies*; группы туристов: *cross-border tourist, business tourist, overseas visitors, marketing assistant, business-oriented tourist, upper-class men of means, VIP tourist, CIP tourist*; вид коммерции: *media sales, events promotions, exhibition sponsorship, business tourism manufacturers, business development*; квалификационные действия: *Trainee Conference Producer, Publicity Co-ordinator, team layer*; виды гостиниц, их подразделения (по рейтингу, степени комфорта, условиям проживания): *business hotel, chalet, lodge, eco hotel, boutique hotel, mansion, chateau, manor, extended stay hotel, design hotel, high- standard class*,

luxurious, amenities; продвижение турпродукта: brochure production, pricing strategies, distribution, travel agents, internet, direct sell, promotions, advertising, sales promotions, sponsorship, reservations, commission, late sales.

На таком уровне признаки концепта отражают собственно референтный смысл денотата и ассоциируемые с ним представления. Информационная составляющая включает «минимум когнитивных признаков, определяющих основные наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления» [16]. Для предлагаемой трактовки необходимо подчеркнуть «неразрывность понятийной составляющей и ценностной ориентации концепта, а также наличие тех периферийных элементов, которыми «лингвокультурный концепт “обрастает” в процессе своего существования в сознании языковой общности в целом и носителя языка в частности» [16]. С одной стороны, дискурс делового туризма выстраивает познание через профессиональную картину мира, актуализируемую через базовые понятия туризма и деловой культуры, вербализованные в текстах; с другой стороны, проявляются нормы межличностной и межкультурной коммуникации с профессиональной направленностью, которые по определению И.А. Стернина, выделяют интерпретационное поле концепта как ценностную составляющую [16]. В связи с этим важным в трактовке концептуальной базы является деловая мотивация туристов, которые путешествуют с культурно-познавательными целями. Равноценность деловой и рекреационной мотивации подразумевает совокупность организационно-экономических и социальных отношений, возникающих в ходе рабочей поездки. Именно такое понимание свидетельствует об оценочном изменении концепта в языковом сознании, отражающем идею территориального перемещения как социального феномена с целью делового досуга в условиях современной индустрии сервиса. Его понятийная основа расширяется за счет создания образа, рождающего гамму ассоциативных эмоциональных, эстетических, нравственных и рациональных оценок. Таким образом, концепт делового туризма и его представленность оказывает влияние на формирование оценочных образов в сознании человека относительно бизнеса, которые связаны с понятиями интеллектуального и духовного совершенствования личности, а также с возможностью материального обогащения во время участия в бизнес проектах. Образная составляющая, которая свидетельствует о мотивации, активации атмосферы делового интереса, и ценностная составляющая, через которую реализуется менталитет представлений о бизнесе в соответствии с западной шкалой ценностей – очерчивают границы концептуальных признаков вокруг образа «культура, корпоративная культура»: совокупность моделей поведения: *assertive, persuasive, partnership model, outgoing implications, valuable source of guidance, reward subset, enterprising; перспектива достижений: results orientated, branding and sales promotion, level of achievement, recognition program, fares charged; система лидерства: industry-leading, high-profile, project management, related to marketing, lucrative; разрешение конфликта: high levels of security, work under pressure, managing competitiveness, loyalty program, fosters and encourages; формы отношений: flexibility, corporate decision, approachability, interpersonal skills; бросать вызов: carried out to the highest standards, juggle tasks, pressurized environment, high quality customer care.*

Концепт делового туризма представлен в виде исследовательской модели, которая направлена на осуществление его реконструкции через выявление в туристическом контексте концептуальных признаков и их взаимосвязи, что находит выражение на языковом уровне, демонстрируя специфику представления бизнеса как сегмента туризма. Элементы языковой репрезентации включают выстраивание лексико-тематической парадигмы словесных единиц на основе принадлежности к определенной тематической сфере; систематизация осуществляется также по соотнесенности с профессионально-культурной коннотацией отдельных слов и фразеологических сочетаний различной степени устойчивости. Сложность и многогранность анализируемого концепта требует более расширенной трактовки за счет изучения коммуникативных стратегий, формирующих туристический дискурс, что должно составить предмет отдельного исследования.

Список использованных источников

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивных исследований // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 18–36.
3. Бабкин А. И. Специальные виды туризма. Москва: Советский спорт, 2008. 260 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.
5. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. — 2003. — Т.7, №2. — С. 268–276.
6. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. Москва: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1997. 332 с.
7. Зорин И. В., Квартальнов В. А. Энциклопедия туризма. Справочник. Москва: Финансы и статистика, 2002. 368 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 6–17.
10. Козько Н. А. К вопросу о средствах языковой репрезентации концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – №2 (13). – С. 78–81.
11. Красных В. В. Национальный дискурс и коммуникация // Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
12. Квартальнов В. А. Туризм. Москва: Финансы и статистика, 2002. 320 с.
13. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
14. Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
15. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. Москва: Альфа, 2004. 288 с.

16. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. Воронежский государственный университет, 2001. С. 58–65.

17. Harding Keith, Henderson Paul. High Season: English for Hotel and Tourist Industry. Oxford University Press, 1994. 176 p.

18. Business tourism. [Electronic Resource]. — Mode of access; URL: http://www.iccaworld.org/business_tourism (дата обращения 02.02.2019).

19. Business-Tourism. [Electronic Resource]. — Mode of access; URL: <http://www.tradeforum.org/Business-Tourism> (дата обращения 02.02.2019).

УДК 81'42: 338.48: 004.738.5495

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ТЕКСТАХ ВЕБ-СТРАНИЦ ТУРОПЕРАТОРОВ ГРЕЦИИ

В. А. Колчевская,

*преподаватель кафедры прикладной лингвистики
и новых информационных технологий,*

факультет романо-германской филологии,

Кубанский государственный университет, Краснодар

Аннотация. Настоящая статья посвящена феномену персуазивности, который рассматривается на материале официальных сайтов греческих туристических компаний. Целью представленного исследования является выявление вербальных средств персуазивности в текстах сайтов туроператоров. Для достижения поставленной цели использованы следующие методы: сплошной выборки, систематизации, дискурсивного и качественного анализа. Представлены вербальные средства, с помощью которых авторы текстов туристического дискурса воздействуют на адресата. Сделаны выводы об эффективности использования вербальных средств персуазивности туроператорами.

Ключевые слова: персуазивность, способы воздействия, вербальные средства, туристический дискурс.

Summary. This article is devoted to the phenomenon of persuasion, which is considered on the material of the official websites of Greek travel companies. The purpose of the presented research is to identify the verbal means of persuasion in the texts of tour operators' sites. To achieve this goal, the following methods were used: continuous sampling, systematization, discursive and qualitative analysis. The verbal means which are used in tourist discourse were shown. In conclusion the effectiveness of the usage of the verbal means of persuasion was presented.

Key words: persuasion, methods of influence, verbal means, tourist discourse.

Туристический дискурс представлен, преимущественно медиа-текстами, которые используются в качестве инструментов описания и создания некой социальной реальности. Благодаря медийному характеру туристического дискурса, он вступает во взаимодействие с другими типами дискурса, например рекламным дискурсом или дискурсом продвижения. Напомним, что под туристическим дискурсом понимается «речь, реализуемая в институциональных ситуациях общения в предметной области туризма» [2, с. 3]. В рамках данной статьи нами было рассмотрено одно из явлений туристического дискурса, а именно персуазивность. Под «персуазивностью» понимает-

ся преимущественно вербальное воздействие адресанта на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения (побуждения к совершению/отказу от совершения определённых действий) [1]. Соответственно, также были рассмотрены вербальные средства, с помощью которых реализуется феномен персуазивности в пространстве сайтов туристических операторов.

В качестве эмпирической базы выступают тексты, размещённые на веб-страницах туроператоров, представляющих Грецию на Международной туристической ярмарке ITB Asia Exhibition 2017 [5], а именно трёх туроператоров: Asit Greece, Hetco Tours, Rhodes Tourism Promotion Organization.

Характерным признаком туристического дискурса считается множество стилевых приёмов, задача которых придать тексту выразительность, эмоциональность и насыщенность. Для реализации этой задачи используются тропы и фигуры речи, различные средства диалогичности. Языковые средства в туристическом дискурсе, в первую очередь, направлены на то, чтобы убедить потенциального клиента турфирмы в уникальности определённого коммерческого предложения в сфере туризма. Так, целями туристического дискурса можно отметить: 1) привлечение новых клиентов туристических компаний; 2) влияние на решения целевой аудитории о приобретении определённых туристических продуктов или услуг; 3) информирование туристов о различных туристических направлениях.

Российские филологи Л. Р. Сакаева и Л. В. Базарова в своей научной работе отмечают, что «туристический дискурс обладает разговорным стилем, который позволяет достигнуть более доверительной атмосферы и близкого тона общения; включает в себя межкультурную коммуникацию, поэтому туристические тексты представляют определённую, своеобразную среду, где культивируются и отражаются сформировавшиеся представления и образы, касающиеся национального характера разных народов. Важнейшая интенция туристического дискурса – повышение привлекательности туризма как разновидности досуга, в свою очередь, продвижение туристских услуг реализуется через «предельно положительную аттракцию» [3]. Так, туроператоры стараются создать положительный образ своей компании, чтобы вызвать доверие клиентов. Наличие доверия к туроператору способствует повышению эффективности воздействия на реципиента, в нашем случае — на клиента турфирмы, что в свою очередь даёт возможность повышать продажи туристической компании.

Для успешной реализации вышеописанных действий авторы текстов на сайтах туроператоров используют вербальные средства. Популярными вербальными средствами в текстах веб-страниц туристических операторов являются тропы и фигуры речи. Например, при описания различных «уголков» Греции авторы используют метафору: «*Where myths evolved... where democracy was born... where numerous civilizations flourished from antiquity to modern times*» (Где создавались мифы ... где родилась демократия ... где многие цивилизации процветали от античности до современности) [6]. Другим излюбленным приемом является эпитет: «*laid-back atmosphere*» (непринуждённая атмосфера), «*exciting nightlife*» (захватывающая ночная жизнь), «*picturesque architecture*» (живописная архитектура), «*magnificent beaches with golden sand and crystal waters*» (великолепные пляжи с золотым песком и кристально чистой водой) [4].

Использование тропов речи является частым приёмом для конструирования положительного образа туроператора. Употребление таких вербальных средств способствует эмоциональному восприятию информации реципиентом. Так авторы текстов воздействуют эмоционально на сознание клиента, вызывая у последнего, как правило, положительные ощущения. Такие ощущения помогают туристу определиться с выбором и дальнейшим приобретением тура.

Ещё одним вербальным средством персуазивности на сайтах туроператоров является использование имён числительных. То есть адресанты апеллируют к историческим фактам, отображая величие города. Например: «*With 2400 years of history & culture... Rhodes satisfies even the most demanding visitor!*» (С 2400-летней историей и культурой ... Родос удовлетворит даже самого требовательного посетителя!) [8]. Другой пример указывает на достоверность исторических событий: «*the Panathinaikon stadium (the marble stadium where the first modern Olympics – 1896 – took place)*» (стадион Панатинаикос (где состоялись первые современные Олимпийские игры – 1896) [7]. Использование дат, указывая на различные вехи в истории Греции, может привлечь определённый вид туристов, а именно «культурных туристов», то есть тех людей, которых интересует, прежде всего, история, культурное наследие Греции; в то время как тропы и фигуры, украшающие речь, скорее привлекут любителей пляжного отдыха.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование различных вербальных средств, нацеленное на привлечение разных типов туристов, способствует эффективным продажам турпродуктов. Вербальные средства служат для воздействия на клиентов туркомпаний с главной целью – приобретения туристических услуг. В рамках настоящей статьи мы смогли осветить некоторые вербальные средства персуазивности, иллюстрирующие способы воздействия на адресата. В дальнейшем мы планируем исследование невербальных средств персуазивности, используемых на сайтах туроператоров Греции.

Список использованных источников

1. Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): дис. ... доктора филол. наук. С.-Пб., 2011. 402 с.

2. Погодаева С. А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 234 с.

3. Сакаева Л. Р., Базарова Л. В. Понятия «Туризм» и «Туристический дискурс» в современной научной парадигме. Тамбов: Грамота, 2014. — № 6 (1). — С. 159–161.

4. Asit Greece. [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: <https://www.asit.gr/mykonos/> (дата обращения 04.03.2019).

5. capital.gr (новостной портал). [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: <http://www.capital.gr/epixeiriseis/3254350/epta-etaireies-ekprosopisan-tin-ellada-sti-diethni-ekthesi-tourismou-itb-asia-2017> (дата обращения 04.03.2019).

6. Hetco Tours (сайт туроператора). [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: <https://www.hetcotours.com> (дата обращения 04.03.2019).

7. Hetco Tours (сайт туроператора). [Electronic Resource]. — Mode of

access: URL: <https://www.hetcotours.com/index.php/en/component/k2/item/77-athens-city-break-5days> (дата обращения 04.03.2019).

8. Rhodes Tourism Promotion Organization (сайт туроператора). [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: <http://www.rodosisland.gr/en/see-do-rodos.asp> (дата обращения 04.03.2019).

УДК 811. 111'37(045)

О ВЛИЯНИИ ФЕМИНИЗМА НА СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНИЦ, ВОШЕДШИХ В OXFORD ENGLISH DICTIONARY)

Н. Н. Трунченкова,

старший преподаватель кафедры английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Целью данной статьи является анализ изменений в словарном составе английского языка, вызванных феминизмом. Для осуществления поставленной цели были использованы следующие методы: тезаурусный метод и описательный метод (наблюдение, интерпретация и обобщение). Материалом исследования послужили 50 лексических единиц, зафиксированных в Oxford English Dictionary. В ходе исследования выяснилось, что феминизм оказывает определенное влияние на лексический строй английского языка, поскольку язык не может не отражать тенденции развития общества и картины мира его носителей.

Ключевые слова: феминизм, словарный состав, словарь, лексическая единица, лексикограф, гендерное неравенство.

Summary. The main purpose of this research is analysis of changes in the English vocabulary caused by feminism. To achieve the aims, the following methods were employed: the thesaurus method and the descriptive method (observation, interpretation and generalization). The findings of the research show that feminism has a definite influence on the word-stock of the English language as any language reflects tendencies in the development of the society and world view of its speakers.

Key words: feminism, vocabulary, Oxford English Dictionary, lexical unit, lexicographer, gender inequality.

2 июля 1928 года закон о представительстве народа вступил в силу, впервые наделяя женщин правом голоса на выборах. Место женщины (*woman's place*) отныне не ограничивалось кухней. Такие изменения в обществе породили новый тип мышления, который в свою очередь требовал нового вокабуляра. Целью данной статьи является анализ изменений в словарном составе английского языка, вызванных феминизмом. Для осуществления поставленной цели были использованы следующие методы: тезаурусный метод и описательный метод (наблюдение, интерпретация и обобщение). Материалом исследования послужили 50 лексических единиц, зафиксированных в Oxford English Dictionary.

Борьба женщин за свои права началась в начале XIX века. По мере того, как возрастало желание женщин быть включенными в демократический процесс, возрастало и количество новых лексических единиц для описания

этого процесса. Термины *woman suffrage* и *women suffrage* (избирательное право для женщин) впервые появились в 1846 году в газете *Northern Star*. В 1857 году возник так называемый женский вопрос (*woman question*) о распределении прав и обязанностей между полами. В то время эти проблемы обозначались термином *womanism*. Термин *feminism* в современном значении появился позже, в 1890-х годах, и вскоре стал популярен. Действительно, спустя всего пять лет после вступления в силу закона о представительстве народа стало возможным говорить о *pre-feminist times*, т.е. о тех временах, когда феминизма еще не существовало.

Феминизм не подразумевает единую идеологию, внутри него существует множество течений и групп. Из них зафиксированы в Oxford English Dictionary следующие: *radical feminists*, *socialist-feminists*, *lesbian feminists*, *ecofeminists*, и *cyberfeminists* (feminist movement concerned with countering the perceived dominance of men in the use and development of information technology, the Internet) [1]. Причем течения постоянно множатся и конкурируют между собой. Феминизм условно делят на волны, в зависимости от разных подходов к гендерному неравенству.

Центральным вопросом первой волны феминизма (*first-wave feminism*) было неравенство между мужчинами и женщинами, существующее на законодательном уровне. Вторая волна (*second-wave feminism*) концентрировалась на всех аспектах юридического и социального равенства и ликвидации дискриминации женщин как таковой. Она оказалась самой продуктивной с лингвистической точки зрения, породив такие словосочетания, как *reproductive rights* (репродуктивные права), *date rape* (изнасилование на свидании), *conscious raising* (пробуждение личности, осознание своих нужд, потребностей; повышение политической сознательности). Именно тогда, в 1960-1980 годах, был поставлен под вопрос постулат о том, что биология – это судьба. В свою очередь это привело к новому пониманию пола. Во втором издании Oxford English Dictionary *gender* определяется как «*in mod. (esp. feminist) use, a euphemism for the sex of a human being*». Данная словарная статья была отредактирована, и новое определение звучит как «*the state of being male or female as expressed by social or cultural distinctions and differences, rather than biological ones; the collective attributes or traits associated with a particular sex, or determined as a result of one's sex*» [2]. Более того, был зафиксирован ряд словосочетаний: *gender bias* (гендерные предрассудки, дискриминация по признаку пола), *gender equality* (гендерное равенство), *gender identity* (гендерная/полоролевая самоидентификация/идентичность), *gender issue* (гендерный вопрос), *gender stereotype* (гендерный стереотип).

После того, как в 1928 году девушкам старше 21 года было официально разрешено голосовать, появился термин *flapper vote*, носящий уничижительный характер, поскольку слово *flapper* применялось по отношению к новому поколению молодых девушек, которые в противовес викторианским идеалам вели себя подчеркнуто свободно: коротко стригли волосы, наносили яркий макияж, курили, водили автомобиль, практиковали случайные половые связи, употребляли алкоголь. Интересно отметить, что у ученых нет единого мнения по поводу этимологии данной лексической единицы. Одни полагают, что слово произошло от гл. *to flap* – шлепать, хлопать крыльями (о птенце, который учится летать). В переносном смысле это молодая, «расправляющая крылья» девушка. Другие считают,

что раскрепощенные модницы 20-х годов носили калоши незастегнутыми, поэтому при ходьбе они шлепали. Третьи упоминают о том, что ранее в определенных кругах это слово обозначало проститутку. В британском театральном жаргоне оно означало юную девушку-акробатку. В любом случае, лексема утратила негативную коннотацию только во время Первой мировой войны. После массового отбытия мужчин на фронт участие женщин в общественной жизни заметно увеличилось. Соответственно флэпперами называли уже не девочек-подростков, ничего не смыслящих в политике, а молодых независимых женщин.

Женщин, которые не вписывались в идеальный образ богини домашнего очага (*domestic goddess*), с одной стороны – боялись, а с другой – их высмеивали. Концепция новой женщины (*new woman*), появившаяся в 1860-х годах, в прессе была подвергнута критике, поскольку подрывала традиционные устои общества. Необходимость что-то менять назрела несколько раньше. Первое упоминание о новой женщине в новелле Марии Эджуорт «Белинда» датируется 1801 годом. Сегодня воплощением нового типа женщин, который бросает вызов общественной морали, является *ladette*. Это девушка, ведущая себя как крутой парень, употребляющая алкоголь и нецензурно выражающаяся. Термин, образованный от сущ. *lad* – парень при помощи суффикса *-ette*, обозначающего принадлежность к женскому полу, стал популярен в 1990-х годах.

Что касается активных феминисток, в 1960-х годах в языке появилось понятие *bra-burner* (поджигательница бюстгалтера). Активистки движения за права женщин по аналогии с мужчинами, осуществившими акт публичного сожжения повесток во время войны с Вьетнамом, сожгли свои бюстгалтеры как деталь одежды, унижающую их, созданную исключительно для того, чтобы нравиться противоположному полу. В 1989 году правоконсервативный радиоведущий ток-шоу Рауль Лимбо популяризовал новый пейоратив, авторство которого приписывается Тому Хаззлету, профессору экономики Калифорнийского университета, *feminazi*. Термин образован путем слияния существительных *feminist* и *Nazi* для обозначения излишне радикальных, экстремистских феминисток.

Чуть ранее в 1985 году в Нью-Йорке была основана анонимная группа арт- и фем-активисток, занимающаяся вопросами гендерной и расовой дискриминации в искусстве, называющая себя *Guerilla Girls* (от англ. *Guerilla* – партизан). Поскольку группа анонимная, и *guerilla* созвучно с *gorilla*, девушки выступают в масках горилл.

В 1991 году, когда феминистские идеи стали просачиваться на американскую инди-сцену, участники нового движения против домашнего насилия и за право женщины на аборт стали называться *riot grrrls*. Как видим, здесь благозвучное слово *girl* заменено буквально на рык.

В начале 1990-х годов казалось, что антифеминистки (*anti-feminists*) одержали победу. Комментаторы стали говорить об эре пост-феминизма (*post-feminism*), в которой термин «феминизм» стал устаревшим и несколько оскорбительным. Но в последнее время наблюдается всплеск активности борцов за гендерное равенство, что отразилось появлением ряда лексических единиц. Среди них стоит отметить существительные, образованные методом словосложения с лексемой *shaming*: *slut-shaming* (слат-шейминг, т.е. критика женщины за фривольный внешний вид и/или поведение) и *fat-*

shaming (высказывания или действия, которые унижают, оскорбляют или высмеивают человека за излишний вес).

Также интересны такие телескопические единицы, как *to mansplain* и *mansplainer* (мужчина, что-либо объясняющий женщине в снисходительной манере, используя упрощенные формулировки), впервые зафиксированные в 2008 и 2009 годах соответственно и уже описанные лексикографами OED. Лексема *manspreading* (привычка некоторых мужчин широко раздвигать ноги в общественном транспорте), ставшая кандидатом в «Слово года» от Американского диалектологического общества, еще не вошла в состав Oxford English Dictionary, но находится под пристальным вниманием лексикографов. Тоже самое справедливо в отношении *manterrupting* (перебивание женщины мужчиной), *broflake* (агрессивный консерватор, которого легко задеть прогрессивными лозунгами), *bropropriation* (неологизм, перевода на русский язык которого еще нет, означающий присваивание мужчиной женских идей/работы).

В заключение стоит отметить, что, как видно из приведенных выше данных, понятие «феминизм» не ново, но в 2017 году интерес к нему значительно (на 70 % по сравнению с 2016 годом) вырос. Пики популярности пришлись на январский «Женский марш» в США, заявление советницы Трампа К. Конвей о том, что она не считает себя феминисткой в общепринятом значении, премьеру фильма «Чудо-женщина» и сериала «Рассказ служанки». Именно поэтому *feminism* стало словом года 2017 по версии словаря английского языка Merriam-Webster.

Таким образом, проанализировав лексемы, вошедшие в состав OED, пришли к выводу, что феминизм оказывает влияние на лексический строй английского языка, поскольку язык не может не отражать тенденции развития общества и картины мира его носителей. Процесс этот является двусторонним: язык передает информацию о прошлом новым поколениям, но и сам неизбежно претерпевает изменения по мере того, как меняется общество. В то время, когда не прекращается полемика вокруг теоретических положений феминистской критики языка и их практической реализации, лексикографы исправно фиксируют в словаре феминистские неологизмы.

Список использованных источников

1. Oxford English Dictionary. [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: <http://www.oed.com/view/Entry/250879#eid11735157> (дата обращения 12.01.2019).
2. Oxford English Dictionary. [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: <http://www.oed.com/view/Entry/77468> (дата обращения 12.01.2019).

УДК 81-22

ДЕРОГАТИВНО МАРКИРОВАННЫЕ ЭТНОНИМЫ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Т.А. Цебровская,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в изучении особенностей функционирования дерогативно маркированных этнонимов в Интернет-дис-

курсе, которые являются источником пополнения словарного запаса современного английского языка. Методологическую базу определяют методы территориально-стратифицированной и этнически стратифицированной выборки. Частотность использования ДМЭ в Интернет-дискурсе обосновывает необходимость изучения их этимологических и морфологических особенностей, а также свидетельствуют об актуальности данного направления исследования.

Ключевые слова: дерогативно маркированный этноним, ДМЭ, Интернет-дискурс, социолингвистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация.

Summary. The objective of the given article is to study functioning features of the derogatively marked ethnonyms in the Internet discourse, which are the source of vocabulary replenishment of modern English. The methodological base includes methods of territorially stratified and ethnically stratified sampling. The frequency of use of the DME in the Internet discourse determines the need to study their etymological and morphological features as well as verifies urgency of this area of research.

Key words: derogatory marked ethnonym, DME, social linguistics, cognitive linguistics, intercultural communication.

Прежде, чем перейти к изложению материала, определим целью выявление вербальных форм выражения этнорасового неприятия через дерогативно маркированные этнонимы (далее – ДМЭ) на материале Интернет-дискурса среди публикаций пользователей сети Интернет в социальных сетях и микроблогах за 2010–2018 годы: *Facebook, Instagram, Snapchat* и *Twitter*. Наблюдения за записями пользователей в открытых Интернет-источниках проводились с июля по декабрь 2018 года и составляют более 500 часов. В настоящей работе реализуется субъектно-ориентированный аксиологический подход к языку на основе записей субъектов языковой реальности в социальных сетях и микроблогах. В рамках данного подхода язык отражает базисную структуру ценностей общества, основанную на стратификации и разделении индивидов на группы [2, с. 9], в том числе, по административно-территориальному или этническому признаку.

Расширение языковых контактов, интерес к изучению культур народов мира, сопряженные с ускоренным развитием и распространением информационных технологий, характерные для первых десятилетий XXI века, благоприятствуют исследованию лингвистических и междисциплинарных аспектов современного этнорасового взаимодействия. Как отмечает М. Л. Макаров, предметом внимания лингвистов первой половины двадцатого века был поиск ответа на вопрос об устройстве языка, в то время как лингвистика второй половины прошлого столетия была больше обеспокоена тем, как функционирует язык [1, с. 83]. В свою очередь, изучение функциональных особенностей языка остается актуальной проблемой для исследователей начала третьего тысячелетия и опирается на следующие положения:

- язык — это социально-культурная деятельность;
- структура языка обусловлена когнитивной или коммуникативной функциями;
- структура является мотивированной, а не произвольной;
- изменения и вариативность имеют место на регулярной основе;
- значение зависит от контекста;

- категории размыты;
- структура – гибкое и адаптивное формирование;
- грамматические правила допускают отклонения [1, с. 85].

Стилистически маркированные этнические и расовые высказывания в разговорном пласте лексики, являясь частью языковой картины мира, представляют собой вербальный результат межэтнических контактов. Они вычлняются в социуме при нарушении механизма толерантного этнорасового взаимодействия. Так, расистские высказывания американских публичных деятелей и представителей крупных компаний в Интернете получают широкое освещение в федеральных СМИ и способствуют вспышкам агрессии на этнорасовой почве среди населения США.

В январе 2017 года финансовая аналитическая компания “*Yahoo Finance*” по ошибке разместила в *Twitter* сообщение, содержащее ДМЭ *Nigger*: “*Trump Wants a Much NIGGER (bigger – прим. Т.Ц.) Navy: Here’s How Much It’ll Cost*”, но буква “*b*” в слове “*bigger*” была случайно заменена на “*n*” («Трампа нуждается в расширении ВМФ. Здесь указано, сколько это будет стоить» – перевод Т.Ц.). Спустя несколько часов представители компании попросили прощения за опечатку [9].

Технологии, которые используют разработчики популярных социальных сетей, например, *Facebook* и *Instagram*, в борьбе с этнорасовой неприязнью в сети Интернет, нуждаются в доработке. В *Instagram* размещены десятки миллионов публикаций, содержащих ДМЭ. На данный момент пользователям грозит лишь блокировка страницы за документально подтвержденные факты генерирования или распространения оскорбительного контента, однако и этот механизм не совершенен.

Британская газета “*The Guardian*” называет социальную сеть *Facebook* пристанищем для расистов [6]. В 2016 году два студента университета «Висконсин в Уайтуотер» разместили на своих страницах в социальной сети *Facebook* ДМЭ *Blackface* и *Nigger*. В статье газеты “*U.S.A. Today*” сказано, что это не первый случай проявления расовой агрессии в студенческом кампусе [8].

В 2017 году заместитель мэра Индианаполиса опубликовал в *Facebook* комментарий к публикации о двусторонней встрече президента США Д. Трампа с афроамериканскими общественно-политическими лидерами, в которых использовал ДМЭ *Coon* [5]. Этимологический анализ определяет четыре наиболее распространенные версии его происхождения:

- 1) сокращенно от *raccoon* – «енот-полоскун»;
- 2) от породы собак *coonhound* («кунхаунд»), специально обученных для охоты на сбежавших рабов-африканцев;
- 3) от *barracoon* – специальной клетки, которая использовалась для транспортировки рабов из Африки в Америку;
- 4) от *Maine Coon* – аборигенной породы кошек [3, с. 127].

Язык этнорасового неприятия развивается, соответствуя переменам высокотехнологической эпохи. В 2016 году мобильный мессенджер для обмена текстовыми, фото- и видеофайлами *Snapchat* зафиксировал сообщение, разжигающее межрасовую вражду, которое сопровождалось фотографией офицера полиции М. Адамсон, штат Пенсильвания: “*I’m the law today, niggers*” («Сегодня закон – это я, негры» – перевод Т.Ц.) [4].

Для обозначения пейоративно окрашенных этнорасовых оскорблений используются понятия этнофолизма, этнического оскорбления, отрицательного этнонима, дерогативно маркированного этнонима, пейоративного псевдоэтнонима и прочие. Понятие «этнофолизм» используется как в Западной, так и в отечественной лингвистике (Н. Ф. Мокшин, Л. И. Пренко, Я. Довгопольй, А. И. Грищенко), хотя не описывает использование этнофолизмов среди образованных слоев населения, а лишь в просторечии. Данное понятие введено в тезаурус американским психологом и лингвистом А. А. Робакком в словаре “*A Dictionary of International Slurs (Ethnophaulisms)*”, изданном в Кембридже в 1944 году, и первоначально трактовалось как “*foreign disparaging allusions*” («иноязычные пренебрежительные аллюзии») [7, с. 13]. С тех пор определение, данное А. Робакком, претерпело некоторые трансформации, подверглось генерализации значения, и на сегодняшний день едва ли относим лишь заимствования с компонентом значения «пренебрежение» к категории этнорасовых оскорблений.

Мирное развитие этнорасовых отношений является приоритетным направлением социокультурных процессов в третьем тысячелетии. Мирное сосуществование выступает одной из первостепенных государственных и международных задач, и занимает особое место в общественном сознании.

Значительное распространение ДМЭ в Интернет-дискурсе обосновывает необходимость изучения их этимологических и морфологических особенностей, а также свидетельствуют об актуальности данного направления исследования.

Список использованных источников

1. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК Гнозис, 2003. 280 с.
2. Старостина Ю. С. Прагматический потенциал негативной оценки в английской стилизованной разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 21 с.
3. Цебровская Т. А. Этнолингвистические аспекты изучения дерогативных этнонимов британского, канадского, австралийского и новозеландского вариантов современного английского языка // Современная когнитивная лингвистика: монография. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2014. С. 113–138.
4. Cop loses Job after Posting Racial Slur on Snapchat. [Electronic Resource] // U.S.A. Today. — 2016. — Mode of access: URL: <http://www.usatoday.com/story/news/nation-now/2016/09/29/police-officer-loses-job-snapchat-in-uniform-racist-message/91259154/> (дата обращения 21.06.2017).
5. Deputy Mayor Apologizes for Using Racial Slur on Facebook. [Electronic Resource] // Fox59. — 2017. — Mode of access: URL: <http://fox59.com/2017/02/02/deputy-mayor-apologizes-for-using-racial-slur-on-facebook-post-about-black-history-month/> (дата обращения 24.07.2017).
6. Has Facebook Become a Forum for Misogyny and Racism? [Electronic Resource] // The Guardian. — 2017. — Mode of access: URL: <https://www.theguardian.com/news/2017/may/21/has-facebook-become-forum-misogyny-racism> (дата обращения 03.07.2018).
7. Roback A. A. A Dictionary of International Slurs (Ethnophaulisms). Cambridge, 1944. 394 p.
8. UW Whitewater Addressing reaction to “Blackface” and “n” Word Video Posts on Facebook. [Electronic Resource] // U.S.A. Today. — 2016. — Mode of

access: URL: <https://www.usatoday.com/story/news/blogs/school-zone/2016/02/18/uwhitewater-addressing-reaction-to-blackface-and-n-word-video-posts-on-facebook/84822054/> (дата обращения 21.06.2017).

9. Yahoo Twitter Account's Extremely Unfortunate "Spelling Error" is a Doozy. [Electronic Resource] // The Blaze. — 2017. — Mode of access: URL: <http://www.theblaze.com/news/2017/01/06/yahoo-twitter-accounts-extremely-unfortunate-spelling-error-is-a-doozy/> (дата обращения 21.06.2017).

УДК 81'42

КОНЦЕПТ «HOLINESS» КАК КОГНИТИВНАЯ ДОМИНАНТА ПРОПОВЕДИ СВ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО «ON SAINT SERAPHIM»

Т. В. Чиковани,

старший преподаватель кафедры иностранных языков №2,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается православная проповедь как один из жанров религиозного дискурса. Представлены результаты когнитивно-концептуального анализа проповеди Святого Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского «On Saint Seraphim». Цель исследования заключается в выявлении способов вербализации концепта как когнитивной доминанты проповеди. В результате проведенного анализа было выделено 12 сверхчастотных лексем-коллокатов, составляющих ядро проповеди, а также рассмотрены стилистические приемы и средства экспликации ключевых концептов. На основании проведенного исследования было выявлено, что когнитивной доминантой рассматриваемой проповеди является концепт «holiness» (святость).

Ключевые слова: когнитивная доминанта, концепт, лексема, проповедь, религиозный дискурс.

Summary. The article considers the orthodox sermon as one of the genres of a religious discourse. The results of the cognitive-conceptual analysis of the sermon of Saint Ioann Shankhaysky and San Francisco «On Saint Seraphim» are presented. The research objective is to identify the ways of verbalization of a concept as a cognitive dominant of the sermon. As a result of the provided analysis, 12 super-frequent lexeme-collocates which make the core of the sermon were allocated. Stylistic devices and means of explication of the key concepts are analyzed. On the basis of the conducted research it was revealed that the cognitive dominant of the sermon under consideration is the concept «holiness».

Keywords: cognitive dominant, concept, lexeme, sermon, religious discourse.

С точки зрения лингвистики, синтезом религии и науки является религиозный дискурс, исследованиями в области которого занимаются такие отечественные лингвисты как Е. Ю. Балашова, Е. В. Бобырева, И. В. Бугаева, Д. А. Звездин, В. И. Карасик, А. Ю. Малафеев, Е. А. Огнева, А. Г.-Б. Салахова, М. А. Шахбазян, С. В. Шепитько, И. Н. Щукина и др.

Религиозный дискурс представляется, по сути, многогранным и емким видом коммуникативной ситуации, которую характеризуют особая специфика словоупотребления, состав концептосферы, а также уникальная роль

языковой личности в рамках данного дискурса. Для религиозного дискурса характерно наличие устойчивых связей между концептами, выраженными цитатами из Священного писания, фразеологизмами, афоризмами и высказываниями, типичными для тезауруса конкретной языковой личности.

Особый интерес, в силу недостаточной изученности вопроса, представляет выявление и исследование когнитивных текстовых доминант православной проповеди.

Профессор Е. А. Огнева считает, что «Религиозный дискурс как один из типов дискурсов представляет собой совокупность различных форматов знания, одним из которых является проповедь. Архитектоника проповеди обусловлена конфессиональными правилами, однако с лингвокогнитивной точки зрения она может представлять собой различные типы корреляции когнитивных образований и когнитивных структур ...» [5, с. 37]. «Наиболее типичным текстом религиозного дискурса является проповедь, реализующаяся в речевых произведениях, интерпретирующих религиозные догмы, наставляющая верующих по различным богословским, социальным, психологическим вопросам. Проповедь характеризуется дидактичностью и широкими возможностями воздействия на сознание адресата, способствует формированию нравственных понятий» [7, с. 37].

В современной когнитивной лингвистике существуют различные трактовки понятия «концепт». Например, профессор Н.Ф. Алефиренко считает, что концепт – это «особым образом структурированное содержание акта сознания, воплощенного в содержательной форме образа познавательного предмета» [1, с. 7]. По мнению Л. А. Грузберг, концепт – это «один из наиболее популярных и наименее дефинируемых терминов современной лингвистики» [2, с. 184].

Концепт является основной категорией когнитивной лингвистики, поскольку именно посредством концептуализации человек способен осуществлять ментальный процесс. В силу этого, изучение архитектоники концептов, в особенности концептов, приобретающих статус когнитивных доминант проповеди, представляет собой обширное поле для исследования специфики религиозного дискурса.

Рассмотрим способы вербализации концептов на примере проповеди Свт. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского [8, с. 9–10]. Проповедь «On Saint Seraphim» прозвучала 18 мая 1953 г. В рассматриваемой проповеди Свт. Иоанном Шанхайским постулируются принципы, составляющие понятие «святость». Смысл повествования эксплицируется ядерным предложением проповеди: «*Holiness is the fruit of man's efforts and the gift of the Holy Spirit*» (Святость-это плод усилий человека и дар Святого Духа). Далее автор переходит к более детальной интерперетации понятия святости и препятствий, встречающихся на пути к ее достижению. Закономерным образом в данном случае проявляет себя используемое автором противопоставление двух фундаментальных христианских понятий, одновременно являющимися смысловыми маркерами религиозного дискурса, в частности, и представляющими собой бинарную оппозицию – *holiness* и *sinfulness* (святость и греховность). При этом, концепт «греховность» неоднократно вербализуется словосочетанием «*obstacles to holiness*» (препятствия на пути к свято-

сти): *«Holiness is reached by him who wears a cross and in the name of Christ wages warfare against the obstacles to holiness, obstacles to becoming akin to Christ. These obstacles are sins, sinful habits, firmly rooted in the soul. Struggle against them is the major work of a Christian, and in so far as he purifies his soul, so far will he receive of the Holy Spirit»* (Святости достигает тот, кто несет крест и во имя Христа ведет войну с препятствиями на пути к святости, с препятствиями, мешающими стать сродни Христу. Этими препятствиями являются грехи, греховные привычки, прочно укоренившиеся в душе. Борьба с ними является важнейшей работой христианина и, насколько он очищает свою душу, он получает благодать Святого Духа). Из вышеприведенных слов Святителя Иоанна Шанхайского можно заключить, что святость – это не безгрешность, это не христианское совершенство как таковое, это не отсутствие у человека свойственных ему от природы недостатков, святость есть цель жизни христианина – стяжание Святого Духа. В подтверждение сказанному проповедник приводит в пример Святого Серафима Саровского, который *«...taught the acquisition of the Holy Spirit, and he genuinely acquired it, for the Most Holy Mother of God recognized him as being her own»* (учил стяжанию Святого Духа, и он действительно приобрел его, ибо Пресвятая Богородица признала его в качестве своего). Эксплицируя разнообразие путей Святых, пострадавших за Христа на пути стяжания Святого Духа, Святитель Иоанн Шанхайский отмечает, что все они находились в постоянной борьбе со злыми силами и были ненавидимы миром: *«All the pleasers of God are like the angels in their love and devotion. They, just as the angels, waged war against the dark forces and became strengthened in love of God ...The world hated them... All of the righteous ones were sorrowful in the world because they were strangers to the sinful world. All of the apostles suffered in one way or another»* (Все угодники Божии подобны ангелам в своей любви и преданности. Они, как и ангелы, вели войну с темными силами и укреплялись в любви к Богу... Мир ненавидел их... Все праведники скорбели в мире, потому что они оказались чужими этому грешному миру).

В заключении проповеди рефреном звучат два риторических вопроса, придающие особую эмфатичность высказыванию: *«What made them saints? Suffering?»* (Что сделало их святыми? Страдания?). В качестве ответа проповедник репостулирует мысль, выраженную ядерным предложением проповеди, прозвучавшим во вступительной части: *«Not suffering alone makes saints, but striving towards God, love of God, and the labor of overcoming obstacles to holiness, which is the fruit of man's labor and the gift of the Holy Spirit»* (Не только страдания делают святыми, но стремление к Богу, любовь к Богу и труд преодоления препятствий на пути к святости, которая является плодом труда человека и даром Святого Духа).

Богатейшей образностью и эмоциональностью обладают примеры стилистических фигур, которыми изобилует проповедь. Среди них хотелось бы отметить следующие: эпитеты: *this great God pleaser* (этот великий Божий угодник); *fearful struggle* (страшная борьба); *the bright angels* (светлые ангелы); *sinful life* (греховная жизнь); *the sinful world* (грешный мир); синонимы: *work-labor-efforts* (работа-труд-усилия); *sins-obstacles*

to holiness (грехи-препятствия к святости); love-devotion-reverence (любовь-преданность-благоговение); God pleasers-the righteous ones-the saints (угодники Божию-праведники-святые); step back-separate (отступить-отделиться); acquire-receive (приобрести-получить); wage a war-struggle (вести войну-бороться); антонимы: love-hate (любить-ненавидеть); holy-sinful (святой-грешный); faith-Godlessness (вера-безбожие); фразеологизмы: the fruit of man's efforts (плод человеческих усилий); the gift of the Holy Spirit (дар Святого Духа); who wears a cross (кто несет крест); wage warfare against the obstacles to holiness (вести войну с препятствиями к святости); wage war against the dark forces (вести войну с темными силами); sinful habits (греховные привычки), firmly rooted in the soul (твердо укоренившиеся в душе); purifies his soul (очищает свою душу); stand fast in faith and devotion (оставаться твердыми в вере и преданности); метафора: shone with the light of holiness (просияли светом святости); interfered with its sinful life (вмешивались в греховную жизнь); hid in the «depths of the earth» (прятались в глубинах земных); strangers to the sinful world (чужие в грешном мире); were sorrowful in the world (скорбели в мире); метонимия: the world persecuted them (мир преследовал их); the world hated them (мир ненавидел их); перифраз: sincere seekers of the Truth and Light (искренние искатели Правды и Света); the one cast down to the deepest darkness (низвергнутый в глубочайшую тьму); лексический повтор: wages warfare against the obstacles to holiness, obstacles to becoming akin to Christ (ведет войну с препятствиями на пути к святости, с препятствиями мешающими стать сродни Христу); уподобление: the faithful, sincere seekers of the Truth and Light, as was Motovilov (верные, искренние искатели Истины и Света, каковым был Мотовилов); all the pleasers of God are like the angels in their love (все угодники Божию подобны ангелам в своей любви и преданности); сравнение: they, just as the angels, waged war against the dark forces (они, как и ангелы, вели войну с темными силами); антитеза: not suffering alone makes saints, but striving towards God (Не только страдания делают святыми, но стремление к Богу); градация: not suffering alone makes saints, but striving towards God, love of God, and the labor of overcoming obstacles to holiness, which is the fruit of man's labor and the gift of the Holy Spirit (Не только страдания делают святыми, но стремление к Богу, любовь к Богу и труд преодоления препятствий на пути к святости, которая является плодом труда человека и даром Святого Духа).

Отдельно хотелось бы отметить средства экспликации категории сакральности, характерные непосредственно для жанра проповеди, среди которых обращает на себя внимание дважды звучащий риторический вопрос: *What made them saints? Suffering?* (Что сделало их святыми? Страдания?); риторическое восклицание *How varied are the paths of saints!* (Как разнообразны пути святых!); усиительная синтаксическая конструкция *Holiness is reached by him who wears a cross* (Святости достигает тот, кто несет крест); инверсия *and in so far as he purifies his soul, so far will he receive of the Holy Spirit* (и насколько он очищает свою душу, он получает благодать Святого Духа); превосходная степень сравнения прилагательных *the most radiant of them all* (самый блистающий из них); *the deepest*

darkness (самая глубокая тьма); антропонимы *St. Seraphim* (Св. Серафим), *the prophet Jeremiah* (пророк Иеремия), *the prophet Isaiah* (пророк Исаия), *Motovilov*, библеизмы и библейские символы *the Old Testament* (Ветхий Завет); *cross* (крест). Божественные сущности и угодники Божии представлены лексемами *angels* (ангелы), *archangels* (архангелы), *the seraphim* (серафим), *prophets* (пророки), *saints* (святые), *apostles* (апостолы), *the righteous ones* (праведники), *the faithful, sincere seekers of the Truth and Light* (верные, искренние искатели истины), *God pleasers* (угодники Божию).

На основании проведенного исследования мы пришли к выводу, что когнитивной доминантой проповеди является концепт «*holiness*» (святость).

В результате проведенного анализа мы посчитали возможным выделить следующие характерные тенденции рассматриваемой проповеди:

1) дискурсивная активация лексем, объединенных семой религиозной/духовной жизни, или христианские символы, обозначающие религиозные начала: *holiness*(6) (святость), *the Holy Spirit*(4) (Святой Дух), *angels*(4) (ангелы), *the saints*(3) (святые), *prophets*(3) (пророки), *the Most Holy Mother of God*(2) (Пресвятая Богородица), *glorious of the Seraphim* (славнейшая Серафим), *the righteous ones*(2) (праведники), *God pleasers*(2) (угодники Божию), *soul*(2) (душа), *apostles* (апостолы), *the cross* (крест), *archangel* (архангел), *the seraphim* (серафим), *the Old Testament* (Ветхий Завет), *Christian* (христианин). Синонимическая парадигма концепта Бог представлена лексемами *God*(13) (Бог), *Christ*(2) (Христос), *He*(2) (Он), в то время как синонимическая парадигма концепта-оппозиции дьявол представлена следующими номинантами: *the devil* (дьявол), *Lucifer* (Люцифер), *the one cast down to the deepest darkness* (низверженный в глубочайшую тьму), *the Light-bearer* (носитель света);

2) дискурсивная активация лексем с общей семой «борьба»: *struggle*(4) (борьба), *obstacles*(4) (препятствия), *wage a war/warfare*(2) (вести войну), *striving* (стремление), *efforts* (усилия), *labor* (труд), *overcoming* (преодоление), *strengthen* (укрепляться), *stand fast* (твердо стоять);

3) дискурсивная активация лексем, репрезентирующих концепт «христианские добродетели»: *love*(3) (любовь), *devotion*(2) (преданность), *faithful*(2), *the gift of the Holy Spirit*(2), *faithful* (верный), *reverence* (благоговение), *sincere* (искренний), *purify the soul* (очищать душу), *the truth* (правда), *the Light* (Свет);

4) выраженная активация лексем, входящих в концептуальное поле «страдания»: *suffer/suffering*(2) (страдать/страдание), *persecuted* (преследуемый), *sawed in two by a wood saw* (распилен надвое деревянной пилой), *trampled in a swamp* (забит камнями в болоте);

5) дискурсивная выраженность внимания к семе «греховность»: *sinful habits*(3), *sins*, *Godlessness*, *hate*;

6) дискурсивная выраженность внимания к онтологической сфере: *the world*(4) (мир), *man*(3) (человек), *stranger*(2) (чужой).

В результате проведенного концептуального анализа мы посчитали возможным выделить ряд лексем-коллокатов, входящих в концептуальные поля «вера», «борьба», «греховность», «онтология»: *God*(13), *holiness*(6), *the Holy Spirit*(4), *angels*(4), *struggle*(4), *obstacles*(4), *the world*(4), *man*(3), *the saints*(3),

prophets(3), sinful habits(3), love(3), devotion(2), faithful(2), the gift of the Holy Spirit(2), wage a war/warfare(2), suffer/suffering(2), stranger(2).

На основании полученного списка мы выделили 12 сверхчастотных лексем-коллокатов, составляющих ядро рассматриваемой проповеди: *God(13), holiness(6), the Holy Spirit(4), angels(4), struggle(4), obstacles(4), the world(4), man(3), the saints(3), prophets(3), sinful habits(3), love(3).*

Список использованных источников

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова: моногр. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
2. Грузберг Л. А. Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 181–184.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Ин-т народов России. М., 1997. С. 280–289.
5. Огнева Е. А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди митр. Антония Сурожского «Sunday Before Pentecost») // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2016. — Т. 2. №1 (7). — С. 31–38.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007.
7. Щукина Е. Н., Хазанжи Е. И. Средства воздействия в православном дискурсе // Вестник Пермского Университета. — 2014. — №1 (25). — С. 36–47.
8. Sermons and writings of Saint John Archbishop of Shanghai and San Francisco. Part 1. Australia.: Orthodox Monastery of Archangel Michael, 2004.

КОММУНИКАТИВИСТИКА

УДК 81'42:316.28

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н. А. Гулевец,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. Статья изучает роль национальной культуры в деловой коммуникации. Автор рассматривает языковую реализацию взаимосвязи культуры и бизнеса, степень влияния ценностей национальной культуры на формирование корпоративного дискурса. Анализ основывается на исследованиях ценностей культуры Г. Хофстеде, Ш. Шварца, Ф. Клакхон и Ф. Стродбека.

Ключевые слова: язык, культура, ценности культуры, бизнес, корпоративный дискурс.

Summary. The article studies the role of national culture in business communication. The author considers the linguistic realization of the relationship between culture and business, the degree of influence of national cultural values on the formation of corporate discourse. The analysis is based on the research of cultural values by G. Hofstede, S. Schwartz, F. Kluckhohn and F. Strotbeck.

Key words: language, culture, cultural values, business, corporate discourse.

Современный мир характеризуется неизменным влиянием глобализационных процессов на все сферы жизнедеятельности, а экономические связи подразумевают многочисленные контакты между представителями деловых культур из разных уголков планеты. Культура – феномен масштабный и глубинный, обуславливающий практически все в социуме [1, с. 28], в том числе деловую активность. Таким образом анализ национальной культуры становится необходимым пререквизитом в выстраивании эффективной деловой коммуникации.

«Культурный профиль» современной компании складывается под влиянием факторов как национальной, так и корпоративной культуры. Согласно исследованиям Ч. Хэмпдена-Тернера и Ф. Тромпенаарса [2; 3], культура национального сообщества проявляется в культуре более низкого уровня – в корпоративной или организационной. Культура обуславливает и руководит поступками людей, в том числе в бизнес-процессах, что в последствие фиксируется языковыми средствами в корпоративном дискурсе.

В настоящей работе для отображения взаимодействия культуры, языка и бизнеса наибольший интерес представляют исследования Г. Хофстеде, Ш. Шварца, Ф. Клакхон и Ф. Стродбека.

В 70-х годах XX века голландский исследователь Г. Хофстеде в результате тщательного анализа результатов анкетирования сотрудников компании IBM выделил основные параметры характеристики национальной культуры. Критерии этой классификации могут быть использованы для анализа вербализации национальных ценностей в корпоративном дискурсе. Рассмотрим некоторые из них [см. 5]:

- критерий «индивидуализм – коллективизм». Один из наиболее высоких уровней коллективизма – характеристика колумбийской культуры, что

в тексте корпоративного сайта выражается, например, частым использованием обобщающего «мы»: *Trabaja con nosotros. Forma parte de nuestro equipo* («McDonald's», Колумбия). Напротив, Великобритания – индивидуалистская культура: *Our Purpose: Helping people achieve their ambitions – in the right way* («Barclays», Великобритания);

- критерий «дистанция власти». Ключевая ценность национальной культуры США – равные для всех возможности, то есть равенство индивидуальностей. Так, высокий уровень индивидуализма и низкий показатель критерия «дистанция власти» в результате формирует дружественный, «демократичный» стиль общения между компанией и клиентом, что также отражено в тексте корпоративного сайта: *Every detail matters. Every piece of packaging. Every swipe of the finger. Every “How can I help you?” Everything. And it doesn't matter just some of the time. It matters all of the time. That's how we do things at Apple. The result is some of the best-loved products in the world* («Apple», США);

- критерий «маскулинность – фемининность». Конкуренция, стремление к высоким достижениям и успеху – основополагающие характеристики маскулинной культуры. Так, например, маскулинность и коллективизм мексиканской культуры отражены в корпоративном тексте: *Mediante trabajo en equipo e innovación se implementan planes que contribuyan a fortalecer la competitividad y la productividad en todos los niveles...* («Pemex», Мексика) и др.

Теория ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стродбека выделяет следующие основные общечеловеческие проблемы [см. 4]:

- отношение человека ко времени (фокусирование на прошлом, настоящем или будущем);

- отношение к человеческой натуре и природе (покорение, гармония, подчинение);

- отношение к другим людям (иерархичная, эгалитарная, индивидуалистическая культура);

- отношение к действию (статичная, деятельностьная, статично-деятельностная культура).

Рассмотрим вербализацию в корпоративном дискурсе последнего упомянутого критерия.

Американская культура – деятельностьная: *Our vision serves as the framework for our Roadmap and guides every aspect of our business by describing what we need to accomplish in order to continue achieving sustainable, quality growth* («Coca-Cola», США). Данная характеристика культуры США перекликается с высоким уровнем маскулинности в классификации Г. Хофстеде: американцы традиционно иницируют события, ценят инновации и творческий подход к труду.

Так, если для американцев ценность – деятельность, то для мексиканцев – бытие, опыт: при диссонансе между условиями среды и необходимостью действия человека, будет меняться человек с целью соответствовать внешним условиям, например: *En Pemex compartimos el compromiso del Gobierno Federal en la formación de las nuevas generaciones de profesionistas y egresados de las distintas ramas, disciplinas y especialidades para su futura integración al mercado laboral* («Pemex», Мексика).

Национальная культура России имеет переходный, статично-деятельностный характер. Например, стратегия «Газпрома» формулируется с учетом

статичного (присутствие) и деятельностного (развитие) подхода: *Развитие нефтяного бизнеса и конкурентное присутствие в секторе электроэнергетики – стратегические задачи «Газпрома»* («Газпром», Россия).

Теория Ш. Шварца [6] выделяет три биполярных измерения, группирующих культурные ценности в зависимости от способа решения различными обществами базовых проблем: «Принадлежность (социальный порядок, уважение традиций)» – «Автономия (интеллектуальная – широта взглядов, любознательность; аффективная – удовольствие, наслаждение жизнью)», «Иерархия (власть, покорность)» – «Равноправие (социальная справедливость, равенство)», «Мастерство (амбиции)» – «Гармония (гармония с природой, мир)».

Согласно исследованию Ш. Шварца, англоязычные страны имеют одни из самых высоких показателей в мире по критерию «Мастерство», при этом США имеет наивысший показатель. Такая ценностная ориентация характерна для культур прагматичных и настойчивых: *Finding the right job isn't easy. It requires being curious – knowing what you want to do and where you want to go. Whether you're a recent college graduate or re-entering the workforce, Ford Motor Company offers opportunity and the chance to help create a better tomorrow* («Ford», США).

Страны Латинской Америки имеют культуры, основанные на ценностях «Принадлежности», где смысл жизни – коллектив, социальные отношения, идентификация себя с группой (ср. критерий «индивидуализм – коллективизм» в классификации Г. Хофстеде): *Posibilidad de crecer: juntos, sacaremos lo mejor de nosotros mismos y de nuestra empresa. Una carrera en The Coca-Cola Company es una experiencia única. Significa mucho más que trabajar para el líder mundial en bebidas: se trata de una verdadera oportunidad de formar parte de una empresa con impacto mundial* («Coca-Cola», Чили).

Таким образом, можно утверждать, что язык отражает специфику национальной культуры и национальной деловой культуры, в частности. Культурный профиль компании выражается в языке и, несмотря на влияние глобализационных процессов, текст корпоративного сайта передает сохраненный культурный код нации.

Список использованных источников

1. Митрошенков О. А. Культура и деловые коммуникации: несколько тезисов вокруг проблемы // Коммуникология. – 2014. – Том 6, №4. – С. 27–42.
2. Тромпенаарс Ф., Хэпден-Тернер Ч. Четыре типа корпоративной культуры. Минск: Попурри, 2012. 528 с.
3. Тромпенаарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Минск: Попурри, 2004. 528 с.
4. Hills M. D. Kluckhohn and Strodtbeck's Values Orientation Theory [Electronic Resource] // Online Readings in Psychology and Culture. International Association for Cross-Cultural Psychology. – Mode of access: URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1040&context=orgpc> (дата обращения 20.02.2019).
5. Hofstede Insights. Country Comparison. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/> (дата обращения 20.02.2019).
6. Schwartz S. H. Mapping and interpreting cultural differences around the

УДК 81–25+808.51

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРВЬЮ КАК ЖАНРА ТЕЛЕ- И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ

Ю. В. Онищенко¹, Е. Н. Шик²,

¹ старший преподаватель кафедры иностранных языков №3,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

² обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры

теории языка, литературы и социолингвистики,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье представлен анализ языковых особенностей интервью как жанра коммуникации, задачей которого является сбор информации в форме диалога. Целью исследования является выявление жанровых особенностей интервью, а также коммуникативных факторов, влияющих на изменение речи информанта. Основные методы исследования включают анализ литературы, лингвистическая интерпретация звучащей речи, аудитивный и сравнительно-сопоставительный анализ. В ходе работы проанализированы фрагменты американского телешоу с участниками из США и Великобритании. Выявлены особенности речи на различных коммуникативных уровнях. Условия осуществления коммуникации влияют на речевые особенности информантов.

Ключевые слова: интервью, акт коммуникации, диалогическая речь, коммуникативная ситуация, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы, неформальное общение.

Summary. The article is devoted to linguistic analysis of the interview as a journalistic genre which goal is the collection of information through dialogue. The aim of the research is signification of the genre peculiarities, communicative factors influencing speech alteration. These are verbal, intonational, mimic and contextual components. The main methods are literature analysis, linguistic interpretation of the speech, auditive and comparative analysis. Fragments of an American TV-show with American and British participants were analysed. Speech patterns on different communicative levels were educed. Communicative conditions of actualization influence the informants' speech patterns.

Key words: interview, act of communication, dialogical speech, communicative situation, linguistic factors, extra-linguistic factors, informal factors.

Интернет-коммуникация – наиболее яркое проявление глобализации инфосферы. Она воплощает особенность современных информационных технологий, их интерактивный характер, что предполагает неформальность общения, способность самовыражения, модификацию жанров [1].

Одним из наиболее распространенных как в традиционной публицистике, так и в современной Интернет-коммуникации является жанр интервью. Тех-

нический прогресс способствовал развитию теле- и радиовещания, что отразилось на появлении новых разновидностей жанра. С развитием сети Интернет интервью появляется в системе электронных СМИ, рассматриваемое как подвид печатных жанровых форм. Интервью является методом сбора информации, основой для других журналистских материалов, а также самостоятельным жанром журналистики.

Существует несколько определений данного жанра, одной из наиболее ёмких является следующая дефиниция: «Интервью – это такой акт коммуникации, который предполагает общение в форме диалога интервьюера с респондентом, в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов, где целью является получение информации, мнения, суждения, которые представляют интерес для общества» [8, с. 23].

По классификации, разработанной М. М. Лукиной, представляется возможным разделить интервью на следующие виды в соответствии с целями интервьюера:

- 1) информационное интервью (сообщение о событиях, фактах);
- 2) интервью-расследование (глубинное изучение какого-либо события или проблемы);
- 3) интервью-портрет, или профессиональное интервью (фокусируется на одном герое, имеющем достижения в сфере общественной жизни и привлекающем интерес широкой публики) [6, с. 147].

А. А. Грабельников выделяет следующие виды интервью:

- 1) интервью-диалог, где вопросы и ответы чередуются между собой;
- 2) интервью-монолог, где в начале интервью журналист задает определяющий тему беседы вопрос, после чего следует развернутый монолог интервьюируемого;
- 3) интервью-зарисовка, которая дает возможность интервьюеру не только задать вопросы, но и высказать свое мнение, прокомментировать факты, о которых идет речь в интервью, и т.д.
- 4) интервью-анкета представляет из себя массовую разновидность интервью, это «своеобразная заочная беседа» с анкетирруемыми, опрос, выражающий мнение общества [3, с. 219].

Внимание лингвистов, в частности специалистов, исследующих особенности произношения информантов (социофонетический и фоностилистический анализ звучащей речи), жанр интервью привлекает свойственной ему возможностью модифицировать уровень формальности речи посредством ряда факторов. Среди достоинств, упомянутых О. В. Елецкой, основными для лингвистического исследования являются потенциальное создание подходящей (доверительной, непринужденной) обстановки, возможность наблюдения психологических реакций опрашиваемого, позволяющая следить за степенью искренности при ответах, личный контакт журналиста с респондентом, призванный обеспечить максимально полную реализацию вопросника [4, с. 75].

Поскольку диалог представляет собой процесс, в котором собеседники говорят поочередно, планирование и воспроизведение речи происходит параллельно, высока вероятность образования спонтанной речи, которой присущи две тенденции: языковая экономия и языковая избыточность. Ослабление контроля у говорящего над содержанием высказывания, отсутствие

предварительного обдумывания высказывания приводит к повторению элементов или целого высказывания как подтверждения начатой мысли [8].

Среди вербальных факторов, способных повлиять на степень эффективности коммуникации, выделяют группы факторов фонетического, лексического, грамматического, а также коммуникативно-прагматического уровней. Е. Ю. Гончарук подробно рассмотрел вербальные факторы фонетического уровня (паузы и заполненные паузы (хезитация), растяжка звуков, произнесение слова по слогам, повышение тона голоса, изменение темпа речи). Данные факторы влияют на эффективность, некоторые из них могут быть показателями психического состояния, вызвать затруднения при восприятии и декодировании получателем информации, а также уточнить информацию, усилить эмоциональность речи [2].

Основные вопросы теории языковых особенностей интервью рассматриваются отечественными и зарубежными авторами (Н. С. Андрианова, Б. В. Рождественский, А. А. Волков, М. М. Бахтин). В центре внимания находятся такие вопросы, как: условия возникновения диалогической речи (Е. А. Земская), эффективность коммуникации (Е. Ю. Гончарук), особенности диалогического общения (Г. Э. Маркосян), лингвистический анализ разговорной речи (Е. А. Земская).

Автор Т. В. Шмелева предложила «Анкету речевого жанра», предназначенную для описания жанра интервью. Среди обозначенных жанрообразующих признаков — коммуникативная цель, образ автора, адресат, фактор прошлого, фактор будущего, диктум, языковое воплощение.

Коммуникативная цель интервьюера варьируется в зависимости от ситуации: получить нужную информацию, разговорить собеседника, познакомиться с аудиторией с интересным человеком.

Коммуникативно-речевая стратегия определяется набором предпочтений интервьюера из основных оппозиций, характеризующих отношения участников речевой ситуации: иерархия — равенство, близость — отстранённость, борьба — сотрудничество. При создании интервью коммуникативно-речевая стратегия выстраивается в зависимости от характера коммуникативной задачи.

Для жанра интервью характерно то, что журналист ориентируется на двух адресатов: собеседника и читателей. По отношению к беседе собеседник может выступать как «собеседник, охотно идущий на контакт; собеседник, уклоняющийся от ответа; сопротивляющийся собеседник» [5].

Диктум как признак подразумевает события и процессы, происходящие в жизни страны, общества, связанные с актуальной для какой-либо части социума, или лично касающиеся интервьюируемого.

Языковое воплощение как признак модели речевого жанра является совокупностью лексических и грамматических жанровых ресурсов. Выбор языковых средств отвечает стилистическим установкам беседы, диктуется ситуацией, темой, обстановкой интервью. Исследователи отмечают, что разговорная лексика в структуре высказывания способствует восприятию текста, ломает психологический барьер. Разговорность интервью создается не только лексическими средствами, но и синтаксическим построением речи: незаконченное построение фразы, переспрос, повтор, инверсия [9].

По мнению зарубежных авторов, лингвистический анализ интервью призван выявлять языковые особенности, которые, в свою очередь, свидетельствуют о социальной значимости, принятии или непринятии тех или иных понятий в сознании информантов, что отражается в их вербальном и невербальном поведении (использование личных местоимений и т.д.) [10].

Для анализа языковых особенностей интервью рассмотрены 10 видеорагментов, содержащих отрывки ток-шоу CONAN on TBS. Согласно классификациям, приведенным выше, данные интервью являются устными, интервью-диалогами с элементами портрета и зарисовки. Коммуникативную стратегию интервьюера можно определить как равенство, близость, сотрудничество. Особенностью данного типа ток-шоу является создание атмосферы неформальной беседы с помощью юмора с целью сокращения психологической дистанции между информантами и аудиторией.

Информанты представлены группой мужчин-участников дискурса масс-медиа возрастом от 29 до 66 лет в количестве 10 человек (5 американцев и 5 британцев).

В результате исследования выявлены следующие особенности речи:

1. На фонетическом уровне (все информанты): повторы междометий, изменение темпа речи от спокойного к беглому. Звукоподражания и заполнение пауз нелексическими звуками по типу «erm...» характерны для американских информантов.

2. На уровне лексики наблюдаются отличия между группой британских и американских информантов. Для речи британцев характерна экспрессивность, усиление значений слов с помощью повторений, синонимов, атрибутивности (*absolutely beautiful, incredibly, definitely, great*), в то время, как для американцев более характерны просодические, интонационные и тембральные средства экспрессивности. Для обеих групп информантов характерно использование сленга (*damn it, booze, ass*) и разговорных формы (*stuff like that, gross*), при этом британцы склонны использовать метафоры (*liquid dinner, angry dish*), устойчивые выражения (*in safe hands*), американцы – преувеличения (*like a hundred times*). Повторы «like» более характерны для младших информантов.

3. На уровне синтаксиса: использование вставных конструкций (*you know, like, that, I mean, I do, I am, that's it*), для структуры предложений свойственны повторения (одиночных союзов и связок, отдельных слов), параллельные конструкции, объединение предложений в длинное сложносочиненное с помощью союзов «and», «because», «then» «so», что создает впечатление непрерывности речи. Также для обеих групп информантов характерны короткие (эллиптические, неполные предложения), прерванные вставкой типа «I mean», «I don't know», либо началом другого предложения, выражающего новую мысль говорящего. Следует отметить, что американцы чаще начинают предложение с личного местоимения «I». Избыточные синтаксические конструкции, сопровождающие сомнения, характерны для британцев, в то время как для американцев подобное явление акцентирует внимание на собственном мнении или правоте.

4. На уровне грамматики у обеих групп информантов встречается эмфатическое употребление глагола «do» (*the do sound*); отмечено однократное изменение числа глагола (*there is two great adverts*).

5. На уровне интонации информанты-американцы демонстрируют более широкий спектр выражения экспрессивности с помощью изменения тембра голоса (подражание речи других людей, разыгрывание мини-сценок), скорости речи и расставления смысловых пауз.

6. На невербальном уровне информанты сопровождали свою речь активной жестикуляцией, выполняющей эмфатическую роль, уточняя, иллюстрируя происходящее в рассказе. В отличие от информантов-британцев, жестикулирование американцев варьировалось от точечных движений рук до движений всего корпуса, в то время, как британцы ограничивались движениями одной или двух рук. У каждого информанта набор жестов отражает психическое состояние: положение рук и ног (замкнутость/открытость), взаимодействие с предметами одежды или окружения (так один и тот же информант при вербальном выражении замешательства поправлял галстук). Было отмечено, что при активной жестикуляции речь становится менее структурированной синтаксически, более сбивчивой, появляются неоправданные паузы. Поскольку съёмки телешоу происходят в Америке, живая аудитория и ведущие являются американцами. Вероятно, это является причиной того, что американские гости ведут себя более непринужденно, часто обращаются к аудитории, их речевое поведение представляется менее формальным, чем у гостей из Великобритании.

Проведённый анализ речи информантов из США и Великобритании в рамках американского ток-шоу позволяет выявить особенности речи информантов на всех уровнях коммуникации. Представляется возможным утверждать, что американские информанты проявляли большую раскованность в невербальном поведении, вербальных средствах выражения уверенности и правоты. Менее информативный вербальный компонент при активизации мимики и жестикуляции, тенденция к звукоподражанию американцев по сравнению с британскими участниками свидетельствуют о том, что одним из экстралингвистических факторов, влияющих на коммуникацию, является национальная принадлежность информантов, ведущего и живой аудитории телешоу.

Интервью, как один из самых распространенных типов публичного диалога, дает возможность увидеть и зафиксировать новые тенденции развития устной и письменной публичной речи. Тексты современных интервью отражают значительные изменения в языковых вкусах и речевом поведении носителей языка.

Список использованных источников

1. Андрианова Н. С. Жанры Интернет-коммуникации: о некоторых подходах. М.: НикколоМедиа. 2008. С. 14–21.
2. Гончарук Е. Ю. Эффективность коммуникации в русском бытовом общении: влияние фонетических факторов // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 396. — С. 14–20.
3. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе. М.: РИП Холдинг, 2007. 219 с.
4. Елецкая О. В., Тараканова А. А. Психолого-педагогическая диагностика детей с нарушениями речи. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012.
5. Кодола Н. В. Интервью: Методика обучения. Практические советы: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 18–20.

6. Лукина М. М. Технология интервью: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». СПб.: Искусство, 2003. 147 с.

7. Маркосян Г. Э. Некоторые особенности диалогического спонтанного общения // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений: Межвуз. сб. науч. тр., вып. 12. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. С. 121–123.

8. Мельник Г. С., Тепляшина А. Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2006.

9. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–99.

10. Kvale S., Brinkmann S. InterViews: Learning the Craft of Qualitative Research Interviewing. Los Angeles: Sage publication, 2009.

УДК 811.111:81'42=111

РОЛЬ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОСМЕТИЧЕСКОГО БЛОГА)

М. Д. Рыжикова,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Цель работы заключается в определении социолингвистических факторов, влияющих на формирование виртуальной коммуникации в англоязычных косметических блогах. Методами анализа дискурса и прагматической интерпретации описана специфика данного жанра. В результате исследования выявлено влияние возрастного и гендерного факторов, а также профессиональной принадлежности на структурные, аксиологические и лингвистические отличительные черты косметического блога. Косметика для подростков имеет большое значение и должна быть стойкой, легкой в использовании и подчеркивающей индивидуальность и естественность. Блоги мужской косметики содержат рекомендации и советы по выбору средства, тогда как блоги косметических средств для женщин отмечаются наличием рекламы. Последние характеризуются наименьшим уровнем экспрессивности. Профессиональная принадлежность адресанта обуславливает типичные черты в структурном и аксиологическом аспектах.

Ключевые слова: социолингвистика, социолингвистические факторы, виртуальная коммуникация, косметический блог, языковые средства.

Summary. The article aims at identifying sociolinguistic factors influencing virtual communication in English cosmetics blogs. Discourse analysis and method of pragmatic interpretation reveal specifics of the given genre. The results prove the role of age, gender and profession upon structural, axiological and linguistic features in a cosmetics blog. Cosmetics for teenagers turns to be important and is valued for being long-lasting, easy to use and emphasizing natural individuality. Blogs for men give recommendations, while those for women are distinguished by advertising. The latter ones are the least expressive. The addresser's profession contributes to peculiarities of a cosmetics blog in structural and axiological aspects.

Key words: sociolinguistics, sociolinguistic factors, virtual communication, cosmetics blog, language means.

Н. И. Формановская утверждает, что «... парадигмы современного языкознания сосредоточены ... на поиске того, как человек использует язык в качестве орудия общения, а также того, как в языковых единицах отразился сам человек во всем многообразии своих проявлений» [3, с. 4]. Так, изучение коммуникации с позиций социолингвистики способствует выявлению особенностей реального функционирования языка в том или ином сообществе. Интерес к научным разработкам такого типа подтверждается трудами М. В. Панова, В. А. Аврорина, В. А. Звезгинцева, А. Д. Швейцера, Л. П. Крысина и др. Одним из актуальных источников практического материала для функциональных лингвистических исследований служит сеть Интернет, которую обозначают как «информационную технологию, как психосоциологический феномен, как сообщество, как фольклор, как универсальную базу данных» [цит. по 1]. В настоящее время жанры виртуального дискурса представляются мало изученными. В частности, накоплен материал по вопросам типичных черт чатов и ICQ (В. Нестеров, Е. Нестерова, А. Е. Куксова, Е. И. Литтневская, А. П. Бакланова, М. Л. Макаров и др.), тогда как блоги реже становятся объектом научных изысканий (М. В. Мельник, С. И. Филипас, Д. Р. Щербина и т.п.), что также свидетельствует в пользу актуальности данного труда.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты, которые относятся к косметическим блогам, отобранные методом сплошной выборки с Интернет-сайтов (<https://www.forhims.com/blog/makeup-for-men>; makeupandbeauty.com; <http://maybelline.tumblr.com/>; <https://jovicosmetics.blog/en/>) за 2018 год.

Цель работы заключается в установлении социолингвистических факторов, влияющих на специфику англоязычного косметического блога как жанра виртуального дискурса.

Для решения поставленных задач применялись следующие методы: метод сплошной выборки (отбор текстов Интернет-блогов); описательный метод; дискурс-анализ и метод прагматической интерпретации (для изучения структурных, лингвистических и аксиологических особенностей конкретного жанра виртуального дискурса).

Вслед за М. В. Мельник, блог трактуется как «веб-сайт, содержащий датируемые записи мультимедийного характера, расположенные в обратном хронологическом порядке, с возможностью комментирования записей и просмотра любой записи на отдельной веб-странице» [2].

При анализе влияния возрастного фактора на коммуникацию в блоге определено, что косметику возможно подразделить на средства для подростков (10-19 лет) и для взрослых. Детская косметика представлена в чатах, что не соответствует критериям отбора практического материала. Дальнейшее деление косметики для взрослых отмечено только в одном источнике, в связи с чем считается нецелесообразно обособлять таковые отличия.

В структурном аспекте, блоги косметических средств для подростков выделяются большим количеством фотографий, на которых изображены, помимо косметики, природа, одежда, аксессуары и пр. Вероятно, таким способом адресант указывает на случаи использования того или иного средства (напри-

мер, праздник Хэллоуин, жаркая летняя погода и т.д.). Макияж для подростка имеет важное значение, и должен быть не только стойким, но и подчеркивающим естественность и индивидуальность. Косметика должна быть удобной для пользования в любых условиях, особенно вне дома, в частности, — в транспорте. Коммуникативные стратегии и тактики реализуются лексическими (экспрессивно окрашенными глаголами), морфологическими (инфинитивными конструкциями, степенями сравнения имен прилагательных, настоящим и будущим неопределенным временами глаголов вместе с наречиями частоты, сравнительными конструкциями), синтаксическими (побудительными и восклицательными предложениями, параллельными конструкциями, обособлением, перечислением) и риторическими (противопоставлением, имплицитным сравнением, эпитетом, риторическим вопросом, преувеличением, перифразом, прозопопеей) приемами. Например, эпитеты являются постоянным приёмом в постах новой косметической продукции: «*Our last colour proposal is the combination of bright glamorous silver together with powerful red*».

Влияние гендерного фактора проявляется следующим образом. Отличие блогов мужской косметики от женской заключается в сопровождении описания действия средства научно обоснованной информацией, что подтверждается ссылками на авторитетных людей или организации. Кроме того, большее внимание уделяется физической внешности и эффективному в борьбе со старением средству. Следует отметить, что адресант не призывает к использованию той или иной косметики, а дает советы или рекомендации. К лингвистическим специфическим чертам блогов мужской косметики относятся: лексические (экспрессивные имена прилагательные и наречия, интенсифицирующие наречия, термины), морфологические (степени сравнения имен прилагательных, средства модальности, инфинитивные конструкции), синтаксические (сложные предложения с придаточными причины, следствия, условия и времени; эмфатические конструкции) и риторические (сравнение, противопоставление). Например, в следующем предложении адресант высказывает предположения об эффективности средства для борьбы с акне с помощью модальных глаголов – *can* и *might*, последний усилен интенсифицирующим наречием *even*: «*Used consistently shortly after you notice acne scars developing, tretinoin can be a useful tool to help you smooth out and repair your skin. If you have mild or recent acne scarring, it might even be able to replace more invasive methods of repairing acne scarring*».

Характерной чертой блогов женской косметики является реклама исключительно косметических средств с отсутствием каких-либо фоновых изображений. Выявленные лингвистические средства преимущественно не относятся к экспрессивным и представлены простыми или простыми осложненными (герундиальными или причастными оборотами) предложениями. Так, говоря о хранении парфюмерной продукции, способ наилучшего сбережения качества объясняется инфинитивными и причастными конструкциями: «*The ingredients in the perfume to break down within time and exposure to light whether natural or artificial and also excessive heat may affect the perfume. It may be surprising but perfumes remain fresh for longer when stored in the fridge*».

Профессиональная принадлежность адресанта формирует отличительные черты в структурном и аксиологическом аспектах. Акцент делается на

описании не только достоинств, но и состава и способа нанесения косметики, как правило, посредством экспрессивной лексики, степеней сравнения имен прилагательных и эпитетов, например: «*The City Mini Palette features six dramatic shades that are perfect for creating custom eye makeup looks*». Для клиентов важны доступная цена косметики, ее стойкость и легкое удаление, безопасность применения, отсутствие тестирования средств на животных, а также наличие эффекта при небольшом нанесении. При этом упаковка товара не играет большой роли. Структура профессионального блога предполагает возможность для реципиента оставлять комментарии (хотя и при условии регистрации). Блоггеры отвечают на негативные отзывы, давая рекомендации по эффективному использованию косметического средства.

Таким образом, на коммуникацию в англоязычном косметическом блоге влияют: возрастной и гендерный факторы, профессиональная принадлежность адресанта. Направлениями дальнейших исследований возможно изучение взаимосвязи социолингвистических факторов при формировании коммуникации.

Список использованных источников

1. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/b/bergelson-text07.doc (дата обращения 02.02.2019).

2. Мельник М. В. Блог як жанр інтернет-комунікації // Система і структура східнослов'янських мов: збірник наукових праць, вип. 5. Вид-во: НПУ ім. М.П. Драгоманова. К., 2012. С. 216–223.

3. Формановская Н. И. Русский речевой этикет. Русско-французские соответствия: Справочник. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1992. 94 с.

УДК 42+ 612.821.3

СОПОСТАВЛЕНИЕ СРЕДСТВ ОПИСАНИЯ ЭМОЦИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПРОЦЕССОВ, ПРОИСХОДЯЩИХ В ОРГАНИЗМЕ ЧЕЛОВЕКА

Т. Г. Чернышова¹, В. О. Паршикова², С. А. Брюховецкая³,

¹ кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4,

Институт иностранной филологии,

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

^{2,3} обучающаяся 2 курса лечебного факультета,

Медицинская академия имени С.И. Георгиевского (сп),

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются различные эмоции, а также их взаимосвязь с процессом, происходящим в организме на данный момент. Цель статьи – выявить способы описания эмоций человека с помощью выразительных средств языка. Для этой цели используются знания в различных областях науки: физиологии, анатомии, филологии, лингвистики. Эмоция это – то, что проявляется как чувство, мотивирующее, организующее и направляющее восприятие, мышление и действие. В большинстве случаев, мы

сталкиваемся с тем, что поведение обусловлено красочной палитрой разнообразных эмоций. Именно этот факт привлекает современных отечественных и зарубежных лингвистов, а также повышает интерес к изучению взаимосвязи выразительных средств языка и физиологии эмоций.

Эмоции сопряжены с различными отделами головного мозга. Эмоции оказывают влияние на тело и сознание человека, воздействуют практически на все стороны его существования. Полученные результаты помогут нам лучше понять, что происходит в нашем организме при возникновении той или иной эмоции и провести параллель с её описанием с помощью различных выразительных средств языка.

Ключевые слова: выразительные средства, эмоция, физиология, смех, гнев, страх.

Summary. Various emotions as well as their interrelations with the process occurring in the organism at the moment are considered in the article in the aspect of their language expression. The aim of the article is to consider the means of describing person's emotions with the help of the language expressive means. The knowledge in different fields of science: physiology, anatomy, philology, linguistics is used for this purpose. Emotion is what manifests itself as a feeling, motivating, organizing and directing perception, thinking and actions. In most cases, we are confronted with the fact that the behavior is due to a colorful palette of various emotions. It is this fact that attracts modern domestic and foreign linguists, as well as increases interest in the study of the relationship between the expressive means of language and the physiology of emotions. Emotions are associated with different parts of the brain. Emotions affect the body and mind of a person, affect almost all aspects of its existence. The results received will help us to understand better what occurs in our organism with arising of this or that emotion and to draw a parallel with its description by various language expressive means.

Key words: expressive means, emotion, physiology, laughter, anger, fear.

Люди являются социальными существами, которым необходимо общение и развитие. Именно поэтому эмоции и чувства неотъемлемы в жизни каждого из них. Эмоция – это то, что проявляется как чувство, мотивирующее, организующее и направляющее восприятие, мышление и действие. Благодаря выражению своих внутренних переживаний все общаются, находят друзей, эмоционально растут и видят, что хорошо, а что плохо. В большинстве случаев, мы сталкиваемся с тем, что поведение обусловлено красочной палитрой разнообразных эмоций. Именно этот факт привлекает современных отечественных и зарубежных лингвистов, а также повышает интерес к изучению взаимосвязи выразительных средств языка и физиологии эмоций [1; 5].

Эмоции оказывают влияние на тело и сознание человека, воздействуют практически на все стороны его существования. Например, такая ментальная структура, как «Смех», отражает различные внутренние переживания человека. Однако, если попросить дать определение этому понятию, то в ответ можно услышать: «Радость, удовольствие, веселье». Таким образом, мы не получаем точной формулировки из-за непонимания происхождения данного процесса [3; 4]. Все отделы коры больших полушарий головного мозга являются ответственными за разнообразные функциональные особенности, а именно, лобная доля контролирует эмоциональную деятельность. Смех

сопряжён с различными отделами головного мозга. Лимбическая система играет ключевую роль, в частности, гиппокамп, миндалевидное тело, таламус. Центральная часть гипоталамуса – важный отдел при формировании громкого хохота. Также известно, что смех контролируют две частично независимые системы. Первая запускает произвольный смех, при этом задействованы подкорковые центры. Вторая позволяет произвольно воспроизводить смех, она представляет собой путь, идущий от премоторной области коры до вентральной части ствола головного мозга [13; 16].

Во время смеха возникает электрическая активность мимических мышц, стимулируется лобная доля коры головного мозга, активируется правое полушарие, отвечающее за понимание того, насколько шутка является смешной; возбуждаются определённые двигательные отделы, обеспечивающие физическую реакцию. Со стороны дыхательной системы наблюдается интенсивное насыщение тканей и клеток кислородом, ускоряются процессы метаболизма. После того, как человек перестаёт активно смеяться, он начинает глубоко дышать, вследствие чего очищаются дыхательные пути, и улучшается поступление кислорода в организм. Также смех непосредственно влияет на деятельность сердечно-сосудистой системы: снижает кровяное давление, обеспечивает прилив крови к внутренним органам. Кроме того, он способствует укреплению иммунной системы, снижает уровень гормонов стресса в организме, усиливает слюноотделение и слезотечение [11].

В английском и русском языках смех олицетворяется как живое существо. Многие исследователи предполагают, что смех является хозяином человека, который может овладевать и распоряжаться им, при этом смеющийся выступает либо пассивным объектом, либо активным субъектом. Например, *his laughter was shocking him; suppress one's laughter*. Вместе с тем, он трактуется через жидкость, которая заполняет организм человека, вплоть до вытекания из него: *laughter spilled out*. Множество людей считает, что смех является лекарством, улучшающим здоровье и продлевающим жизнь: *Dad always thought laughter was the best medicine* [7; 9; 14]. Образ смеха в некоторых словосочетаниях персонифицируется как инфекция: *the laughter infectious as chickenpox*. Он включает в себя физиологические особенности организма человека во время бурного смеха. Например, *to shake with laughter like jelly, to rupture a gut, laugh one's head off, to die with laughter* [6; 8; 10].

Помимо положительных эмоций, благоприятно действующих на организм человека, немаловажную роль в физиологических процессах играют отрицательные эмоции. В частности, гнев – эмоция, имеющая отрицательный аффект, который направлен по отношению к несправедливости с целью её устранения. Такую реакцию может вызвать не только слово или высказывание, но и жест или мимика. Эволюционная значимость гнева заключается в привлечении энергии для самозащиты индивида [15]. Изначально в головном мозге активируется миндалевидное тело, передающее сигнал гипоталамусу, из которого сигнал направляется в гипофиз, выделяющий адренотропный гормон. АКТГ стимулирует выработку надпочечниками гормонов стресса: кортизола, адреналина, норадреналина. В результате этого увеличивается частота сердечных сокращений, повышается уровень глюкозы в крови, усиливается приток крови к мышцам, расширяются зрачки,

ухудшается работа пищеварительной системы. Мышцы лба сокращаются, придавая индивиду угрожающий и хмурый вид. Появляется оскал зубов и пена у рта, расширяются ноздри, и учащается дыхание. Повышается мышечное возбуждение, способствующее нескоординированным движениям, поэтому появляется желание броситься на обидчика с кулаками.

В английском языке такая эмоция, как гнев, интерпретируется посредством определённых синонимов, которые различаются между собой интенсивностью, вызываемой причиной и характером проявления эмоции. Слово «*anger*» имеет несколько значений: одномоментная вспышка злобы, беспричинный гнев, накопление недовольства [12]. Например, *he gritted his teeth in anger at the insult; a dull anger began to gather again at the back of his mind*. Слово «*indignation*» используется для обозначения оценки чего-либо несправедливого, причём эта оценка должна иметь объективные основания: *he was full of righteous indignation about the attack*. Слова «*fury*» и «*rage*» подразумевают сильнейшую степень выражения гнева, которая граничит с потерей контроля над собственным поведением, вследствие чего наблюдается бурное проявление. Первое слово подчёркивает силу эмоции, а второе — её проявление: *his eyes were ablaze with fury; he was boiling with rage*.

Страх является одной из преобладающих эмоций человека, поскольку сопровождает его на протяжении всей жизни. Это чувство испытывает каждый, причём не только из-за действительных, но и из-за воображаемых угроз. Страх полностью овладевает сознанием человека, что способствует нарушению логического мышления и выбору тактики действий в чрезвычайных ситуациях. Главную роль в регуляции этой эмоции играет миндалевидное тело, входящее в состав лимбической системы. Оно получает информацию от зрительных, обонятельных, слуховых анализаторов, а также от органа осязания. Если возникает какая-либо угроза, тогда образуются связи с гипоталамусом, который вырабатывает кортиколиберин, активирующий центр страха и тревоги. Параллельно он стимулирует выработку адренокортикотропного гормона, усиливающего секрецию кортизола, адреналина, норадреналина.

Выделяют несколько типов поведения при возникновении страха. Помимо появления растерянности, оцепенения, хаотичных движений, паники, может наблюдаться активная сознательная деятельность, быстрая оценка ситуации, принятие верного решения. Моментально тело человека оказывается похожим на двигатель, готовый к действию. Повышается тонус нервной и мышечной систем организма, артериальное давление, усиливается деятельность сердца, происходит торможение коры головного мозга, угнетается иммунологический ответ.

В английском языке страх можно описать с помощью идиоматических выражений, при этом выделяются различные группы в соответствии с общими признаками. Первая группа отражает проявление эмоции в виде дрожи или вздрагивания: *to shake from fear; to quake in one's boots; to give someone the willies*. Вторая – перебои в сердце: *his heart sank; to have one's heart in one's mouth*. Третья – мурашки: *fear makes his flesh creep; a cold shiver ran down his spine*. Четвёртая – внешние изменения: *his face grew white; fear wrings one's mouth*. Пятая – внутренний холод: *to grow cold with fear; fear makes his blood freeze* [2; 10].

Переживаемая человеком эмоция каждый раз приводит к физиологическим изменениям в организме, которые взаимосвязаны с описанием этой эмоции выразительными средствами языка.

Список использованных источников

1. Аль-Дайбани А. А. Фразеологические единицы, выражающие интеллектуальные способности человека, в английском и русском языках: дис. ... кандидата филол. наук. Казань, 2003. 199 с.
2. Амбражейчик А. 2000 русских и 2000 английских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Минск, 2003. 304 с.
3. Бондаренко А. В. Языковая онтология смеховой культуры: автореф. дис. ... доктора филол. наук [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-ontologiya-smekhovoikultury> (дата обращения 12.02.2019).
4. Дмитриев А. В. Смех: социально-философский анализ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Vechе%20%E2%84%9618-22.pdf> (дата обращения 12.02.2019).
5. Изард К. Психология эмоций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.koob.ru/izard/psihologiya_emociy (дата обращения 14.02.2019).
6. Изотова А. А. Английская фразеология: аллюзии, идиомы, метафоры: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2014. 92 с.
7. Маринова Е. Д., Евдокимова А. А. Эмоциональный концепт «joy» (радость): структура и способы объективации // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2008. — № 2. — С. 150–153.
8. Можалина К. Н. К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике // Изв. Самар. научн. центра Рос. акад. наук. — 2011. — № 2. — С. 680–685.
9. Попова С. А. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «Смех» в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 1. — С. 232–238.
10. Шитова Л. Ф. English idioms and phrasal verbs. Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов. Словарь фразеологических соответствий. СПб., 2003. 256 с.
11. Brain M. How laughter works [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://health.howstuffworks.com/mental-health/human-nature/ther-emotions/laughter.htm> (дата обращения 19.02.2019).
12. Mikołajczuk A. The metonymic and metaphorical conceptualisation of anger in Polish // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. Berlin, 1998. P. 153–190.
13. Simedoh Kokou V. L'humour et l'ironie en littérature francophone subsaharienne. Une poétique du rire. Canada, 2008. 242 p.
14. Skandera P. Phraseology and culture in English. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2007. 524 с.
15. Wierzbicka A. «Sadness» and «anger» in Russian: The non- universality of the so-called «basic human emotions» // Speaking of emotions: Conceptualization and expression. Berlin, 1998. С. 3–28.
16. Wild B. Humor and smiling: Cortical regions selective for cognitive, affective, and volitional components // Neurology. — 2006. — Vol. 66. — P. 887–893.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАЧ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ПАССИВНОЙ ГРАММАТИКЕ)

Т. Г. Чернышова¹, Л. Н. Макеева²,

¹ кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

² кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются процессы формирования и развития иноязычной компетенции для решения коммуникативных задач (на примере обучения пассивной грамматике). Цель статьи – показать необходимость отработки грамматического материала до уровня репродукции, даже если он относится программой к пассивному материалу. Для доказательства выдвинутой гипотезы были проведены эксперименты со студентами 2 курса Таврической академии. Полученные в ходе экспериментов данные свидетельствуют, что при формировании и развитии иноязычной компетенции следует обрабатывать весь грамматический материал в упражнениях репродуктивного характера.

Ключевые слова: формирование, компетентность, пассивная грамматика, упражнения, рецептивный, репродуктивный, эксперимент.

Summary. The processes of formation and development of foreign language competence for the solving of communicative tasks (passive grammar as an example) are considered in the article. The aim of the article is to show the necessity of training grammar material up to the level of reproduction even if it belongs to passive grammar. To prove our hypothesis we carried out experiments with the 2-year students of Taurida academy. The data gained during the experiments show that when forming and developing foreign language competence one should train all grammar material in reproductive exercises.

Key words: formation, competence, passive grammar, exercises, receptive, reproductive, experiment.

В настоящее время наиболее актуальным в обучении иностранным языкам является компетентностный подход. Это обусловлено тем, что ранее усвоенные учащимися предметные знания и сведения, а также их навыки и умения не использовались в их профессиональной деятельности, а компетентностный подход предполагает формирование таких умений и навыков, которые позволяют человеку максимально реализовывать себя в обществе. Коммуникативная компетенция считается ведущей, так как она лежит в основе всех других компетенций [5].

Любой язык при всем многообразии его средств имеет определенное ядро грамматических форм, которые являются наиболее употребительными для коммуникации. Коммуникативная направленность обучения иностранному языку и в то же время его сложность и многообразность делают необходимым сведение до минимума отдельных частей содержания обучения. Из ком-

муникативной теории речи В. А. Артемова [1] следует, что при узкой коммуникативной цели нет необходимости изучения всей системы языка, нужно определить, какие единицы и формы языка потребуются для осуществления данной речевой деятельности посредством языка. Это, прежде всего, касается обучения пассивной грамматике. Если активная грамматика обеспечивает учащимся общение в рамках различных учебных ситуациях, то пассивная – рецептивное восприятие текста. Овладевая последним, учащиеся могут научиться осмысливать грамматическую информацию текста, узнавать и дифференцировать все необходимые показатели. В связи с этим, материал пассивной грамматики предлагается тренировать в упражнениях рецептивного характера [4; 6]. Однако, как показывает практика, изучение пассивной грамматики при помощи только упражнений рецептивного характера является малоэффективным. Психологи, в частности А. Р. Лурия, утверждают [2; 3], что усвоенный материал удерживается в памяти полностью очень непродолжительное время и очень быстро начинается его забывание. Сначала это происходит на репродуктивном уровне, а затем и на уровне узнавания.

Нами была выдвинута гипотеза о необходимости отработки грамматического материала до уровня репродукции, даже если он относится программой к пассивному материалу. Благодаря этому, забывание до уровня узнавания происходит значительно позже.

Для проверки этой гипотезы мы провели эксперимент, в котором приняли участие 42 обучающихся Таврической академии (структурное подразделение): 20 обучающихся экспериментальной группы и 22 – контрольной группы. В обеих группах в третьем семестре обучающиеся ознакомились с новым грамматическим материалом четвертого семестра – формы и функции Participle I и Participle II. Объяснение происходило одинаково во всех группах, но закрепление проводилось по-разному.

В контрольной группе обучающиеся выполняли упражнения на узнавание Participle I и Participle II в предложениях, определяли их форму, переводили предложения с английского языка на русский. Обучающимся были предложены следующие упражнения:

I. Прочитайте причастия и определите их форму:

taking, having finished, translated, discussed, writing, being achieved, listening, having developed, being written, inviting, having made, coming, being examined.

II. Прочитайте предложения, найдите Participle I, Participle II, определите форму, функцию и переведите предложения на русский язык:

1. Leaving the auditorium the students were talking about the lecture.

2. He stopped before a closed door.

3. Walking slowly along the street we talked about our experiment.

4. Being tired I could hardly walk.

5. The approached car was of black colour.

6. We watched the professor operating on a patient.

7. Walking in the park we found a very interesting flower.

8. The man called Peter came up to us.

III. Прочитайте предложения, определите формы и функции причастия и переведите предложения на русский язык:

1. Newton created his theory of universal gravitation being only 24 years old.

2. Having made a great number of experiments the professor was able to write a very interesting article.

3. The results obtained changed the entire picture.

4. Having been properly approached the problem appeared easy to solve.

5. Having made the experiments all students left the laboratory.

6. Having obtained sufficient information the scientists continued research.

7. Not knowing his address we could not find his house.

8. The texts translated were on the table.

В экспериментальной группе обучающиеся также выполняли рецептивные упражнения, но количество их было уменьшено, а время было выделено на выполнение упражнений репродуктивного характера – перевода предложений с русского языка на английский. Приведем примеры:

1. Проводя исследование, мы повысили температуру на несколько градусов.

2. Повысив температуру, мы ускорили химическую реакцию.

3. Объяснив, что такое химическая реакция, преподаватель приступил к эксперименту.

4. Когда его спросили, будет ли он принимать участие в конференции, он ничего не ответил.

5. Понижая температуру, мы замедляем химическую реакцию.

6. Студенты, которые работают в этой области науки, сделали много важных открытий.

7. Исследователи используют материалы, сделанные в нашей лаборатории.

8. Обсудив статью, мы начали эксперимент.

На выполнение упражнений в каждой группе было выделено по два академических часа.

На следующем занятии был проведен перекрестный эксперимент на новом языковом материале, что дало возможность избежать результатов, связанных с разной языковой подготовкой некоторых обучающихся.

Через два месяца уже в четвертом семестре, когда обучающиеся отрабатывали грамматический материал Participle I, Participle II, Infinitive мы провели контрольный срез в обеих группах. Каждому обучающемуся было предложено в течение 30 минут перевести на русский язык 20 предложений. Была поставлена цель: проверить их рецептивные умения, умение понимать предложения, в которых использовался данный грамматический материал. В десяти предложениях использовались формы Participle I, Participle II, в других – Infinitive.

Таким образом, проверялись умения, на формирование которых в контрольной группе было потрачено в два раза больше времени, чем в экспериментальной. Каждый обучающийся выполнял задания, для выполнения которых его готовили как в контрольной, так и в экспериментальной группах. Эта особенность засчитывалась при подведении результатов. За единицу подсчета мы брали правильный перевод соответствующей грамматической формы. Полученные данные свидетельствуют, что при формировании и развитии иноязычной компетенции следует отрабатывать весь грамматический материал в упражнениях репродуктивного характера.

Список использованных источников

1. Артемов В. А. Психология в обучении иностр. языкам. М.: Просвеще-

ние, 1969. 279 с.

2. Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы в 2х томах. М.: Изд-во Педагогика, 1970. 496 с.

3. Лурия А. Р. Нейропсихология памяти: нарушения памяти при локальных поражениях мозга. М.: Педагогика, 1974. 312 с.

4. Милашевич В. В. Формирование умственных действий как основная задача учебной грамматики иностранного языка // Тезисы доклада на 25 н/т конференции Новосибирского строительного института, 1968.

5. Основы обучения. Дидактика и методика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2007. 352 с.

6. Палмер Г. Устный метод обучения иностранным языкам. Изд-во «Просвещение», 1960. 164 с.

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

УДК 373. 5: 331

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ИДЕЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Н. В. Арбузова,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В рамках анализа развития системы современного образования цель данной статьи предусматривает рассмотрение методов выбора, поиска и прогнозирования инновационных идей как составляющего компонента системы инновационных образовательных процессов. В статье дается подробная характеристика методов формирования идей инноваций и обоснование последующей реализации данных методов в процессе обучения иностранному языку. Анализ перспективных методов формирования идей, а также комплексное восприятие и применение инновационных подходов способствуют повышению эффективности и качества образования.

Ключевые слова: инноватика, инновационный образовательный процесс, инновационная идея, методы формирования инноваций.

Summary. In terms of analyzing the development of modern educational system, the purpose of this article is to consider methods for selecting, searching, and predicting innovative ideas as an integral component of innovative educational processes. The given article provides a detailed description of methods of forming innovative ideas and a rationale for the subsequent implementation of these methods in the process of teaching a foreign language. Analysis of methods of perspective ideas, as well as comprehensive perception and application of innovative approaches contribute to improving the efficiency and quality of education.

Key words: innovatics, innovative educational process, innovative idea, methods of forming innovations.

Инновационное развитие является неотъемлемым составляющим элементом сферы образования. Актуализация теории, апробированная на практике, лежит в основе становления целостной образовательной системы. В связи с этим разработка методического обеспечения учебного процесса трактуется как обязательная предпосылка эффективности планирования, проведения и контроля аудиторной и самостоятельной работы обучающихся. В свою очередь, качественная организация коллективной и индивидуальной работы может быть реализована посредством инновационных процессов в обучении, а также методов формирования инновационных идей, на базе которых строятся инновационные процессы в образовании.

Инновационные идеи могут восприниматься как стратегически радикально в качестве нововведений, то есть совершенно новых открытий, так и условно модифицированно, то есть в форме известных, но малоэффективных в прошлом элементов системы образования. Формирование инновационных идей в образовательной сфере представлено пошагово в виде

методов выбора, прогнозирования и поиска. Представленная классификация позволяет применить данные методы в обучении различным дисциплинам и курсам, в частности, иностранному языку.

Одним из методов выбора идей инноваций выступает метод написания сценариев. Согласно Т. А. Балабанову [1], сценарий представляет собой схему-сюжет, а также логическую последовательность действий, связанных с выбором инновационной политики. Формой проведения сценария может являться игровой метод.

Вне всяких сомнений в овладении иностранным языком одним из ключевых критериев можно назвать формирование словарного запаса, без которого невозможен процесс коммуникации на изучаемом языке, а именно выражение своих намерений и понимание намерений других коммуникантов. От уровня владения словарным запасом непосредственно зависит содержание всего высказывания.

Этапы презентации новых лексических единиц, их последующая семантизация, понимание, запоминание и применение на практике могут моделироваться посредством метода игр. Именно игры позволяют активно задействовать различные виды памяти:

- зрительную (путём чтения и письма),
- слуховую (путём аудирования и устной коммуникации),
- моторную (путём артикуляции и письменной фиксации услышанного либо сказанного),
- логическую (путём полноценного и всестороннего осмысления изученного материала).

Что касается методов поиска инновационных идей, то здесь представляется важным рассмотреть процесс поиска идей поэтапно, начиная с формирования идеи, составления плана идеи с последующей реализацией плана идеи.

Среди множества разнообразных методов выбора и поиска идей инноваций, таких как дискуссии, дебаты и т.д., целесообразно выделить метод «мозговой атаки» или «мозгового штурма» [2] с применением приемов инверсии, имитации, эмпатии, аналогии и импровизации. Метод «мозгового штурма» является интерактивным видом работы, стимулирует активность обучающихся в решении поставленных проблем, может применяться при работе с текстом на иностранном языке или как элемент беседы на предложенную тему, развивает креативные навыки и навыки импровизации, позволяет расширять границы мышления, помогает выявить среди обучающихся несколько типов личностей. По мнению Р. Гибсона [3] такие типы можно подразделить на несколько категорий:

- творчески мыслящих личностей либо мыслящих по шаблону,
- эрудитов либо систематизаторов и регистраторов фактов.

На практике обучающиеся делятся, как правило, на генераторов идей, критиков и аналитиков.

Еще одним методом инновационных идей является метод Дельфи [4]. Учитывая тот факт, что данный метод ориентирован на прогнозирование и практически исключает общение, базируясь лишь на анкетировании, то представляется достаточно затруднительным применить его на практике.

Однако при выборе контроля оценивания знаний метод Дельфи реализовать возможно. Так, в процессе обучения встречаются ситуации, когда обучающиеся показывают низкие результаты в рамках системы оценивания. Это не всегда обусловлено дефицитом знаний, а проблема может скрываться в страхе, неуверенности или неблагоприятном эмоциональном фоне.

Таким образом, метод Дельфи поможет спрогнозировать эффективность применения той или иной системы оценивания и выработать индивидуальный подход к каждому обучающемуся.

Следовательно, реализация методов формирования инновационных идей применима в обучении иностранному языку. Появление инновационных идей является результатом успешной реализации всей совокупности структурных компонентов системы инноваций применительно к образовательному процессу.

Методы инновационных идей способствуют повышению мотивации обучающихся к познавательной и творческой деятельности, активизации интеллектуальной инициативы, совершенствованию навыков и умений.

В целом, модернизация процесса обучения иностранному языку, наряду с оптимизацией современных методов и методик преподавания будет непосредственно благоприятствовать плодотворному формированию иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

Список использованных источников

1. Инновационный менеджмент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://econom-lib.ru/6-34.phpml> (дата обращения 28.02.2019).

2. Методические рекомендации по подготовке к занятиям в интерактивной форме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusacad.ru/docs/polozhenija/Metod_Podgot_Inter_Form.pdf (дата обращения 28.02.2019).

3. Понятие и виды инноваций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nejo.ru/ponyatie-i-vidy-innovacij.html> (дата обращения 28.02.2019).

4. Метод Дельфи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newgoal.ru/metod-delfi/> (дата обращения 28.02.2019).

УДК 378.147.88

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ (ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ)

***М. В. Беловенцева,**
ассистент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье сделана попытка проанализировать опыт издания студенческой газеты в рамках проектной деятельности студентов первого курса Института иностранной филологии КФУ им. В. И. Вернадского. Рассматриваются преимущества данной формы организации проектной деятельности обучающихся, этапы реализации и результаты проекта.

Ключевые слова: проектная деятельность, ВУЗ, компетенция.

Summary. The article is aimed at analysing the experience of publishing a student newspaper within project activity of first-year students of the Institute

of Foreign Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. It deals with the advantages offered by this form of project activity organization as well as the project's implementation stages and results.

Key words: project activity, higher education institution, competence.

Целью данной статьи является анализ опыта организации проектной деятельности студентов первого курса Института иностранной филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». Проектная деятельность в качестве дисциплины по выбору вошла в учебный план студентов Крымского федерального университета в текущем 2018–2019 академическом году. Подобная форма учебного взаимодействия преподавателя и студентов явилась новой для большей части профессорско-преподавательского состава и обучающихся, что и обусловило актуальность данной работы.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.03.01 Филология (уровень бакалавриата) закрепляет требование подготовки выпускников к решению ряда профессиональных задач, среди которых значится участие в разработке и реализации проектов в образовательных, научных и культурно-просветительских организациях, в социально-педагогической, гуманитарно-организационной, книгоиздательской, массмедийной и коммуникативной сферах [1]. Освоение программы бакалавриата предполагает формирование у обучающихся общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. В частности, выпускники должны владеть навыками участия в разработке и реализации проектов различных типов (ПК-11), быть способны применять информационно-коммуникационные технологии для решения профессиональных задач (ОПК-6), владеть навыками создания различных типов текстов (ПК-8), уметь организовывать собственный трудовой процесс (ПК-12) и работать в коллективе (ОК-6) [1].

Одним из эффективных путей формирования вышеназванных компетенции является проектная деятельность. «Проектная деятельность в качестве дидактического средства является интегративным видом деятельности, обеспечивающим координацию различных сторон процесса обучения (содержательной, процессуальной и др.), синтезирующим в себе элементы познавательной, преобразовательной, профессионально-трудовой, исследовательской, коммуникативной, учебной, теоретической и практической деятельности» [2, с. 27]. Профессор Е. С. Полат подчеркивает, что характерной чертой метода проектов является наличие субъективно или социально важной проблемы, поиск путей ее решения и практическая реализация полученных результатов в виде «осязаемого» продукта [3, с. 67].

Первокурсникам Института иностранной филологии было предложено принять участие в реализации проекта, направленного на обеспечение института собственным студенческим информационным ресурсом на иностранном языке. Студенческая газета является не просто средством обеспечения студенческого и преподавательского сообщества достоверной информацией, но и важной имиджевой составляющей Института иностранной филологии, так как предполагает освещение широкого спектра тем и является своего рода творческим экспериментом, представляющим

интерес для обучающихся и сотрудников института и других структурных подразделений, школьников и их родителей. Краткосрочной целью проекта явилось издание в первом семестре 2018–2019 академического года одного номера студенческой газеты. В долгосрочной перспективе проект нацелен на создание преемственной студенческой редколлегии с четкой структурой и делегируемыми полномочиями.

В ходе рассмотрения возможных вариантов проектных заданий выбор пал именно на издание студенческой газеты, потому что этот вид деятельности обладает рядом преимуществ. В первую очередь, он дает обучающимся возможность практического применения знаний в области основного изучаемого иностранного языка в его литературной письменной форме для создания медиа-текстов разных жанров (репортаж, интервью, очерк, расследование, и пр.). Кроме этого, подобный проект позволяет обучающимся приобрести навыки использования современных технических средств и информационно-коммуникационных технологий для решения профессиональных задач (работа с текстовыми и графическими редакторами, создание фотоиллюстраций и диаграмм, компьютерная верстка). Издание газеты совмещает командную, парную и индивидуальную формы работы, развивая такие навыки учебного сотрудничества как проявление инициативы, принятие единого командного решения, урегулирование конфликтов, распределение ролей в команде для достижения успеха, принятие ответственности за результат работы команды. Наконец, работа такого рода позволяет формировать и поддерживать мотивацию учебно-познавательной и профессиональной деятельности, а также способствует созданию ситуации успеха как одного из условий успешной адаптации студента-первокурсника к обучению в высшем учебном заведении.

В ходе разработки и реализации проекта перед обучающимися стояли следующие задачи: формирование команды авторов, редакторов, верстальщиков, дизайнеров, корректоров согласно интересам обучающихся; распределение обязанностей; выбор названия для газеты; сбор, анализ и обработка информации; создание текстов в объеме, достаточном для выпуска одного номера газеты, подбор и создание иллюстративного материала; выбор названий для рубрик и группировка статей; верстка, вычитка, редактирование; размещение номера газеты в онлайн-доступе и печать 5 образцовых экземпляров. Степень участия каждого обучающегося в реализации этапов определялась исходя из индивидуальных творческих наклонностей, способностей, навыков работы с техническими средствами и степени владения иностранным языком.

По окончании реализации проекта мы попросили участников представить отчеты, в которых отразились бы ход работы, затруднения, достижения и самооценка своего вклада в общий продукт. В результате анализа содержащейся в отчетах информации, а также процесса реализации проекта, мы пришли к следующим заключениям. Многие обучающиеся отметили, что проектная деятельность помогла им раскрыться с другой стороны, попробовать себя в новом деле и реализовать свой творческий потенциал, способствовала развитию навыка аргументированного изложения своих мыслей, объективного анализа и освещения событий. Вместе с тем, участники про-

екта столкнулись с рядом трудностей, основными из которых были выбор темы для написания статьи и несоблюдение сроков выполнения заданий. Некоторые студенты указали, что предпочитают индивидуальные формы работы и испытывали дискомфорт от необходимости работать в команде или проводить опрос или интервью с малознакомыми людьми. Некоторые обучающиеся обратили внимание на недостаточное умение адекватно воспринимать критику, анализировать ошибки и вносить изменения в свою работу.

В целом, обучающиеся положительно отнеслись к возможности участвовать в проектной деятельности на базе университета. Полученный опыт позволяет сделать вывод о целесообразности продолжения работы над данным проектом с целью формирования команды обучающихся, заинтересованных в организации работы студенческой прессы и владеющих рядом общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которые в перспективе смогут обеспечить бесперебойную работу студенческой газеты на английском языке. Таким образом, предполагается, что проектная деятельность будет проходить непосредственно по инициативе и под контролем студенческого коллектива, тогда как роль руководителя сузится до редактуры текстов и консультирования.

Список использованных источников

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.03.01 Филология (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450301_Filologia.pdf (дата обращения 20.03.2019).

2. Антюхов А. В. Проектное обучение в высшей школе: проблемы и перспективы // Высшее образование в России. — 2010. — №10. — С. 26–29.

3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; под ред. Е. С. Полат. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 272 с.

УДК 81'2113:159.593:316.776

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В РАЗВИТИИ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Т. В. Бочкарева,

старший преподаватель кафедры иностранных языков №2,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Целью статьи является исследование влияния эмоциональной памяти на когнитивный процесс при изучении иностранных языков. Автор статьи говорит о важности употребления текстов и заданий, вызывающих воспоминание о пережитой ранее эмоции, имеющей значение в жизни обучающегося. Данные воспоминания вызывают коммуникативное намерение. При условии успешного подбора преподавателем коммуникативных заданий и использования интересной эмоционально-окрашенной лексики улучшается коммуникативная компетенция обучающихся, повышается мотивация изучения иностранных языков.

Ключевые слова: память, эмоция, проблемные ситуации, текст.

Summary. The aim of the article is to investigate the influence of emotional memory on cognitive process in the study of foreign languages. The author of the article tells about the importance of usage of texts and tasks that evoke memory about an experienced emotion that is meaningful in lives of students. Such memories cause communicative intention. On condition of successful selection of communicative tasks and usage of interesting emotionally-coloured vocabulary communicative competence improves, motivation of studying foreign languages increases.

Key words: memory, emotion, problem situation, text.

Коммуникативное намерение возникает при воспоминании о переживаниях, достижениях, значимых событиях. В нашей памяти остаются события, имеющие первостепенное значение для нашей жизни, поступки, повлиявшие на канву нашей жизни, наши удачи и провалы, победы в обучении, встречи с людьми, которые стали незаменимыми, людьми, которые оставили негативный след в нашем прошлом. Обучающиеся университета имеют личный, хотя и небольшой опыт и испытывали такие эмоции как гнев, страх, такие чувства как робость зависть, гордость. Если учебный материал содержит тексты, проблемные ситуации, рассказы о людях, которые испытали данные эмоции, память обучающихся активизируется, вспоминаются события из собственной жизни, возникают ассоциации, учебный материал запоминается лучше. «... сильные, яркие эмоции могут влиять и влияют на хранение и извлечение информации из памяти» [5, с. 279]. На основе лексического материала, содержащегося в предложенном тексте, обучающиеся составляют устные рассказы или эссе, в которых они описывают личный опыт, собственные эмоциональные переживания, хранящиеся в эмоциональной памяти. Проблемами эмоциональной памяти занимались такие учёные как М. А. Кузнецов, К. Изард, Л.А. Мажуль и другие. «Под эмоциональной памятью понимается подсистема (вид) памяти, занятая фиксацией, сохранением, трансформацией и последующим воспроизведением определённых чувственных состояний человека, в которых закодировано его отношение к объектам, событиям, ситуациям, людям» [4, с. 10].

Эмоциональная память может повлиять на когнитивный процесс положительно. Привычные задания вызывают негативные эмоции, нежелание учиться. Улучшить запоминание нового материала, новых лексических единиц помогут ситуации, связанные с эмоциональными переживаниями. Эмоциональная память удерживает следы эмоционально значимых событий. Ясные, осмысленные воспоминания останутся от эмоционально-окрашенной ситуации. Запоминаются не только эмоции, но и явления, которые их вызывают. Поделиться впечатлением, жизненно важным воспоминанием важнее и интереснее, чем страх сделать ошибку. Успешнее преодолевается языковой барьер.

Возникает вопрос, следует ли использовать негативные воспоминания в образовательных целях. Но, при воспоминании ослабляется острота ощущения, также воспоминание может иметь позитивный элемент: понять способ избежать опасности в будущем, обрести большую уверенность в себе, не испытывать нервного стресса в результате спора, знать, как выйти с достоинством из сложной ситуации. По мнению П. Блонского, «...

дольше всего помнятся сильные эмоциональные впечатления, притом неприятные» [1, с. 149]. Данную особенность можно использовать в процессе обучения иностранному языку. Необходимы задания-стимулы, вызывающие интерес, намерение поделиться событиями из собственной жизни, но в словарном запасе обучающихся не хватает лексических единиц, эмоционально-окрашенной лексики для выражения пережитых эмоций. Роль преподавателя заключается в селекции и предложении яркого экспрессивного лексического материала. Возможно предложить варианты прилагательных, глаголов, помогающих выразить эмоцию наилучшим образом, выразить оттенки переживаний. Вместо “good” предлагается: “terrific”, “hilarious”, “superb”, “unforgettable”, “great”, “positive”, “joyful”, “not bad”. Вместо “difficult” предлагается выбрать “frustrating” либо “painstaking”. Для выражения страха предлагается выбрать между: “to be frightened”, “to be frustrated”, “to be petrified”. Составители текстов должны включать в учебный материал идиомы, пословицы, для того чтобы разнообразить словарный запас студентов, заинтересовать обучающихся. «Переориентация на эмоциональную сферу обучающихся будет способствовать столько включению эмотивной лексики как цели, сколько анализу внутренних состояний, находящих выражение в данной лексике» [6, с. 65].

Для того чтобы помочь вспомнить пережитое можно задать наводящие вопросы, например: каковы три вещи, которых мы опасаемся, 3 события, которыми мы гордимся, 3 поступка, которые хочется забыть. Определённая эмоция в настоящем может вызвать воспоминание о ситуации и связанных с ней эмоциях. «Конечной целью любой стратегии является коррекция модели, мира реципиента» [3, с. 195]. В качестве средства обучения выступает речевая ситуация: воспоминание о случае, вызвавшем гнев, зависть, ликование. Отбор лексико-грамматических средств языка с учетом цели коммуникации.

Для развития коммуникативной компетенции студентов необходимо критическое осмысление материала. Если личность заинтересована в нахождении причин своих проблем, если она способна осознать свои ошибки и справляться с ними, то она может правильно оценивать собственные качества, различать опасности не только извне, но и внутри себя, отчетливо представлять свои возможности и способности, то есть данная личность обладает способностью к самоанализу и рефлексии. Это задачи первостепенной важности. «Наиболее общим и фундаментальным принципом человеческого поведения является то, что эмоции заряжают энергией и организуют мышление и деятельность» [2, с. 38].

В процессе наблюдения было выяснено, что в случае успешного решения коммуникативной задачи обучающиеся в дальнейшем оперируют изученным вокабуляром, с удовольствием выполняют последующие задания. Таким образом, развивается компетенция общения на иностранном языке, также улучшается профессиональная компетенция: умение анализировать психологическую проблему и находить метод её устранения. Развивающая цель обучения достигается в том, что кроме коммуникативной компетенции развиваются воображение и мышление. Изученный лексический материал в дальнейшем применяется при создании собственных высказываний на иностранном языке, при решении профессиональных творческих задач.

Список использованных источников

1. Блонский П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения: в 2-х т. Т.2. М.: Педагогика, 1979. 400 с.
2. Изард К. Э. Психология эмоций. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 464 с.
3. Коршунова И. Г. Стратегии познавательной лингвистической деятельности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №10-1 (64). – С. 193–195.
4. Кузнецов М. А. Эмоциональная память: монография. Харьков: Крок, 2005. 567 с.
5. Мажуль Л. А. Память в удержании пространства жизни человека // Мир психологии. – 2015. – №4 (84). – С. 268–282.
6. Першутин С. В. Принципы обучения эмотивной лексике в старших классах средней школы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №11. – С. 164–166.

УДК 378.4:37.015.3:005.32:811.111

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ КФУ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО (АНГЛИЙСКОГО) ЯЗЫКА (НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ «ТУРИЗМ», «БИОЛОГИЯ»)

О. А. Васильева¹, И. А. Борзова²,

*¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² старший преподаватель кафедры иностранных языков №3,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию мотивации изучения иностранного (английского) языка у обучающихся неязыковых специальностей. В статье раскрываются особенности и направленность мотивации обучающихся к изучению предмета «Иностранный язык», а также рассматриваются понятия «мотивация», «учебная мотивация».

Ключевые слова: мотивация, учебная мотивация, направленность мотивации, внутренние и внешние мотивы.

Summary. The article is devoted to the review of the students' motivation for foreign language learning in non-linguistic environment. It analyzes peculiarities and direction of the students' motivation for learning a foreign language, considers such notions as «motivation», «academic motivation».

Key words: motivation, academic motivation, direction of motivation, intrinsic and extrinsic motives.

Иностранный язык (ИЯ) рассматривается как обязательный компонент профессиональной подготовки студента и важная предпосылка построения успешной карьеры выпускника в будущем. Однако, несмотря на необходи-

мость знания иностранного языка специалистами различных сфер деятельности и понимания его значимости, выпускники неязыковых специальностей недостаточно хорошо им владеют. Одной из причин, объясняющих это явление, является низкая мотивация к изучению иностранного языка.

Вопрос формирования мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению предмета «Иностранный язык» (английский) приобретает особую значимость и актуальность в связи с особым местом, которое занимает данный предмет в ряду учебных дисциплин, его спецификой, а также в связи с ростом социальной значимости иностранного языка.

До сих пор не существует единого мнения относительно сущности мотивов учебной деятельности, они изучаются в самых разных аспектах. Е. П. Ильин за мотивы учебной деятельности принимает все факторы, обуславливающие проявление учебной активности, к которым могут относиться потребности, цели, установки, чувство долга и т.п. [5, с. 327].

По мнению Л.И. Божович, «в качестве мотива могут выступать предметы внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания» [2, с. 18]. Придерживаясь подобной точки зрения, А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов под мотивом учебной деятельности понимают направленность учащегося на отдельные стороны учебной работы, связанную с внутренним к ней отношением [6, с. 17].

Учебная мотивация, представляя собой особый вид мотивации, характеризуется сложной структурой, одной из форм которой является структура внутренней (на процесс и результат) и внешней (награда, избегание) мотивации. Некоторые ученые оспаривают правомерность употребления терминов «внешний» и «внутренний» по отношению к мотивам и мотивации. Так, Е. П. Ильин утверждает, что «мотивы всегда внутренние, в отличие от стимулов, вызывающих процесс мотивации, которые могут быть и внешними, и внутренними. Когда же говорят о внешней мотивации и мотивах, то имеют в виду либо внешние воздействия других лиц, либо привлекательность каких-то объектов» [5, с. 125]. Мы придерживаемся традиционной терминологии, подразумевая под «внутренними» мотивы, связанные с содержанием учебного материала или процессом учения, а под «внешними» – мотивы, возникшие под влиянием внешних стимулов.

Мы разделяем мнение тех авторов, которые считают, что внутренние и внешние мотивы не исключают, а взаимодополняют друг друга. Например, по мнению И. А. Васильева, внешние и внутренние мотивы играют неодинаковую роль: внутренние мотивы придают деятельности личностный смысл, а внешние – являются собственно побудителем деятельности [3, с. 53]. С точки зрения Е. П. Ильина, мотивация и мотивы всегда внутренне обусловлены, но могут зависеть и от внешних факторов, побуждаться внешними стимулами. Однако большинство исследователей признают, что для успешного овладения ИЯ необходимо наличие внутренних мотивов, т.к. в большинстве случаев мотивы, связанные с внешними влияниями, уступают по силе тем, что формируются под влиянием внутренних побуждений человека.

Важность формирования мотивации к изучению иностранного языка подчёркивается многими учёными, в частности: А. А. Алхазисвили, Н. И.

Гез, П. Б. Гурвичем, И. А. Зимней, А. А. Леонтьевым, В. Л. Скалкиной, Е. И. Пассовым, Э. П. Шубиной и др.

Многосложность рассматриваемой проблемы предполагает постоянное обращение к ней. Кроме того, существует необходимость разрешения противоречий между возрастающим объёмом информации, возможностью использовать зарубежные источники, общаться с коллегами из разных стран и низким уровнем владения иностранным языком; между необходимостью изучения иностранного языка будущими специалистами и отсутствием соответствующих условий (меняющееся количество часов, сокращение аудиторных занятий и увеличение количества часов на самостоятельную работу, дефицит аудиторного фонда и технического обеспечения); между желанием учащегося осваивать иностранный язык и отсутствием условий, способствующих положительной динамике формирования мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыковых специальностей.

Важным фактором создания и развития мотивации выступает преподаватель иностранного языка, который создает условия для возникновения внутренних мотивов обучения и познавательного интереса к изучению языка, воздействуя на мотивационную структуру через определение лично значимых целей обучения. Л. В. Губанова отмечает способность преподавателя влиять на формирование у обучающихся «самообразовательной» компетенции – способности к поддержанию интереса к изучению и повышению уровня овладения иностранным языком в процессе самообучения [4, с. 26]. «Самообразовательная» компетенция приобретает особое значение ввиду уменьшения количества часов на аудиторную работу обучающихся. И. С. Башмакова подчеркивает роль преподавателя при постановке долгосрочных и краткосрочных целей обучения, их контроле и корректировке при обучении иностранному языку. В силу невозможности автоматического сохранения высокого уровня мотивации обучающегося на протяжении всего курса обучения она указывает на важность ориентации на «адресата обучения», на потребности обучающихся для изучения профессионально-ориентированного иностранного языка [1, с. 32].

С целью представления более полной мотивационной картины, касающейся непосредственно нашей практической профессиональной деятельности, нами было проведено анкетирование среди обучающихся факультета биологии и химии и факультета географии, геологии и туризма Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. В анкетировании приняли участие 89 обучающихся направления подготовки 06.03.01 — биология и 43.03.02 — туризм.

Измерение мотивационной сферы обучающихся проводилось на основе разработанной нами анкеты. Данная анкета включает 8 вариантов объяснения, почему «я изучаю английский язык». Обучающимся было предложено выбрать один вариант ответа. В случае, если ни один из ответов не удовлетворял обучающегося, можно было сформулировать свой вариант ответа.

Я изучаю английский язык, потому что

- эта дисциплина есть в программе;
- знание английского языка даёт возможность получить хорошую работу;
- знание английского языка позволит общаться с коллегами из разных

стран на профессиональные темы;

- зная английский язык, я смогу легко путешествовать по миру;
- знание английского языка позволит участвовать в конференциях, семинарах;

- хочу читать литературу по выбранной специальности;

- хочу читать художественную литературу на языке оригинала;

- хочу слушать музыку и смотреть фильмы на английском языке.

Обработка результатов проводилась путем подсчета обучающихся курса (в процентах), выбравших данный вариант ответа. Таким образом, 38,2% респондентов изучают английский язык, чтобы легко путешествовать по миру; 20,2% — для возможности получить хорошую работу; 16,9% — так как дисциплина есть в программе обучения; 11,2% — из-за возможности общения с коллегами из разных стран на профессиональные темы; 5,6% — чтобы слушать музыку и смотреть фильмы на английском языке; 2,2% — для участия в конференциях, семинарах; 1,1% — чтобы читать художественную литературу на языке оригинала; 4,5% предложили собственные варианты: правильно выражать свои мысли при помощи английского языка; 0% — чтобы читать литературу по выбранной специальности.

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу, что у обучающихся в целом низкий уровень мотивации к изучению английского языка. На неязыковых специальностях студенты считают иностранный язык вспомогательной дисциплиной и её изучение менее важным, относительно других дисциплин. Однако на современном рынке труда требуются специалисты в своей профессиональной сфере, владеющие иностранным языком не ниже уровня *intermediate*. Специалист также должен обладать навыками делового общения, знать профессиональную лексику, проводить переговоры с зарубежными партнёрами. Таким образом, возникает необходимость в повышении уровня мотивации обучающихся для освоения всех необходимых компетенций.

Список использованных источников

1. Башмакова И. С. Формирование интереса к изучению иностранного языка у студентов неязыковых вузов // Автомобиле- и тракторостроение в России: приоритеты развития и подготовка кадров: материалы Междунар. науч.-техн. конф. Ассоциации автомобильных инженеров, посв. 145-летию МГТУ «МАМИ». М., 2010.

2. Божович Л. И. Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972.

3. Васильев И. А. Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности // Психологический журнал. — 1998. — №4. — С.49–60.

4. Губанова Л. В. Психолого-педагогические основы подготовки преподавателей иностранного языка. М., 2013.

5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.

6. Маркова А. К., Орлов, А. Б., Фридман, Л. М. Мотивация учения и ее воспитание у школьников. М., 1983.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Е. Р. Вершицкая¹, Г. А. Гольдберг²,

*¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента,
Институт экономики и управления,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² старший преподаватель кафедры иностранных языков №3,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья рассматривает инновационные методы преподавания иностранного языка в неязыковых вузах, в частности, рассмотрен опыт внедрения перевернутой модели инноваций в преподавании иностранного языка для студентов экономических специальностей в Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского. Предложено использование модели при обучении основному и второму иностранному языку.

Ключевые слова: информационное обучение, инновации, модель обучения, иностранный язык.

Summary. The article considers innovative methods of teaching a foreign language at non-linguistic universities, in particular, it analyzes the experience of introducing a flipped model of innovation for training students of Economics at V.I. Vernadsky Crimean Federal University. The use of the model in teaching is proposed for a second foreign language as well.

Key words: information training, innovation, teaching model, foreign language.

Развитие науки и инновационных технологий обуславливают новый подход к развитию профессиональных навыков и компетенций выпускников вузов [1]. Английский язык играет важную роль в процессе подготовки студентов, учёных и исследователей по всему миру. Профессиональный успех в любой отрасли знаний на сегодняшний день в значительной степени обусловлен уровнем владения английским языком как лингва-франка. Развитие режима информационного обучения также обеспечивает новое направление развития оригинальных методов и повышает эффективность обучения. В академических кругах существуют разные взгляды на определение роли информатизации образования. На наш взгляд, основываясь на современных информационных технологиях, информатизация образования призвана оптимизировать учебные ресурсы и существенно повысить качество преподавания.

Отличительной чертой современных обучающих технологий является активное участие обучающихся в учебном процессе, принятие ими стратегии обучения, основанной на получении собственных результатов. Эта цель реализуется путем интеграции различных современных методов и инструментов в обучении языку. По своей сути, это – инициатива по совершенствованию языковых навыков, которая предоставляет студентам гибкую,

совместную среду обучения и позволят им самостоятельно фиксировать новые стратегии обучения, находить эффективные решения, которые помогут им преодолеть проблемы, связанные с дальнейшим процессом приобретения и совершенствования языковых навыков. До недавнего времени преподаватели вузов чаще всего ориентировались исключительно на конечный результат в преподавании, а не на качество учебного процесса и те специфические когнитивные навыки, которые студент мог бы получать параллельно с освоением учебного материала. В этой связи прикладной интерес вызывают новые модели обучения иностранному языку. Рассмотрим, например, гибридную обучающую модель, которая использует интерес и знания самих студентов для лучшего развития языковых навыков [2]. Ее основная идея заключается в том, что бы поощрять более высокий уровень вовлеченности ученика для обеспечения лучшего понимания материала и самого процесса обучения. Конечная цель состоит в том, чтобы продвигать частичную академическую автономию обучающегося, которая заставляет студента самостоятельно идентифицировать природу контента, используемого в учебных целях. В рамках данной гибридной модели происходит частичный обмен ролей преподавателя со студентом, поскольку студент активно привлекается к участию в разработке материалов урока, фиксации собственных результатов, планированию стратегий для достижения желаемых результатов и даже составлению карты опыта обучения. Данная карта впоследствии может служить своеобразным руководством для будущих обучающихся. Рассматриваемая нами перевернутая модель называется моделью перевернутых инноваций (англ. Flipped Innovation (FINN)), потому что студент вместо преподавателя играет ведущую роль в планировании занятия и в расширении использования технологического ресурса для развития языкового уровня, как в учебной аудитории вуза, так и за его пределами. Ключевым является тот факт, что важны не только конечные языковые навыки студента после прослушивания курса иностранного языка, но и исследуются основные проблемы, с которыми он сталкивается в процессе обучения, а практические решения устранения этих проблем определяются студентами в режиме реального времени. Тот факт, что вклад в инновационный процесс обучения в большей степени зависит от студента, чем от преподавателя, является еще одной причиной для того, чтобы назвать модель «перевернутой инновацией».

Модель перевернутых инноваций эффективна в обучении говорению, аудированию, чтению и письму. Но чаще всего её используют при аудировании текстов. Обычно обучение происходит в четыре этапа:

1. Этап планирования: учащиеся сами подбирают тексты для аудирования (иногда они просто используют тексты понравившейся им англоязычной песни) с помощью компьютера или с помощью мобильного телефона, что доступно и для других, как преподавателей, так и членов группы.

2. Процедурная фаза: преподаватель определяет основные задания, например, такие, как высказать согласие или не согласие с основной идеей, содержащейся в тексте и т.д.

3. Этап практики: каждое такое занятие записывается преподавателем доступно самим студентам для последующего измерения ими собственной динамики в обучении.

4. Этап презентации: каждый студент представляет подробную информацию о результатах обучения, изученных и использованных стратегиях, проблемах и возможных решениях, если таковые имеются. Также студент сообщает о любой новой творческой идее, которую он применил в процессе выполнения задания, например, метод ассоциации для запоминания нового слова. После этого студент может выполнять упражнения более сложного уровня [2].

Рассматриваемая модель FINN способствует повышению эффективности процесса обучения любому иностранному языку, в результате чего создаётся правильная академическая среда для студентов, в которой преподаватель помогает студентам в приобретении новых навыков и контролирует их закрепление. Преподаватель также должен фиксировать новый учебный опыт обучающихся и проблемы, с которыми они сталкиваются. Собранные таким образом данные могут быть эффективно использованы для улучшения модели и ее дальнейшего использования. Активное вовлечение студентов в процесс обучения способствует скорому освоению материала и приобретению навыков говорения, чтения, письма и т.д.

Список использованных источников

1. Вершицкая Е. Р., Гольдберг Г. А. Обучение межкультурной коммуникации студентов экономических специальностей // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы международного научного конгресса. Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 2016. С. 87–91.

2. Vijayakumar J., Karthikeyan J. Technology-enabled digital language learning using a flipped innovation model [Electronic Resource]. — Mode of access: URL: http://DOI:10.1007/978-981-13-3329-3_30 (дата обращения 30.01.2019).

УДК 372.881.1

МЕТОД АССОЦИАТИВНОГО ЗАУЧИВАНИЯ ЛАТИНСКИХ СЛОВ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Л. Н. Жарко,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 4,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье автор рассматривает вопрос использования ассоциативного метода заучивания латинских слов и выражений. В качестве метода исследования выбрано анкетирование. Автор делает вывод о том, что рассматриваемый метод является наиболее эффективным инструментом запоминания медицинских терминов на латинском языке и способствует развитию лексической компетентности студентов-медиков.

Ключевые слова: лексическая компетенция, латинский язык, медицинская латынь, ассоциативный метод.

Summary. In the article the author considers the use of associative method of learning Latin words and expressions. The survey was chosen as a research method.

The author concludes that this method is the most effective tool for memorizing medical terms in Latin and contributes to the development of lexical competence of medical students.

Key words: lexical competence, Latin, medical Latin, associative method.

Работники медицинской сферы на современном этапе в профессиональных разговорах используют более 50% слов, имеющих латинские и греческие корни. На протяжении всей истории возникновения, становления и развития медицины не только как науки, но и как практической сферы, ее сопровождал латинский язык. Употребление медицинской терминологии свидетельствует об особом статусе латинского языка, который продолжает работать на благо человечества. Насколько верен тот факт, что латынь — «мертвый» язык? «Если латынь и «мертва», то ее «смерть» была прекрасной — она «умирала» тысячу лет и оплодотворила большинство европейских языков. Став основой для одних (итальянский, испанский, французский, португальский, румынский, молдавский и некоторые другие) и одарив сотнями, тысячами слов и терминов другие языки... и русский язык не избежал этого влияния» [3]. Образованный, знающий профессионал-медик не мыслим без знания латинского языка, который с одной стороны, во многом упрощает процесс изучения иностранных языков, особенно романской группы, с другой, помогает лучше понять родной (русский) язык.

В образовательных учреждениях медицинского профиля обучающиеся с первых дней начинают изучать латинский язык, без которого невозможно понять анатомические и клинические термины, выписать рецепт. Полученная информация формирует прочный теоретический фундамент профессиональной компетентности будущих медиков с ее последующим применением в медицинской документации, общении медиков на международном уровне. Поскольку изучение латыни поставлено в достаточно жесткие временные рамки при значительном объеме, необходимо найти наиболее эффективные пути запоминания слов (в нашем случае) с целью развития лексической компетенции. Одним из таких путей, на наш взгляд, является метод ассоциаций, который избавляет обучающихся от зубрежки; значительно сокращает время для запоминания и пополнения словарного запаса; повышает качество знаний, что актуально в современном технологически развитом мире.

Цель нашего исследования — обоснование значимости ассоциативного метода заучивания латинских слов как инструмента развития лексической компетентности студентов-медиков. В ходе работы будут решены следующие задачи: узнать мнение обучающихся на предмет использования ассоциативного метода запоминания латинских слов; показать эффективность применения ассоциаций в ходе запоминания слов. Основным методом исследования — анкетирование, которое было проведено среди студентов I курса Медицинской академии им. С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (специальность «Лечебное дело», «Педиатрия»).

Слово «ассоциация» переводится с латинского языка как соединение, взаимосвязь. В некоторых науках, таких как психология, философия ассоциация рассматривается как соединение между самостоятельными объектами, которые находят свое отражение в сознании человека и сохраняются в его памяти [2]. При «включении» одного явления возникает другое. Сразу отметим, что

ассоциации индивидуальны и их создание сравнимо с творческим процессом.

Выделяют разные виды ассоциаций, например, сходство по написанию, по звучанию, по форме, по принципу антитезы, по принципу причинно-следственных связей, расположения в пространстве / времени и т. д. [1; 4].

Обособленно стоит мнемотехника — способ, который характеризуется созданием смешной, а иногда совершенно абсурдной ассоциации, понятной только конкретному человеку, главное, чтобы образ оказался ярким, запоминающимся. Не будем забывать, что запоминание — это только первый этап, важнее уметь вспомнить информацию и применить ее на практике.

В ходе анкетирования обучающимся был задан вопрос «Пользуетесь ли Вы ассоциациями для заучивания латинских слов и выражений?» Мнения респондентов при ответе на поставленный вопрос распределились следующим образом (рисунок 1).

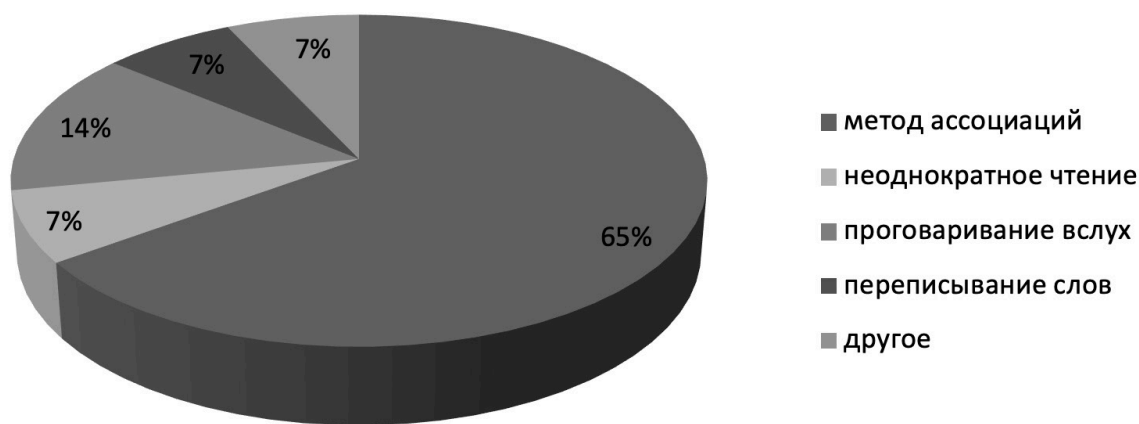

Рисунок 1 — Мнения респондентов

Исходя из полученных данных, мы можем утверждать, что обучающиеся в большинстве случаев создают ассоциативные образы, цепочки при заучивании латинских слов и выражений и в меньшей степени используют традиционные способы запоминания.

Одна из задач анкетирования заключалась в том, чтобы выявить, какие ассоциации используют обучающиеся. Им было предложено указать явления, предметы, свойства, названия растений, животных, музыкальных инструментов, имена известных людей, слова родного/иностранного языка и т. д., которые ассоциируются с предложенными медицинскими терминами. Варианты ответов мы представили в таблице 1.

Таблица 1

Ассоциации участников анкетирования

	Слово на латинском языке	Ассоциации
1	gaster	Гастрит, желудок, гангстер, гастроэнтерология, гастроном, Гаспра, костер, петух.
2	tonsilla	Тонзиллит, тонкий, таралетка, тонус, миндалина, нос, тон, танк, зелье, тонизирующий, годзилла, миндаля, консилиум, сила.

3	m. levator	Элеватор, экватор, эскалатор, левый, лифт, лев, пронатор, супинатор, бегать.
4	ampula	Лампочка, ампула, амбулатория, таблетка, сосуд, пуля, балерина, полная.
5	pro infantibus	Инфантильный, информация, инфант, про фанатов, инфаркт, фонтан, проинформированный, enfant(m).
6	lamina	Ламинат, ламинария, пластинка, лента, водоросли, пласт, ломать, полоса, линия, ламбада, ладонь, линолеум, лавина, лямка, пламя, ля (нога).
7	angulus	Угол, ангел, ангина, голубь, гул, гули-гули, гулька, Ангелина, angle, angry.
8	scapula	Копать, лопатка, чаша, скорлупа, скальпель, скоба, скоблить, скальп, скафандр, капсула, скульптура, спина, капля, лопата, скопление, скальп.
9	costa	Кость, Коста-Рика, Коста-Брава, ребро, стоимость, каста, Диего Коста.
	gallus	Петух, галлы, гололед, голый, гладкий, гребень, Франция, галстук, гусь, гул, экипаж, голос, пушка, галка, галька, паруса, Галя, голубь, гость, галушки, галактика, Гален, гальванический, Астерикс и Обеликс.
	accessorius	Ассоциация, аксессуар, драгоценность, очистить, украшение, бабочка, Оксана, добавочный, акция, акцент, процессор, история, серьезный, открытый, несессер.
	membrum	Мембрана, member, память, сознание, конечность, участник, часть, мэм.
	albus	Альбом, белый, альбинос, Джессика Альба, автобус, Жорди Альба, альбатрос, горы, Альпы, Эльбрус, арбуз, Альбус Дамблдор.
	radix	Радиус, радиана, рождение, радиация, радиоактивность, редиска, корень, луч, род, радий, радикал, радость, окружность, геометрия, радио.
	saccharum	Сахар, сухой, Сахара, сакский, ареал.

Как видно из приведенного списка ассоциаций, за основу обучающиеся, в основном, брали сходство по смыслу, звучанию; встречаются географические названия, имена собственные, персонажи литературных произведений, слова из иностранных языков (английский, французский), одиночные слова. Так как процесс создания ассоциаций индивидуален, то приведенные выше варианты не рассматриваются как единственно верные ассоциации, список не является исчерпывающим.

Каждая научная дисциплина имеет профессиональный язык общения со своей определенной терминологией. Базисом профессионального

общения медицинского работника выступает латинский язык. Языковая система универсальна, не ограничена никакими рамками. Наше исследование показало, что одним из эффективных инструментов развития лексической компетенции студентов-медиков является использование ассоциативного метода запоминания слов и выражений. При создании ассоциативного ряда обучающиеся употребляют не только унифицированные варианты, но порой совершенно уникальные.

Список использованных источников

1. Васюхневич И. А. Ассоциативный подход в изучении латинской терминологии: опыт медицинского вуза // Педагогическое мастерство и педагогические технологии: Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 июля 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 45–48.

2. Википедия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 14.02.2019).

3. Подосинов А. В., Щавелева Н. И. Введение в латинский язык и античную культуру. М.: Флинт, Наука, 2000. С. 3–4.

4. Суханов А. С. Фирменное толкование латинского языка на основе русских и лингвострановедческих слов [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы современной медицины и фармации. — Режим доступа: <http://rep.bsmu.by:8080/handle/BSMU/18920> (дата обращения 19.02.19).

УДК 81'44

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТЬЮНИНГ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА: МОТИВЫ, ФУНКЦИИ, СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Л. В. Кочергина¹, С. В. Майборода²,

¹ старший преподаватель кафедры иностранных языков №4,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

² старший преподаватель кафедры русского языка,

Медицинская академия имени С.И. Георгиевского,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые приёмы эмоциональной адаптации коммуникантов в диалогах доктора и пациента, определяются причины и функции употребления данных приёмов в медицинском дискурсе, а также описываются виды используемых вербальных средств.

Ключевые слова: эмоциональная адаптация, эмоциональный тьюнинг, эмотивность, медицинский дискурс.

Summary. In the article some techniques of emotional adaptation of communicants in the dialogues of the doctor and the patient are considered, the causes and functions of these techniques and their use in the medical discourse are defined, as well as some types of applied verbal means are described.

Key words: emotional adaptation, emotional tuning, affectability, medical discourse.

Актуальность. Вся человеческая речь пронизана эмоциями, поскольку язык вплетён во все виды деятельности человека. Среди различных функций языка эмоций его адаптирующая функция является наиболее коммуникативно значимой, так как гармоничное, неконфликтное общение между индивидами может проходить исключительно при соблюдении правил эмоционального поведения, принятых в определенной культуре, и, что немало важно, при эмоциональной согласованности информации и ситуации [9].

Сознательное управление эмоциональными коммуникативными процессами, знание об эмоциональном заряде слова, умение считывать чужие эмоции и переживания, деликатно регулировать эмоциональные взаимоотношения в дискурсе – всё это является необходимой составляющей коммуникативной компетенции и свидетельствует об уровне эмоционального интеллекта человека [1].

Особые требования предъявляются к коммуникативной компетенции врача как представителя одной из самых лингвоактивных профессий: от умения доктора владеть словом, от уровня его речевой культуры и способности управлять эмоциональными взаимоотношениями с пациентами и коллегами во многом зависит его профессиональная компетенция. Об особой силе слова врача говорит народная мудрость: слово исцеляет, слово лечит [5], тогда как неосторожное обращение с языком, с его эмоциональным потенциалом не просто наносит психоэнергетический вред всем коммуникантам [11], но может стать причиной развития язтрогенного заболевания у пациента. Это заставляет лингвистов изучать вопросы этики использования языка в профессиональных целях, чтобы оптимизировать медицинский дискурс, обогащая врача знаниями об адаптирующей функции языка эмоций.

Несмотря на то, что изучение эмоциональной составляющей речевого общения врача и пациента является важным объектом современных лингвистических исследований [3, 4], приходится констатировать отсутствие работ, посвященных проблеме эмоциональной адаптации в коммуникации доктора и пациента. Между тем представляется актуальным исследование лингвистических приёмов эмоционального тьюнинга в диалогах доктора и пациента, поскольку вербальная эмоциональная адаптация коммуникантов друг к другу должна обеспечить гармоничное общение и доверительную атмосферу между партнерами коммуникации.

Цель. В настоящей работе рассматриваются функциональные и лингвистические характеристики эмоционального тьюнинга в диалогах врача и пациента, дается оценка некоторым приёмам эмоциональной адаптации в речи врача.

Материалом исследования послужили 30 диалогов, содержащих оценку в репликах врачей. Проанализировано 15 диалогов на русском языке и 15 диалогов на английском. Участниками диалогов являются врачи различных специальностей, взрослые пациенты и пациенты детского возраста. Основным методом исследования является описательный с приёмами включенного наблюдения, анализа и синтеза.

Прежде всего охарактеризуем такие понятия как *эмоциональность*, *эмотивность* и *эмоциогенность*. Эмоциональность – психологическая категория, характеризующая содержание, качество и динамику эмоций субъ-

екта. Эмоциональность может выступать в качестве предмета и способа отражения, трансформируясь в тексте/дискурсе в лингвистическую категорию эмотивности [7], которая, в свою очередь, проявляется в наличии в языке эмотивных знаков – эмотивов, – с помощью которых вербализуются эмоциональные отношения человека к миру [9]. Иными словами, эмотивность – свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека [8]. Эмоциогенными являются события, темы, высказывания, способные провоцировать возникновение определенных эмоций у коммуникантов в процессе общения.

Ряд постоянно используемых эмоций, или дискурсивных эмоций, вербализуемых участниками общения, создают своеобразный эмоциональный фон и характеризуют *эмоциональную доминанту* дискурса [2]. Для каждого типа дискурса присущ определённый набор эмоциональных доминант.

Под эмоциональным тьюнингом (настройкой) в речевом общении понимают вербальную и невербальную адаптацию коммуникантов друг к другу, включающую несколько этапов: 1) осознание общающимися эмоциональности ситуации; 2) определение конкретного вида эмоций, на который надо настраиваться (или избегать); 3) отбор необходимых вербальных и невербальных эмотивов и коммуникативных тактик для их презентации собеседнику; 4) замена их на более успешные по мере необходимости [9]. При несовпадении эмоциональной прагматики собеседников эмоциональный тьюнинг может быть представлен как моделирование чужих эмоций одним из собеседников, т.е. эмоциональным управлением.

Мотивы использования эмоционального тьюнинга в медицинском дискурсе связаны с характером эмоциональных переживаний пациента и установкой врача на создание эмоционального комфорта и доверительных отношений с пациентом. Наиболее востребована адаптация собеседников друг к другу на начальном этапе приема, когда устанавливается контакт: пациент должен чувствовать, что доктор понимает его и у него одна задача – помочь ему. Для того, чтобы расположить собеседника к себе как доктор, так и пациент прибегают к схожим коммуникативным приемам сближения как-то: формулы приветствия, обращение по имени-отчеству, фактическая беседа, спокойный, доброжелательный тон общения. В качестве иллюстрации приведем фрагмент из диалога пожилой пациентки и доктора на приеме в поликлинике:

Д. Присаживайтесь! Вчера на рынке смотрю: стоит Людмила Нилловна! Думаю, когда к нам придёт?

П. А я у вас сто ле-ет уж не была.

Д. Что-то вчера о вас вспомнила. Как желудок ваш?

Как видно из диалога, доктор на фактическом уровне старается создать атмосферу комфорта, демонстрирует искренне внимание к пациентке, давая понять, что здесь её помнят и ждут, выслушают и помогут. Пожилая женщина поддерживает беседу: «А я у вас сто ле-ет уж не была», настраиваясь на общий эмоциональный фон общения: спокойная беседа по душам. Фактическое общение задает определенный эмоциональный тон, который способствует поддержанию доверительных отношений в ходе общения, созданию непринужденной обстановки [5]. Отсюда, приспособление коммуникантов

друг к другу приводит к взаимному коммуникативному успеху.

Если возникает несовпадение эмоциональной прагматики доктора и пациента на начальном этапе консультации, например, пациент раздражен долгим ожиданием или напряжён, адаптация врача к эмоциональному фону пациента должна носить рациональный характер, иными словами, врачу необходимо контролировать собственные эмоции, и недовольство собеседника не должно настраивать доктора на враждебное отношение к нему, поскольку, «заражаясь» негативными эмоциями пациента, доктор рискует развить конфликт. Успешными приёмами эмоционального тьюнинга, точнее, управления эмоциональным настроением пациента, представляются: демонстрация сочувствия (*Как я вас понимаю!*); фактическая беседа или рассказ на отвлечённую тему (*А вчера такой случай был...*); эмоциональная сдержанность врача. Основная функция эмоциональной настройки в данном случае – дать больному успокоиться.

Языковые средства выражения эмоций представлены на лексическом (междометия, экспрессивно окрашенная лексика, оценочная лексика, диминутивы), синтаксическом (восклицательные предложения, различные выделительные конструкции, повтор) и фонетическом уровне (растягивание гласных) [6].

Интересным представляется то, что в противоположном случае, когда источником раздражения и негативных эмоций выступает доктор, больные с хорошо развитой коммуникативной и эмоциональной компетенцией прибегают к тем же приёмам, которые описаны выше, и тем самым элиминируют потенциальный конфликт. Например, демонстрация сочувствия, сопряжённого с негодованием, выраженная при помощи эмоционально-полемиического выказывания в речевой партии пациента: *«Господи, сколько ж бедные врачи этих бумажек пишут!»* и т.п.

Несмотря на стремление доктора позитивизировать эмоциональный настрой пациента, исследования медицинского дискурса показали, что в эмоциональных высказываниях участников медицинского дискурса преобладают негативные эмоции. Так, В. В. Жура, проведя анализ дискурса медицинских консультаций, выделяет следующие эмоциональные доминанты в речи пациентов: «страх», «тревога», «гнев», «грусть», «безнадежность», «стыд», «беспомощность», «беспокойство», и в малой степени «радость». В речи врачей самыми распространёнными эмоциональными манифестациями оказались эмоции, входящие в группу «гнев», «удивление», «недоумение» [2]. Это связано с основным фокусом отражения внеязыковой действительности, которым является заболевание и отношение к нему пациента. Например: *P: I feel terrible, my entire body is aching but I can't stop shivering.*

Приёмы эмоционального тьюнинга в речи врача для устранения группы эмоций «грусть», «безнадежность» реализуются при помощи тактик выражения эмоциональной эмпатии (сопереживания): *Mrs. Hudson, we've been worried about you but I've got good news. The X-ray shows your heart is clear;* тактик поддержки и обязательного успеха: *Здесь вам помогут, у нас хорошие врачи!;* приёмов позитивизации информации: *That's a very good sign. She's a good colour – there's no sign of blueness, is there?*

Группа эмоций «стыд» также корректируется тактиками сближения и эмпатии. Делясь переживаниями или рассказывая случаи из своей жизни,

врач демонстрирует эмоциональную солидарность с пациентом, чем вызывает его расположение к себе и помогает установить доверительные отношения.

Подавление эмоций страха и тревоги обеспечивается уверенным стилем вербального и невербального поведения врача. Это способствует формированию у пациента уверенности в компетентности доктора, его способности контролировать ситуацию, позволяет больному верить в положительный исход событий. Это особенно важно в случае субъективного восприятия боли. Успешность работы врача с пациентом, которого подвергают болезненным процедурам, зависит от того, насколько доктору удастся изменить чувства пациента, снизить уровень тревоги и страха: *P: Will it be **painful** afterwards? / D: Yes. **But don't worry, you'll be given pain-killers.** P: Okay.*

Соответственно, в экстремальных ситуациях, как бы ни был врач испуган, подавлен, шокирован, он не должен показывать свою растерянность пациенту. Интенсивные эмоциональные реакции врача разрушают доверие больного, пугают и настораживают его. Только уверенное поведение врача, его эмоциональная стабильность помогают обеспечить доверие пациента, вселить в него надежду [1].

Вывод. Рациональное использование приёмов эмоционального тыюинга помогает врачу во взаимоотношениях с больными избегать психологических срывов, а также стимулирует пациента к взаимной эмоциональной адаптации, что формирует общий эмоционально-координационный центр коммуникации и обеспечивает гармонизацию общения.

Список использованных источников

1. Болучевская В. В., Павлюкова А. И. Общение врача: создание положительных взаимоотношений и взаимопонимания с пациентом. (Лекция 4) [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. — 2011. — № 4. — Режим доступа: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения 27.01.2019).

2. Жура В. В. Дискурсивные эмоции в устной медицинской коммуникации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/010/3_10.htm (дата обращения 27.01.2019).

3. Жура В. В. Эмоциогенность общения «врач-пациент» как коммуникативная проблема устного медицинского дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 50. — С. 38–44.

4. Куриленко В. Б., Макарова М. А., Логинова Л. Д. Лингвотерапевтическая направленность как базовая категория медицинского дискурса [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. — 2012. — № 1. — Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2012/01/6431> (дата обращения 27.01.2019).

5. Майборода С. В. Лингвопрагматические и структурные особенности нарративных жанров коллегиальной и авторитарной модели устного медицинского дискурса // Жанры речи. — 2018. — № 2 (18). — С. 144–151.

6. Майборода С. В., Кочергина Л. В Средства и способы выражения оценки в речи врача // Психолингвистика и лексикография. Сборник научных трудов. Воронеж, 2017. С. 141–147.

7. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Грамматические средства выражения эмотивности в языке. Монография / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.

8. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. С. 5.

9. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 144 с.

10. Шаховский В. И. Какими словами «оплодотворяют» людей российские СМИ? // Русистика, вып.7. Киев, 2007. С. 29–32.

11. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More Than IQ? Bentam Books, 1997.

УДК 81'42

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПАЦИЕНТАМИ С НАРУШЕНИЯМИ ПАМЯТИ

П. П. Першин,

*аспирант 1-го года обучения кафедры психиатрии,
наркологии с курсом общей и медицинской психотерапии,*

*Медицинская академия имени С.И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*Научный руководитель – Л. В. Ягенич,
кандидат педагогических наук, доцент,*

*заведующая кафедрой иностранных языков №4,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Данная статья изучает способности человека с нарушениями памяти к изучению языков, а также их влияние на качество восприятия новых знаний, улучшение когнитивных функций и профилактики заболеваний памяти. В работе использовался метод систематического обзора литературы на основании сбора первичных данных, опубликованных в научной литературе. Полученные результаты указывают, что изучения второго языка, билингвизм, на протяжении всей жизни служит гарантией сохранения здоровой функции мозга и приводит к замедлению развития деменции на несколько лет.

Ключевые слова: билингвизм, изучение языка, нарушения памяти.

Summary. The main aim of the article is to show how language learning may uncover the mechanism responsible for the emergence of brain advantages, as well as their impact on the quality of perception of new knowledge, improvement of cognitive functions and prevention of memory diseases. A systematic literature search was conducted, as it deals with collection of primary data published in scientific literature. The results obtained indicate that lifelong bilingualism acts as a safeguard in preserving healthy brain function, possibly delaying the incidence of dementia by several years.

Key words: bilingualism, language learning, memory, disease, cognition.

С каждым годом количество людей, страдающих от заболеваний памяти, неизменно растёт. К 2030 году процент болезни Альцгеймера может составить 0,556% мирового населения. Для примера, в 2005 году деменцией страдали на 0,2% меньше, а в 2015 году показатель равнялся 0,441% [3]. Некоторые считают, что значение к 2050 году может вырасти вчетверо, в сравнение с нынешним количеством [4]. В связи с этим, детальное изучение вопроса замедления нейродегенеративных процессов является одной из важнейших задач нынешнего времени. Одним из наиболее распространённых симптомов в клинике органических или функциональных заболеваний головного мозга является нарушение памяти. В данной статье хотелось бы рассмотреть проблемы, которые испытывают люди с нарушениями памяти, выяснить насколько изучение неизвестного, нового языка, например, английского, может улучшить когнитивные способности, в частности памяти, у данной категории людей.

Память – это высшая психическая функция центральной нервной системы усваивать информацию в течение жизни, сохранять её и воспроизводить, использовать для решения задач [20]. Память, по длительности, разделяют на две функциональные группы – долговременная память и кратковременная память. Каждая из них играет собственную роль в запоминании. Кратковременная (или оперативная) память может удерживать сенсорные образы ограниченное количество и время, которые, после процесса семантического кодирования, эффективность которого зависит от уровня внимания, последовательности и стратегий запоминания, переходят в долговременную. Одним из подтипов кратковременной памяти, является рабочая память, которая служит нам для выполнения текущих действий, и фиксирует данные только до момента завершения текущей задачи [7].

К одним из самых частых заболеваний, затрагивающих мнестические способности, можно причислить дисметаболические нарушения, разнообразные деменции, а также депрессии, диссоциативные и тревожные расстройства. Помимо заболеваний, функции памяти ослабевают в связи с естественным процессом – старением, который не будет связан с патологией [1].

Однако, развитие таких расстройств можно значительно замедлить, вовлекая в свой образ жизни практику и тренировку когнитивных способностей путем изучения второго языка, развивая билингвизм [3].

Билингвизм – свободное знание двух языков, при этом человек может свободно осуществлять переход с одного языка на другой. Изучение иностранного языка, в частности английского, даёт положительный когнитивный эффект, и кроме того, способствует увеличению когнитивного резерва [4].

Цель данной статьи — проанализировать факт изучения иностранного языка и показать его положительное влияние на физическое здоровье человека, на его интеллектуально-мнестические и когнитивные функции на протяжении всей жизни.

Согласно данным последних исследований, изучение иностранного языка даёт преимущества в работе исполнительской функции памяти. Обнаружено, что пожилые люди, изучающие второй язык, продемонстрировали лучшую результативность при выполнении заданий с классификацией изображений по цвету и форме, чем люди, владеющие знанием только одного языка. Кроме того, сканирование МРТ, выполненное во время этой задачи, так же вы-

явило более эффективную работу исполнительской функции по сравнению с группой, владеющей одним языком, и это различие было одинаковым как у молодых, так и у пожилых людей, участвующих в исследовании. Исследователями Бэйлоком, Крэйком, Фридманом, было выявлено, что изучающие второй язык люди, превосходят и по многим другим параметрам, в частности, в решении задач невербального визуального поиска, в более эффективной обработке информации, и в целом, по уровню развития интеллекта. Таким образом, в совокупности, эти исследования показывают, что люди, изучающие второй язык, демонстрируют хорошие результаты при исследовании когнитивных способностей, в частности, исполнительских функций [18].

Доказано, что билингвизм является эффективной защитой против дисмнестических нарушений, дементивных процессов. В проведённых исследованиях изучалась частота возникновения деменции по записям в больничных листах, в результате чего, пришли к выводу, что билингвизм оказывает положительный эффект. У владеющих двумя языками на протяжении всей жизни симптомы деменции замедлялись на 4 года по сравнению с пациентами, говорящими только на одном языке [15]. Исследователями и учеными Воумансом, Сантерсом, Сибином, Верзийптом, и другими, неоднократно обнаруживалось, что у двуязычных пациентов была диагностирована болезнь Альцгеймера спустя 4,8 лет, и у них были выявлены симптомы на 4,6 лет позже, чем у одноязычных пациентов [19]. Аналогично, носители двух или более языков имели отсроченное начало болезни Альцгеймера на срок до 5 лет, и защитный эффект был ещё более значительным, когда они говорили по меньшей мере на двух-четырёх языках [16].

Однако, проведённые исследования могут подвергаться критике, что может быть связано с рядом причин (например, меньший объём словарного запаса одного языка, более медленная лексическая обработка и др.). Исследования предполагают лишь то, что билингвизм задерживает начало нейродегенеративного заболевания.

Мы полагаем, существует два возможных варианта решения вопроса о значении когнитивных преимуществ в результате изучения иностранного языка. Во-первых, типологически разные изучаемые языки могут быть более сложными в изучении и иметь малое количество общих языковых особенностей. Во-вторых, типологически сходные языки могут привести к быстрому обучению, потому что они имеют общие языковые особенности (родственные). Существование нескольких вариантов является предпосылкой возникновения противоположных результатов в отношении появления когнитивного преимущества, но тем не менее, в обоих случаях отношения между родным и изучаемым языками будут оказывать значительное влияние на требования когнитивным ресурсам во время их изучения.

Первый вариант можно назвать эффектом сложности обработки, в соответствии с которым более значительные когнитивные улучшения станут следствием изучения типологически отличающихся языков, так как они требуют больше усилий для изучения, а, значит, на существующие знания родного языка нельзя полагаться. Вторым вариантом, который можно назвать «эффект подавления помех», предполагает, что в результате изучения типологически схожих языков будут достигнуты лучшие когнитивные эффекты,

потому что изучение схожих языков способствует увеличению требований к исполнительным системам управления в мозге.

Необходимо также учесть, что, несмотря на все преимущества изучения иностранного языка и его эффективное влияние, следует также учитывать трудности, которые связаны со спецификой заболевания памяти. Признаки болезни проявляются в энторинальной коре и гиппокампе, которые необходимы для кодирования новых происшествий. Следовательно, для пациентов с нарушениями памяти характерен дефицит способности запоминать недавние события, узнавать новую информацию и вспоминать информацию после некоторого периода времени. По мере прогрессирования заболевания повреждение распространяется на соседние кортикальные структуры, такие как нижняя височная доля, височно-затылочное соединение и височно-теменное соединение. Нарушения в этих областях часто приводят к уменьшению словарного запаса, забыванию слов. Кроме того, височно-теменная область взаимосвязана с дорсолатеральной префронтальной корой, что важно для рабочей памяти и исполнительской функции. Можно предположить, что, атрофия в этой области также ухудшает способность привлекать ресурсы лобной доли для изучения иностранного языка. Дефицит рабочей памяти оказывает всепроникающее влияние на способность воспроизводить и понимать изучаемый язык [17].

Таким образом, для лучшего запоминания информации, людям с нарушением памяти, необходимо приложить большие усилия, используя слуховую, зрительную память, изменяя образ жизни и научиться концентрироваться на одной задаче, чем людям, с функционально здоровой памятью [7].

Для эффективного изучения иностранного языка, в частности английского, пациенту с нарушениями памяти придётся задействовать долговременную и кратковременную память. При этом простое повторение иностранных слов может быть неэффективным, поскольку новое слово сохранится лишь в кратковременной памяти, а через некий промежуток времени, либо при дальнейшем изучении новых слов, будет забываться и заменяться другими. Поэтому необходимы эмоции, нужно научиться воспринимать яркие образы, сравнивать, т.е. нужен контекст. Важным моментом в изучении языка, является языковая тренировка. Для этого нужно активизировать зрительную, слуховую и механическую память ещё на ранних этапах изучения языка. Для начала необходимо новые незнакомые слова записывать несколько раз подряд, в результате, тренируется зрительная память. Согласно Эббингаузу, записываемые слова нужно произносить вслух (тренируется слуховая память), и в то же время, параллельно в голове выстраивать яркие образы, ассоциации [12]. Таким образом, будет задействована эмоциональная и образная память. Для лучшего запоминания лексики в английском языке для людей с нарушениями памяти, можно попробовать нарисовать когнитивную карту по изучаемой теме. Например, вначале рисуется предмет, затем прилагательные, которые его характеризуют, после – место, где хранится этот предмет и т.д. и все это структурируется, как утверждали Минк, Рассел и Дженкин, с большей эффективностью [8-11, 14]. Пациентам с нарушениями памяти необходимо научиться систематизировать новые знания, связывать их каким-то образом данных, и именно тогда изучение английского языка

станет для них намного эффективнее, например, по ассоциативно-сетевой модели Андресона и Боуэра [13].

Таким образом, в ходе проведения исследования доказано, что изучение иностранного языка, в частности английского, является защитой от заболеваний, связанных с нарушением памяти и одним из ключевых факторов, благоприятно воздействующих на интеллектуально-мнестические, когнитивные функции, развитие памяти, укреплению нервной системы на протяжении всей жизни, а значит, для сохранения и повышения уровня когнитивных способностей необходимо регулярное изучение новых навыков, в частности, английского языка, способствующих замедлению процессов дегенерации нервных тканей.

Список использованных источников

1. Holger J. Memory loss in Alzheimer's disease [Electronic Resource] // 2013. — Mode of access: URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3898682/pdf/DialoguesClinNeurosci-15-445.pdf> (дата обращения 10.03.2019).
2. Gold B. T. Lifelong bilingualism and neural reserve against Alzheimer's disease: a review of findings and potential mechanisms. 2015.
3. Anderson J. A. E., Saleemi S., Bialystok E. Neuropsychological assessments of cognitive aging in monolingual and bilingual older adults. 2017.
4. World Health Organization. Neurological Disorders: Public Health Challenges. Switzerland: World Health Organization, 2006. P. 204–207.
5. Ferri C. P., Prince M., Brayne C. Global prevalence of dementia: a Delphi consensus study. 2016.
6. Хасенова К. Х., Абишева З. С., Рослякова Е. М., Байжанова Н. С. Роль образа жизни в развитии интеллекта и памяти // Вестник КазНМУ. — 2013. — №5.
7. Алмаз Д. Ю. Развитие памяти как средства изучения иностранных языков и осуществления перевода // Педагогические науки ЮГУ. — 2014. — С.30–33.
8. Баранова А. Р., Макашина А. А. Эффективные способы изучения английского языка // Международный научный журнал «Символ науки». — 2015. — №5. — С. 184–186.
9. Булгаков О. А. Память человека и возможность её улучшения [Электронный ресурс] // Вестник Тамбовского университета. — 2014. — Т. 19, № 1. — С. 90–93. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-cheloveka-i-vozmozhnost-ee-uluchsheniya> (дата обращения 10.03.2019).
10. Киященко Н. К., Московичюте Т. О. Мозг и память // Нарушение произвольного и непроизвольного запоминания при локальных поражениях мозга. 1975. 79 с.
11. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. М.: Изд-во МГУ, 1969.
12. Солсо Р. Когнитивная психология. М., 1996. С. 144–146.
13. Anderson J. R. Human Associative Memory. Washington: V.H. Winston and Sons, 1973. P. 23–25.
14. Jenkins J. J., Mink W. D., Russel W. A. Associative clustering as a function of verbal association strength. — 1958. — №4. — P. 127–136.
15. Bialystok E., Craik F., Freedman M. Neuropsychologia. Bilingualism as a protection against the onset of symptoms of dementia [Electronic Resource] // 2007. — Mode of access: URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/17125807/> (дата обращения 21.02.2019).

16. Freedman M., Alladi S., Chertkow H., Bialystok E., Craik F., Phillips N., Duggirala V. Delaying onset of dementia: are two languages enough? [Electronic Resource] // 2014. – Mode of access: URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24959001> (дата обращения 18.02.2019).

17. Lori J. P., Jill S., McClung M. S. Effects of Semantic Impairment on Language Use in Alzheimer's Disease [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: http://users.php.ufl.edu/rbauer/cognitive/articles/altmann_mcclung_semantic_AD.pdf (дата обращения 15.02.2019).

18. Mark A. and Sarah M. Wright. Uncovering the Mechanisms Responsible for Why Language Learning May Promote Healthy Cognitive Aging [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5736569/> (дата обращения 22.02.2018).

19. Woumans E., Santens P., Sieben A., Versijpt J., Stevens M., Duyck W. Bilingualism delays clinical manifestation of Alzheimer's disease [Electronic Resource] // 2015. – Mode of access: URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/bilingualism-language-and-cognition/article/bilingualism-delays-clinical-manifestation-of-alzheimers-disease/5AC0792978DDAA80CB63EC763C22C2FB> (дата обращения 20.02.2019).

20. Общая психология: учебное пособие // под общ. ред. Н. П. Ансимовой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013.

УДК 81'373.7

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА

А. В. Романова¹, С. Е. Чернобай²,

*¹ обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении специфики реализации прагматической функции фразеологических единиц в англоязычном научно-популярном дискурсе. В работе используются методы фразеологической идентификации, позволяющей определить, является ли словосочетание фразеологизмом, и контекстуального анализа для определения функциональных характеристик фразеологизмов, использующихся в контексте. В статье дается определение дискурса, рассматриваются классификации видов дискурса, приводятся основные характеристики научно-популярного дискурса, изучаются функции фразеологических единиц в контексте. На материале контекстов из научно-популярных изданий определяется реализация прагматической направленности фразеологизма, а также его коннотация. Исследование показывает, что прагматическая функция фразеологизма может реализоваться только в коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: фразеологизм, научно-популярный дискурс, функция, контекст, прагматическая функция, коннотация.

Summary. The aim of the study is to identify the specifics of phraseologism's pragmatic function in English science popular discourse. The methods of phraseological identification and contextual analysis are used. The method of phraseological identification allows defining if the word combination is a phraseological unit or not; the method of contextual analysis is used to determine the functional characteristics of the phraseologism used in a context. The term "discourse" is given in the paper, the classification of discourse kinds is presented; the main characteristics of the popular science discourse are described. The paper also studies the functions of phraseologisms in the contexts. The fulfillment of the phraseologism's pragmatic orientation and its connotation is identified on the examples of the popular science discourse contexts. The research shows that the pragmatic function of a phraseologism can be fulfilled only in a communicative situation.

Key words: phraseologism, science popular discourse, function, context, pragmatic function, connotation.

В современной лингвистике исследование дискурса является важным для изучения различных процессов коммуникации, целенаправленной речемыслительной деятельности адресанта и адресата для обмена информацией. Несмотря на многочисленные работы в области дискурсологии, среди ученых до сих пор нет единства в подходе к определению термина «дискурс». Проанализировав работы современных отечественных и зарубежных лингвистов, В.З. Демьянков определяет дискурс как «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения» [3, с. 76]. В.Г. Борботько под дискурсом понимает «текст, состоящий из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [2, с. 8]. В.И. Карасик справедливо отмечает, что дискурс – это «текст, погруженный в ситуацию реального общения» [5, с. 6]. От собственно текста дискурс отличается тем, что он подчеркивает динамический характер языкового общения, которое разворачивается во времени, а текст является преимущественно статическим объектом, результатом языковой деятельности.

Разнообразие понимания термина дискурс приводит к существованию многочисленных классификаций типов дискурса в зависимости от сферы функционирования, коммуникативной ситуации и прагматических целей. В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный, представляющий говорящего как личность, и институциональный, характеризующий говорящего как представителя определенного социального института. В свою очередь институциональный дискурс включает в себя политический, юридический, деловой, дипломатический, рекламный, деловой, научный и другие типы. Некоторые ученые выделяют научно-популярный дискурс как подтип научного дискурса, целью которого является «массовое распространение и популяризация определенной научной информации» [10, с. 36]. Главная задача этого типа дискурса – ознакомление читателя с доступной и понятной для неспециалистов формой научного знания.

Ученые выделяют следующие отличительные функции научно-популярного дискурса: информативная, исследовательская, познавательная, образова-

тельная, развлекательная, иллюстративная и выразительная. Для доступной передачи научной информации адресату авторы часто прибегают к использованию фразеологизмов, которые вводятся в текст полностью либо подвергаются трансформации. Подобно любой языковой единице, фразеологизмы в языке и речи выполняют определенные функции, предопределенные их сущностью. При этом одни функции являются константными (присущими всем ФЕ в любых условиях их употребления), а другие – вариативными (свойственными лишь некоторым типам ФЕ). К константным функциям относят коммуникативную, номинативную и познавательную [6, с. 212], к вариативным – волюнтаривную, дейктическую и результативную [6, с. 76].

Т.Н. Федуленкова отмечает, что «важнейшей функцией любой единицы языка, в том числе и фразеологической, является прагматическая функция, т.е. целенаправленное воздействие языкового знака на адресата» [8, с. 8]. По словам Н.И. Формановской, «прагматический потенциал языка и общения связан с отношением человека к языковым знакам, с выражением его установок, оценок, эмоций, интенций при производстве (и восприятии) речевых действий в высказываниях и дискурсах» [9, с. 56]. Изучение прагматики ФЕ в текстах актуально ввиду их семантических и коммуникативных особенностей, а коннотация семантики фразеологизма позволяет дополнительно воздействовать на читателя. Среди работ, посвященных исследованию прагматики ФЕ, стоит упомянуть труды В.И. Карасика [4], в котором анализируются коммуникативные возможности ФЕ в речевых сферах, и Н.В. Бизюкова [1], который на материале французского публицистического дискурса описывает прагматику ФЕ в сфере человеческих отношений. Поскольку любому тексту или высказыванию присуща прагматическая направленность, то ФЕ, употребляясь в контексте, усиливают ее.

А.В. Кунин предлагает подразделять прагматическую функцию на стилистическую, кумулятивную, директивную и резюмирующую [7, с. 243]. Стилистическая функция ФЕ состоит в целенаправленном использовании языковых средств для достижения определенного стилистического эффекта и способствует реализации коннотации ФЕ в контексте. Кумулятивная функция состоит в обобщении жизненного опыта с последующей реализацией его в речи в виде предостережения или совета; данная функция свойственна пословицам. Директивная функция тесно связана с предыдущей функцией и служит для направления, воздействия на адресата. Так, в пословице «*Better to be born lucky than born rich*» реализуется директивная функция при воздействии на адресата. Резюмирующая функция ФЕ заключается в том, что сама ФЕ представляет собой краткое резюме предыдущего высказывания.

При рассмотрении коммуникативно-прагматических установок исследуемых нами текстов, главными параметрами являются экспрессивность и подтекстовая информация. В исследуемых текстах каждая ФЕ выполняет собственное коммуникативное задание. Например: «They detailed how the midtown hotel maid told bald faced whoppers [lies] to investigators and the grand jury, even *shedding crocodile tears* making her a nightmare witness». В данном контексте ФЕ «*shed crocodile tears*» – «проливать крокодилы слезы», то есть неискренне выражать эмоции, притворяться, используется для описания ситуации, в которой находится основной участник событий, пытающийся неискренне разжалобить следователей и присяжных; при этом у адресата в

сознании возникает ассоциативный образ чего-то неправдоподобного и преувеличенного. В данном контексте можно проследить субъективно-оценочную модальность говорящего, его недоверие и подозрение к главному герою. Прагматическая установка ФЕ усиливается за счет окружающего ее контекста (*bald faced whoppers, a nightmare witness*).

ФЕ могут использоваться для косвенной характеристики третьего лица. В этом случае их целью является вызвать к нему одинаковое отношение у адресата и самого говорящего. Например, «*Despite endless lip service about keeping customers happy, far too many companies still make them angry, creating the unfortunate phenomenon of customer rage, says Harvard Business Review*». В данном контексте ФЕ *lip service* — «пустые обещания», выражает негативное отношение журналиста к компаниям, которые не выполняют обещаний, данных своим клиентам. В приведенном контексте прагматической задачей ФЕ является убеждение адресата в объективности мнения говорящего и навязывание его мнения. Прагматическая функция ФЕ реализуется в непосредственном речевом воздействии на адресата. Негативная оценка при характеристике третьего лица прослеживается и в следующем контексте: «*We had a situation where people who were armed to the teeth, attacked and killed others, even police officers...*». Значение ФЕ *be armed to teeth* соответствует русской ФЕ «быть до зубов вооруженным». Исходя из этого, можно сказать, что речь идет о вооруженном человеке, который чувствует полную власть над окружающими его людьми, в независимости от их социального и правового статуса. Негативное отношение к третьему лицу усиливается самой ситуацией. Так, выражая негативное отношение говорящего к третьему лицу, адресат имеет подобную ответную реакцию на преступные действия, а ФЕ реализует свой прагматический потенциал. В коммуникативной ситуации ФЕ могут иметь и положительную оценочную модальность. Например, «*If you're sending photos from your computer to a frame, you can also send photos at the same time to places like Facebook or Twitter to kill two birds with one stone*». В данном контексте ФЕ «*to kill two birds with one stone*» переводится как «убить двух зайцев одновременно» и обозначает успешное выполнение нескольких дел одновременно. Коммуникативная задача ФЕ состоит в том, чтобы вызвать у реципиента восторг и интерес к современным компьютерным технологиям и их развитию. Данная ФЕ в контексте выполняет экспрессивно-образную функцию.

Подводя итоги рассмотрения прагматического потенциала ФЕ в контексте англоязычного научно-популярного дискурса, приходим к выводу, что ФЕ в контексте выполняют различные функции. Однако, реализация прагматических функций ФЕ возможна лишь в рамках коммуникации, участниками которой являются адресант и адресат.

Список использованных источников

1. Бизюков Н. В. Семантико-прагматический потенциал фразеологических единиц современного французского языка (на материале публицистического дискурса). Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2014. 130 с.
2. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. 113 с.
3. Демьянков В. З. Морфологическая интерпретация текста и структура словаря // Вопросы кибернетики: Общение с ЭВМ на естественном языке. М.:

Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1982. С. 75–91.

4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

5. Карасик В. И. Прагматические функции фразеологизмов // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. Волгоград, 1999. С. 5–7.

6. Кунин А. В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970. 344 с.

7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.

8. Федуленкова Т. Н. Английская фразеология. Архангельск: Помор. гос. ун-т., 2000. С. 75–81.

9. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. 321с.

10. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М.: ЛКИ, 2007. 128

УДК 81'37

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗАПРЕТА

Е. М. Сахно¹, И. К. Вазиновская²,

¹ старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4,

*Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

² старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4,

*Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В современном английском языке существует богатая система лексических и грамматических средств, выражающих запрет или имеющих демотивационные характеристики. Компаративный анализ лингвистических средств, используемых на табачных изделиях в трех странах, показал прямо пропорциональную зависимость степени демотивации предупреждающих надписей на упаковках сигарет от социальных конвенций страны, в частности, от ее отношения к проблеме курения и здоровья нации.

Ключевые слова: запрет, императив, демотивация.

Summary. There is a rich system of lexical and grammatical means, expressing a ban or demotivation in modern English. Comparative analysis of linguistic means used on tobacco products in three countries showed a directly proportional relationship between the degree of demotivation of warning labels on cigarette packs and the country's attitude to the problem of smoking and the health of a nation.

Key words: ban, imperative, demotivation.

Проблема мотивации и демотивации поведения индивида занимала умы мыслителей всех времён. Сегодня, наряду с мотивационными слоганами и рекламными текстами, широкое использование получила и демотивирующая лексика, которая, в отличие от первой группы, имеет обратную задачу, а именно «стимулировать снижение эффективности, утрату интереса, прекращение деятельности» [1]. К такой лексике можно отнести предупреждения Минздрава, нацеленные на профилактику заболеваний, например, надписи на сигаретных упаковках.

В психологии мотивации используется термин «демотивация», который связывается с любым негативом – снижением эффективности, утратой интереса, прекращением деятельности. Демотивация – это фактор, который оказывает негативное влияние на способность и желание индивида что-то делать [3]. По мнению Е.В. Карповой, применительно к учебной деятельности, демотивация рассматривается как негативная, отрицательная мотивация. Однако ученый отмечает, что содержание этого понятия остаётся неопределённым [2, с. 18]. В рамках изучения языков термин демотивации встречается у следующих учёных: Т.Т. Транг, Т.У. Ким, М.Х. Аль-Каири, М. Мешкат, М. Хассани, Т. Афрот, А. Рахими, М. Зарафшан, П. Раин. В отечественной психологии специальных исследований, посвященных динамическому аспекту лексикологической теории демотивации, нам обнаружить не удалось. В связи с этим целью настоящей статьи является осмысление функциональной специфики демотивации посредством активации лексики, нацеленной на прекращение определенной деятельности (в нашем исследовании это курение). К анализу будут представлены лексические единицы сигаретных надписей.

Выступая в качестве самостоятельного лингвистического и экстралингвистического явления, демотивация обладает формой своего выражения: вербальной, т.е. лексическими единицами, которые, по причине отсутствия в них мотивационного значения и мотивационной формы, могут быть оценены как демотивационные, и невербальной, которая может быть представлена иллюстративно.

Курение является глобальной проблемой современности; его вред очевиден и доказан тысячами ученых. Однако курильщики, несмотря на все призывы к здоровому образу жизни, продолжают активно курить. Поэтому учёные австралийской исследовательской группы под названием «Совет действий по вопросам курения и здоровья» (ACSH) недавно выдвинули предложение о том, чтобы предупреждения о вреде табачных изделий были более наглядными. Они решили поместить фотографии с патологиями органов, вызванными пагубным воздействием на них никотина, содержащегося в табаке [4, с. 43].

Был разработан свод требований к оформлению и содержанию информации на сигаретных пачках. По мнению разработчиков, «устрашающая картинка» с предупреждением о воздействиях курения должна занимать как минимум 50% передней поверхности пачки и столько же на её тыльной стороне. Лингвистическое оформление может включать в себя дополнительные предупреждения о вреде для здоровья, информацию о том, как бросить курить и каковы риски дальнейшего курения сигарет для человека [4, с. 44].

Однако, по мнению разработчиков, такие выражения как «*Smoking is a health hazard*» или «*Smoking reduces your fitness*» оказались совершенно неэффективными и достаточно неубедительными для побуждения курильщиков бросить эту вредную привычку. Все это обусловило необходимость заменить такие немотивирующие предупреждения более «жесткими», а также дополнить их наглядными фотографиями пострадавших от курения органов. Считается, что варианты предостережения, которые используются в настоящее время, окажут более сильное вербальное и визуальное воздействие на людей.

Между тем, новая тактика сосредоточена на тексте, указывающем на перспективы любого курильщика, подкрепленным также изображениями тех патологических изменений, которые происходят с организмом человека,

не представляющего свой день без многократного отравления организма никотином и продуктами горения табачных изделий. Поэтому сегодня потребитель может наблюдать полноценные фотографии человеческих органов, по которым табак наносит свой удар. А поясняющая надпись не даёт спутать часть тела и болезнь, присутствующую на упаковке.

Такой способ предоставления информации влияет на поведение курильщиков гораздо лучше, чем сухие факты и цифры статистики, а также помогает разрушить мнимую привлекательность курения, тиражируемую табачной рекламой, и воздержаться от курения тем, кто ещё не начал [4, с. 44].

С лингвистической стороны рассматриваемого вопроса мы видим, что предостерегающие выражения и словосочетания на сигаретных пачках содержат лексические выражения с отрицательной коннотацией, представленных разными частями речи (глаголами, существительными, прилагательными, словами, обозначающими категории состояния) и разнообразными грамматическими формами, имеют отрицательные императивные и инфинитивные формы.

В нашей работе мы провели компаративный анализ лингвистических средств, используемых на упаковке табачных изделий в трёх странах: России, Великобритании и Кубы.

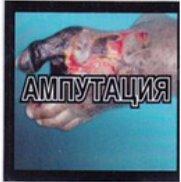

Профилактика заболеваний с помощью предупреждающих надписей появилась в России только в конце 70-х годов. В этот момент на сигаретных пачках впервые появилась фраза, ставшая устойчивой: «Минздрав предупреждает: курение опасно для вашего здоровья». Надпись часто печаталась не на лицевой, а на боковой стороне пачки, что делало её почти незаметной для курильщика.

В Великобритании уже с 2003 года предупреждающие надписи с демотивирующей лексикой стали покрывать более 30% лицевой поверхности пачки сигарет.

А вот родина всемирно известных сигар, Куба, издавна лидирует по показателям курения среди стран мира. По статистике, вредной привычке подвержено 43% мужского населения страны и 28% женского. Согласно законам Кубы, курение разрешено лицам, достигшим 16 лет.

Учитывая выше представленную информацию о предупреждающих выражениях с демотивирующей лексикой и статистическую информацию о культуре курения в разных странах, обучающимся 2-го курса медицинской академии (Дарья Левченко и Арзы Мустафаева) была составлена обобщающая таблица (см. ниже). В первой части таблицы выделены три группы слов, анализируемых по частям речи, с доминирующей функцией существительных, прилагательных и глаголов. Вторая часть таблицы демонстрирует перечень слов со смысловой приближенностью к летальному исходу. И третья часть содержит примеры визуального оформления.

По мнению обучающихся, лингвистический анализ предупредительной демотивирующей лексики показал, что в России вероятность употребления профессиональных терминов при указании на последствия курения значительно выше (более 56%), чем в Великобритании (36% от общего числа). В Великобритании в лексике, используемой на сигаретных пачках, присутствует императив, т.е. строгий запрет («don't start»), однако российские производители не используют повелительное наклонение на упаковках своей продукции. Кроме того, британские табачные компании используют формулировки, которые информируют курильщика о том, что он может обратиться за медицинской помощью со своей проблемой («your doctor or your pharmacist can help you stop smoking»), чего не наблюдается в России.

Страна	Содержание надписи	Лексический анализ (доминирование единиц с отрицательной коннотацией)			Общее значение предупреждения		Визуализация
		Существительные	Прилагательные	Глаголы	Отрицательное	Прямо указывающее на летальный исход	
Россия	1. Курение — причина раковых заболеваний.	-	раковых	-	раковых	-	
	2. Курение — причина смертельных заболеваний.	-	смертельных	-	-	смертельных	
	3. Оградите детей от табачного дыма.	-	-	оградите	табачный дым	-	
	4. Курение табака вызывает никотиновую зависимость.	зависимость	-	-	никотиновая зависимость	-	
	5. Курение — причина заболеваний сердца.	-	никотиновую	-	заболеваний сердца	-	
	6. Недоношенность.	недоношенность	-	-	недоношенность	-	
	7. Импотенция.	импотенция	-	-	импотенция	-	
	8. Ампутация.	ампутация	-	-	ампутация	-	
	9. Стрдание.	страдание	-	-	страдание	-	
	10. Пародонтоз.	пародонтоз	-	-	пародонтоз	-	
	11. Мертворождение.	мертворождение	-	-	-	мертворождение	
Великобритания	1. Smoking kills.	-	-	kills	-	kills	
	2. Smoking seriously harms you and others around you.	-	-	harms	harms	-	
	3. Smokers die younger.	-	-	die	-	die	
	4. Smoking clogs the arteries and causes heart strokes.	heart strokes	-	clog	heart strokes	-	
	5. Smoking causes fatal lung cancer.	lung cancer	fatal	-	-	causes fatal lung cancer	
	6. Smoking when you pregnant harms your baby.	-	-	harms	harms	-	
	7. Protect children: don't make them breathe your smoke.	smoke	-	-	breathe your smoke	-	
	8. Your doctor or your pharmacist can help you stop smoking.	smoking	-	-	smoking	-	
	9. Smoking is highly addictive, don't start.	-	addictive	-	addictive	-	
	10. Smoking can cause a slow and painful death.	death	painful	-	-	cause painful death	
	11. Smoking causes ageing of the skin.	ageing	-	-	ageing	-	
Куба		-	-	-	-	-	

В заключении следует сказать, что, проведя анализ, обучающиеся пришли к выводам, что наиболее демотивационными являются предостерегающие высказывания на пачках сигарет в России, на втором месте – Великобритания, а на кубинских сигаретах таковые вообще отсутствуют. Как следствие, обучающиеся связали это с зависимостью степени демотивации предупреждающих надписей на упаковках сигарет от отношения страны к проблеме курения и здоровья нации.

В свою очередь, мы полагаем, что такого рода исследования открывают дальнейшие перспективы для анализа демотивирующих лексических единиц, что позволит расширить общее представление о феномене демотивации, определить его значимость в развитии слова и системы языка в целом, а также в теории и практике экспериментальных исследований мотивационных отношений.

Список использованных источников

1. Глизнуцин Д. В. Феномен демотивации начинающих предпринимателей [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2017. – №1. – Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/792> (дата обращения 24.02.2019).

2. Карпова Е. В. Антимотивация в структуре учебной деятельности. Психология образования в XXI веке: теория и практика // Материалы Международной научно-практической конференции. Волгоград: Перемена, 2011. С. 17–20.

3. Медведев А. В. Демотивация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psiholog-am.ru/demotivatsiya> (дата обращения 24.02.2019).

4. Heydari G. R., Ramezankhani A., Talischi F. The impacts of cigarette packaging pictorial warning labels on smokers in the city of Tehran. — 2011. — № 10(1). — P. 40–47.

УДК 378.147:81*243

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА СТОРИТЕЛЛИНГА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А. В. Скляренко,

старший преподаватель кафедры иностранных языков №1,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности возникновения и применения метода сторителлинга при обучении иностранному языку. Целью работы является доказать эффективность и целесообразность данного метода при формировании иноязычной коммуникативной компетентности.

Ключевые слова: метод сторителлинга, обучение иностранному языку, квалифицированный преподаватель, истории, рассказы, обучающиеся, иноязычная коммуникация, мотивация обучения.

Summary. The article examines the peculiarities of origin and application of the storytelling method in foreign language teaching. The purpose of the research is to prove the efficiency and advisability of this approach in the foreign-language communicative competence training.

Key words: storytelling method, foreign language training, qualified teacher, stories, tales, students, foreign-language communication, motivation of studying.

Согласно исследованиям современных лингвистов, в настоящее время в мире насчитывается до 6000 различных языков [4]. В связи со стремительной глобализацией, почти каждому жителю планеты приходилось по той или иной причине научиться говорить на одном или нескольких иностранных языках. Большинство мнений считается, что изучить их намного сложнее, чем родной. Однако существует научно обоснованный факт того, что человек осваивает язык одним способом – естественным, довольно простым, максимально приближенным к тому, которым пользуются дети. Словарный запас ребёнка не превышает 3000 слов, а он свободно говорит на родном языке. Наблюдается, что иноязычное общение чаще всего проходит на базовом уровне знания языков, не используя сложные грамматические конструкции и научную лексику.

Квалифицированный преподаватель иностранного языка знает и применяет различные методы преподавания в зависимости от аудитории слушателей. Последнее время всё больше и больше из них используют метод «storytelling» (досл. рассказывание историй). Впервые данный термин употребил Дэвид Армстронг, руководитель крупной американской международной корпорации, в своей книге «Руководство по улучшению работы», в которой он рассказал о важных поступках своих подчинённых, что впоследствии стало гидом для работы персонала. Чуть позже Кевин Томпсон, преподаватель Бирмингемского университета, передавал занятые истории в качестве воодушевления сотрудников. Согласно исследованиям Михаэля Дэвиса, люди запоминают до 75% информации через истории и только до 10% данных, полученных в формате сухой статистики [5]. Именно поэтому, storytelling приобрело большую популярность в маркетинге. Блэйн Рэй, американский преподаватель испанского языка, использовавший на своих занятиях Total Physical Response (метод полного физического реагирования — язык жестов) Джеймса Эшера, заметил, что учащиеся со временем теряли интерес к его приёмам. Тогда он решил объединить этот принцип с понятной входной информацией (storytelling). Так и появился метод полного физического реагирования через сторителлинг (Total Physical Response Storytelling).

Обратившись к прошлому, мы заметим, что люди всегда рассказывали истории. Это самая древняя форма запоминания. Ещё задолго до появления письменной речи, человек передавал увиденное, пережитое и осмысленное устно, чтобы зафиксировать исторические факты, сохранить традиции и табу своего народа. Так истории, притчи, былины, басни и сказки передавались из поколения в поколение [2, с. 81]. Многие сказители понимали, что когнитивное обогащение не являлось единственной целью, так как их рассказы способствовали социальному и эмоциональному развитию. Это живое искусство, направленное на обмен опытом через слова и воображение [3, с. 77]. Данный факт ярко подтверждается древней американской поговоркой: *“Tell me a fact and I’ll learn. Tell me the truth and I’ll believe. But tell me a story and it will live in my heart forever.”* (досл. Скажи мне факт, и я его запомню. Скажи мне правду, и я поверю. А если ты расскажешь мне историю, она навсегда останется в моём сердце.)

Любой язык обладает интерактивными характеристиками, поэтому при обучении иностранному языку следует создать как можно больше возможно-

стей взаимодействия как интересного слушателю, так и значимого и обучающего. Метод сторителлинга как раз и соответствует данным требованиям. Увлекательные и мотивирующие истории развивают положительное отношение к самому языку и к его изучению, обогащают словарный запас и помогают легче понять грамматические структуры. Воображение обучающихся даёт им возможность почувствовать себя в иноязычной среде и самим стать активными участниками.

В современном мире молодые люди регулярно общаются в социальных сетях, делятся своим собственным опытом, обсуждают всевозможные факты и события, приобретают новые знания. Их собеседниками могут быть люди разных национальностей, поэтому интерактивность и является преобладающим преимуществом такого взаимодействия. По многим причинам формулируют они свои мысли и чувства посредством письменной речи, но такое общение, только в устной форме, можно перенести на занятия иностранным языком что, безусловно, обеспечит связь не только внутри одной группы людей в классе, а и межкультурную коммуникацию.

Самым распространённым способом сторителлинга является текст. Соответственно, он должен состоять из присущих ему частей: вступление, основная часть и заключение. Начало любой истории должно быть впечатляющим и интригующим, чтобы вызвать интерес слушателей. Необходимо детально описать место событий и попытаться визуализировать обстановку, дать характеристику персонажей. Основной сюжет должен содержать проблему, решение которой можно представить несколькими способами. Затем, вовлекая в дискуссию, найти самый приемлемый вариант разъяснения поставленной задачи. В итоге история обязательно должна приобрести завершение. Если оставить сюжет с открытым концом, это может не понравиться слушателю, вызвать негативные эмоции и очень скоро забыться [1, с. 112–115].

Любая история должна быть хорошо осмыслена слушателем, поэтому лучше всего приступать к обсуждению текста и проверке понимания на следующем занятии. Преподавателю следует продумать разнообразные задания, но так, чтобы они соответствовали поставленной задаче и способствовали выполнению целей. Это могут быть вопросы, охватывающие общее понимание текста, либо вопросы с вариантами ответов. Можно предложить закончить предложения из текста, но сами они должны быть яркими, легко запоминающимися. Если в истории прослеживалось использование какой-то грамматической структуры, попробовать вспомнить все случаи её употребления. Для закрепления можно предложить использовать данную конструкцию в собственных примерах. Отрабатывая новые слова и выражения, обучающиеся могут придумать свой рассказ, вставляя данную лексику. Прослушанную историю можно просто пересказать или устроить дискуссию с обсуждением подобных случаев из реальной жизни, разбить на мини пьески и сыграть по ролям. Не стоит отказываться и от письменных упражнений. Слушателям предлагается изложить краткое содержание, составить план, для более творческих – сочинить поэму или написать сценарий пьесы по сюжету истории.

В заключение хотелось бы отметить, что истории не только ярко иллюстрируют события, но и обучают, просвещают и вдохновляют. Для такого

вида занятий не требуется дополнительного оборудования, специальных лабораторий, словарей и учебников. Они разнообразят стандартную программу и стимулируют мышление. Однажды американский певец и композитор Pete Seeger сказал: *“The key to the future of the world is finding the optimistic stories and letting them be known.”* (досл. Ключом к будущему всего мира является нахождение оптимистических историй, которые должен узнать каждый.) Рассказывание историй – это искусство и его волшебство уникально.

Список использованных источников

1. Ланщикова Г. А. Применение метода сторителлинга в обучении студентов-дизайнеров предпроектному анализу [Электронный ресурс] // Вестник Омского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – №4(17). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metoda-storitellinga-v-obuchenii-studentov-dizaynerov-predproektnomu-analizu> (дата обращения 01.02.2019).
2. Anderson A. Nancy Elementary Children’s Literature. Boston: Pearson/Allyn and Bacon Publishers, 2009. 385p.
3. Mauro Dujmovic. Storytelling as a method of EFL Teaching [Electronic Resource] // Croatia. 2015. – Mode of access: URL: [file:///C:/Users/Home/Downloads/Microsoft_Word_7_DUJMOVIC%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Home/Downloads/Microsoft_Word_7_DUJMOVIC%20(1).pdf) (дата обращения 15.02.2019).
4. uznay-skolko.ru
5. wikigrowth.ru

УДК 616.1:81

ОЦЕНКА ВАРИАбельНОСТИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЦЕССЕ ПРОСЛУШИВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТОВ

Л. В. Ягенич¹, Т. О. Кот², О. В. Котолупова²,

*¹ кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой иностранных языков № 4,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² аспиранты кафедры терапии, гастроэнтерологии, кардиологии
и общей врачебной практики (семейной медицины),
Факультет подготовки медицинских кадров высшей квалификации
и дополнительного профессионального образования (ДПО),
Медицинская академия имени С.И. Георгиевского,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Изучение иностранных языков оказывает воздействие на работу сердечно-сосудистой системы и психоэмоциональные перестройки в организме. В данной статье показано влияние прослушивания иностранного текста, как фактора стресса, на вариабельность показателей сердечно-сосудистой системы. Представлены результаты исследований, проведенных среди 16 русскоязычных и 16 англоязыч-

ных здоровых обучающихся 1–2 курсов Медицинской академии им. С.И. Георгиевского, с регистрацией показателей артериального давления, частоты сердечных сокращений и сатурации. Анализ полученных данных выявил повышенную изменчивость кардиоваскулярных показателей у англоязычных студентов по сравнению с русскоязычными при прослушивании иноязычного текста.

Ключевые слова: вариабельность, адаптация, стресс, сердечно-сосудистая система, прослушивание, текст.

Summary. This article is devoted to the problem of foreign languages impact on the cardiovascular system work and psycho-emotional adjustment in the body. There is examined the effect of listening to English text as a stress factor on the variability of the cardiovascular system. 16 Russian-speaking and 16 English-speaking healthy students 1–2 courses of the Medical Academy named after S.I. Georgievsky were involved into the experiment. During the experiment the blood pressure, heart rate and saturation were registered. The analysis of the obtained data revealed an increased variability of cardiovascular parameters in English-speaking students in comparison with Russian-speaking students while they were listening to a foreign-language text.

Key words: variability, adaptation, stress, cardiovascular system, listening, text.

Введение. С развитием мировой науки возникает необходимость международного сотрудничества, которое реализуется посредством коммуникативных актов, поэтому возрастает значимость мультилингвизма [1, с. 203–205]. Согласно отчету Всемирной организации здравоохранения, сердечно-сосудистая патология занимает ведущую роль в структуре заболеваемости и смертности во всем мире, что диктует необходимость изучения кардиоваскулярных факторов риска и разработки новых путей профилактики [7, с. 5].

Существует ряд работ, касающихся адаптации показателей сердечно-сосудистой системы к различным воздействиям. Доступны результаты исследования Sheila Ap. F. Da Silva и соавт., изучавших влияние акустической стимуляции в виде музыки различных стилей на вегетативную сердечную регуляцию у мужчин [6, с. 105–110]. Данные вопросы нашли отражение в работах группы учёных под руководством Rosa m. Bermúdez de Alvear, в которых выявлена корреляция между воздействием речевых стимулов различной звуковой частоты и вариабельностью показателей сердечно-сосудистой системы [5, с. 54–55].

Результаты анализа Д.В. Жабина показали, что повышенный уровень стресса у обучающихся на занятиях по иностранному языку «оказывает значительное влияние на организм студентов, вызывая как повышение уровня субъективной тревоги, так и объективные изменения в нервной и сердечно-сосудистой системах» [1, с. 203–204]. А Ф.Г. Сидтиков и соавт. акцентируют внимание на адаптации студентов к овладению языковыми навыками, что «вызывает изменения в работе сердечно-сосудистой системы и психоэмоциональные перестройки в организме» [3, с. 61–62].

О важности сердечно-сосудистой системы в обеспечении приспособления к различным условиям и нагрузкам сообщает также М.Ю. Питкевич [2, с. 95–96]. В литературе имеются данные о дифференцированной реакции на стресс: у одних людей реакция активная, что вызывает мобилизацию про-

цессов в организме, у других – изначально пассивная, что связано с особенностями функционирования вегетативной нервной системы [1, с. 204–205].

Вслед за Rosa m. Bermúdez de Alvear полагаем, что «взаимосвязь между голосовыми воздействиями и кардиоваскулярными параметрами требует дальнейшего изучения, поскольку она может предоставить более глубокое понимание сердечно-сосудистого здоровья» [5, с. 58].

В ходе проведенного литературного анализа обнаружено, что ранее не исследовалось влияние прослушивания иноязычного текста на вариабельность кардиоваскулярных показателей, следовательно, очевидна актуальность данной проблемы.

Таким образом, **целью данного исследования** являлось изучение влияния прослушивания иностранного текста, как фактора стресса, на вариабельность показателей сердечно-сосудистой системы.

Материалы и методы. Проведен анализ вариабельности показателей сердечно-сосудистой системы при прослушивании русскоязычного и англоязычного текста обучающихся 1–2 курса медицинского университета. Критериями исключения являлись наличие анамнеза сердечно-сосудистой патологии или жалоб, характерных для данных заболеваний на момент включения в исследование. Каждому участнику на этапе включения в исследование было предложено заполнить добровольное информированное согласие.

Первая группа испытуемых была представлена 16 русскоязычными обучающимися, владеющими английским языком на уровне 3 — Pre-Intermediate, для этого на этапе включения в исследование всем было предложено пройти КЕТ тест (Key English Test), сдавшими его считались участники, ответившие правильно не менее чем на 70% заданий.

Вторая группа состояла из 16 англоязычных обучающихся, прибывших на обучение из Федеративной Республики Нигерии, где государственным языком является английский. Критерием включения являлось наличие сертификата об успешном прохождении ТРКИ-1- теста по русскому языку как иностранному, первого сертификационного уровня (B1). Исследование состояло из моделирования пяти ситуаций для указанных групп. В каждой из них проводилась регистрация показателей АД, ЧСС и сатурации. Вначале у каждого участника в состоянии покоя после 10 минут отдыха в положении сидя трижды определялся уровень АД с использованием автоматизированного устройства OMRON M2 Classic, за правильную величину считалась среднее от второго и третьего измерений. Также проводилась регистрация ЧСС и сатурации с использованием портативного напалечного пульсоксиметра YX302 Armed. Далее испытуемым первой группы предлагалось в течение двух минут прослушать фрагмент текста на русском языке, представляющий собой отрывок из «Портрета Дориана Грея» Оскара Уайльда, после чего однократно проводилась регистрация вышеуказанных показателей, что повторялось далее после каждой смоделированной ситуации. Второй группе включалась двухминутная запись соответствующей книги, адаптированной к Pre-Intermediate уровню владения английским языком. Далее участникам предлагался трехминутный период отдыха, после чего носители русского языка прослушивали фрагмент англоязычного текста с последующим периодом восстановления, а англоязычного – русскоязычного с трехминутным отдыхом.

Полученные результаты обработаны с использованием стандартных статистических методов с помощью программы Statistica 8.0.360.0 for Windows фирмы StatSoft. Различия считались статистически достоверными при определении вероятности 95% ($p < 0,05$).

Результаты и обсуждение.

При анализе средних показателей уровня САД, ДАД, ЧСС и сатурации SpO₂ в состоянии покоя получены следующие величины: в первой группе САД составило 118,9 мм.рт.ст., ДАД 78,3 мм.рт.ст., ЧСС 74,5 ударов в минуту, SpO₂ – 98,5%, во второй – 119,1 мм.рт.ст., ДАД 77,6 мм.рт.ст., ЧСС 77,6 ударов в минуту, SpO₂ – 99,0%. Групповой анализ хотя и показал наличие колебаний показателей, однако не выявил достоверной разницы между исходом и моделированием ситуаций. Сатурация у всех участников находилась в пределах 98-99% на протяжении дальнейших этапов исследования.

В проведенном исследовании за допустимую вариабельность цифр АД принята величина до 5 мм.рт.ст. для ЧСС – до 10 единиц. Обнаружено, что в группе русскоязычных студентов среднее САД составило $119,2 \pm 2,0$ мм.рт.ст. при этом у 3 человек (18,8%) наблюдалась повышенная вариабельность. Что касается ДАД, то среднее значение равнялось $78,2 \pm 1,3$ мм.рт.ст. и не отмечалось колебаний вариабельности, выходящей за пределы 5 мм.рт.ст. Средняя ЧСС была $75,9 \pm 3,2$ удара в минуту, колебания находились в пределах 10 единиц для всех испытуемых.

Наблюдались отличия в группе англоязычных студентов, где изменчивость всех измеряемых показателей была выше. Так, для САД среднее значение составило $119,4 \pm 2,5$ мм.рт.ст., ДАД – $78,5 \pm 1,5$ мм.рт.ст., ЧСС – $81,3 \pm 3,5$ ударов в минуту. Важно, что 5 участников (31,25%) имели повышенную вариабельность САД, 1 человек (6,25%) – ДАД и 4 студента (25,0%) продемонстрировали повышенное колебание показателей ЧСС более 10 ударов в минуту.

Из-за небольшого объема выборки полученные результаты не показали достоверной разницы, что не позволяет экстраполировать их на генеральную совокупность.

Согласно литературным данным, ряд предрасположенных лиц, демонстрирующих гиперреактивность и ослабленное восстановление после прослушивания иностранной речи, имеют нарушение вегетативной нервной регуляции как потенциальный биомаркер, связывающий воздействие стрессора и развитие сердечно-сосудистых заболеваний [4, с. 399-400]. Важно отметить, что не только содержание услышанного, но и само воздействия иностранного контента приводит к возникновению эмоциональных реакций, что путем активации симпатической вегетативной нервной регуляции влияет на сердечно-сосудистые показатели [6, с. 109–110].

Таким образом, приходим к выводу, что постоянное контактирование иностранных студентов с русским языком может рассматриваться как эквивалент хронического стрессового воздействия, способствующего дезадаптации вегетативной нервной системы. Анализ полученных данных выявил повышенную изменчивость кардиоваскулярных показателей у англоязычных студентов по сравнению с русскоязычными при прослушивании иностранного текста. Указанная гипервариабельность сердечно-сосудистых показателей при изучении иностранного языка требует дальнейшего исследования

как возможный предиктор развития сердечно-сосудистой патологии у компрометированных лиц.

Список использованных источников

1. Жабин Д. В. Влияние факторов стресса на речевую деятельность студентов в условиях обучения иностранному языку [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. – 2012. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/vliyanie-faktorov-stressa-na-rechevuyu-deyatelnost-studentov-v-usloviyah-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения 23.02.2019).

2. Питкевич М. Ю. Уровень стрессоустойчивости и функционального состояния сердечно-сосудистой системы первокурсников в период экзаменационной сессии [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/uroven-stressoustoychivosti-i-funktsionalnogo-sostoyaniya-serdechno-sosudistoy-sistemy-pervokursnikov-v-period-ekzamenatsionnoy> (дата обращения 26.02.2019).

3. Сидтиков Ф. Г., Шайхелисламова М. В, Валеев И. Р. Влияние учебной нагрузки и условий производства на функциональное состояние симпатoadрeнaлoвoй системы и показатели регуляции сердечного ритма у девушек 17–18-летнего возраста [Электронный ресурс] // Физиология человека. – 2001. – №5. – Режим доступа: <http://www.fesmu.ru/elib/Article.aspx?id=64575> (дата обращения 22.02.2019).

4. Koutnik A. P., Sanchez-Gonzalez M. A., May R. W., Hughes R. M., Fincham F. D. Impact of psychological distress on cardiovascular reactivation after a speech task [Electronic Resource] // Journal of Human Hypertension. – 2014. – Mode of access: URL: <https://www.nature.com/articles/jhh2013127.pdf?origin=ppub> (дата обращения 20.02.2019).

5. Rosa m. Bermúdez de Alvear, Francisco j. Barón-López, María d. Alguacil, Mark S. Dawid-Milner. Interactions between voice fundamental frequency and cardiovascular parameters. Preliminary results and physiological mechanisms [Electronic Resource] // Logopedics Phoniatrics Vocology. – 2013. – Mode of access: URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/22741554> (дата обращения 10.02.2019).

6. Sheila Ap. F. da Silva, Heraldo L. Guida, Ana Marcia dos Santos Antonio. Acute Auditory Stimulation with Different Styles of Music Influences Cardiac Autonomic Regulation in Men [Electronic Resource] // International Cardiovascular Research Journal. – 2014. – Mode of access: URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4109034/> (дата обращения 02.02.2019).

7. WHO Library Cataloguing-in-Publication Data. Global health risks: mortality and burden of disease attributable to selected major risks. [Electronic Resource] // World Health Organization. – 2009. – Mode of access: URL: https://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/GlobalHealthRisks_report_full.pdf (дата обращения 05.02.2019).

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 811.12

ЭЛЕМЕНТЫ ПЕРФОРМАНСНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. И. Борисенко¹, Г. И. Сыроватская²,

*^{1,2} кандидат филологических наук, доцент кафедры
международной коммуникации, факультет мировой политики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В статье анализируются взаимоотношения и взаимосвязь между лингвостилистическими компонентами и особенностями невербального поведения, что в совокупности определяет характер и эффективность общения между коммуникатором и реципиентами в рамках политического дискурса с многочисленной аудиторией. Одной из задач проводимого исследования является описание преимуществ использования телевизионного канала в условиях уплотнённой информационной среды и массивированного увеличения информационных потоков.

Ключевые слова: политический дискурс, перформансная коммуникация, риторика, речевое поведение, речепроизводство, массовая коммуникация.

Summary. The article analyzes the relationship and interconnection between linguistic-stylistic components and features of non-verbal behavior, which together determine the nature and effectiveness of communication within political discourse. One of the objectives of the study is to describe the advantages of using TV in a dense information environment.

Key words: political discourse, performance communication, rhetoric, speech behavior, speech production, mass communication.

Целью данного исследования является анализ вербальных и невербальных компонентов в условиях эмоционально окрашенной коммуникации в формате телевизионного обращения президента Российской Федерации В. В. Путина 2018 года к членам Совета Федерации и депутатам государственной Думы. В настоящее время с большой вероятностью можно утверждать, что «доинтернетный» медийный ресурс — телевидение — всё ещё остаётся предпочтительной моделью массовой политической коммуникации. Не случайно Российский президент отдаёт предпочтение телевизионному формату общения с гражданами России, чтобы одномоментно и эффективно воздействовать не только на общественное мнение, но и повлиять на общественное сознание индивида, который, включив телевизор, испытывает интерес и чувство причастности к политическому процессу и осознаёт себя непосредственным участником политического события.

Любой политик стремится использовать любую возможность завоевать репутацию медийного лица для того, чтобы увеличить шансы в своей политической карьере. Однако, интенции первого лица государства несколько иные: выступления президента обычно связаны с политическими событиями чрезвычайной государственной важности, когда возникает необходимость внушить аудитории позитивное отношение, например, к пенсионной реформе,

используя кредит доверия общества к государству в лице президента.

Исследования учёных в области социологии коммуникации показали, что успешность политической коммуникации зависит от соблюдения определённого условия. Телевидение обладает необходимыми характеристиками, поскольку обособленные друг от друга коммуникант и реципиенты могут воспринимать друг друга в качестве тех кому можно доверять и на кого можно положиться. Телевещание «повышает доступность политической риторики, несмотря на социально-психологическое расслоение каждой аудитории» [1, с. 56].

В соответствии с теорией коммуникации необходимо учитывать особенности как индивидуального речевого поведения коммуниканта так и реакцию реципиентов, когда зрительный образ сливается со звучащим словом, образуя единое целое и, как результат, придают последнему, новое качество и звучание, чтобы стать эффективным средством воздействия. Возможности телеэкрана наряду с такими речевыми коммуникативными качествами как высокая степень владения языком общения, умение быстро воспринимать речь и извлекать нужные смыслы из слова определили выбор материала для нашего исследования, когда язык остаётся основным и наиболее естественным средством человеческого общения в значительной степени способствуя процессу «информационно-эмоционального обмена» [7, с. 4–9].

Озвученный в реальном времени непосредственно главой государства образец устной речевой коммуникации, анализируемый образец в жанре обращения к нации, безусловно предварительно зафиксированный в письменной форме, позволил провести лингвостилистический сравнительный анализ письменной формы и устной — озвученного президентом варианта речи в форме монолога, чтобы выявить совокупность индивидуальных речевых характеристик, которые проявляются через интенции и цели посредством речевых актов, а также объяснить, почему российский президент в отличие от американского отдаёт предпочтение традиционному СМИ – телевидению, а не Интернету и использует любую возможность появиться на телеэкране в разных качествах и оказаться в поле зрения рядовых россиян. Публичность, визуальность и доступность способствуют созданию чувства сопричастности к важным политическим процессам среди телезрителей, у которых возникает реальное ощущение прямого контакта с главой государства.

Телевещание, будучи эффективным средством публичной демонстрации имиджа политика, который одновременно может осуществлять межличностную и массовую коммуникацию, и который имеет интенцию смоделировать общественное поведение, чтобы вызвать необходимые на данный момент определённые мироощущения, чему способствуют некоторые элементы перформанса. А именно, внешний вид, поведение, выражение лица и, что особенно примечательно, его риторические особенности устной речевой коммуникации, о которых речь пойдёт ниже и которые выгодно отличают Путина от современных и предыдущих лидеров советской и постсоветской эпохи и, вызывая огромный зрительский интерес во многом благодаря органичному соединению вербальных и невербальных компонентов в одномоментном, квазиспонтанном речепроизводстве, наглядно демонстрируя уверенность в себе, своих словах и поступках, используя телевидение как

инструмент коммуникации, который может одновременно сочетать функции сообщения и воздействия на общественное мнение.

В каждом выступлении любого политика не может не проявиться совокупность личностных признаков, которые явно и/или косвенно влияют на общее содержание и выбор средства языкового выражения в устной речи. Так как политическая речь объединяет в себе сценическую и обиходно-бытовую и относится к ораторскому искусству, она представляет большой интерес для нашего исследования, поскольку может быть предварительно написана спичрайтерами, представлена в письменной форме, а может быть произнесена вслух по памяти, либо, просто прочитана, либо свободно пересказана, но при этом иметь или не иметь письменного прототипа [6, с. 29]. Для того, чтобы проанализировать особенности фактуры устной речи этого вида, необходимо учитывать характер взаимоотношения оратора и аудитории, логику построения речи, форму обращения, темп, длительность и способы аргументации, которые реализуются непосредственно в процессе устноречевой коммуникации, то есть, «такого вида языкового общения, который материально существует только в момент общения и только в пределах досягаемости на слух при громкости, доступной человеческому голосу» [6, с. 31].

В данной работе была сделана попытка определить и установить соотношение лингвистических и экстралингвистических факторов с точки зрения степени влияния каждого из них в процессе осуществления речевого акта в медиаполитическом субдискурсе, когда поведенческая активность коммуниканта и его ораторское искусство, явно проявляют такие личностные лидерские качества как напористость и целеустремлённость в достижении цели в ситуации официального общения в рамках медиаполитического устноречевого дискурса, осуществляемого посредством телевизионного вещания [3, с. 10]. Здесь необходимо подчеркнуть тот факт, что российский президент предпочитает использовать телевизионные федеральные каналы, поскольку именно такой вид коммуникации в настоящее время оказывается наиболее эффективным и массовым медийным средством распространения достоверной информации от первого лица, который не виртуален и который вызывает доверие как у простого обывателя, так и у человека с активной жизненной позицией. В настоящее время индивидуальное речевое поведение президента России с точки зрения присущих только ему риторических особенностей привлекает внимание не только политических противников, но и западных средств массовой коммуникации, к сожалению с единственной целью – исказить имидж российского лидера и страну, которую он персонифицирует.

В отличие от В. В. Путина его коллега Дональд Трамп, отдавая предпочтение более продвинутому медийному ресурсу — Твиттеру, недооценивает потенциальные возможности воздействия телевещания на нацию для формирования позитивного имиджа как политического деятеля и лидера нации, ограничиваясь в большинстве случаев только виртуальной политической коммуникацией в ущерб реальному общению, когда «необходимо добиться и удержать внимание и расположение, убедить удержать нужную позицию, заручиться поддержкой общественности» [4, с. 200]. Однако, виртуальная форма обмена информацией между властью и обществом не предполагает отражения эмоциональной окрашенности невербального и вербального по-

ведения. Короткое сообщение доступное для беглого прочтения, перевода быстро распространяется в виртуальной реальности, охватывая широкую аудиторию. Сравнительный анализ основных характеристик Твиттера и его предшественника телевидения позволил прийти к следующему выводу: отношения между участниками в первом случае определяются субъективными ценностями, то есть, установками, правилами, которые соблюдаются в использовании языка как средства общения в Твиттер сообществе [2, с. 391–393]. Более того, терминология и ограниченный словарный запас лишают участников виртуального общения возможности в полной мере вербализовать внутренние ощущения, чувства и эмоции.

Политический кризис (шатдаун) в результате разногласий между Конгрессом и Президентом вынудил последнего выступить несколько раз с телеобращением к нации. Приведённый пример доказывает, что выбор средства массовой коммуникации имеет решающее значение, особенно в кризисных ситуациях.

Однако, если воздействие путём информирования и убеждения осуществляется главным образом на основе доводов разума и логической мотивации, то внушение почти целиком обуславливается риторическим мастерством говорящего [5, с. 31]. Наше исследование было бы неполным без проведения лингвостилистического анализа для выявления риторических категорий, которые были реализованы в устной монологической политической речи во время её трансляции.

Церемониальные презентации (в нашем случае обращения) обычно носят информативный характер, целью которых является достижение понимания с использованием разного рода языковых средств, например, за счёт привлечения фактов, статистических данных, противоположных мнений и цитат известных лиц, проясняющих и дополняющих смысл высказывания. Степень понимания и восприятия информации зависит от личностных и поведенческих характеристик оратора. Для того, чтобы интерес у аудитории не пропал необходима уверенная манера выступления, что проявляется в звучании голоса, позе, жестикуляции и, до некоторой степени, актёрства.

Анализ письменного прототипа обращения 2018 года показал высокую степень эмотивности, на основе которой формируются два типа мышления; абстрактно-логическое (основанное на логических операциях с понятиями) и образноаналитическое, которое устанавливает причинно-следственные связи при обработке большого блока информации, при этом, разделяя её на части и исследуя каждую. Оба типа мышления являются результатом восприятия интерпретируемой интеллектуальной информации. Исследование письменного прототипа обращения выявило чёткую логико-композиционную структуру, когда конкретно сформулированная задача непременно сопровождается устноречевой интерпретацией, для того, чтобы сформировать правильное представление о внутренних политических процессах. Убеждение является одним из достижений теории коммуникации и психологии коммуникации в области пропаганды. Научное знание, гуманитарное мышление, умение убеждать имеют решающее значение в политической пропаганде.

Обращение к универсальным концептам благополучия граждан страны, понятные любому человеку, является отправной точкой для развития мыс-

ли и средством убеждения, которое усиливается из-за одновременного воздействия на органы слуха и зрения. Сознательное использование эмотивных языковых и риторических средств в речевом акте в качестве основы для своей интерпретации отражает категориальные и ценностные характеристики функционально значимые для любого общества и человека.

Список использованных источников

1. Бороздина Г. В. Психология делового общения. Издательство: Инфра-М, 2000. 224 с.
2. Дмитриева О. А., Катермина В. В., Соловьева Н. С. Концептуализация как источник возникновения неологизмов (на материале твиттера) // Пространства коммуникации: язык, литература, медиа: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Иркут. гос. ун-та. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 387–393.
3. Минаева Л. В. Речь в мире политики: Монография. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 224с.
4. Перцева В. Г. Дональд Трамп: лексикографическое описание словоупотребления политика // Теория и практика иностранного языка в высшей школе: сб. науч.ст., вып. 14. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 200–208.
5. Речевая коммуникация в современном обществе / Под ред. Л. В. Минаевой. М., 2002. 152 с.
6. Рождественский Ю. В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.
7. Турбина О. А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестник ЮУрГУ Серия «Лингвистика». — 2013. — Т.10, №2. — С. 4–9.

УДК 378.4:37.091.26:811

ОСОБЕННОСТИ НЕСТАНДАРТИЗИРОВАННЫХ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О. А. Асютина¹, И. А. Гулакова²,

^{1,2} старший преподаватель кафедры иностранных языков №3,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению разновидностей тестовых заданий в обучении иностранным языкам для контроля пройденной грамматики и лексики, а также логики мышления. Авторы предпринимают попытку провести сопоставительный анализ некоторых типовых заданий комплексного тестирования, которые при проведении контроля усвоения материала в условиях учебного процесса дают хорошие результаты. В работе анализируются составленные авторами исследования нестандартизированные тестовые задания, апробированные на занятиях по иностранному языку со студентами неязыковых специальностей.

Ключевые слова: тестовые задания, оценивание знаний, комплексное тестирование, мышление.

Summary. The article is devoted to the study of test tasks varieties in

teaching foreign languages to control grammar and vocabulary, as well as the logic of thinking. The authors attempt to carry out a comparative analysis of some typical tasks of complex testing that gives good results when monitoring the learning of the material in the educational process. The study analyzes non-standardized test tasks compiled by the authors and tested during the foreign language classes with the students of non-linguistic specialties.

Key words: tests, assessment of knowledge, complex testing, intellection.

Учитывая максимально сжатый курс иностранного языка в неязыковом вузе и различный уровень знаний студентов, в обучении английскому и немецкому языкам успешно применяются тесты учебных достижений, так как они составляются точно по программе или пройденному языковому материалу и используются для проведения текущего, промежуточного и итогового контроля. Тестирование в обучении иностранному языку проводится для выявления уровня достижения в определённом виде деятельности; способностей к определённом виду деятельности; трудностей в овладении тем или иным видом деятельности и возможных способов их преодоления [6].

Основное внимание зарубежных специалистов сосредоточено, как правило, на разработке вопросов тестирования. Эта проблема получила наибольшее развитие в исследованиях лингвистов из Великобритании и США (L. F. Bachman, W. L. Taylor, A. Hughes, R. Lado и др.). В зарубежных вузах, особенно в университетах США, в системе образования широко применяются тесты интеллекта для контроля умственного развития студентов в процессе обучения. Начиная с 70-х годов 20 в., в отечественной практике преподавания иностранных языков роль тестирования непрерывно растёт. Свидетельством этому служит рост количества публикаций, защита диссертаций, проводимых семинаров по тестированию и т. п. Проблема не теряет своей актуальности благодаря большой заинтересованности преподавателей вузов и учителей средней школы в проведении качественной оценки знаний и активному применению тестов в повседневной учебной работе. Труды многих отечественных учёных, таких как Л. В. Банкевич, В. А. Коккота, Ф. М. Рабинович, И. А. Рапорт, С. К. Фоломкина, И. А. Цатурова и др., предоставляют в распоряжение исследователей метода тестирования целый ряд материалов, позволяющих получать конкретные сведения о его практическом применении в вузах и школах России.

В последнее время большое распространение получили коммуникативные тесты. Известно, что решение коммуникативных задач происходит не только при говорении, но и при чтении, аудировании и письме. Поэтому в основу определения коммуникативного теста положено умение решать коммуникативные задачи вне зависимости от видов речевой деятельности [2]. Языковое тестирование – это метод такой проверки знаний, умений и навыков, где испытуемый выполняет ряд специальных заданий. Они называются тестовыми заданиями. Как отмечают Жаринова Е.Г. и Черняева Е.В. тестовые задания должны отвечать нескольким критериям. Во-первых, тестовое задание должно быть кратким и технологичным. Во-вторых, тестовое задание должно быть сформулировано логично и однозначно. В-третьих, правила оценки ответа и инструкции к выполнению должны быть одинаковыми для всех испытуемых [1].

В своих исследованиях В.А. Коккот представляет основные требования к заданиям языковых тестов, обращая внимание на соответствие формы и характера заданий теста; их доступность по форме и содержанию, соответствие лингвистического уровня заданий теста уровню усвоения языкового материала и т.д. [4].

Стандартизованным тестом называется такой тест, который опробован на достаточно большом (500-1000 человек) и представительном контингенте тестируемых. Он имеет стабильные и приемлемые показатели качества, а также спецификацию – паспорт с нормами, условиями и инструкциями для его многократного использования в разных условиях. Нестандартизованными называются преподавательские (учительские) тесты, которые составлены самими преподавателями (учителями) для своих учащихся [3].

Современная методическая литература предлагает следующие виды заданий для тестового контроля:

- выбрать правильный ответ из предложенных вариантов (multiple choice – множественный выбор);
- подобрать пары из двух групп по тем или иным признакам (matching – перекрёстный выбор);
- выбрать альтернативу (true/ false – верно/неверно);
- завершить предложение по смыслу (completion – завершение);
- составить предложение из данных слов или текст из отдельных частей (rearrangement – упорядочение);
- найти эквивалентную форму для передачи содержания (cross-language paraphrasing – межъязыковое перефразирование);
- передать содержание текста своими словами (intra-language paraphrasing – внутриязыковое перефразирование);
- изменить предложение по данному образцу (transformation – трансформация);
- изменить структуру предложения или формы слов (substitution – подстановка).

Приведенные выше виды тестов используются для оценивания уровня усвоения учебного материала и, по мнению ученых, дают более объективные показатели обучения, чем оценка. При помощи тестов достижений, как их иногда называют, проверяют владение иностранным языком на лексическом, грамматическом, фонетическом уровне, а также на уровне коммуникативной деятельности (чтение, письмо, аудирование и говорение). Для комплексной проверки знаний по иностранному языку для неязыковых направлений подготовки были разработаны тесты с наиболее распространенными типами заданий: множественный выбор, перекрестный выбор, альтернативный выбор и завершение. Первые три вида заданий являются избирательными по структуре, четвертое задание предполагает свободно конструируемый ответ. Преимущество последнего состоит в том, что обучающиеся не выбирают одну из предоставленных им форм, а сами составляют ответ. Такие же виды упражнений, как правило, используются и в промежуточных тестах.

В ходе эксперимента испытуемые во время письменной проверки домашнего задания получали непривычные для них тестовые задания с элементами анализа или обобщения, таким образом, обучающиеся были выведены из привычной им «зоны комфорта». Так, популярные (стандартные) виды тестовых заданий, такие как перекрестный, альтернативный, множественный выбор, завершение фраз или упорядочивание пунктов текста были заменены

на тесты с использованием диаграмм, графиков, логических задач, а также речевых средств для выражения лексических единиц, градации и аргументированной позиции «за» и «против». Для обучающихся по экономическим направлениям подготовки были предложены задания с использованием диаграмм и графиков. Примеры упражнений на немецком языке:

1. Покажите на диаграмме выраженные в процентах основания для привлечения иностранных инвестиций. Zeigen Sie im folgenden Diagramm die Prozentzahlen für die Gründe für eine Auslandsinvestition

- Arbeitskosten, Steuern und Abgaben, Bürokratische Hürden, Wechselkursrisiko, Sonstiges

- 62%, 5%, 5%, 21%, 7%

2. Сравните график с текстом и выделите неверные высказывания в тексте. Vergleichen Sie Grafik mit dem Text und markieren Sie die falschen Aussagen im Text.

3. Посмотрите на график «Инвестиции в будущее», иллюстрирующий ежегодные расходы на исследования и разработки в 13 промышленно развитых странах. Какое место, по вашему мнению, занимают данные страны по статье расходов. Sehen Sie sich die folgende Grafik an, die die jährlichen Ausgaben für Forschung und Entwicklung in 13 Industriennationen abbildet. Welchen Rang nehmen Ihrer Meinung nach folgende Länder ein?

-1.Rang_____	Deutschland
-2.Rang_____	Frankreich
-3.Rang_____	Grossbritannien
-4.Rang_____	Japan
-5.Rang_____	Norwegen
-6.Rang_____	Schweden

Для обучающихся естественно-научных направлений были предложены задания по развитию речи:

1) Градация

Graduieren Sie die Aussagen mit folgenden Adverbien:

Äußerst – besonders – ganz – recht – unglaublich – ziemlich

Beispiel: ich mag unglaublich Tiere

2) Аргументация «За и Против»

Erarbeiten Sie die Pro- und Contra-Position zum Thema Eliteschulen, unterstreichen Sie alle Wörter im Text, die für die Argumentation wichtig sind

-Redemittel für die Pro-Position _____

-Redemittel für die Contra-Position _____

3) Замена слова перефразом, синонимом или объяснением его значения.

Umschreiben Sie das Wort durch 1) einen Satz (Paraphrase), 2) ein Wort (Synonym), 3) ein russisches Equivalent, dessen Bedeutung man erklärt.

Er ist ein attraktiver Mann – заменить attraktiv.

Результаты исследования показали, что использование новых видов тестовых заданий в чередовании с привычными (стандартными) упражнениями повышают эффективность усвоения нового материала, активизируют мыслительные процессы, переключая внимание на новый вид работы, что способствует быстрому и правильному выполнению тестовых заданий, одновременно с этим развивая речевые навыки обучающихся.

Метод тестирования позволяет не только закрепить полученные знания и навыки, но и повысить мотивацию изучения иностранного языка, выявляя пробелы в пройденном материале у обучающихся, а также позволяет преподавателю скорректировать дальнейшее обучение иностранному языку в соответствии с результатами проведенных тестов и уделить большее внимание плохо усвоенному материалу. В ходе исследования при составлении тестовых заданий по иностранным языкам были подобраны такие упражнения, которые охватывают и грамматические, и лексические аспекты, предлагая обучающимся выполнить нестандартные задания по изученному материалу, уменьшающие случайность при выборе студентами вариантов ответов. Таким образом, предлагаемые тестовые задания способствуют умственной активности студентов, приучают обучающихся к самостоятельной работе, раскрывают творческий характер обучения иностранному языку, предлагая интересное содержание и привлекательную форму выполнения заданий.

Тестирование, как метод контроля в обучении иностранным языкам, помогает оценить уровень подготовки обучающихся, а также определить особенности его личности. Форма проведения тестирования может быть самой разнообразной: устная или письменная; компьютерная; групповая или индивидуальная. По содержанию выделяют учебные тесты, предназначенные для проверки уровня знаний, навыков и умений и тесты интеллекта, определяющие способности к выполнению какой-либо деятельности. В проведенном исследовании учитывался вид мышления студентов, какие обучаемые обладают вербально-лингвистическим интеллектом, который связан с чтением, письмом и языковыми способностями, а какие обладают логико-математическим интеллектом, т.е. способностями к рациональному мышлению.

Современная система тестирования предлагает разнообразные подходы, модели и методы проведения проверки полученных знаний. Исследования в данной области показывают, что на современном этапе значительно улучшилось качество тестовых заданий, что становится возможным благодаря разнообразию технологий тестирования и применению тестовых заданий для различных уровней и способностей при обучении иностранным языкам.

Список использованных источников

1. Жаринова Е. Г., Черняева Е. В. Использование тестов и тестовых заданий на контрольных занятиях по английскому языку // Научно-практическая конференция в рамках «Недели науки» ФИЯ МАИ-НИУ, посвященная 55-летию полета Ю. Гагарина. Сборник докладов, вып. 8. М.: Перо, 2016. С. 43–46.
2. Жунусакунова А. Д. Методы контроля и оценки результатов обучения в учебном процессе // Молодой учёный. — 2016. — №20(1). — С. 26–29.
3. Девтерова З. Р. Роль и место тестирования в обучении иностранному языку в вузе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2010/ped39.html> (дата обращения 03.02.2019).
4. Коккота В. А. Лингводидактическое тестирование. М.: Высшая школа, 1989. 123 с.
5. Фоломкина С. К. Тестирование в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. — 1986. — № 2. — С. 16–20.
6. Щукин А. Н. Методика обучения иностранным языкам. М., 2004. С. 297–298.

СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

О. В. Исаева¹, Н. С. Стрембицкая²,

¹ старший преподаватель кафедры иностранных языков №3,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

² старший преподаватель кафедры иностранных языков №3,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Целью статьи является анализ метода смешанного обучения (blended learning – BL) как развивающегося инструмента современного образования, его отличительных особенностей и влияния на современные подходы к обучению. Рассматриваются основные компоненты модели BL, приводятся результаты использования модели BL в пилотной группе. В ходе работы были использованы такие методы исследования, как изучение, обобщение, систематизация, а также описательно-аналитический метод и критический анализ.

Ключевые слова: смешанное обучение, онлайн технологии, университетское образование.

Summary. The main objective of the article is to analyse the Blended Learning Method (BL) as a developing instrument of modern education, to describe its distinctive features and influence on the modern approaches to learning and instruction. The main components of the BL model are considered, the results of using the BL model in a pilot group are given. Such research methods as analysis, generalization, systematization as well as descriptive method and reviewing are used.

Key words: blended learning, online technologies, university education.

Обучение английскому языку для профессиональных целей представляет собой ежедневный вызов для студентов и преподавателей. Преподаватели в этом процессе выполняют разные роли, в том числе координируют прохождение студентами различных этапов во время освоения данной дисциплины, а также знакомят их с многочисленными электронными ресурсами, которые служат для дополнения аудиторных занятий и содержат полезную для изучения иностранного языка информацию. Преподаватель должен организовать все технологические ресурсы в методологическом плане таким образом, чтобы включить их в процесс обучения студентов. При введении курсов смешанного обучения (Blended Learning) важно учитывать, среди прочего, потребности и предпочтения студентов, их уровень владения иностранным языком и образования. Эти аспекты требуют создания четкой модели смешанного обучения.

В процессе изучения метода смешанного обучения необходимо обратиться к определениям, существующим для описания данного процесса. Б. Альбрехт [1, с. 2] утверждает, что «смешанное обучение объединяет обучение в аудитории с веб-активностью». В свою очередь Дж. Берсин [3, с. 8] замечает,

что «смешанное обучение – это сочетание различных средств обучения (технологий, мероприятий и типов мероприятий) с целью создания оптимальной программы обучения для конкретной аудитории». Кроме того, как заявил Т. Бендер [4, с. 6], «исследования показывают, что благодаря смешанному обучению студенты больше проявляют активность самостоятельно, чувствуя себя более технологически подготовленными и способными учиться в любом месте и в любое время таким образом, который в большей степени соответствует их образу жизни».

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что во многих образовательных учреждениях смешанное обучение является инструментом, доступным для обучающихся и предоставляющим им возможность выходить за рамки учебной аудитории и выполнять различные интерактивные действия, продолжая аудиторные занятия. Используя все имеющиеся у них технологические ресурсы, студенты могут изучать различные аспекты дисциплины «Иностранный (английский) язык» и культуру народов англоязычного мира. В настоящее время студентам доступно большое количество информации из разных источников. Вследствие этого, им сложно сделать правильный выбор, и они не знают, чему отдать предпочтение, что затрудняет надлежащее использование виртуального материала, способствующего процессу изучения английского языка. Поэтому перед преподавателями стоит задача планирования виртуальной учебной среды привлекательной для студентов. Это поможет им организовать процесс обучения и дополнить аудиторные занятия или наоборот, поскольку они могут автономно использовать виртуальную платформу для подготовки к аудиторным занятиям. Таким образом, преподаватели EFL отвечают за методологическое планирование смешанных курсов, которые могут быть использованы для расширения возможностей обучающихся.

Рассмотрим модель организации смешанного курса, предложенную Б. Ханом [6].

Рисунок 1. Модель смешанного обучения по Б. Хану

При планировании смешанных курсов важно принимать во внимание все аспекты, задействованные в организации электронного обучения. Институциональный аспект – это первый элемент, который преподаватели должны учитывать. Он зависит от институциональной политики в отношении учебного плана, содержания учебного курса, административной и финансовой составляющих. С одной стороны, преподаватели и студенты не имеют доступа к технологическим ресурсам или их доступ лимитирован; преподавателям и студентам приходится

адаптировать ограниченные инструменты, с которыми они работают, и планировать курсы, которые частично отвечают их потребностям. С другой стороны, имея доступ к полезным технологическим устройствам, преподаватели не всегда имеют соответствующую подготовку для их применения, и поэтому устройства часто используются неправильно.

Второй компонент, технологический, является основным фактором, суть которого заключается в планировании как оффлайн, так и онлайн заданий. Преподаватели должны иметь широкий спектр технологических ресурсов для того, чтобы привлечь внимание своих студентов: если аудиторские и виртуальные занятия не являются в достаточной степени сложными, у студентов пропадает к ним интерес. В заданиях необходимо отобразить темы и упражнения, которые будут интересны студентам.

Третья переменная, которую следует иметь в виду, – это педагогический компонент, который, без сомнения, является самым важным в подобных гибридных курсах. Если у преподавателей есть методологический план организации аудиторских занятий и онлайн-заданий, и оба компонента будут правильно организованы, это приведет изучающих английский язык к успеху в процессе обучения и достижению лучших результатов. Согласно некоторым исследованиям, необходимо учитывать такие элементы, касающиеся реализации педагогического компонента, как формат обучения, оформление задания, контент, роли студентов и преподавателей, оценивание достигнутых результатов:

- Формат обучения: преподаватели и составители учебных планов должны учитывать процентное соотношение аудиторских занятий и онлайн-компонентов для данной дисциплины, а также какие задания должны быть представлены с использованием виртуальной учебной среды.

- Оформление задания и контент: важно, чтобы преподаватели, планируя смешанные курсы, обеспечивали обучающихся широким спектром онлайн и аудиторских заданий, привлекательных для студентов и подготовленных на основе анализа потребностей, сделанного в начале курса.

- Преподаватель – студент: оба являются основными участниками процесса обучения. При планировании смешанных курсов необходимо учитывать пользовательские навыки студента и преподавателя и роль каждого из них в аудиторских и виртуальных занятиях. Кроме того, согласно А. Нуньес и М. Теллез [8, с. 172], «процесс обучения имеет жизненно важное значение в поиске развивающих материалов, которые соответствуют целям и особенностям восприятия студентов, их предпочтениям и ожиданиям». Когда преподаватели предлагают ресурсы, соответствующие потребностям студентов, обучающиеся могут разрешить свои сомнения и ответить на собственные вопросы. Указанные аспекты могут способствовать автономии образовательного процесса, т. е. студент самостоятельно контролирует свое обучение, устанавливая свои стратегии и принимая на себя ответственность за получение знаний. Таким образом, студентам требуется значимый контент, который будет соответствовать их потребностям для достижения поставленных задач.

- Оценивание. Преподаватели и составители учебных планов должны определить, планируется ли проведение на данном курсе текущего и итогового контроля.

Четвертый компонент – это дизайн интерфейса, который предполагает различные способы размещения онлайн и оффлайн материалов, подбирая оформление и задания для каждого раздела, учитывая потребности и предпочтения обучающихся, институциональную политику и образовательную программу. В этом аспекте преподаватели должны принимать во внимание согласованность учебного плана, образовательной программы EFL и сме-

шанного обучения. Смешанное обучение может использоваться в различных курсах, предлагаемых учреждением, через учебные платформы, определяемые А. Ариза [2] в качестве основных подходов, лежащих в основе разработки и реализации учебного плана.

Пятый компонент – управление. Важно, чтобы система управления обучением (информационная система, предназначенная для обеспечения административной и технической поддержки процессов, связанных с электронным обучением) была готова к работе, также следует обучить студентов пользоваться этой системой: как зарегистрироваться, как работать над различными заданиями и применять стратегии обучения, уместные для виртуальной среды. Кроме того, для смешанного курса рекомендуется поддержка различных сторонних ресурсов, чтобы студенты имели возможность просматривать веб-страницы и получать ссылки на различные веб-источники. Преподаватели должны поощрять самостоятельность, направляя процесс обучения студентов, привнося технологии в аудиторию и создавая подлинное дополнение аудиторного занятия виртуальным заданием.

Принимая во внимание целостное восприятие смешанного обучения, как было предложено Б. Ханом [6], следующим шагом является внедрение и пилотирование смешанного курса, чтобы увидеть, работает ли он для конкретной среды обучения английскому языку для профессиональных целей. Для достижения указанной цели был проведен ряд исследований, призванных показать влияние этой модели на студентов и преподавателей. Результаты представлены в работах таких преподавателей английского языка, как К. Брудерманн [5], Д. Мюррей [7] и др.

В Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского проходит внедрение смешанного курса «Иностранный (английский) язык» и «Профессионально-ориентированный иностранный (английский) язык» на образовательной платформе КФУ для обучающихся направлений подготовки 43.03.02 Туризм, 43.04.02 Туризм, 38.03.04 Государственное и муниципальное управление очной и заочной форм обучения.

Пилотная группа состояла из 26 студентов 4 курса направления подготовки 43.03.02 Туризм. В дополнение к традиционным занятиям были предложены такие элементы дистанционного курса, как «Вики (Wiki)», который позволяет участникам добавлять и редактировать набор связанных веб-страниц, «Глоссарий», предоставляющий возможность создавать и поддерживать список определений, а также собирать и систематизировать ресурсы и информацию. Используя учебный элемент «Задание», студенты выполняли различные коммуникативные задания. Результаты, полученные в пилотной группе, показали значительное улучшение языковых навыков студентов. Это означает, что использование технологий в качестве дополнения к аудиторным занятиям увеличивает участие студентов в образовательном процессе и мотивирует их к достижению более высоких результатов.

Смешанное обучение – это интеграция аудиторных занятий с виртуальным компонентом, где у студентов есть возможность практиковаться, выходя за рамки того, что осваивается в аудитории. Исследования, проведенные в этой области, показали, что гибридное обучение предлагает студентам различный контент, ресурсы, офлайн и онлайн задания, интеграцию того, что

они изучают в аудитории с тем, что они изучают самостоятельно с помощью виртуальной платформы. Еще одно преимущество, которое предлагает смешанный курс, – это технологическая грамотность, которую студенты приобретают за счет использования виртуальных ресурсов. Кроме того, они могут уделить дополнительное внимание интересующим их темам, изучая информацию на английском языке в Интернете. Более того, они могут просматривать различные базы данных и блоги, чтобы общаться с другими студентами и учебными сообществами по всему миру, создавать совместную среду обучения и, среди прочих преимуществ, организовывать свою собственную виртуальную учебную среду.

Список использованных источников

1. Albrecht B. Enriching student experience through blended learning // Center for Applied Research: Research Bulletin, 2006. Issue 12. 12 p.
2. Ariza A. Curricular units: Powerful tools to connect the syllabus with students' needs and interests // PROFILE: Issues in Teachers' Professional Development, 2004. P. 140–157.
3. Bersin J. The blended learning book: Best practices, proven methodologies and lessons learned. San Francisco, California: Pfeiffer, 2004. 351 p.
4. Bender T. Discussion-based online teaching to enhance student learning. Sterling, VA: Stylus Publishing, 2003. 206 p.
5. Brudermann C. From action research to the implementation of ICT pedagogical tools: Taking into account students' needs to propose adjusted online tutorial practice // ReCALL, 2010. P. 172–190.
6. Khan B. Managing e-learning: Design, delivery, implementation and evaluation. USA: The Idea Group Inc, 2005. 424 p.
7. Murray D. From marginalization to transformation: How ICT is being used in ESL learning today // International Journal of Pedagogies and Learning, 2008. P. 20–35.
8. Núñez A. & Téllez M. F. ELT Materials: The key to fostering effective teaching and learning settings // PROFILE: Issues in Teachers' Professional Development, 2009. P. 171–186.

УДК 811.14:371.3(084.122)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КИНОМАТЕРИАЛА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

И. Каколири¹, О. А. Хорошилова²,

¹ магистр филологии, преподаватель кафедры новогреческой филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар

² кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий, Кубанский государственный университет, Краснодар

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение целесообразности использования киноматериала в процессе преподавания новогреческого языка в ВУЗе. В результате применения метода теоретического анализа проблемы было выявлено, что применение аудио-визуальных средств обучения обусловлено изменениями в современных стандартах обучения

и перцептивных способностях молодежной аудитории. Методический эксперимент показал, что кинофильмы являются важным источником как языкового, так и страноведческого материала, они обеспечивают доступ к ситуациям межличностного общения на новогреческом языке, а также невербальным средствам коммуникации. Особое внимание уделяется задаче разработки материалов для самостоятельной работы, которые бы служили целям эффективности и являлись средством мотивации студентов.

Ключевые слова: аудио-визуальные средства обучения, киноматериал, мотивация, коммуникативная компетенция, поколение «миллениум», поколение Z, новогреческая лингвокультура.

Summary. The aim of the paper is to examine the feasibility of using film material while teaching Modern Greek at the University. The theoretical examination showed that the usage of audiovisual teaching materials relates to the changes of education standards as well as of students' perceptual abilities. Having carried out an educational experiment the authors came to the conclusion that films prove to be an important source of language, historical and cultural material, they give students access to situations of interpersonal communication in Greek as well as to non-verbal means of communication. The importance of working out material for self-study, which could improve efficiency and motivate students, is stressed.

Key words: audiovisual teaching materials, film material, motivation, communicative competence, millennials, generation Z, Modern Greek language and culture.

Современные условия преподавания иностранных языков в ВУЗе ставят перед преподавателями новые задачи, которые обусловлены, с одной стороны, нормами трудоемкости изучаемых дисциплин и набором формируемых компетенций, а, с другой стороны, теми изменениями, которые происходят в студенческой аудитории. Новые программы бакалавриата и специалитета требуют от студента, обучающегося по направлениям подготовки, связанным с изучением иностранных языков, сформированности ряда компетенций, в частности, готовности к коммуникации на иностранном языке в устной и письменной формах, владения коммуникативными стратегиями и тактиками, стилистическими и языковыми нормами и приемами, принятыми в разных сферах коммуникации и т.д. Распределение трудоемкости изучаемых дисциплин предполагает сокращение часов контактной работы преподавателя со студентами и увеличение часов, отводимых на самостоятельную работу. Таким образом, перед современными преподавателями ВУЗов стоит задача разработки материалов для самостоятельной работы, которые не только бы служили целям эффективности, но и являлись средством мотивации студентов.

При работе со студенческой аудиторией невозможно не учитывать объективных изменений, происходящих с сегодняшней молодежью. Представители поколения «миллениум» (поколение Y) и поколения Z [5; 6], т.е. рожденные в эпоху цифровых технологий, обладают рядом особенностей восприятия информации. Уже в 2001г. для представителей сетевого поколения был введен термин «цифровые аборигены» (Digital Natives) и отмечался тот факт, что современные студенты и школьники воспринимают и обрабатывают информацию иначе, чем предыдущие поколения, на которых была ориентирована система образования [6]. По мнению специалистов-психоло-

гов, виртуальная среда, количество и способ подачи информации повлияли на перцептивные способности молодежи следующим образом: они тяжело воспринимают сложную информацию в больших объемах, и их характеризует желание получать информацию посредством не текстовых документов, а изображений, фильмов, аудиофайлов [2].

Следовательно, аудио-визуальные средства обучения иностранному языку, роль которых признавалась педагогами и психологами еще в прошлом веке, занимают одну из центральных позиций в современном образовательном процессе. Эффективным приемом формирования устойчивости внимания, повышения мотивации и, как результат, совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции, является использование киноматериала на занятиях в ВУЗе. При использовании фильмов в процессе изучения языка «реализуется принцип погружения в социо-культурно-языковую среду страны изучаемого языка в учебной аудитории, создавая иллюзию приобщения обучающихся к естественной языковой среде, моделируя коммуникативную ситуацию» [1, с. 88]. Применение фильмов дает студенту доступ к аутентичному языковому материалу, где язык и манера речи близки к тем, что используют носители языка, позволяет студентам формировать ассоциативные и смысловые связи между лексикой и фильмом. Повторение фрагментов позволяет студентам каждый раз фокусироваться на разных аспектах материала: сначала на общем смысле происходящего, потом на фразах, потом на произношении, и т.п. [3].

Для обучения новогреческому языку могут быть использованы видеоролики, телесериалы, художественные и документальные фильмы. Они являются источником как языкового, так и страноведческого материала и обеспечивают наглядный доступ к невербальным средствам коммуникации (мимика, жесты). Страноведческий контекст в кино может включать факты исторической, политической, социальной направленности, содержать информацию по этнопсихологическим характеристикам конкретного народа, как например, стереотипы поведения, система ценностей, вкусы, интересы, предпочтения, особенности межличностного общения [4, с. 249].

Разработка методического материала по использованию киноматериала на занятиях по новогреческому языку представляется перспективным направлением ввиду немногочисленности в сравнении с другими европейскими языками имеющегося дидактического материала по преподаванию новогреческого языка. Требуется разработка готовых решений, которыми может воспользоваться преподаватель, сочетая аудиторную работу с самостоятельной для достижения максимальной эффективности.

Далее в качестве примера приводится методический материал, за основу которого был взят известный художественный фильм *ΠΟΛΙΤΙΚΗ Κοιτίца* (2003) греческого режиссёра Тасоса Булметиса (*Τάσος Μπουλιμέτης*). Материал рекомендован к использованию со студентами 3-4 курсов кафедр новогреческой филологии и отделений теории перевода. Работу с фильмом предлагается построить следующим образом:

1. Допросмотровый этап включает обсуждение названия и темы кинофильма, чтение аннотации, опубликованной в СМИ, а также знакомство с исторической и общественной ситуацией, в которой разворачивается действие кинокартины.

ΠΟΛΙΤΙΚΗ Κουζίνα. Κοινωνική | 2003 | Έγχρ. | Διάρκεια: 108'

Ελληνική ταινία, σκηνοθεσία Τάσος Μπουλμέτης με τους: Γιώργο Χωραφά, Ιεροκλή Μιχαηλίδη, Στέλιο Μάινα, Ρένια Λουιζίδου, Ταμέρ Καραντάλ, Τάσο Μπαντή.

Ο Φάνης, Πολίτης στην καταγωγή και αστροφυσικός στο επάγγελμα, ξανααγυρίζει στην Πόλη ύστερα από τριάντα χρόνια για να δει τον άρρωστο παππού του. Το ταξίδι δίνει την αφορμή για αναδρομή στο παρελθόν, όταν ως παιδί στην Πόλη μάθαινε τα μυστικά της μαγειρικής και ζούσε τον πρώτο έρωτα με τη μικρή Σαϊμέ. Μνήμες από την Πόλη, χιούμορ, συγκίνηση, γαστρονομία και φιλοσοφία της ζωής. Εντυπωσιακή παραγωγή, με πολύ καλές ερμηνείες.

1. Σχολιασμός του τίτλου:

α) ο τίτλος της ταινίας έχει γραφτεί ως εξής: *ΠΟΛΙΤΙΚΗ κουζίνα*. Η επιλογή να γραφτεί το επίθετο με κεφαλαία δίνει (σκόπιμα) την δυνατότητα στον θεατή να το διαβάσει συγχρόνως ως «πολιτική» και ως «πολίτικη». Πόλη με κεφαλαίο Π ονομάζουν οι Έλληνες την Κωνσταντινούπολη. Αντίστοιχα, Πολίτικη σημαίνει Κωνσταντινοπολίτικη· β) Η κουζίνα των Ελλήνων της Πόλης και της Μικράς Ασίας γενικότερα είναι γνωστή στους Έλληνες ως πικάντικη και νόστιμη κουζίνα, με προτίμηση στις σάλτσες και τα μπαχαρικά.

2. Ιστορικό-κοινωνικό πλαίσιο στο οποίο εντάσσεται η ταινία:

α) εποχή δημιουργίας της ταινίας (κινηματογραφικές τάσεις, σχέση ταινίας με την εποχή του γυρίσματός της, προτιμήσεις κοινού κ.λ.π.)· β) εποχή αναφοράς της ταινίας (ο μυθιστορηματικός χρόνος).

3. Πλοκή. Σύντομη αναφορά στο περιεχόμενο και στους κεντρικούς ήρωες της ταινίας (κείμενο από τον τύπο-Διαδίκτυο).

4. Θεαματικότητα, διακρίσεις και βραβεύσεις της ταινίας εφόσον υπάρχουν (κείμενο από τον τύπο-Διαδίκτυο).

5. Κλειδιά: α) προσεκτική επιλογή από τον διδάσκοντα των σημείων που πρέπει εξ αρχής να διασαφηθούν, προκειμένου να διευκολυνθεί η απρόσκοπτη αυτόνομη παρακολούθηση της ταινίας από τους σπουδαστές κατ' οίκον· β) υπόδειξη σημείων (σκηνών ή θεμάτων) στα οποία οι σπουδαστές καλούνται να επιδείξουν ιδιαίτερη προσοχή, για παράδειγμα: i) στην γλώσσα που χρησιμοποιούν οι γονείς όταν μιλούν με το παιδί και στην γλώσσα που χρησιμοποιούν μεταξύ τους όταν διαφωνούν· ii) στην αντιμετώπιση του παιδιού από την δασκάλα στο σχολείο και στην στάση ή την κοινωνική αντίληψη της εποχής που αυτή υποκρύπτει ή – αντίθετα – φανερώνει· iii) στις δυσκολίες προσαρμογής των Ελλήνων της Πόλης στην ελληνική κοινωνία και την ελλαδική κουλτούρα της εποχής.

II Просмотровый этап предполагает непосредственно просмотр кинофильма. Реализацию данного этапа рекомендуется вынести на самостоятельную работу. Важно обеспечить студентов необходимым количеством времени для возможного повторного просмотра всего фильма или его отдельных сцен (в зависимости от уровня и потребностей аудитории учащихся).

III Послепросмотровой этап подразумевает выполнение заданий по развитию навыков устной и письменной речи:

Α. Ερωτήσεις – θέματα για διάλογο συνολικά για την ταινία

1. Ποιο είναι το θέμα της ταινίας που παρακολουθήσατε; Σύντομη αναδιήγηση του περιεχομένου.

2. Σε ποιον τόπο και σε ποιον χρόνο εκτυλίσσεται η δράση; Είναι γραμμική η παρουσίαση των γεγονότων;

3. Ποιοι είναι οι πρωταγωνιστές και τα δευτερεύοντα πρόσωπα της ταινίας;

4. Η ταινία έχει περισσότερο εσωτερικά ή εξωτερικά γυρίσματα, κοντινά ή μακρινά πλάνα; Εσάς ποια σας άρεσαν περισσότερο;

5. Η μουσική ταιριάζει, κατά την γνώμη σας, με το θέμα της ταινίας; Πλουτίζει ή αποδυναμώνει αισθητικά το συνολικό αποτέλεσμα;

6. Υπήρχαν αστείες ή κωμικές σκηνές στην ταινία που σας έκαναν να γελάσετε;

7. Υπήρχαν σκηνές που σας άρεσαν ή σας συγκίνησαν ιδιαίτερα ή, αντίθετα, που δεν σας άρεσαν καθόλου; Ποιες είναι αυτές και γιατί σας άρεσαν ή δεν σας άρεσαν;

8. Ποια από τις ερμηνείες των ηθοποιών σας άρεσε περισσότερο και ποια δεν σας άρεσε καθόλου και γιατί;

9. Σε ποια κατηγορία μπορείτε να κατατάξετε την ταινία; (Δραματική, κωμική, αστυνομική, κοινωνική, ιστορική, ψυχολογικό θρίλερ, περιπέτεια κ.ά.).

10. Γιατί, κατά τη γνώμη σας, η Πολιτική κουζίνα άρεσε τόσο πολύ στο ελληνικό κοινό;

B. Ερωτήσεις – θέματα για διάλογο επί του περιεχομένου της ταινίας:

1. Ποιες είναι οι δύο μεγάλες αγάπες του Φάνη ως παιδιού; Πώς εξελίσσονται αυτές μέσα στον χρόνο;

2. Ποια είναι η σχέση του Φάνη με τον παππού του;

3. Ποια στοιχεία (εικόνες, ήχοι-μουσική, διάλογοι) μεταφέρουν τον θεατή στην περίοδο της χούντας στην Ελλάδα (1967–1974);

4. Τι συμβολίζουν κατά την γνώμη σας οι ακτινογραφίες που έστελνε ο παππούς στον γιό του τον ναυτικό; Κάθε πότε τις έστελνε και τι ήθελε να πει;

5. Γιατί δεν ήρθε ποτέ ο παππούς στην Ελλάδα;

6. Γιατί ο Φάνης δεν ξαναπήγε ποτέ στην Πόλη, ακόμη και όταν αποκαταστάθηκαν οι σχέσεις μεταξύ Ελλάδας – Τουρκίας;

7. Ποια στοιχεία (σκηνή ή σκηνές) δείχνουν την αγάπη των Ελλήνων της Πόλης για τον γενέθλιο τόπο τους;

8. Ποια στοιχεία της ταινίας, σκηνές ή διάλογοι, δείχνουν τις σχέσεις των ανθρώπων, Ελλήνων και Τούρκων, που συμβίωναν επί αιώνες στην Πόλη, σε κοινωνικό επίπεδο πέρα από την πολιτική; Πώς ήταν αυτή η συμβίωση;

9. Τι σημαίνει η τελευταία σκηνή στον σταθμό, όταν η μικρή κόρη της Σαϊμέ γυρίζει και κοιτάζει πίσω;

10. Διαβάστε δύο κριτικές για την ταινία (μια θετική και μια αρνητική), που δημοσιεύτηκαν στον τύπο της εποχής. Σχολιάστε τις και πείτε με ποια κριτική συμφωνείτε εσείς περισσότερο.

Γ. Γραπτές εργασίες

1. Γράψτε την δική σας κριτική της ταινίας και αξιολογήστε την με κλίμακα 1– 10. Προσέξτε να διατηρήσετε το ύφος που απαιτείται όταν γράφουμε δημοσιογραφικό λόγο.

2. Γράψτε ένα γράμμα σε έναν φίλο ή μια φίλη σας, στο οποίο εκφράζετε την γνώμη σας για την ταινία και θέλετε να τον/την πείσετε να δει οπωσδήποτε ή αντίθετα να μην δει καθόλου την συγκεκριμένη ταινία.

3. Γράψτε το δικό σας τέλος στην ταινία, συνεχίζοντας το σενάριο από την στιγμή της τελευταίας συνάντησης στον σταθμό.

Использование киноматериала на занятиях по иностранному языку, в частности новогреческому, представляет собой увлекательный процесс, который способен активизировать внимание и память учащихся, вызвать заинтересованность и любовь к изучаемому предмету. В результате просмотра, обсуждения и работы с фильмом *ΠΟΛΙΤΙΚΗ κουζίνα* студенты получают уникальную возможность повысить свою иноязычную коммуникативную компетенцию по следующим аспектам: познакомиться с различными вариантами произношения новогреческого языка, «погрузиться» в исторические события в их диахронии и, следовательно, понять, как сформировались определенные представления носителей греческой лингвокультуры, как населяющих Грецию, так и живущих за ее пределами, а также получить аудио-визуальный доступ к ситуациям современного межличностного общения.

Список использованных источников

1. Алейникова М. И. Видеофильм как средство обучения иностранному языку // Перспективы науки и образования. – 2015. – № 6 (18). – С. 87–90.

2. Безбогова М. С., Ионцева М. В. Социально-психологический портрет современной молодёжи // Интернет-журнал «Мир науки». — 2016. — №6. — Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/35PSMN616.pdf> (дата обращения 17.01.2019).

3. Воронцова М. В., Журавлева А. М. Использование фильмов в преподавании иностранных языков: когнитивные аргументы // Litera. – 2017. – № 1. – С.11–17. — DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.22181. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/fil/article_22181.html (дата обращения 18.01.2019).

4. Саковец С. А. К вопросу об использовании киноматериалов в обучении иностранному языку // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. — № 5 (106). — С. 248–252.

5. Howe Neil. Millennials & K-12 Schools. Life Course Associates, 2008. P. 109–111.

6. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. — 2001. — Vol. 9. — №5. — P. 1–6.

УДК 81:37.016

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ЯЗЫКЕ И ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДИК

А. В. Карпенко,

кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков №3,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. За последние несколько десятков лет в теории лингводидактики отмечается особый интерес к теории межкультурной коммуникации. Культурному измерению в современных методах, методиках и подходах в изучении языка уделяется огромное внимание. В статье подчеркивается смещение акцентов в преподавании иностранных языков в сторону межкультурной парадигмы. Такие концепты как культурные доминанты играют ключевую

роль в становлении и развитии межкультурной и социокультурной составляющих обучающихся для формирования коммуникативных навыков и умений с учетом разнообразия языков и культур. Автор рассматривает ряд насущных вопросов, стоящих перед научным лингводидактическим сообществом и практикующими преподавателями иностранных языков, подчеркивая роль новейших методов, методологий и инновационных разработок, в том числе межкультурных и социокультурных компетенций для формирования коммуникативной «вторичной» языковой личности и воспитания многоязычных медиаторов, способствующих развитию межкультурного диалога.

Ключевые слова: культурная доминанта, межкультурный подход, социокультурные компетенции, коммуникативные навыки и умения, «вторичная» языковая личность.

Summary. Over the past few decades the theory of intercultural communication has been of particular interest in linguodidactics. The cultural dimension in modern methods and approaches is given great attention. The article emphasizes the shift in emphasis towards an intercultural paradigm in the teaching of foreign languages. Such concepts as cultural dominants play a key role in the formation and development of the intercultural and socio-cultural components of students for the formation of communication skills and abilities, taking into account the diversity of languages and cultures. The author examines a number of pressing issues facing the scientific linguodidactic community and practicing foreign language teachers, emphasizing the key role of the newest methods, methodologies and innovative developments, namely, intercultural and sociocultural competences for the formation of a «second» language personality and the development of multilingual mediators promoting the development of intercultural dialogue.

Key words: cultural dominant, intercultural approach, sociocultural competences, communication skills and abilities, a «second» language personality.

Современные социокультурные реалии и межкультурные контакты народов на качественно новом уровне, постоянное обновление научных знаний требуют от будущего специалиста усвоения, как профессиональных, так и личностных качеств, а также формирования умений и навыков в решении проблем межкультурной и межъязыковой коммуникации для успешной реализации профессиональных задач. Обучающийся должен научиться, не только говорить на целевом иностранном языке, но и следовать культурным нормам этого языка. Преподаватель как представитель иной культуры, должен ввести обучающихся в иную культурную систему со свойственными ей ценностями и интегрировать ее культурные доминанты в систему ценностей обучающихся. [3, с. 36–40].

Проблемы межкультурной коммуникации требуют от рефлектирующего преподавателя иностранного языка решения главной лингводидактической задачи — подготовки специалиста «... носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [2, с. 166], т. е. коммуникативную личность с учетом не только языковых, но и межкультурных составляющих.

Сегодня в лингводидактике главенствующие позиции занимают методологии межкультурного и коммуникативного подходов, позволяя учебным-практикам развивать и продвигать их, устанавливая причинно-след-

ственные связи, которые могут быть установлены между:

- методиками обучения и межкультурной компетенцией (или ее составляющими);
- восприятием «чужой культуры» и мотивацией к обучению;
- изучением языка и отношением и представлениям о других культурах и группах людей;
- изучением целевой культуры и представлениями и отношением обучающихся к своей родной культуре;
- изучением межкультурной компетенции и введением и закреплением вокабуляра целевого языка;
- межкультурным обучением и навыками и умениями уже сформированной социальной идентичности и теми, которые могут быть сформированы в процессе изучения целевого языка и межкультурной составляющей.

Наибольший интерес вызывает взаимосвязь между развитием понимания обучающегося при изучении целевой культуры и степенью его мотивации в достижении успешного результата при изучении целевого языка. Речь идет об «интегративной мотивации», понятии, введенном Гарднером и Ламбертом [7, с. 72–85], которые полагали, что «интегративная мотивация» обозначает желание изучать язык, чтобы быть ближе к носителям языка и их культуре и считалось лучшей гарантией успеха.

Сегодня ученые доказали, что «инструментальная мотивация» важнее «интегративной». Все зависит от социального контекста обучения. Если в представлениях обучающихся не установлена связь между изучаемым языком и носителями целевого языка (например, как в международном английском) «инструментальная» или «прагматическая» мотивация представляется концепцией, которая лучше отражает успехи в обучении.

В сознании индивида любая страна ассоциируется с определенными предметами, людьми и идеями, которые наилучшим образом представляют его во всех отраслях человеческого знания. Итак, мы ассоциируем его с определенными символами культуры или культурными доминантами, которые формируются как на основе знания, личностно окрашенного, оценочного мироощущения, так и опыта человека. Для нас наибольший интерес представляют реалии, события, феномены, закрепленные, отображенные, сохраненные в памяти и репрезентируемые в языке, в его лексике и фразеологии. Культурная доминанта, как концепт обозначает главенствующую идею, основной признак и важнейшую составную часть культуры. На наш взгляд, основной культурной доминантой французов как нации являются такие ценности как свобода, равенство, братство. Порыв, дух свободы, как доминанты французского характера, борьба за равенство и братство людей уже в течение многих веков составляют суть французов как нации и Франции как государства. Последние события, связанные с продолжающимися выступлениями и требованиями, выдвигаемые «желтыми жилетами» перед французским правительством, являются еще одним подтверждением культурных доминант, главенствующих в головах, умах и сердцах французов. Истинную силу французов составляют французский дух свободы, любовь к переменам, их гражданская позиция, психологическое ощущение себя гражданином и полноправным членом общества. Приверженность к инте-

ресам государства и готовность идти на жертвы ради него, гордость за свою страну позволяют реализовывать поставленные перед этим свободолюбивым народом задачи свободы, равенства, братства. История Франции, ее культурные традиции являются тому ярким подтверждением. Советский лингвист и психолог Николай Иванович Жинкин и другие исследователи подчеркивают тесную взаимосвязь между языком и картиной мира, формируя концепт культурной доминанты. Язык, как составная часть культуры народа, выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности [1, с. 56].

В данном контексте мы хотели бы подчеркнуть этимологическую, культурную, когнитивную память языкового концепта, связанного с национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка, имеющего, по нашему мнению, теснейшую связь с культурной доминантой, являющейся ее важнейшей компонентой, отражающей и сохраняющей языковую картину мира носителей языка. Они образуют особый тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке каждой культуры в течение многих столетий. Итак, культурные доминанты, как часть менталитета нации, должны быть изучены и адаптированы изучающими целевой язык [5]. Используя методологию и принципы межкультурного подхода, преподаватель формирует «вторичную» языковую личность на основе межкультурной составляющей, используя аутентичные аудио, видео, печатные материалы, делая особый акцент на культурных доминантах, позволяющих понять и принять как целевой язык, так и его культуру. В этом смысле приобщение к межкультурной составляющей играет, по нашему мнению, ключевую роль.

В последние годы, как реакция на классицизм в лингводидактических подходах, идущих вразрез с коммуникативными потребностями современного общества, преподавание языка перешло к практическим аспектам лингводидактики [6, с. 21–34]. Более ранние методики ставили во главу угла культурную ассимиляцию, которая была частью языковой компетенции. Современные лингводидактики, считают, что развитие межкультурной компетенции позволяет обучающимся построить в своем сознании мост между двумя культурами и становиться более зрелыми и более сложными языковыми личностями. Практикующий преподаватель должен четко отслеживать последовательные этапы методологии преподавания иностранного языка, объединяя основные социальные события и проследивать их влияние на процесс преподавания и подачу языкового материала в тесной связи с социокультурными проблемами для выработки социокультурной и межкультурной компетенции у обучающихся. Заметим, что концепт «социокультурный» рассматривается нами как компонент коммуникативной компетенции. Этот концепт формирует совокупность знаний о стране целевого языка, об особенностях социального и речевого поведения носителей данной культуры и умение использовать эти знания в общении, беря на вооружение обычаи, правила поведения, социальные условия и стереотипы поведения носителей целевого языка [4].

Преподаватель, как культурный посредник, несет не только лингвистические знания, но и социокультурные, формируя, коммуникативную компетен-

цию среди прочих и, образуя единое целое с лингвистической компетенцией. Задача преподавателя — на основе общения, развивать коммуникативную компетенцию, как неотъемлемую часть межкультурной коммуникации. Он формирует словарный запас обучающегося, знакомит со словесными формами, выражающими социальные условности (вежливые фразы, жесты и проксемику) независимо от уровня лингвистической компетенции обучающегося. Овладев социокультурной компетенцией, он сумеет интерпретировать и налаживать связи между различными культурными системами, социально отличными внутри, руководить «конфликтом», свойственным межкультурной коммуникации. Формулируя основные компетенции в виде целей обучения, подчеркнем, что термин «компетенция», многозначен, а содержание, в целом, расплывчато. Он включает «знания» и «умения», «способности», «ценности», «поведение». Умение общаться, найти тип поведения, подходящий и ожидаемый в определенной ситуации, — это аффективная способность отказаться от этноцентрических установок и представлений об инаковости и сформировать когнитивную способность устанавливать и поддерживать связь между родной и целевой культурой. Это — способность выступать в качестве культурного посредника между родной и целевой культурой, в том числе в конфликтных ситуациях. Эта компетенция определяется как не зависящая от содержания иностранных языков, но может быть выработана только в контексте изучения конкретного языка. Следовательно, она не может носить теоретический характер, который имел бы универсальный характер, или состоял бы из образца географически или национально разнообразных культурных практик.

Выводы. Таким образом, культурные доминанты как основа, как обобщенный тип носителя культурных, языковых, коммуникативных умений и навыков, опираясь на социокультурный и межкультурный подходы, формируют «вторичную» языковую личность и ценности, лежащие в основе обобщенного образа носителя языка и культуры целевого иностранного языка. Проблема социокультурного и межкультурного образования требует дальнейших исследований не только в области лингводидактики, но и смежных с ней наук. Недостаточно исследований посвящено, например, влиянию восприятия и интерпретации знаний о других странах на понимание самих себя и реакции обучающихся на ожидания преподавателей.

Список использованных источников

1. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. С. 56.
2. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С.166–205.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 36–40.
4. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высшая школа; Амскорт интернэшнл, 1991. 311 с.
5. Beacco J.-C. Les dimensions culturelles des enseignements de langue. Paris: Hachette Livre/Français Langue Étrangère, 2000. P. 59–64.
6. Dell H. Hymes. Vers la compétence de communication, Collection «Langues et apprentissage des langues». Paris: Hatier-Crédif, 1984. 219 p.
7. Gardner R. C. Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitudes and Motivation. London: Edward Arnold, 1985. P. 208.

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ГОТОВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ

Т. И. Кушнарёва,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье обоснованы педагогические условия, которые способствуют успешному формированию готовности к изучению иностранного языка в высшем учебном заведении (стимулирование мотивации, реализация межпредметных связей между профессионально-ориентированными предметами и иностранным языком, обучение стратегиям работы в разных видах речевой деятельности), определены методы, формы и способы их реализации.

Ключевые слова: педагогические условия, мотивация, межпредметные связи, стратегии.

Summary. In the article the pedagogical conditions providing the formation of the readiness to learn foreign languages at the higher educational institution (stimulating motivation, realizing intersubject relations of professionally oriented subjects and English, instructing students in the strategies dealing with the different types of speech activities) have been theoretically proved and the methods, forms and ways of their realization have been defined.

Key words: pedagogical conditions, motivation, intersubject relations, strategies.

Введение. В современных условиях становления готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности актуализируется проблема модернизации содержания образования в высших учебных заведениях, когда пользование иностранным языком для решения профессиональных задач рассматривается как обязательный компонент подготовки современных специалистов.

Бурное развитие науки требует от выпускников высших учебных заведений развития умений, получение профессионально значимой информации из иноязычных профессиональных источников.

Изложение основного материала. В педагогической науке накоплен опыт и обоснованы различные подходы к условиям формирования готовности обучающихся к изучению иностранных языков.

В конце XIX – начале XX столетия готовность к деятельности изучалась с проникновением в природу психических процессов человека. По мнению Д.М. Узнадзе [4], готовность к деятельности связана с понятием установки, которая определяется как целостное образование, характеризующее личностное состояние субъекта, на основе которого возникает деятельность определенного характера и направленности.

На втором этапе готовность толкуется как феномен стойкости человека к внешнему и внутреннему влиянию. Такое понимание готовности было определено исследованием нейрофизиологических механизмов, регуляции и саморегуляции поведения человека.

Следующий этап готовности связан с научными исследованиями в области теории деятельности, в частности эмоционально-волевого, интеллекту-

ального потенциала личности. Готовность характеризуется как качественный показатель саморегуляции на разных уровнях прохождения процессов, которые определяют поведение человека: социальном, психологическом, физиологическом (А.Д. Ганюшкин, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович).

Предложенное М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович [1] понимание психологической готовности является важным для понимания сути феномена и принятия за основу во многих исследованиях. Ученые доказали, что состояние готовности имеет сложную динамическую структуру и является выражением множества эмоций, мотивационных и волевых сторон психики человека в их соотношении с внешним влиянием и последующих заданий. Авторы рассматривают готовность как выборочную и прогнозируемую активность личности на этапе её подготовки к определенному виду деятельности. Существенным является их вклад о двусторонности понятия «готовность» – как качества, так и психологического состояния личности.

В 80–90-ые годы проблема готовности в педагогике исследуется достаточно широко. При этом авторы изучают психологическую готовность (В.А. Моляко), мотивационную (Дональд Т. Кэмпбэлл), морально-психологическую (Л.В. Кондрашова), профессиональную (Д.С. Мазоха).

На современном этапе разработаны: 1) общие вопросы, связанные с источниками деформации готовности обучающихся и их негативным влиянием на дальнейшую карьеру (В.С. Тимофеев, А.А. Борисова, О.Е. Аврунев [3]); 2) критерии и уровни сформированности готовности обучающихся ВУЗов к общению в мультикультурной среде (Л.Ф. Гайсина [2]); 3) формирование готовности обучающихся в заведениях среднего специального образования к исследовательской деятельности (Т.Л. Шапошникова, М.Л. Романова, А.Е. Карасева (Федюн) [5]).

Результаты изучения научных источников свидетельствуют о том, что проблема готовности является объектом исследования как психологов, так и ученых-педагогов. При этом психологи, исследуя феномен готовности, стараются установить характер связей и зависимостей между состоянием готовности и эффективностью деятельности личности. Педагоги акцентируют внимание на изучении факторов и условий, дидактических и воспитательных средств, которые создают условия для руководства процессом становления и развития готовности личности к разным видам деятельности.

Разнообразие трактовки понятия «готовность» и её видов обусловлено заданиями и спецификой деятельности, которая изучается в каждом конкретном исследовании. Обобщая различные трактовки понятия готовности, можно утверждать, что они не противопоставляются друг другу, не отрицают друг друга, а взаимодополняют, отражая различные аспекты такого сложного и многогранного явления, как готовность к выполнению определенной деятельности.

Изучив различные взгляды на сущность готовности, мы пришли к выводу, что такое сложное явление нельзя приравнивать только лишь к наличию или отсутствию соответствующих знаний, умений, навыков, свойств или качеств личности, её психическому состоянию или способности к продуктивной деятельности. Несмотря на свою важность и необходимость, эти показатели не являются достаточными для того, чтобы раскрыть и понять сущность готовности в нашем исследовании.

Формулировка цели статьи. Целью статьи является обоснование педагогических условий формирования готовности обучающихся к изучению иностранного языка в ВУЗе.

Результаты исследования. Формирование готовности к изучению иностранного языка в ВУЗе рассматривается как создание в учебно-воспитательном процессе таких педагогических условий, при которых готовность к данному виду деятельности является неотъемлемой составляющей готовности к будущей профессиональной деятельности обучающихся учебных заведений.

Предложенные педагогические условия формирования у будущих специалистов готовности к изучению иностранного языка позволят улучшить подготовку будущих специалистов в ВУЗах, поскольку они развивают мотивацию, привлекают знания смежных дисциплин и обучают стратегиям работы с профессионально значимым материалом на иностранном языке.

Итак, одним из главных условий формирования готовности обучающихся к изучению иностранного языка является стимулирование мотивации обучающихся к этому виду деятельности, поскольку без сформированного мотивационного образования не существует состояния готовности к деятельности.

Стимулирование в обучении определяется как побуждение обучающихся к активной учебной деятельности и основывается прежде всего на выработке правильных мотивов в учебе. Мотивирование к обучению является одной из ведущих функций преподавателя. От того, насколько хорошо он ее выполняет, зависят, в определенной степени, успехи и достижения обучающихся в конкретной учебной деятельности.

Мотивирование обучающихся в нашем исследовании обеспечивается использованием мотивационных приемов, источником которых являются следующие теории: теория потребностей [8]; концепция «потока» [7]; когнитивная теория [9]; социальная теория [6].

Стимулирование мотивации обучающихся ВУЗов к изучению иностранного языка происходит через усиление внимания к тем факторам мотивации, которые могут быть изменены и проконтролированы, а именно: а) создание учебных ситуаций с положительным настроением; б) учет профессиональных интересов обучающихся; в) учёт потребностей обучающихся в достижениях и самореализации; г) учет сложности задач.

Создание учебных ситуаций с положительным настроением, усиление приятных эмоций обучающихся происходит благодаря использованию групповых видов деятельности для уменьшения стресса при публичных выступлениях; структурированию задач таким образом, чтобы обучающийся мог продемонстрировать умения; предоставлению достаточного количества времени для обдумывания ответа; рассмотрению интереса и разнообразия приоритетных условий при составлении заданий.

Учет профессиональных интересов является одним из основных факторов внутренней мотивации обучающихся при изучении иностранного языка. Профессионально-ориентированный учебный материал на иностранном языке, выполняет не только лингвистические функции, но и мотивационные. Аутентичные, доступные по содержанию и форме, учебные материалы способствуют росту интереса и усиливают уверенность будущих специалистов в собственных силах, что развивает мотивацию к работе с иностранным языком.

Потребности обучающихся в достижениях и самореализации удовлетворяются в том случае, когда они чувствуют, что в силах выполнить учебные задания. Данный фактор может быть реализован при подборе индивидуальных заданий по уровням и темам. Удачный подбор материала приводит к росту мотивации и быстрому прогрессу в учебной деятельности.

На мотивацию обучающихся влияет также учет сложности задач и, соответственно, количества усилий, необходимых для его выполнения. При подборе материала на иностранном языке учитывается: состояние подготовки обучающихся по специальным дисциплинам; соответствие заданий языковой и общей культуре; уровень сложности иностранного языка.

Таким образом, стимулирование мотивации обучающихся является первоочередным условием формирования у них готовности к изучению иностранного языка в вузе, поскольку иностранный язык часто рассматривается многими обучающимися как второстепенный предмет.

Следующим условием формирования готовности будущих специалистов к изучению иностранного языка является реализация межпредметных связей между профессионально-ориентированными дисциплинами и дисциплиной «Иностранный язык».

Межпредметные связи определяются как взаимная согласованность учебных предметов, обусловленная системой наук и дидактическими целями. Благодаря межпредметным связям решаются свойственные предметной системе обучения противоречия между разрозненным по предметам усвоением знаний и необходимостью их комплексного применения на практике. Умение переносить идеи и методы из одной науки в другую составляет основу творческого подхода к любой учебной и профессиональной деятельности.

Следующим условием формирования готовности к изучению иностранного языка в ВУЗе является обучение стратегиям работы при различных видах языковой деятельности.

Учебные стратегии означают действия и умственные процессы, которые применяются обучающимися с целью влияния на то, что изучается, включая память и метакогнитивные процессы. Обучение стратегиям является важной образовательной целью, поскольку успех будущих специалистов зависит от их умений работать самостоятельно и контролировать собственное обучение.

Выводы. Таким образом, процесс формирования готовности обучающихся высших учебных заведений к изучению иностранного языка будет протекать успешно, если создать соответствующие педагогические условия готовности будущих специалистов ко всем видам речевой деятельности.

Таковыми условиями могут выступать: 1) стимулирование мотивации обучающихся к изучению иностранного языка; 2) реализация межпредметных связей между профессионально ориентированными предметами и иностранным языком; 3) обучение стратегиям работы во всех видах речевой деятельности на иностранном языке.

Соблюдение этих условий будет способствовать росту уровня готовности к изучению иностранного языка, а, следовательно, улучшит качество профессиональной подготовки будущих специалистов.

Список использованных источников

1. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. М., 1976. 176 с.

2. Гайсина Л. Ф. Готовность студента вуза к общению в мультикультурной среде: критерии и уровни сформированности // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2002. – № 7. – С. 40–43.

3. Тимофеев В. С., Борисова А. А., Аврунев О. Е. Готовность обучающихся состояться в профессии: старт профессионального становления // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 3. – С. 53–62.

4. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с.

5. Шапошникова Т. Л., Романова М. Л., Карасева (Федюн) А. Е. Формирование готовности студентов к исследовательской деятельности // Среднее профессиональное образование. – 2015. – № 9. – С. 3–10.

6. Bandura A. Social learning theory. N.Y.: Prentice Hall, 1977. 273 p.

7. Csikszentmihalyi M. Flow: The psychology of optimal experience. N.Y.: Harper and Row, 1990. 217 p.

8. Maslow A. Motivation and personality. N.Y.: Harper and Row, 1970. 356 p.

9. Weiner B. Achievement motivation and attribution theory. N.Y.: General Learning Corporation, 1974. 270 p.

УДК 802/809-07

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

О. А. Мерзлякова,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость включения явлений иноязычной культуры в систему методических мероприятий при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Рассматривается возможность формирования у студентов межкультурной коммуникативной компетенции, которая позволит выпускникам вуза эффективно общаться в профессиональной иноязычной среде.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция, профессионально-ориентированный английский язык, иностранный язык, менталитет.

Summary. The article focuses on developing intercultural awareness that the students of non-linguistic Universities should possess in order to effectively communicate with foreign partners. This awareness can be developed by means of particular didactic organization of foreign language teaching process.

Key words: intercultural communicative competence, English for Specific Purposes, foreign language, mentality.

Благодаря процессам глобализации в современном мире стало очевидным, что обучение иностранным языкам – это не просто передача определенного набора лингвистических знаний, не просто умение прочитать и перевести текст со словарем, а формирование способности к участию в межкультурной коммуникации. Адекватное речевое поведение предусматривает

знание не только языка, но и фоновых знаний, к которым относятся традиции, обычаи, верования, идеология, религия, образ жизни, деловая этика, мировоззрение, система ценностей и многое другое.

Владение иностранным языком для будущих специалистов, заканчивающих неязыковые вузы, не является самоцелью, это одно из средств достижения успеха в профессиональной деятельности. Межкультурная коммуникативная компетенция – это способность личности, базирующаяся на специальных знаниях, умениях и навыках, а также личностных установках и стратегиях, с помощью которых возможно успешное осуществление профессионального общения с партнерами из других культур.

Одни и те же ситуации в разных культурах могут восприниматься по-разному. Для американца «богатый» – значит «умный», а для русского – «вор». «Новый» для американца – «улучшенный, лучший», а для русского – «не проверенный» [2].

Знакомство с другой культурой происходит на всех уровнях языка, но прежде всего в лексике. Изучая иностранный язык, студенты определяют универсалии, свойственные как иностранному, так и родному языку, и оппозиции, которые нередко приводят в замешательство.

Например, такие простые явления как *день-ночь*, *утро-вечер* на первый взгляд являются межъязыковыми эквивалентами. Однако английское *morning* продолжается двенадцать часов, от полуночи до полудня. Следовательно, *two o'clock in the morning* – это два часа утра для англичан и два часа ночи для русских. День – это *day* и *afternoon*. *Afternoon* – время от полудня до пяти-шести часов, затем идет *evening*, который уже в восемь часов сменяется короткой ночью – *night*, а в полночь – уже *morning* – *утро*. *Добрый день* – это *good afternoon*, а *good day* употребляется только при прощании, причем звучит резко и раздраженно, даже грубо и может быть переведено как разговор окончен, до свидания! [4].

Среди лексических единиц наиболее сложными для понимания из-за культурных различий являются метафоры. Будущим специалистам, для которых очень велика вероятность общаться в профессиональной иноязычной среде, необходимо знать не только терминологию, но и метафоры, устойчивые словосочетания, идиомы, часто встречающиеся в бизнесе. Например, «*go by the book*» – строго следовать букве закона; «*comfortably off*» – богатый человек; «*high and dry*» – в трудной ситуации; «*fiddle*» – надувать (о деньгах или счете) и др.

Довольно часто между культурами существуют значительные несоответствия при выборе средств коммуникации. Для представителей «индивидуалистских» западных культур (например, американской культуры) характерен когнитивный стиль обмена информацией, где большее значение придается содержанию сообщения, точности использования понятий и логике высказываний, а не тому, как оно предъясняется. Индивидуализм американской культуры, чтобы стимулировать возникновение быстрого ответа у оппонента, требует от него ясного и четко аргументированного высказывания. Однако в «коллективистских» культурах восточного типа люди при передаче информации в большей степени склонны обращать внимание на то, с кем и при каких обстоятельствах происходит общение. При этом особая значимость придается форме сообщения, тому, как сказано, а не тому, что сказано [1].

Реалии современной действительности, такие как глобализация, бизнес-интеграция, развитие новых информационных технологий, расширение деловых контактов требуют нового подхода к обучению иностранному языку студентов, для которых иностранный язык будет являться инструментом их будущей профессиональной деятельности. Студентам необходимо освоение не только языка, но и фоновых знаний страны изучаемого языка, т.к. несовпадение деловых культур в процессе взаимодействия означает дисбаланс в процессах принятия решений и разрешения конфликтов.

Изучение лексики и грамматики в отрыве от конкретного контекста их возможного употребления не решает задачу эффективной коммуникации. Преподавателю необходимо отобрать языковой и речевой материал для студентов в соответствии с возможными реальными ситуациями их потенциального общения на бытовом и профессиональном уровне.

Одним из способов формирования межкультурной коммуникативной компетенции является изучение стереотипных ситуаций. Каждой ситуации соответствует свой набор тематически связанных лингвистических средств, прописаны модели поведения, учтены культурные различия. Обучение студентов таким стереотипным ситуациям более целесообразно, чем преподавание определенного набора лексических и грамматических единиц в отрыве от конкретных возможных ситуаций профессионального общения. Следовательно, для приобретения межкультурной коммуникативной компетенции студентам необходимо профессионально-направленное изучение иностранного языка.

Межкультурное обучение рассчитано на интеграцию обучаемого в систему мировой культуры через язык. Изучение иностранного языка должно сочетаться с изучением собственного языка и культуры, т.к. иностранный язык познается сквозь призму родного языка и культуры, в выявлении сходств и различий. Таким образом, программа теоретических и практических дисциплин при обучении иностранному языку, направленная на приобретение межкультурной коммуникативной компетенции, должна включать в себя: глубокое изучение собственной культуры, изучение культуры страны изучаемого языка, изучение межкультурного взаимодействия стран.

Иными словами «для успешного становления межкультурной компетенции необходим симбиоз: языковой компетенции (знание лексического, грамматического и фонетического материала); фоновых знаний (знание реалий, свойственных конкретной языковой общности людей); социолингвистической компетенции, когда речевое поведение осуществляется в соответствии с реальными ситуациями общения, свойственными для носителей языка и социокультурной компетенции, формируемой в контексте культур контактирующих языков» [3, с. 175].

Межкультурная коммуникативная компетенция как результат высшего профессионального образования гарантирует готовность выпускников неязыковых вузов различных направлений эффективно реализовать в иноязычной среде полученные знания.

Список использованных источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. 84 с.

2. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Изд. 3., перераб. и доп. Воронеж: «Истоки», 2007. 61 с.

3. Самарская С. В. Межкультурный контекст обучения деловому иностранному языку в экономическом вузе // Вестник Ставропольского гос. ун-та. — 2007. — № 53. — С. 172–179.

4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 146 с.

УДК 81: 378.147

ΤΑΞΙΔΕΥΟΝΤΑΣ ΠΑΡΕΑ ΜΕ ΤΟΝ ΚΑΒΑΦΗ ΓΙΑ ΤΗΝ «ΙΘΑΚΗ». ΜΙΑ ΔΙΔΑΚΤΙΚΗ ΠΡΟΣΕΓΓΙΣΗ ΤΗΣ ΜΟΝΤΕΡΝΑΣ ΠΟΙΗΣΗΣ ΜΕΣΩ ΤΗΣ ΔΗΜΙΟΥΡΓΙΚΗΣ ΚΑΙ ΚΡΙΤΙΚΗΣ ΑΞΙΟΠΟΙΗΣΗΣ ΤΩΝ ΤΠΕ

Δέσποινα Μέρμηγκα,

Φοιτήτρια της Σχολής “Γλώσσας, Φιλολογίας και Πολιτισμού Παρευξείνιων Χωρών” του Δημοκρίτειου Πανεπιστημίου Θράκης (ΔΠΘ), Ελλάδα

Περίληψη. Η παρούσα εισήγηση αφορά σε μια διδακτική πρόταση στα πλαίσια της ενότητας: «Παράδοση και Μοντερνισμός στη Νεοελληνική Ποίηση». Πιο συγκεκριμένα, το σενάριο εστιάζει στον εντοπισμό των χαρακτηριστικών της μοντέρνας ποίησης, όπως συναντώνται στο ποίημα Ιθάκη του Κ. Καβάφη. Η πρόταση καταθέτει ιδέες και προτείνει δραστηριότητες, ώστε οι μαθητές, ομαδοσυνεργατικά με την αξιοποίηση της νέας τεχνολογίας ως ικανοί αναγνώστες, να ανακαλύψουν τα νεωτερικά στοιχεία στη νεοελληνική ποίηση και να μπορούν να κρίνουν πώς λειτουργούν αυτά μέσα στο ποιητικό έργο και να προχωρήσουν στην προσωπική πρόσληψη του νοήματός του.

Λέξεις-κλειδιά: παράδοση και Μοντερνισμός, Ιθάκη, Κ. Καβάφης, νέες τεχνολογίες, ομαδοσυνεργατικά, προσωπική πρόσληψη.

Summary. This paper deals with the teaching proposal within the framework of the unit Tradition and Modernism in Modern Greek Poetry. More specifically, the article focuses on identifying the characteristics of modern poetry, as they are found in the poem Ithaca by K. Cavafy. It introduces ideas and proposes activities so that students, collaborating with the exploitation of new technology as capable readers, discover the modern elements in Modern Greek poetry.

Key words: tradition and Modernism, Ithaca, K. Cavafy, new technology, collaboration, personal intake.

A. ΕΙΣΑΓΩΓΗ

Σύλληψη και θεωρητικό πλαίσιο

Η παρούσα εισήγηση αποτελεί μια διδακτική πρόταση που έχει στόχο να εισαχθούν οι μαθητές στην έννοια του μοντέρνου μέσω της Καβαφικής ποίησης, καθώς ο Κ. Καβάφης θεωρείται ο πρόδρομος του μοντερνισμού στην ελληνική ποίηση (Βαγενάς 1991 & Παγανός, 2003).

Επιλέχθηκε ένα δικό του ποίημα, προκειμένου οι μαθητές να αντιληφθούν πώς τα ιδιαίτερα ποιητικά χαρακτηριστικά του Καβάφη αποτελούν εν μέρει και στοιχεία του μοντέρνου στην ποίηση. Ειδικότερα προτιμήθηκε το ποίημά του «Ιθάκη» μιας και η πηγή έμπνευσής του είναι ο Ομηρικός Οδυσσέας (Ελευθεράκης, 2013). Θέμα γνωστό στους μαθητές/τριες από τη

διδασκαλία της Ομήρου Οδύσσειας γεγονός που καθιστά ευκολότερη την κατανόησή του.

Η υλοποίησή του διαρκεί έξι διδακτικές ώρες μοιρασμένες στη σχολική αίθουσα, στο εργαστήριο Η/Υ, στην αίθουσα πολλαπλών χρήσεων ή στη σχολική βιβλιοθήκη.

Η ένταξη, στην εκπαιδευτική διαδικασία, των εφαρμογών του Η/Υ επιδιώχθηκε, γιατί καθιστά το μάθημα πιο ελκυστικό και οι μαθητές έρχονται σε επαφή με τους «νέους γραμματισμούς» (Νικολαΐδου & Γιακουμάτου 2001).

Τα φύλλα εργασίας, που δίνονται στους μαθητές, περιέχουν δραστηριότητες με τις οποίες οι μαθητές ασχολούνται κυρίως ομαδικά, είναι λίγες σε αριθμό και στοχευμένες (Κουτσογιάννης, 2013α).

Β. Συμβατότητα με τις αρχές και τους στόχους του Ελληνικού Προγράμματος Σπουδών για τη Λογοτεχνία.

Το συγκεκριμένο Διδακτικό Σενάριο ανταποκρίνεται στους σκοπούς και τις δεξιότητες του Ελληνικού Προγράμματος Σπουδών για τη Λογοτεχνία της Α' Λυκείου. Καθώς η Λογοτεχνία αποτελεί ένα σύνθετο πολιτιστικό φαινόμενο δίνει τη δυνατότητα για: α) τη συγκρότηση υποκειμενικής στάσης των μαθητών απέναντι σ' αυτό το φαινόμενο, β) την ανασύσταση μια σχολικής τάξης αναγνωστών που να διέπεται από δημοκρατικές αρχές, κριτική εγρήγορση, αυτογνωσία, γ) την καλλιέργεια αναγνωστικών και επικοινωνιακών δεξιοτήτων, δ) την ευκαιρία δημιουργικής ανάγνωσης, ερμηνείας και κριτικής του ποιητικού λόγου, ε) μετουσίωση και μεταφορά μιας λογοτεχνικής ανάγνωσης σε νέο κείμενο κάθε είδους (ΦΕΚ 1562/ Β/27-06-2011).

Γ. ΣΚΕΠΤΙΚΟ - ΣΤΟΧΟΙ ΚΑΙ ΣΥΝΔΥΑΣΜΟΣ ΤΟΥΣ

α) Γνώσεις για τον κόσμο, αξίες, πεποιθήσεις, πρότυπα, στάσεις ζωής.

β) Οι μαθητές μέσα από τη διδασκαλία της Ιθάκης θα έχουν τη δυνατότητα:

- Να συνειδητοποιήσουν ότι η ποίηση αλλάζει τόσο στο περιεχόμενο όσο και στη μορφή της από εποχή σε εποχή.

- Να έρθουν σε επαφή με το ταξίδεμα του Καβάφη μέσα από το δικό τους ταξίδι.

- Να προβληματιστούν και να επεξεργαστούν με κριτικό τρόπο τις ιδέες που εκπέμπονται από το συγκεκριμένο ποίημα.

- Να συνειδητοποιήσουν τη σπουδαιότητα και τη διαχρονικότητα των θεμάτων και προβληματισμών του ποιήματος (Κουτσογιάννης, 2013γ).

γ) Γνώσεις για τη λογοτεχνία

Οι μαθητές σε επίπεδο λογοτεχνίας επιδιώκεται:

- Να κωδικοποιήσουν τα χαρακτηριστικά της μοντέρνας ποίησης (ελεύθερος στίχος, πεζολογικό ύφος, άλογο στοιχείο, καθημερινό λεξιλόγιο).

- Να γνωρίσουν το ρεύμα του συμβολισμού.

- Να εξοικειωθούν με τα χαρακτηριστικά της καβαφικής ποίησης.

- Να διερευνήσουν τον μύθο του Οδυσσέα στη μοντέρνα ποίηση.

δ) Γραμματισμοί

Σε επίπεδο λογοτεχνίας επιδιώκεται οι μαθητές:

- Να εξοικειωθούν με το άλογο στοιχείο της μοντέρνας ποίησης και να είναι ανοικτοί στην πολυσημία του ποιητικού λόγου.

- Να πειραματίζονται με τις δυνατότητες της γλώσσας και τους συνειρμούς.

- Να δημιουργούν πολυτροπικά κείμενα (Κουτσογιάννης, 2013 β).
- Να ακούσουν και να σχολιάσουν μελοποιημένα ποιήματα.
- Να ασκηθούν στην ομαδοσυνεργατική μάθηση και στο σχέδιο διδασκαλίας / εργασίας (Ματσαγγούρας, 1990).
- Να καλλιεργήσουν δεξιότητες σχετικά με την χρήση ΤΠΕ (Ράπτης & Ράπτη 2007).
- Να ακούσουν και να σχολιάσουν μαγνητοφωνημένες αναγνώσεις ποιημάτων και να πειραματιστούν οι ίδιοι με διαφορετικές απαγγελίες.
- Να επιλέγουν πληροφορίες μετά από κριτική θεώρησή της πηγής τους.

Ομαδοσυνεργατική Διδασκαλία & Αξιοποίηση των Τεχνολογιών της Πληροφορίας και της Επικοινωνίας.

Στο παρόν σενάριο εφαρμόζεται κυρίως η ομαδοσυνεργατική διδασκαλία. Από την εργασία σε ομάδες επιδιώκεται να επιτευχθεί, η δεξιότητα της συνεργασίας των μαθητών μέσω της γόνιμης ανταλλαγής απόψεων και της δημιουργίας ενός κλίματος οικειότητας. Η ανακαλυπτική-διερευνητική μάθηση, μέσω της ερμηνείας των λογοτεχνικών κειμένων ή της αναζήτησης, κριτικής επιλογής και αξιοποίησης πληροφοριών από το διαδίκτυο, σε συνδυασμό με τη δυνατότητα αυτενέργειας των μαθητών, προσθέτει μία επιπλέον διδακτική αξία (Ματσαγγούρας, 1990 & Σολωμονίδου, 1999).

Η ομαδοσυνεργατική μέθοδος γίνεται πιο αποτελεσματική σε συνδυασμό με τις Τεχνολογίες της Πληροφορίας και της Επικοινωνίας οι οποίες, τα τελευταία χρόνια, έχουν ενσωματωθεί στον χώρο της εκπαίδευσης με στόχο να κάνουν τους μαθητές πιο ενεργούς στα νέα τεχνολογικά δεδομένα φέρνοντάς τους σε επαφή με νέα περιεχόμενα και καινοτόμες μεθόδους συμβάλλοντας στην πρόοδό τους (Μπουραντάς, 2005).

Από την άλλη, ο ρόλος του εκπαιδευτικού είναι κυρίως καθοδηγητικός, συμβουλευτικός και μόνο όταν κρίνει πως υπάρχει αναγκαιότητα να επέμβει, δύναται να κατευθύνει τους μαθητές, θέτοντας ερωτήματα ή επιλύοντας απορίες.

Ε. Λεπτομερής παρουσίαση της πρότασης
Κείμενα

Λογοτεχνικά κείμενα σχολικών εγχειριδίων

ΚΝΛ Α' Λυκείου:

Κ.Π. Καβάφης, «Ιθάκη»

Υποστηρικτικό υλικό

Μη λογοτεχνικά κείμενα

Τα λήμματα για τον συμβολισμό και τον μοντερνισμό από το Λεξικό λογοτεχνικών όρων.

Οι εισαγωγές για τον συμβολισμό και τη νεώτερη ποίηση από τα σχολικά εγχειρίδια των *Κειμένων Νεοελληνικής Λογοτεχνίας, Α' Λυκείου* και των *Κειμένων Νεοελληνικής Λογοτεχνίας, Β' Λυκείου*.

Ενδεικτικές δικτυακές τοποθεσίες:

<http://www.snhell.gr/>: Σπουδαστήριο Νέου Ελληνισμού.

<https://www.onassis.org/el/people/c-p-cavafy>: Αρχείο Καβάφη, Κοινωφελές Ίδρυμα Αλέξανδρος Σ. Ωνάσης.

<https://www.google.com>: Μηχανή Αναζήτησης

<http://www.greeklanguage.gr/>: Πύλη για την Ελληνική Γλώσσα

<http://ebooks.edu.gr/>: Ηλεκτρονικά Βιβλία

<https://www.doctv.gr/page.aspx?itemID=SPG9315> : Η Ιθάκη του Καβάφη σε κόμικ

<https://www.youtube.com/> : Ιστότοπος , ο οποίος επιτρέπει την αποθήκευση και αναπαραγωγή ψηφιακών.

http://nyxterinoitypoi.blogspot.com/2011/10/blog-post_2710.html: Φιλολογικό Ιστολόγιο

<https://www.poetryfoundation.org/> : Ίδρυμα ποίησης

<https://www.monopoli.gr/> : Ηλεκτρονικό περιοδικό

Διδακτική πορεία/ Φάσεις

Α' Φάση - 1ο Δίωρο

1η Ώρα Η πρώτη ώρα πραγματοποιείται στην σχολική αίθουσα. Ο καθηγητής κλείνει τον κύκλο της παραδοσιακής ποίησης που έχει ερευνηθεί και πληροφορεί πως ακολουθεί η εισαγωγή στον μοντερνισμό. Ζητά από τους μαθητές να αναφέρουν προφορικά και στη συνέχεια να καταγράψουν στον πίνακα τα χαρακτηριστικά ενός παραδοσιακού ποιήματος. Στη συνέχεια τους δίνει φωτοτυπημένο ένα ποίημα της μοντέρνας ποίησης π.χ. τη «Μικρή πράσινη θάλασσα» του Ο. Ελύτη και τους ζητά να εντοπίσουν, αν υπάρχουν στοιχεία της παραδοσιακής ποίησης σ' αυτό και κατά πόσο το θέμα του είναι συγκεκριμένο και εύληπτο. Από τις αναμενόμενες απαντήσεις των μαθητών εκμαιεύει ο καθηγητής σιγά σιγά τα χαρακτηριστικά της μοντέρνας ποίησης. Στη συνέχεια τους δίνει φωτοτυπημένο πίνακα με τα χαρακτηριστικά της μοντέρνας ποίησης

2η Ώρα Τη δεύτερη ώρα οι μαθητές βρίσκονται στη αίθουσα πολλών χρήσεων. Ο καθηγητής εφαρμόζει τον καταγισμό ιδεών. Γράφοντας στο κέντρο του πίνακα τη λέξη Ιθάκη ζητά από τους μαθητές να αναφέρουν τι τους έρχεται στο νου, ενώ με τη μορφή ακτινοδιαγράμματος ένας μαθητής σημειώνει στον πίνακα τις ιδέες τους. Στις πιθανές απαντήσεις μπορεί να περιέχεται το όνομα του ποιητή Καβάφη οπότε (ακόμα και αν δεν περιέχεται) ο καθηγητής τους ανακοινώνει την πρόθεσή του να προσεγγίσουν μαζί το ποίημα «Ιθάκη» του Κ. Καβάφη. Στη συνέχεια ο καθηγητής προχωρά στην ανάγνωση του ποιήματος με τη σαφή οδηγία στους μαθητές να υπογραμμίζουν στη διάρκεια της ανάγνωσης τους στίχους όπου συναντούν τη λέξη Ιθάκη. Τελειώνοντας την ανάγνωση οι μαθητές διαβάζουν τους στίχους που περιλαμβάνουν τη λέξη Ιθάκη και ο καθηγητής τους προβάλλει σε διαφάνεια (που την έχει ήδη έτοιμη).

“Σαν βγεις στον πηγαιμό για την Ιθάκη,

Πάντα στον νου σου να' χεις την Ιθάκη.

μη προσδοκώντας πλούτη να σε δώσει η Ιθάκη.

Κι αν πτωχική την βρεις, η Ιθάκη δεν σε γέλασε.

ήδη θα το κατάλαβες οι Ιθάκες τι σημαίνουν.”

Οι στίχοι αυτοί θα αξιοποιηθούν στην πορεία της προσέγγισης του ποιήματος και θα συζητηθούν στη φάση ολοκλήρωσης της ερμηνείας του.

Β' Φάση – 2ο Δίωρο

Οι μαθητές βρίσκονται στο εργαστήριο της πληροφορικής. Χωρίζονται σε τέσσερις ομάδες των τεσσάρων ατόμων, ενώ κάθε ομάδα έχει στη διάθε-

σή της έναν ή δύο υπολογιστές ανάλογα με τις δυνατότητες του εκάστοτε εργαστηρίου.

Ο καθηγητής μοιράζει σε κάθε ομάδα ένα φύλλο εργασίας. Κάθε ομάδα αναλαμβάνει να προσεγγίσει διαφορετικές πτυχές του ποιήματος. Οι μαθητές της ομάδας αναλαμβάνουν συγκεκριμένο ρόλο: του συντονιστή (δίνει οδηγίες, συντονίζει), του διαμεσολαβητή (συγκεντρώνει απορίες, καλεί τον/τη φιλόλογο για τυχόν ερωτήματα), του πρακτικογράφου (καταγράφει τα αποτελέσματα της ομαδικής εργασίας) και του παρουσιαστή (παρουσιάζει στο σύνολο της τάξης τη δουλειά της ομάδας).

Α' Ομάδα

Η Α' ομάδα θα διερευνήσει ερωτήματα σχετικά με τη ζωή και το έργο του ποιητή μέσω ηλεκτρονικών πηγών και θα δημιουργήσει ένα πολυτροπικό κείμενο με λογισμικό παρουσίασης εμπλουτισμένο με στοιχεία, εικόνες, σχόλια, του ποιητή και έναν ειδολογικό πίνακα των έργων του ποιητή.

Β' Ομάδα

Η Β' Ομάδα θα διερευνήσει μέσω μηχανής αναζήτησης: τα χαρακτηριστικά της καβαφικής ποίησης, του μοντερνισμού και του συμβολισμού και θα ανακαλύψει τις ομοιότητες και τις διαφορές ανάμεσα στον Οδυσσέα και τον Καβαφικό ήρωα συντάσσοντας μια παράγραφο 50-60 λέξεων με τα συμπεράσματά της.

Γ' Ομάδα

Η Γ' Ομάδα την 1η Ώρα διερευνά την καβαφική γλώσσα και ακούει την ανάγνωση της «Ιθάκης» στα αγγλικά και στη συνέχεια οι μαθητές ηχογραφούν, μέσω του Η/Υ, μια δική τους απαγγελία του ποιήματος «Ιθάκη» στην ελληνική και στην αγγλική γλώσσα

Δ' Ομάδα

Η Δ' Ομάδα αναλαμβάνει να ασχοληθεί με τη διαχρονικότητα του Καβάφη και την επίδραση της ποίησής του στις τέχνες της μουσικής και της ζωγραφικής και συγγράφουν, στον επεξεργαστή κειμένου, μια σχετική παράγραφο.

Γ' Φάση-3ο Δίωρο συνεχόμενο

Οι μαθητές στο εργαστήριο πληροφορικής παρουσιάζουν τις ομαδικές εργασίες τους και ασκούνται στην προφορική παρουσίαση, στην ακρόαση, στην επικοινωνία με το κοινό. Προχωρούν στην αποσυμβολοποίηση τους ποιήματος «Ιθάκη» και στη συνέχεια ο καθηγητής σε μια άσκηση ενσυναίσθησης καλεί τους μαθητές να μπουν στο ρόλο του καβαφικού ήρωα και να αναλογιστούν ποια είναι η δική τους Ιθάκη. Καθώς οι μαθητές δίνουν την προσωπική τους απάντηση ουσιαστικά σχολιάζουν τη διαφάνεια με τους στίχους που είχε παρουσιάσει στην πρώτη φάση ο καθηγητής. Η διδακτική πρόταση κλείνει κυκλικά.

Προτάσεις προέκτασης της διδακτικής πρότασης

Η συγκεκριμένη διδακτική πρόταση θα μπορούσε να διευρυνθεί και να επεκταθεί χρονικά λαμβάνοντας τη μορφή project, και να παρουσιαστεί στις 21 Μαρτίου, την Παγκόσμια Ημέρα της Ποίησης.

Δ' Ομάδα

1^η Ώρα Η Δ' Ομάδα αναλαμβάνει να ασχοληθεί με τη διαχρονικότητα του Καβάφη και την επίδραση της ποίησής του στις τέχνες της μουσικής

και της ζωγραφικής. Μετά την ανάγνωση άρθρου για την ιδιαίτερη πατρίδα του Καβάφη, την Αλεξάνδρεια, οι μαθητές διαβάζουν το ποίημα του «Απολείπειν ο Θεός Αντώνιον» από το Σπουδαστήριο Νέου Ελληνισμού και συζητούν για το συμβολισμό της Αλεξάνδρειας. Στη συνέχεια ακούν στο Youtube το τραγούδι του Leonard Cohen «Alexandra leaving» και μέσα από ιστοσελίδες ηλεκτρονικών περιοδικών τέχνης διαπιστώνουν το σύνθετο αφιέρωμα στον Κ. Καβάφη εν όψει της Πολιτιστικής Ολυμπιάδας 2004 και την έκθεση ζωγραφικής, εμπνευσμένη από τα καβαφικά έργα, στο Μουσείο Μπενάκη το 2019.

2^η Ώρα Κατά τη διάρκεια της 2ης ώρας οι μαθητές συντάσσουν μια παράγραφο στον επεξεργαστή κειμένου αναφορικά με την διαχρονική επιρροή του Κ. Καβάφη και σε άλλες τέχνες εκτός της ποίησης.

Ενδεικτικό Φύλλο Εργασίας

4ο Φύλλο Εργασίας-2ο Δίωρο

Δ'Ομάδα: Ο διαχρονικός Καβάφης και οι τέχνες

1η Διδακτική ώρα

α) Διαβάστε το άρθρο «Η Καβαφική Αλεξάνδρεια είναι σύμβολο διαχρονικό και οικουμενικό» από στην ιστοσελίδα <https://www.elculture.gr/blog/article/>. Διαβάστε το ποίημα «Απολείπειν ο θεός Αντώνιον» και συζητήστε τι συμβολίζει η Αλεξάνδρεια.

β) Ακούστε τον Leonard Cohen στο τραγούδι του Alexandra leaving <https://www.youtube.com/watch?v=TPm6MuXLrI> εμπνευσμένο από το ίδιο ποίημα και σχολιάστε μεταξύ σας πως ένα ποίημα με ιστορικό-φιλοσοφικό περιεχόμενο αποτέλεσε πηγή έμπνευσης για μια άλλη μορφή τέχνης, τη μουσική. Ποια είναι η οπτική του Leonard Cohen;

γ) Επισκεφτείτε την ιστοσελίδα <http://cavafis.comrupress.gr/news6.htm> και διαβάστε για το σύνθετο αφιέρωμα που έγινε στον μεγάλο Αλεξανδρινό ποιητή στο Μέγαρο Μουσικής Αθηνών εν όψει της Πολιτιστικής Ολυμπιάδας 2004. Επίσης επισκεφτείτε στην ιστοσελίδα <https://www.monopoli.gr/2019/01/21/showtimes/exhibitions/303561/apo-ton-kosmo-tou-kavafi-ekthesitis-annas-filini-sto-mouseio-mpenaki/> και επιβεβαιώστε την διαχρονική έμπνευση που εξακολουθεί να εκπέμπει το ποιητικό έργο του Καβάφη έως τις μέρες μας σχολιάζοντας την έκθεση μιας σύγχρονης ζωγράφου (Αννας Φιλίνη) στο Μουσείο Μπενάκη το 2019.

2^η Διδακτική ώρα

δ) Γράψτε σε επεξεργαστή κειμένου ένα κείμενο έως 60 λέξεις στο οποίο να επισημαίνετε την διαχρονική επιρροή της Καβαφικής ποίησης σε άλλες μορφές τέχνης εκτός της ποίησης.

Βιβλιογραφικές Αναφορές

1. Βαγενάς, Ν. (1991). Ο Καβάφης της κριτικής και ο Καβάφης του Σεφέρη. Διαθέσιμο στο δικτυακό τόπο : <http://www.kavafis.org/kavafology/articles/content.asp?id=22> (08/03/2019).

2. Ελευθεράκης Δ., Κ.Π. (2013) .Καβάφης Ποιήματα, Αθήνα: Πατάκης.

3. Κουτσογιάννης, Δ. (2013α). Το μοντέλο των τριών κύκλων για την αξιοποίηση των ΤΠΕ στη γλωσσική εκπαίδευση. Α' έκδοση. ΙΤΥΕ-Διόφαντος.

4. Κουτσογιάννης, Δ. (2013β). Ο ρόμβος της γλωσσικής εκπαίδευσης-το παράδειγμα του παράγω. Α' έκδοση. ΙΤΥΕ-Διόφαντος.

5. Κουτσογιάννης, Δ. (2013γ). Διδακτικά σενάρια. Δομή και περιεχόμενο. Α' έκδοση. ΙΤΥΕ.

6. Ματσαγγούρας, Η. (1990). Ομαδοσυνεργατική Διδασκαλία και Μάθηση: Θεωρία και Πράξη της Διδασκαλίας κατά Ομάδες. Αθήνα: Γρηγόρης.

7. Μπουραντάς, Ο. (2005). Οι νέες τεχνολογίες στην εκπαίδευση. Απόψεις Φιλολόγων εκπαιδευτικών. Θεσσαλονίκη: Αφοί Κυριακίδη.

8. Νικολαΐδου, Σ. & Γιακουμάτου, Τ. (2001). Διαδύκτιο και Διδασκαλία. Ένας οδηγός για κάθε ενδιαφερόμενο και πολλές προτάσεις για τους φιλόλογους. Αθήνα: Κέδρος.

9. Παγανός, Δ. (2003). Μοντερνισμός και πρωτοπορίες. Αθήνα: Σαββάλας.

10. Σολωμονίδου, Χ. (1999). Εκπαιδευτική τεχνολογία. Μέσα, υλικά. Διδακτική χρήση και αξιοποίηση. Αθήνα: Καστανιώτης.

11. Ράπτης, Α. & Ράπτη, Α. (2007). Μάθηση και διδασκαλία στην εποχή της Πληροφορικής: Ολιστική Προσέγγιση. Αθήνα: Οδυσσέας.

12. ΦΕΚ 1562/27-06-2011. Ανακτήθηκε 7 Μαρτίου 2019, από http://www.ekp.gr/files/proga/Elliniki_Glossa_A_Lykeiou_fek1562_27611.pdf.

13. Παιδαγωγικό Ινστιτούτο. Αναλυτικά Προγράμματα Σπουδών. Ανακτήθηκε 6 Μαρτίου 2019, από http://www.ekp.gr/files/proga/Elliniki_Glossa_A_Lykeiou_fek1562_27611.pdf

УДК 378.147:811.111

ВНЕАУДИТОРНОЕ ЧТЕНИЕ НА МЛАДШИХ КУРСАХ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА: ОТ ФОРМЫ К СОДЕРЖАНИЮ

Μ. Β. Μικολαΐτση,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В статье обосновываются преимущества выбора научно-популярных текстов в качестве материала для внеаудиторного чтения на младших курсах бакалавриата нефилологических направлений подготовки. Предлагаются дополнения к традиционной схеме контроля внеаудиторного чтения, позволяющие повысить степень осознанности, глубины, полноты и адекватности понимания текстов обучающимися. Представленные в работе результаты и выводы основаны на применении методов научного наблюдения, обобщения педагогического опыта, пробного обучения и анализа научной литературы.

Ключевые слова: английский язык, бакалавр, внеаудиторное чтение, домашнее чтение, иностранный язык, понимание.

Summary. The paper highlights the advantages of choosing popular scientific texts for extra English reading by first- and second-year bachelor students majoring in subjects other than literature and linguistics. An enhanced reading control scheme is proposed which helps to facilitate and improve comprehension. The conclusions presented in the paper are based primarily on the results of

experimental teaching in a number of academic groups majoring in economics and other non-philology subjects.

Key words: bachelor, comprehension, ESP, extra reading, home reading, outside reading, undergraduate.

Внеаудиторное чтение — традиционная для многих российских вузов форма организации обучения иностранному языку [2; 3; 4; 6; 7; 8; 12].

Достаточно дискуссионным является вопрос подбора материала для домашнего чтения на нефилологических направлениях подготовки. Для этих целей в разных вузах предлагаются художественные [2; 3; 6; 8], публицистические [12], научные тексты [7; 12].

Какому из функционально-стилевых типов текстов стоит отдать предпочтение на младших курсах нефилологического бакалавриата и как построить работу с этими текстами в формате внеаудиторного чтения? Данная статья — попытка ответить на эти вопросы, основываясь на результатах педагогических наблюдений и обобщения педагогического опыта, полученного в ходе пробного обучения по разным схемам организации внеаудиторного чтения на экономических и других нефилологических направлениях подготовки, с привлечением научной литературы по лингводидактике, лингвостилистике и психолингвистике.

Принимая во внимание разделяемое многими специалистами положение о необходимости профессиональной ориентированности текстов для внеаудиторного чтения [4; 12], художественную литературу общего характера представляется целесообразным использовать главным образом на филологических направлениях. Что касается профессионально ориентированной «производственной» прозы, полноценная работа с ней требует наличия у обучающихся определенных фоновых знаний по профессии [2, с. 326], в связи с чем в МГИМО и МЛГУ, например, такие художественные тексты вводятся в процесс подготовки будущих экономистов и специалистов по туризму и гостиничному делу только на третьем курсе [2; 6]. Скорее для старших курсов подходят и аутентичные публицистические тексты, которые, как правило, весьма непросты с точки зрения как присутствующих в них языковых средств [12], так и идейного содержания, для понимания которого в большинстве случаев требуются обширные и разнообразные фоновые знания, в том числе относительно самых последних локальных событий в тех странах, где они издаются. Не готов студент первого и даже второго курса бакалавриата и к чтению иноязычных научных статей и монографий.

Многие годы на кафедрах иностранных языков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского для внеаудиторного чтения на младших курсах достаточно успешно использовались предназначенные для образовательных учреждений англоязычных стран учебники по общим профильным дисциплинам: *Economics: Theory and Practice* [16], *Understanding Psychology* [15] и т. п. Вполне доступные пониманию носителей английского языка благодаря логичности, ясности и доходчивости изложения, такие тексты, как показывает опыт, все же имеют некоторые недостатки: во-первых, они стилистически дублируют учебный материал, предлагаемый обучающимся в рамках основного курса, а, во-вторых, как

правило, не достаточно увлекательны для чтения вне аудитории, поскольку лишены проблемности и полемической заостренности, в целом, не свойственных учебнику как жанру [11, с. 62].

Ценное для внеаудиторного чтения на младших курсах сочетание научности, доступности и занимательности в полной мере присутствует в научно-популярных текстах [10; 11]. Имеющая в основном то же, что и собственно научные тексты, содержание (знания, полученные научным путем), а потому относимая большинством лингвостилистов к подстилю научного функционального стиля, научно-популярная литература отличается спецификой стоящей перед ней коммуникативной задачи, которая заключается в донесении научного содержания до неспециалиста в доступной и занимательной форме [11, с. 237]. В связи с этим научно-популярные тексты отличаются выраженной экспрессивностью, которая достигается за счет синтаксических средств, метафор и других средств словесной образности, заголовочных комплексов и иных элементов композиционно-смысловой структуры [11]. Проиллюстрируем эти особенности на примере введения в текст об инфляции из аутентичного научно-популярного издания *50 Economics Ideas You Really Need to Know*:

Depending on whom you listen to, inflation will either clean your teeth or knock them out. Former United States President Ronald Reagan described it as being 'as violent as a mugger, as frightening as an armed robber and as deadly as a hit man'. Karl Otto Pöhl, former president of the German Bundesbank, said: 'Inflation is like toothpaste; once it's out [of the tube], you can hardly get it back in again.' In fact, most of the time, inflation – the phenomenon of rising prices – is neither of the above [14, с. 78].

Совсем в иной форме излагается аналогичное содержание в учебнике *Economics: Theory and Practice*:

Another primary macroeconomic concern in market economies is the maintenance of stable prices, or the control of inflation. Like unemployment inflation can have severe consequences. Inflation is an increase in the general level of prices. It does not mean that prices are high, but rather that they are increasing [16, с. 142].

Преимущества научно-популярного текста с точки зрения увлекательности изложения и стилистического богатства языка в сравнении с учебным очевидны.

Именно научно-популярные тексты (в частности, из серии *50 Ideas You Really Need to Know*, которая включает в себя издания по математике, физике, биологии, химии, психологии, философии и многим другим наукам) являются, на наш взгляд, оптимальным выбором для внеаудиторного чтения на младших курсах нефилологического бакалавриата. Сочетая в себе научность и занимательность, они способны стать для вчерашнего абитуриента действительно удобным и привлекательным «мостиком» в мир выбранной профессии.

При всей занимательности формы подачи материала научно-популярные тексты, как показало психолингвистическое исследование И. В. Богословской, представляют некоторую сложность для понимания, связанную прежде всего с обилием присутствующей в них имплицитной информации [1]. В связи с этим важно правильно организовать работу с ними в контексте внеаудиторного чтения.

Представители психолингвистической школы Н. И. Жинкина подчеркивают, что понимание текста предполагает носящий «творческий, эвристический характер» переход от языковых выражений к их денотатам и отношениям между этими денотатами, которые составляют содержание текста [13, с. 51]. Критериями результативности этого «продуктивного творческого процесса» считаются осознанность, глубина, полнота и адекватность понимания [5, с. 120].

Ставя перед студентами традиционные для такой формы работы, как внеаудиторное чтение, задачи (чтение текста с соблюдением фонетических норм, дословный перевод, реферирование, знание лексического минимума), преподаватели часто сталкиваются с тем, что в смысл текста обучающиеся не вникают, ограничиваясь механическим выполнением заданий. Иными словами, многие студенты при чтении текста не совершают столь необходимого «творческого, эвристического» перехода к денотатам и отношениям между ними, осуществляя большую часть работы на уровне языковой формы.

Перераспределить акценты так, чтобы, прорабатывая языковую форму, обучающийся в процессе домашнего чтения уделял должное внимание и содержанию, позволяет дополнение традиционной схемы контроля групповым обсуждением прочитанного. В ходе такого обсуждения студентам могут предлагаться различные задания, направленные на проверку осознанности, глубины, полноты и адекватности понимания: вопросы по тексту, задания на определение истинности утверждений, тесты множественного выбора, вопросы для дискуссий. Составляя задания, стоит иметь в виду, что научно-популярные тексты по большей части насыщены разнообразной имплицитной информацией, эксплицирование которой, как показывает практика, доставляет обучающимся (да и самому преподавателю) немалое интеллектуальное удовольствие. Например, в одном из текстов из книги *50 Economics Ideas You Really Need to Know* в качестве иллюстрации рыночного механизма «невидимой руки» упоминается некий Томас, продающий изобретенные им электрические лампочки нового образца (фамилия Томаса не указывается) [14, с. 7]. Вопрос преподавателя группе «*Which famous inventor do you think the author has in mind?*», как правило, не остается без ответа. Другие примеры подобных заданий к текстам для внеаудиторного чтения можно найти в пособии, разработанном нами для бакалавриата направления подготовки «Экономика» [9].

Необходимо подчеркнуть, что важным условием успешности группового обсуждения прочитанного является творческий, эвристический характер процесса. Центральное место в нем занимает искусство преподавателя задавать в «живом» режиме простые по форме, но содержательные вопросы, в том числе наводящие, которые призваны последовательно подводить обучающихся к нужной мысли посредством актуализации имеющихся у них фоновых знаний. Существенное значение при этом имеет создание на занятии доброжелательной атмосферы, которая бы способствовала творческому эвристическому поиску.

Как показывает многолетний опыт работы на младших курсах бакалавриата направлений подготовки «Экономика», «Менеджмент», «Психология», «Политология», «Культурология» и др., введение в традиционную схему контроля внеаудиторного чтения дополнительного компонента в виде группово-

го обсуждения прочитанного, в целом, позитивно воспринимаясь обучающимися, способствует более осознанному, глубокому, полному и адекватному пониманию содержания текстов.

Список использованных источников

1. Богословская И. В. Научно-популярный текст: сложность понимания: автореф. дис. ... кандидата филол. наук. М., 2001. 18 с.

2. Гринева М. В. Роль эмпатии в формировании профессиональной идентичности экономиста-международника // Вестник МГИМО. — 2014. — № 4 (37). — С. 324–331.

3. Гусейнова Л. Д., Гаджиева С. А. Домашнее чтение как один из видов самостоятельной работы студентов-экономистов в обучении английскому языку [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 5. — Режим доступа: <http://online-science.ru/m/products/filologicheskie-nauki/gid1460/pg0> (дата обращения 25.02.2019).

4. Давыденко Ю. И. Обучение автономному чтению на иностранном языке в техническом вузе: критерии отбора текстового материала // Труды БГТУ. Серия 4. Принт- и медиатехнологии. — 2017. — № 4 (195). — С. 52–57.

5. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. 432 с.

6. Казанчян К. П. Обучение профессионально ориентированному общению студентов-экономистов (аспект «Домашнее чтение») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2014. — Т. 700. — № 14. — С. 56–68.

7. Каргина Е. М. Особенности внеаудиторного чтения в неязыковом вузе // Молодой ученый. — 2015. — № 9 (89). — С. 1079–1080.

8. Карпова Ю. Н. Домашнее чтение как один из видов самостоятельной работы студентов-юристов НИУ ВШЭ // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — № 4 (26). — С. 113–117.

9. Миколайчик М. В. Программные разговорные темы по английскому языку: учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 38.03.01 Экономика. Симферополь: ДИАЙПИ, 2017. 142 с.

10. Мухтарова Н. Р. К вопросу о роли научно-популярной литературы при обучении иностранному языку студентов 1-х курсов неязыковых факультетов вузов // Rhema. Рема. — 2009. — № 1. — Р. 67–75.

11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2011. 696 с.

12. Храброва В. Е. О внеаудиторном чтении в неязыковом экономическом вузе: некоторые проблемы и поиски их решения // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 10–11. — С. 2552–2558.

13. Чистякова Г. Д. Формирование предметного кода как основы понимания текста // Вопросы психологии. — 1981. — № 4. — С. 50–59.

14. Conway E. 50 Economics Ideas You Really Need to Know. London: Quercus, 2009. 208 p.

15. Feldman R. S. Understanding Psychology. Boston: McGraw-Hill College, 1999. 774 с.

16. Welch P. J., Welch G. F. Economics: Theory and Practice. Fort Worth: Dryden Press, 1998. 678 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

О. Н. Никейцева,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков №1,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению теоретических аспектов профессионального практико-ориентированного иноязычного обучения будущих специалистов в области туризма. В работе проанализирована сущность практико-ориентированного подхода в высшем образовании и профессиональной практико-ориентированной иноязычной подготовке будущих специалистов туристической сферы. В статье изучены категории, представляющие собой основную цель профессиональной практико-ориентированной иноязычной подготовки будущих специалистов в сфере туризма, такие как: иноязычная коммуникативная компетентность и готовность к реализации профессионального общения на иностранном языке.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, практико-ориентированный подход, профессиональное межкультурное общение, иноязычная коммуникативная компетентность, готовность к реализации профессионального общения на иностранном языке.

Summary. The article is devoted to the study of theoretical aspects of professional practice-oriented foreign language training of future specialists in the field of tourism. The paper analyzes the essence of the practice-oriented approach in higher education and professional practice-oriented foreign language training of future specialists in the tourism sector. The article examines the categories that represent the main goal of professional practice-oriented foreign language training of future specialists in the field of tourism, such as: foreign language communicative competence and readiness to implement professional communication in a foreign language.

Keywords: foreign language training, practice-oriented approach, professional intercultural communication, foreign language communicative competence, readiness to implement professional communication in a foreign language.

Деятельность специалистов в сфере туризма предполагает реализацию различных аспектов международного сотрудничества. В этой связи профессиональная подготовка будущих специалистов в указанной области труда должна быть ориентирована на формирование компетенций, позволяющих им на высоком уровне профессионализма реализовывать международное сотрудничество, в основе которого, прежде всего, – процесс коммуникации.

На основе анализа методологических и методических аспектов профессиональной подготовки будущих специалистов в области туризма, изложенных в публикациях современных ученых, целесообразно заключить, что сегодня одним из ее обязательных содержательных направлений является реализации иноязычной профессиональной подготовки. Однако изучение уровня качества профессионального образования специалистов туристического дела на современном этапе

обосновывает необходимость решения основных противоречий профессиональной подготовки, а также поиска путей совершенствования ее реализации, в частности такой ее составляющей, как иноязычное профессиональное обучение. По мнению современных теоретиков, повышение уровня иноязычной подготовки может быть достигнуто путем увеличения практической составляющей в содержании учебных программ профессиональной подготовки.

Вышеизложенное обосновывает потребность реализации иноязычной практико-ориентированной подготовки будущих специалистов туристической сферы в рамках осуществления их профессиональной подготовки в высшей школе. Кроме того, на современном этапе данное требование отражено в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования [3].

На основе указанного подчеркнем, что реализация профессиональной иноязычной подготовки будущих специалистов в сфере туристической деятельности для повышения ее эффективности требует обращения к практико-ориентированному подходу в образовании как к методу преподавания и обучения в сочетании с практической деятельностью с целью ориентации учебного процесса на конечный продукт профессиональной подготовки – формирование и развитие компетенций [2]. Исследователи Е. А. Конистерова, К. А. Улитина, Е. В. Калинина подчеркивают, что обучение иностранному языку на основе практико-ориентированного подхода является ведущим условием формирования «активной и творческой личности будущего специалиста, способного успешно применять лингвистические знания в профессиональной деятельности, что и является одним из актуальных и перспективных направлений развития профессионального образования» [1].

Обосновав необходимость реализации профессиональной практико-ориентированной иноязычной подготовки будущих специалистов в области туризма, обратимся к изучению ее теоретических основ.

Профессиональную практико-ориентированную иноязычную подготовку студентов, вслед за Л. В. Покушаевой, будем рассматривать как «процесс формирования у студентов способности иноязычного общения в конкретных, профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления» [3, с. 305].

В концептуальном ключе цель профессионального практико-ориентированного иноязычного обучения будущих специалистов в области туризма представляет собой достижение уровня общения на иностранном языке, необходимого для реализации профессиональных задач. В практическом смысле данную цель можно обозначить как формирование иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов туристической отрасли труда и их готовности к реализации профессионального иноязычного профессионального общения как одного из компонентов готовности выпускников к реализации профессиональных обязанностей в сфере туристической деятельности.

Большинство современных исследователей иноязычную коммуникативную компетенцию определяют как результат профессиональной подготовки студентов и их готовности к осуществлению иноязычной деятельности в определенной сфере профессиональной деятельности. В этой связи иноязычная коммуникативная компетентность рассматривается как компонент профессиональной компетентности специалиста. В данном исследовании под

термином «иноязычная коммуникативная компетентность» будем понимать совокупность знаний, навыков и умений специалиста, которые предоставляют возможность достигать в равноправном диалоге взаимопонимания и взаимодействия с представителями других культур. Данная компетентность реализуется через развитие навыков и умений в основных видах речевой деятельности, охватывающих рецепцию, продукцию, интеракцию и медиацию и реализующихся как в письменной, так и в устной формах [4].

Высокий уровень сформированности данной компетентности позволяет говорить о наличии у будущего специалиста в области туризма готовности к реализации иноязычного профессионального общения. Данную готовность мы рассматриваем как один из компонентов готовности личности к реализации профессиональной деятельности в туристической сфере, проявляющуюся в умении организовывать эффективное межкультурное взаимодействие на основе прочных теоретических знаний, развитых коммуникативных навыков, сформированных профессионально значимых личностных качеств.

Достижение указанных целей профессиональной практико-ориентированной иноязычной подготовки будущих специалистов в области туризма подразумевает увеличение составляющей практической направленности процесса обучения, создание развивающей коммуникативной среды вуза, применение активных и интерактивных методов и инновационных технологий обучения, позволяющих студенту находиться в активной (субъектной) познавательной позиции, раскрыть свой коммуникативный потенциал и практически совершенствовать навыки профессионального общения на иностранном языке.

Список использованных источников

1. Конистерова Е. А., Улитина К. А., Калинина Е. В. Практико-ориентированный метод обучения иностранным языкам как средство совершенствования языкового образовательного пространства неязыкового вуза [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 3. – С. 230–237. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/770270.htm> (дата обращения 30.01.2019).

2. Образцов П. И. Проектирование и конструирование профессионально-ориентированной технологии обучения: учеб.-метод. пособ. Орёл: ОГУ, 2003. 94 с.

3. Покушалова Л. В., Серебрякова Л. Т. Обучение профессионально ориентированному языку в техническом вузе [Электронный ресурс] // Молодой учёный. – 2012. – №5. – С. 305–307. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/40/4759/> (дата обращения 09.02.2019).

4. Сурыгин А. И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб., 2000. 230 с.

УДК: 004: 378.147:811.14'06

ΟΙ ΤΕΧΝΟΛΟΓΙΕΣ ΤΗΣ ΠΛΗΡΟΦΟΡΙΑΣ ΚΑΙ ΤΗΣ ΕΠΙΚΟΙΝΩΝΙΑΣ ΚΑΙ Η ΑΞΙΟΠΟΙΗΣΗ ΤΟΥΣ ΣΤΗ ΔΙΔΑΣΚΑΛΙΑ ΤΗΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΩΣ ΞΕΝΗΣ ΓΛΩΣΣΑΣ

Δημουλάς Νικόλαος,

Δάσκαλος ελληνικής γλώσσας

Περίληψη. Το παρόν άρθρο αναφέρεται στις εφαρμογές που προϋφίστανται

να έχουν οι Νέες Τεχνολογίες στον τομέα της εκπαίδευσης και πως αυτές μπορούν να επηρεάσουν την διαδικασία της διδασκαλίας του γλωσσικού μαθήματος. Αρχικά γίνεται μια αναφορά στο ρόλο που διαδραματίζει η εξέλιξη της τεχνολογίας σε όλους τους τομείς της ζωής μας. Στη συνέχεια περιγράφεται η αναγκαιότητα ένταξης νέων τεχνολογιών στην διδακτική πράξη και συγκεκριμένα στην διδασκαλία των ξένων γλωσσών. Τέλος, παραθέεται μια πρόταση διδασκαλίας ενός γραμματικού φαινομένου σε σπουδαστές επιπέδου B1 με τη βοήθεια τεχνολογικών μέσων.

Λέξεις Κλειδιά: Νέες Τεχνολογίες, ΤΠΕ, διδασκαλία ξένων γλωσσών, διαδίκτυο.

Summary. This article refers to the applications that New Technologies may have in the field of education and how they can influence the process of teaching the language course. Initially, a reference is made to the role played by the evolution of technology in all areas of our lives. The following is a description of the need to integrate new technologies into the teaching process and in particular the teaching of foreign languages. Finally, there is a proposal to teach a grammatical phenomenon to B1 level students with the help of technological means.

Key words: New Technologies, ICT, Foreign Language Teaching, Internet.

Εισαγωγή

Η εποχή που ζούμε χαρακτηρίζεται ως «ψηφιακή εποχή». Η ανάπτυξη νέων τεχνολογιών έχει επιφέρει σημαντικές αλλαγές σε όλους τους τομείς της ανθρώπινης δράσης καθώς έχουν διεισδύσει στις διαδικασίες της επικοινωνίας, της εργασίας, της παραγωγής και της κουλτούρας (Castells, 1998). Αυτή η τεχνολογική πρόοδος δεν σχετίζεται μόνο με καταναλωτικά πρότυπα και συνήθειες, όπως αγορά νέων υπολογιστών με νέα λογισμικά συστήματα, αλλαγή κινητών τηλεφώνων κλπ, αλλά έχει επηρεάσει σημαντικά και τον τρόπο εργασίας, ψυχαγωγίας, επικοινωνίας με τους συνανθρώπους, την συμμετοχή στην κοινωνική ζωή, τις ιατρικές υπηρεσίες κ.α. (Dertuzos & Gates, 1997). Οι αλλαγές αυτές που επιφέρουν οι διευρυμένες εφαρμογές των νέων τεχνολογιών στην κοινωνία και στην «αγορά εργασίας» αναγκάζουν κάθε άτομο να προσαρμόζεται στις απαιτήσεις του συνεχώς μεταβαλλόμενου οικονομικο-κοινωνικού περιβάλλοντος και να βελτιώνει τις ικανότητές του (European e-Skills Forum, 2004). Η γνώση και αξιοποίηση των νέων τεχνολογιών σε όλα τα επίπεδα της κοινωνικής και επαγγελματικής ζωής είναι πλέον αναγκαία για όλο και μεγαλύτερο αριθμό πολιτών για να μπορέσουν να έχουν την ευκαιρία, τα απαραίτητα εφόδια και τη δυνατότητα να παρακολουθήσουν την εξέλιξη της τεχνολογίας και να μην δεχτούν την απειλή του λεγόμενου «ψηφιακού αποκλεισμού» (OECD, 2003, Ευρωπαϊκή Επιτροπή, 1996).

Ανεπηρέαστος, όπως είναι φυσικό, δεν μπορεί να μείνει και ο τομέας της εκπαίδευσης. Οι νέες συνθήκες που διαμορφώνονται από την λεγόμενη «Κοινωνία της Πληροφορίας» έρχονται να αλλάξουν ριζικά τη δομή και τον προσανατολισμό του εκπαιδευτικού συστήματος. Οι Τεχνολογίες της Πληροφορίας και της Επικοινωνίας (ΤΠΕ στο εξής) επηρεάζουν καθοριστικά τις εκπαιδευτικές αλλαγές που προδιαγράφονται στο κοντινό μέλλον, οι οποίες αφορούν στις διδακτικές πρακτικές, στις μαθησιακές συνήθειες και στα μέσα διδασκαλίας (Τζιμογιάννης, 2000).

ΤΠΕ και εκπαιδευτική πράξη

Με τον όρο Τεχνολογίες της Πληροφορίας και της Επικοινωνίας (ΤΠΕ) περιγράφονται όλες εκείνες οι συσκευές, οι εφαρμογές και τα μέσα της πληροφορικής και της τεχνολογίας των τηλεπικοινωνιών στα οποία περιλαμβάνονται οι προσωπικοί υπολογιστές, τα δίκτυα υπολογιστών, τα δορυφορικά συστήματα, η κινητή τηλεφωνία κ.ά. Ο κατάλογος των ΤΠΕ δεν εξαντλείται εδώ, αντίθετα συνεχώς αυξάνεται φτάνοντας σε πιο πρόσφατες καταχωρήσεις της τεχνητής νοημοσύνης και της ρομποτικής.

Τα μέσα που αναφέραμε παραπάνω διαδραματίζουν πλέον χωρίς αμφιβολία καθοριστικό ρόλο στην εκπαίδευση και επιμόρφωση του ανθρώπου. Καθώς ο υπολογιστής συνιστά σήμερα κατά κανόνα το κύριο μέσο ένταξης των ΤΠΕ στην εκπαιδευτική διαδικασία, λόγω των πολλαπλών δυνατοτήτων που προσφέρει και λόγω της διασύνδεσής του σε δίκτυα επικοινωνίας, ο εκπαιδευτικός είναι καλείται να αξιοποιήσει τα νέα αυτά εργαλεία στην διδακτική πράξη. Από την στάση του εκπαιδευτικού εξαρτάται η ενσωμάτωση των ΤΠΕ στην καθημερινή σχολική πρακτική. Όπως χαρακτηριστικά αναφέρει ο Baki, πολλές μεταρρυθμίσεις απέτυχαν γιατί δεν ελήφθη υπόψη ο κεντρικός ρόλος του εκπαιδευτικού (Baki 2000). Για να μπορέσει να λειτουργήσει μια καινοτόμα πράξη με επιτυχία πρέπει και ο εκπαιδευτικός να έχει πειστεί ότι η καινοτομία αυτή θα ευνοήσει τους μαθητές και τη διδασκαλία.

Η πλειοψηφία των εκπαιδευτικών έχει την τάση να απολαμβάνει τη σταθερότητα του επαγγέλματος και να αντιμετωπίζει ως απειλή τις όποιες αλλαγές στη σχολική πραγματικότητα. Είναι επιφυλακτικοί και ανασφαλείς στη χρήση των ΤΠΕ στο αντικείμενο διδασκαλίας τους, είτε γιατί κυριαρχούνται από το άγχος να καλύψουν τη διδακτέα ύλη, είτε γιατί οι μαθητές είναι πλέον πιο εξοικειωμένοι στη χρήση των ΤΠΕ. Το τελευταίο αυτό στοιχείο αποτελεί βασικό ανασταλτικό παράγοντα στη χρήση νέων τεχνολογιών στην εκπαίδευση. Είναι γεγονός πως οι μαθητές θεωρούνται, και πολλοί από αυτούς είναι, εγγράμματοι στους υπολογιστές ή έστω πιο «επιδέξιοι» σε σχέση με τους εκπαιδευτικούς. Αυτό συμβαίνει επειδή οι νεότερες γενιές γεννήθηκαν και μεγάλωσαν μέσα σε ένα τεχνολογικά εξελιγμένο περιβάλλον και τα νέα μέσα δεν είναι κάτι καινούριο για τους νέους. Σύμφωνα με τον Rushkoff (1998), είναι τα παιδιά της οθόνης που έχουν ένα μεγάλο πλήθος αναπαραστάσεων ενός εικονοποιημένου περιβάλλοντος εκτός σχολείου και μπορούν ταχύτατα να προσδιορίσουν έννοιες-κλειδιά σε ένα υπερμεσικό περιβάλλον (Caccuran, Lambert, 1999).

Η βελτίωση της εκπαιδευτικής πράξης με τη χρήση των ΤΠΕ δεν επέρχεται ούτε μηχανικά ούτε είναι αυτονόητη. Ο ρόλος του εκπαιδευτικού αλλάζει και είναι αυτός που καλείται να δημιουργήσει το κατάλληλο περιβάλλον μάθησης με τη χρήση των ΤΠΕ. Το παραδοσιακό δασκαλοκεντρικό μοντέλο με τον εκπαιδευτικό σε ρόλο μεταδότη της γνώσης και τον μαθητή σε ρόλο ακροατή, παύει να υφίσταται. Ο νέος ρόλος του εκπαιδευτικού είναι συντονιστικός και συμβουλευτικός ενεργοποιώντας την ενεργητική μάθηση και οργανώνοντας έτσι το μάθημα ώστε ο μαθητής να δίνει ο ίδιος τη λύση μέσα από την ανακάλυψη.

Οι νέες τεχνολογίες στην εκμάθηση μιας ξένης γλώσσας

Η παιδαγωγική αξιοποίηση των νέων τεχνολογιών είναι ιδιαίτερα δια-

δεδομένη στη διδασκαλία των ξένων γλωσσών. Σε μεγάλο βαθμό, αυτή η ευρεία αξιοποίηση των ΤΠΕ οφείλεται στις ιδιαιτερότητες που παρουσιάζει η εκμάθηση μιας ξένης γλώσσας. Ειδικότερα, η αποτελεσματική εκμάθηση της ξένης γλώσσας προϋποθέτει: (α) την παροχή ενός πλούσιου γλωσσικού περιβάλλοντος στους σπουδαστές, ώστε αυτοί να συμμετέχουν ενεργητικά σε γλωσσικές δραστηριότητες και να αλληλεπιδρούν γλωσσικά με τους συμμαθητές τους, (β) την έκθεση και εξοικείωση των σπουδαστών με αυθεντικά κείμενα της ξένης γλώσσας, (γ) την αξιοποίηση της διαφοροποιημένης διδασκαλίας, την προσαρμογή, δηλαδή, της διδασκαλίας στις μαθησιακές ανάγκες των σπουδαστών, το επίπεδο ετοιμότητάς τους, την επίδοση και το μαθησιακό τους προφίλ, και (δ) τη δημιουργία ενός φιλικού, υποστηρικτικού και συνεργατικού κλίματος μέσα στην τάξη (Alderman, 2004).

Το διαδίκτυο αποτελεί μια άριστη πηγή αυθεντικών πολυτροπικών - multimedia κειμένων, τα οποία είναι ιδιαίτερα διαδεδομένα στη σύγχρονη εποχή, καθώς χρησιμοποιούν περισσότερο από ένα τρόπο σημείωσης, όπως λ.χ. γλώσσα, εικόνα, ήχο. Οι εκπαιδευτικοί μπορούν να αξιοποιήσουν ηλεκτρονικές εγκυκλοπαίδειες, ηλεκτρονικές εφημερίδες για να εμπλουτίσουν τη διδασκαλία τους και να συμπληρώσουν με δημιουργικό τρόπο τα σχολικά εγχειρίδια. Αυτό κρίνεται ως ιδιαίτερα σημαντικό, καθώς συχνά τα σχολικά εγχειρίδια δεν περιέχουν αρκετά αυθεντικά κείμενα, αλλά κείμενα τα οποία έχουν γραφεί με στόχο την παρουσίαση ενός γραμματικού ή συντακτικού φαινομένου. Ο εμπλουτισμός της διδασκαλίας με πληροφορίες και αυθεντικά κείμενα από το διαδίκτυο παρέχει, επίσης, στον εκπαιδευτικό τη δυνατότητα να εξοικειώσει τους μαθητές με στοιχεία του πολιτισμού των ανθρώπων που μιλούν την ξένη - διδασκόμενη γλώσσα, ενισχύοντας τη διαπολιτισμική διάσταση που χρειάζεται να έχει η διδασκαλία μιας ξένης γλώσσας. Επισημαίνεται, ωστόσο, ότι τα κείμενα από το διαδίκτυο που επιλέγει να χρησιμοποιήσει στην τάξη ο εκπαιδευτικός πρέπει να είναι λίγο παραπάνω από το επίπεδο γλωσσομάθειας των σπουδαστών, ενσωματωμένα μέσα σε εκπαιδευτικά σενάρια τα οποία δεν εστιάζονται αποκλειστικά στη γραμματική.

Διαδικασία εφαρμογής - Διδακτική πρόταση

Με την προϋπόθεση ότι η τάξη και οι σπουδαστές διαθέτουν την κατάλληλη υλικοτεχνική υποδομή (υπολογιστής, σύνδεση στο διαδίκτυο, smartphones) θα παρουσιάσουμε περιγραφικά ένα σενάριο εφαρμογής των ΤΠΕ σε ένα γλωσσικό μάθημα. Ας υποθέσουμε πως θέλουμε να διδάξουμε τους παρελθοντικούς χρόνους Παρατατικό και Αόριστο της Ενεργητικής Φωνής σε σπουδαστές επιπέδου Β1 μέσω του εγχειριδίου «ΚΛΙΚ στα Ελληνικά» του Κέντρου Ελληνικής Γλώσσας (ΚΛΙΚ Β1, σελ. 190 – 197).

Η αξιοποίηση των ΤΠΕ εντάσσεται σε ένα πλαίσιο τριών σταδίων, με διακριτά και αλληλένδετα τμήματα, με σκοπό να επιτευχθεί η σταδιακή καλλιέργεια των γλωσσικών δεξιοτήτων των σπουδαστών.

1. Αφόρμηση – Ενεργοποίηση προϋπάρχουσας γνώσης και εισαγωγή στη νέα ύλη: α) ανάγνωση του κειμένου «Ο ψεύτης παππούς» της Άλκης Ζέη, από το βιβλίο *ΚΛΙΚ στα Ελληνικά*, επίπεδο Β1, σελ. 190· β) καταγραφή των υπογραμμισμένων ρημάτων του κειμένου.

2. Παρουσίαση του σχηματισμού Παρατατικού και Αορίστου της Ενεργητικής φωνής. Χρήση: α) ηλεκτρονικής αφίσσας (www.thrania.com), β) βί-

ντεο για τον σχηματισμό των παρελθοντικών χρόνων (www.thrania.com).

3) Εμπέδωση γραμματικού φαινομένου. Πρακτική εξάσκηση·

α) Ακουστικό υλικό: Αφήγηση παραμυθιού «Η Πριγκίπισσα και το αλάτι» (H/Y, youtube, <https://www.youtube.com/watch?v=rPatPPB6v4c>).

Συμβουλεύουμε τους σπουδαστές να σημειώσουν στο τετράδιό τους κατά την διάρκεια της ακρόασης άγνωστες λέξεις – φράσεις.

β) γλωσσική παρέμβαση – εξομάλυνση. Χρήση ηλεκτρονικών λεξικών για επεξήγηση άγνωστων λέξεων. Σύντομος σχολιασμός του παραμυθιού.

γ) 2η ακρόαση. Ζητάμε από τους σπουδαστές να καταγράψουν σε μια στήλη τα ρήματα που ακούγονται στο παραμύθι.

δ) μετά το τέλος της ακρόασης ζητάμε από τους σπουδαστές να μεταφέρουν τα ρήματα που σημείωσαν στον Ενεστώτα.

ε) Αυτοέλεγχος – αυτοδιόρθωση. Παρουσιάζουμε στον υπολογιστή την πλήρη λίστα με τα ρήματα που υπάρχουν στο παραμύθι και τον σωστό τύπο στον Ενεστώτα. Οι σπουδαστές διορθώνουν μόνοι τους τα λάθη τους. Η διαδικασία αυτή εξοικονομεί χρόνο κατά την διδακτική πράξη και ενθαρρύνει τους σπουδαστές να συμμετέχουν ενεργά και χωρίς να διστάζουν.

στ) Προβάλλουμε στην οθόνη το κείμενο του παραμυθιού που ακούστηκε, έχοντας μετατρέψει τα ρήματα σε Ενεστώτα. Ζητάμε από τους σπουδαστές να γίνει μεταφορά τους σε Παρατατικό και Αόριστο.

Εργασίες

1. Αναζητήστε στο διαδίκτυο στην ιστοσελίδα του Υπουργείου Παιδείας της Ελλάδας, (Εκπαίδευση, Δημοτικό, Βιβλία, Γ' τάξη, Διαδραστικά σχολικά βιβλία, Ιστορία Γ' δημοτικού στην ηλεκτρονική διεύθυνση <http://ebooks.edu.gr/new/classcourseshtml.php?classcode=DSDIM-C>) ένα κεφάλαιο ιστορίας και επιλέξτε ένα απόσπασμα 6-8 γραμμών, όπου γίνεται χρήση των παρελθοντικών χρόνων Παρατατικού και Αορίστου της Ενεργητικής φωνής. Γράψτε τις αντίστοιχες προτάσεις στο τετράδιό σας και μεταφέρετε τα ρήματα στον Ενεστώτα.

2. Διαδραστική – ομαδοσυνεργατική πρόταση: χωριστείτε σε ομάδες και φτιάξτε το δικό σας παραμύθι στους ηλεκτρονικούς χώρους συζήτησης (chat rooms). Βρείτε στο διαδίκτυο εικόνες για την εικονογράφηση του και αναρτήστε το στην ιστοσελίδα του σχολείου σας ή στα κοινωνικά δίκτυα. Προκηρύξτε διαγωνισμό για την επιλογή της καλύτερης ιστορίας μετά από ψηφοφορία των χρηστών των κοινωνικών δικτύων. Η ιστορία που θα επιλεγεί ως καλύτερη προτείνεται είτε να γίνει θεατρική παράσταση που θα βιντεοσκοπηθεί είτε θα ηχογραφηθεί ως αφηγηματικό κείμενο και θα αναρτηθεί στα μέσα κοινωνικής δικτύωσης για εκπαιδευτικούς σκοπούς.

Επίλογος – Συμπεράσματα

Με την αξιοποίηση των ΤΠΕ και των δυνατοτήτων που προσφέρουν στην διδασκαλία της ελληνικής ως ξένης γλώσσας οι σπουδαστές έχουν την ευκαιρία να μαθαίνουν αποτελεσματικότερα σε ένα πιο ευχάριστο και ελκυστικό περιβάλλον, που ανταποκρίνεται πιο πολύ στα ενδιαφέροντά τους. Συγχρόνως, καλλιεργείται ο ψηφιακός γραμματισμός τους καθώς μαθαίνουν να χρησιμοποιούν έγκυρες ιστοσελίδες με αυθεντικά κείμενα και αξιόπιστες πληροφορίες που συμβάλλουν στην βελτίωση του γνωστικού επιπέδου κατοχής της διδασκόμενης γλώσσας, ενώ παράλληλα αναπτύσσουν

κοινωνικές και γνωστικές δεξιότητες μέσα από τη συνεργατική μάθηση

Ο ρόλος του εκπαιδευτικού παραμένει βασικός και θεμελιώδης. Είναι υπεύθυνος για την κατάλληλη επιλογή του ψηφιακού εκπαιδευτικού υλικού που θα χρησιμοποιήσει και είναι αυτός που θα αξιολογήσει την αποτελεσματικότητά του ως προς την καλλιέργεια των δεξιοτήτων των σπουδαστών στην διδασκόμενη γλώσσα.

Συνοψίζοντας, η χρήση της ψηφιακής τεχνολογίας μπορεί να γίνει ένα ακόμα χρήσιμο εργαλείο στη φαρέτρα των εκπαιδευτικών. Η διδασκαλία του γλωσσικού μαθήματος μπορεί να εμπλουτιστεί με διάφορες εφαρμογές μέσω των ΤΠΕ καλλιεργώντας ένα πιο ευχάριστο και ελκυστικό περιβάλλον για τους σπουδαστές και ενθαρρύνοντας την ενεργό συμμετοχή τους στην ανακάλυψη και πρόσληψη της νέας γνώσης.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

1. Alderman M. Kay. Motivation for Achievement: Possibilities for Teaching and Learning, Lawrence Erlbaum Associates. 2004.

2. Baki A. Preparing student teachers to use computers in mathematics classrooms through a long-term pre-service course in Turkey // Journal of Information Technology for Teacher Education. — 2000. — Vol. 9, No 3. — σελ. 343–360.

3. Caccuran T. & Lambert P. The virtual school: emancipating the Curriculum. 1999.

4. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture // The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1998.

5. Dertuzos M., Gates B. What will Be: How the New World of Information Will Change Our Lives. USA: Harper San Francisc, 1997.

6. European e-Skills Forum. [Electronic Resource] // Synthesis Report, European Commission. — Mode of access: URL: <http://www.eskills2004.org> (ανακτήθηκε την 10.01.2019).

7. OECD. Beyond rhetoric: adult learning policies and practices. Paris, 2003.

8. Τζιμογιάννης Α. Οι Τεχνολογίες της Πληροφορικής στην Εκπαίδευση, ΣΕΛΕΤΕ/ΠΑΤΕΣ, Ιωάννινα. 2000.

УДК 378

ТЕХНОЛОГИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

Д. И. Семенова,

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения современных методов индивидуального дифференцированного обучения студентов-архитекторов неязыковых высших учебных заведений, анализируется место студента в современном образовательном процессе, освещается роль содержания современной системы вузовского обучения через информационную модель индивидуального подхода. Особое внимание уделяется системно-структурному подходу к индивидуализации обучения, технологии уровневой дифференциа-

ции. В статье представлен ряд определенных условий, необходимых для эффективности выполнения индивидуальной уровневой дифференциации.

Ключевые слова: индивидуальное обучение, дифференцированное обучение, студент, индивидуальный подход, системно-структурный подход, уровневая дифференциация.

Summary. The article discusses the features of the application of modern methods of individualized differentiated education for architecture students of non-linguistic higher educational institutions, analyzes the student's place in the modern educational process, highlights the role of the content of the modern system of higher education through the information model of the individual approach. Particular attention is drawn to the system-structural approach to the individualization of learning, technology, level differentiation. The article presents a number of specific conditions necessary for the effective implementation of individual level differentiation.

Key words: individual learning, differentiated learning, student, individual approach, system-structural approach, level differentiation.

На современном этапе весьма актуальной является проблема качества подготовки специалистов (бакалавров, специалистов и магистров) в высших учебных заведениях Российской Федерации. К тому же, улучшение качества высшего образования является одним из основных задач Болонской декларации. Общеизвестно, что на качество подготовки специалистов существенно влияют инновационные изменения, касающиеся учебных планов, содержания образования, приемов и методов обучения, использования компьютерных технологий. Не менее важным является совершенствование эдукационной составляющей, то есть использование эффективных обучающих технологий, а именно: максимально привлекать студентов к ежедневной умственной работе, побуждая их достигать максимальных результатов обучения. Одна из таких составляющих – дифференцированное обучение. Суть дифференцированного подхода заключается во внедрении в процесс обучения различных методических стратегий, учитывающих потребности студентов в обучении.

При подготовке высококвалифицированного специалиста необходимо организовать такой учебный процесс, который обеспечивал бы выпускнику высокую конкурентоспособность за счёт необходимого уровня сформированности стратегической компетенции; способствовал бы формированию не только базовых знаний, но и умений и потребностей к самостоятельному повышению профессионального уровня, стремлению к непрерывному самообразованию и самосовершенствованию; создал бы условия применения эффективных механизмов рефлексии и мониторинга собственного профессионального роста; развил бы личностную социальную открытость, толерантность, готовность к деятельности в нестандартных ситуациях; стимулировал бы способность осуществлять самостоятельный выбор, принимать решения, брать на себя ответственность за реализацию намеченного плана действий [6].

Такой подход предполагает смену доминирующей позиции преподавателя и роли студента как пассивного исполнителя, который воспроизводит стандартный минимум готовых знаний на паритетных отношениях, а именно: на модель партнерского сотрудничества, совместного проектирования и организацию обучения.

Все это будет способствовать раскрытию индивидуальности каждого субъекта совместного взаимодействия, развития его творческого потенциала. При этом студент, субъект коммуникативного развития, рассматривается как высшая ценность образовательного процесса.

Содержание современного обучения в высшем учебном заведении должно реализовываться через информационную модель, основу которой составляют различные типы индивидуальных заданий в печатном и электронном виде. Основным содержанием обучения иностранному языку в неязыковом высшем учебном заведении должно стать профессионально-ориентированное деловое общение с доминантой обучения разговорной речи, также включая обучение работе с отраслевыми аутентичными текстами. Обучение целесообразно строить на качественно новом содержании при тщательном отборе учебного языкового материала в соответствии со спецификой будущей профессиональной деятельности студентов направления подготовки «Градостроительство» [3]. Для развития коммуникативной компетенции студент должен уметь поддерживать деловую беседу, высказывать свое мнение, выражать согласие/несогласие в устной форме, владеть умением вести деловую переписку в соответствии с общепринятыми нормами. Основную часть должны составлять задания, направленные на развитие и формирование навыков устных форм коммуникации в сочетании с письменными задачами и основами перевода.

Основная идея индивидуального подхода заключается в предоставлении студенту максимально широких возможностей обучаться. Такое обучение позволит ему оптимально адаптироваться к реальной действительности во всем ее многообразии и целостности и использовать на практике ключевые принципы обучения в разнообразных социальных ситуациях. Реализация такого подхода выдвигает серьезные требования к методике обучения, которая должна из «обучения делать что-то», быть способной трансформироваться в «помощь научиться что-то делать» [5, с. 8]. В основе данной методики лежит обучение через деятельность. Преподавателям нужно научиться доверять студентам и позволять им учиться самим через собственную практическую деятельность и возможные ошибки.

В методике существует также системно-структурный подход к индивидуализации, который позволяет говорить об «индивидуальной», «субъектной» и «личностной» индивидуализации. Каждый человек, как индивидуальность, отличается индивидуальными свойствами (способность к изучению иностранных языков, память и др.) В методике такой подход получил название «индивидуальная индивидуализация». Этот подход, который можно назвать дифференцированным, находит свое отражение в подборе заданий для студентов в зависимости от их способностей и уровня знаний.

В любой образовательной системе в той или иной степени осуществляется дифференцированный подход. Технология уровневой дифференциации представляет собой совокупность организационных решений, средств и методов дифференцированного обучения иностранному языку, охватывающих определенную часть учебного процесса. Особенности такой технологии является блочная подача материала, работа с малыми группами на нескольких уровнях усвоения, создание особого учебно-методического комплекса.

Технология уровневой дифференциации обучения иностранному языку студентов архитекторов в высшем учебном заведении имеет несомненное преимущество, поскольку в данном случае исключается «уравниловка» и усреднение студентов. Взяв за основу базовый уровень иноязычной компетенции, необходимо разработать ряд дополнений к требованиям на этом уровне, увеличивая объем содержания для разноуровневых подгрупп (микрогрупп) и дифференцируя требования ко всем видам речевой деятельности, владению грамматическими и лексическими навыками. При этом углубление знаний за счет способностей студентов, овладевающих соответствующими лексическими, грамматическими и речевыми навыками, должно проходить при одинаковом количестве часов.

Таким образом, студент начального уровня иностранной компетенции может получить дополнительные консультации по пройденному материалу, а студенту продвинутого уровня владения иностранным языком стоит усложнить задачу с целью активизации приобретенных умений и навыков. Поскольку в группе уже нет традиционно слабых студентов, то преподавателю нет необходимости искусственно занижать общий уровень преподавания. Одновременно появляется возможность эффективно работать со студентами, которые плохо адаптированы к общественным нормам, а у хорошо успевающих студентов усиливается мотивация к приобретению более глубоких знаний.

Требования программы должны усложняться за счет углубления, расширения знаний, предусмотренных требованиями к подготовке студентов с расчетом на их способности, а также на современные педагогические технологии. Эффективность уровневой дифференциации предусматривает выполнение ряда определенных условий:

- четкое выделение уровней усвоения материала и разъяснение принципов данной системы студентам;
- соответствие между уровнями знаний и характером предъявляемых требований;
- последовательность в усвоении студентами учебного материала при переходе от одного уровня к другому;
- объективность в оценке выполнения студентами заданий каждого уровня, а также открытость этой информации для всех членов студенческой группы;
- получение принципа добросовестности при выборе уровня усвоения и формы отчетности [2].

Во многих учебниках авторы специально предусматривают дополнительные упражнения, позволяющие преподавателю осуществлять дифференцированный подход к обучению различных групп студентов в зависимости от их языковой подготовки. Каждый человек отличается от другого по своим субъективным свойствам (умение выполнять те или иные виды деятельности, упражнения, задания, умение учиться, то есть каждый студент имеет свой способ овладения знаниями, свою стратегию). Такой подход в методике имеет название «субъектной индивидуализации».

Еще один подход, названный «личностной индивидуализацией», является важнейшим для мотивации активности студента, поскольку он ближайший к сознательному отношению к учебе. Личностные свойства человека обусловлены общественными отношениями не прямо, а через его внутренний

мир. Они включают интересы, духовные потребности, моральные ценности, личный опыт, отношение к окружающему миру.

Следует отметить, что на современном этапе развития общества и, в частности, новейших информационных технологий процесс обучения иностранному языку в высшем учебном заведении не может быть достаточно эффективным без использования современных технических средств.

Организация учебного процесса на основе использования мультимедийных курсов и компьютерных технологий также позволяет улучшить осуществление индивидуализации обучения иностранному языку. Большое значение имеет и правильный подбор текстов для внеаудиторного чтения с учетом интересов, способностей и уровня подготовки каждого студента.

Все эти методы могут стать средствами усиления мотивации студента к изучению иностранного языка.

Реализация любой педагогической технологии является процессом динамическим, поэтому преподаватель должен иметь возможность улучшать и изменять ее при необходимости. Реализация технологии уровневой дифференциации, профессиональной компетенции, предусматривает не только индивидуальную дифференциацию задач, но и дифференциацию условий выполнения этих задач, включая различные виды помощи со стороны преподавателя, вариативность возможностей опоры на учебный материал, а также различные формы контроля с учетом индивидуального выполнения заданий как средства формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов-архитекторов.

Таким образом, указанный ряд определенных условий, необходим для эффективности выполнения индивидуальной уровневой дифференциации. Особое внимание уделяется системно-структурному подходу к индивидуализации обучения, технологии уровневой дифференциации, что будет способствовать более эффективному обучению иностранному языку в неязыковых высших учебных заведениях и улучшит индивидуальный подход к каждому студенту.

Список использованных источников

1. Байденко В. И., Гришанова Н. А., Пугач В. Ф. Россия в Болонском процессе: проблемы и задачи, перспективы // Высшее образование сегодня. — 2005. — № 5. — С. 18–27.

2. Зайцева И. А. Технология уровневой дифференциации как средство формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов технического вуза: дис. ... кандидата пед. наук. Самара, 2007. 218 с.

3. Комарицкая Т. В. Индивидуализация процесса обучения иностранному языку как средство актуализации потенциальных возможностей учащихся. Иркутск: ИВВАИУ, 2005. 205 с.

4. Кузьминов Я. Болонский процесс и национальная система образования. 2006. С. 3–16.

5. Никитина О. С. Обучение профессионально-ориентированному деловому иноязычному общению в техническом ВУЗе // Инженерное образование. 2006. 138 с.

6. Шамова Т. И. Управление образовательными системами [2-е изд., стер.]. М.: Академия, 2005. 160 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ОЛИМПИАДНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «НАВЫКИ XXI ВЕКА»

Т. В. Сказочкина¹, М. Я. Креер²,

*¹ кандидат педагогических наук,
преподаватель Академической гимназии СПбГУ
имени К.Д. Фаддеева, Санкт-Петербург*

*² кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой «Иностранные языки»,
Финансовый Университет при правительстве РФ,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья рассматривает особенности Олимпиады как одного из творческих конкурсов, целью которого является выявление интеллектуального потенциала одаренных детей.

Исследователи обращают внимание на необходимость информирования о целях, задачах, перспективах, форматах и критериях предметных Олимпиад. Руководствуясь документами Совета Европы и документами по проведению ВСОШ (Всероссийская Олимпиада школьников), авторами впервые вводится термин «Олимпиадная компетенция», включающий в себя информационную, предметную и творческую компетенции. В статье показано отличие олимпиады от других видов тестов, и формирование олимпиадной компетенций из коммуникативной, общей, предметной компетенции, а также навыков 21 века (социально-ориентированные навыки). В результате проведенного исследования определена структура олимпиадной компетенции и шкал ее оценивания в части лингвального компонента. Актуальность исследования заключается в необходимости разработки шкал для оценивания творческой и предметной компетенции.

Ключевые слова: олимпиада, олимпиадная компетенция, коммуникативная компетенция, шкалы оценивания, критерии оценивания, навыки 21 века (социально-ориентированные навыки).

Summary. The article considers the features of the Olympiad as one of the creative contests, aiming at revealing intellectual potential of gifted and talented children. Researchers focus on informing about the objectives, tasks, prospects, formats and criteria of the subject-related Olympiads. Guided by the documents of the Council of Europe and documents about the regulations of All-Russian Olympiads for Schoolchildren (AROS). It's the first time the authors have introduced the term "Subject-related Olympic competence", which includes information, subject and creative aspects. The article shows the difference of the Olympiad from other types of tests, and the ways of forming Olympiad competence based on communicative, general, subject ones, as well as the 21st century skills (socio-oriented). As a result of the study, the structure of Olympic competence and its assessment scales were determined in terms of the lingual aspect only. The relevance of the study is defined by the need to develop scales for evaluating creative and subject competence.

Key words: Olympiad, Olympic competence, communicative competence, assessment scales, assessment criteria, skills of the 21st century (socio-oriented skills).

В 2018 году по итогам опроса Центра независимого тестирования «Олим-

пикс», проводившегося в школах Санкт-Петербурга и Ленинградской области, *Олимпиадная компетенция* включает в себя три компонента:

1) информированность учащихся о целях, перспективах и возможностях предметных олимпиад;

2) знания и навыки в определенной предметной области;

3) социально-ориентированные навыки, или «навыки 21 века» [1; 2; 3; 4].

В интересах учащихся был проведен опрос о мотивах участия и стремления победить в различных интеллектуальных конкурсах. Было выявлено три группы мотивов:

- реализация собственных учебных амбиций;
- поступление в вуз как решение собственных проблем;
- поступление в вуз как ступень к профессиональному и карьерному росту.

Стоит отметить, что только учащиеся третьей группы могут рассматриваться как сформированные личности с социально-ориентированными навыками. Учащиеся же первой и второй групп имеют достаточно ограниченное видение своих возможностей и перспектив.

Так как количество учащихся третьей группы значительно меньше, чем остальных, можно сделать вывод об отсутствии сформированной олимпиадной компетенции в предметной области, в частности, компонента информированности о целях, перспективах, возможностях, а особенно форматах заданий и критериев оценивания предметных олимпиад.

Согласно концепции «новой грамотности или навыков XXI века», **общая цель** системы подготовки к интеллектуальным конкурсам по иностранным языкам и иным дисциплинам, включая систему тестирования, – это реализация **Стратегии научно-технического развития Российской Федерации** (подпункт «б» пункта 4 Перечня поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № Пр-2346), направленной на *формирование интеллектуальной элиты общества*.

Для реализации этой глобальной цели необходимо решение следующих **задач**:

1) выявление и развитие у учащихся творческих способностей, интереса к иностранным языкам и научно-исследовательской деятельности в области лингвистики и лингвокультурологии;

2) создание необходимых условий для поддержки одаренных детей, в том числе содействие в их профессиональной ориентации и продолжении образования;

3) пропаганда гуманитарных и социокультурных знаний среди обучающихся, связанных с историей и современным функционированием различных вариантов иностранных языков, их истории и культур;

4) привлечение высококвалифицированных научных и педагогических кадров к работе с одаренными детьми;

5) развитие готовности и способности школьников осуществлять речевое общение на межнациональном уровне, формирование будущей интеллектуальной элиты государства.

Основные **отличия Олимпиад от тестов** государственного и международного формата заключаются в том, что олимпиадные задания:

- должны носить проблемно-поисковый характер и выявлять творческий потенциал участника;

- не должны повторять формат ГИА-9 и ГИА-11 по иностранному языку, а также формат любого международного сертифицированного теста;
- должны соответствовать всем требованиям тестовых заданий.

Итак, на основе вышеописанных цели и задач проведения Олимпиады, а также ее особенностей по сравнению с другими тестами предлагается детально рассмотреть структуру олимпиадной компетенции. С этого момента мы будем использовать термин *олимпиадная компетенция в предметной области* (ОКПО), так как речь идет не только об олимпиадах по иностранным языкам, но и другим олимпиадным дисциплинам.

ОКПО включает в себя три компонента:

1. **Информированность** учащихся о целях, перспективах и возможностях предметных олимпиад, а особенно форматах заданий и критериях оценивания.

Всероссийская олимпиада школьников включает в себя 4 этапа: школьный, районный, региональный и заключительный. Проводится ежегодно по 24 общеобразовательным предметам с 1 сентября по 30 апреля. Дипломы победителей и призеров заключительного этапа действуют 4 года и дают право поступления без вступительных испытаний в любое высшее учебное заведение России по профилю олимпиады по итогам окончания средней школы. Помимо этого, победители и призеры заключительного этапа поддерживаются денежными премиями.

Школьный этап: срок окончания – не позднее 1 ноября (5–11 классы).

Районный этап: срок окончания – не позднее 25 декабря (7–11 классы).

Региональный этап: срок окончания – не позднее 25 февраля (9–11 классы).

Заключительный этап: срок окончания – не позднее 30 апреля (9–11 классы).

2. **Знания и навыки в определенной предметной области**, полученные в процессе подготовки к олимпиадам, дают возможность более целостного восприятия и способствуют осмысленному и осознанному выбору будущей профессии.

3. **Социально-ориентированные навыки**, которые носят метакогнитивный характер:

- умение решать сложные задачи,
- критическое мышление,
- креативность,
- навык коммуникативного взаимодействия с окружающими людьми,
- когнитивная гибкость,
- активное слушание,
- самоконтроль.

Следует отметить, что данный компонент реализуется в рамках **системы дополнительного образования и дополнительной подготовки** в виду нехватки времени в рамках общеобразовательных программ.

В свою очередь, реализация Олимпиадной деятельности, включая составление и оценивание заданий и проведение всех мероприятий по предметным олимпиадам, происходит в рамках определенных регламентирующих законодательных документов:

С одной стороны — документ **Совета Европы (CEFR)**, в котором коммуникативная компетенция представлена в виде лингвальной, социо-культурной, стратегической (дискурсивной) компетенций [6, с. 103–109].

С другой стороны – **требования к проведению Олимпиад** (от

10.10.2018, протокол ЦПМК №2), где заявляются определенные требования к уровню знаний и навыков в области иностранных языков (CEFR), страноведения (предметная компетенция) и творческих способностей [5; с. 5–13; 7, с. 9–11].

Однако, как следует ниже из таблицы 1, в которой показаны этапы Олимпиады и уровни заданий по шкале CEFR для учащихся 5–6, 7–8, 9–11 классов, определены уровневые шкалы только в части **лингвального компонента**. Что касается страноведческой компетенции и творческих способностей, шкалы отсутствуют.

Таблица 1. Уровни сформированности коммуникативной компетенции в соотношении с уровнем сложности олимпиадных заданий

Классы	Этапы олимпиады			
	школьный	муниципальный (районный)	региональный	всероссийский (заключительный)
5-6	A1 - A2			
7-8	A2 - B1	B1 - B1+		
9-11	B1 - B2	B2 - B2+	B2 - C1	C1+ - C2

Проблема заключается в том, что по факту в олимпиадных заданиях мы наблюдаем в основном задания на развитие лингвальной компетенции и частично задания, которые носят псевдо-социокультурный характер. По форме они предполагают владение страноведческой компетенцией, а по факту они проверяют владение *лингвальной компетенцией* или фоновыми знаниями, как части страноведческой.

На самом деле *страноведческая* компетенция, помимо фоновых знаний, включает знания в области географии, истории, политики и культуры иноязычных стран.

Исходя из вышеизложенного, для развития ОКПО необходимо:

- 1) развитие лингвальной компетенции в соответствии со шкалой CEFR;
- 2) развитие социокультурной компетенции в соответствии со шкалой CEFR + знания в предметной области на иностранном языке;
- 3) развитие когнитивной компетенции в соответствии, с одной стороны, со шкалой CEFR в части экзистенциальной компетенции познавательных способностей в рамках общей компетенции, а, с другой стороны, с навыками 21 века в рамках концепции стратегического развития РФ.

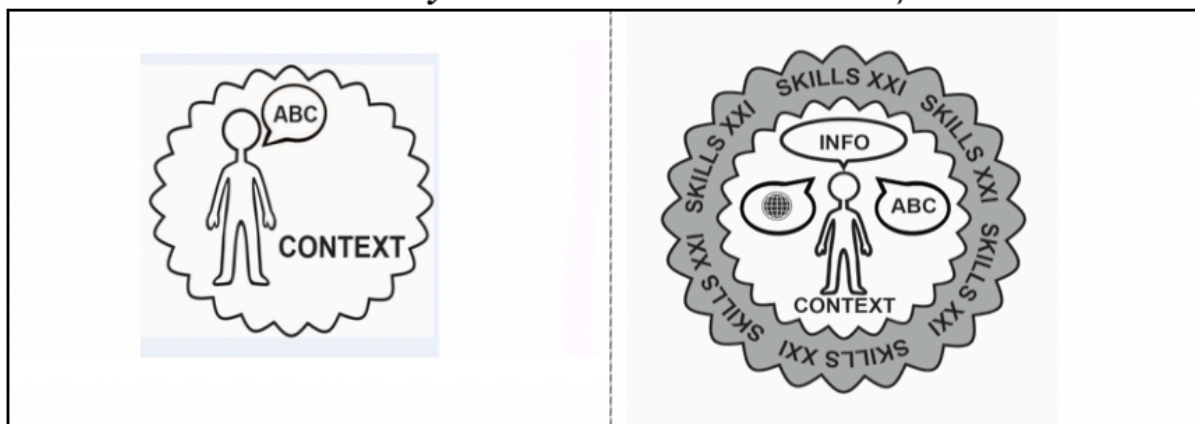
Перед методистами и преподавателями стоит задача подготовки к Олимпиадам. Однако сложность заключается в том, что в настоящее время не существует единого пособия, в котором развивались бы все компоненты ОКПО, о которых шла речь выше.

На данном этапе был проведен анализ ряда существующих пособий зарубежных издательств, и мы выделили некоторые из них, где, по нашему мнению, в той или иной степени, присутствуют компоненты ОКПО. К ним относятся пособия уровня Upper-Intermediate/Advanced издательств Oxford, Cambridge, Heinle, Mcmillan и др.

Соотнесение коммуникативной компетенции (CEFR) с ОКПО и предметными компетенциями (география, история, культурология, политика, религия, экономика и др.) отображено в таблице 2.

Коммуникативная компетенция	Олимпиадная компетенция	Предметная компетенция на английском языке (CLIL)
1. лингвальная 2. социолингвистическая 3. стратегическая (прагматическая)	1. информационная 2. лингвальная 3. страноведческая 4. творческая компетенции	1. География 2. История 3. Политика 4. Культурология 5. Религия 6. Экономика
Общие компетенции	Навыки 21 века (soft skills)	Конвергенция предметов (hard skills)
1. Декларативные знания о мире: <ul style="list-style-type: none"> • социокультурные • межкультурные 2. Практическая умения и навыки: <ul style="list-style-type: none"> • практические • межкультурные 3. Экзистенциальная компетенция 4. Познавательные способности: <ul style="list-style-type: none"> • механизмы языка коммуникации • общие фонетические навыки • учебные умения и эвристические умения 	5. умение решать сложные задачи, 6. критическое мышление, 7. креативность, 8. навык коммуникативного взаимодействия с окружающими людьми, 9. когнитивная гибкость, 10. активное слушание, 11. самоконтроль.	Для понимание культурных и лингвальных явлений.

Рисунок 1. Соотнесение компетенций

Таблица 2. Соотнесение коммуникативной компетенции (CEFR) с

Олимпиадной компетенцией в предметной области.

Остановимся более подробно на некоторых из них, которые можно рекомендовать для подготовки к Олимпиаде по иностранному (английскому языку), так как имеющиеся в данных пособиях задания способствуют формированию у учащихся необходимых компетенций.

- **Outcomes** включает социально-ориентированные темы, включая богатый лексический материал и коммуникативные задания. Усвоение знаний происходит через чтение материала, аудио- и видео-задания. Такого рода задания развивают критическое мышление.

- **Solutions** изначально предназначено для подготовки к ЕГЭ, отличается насыщенной систематизированной лексикой, разговорными выражениями. Прекрасно представлены задания по работе с фразовыми глаголами и идиомами, задания на аргументацию и описание фотографий, предполагающих развитие критического мышления (critical thinking) и рассуждений (speculating), как элемент навыка когнитивной гибкости, также присутствует отдельный раздел по лингвострановедению.

- **Matrix** включает в себя культурологические проекты, которые развивают знания в области страноведения на английском языке, повышают социолингвистическую (лингвострановедческую) компетенцию.

- **Clockwise** содержит коммуникативные задания широкого спектра: «Беседа с незнакомцем» — три подхода; развитие социолингвистической компетенции через различные ситуации: задание определить (познать и описать) роли участников на основе прочитанных или прослушанных диалогов. (“+Accurate English”).

- **Navigate** фокусирует внимание на заданиях по развитию лингвальной компетенции (синонимические конструкции, идиомы).

- **English file** уделяет большое внимание развитию навыка креативности (creative thinking) и коммуникативного взаимодействия с окружающими людьми, например, рассказать историю и убедить собеседника в реальности происходящего. Разнообразные практические задания ориентированы на запоминание большого объема лексических единиц. Большое количество интегрированных заданий по различным видам речевой деятельности (аудирование + говорение, аудирование + чтение и т.д.).

- **Market Leader** специализируется на кейсовой методике и профессионально-ориентированной лексике.

В заключение считаем целесообразным показать место программ «Олимпикс», разрабатываемых в рамках дополнительного и дополнительного профессионального образования, ориентированных на преподавание учебных предметов не отдельно, а в сочетании друг с другом (конвергентный подход), обращая особое внимание на формирование социально-ориентированных навыков.

Рисунок 2. Программы подготовки к Олимпиадам могут быть реализованы в рамках системы дополнительного образования (ДО).

Таким образом, благодаря программам «Олимпикс», разрабатываемым в рамках дополнительного образования, станет возможным обеспечить эффективное взаимодействие между системой общего среднего и системой высшего образования, так как данные программы ориентированы на изменяющийся рынок труда и способствуют формированию именно тех компетенций, которые требует общество на современном этапе. А это возможно только при сочетании конвергентного подхода и социально-ориентированные навыки.

Список использованных источников

1. Казакова Е. И. Педагогика в контексте задач Стратегии научно-технологического развития России. СПб., 2017.
2. Казакова Е. И. Новое качество образования для нового качества жизни. СПб., 2018.
3. Лукша П. О. Образовательные инновации или зачем нам нужно менять образование [Электронный ресурс] // Журнал для общественно-активных школ. — Режим доступа: <http://oash.info/download/news/news-4153.pdf> (дата обращения 06.03.2019).
4. Лукша П. О. В ожидании «девятого вала»: компетенции и модели образования для 21 века (Global Education Futures, Ed Crunch). Москва, 2015.
5. Методические рекомендации по проведению школьного и муниципального этапов Всероссийской олимпиады школьников по английскому языку в 2018/2019 г. / под общей редакцией Ю. Б. Курасовской. Москва, 2018.
6. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. М.: Изд-во МГЛУ, 2003. 256 с.
7. Требования к организации и проведению заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников по английскому языку в 2018 году. (Утверждены на заседании Центральной предметно-методической комиссии Всероссийской олимпиады школьников по английскому языку (протокол №3 от 26. 02. 2018)).

ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ К ОВЛАДЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫМ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ В ФОРМАТЕ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ

И. А. Тялева,

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры лингводидактики и зарубежной филологии,

Гуманитарно-педагогический институт,

Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается вопрос профессиональной подготовки студентов-филологов с помощью информационных коммуникационных технологий, в число которых входят технологии смешанного обучения. Отмечены объективные и субъективные трудности в использовании смешанного обучения в процессе овладения профессионально ориентированным иностранным языком студентами.

Ключевые слова: готовность, профессиональная подготовка, профессионально ориентированный иностранный язык, смешанное обучение, цифровая образовательная среда.

Summary. The paper deals with the question of students' professional training with the help of ICT, including blended learning. The problems of objective and subjective character in professional foreign language blended learning are discussed.

Key words: readiness, professional preparation, foreign language for special purposes, blended learning, digital educational environment.

Подготовка студентов гуманитарных специальностей в контексте модернизации высшего образования связана с парадигмой непрерывного личностно-ориентированного образования и внедрением цифровой образовательной среды в учебно-воспитательный процесс высших учебных заведений. Создание такой среды не только соответствует современным потребностям общества, но и выступает как важное конкурентное преимущество университетов.

Овладение профессионально-ориентированным иностранным языком является одной из основных задач подготовки специалиста-гуманитария, качественное решение которой связано с использованием различных инновационных методов и технологий.

Тем не менее, активное внедрение передовых технологий не всегда подкрепляется должной технической оснащенностью, а также готовностью студентов использовать предложенный формат обучения, что приводит к различным проблемам в учебном процессе [7].

Цель статьи состояла в анализе готовности студентов языковых специальностей к использованию формата смешанного обучения в овладении профессионально-ориентированным иностранным языком.

Исследованиям в области оптимизации иноязычного образования с помощью информационно-коммуникационных технологий посвящены труды М. Ю. Бухаркиной, Н. Е. Есениной, М. М. Медведевой, Е. С. Полат, В. А. Фандей и др., в работах которых рассматривались теоретико-методологические основы обучения средствами ИКТ, обосновывалась целесообразность использования ИКТ для повышения мотивации обучения, предлагались раз-

личные методики использования комплекса средств информационно-коммуникационных технологий.

Развитие указанных технологий привело к появлению новых методов обучения, которые в зарубежных исследованиях назывались hybrid learning, blended learning, web-enhanced instruction, technology-mediated instruction и т.д. Опубликованный в 2006 г. «Справочник смешанных технологий» зафиксировал концептуальное определение понятия blended learning, как сочетание обучения «лицом к лицу» с обучением с помощью информационно-коммуникационных технологий, предоставляющее широкий диапазон возможностей для обучающихся [8].

Формат смешанного обучения (“blended learning”) позволяет комбинировать аудиторные формы обучения (“face-to-face”) и элементы электронного обучения (в том числе современные информационно-коммуникационные технологии) в соотношении: 50%-50%, 40%-60%, 30%-70% и др. [4]. Смешанное обучение трактуется в отечественных научных исследованиях как:

- образовательная концепция, сочетающая традиционный формат обучения и современные ИКТ, что помогает обучающемуся выбирать время, место, темп и способ изучения материала (Т. Г. Бекишева [1, с. 38]);

- современная образовательная технология, в основе которой концепция объединения технологий «классно-урочной системы» и технологий электронного обучения, базирующихся на новых дидактических возможностях, предоставляемых ИКТ и современными образовательными средствами (Е. Ю. Орехова [5, с. 22]);

- модель, интегрирующая технологии традиционного и электронного обучения, позволяющая заменять часть традиционных учебных форм занятий такими формами и видами взаимодействия, которые предлагает электронная образовательная среда (С. Б. Велединская, М. Ю. Дорофеева [2]) и другие.

Анализируя приведенные определения отметим разные аспекты понятия, суть которого едина.

В исследованиях Н. Е. Есениной [3] были определены методические принципы обучения профессионально-ориентированному иностранному языку в университете с помощью средств ИКТ. В число этих принципов вошли:

- принцип когнитивности и коммуникативности иноязычного информационного взаимодействия;

- принцип профессиональной направленности иноязычной коммуникации в контексте информационного взаимодействия;

- гибкости и вариативности учебного процесса;

- максимизации самостоятельной деятельности обучающихся.

В работе Н. Е. Есениной были определены требования к знаниям, умениям и навыкам преподавателей, касающимся сферы использования средств ИКТ в профессиональной деятельности.

Изучение готовности обучающихся к использованию формата смешанного обучения в процессе овладения профессионально-ориентированным иностранным языком проводилось на базе Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета и включало проведение анкетирования студентов, беседы и анализ результатов учебной деятельности обучающихся. Полученные результаты позволили выявить не-

которые проблемные зоны объективного и субъективного характера.

В число объективных проблем вошли проблемы технического и организационно-методического характера, такие, как: недостаточно качественная работа сети Интернет, не всегда удобная организация материала для изучения, трудности обратной связи с преподавателем и др.

Анализ субъективных проблем рассматривался в контексте структуры готовности обучающихся, которая представлена как интегральная характеристика, включающая ряд таких компонентов, как мотивационный, эмоционально-волевой, когнитивный, деятельностный и технологический.

В качестве основных трудностей были названы проблемы самоорганизации и самоменеджмента студентов, недостаток технологических навыков, большая затрата времени для общения. Кроме того, студенты отмечают в качестве проблемы «отсутствие возможности немедленного обсуждения материала с преподавателем» [6].

Работа над указанными проблемными моментами позволит повысить эффективность смешанного формата обучения в контексте профессиональной подготовки студентов-гуманитариев.

В целом использование смешанного обучения для овладения профессионально-ориентированным иностранным языком имеет целый ряд преимуществ: позволяет студенту планировать свое время, делает процесс интерактивным, способствует приобретению новых профессиональных навыков использования цифровой образовательной среды. Тем не менее, необходимо с 1 курса последовательно готовить студентов к формату смешанного обучения и планомерно внедрять последний, совершенствуя технологическую и методологическую базы обучения.

Список использованных источников

1. Бекишева Т. Г. Смешанное обучение: современные тенденции в вузах [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – № 11-2(67). – С. 37–42. – Режим доступа: www.ej.soc-journal.ru (дата обращения 16.11.2018).

2. Велединская С. Б. Смешанное обучение: секреты эффективности // Высшее образование сегодня. – 2014. – №8. – С. 8–13.

3. Есенина Н. Е. Использование комплекса средств информационных и коммуникационных технологий в процессе обучения профессионально-ориентированному иностранному языку в вузе: автореф. дис. ... кандидата пед. наук. М., 2006. 19 с.

4. Майборода Т. Л., Луцевич Л. В, и др. Смешанное обучение как стратегия образования в «Университетах 3,0» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Bernatova10/subor/Majboroda.pdf> (дата обращения 20.02.2019).

5. Орехова Е. Ю. Использование смешанного обучения в высшей школе: от теории к практике // Глобальный научный потенциал. – 2017. – № 6(75). – С. 21–24.

6. Фандей В. А. Теоретико-прагматические основы использования формы смешанного обучения иностранному (английскому) языку в языковом вузе: дис. ... кандидата пед. наук. М., 2012. 214 с.

7. Хакимзянова А. С., Губайдуллина Р. Н., Ильясова А. М. Отношение студентов к смешанному обучению при изучении английского языка [Элек-

тронный ресурс] // Мир науки. – 2016. – Том 4. – №2. – Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/49PDMN216.pdf> (дата обращения 06.12.2018).

8. Bonk C. J., Graham C. R., Moore M. G. The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs. Pfeiffer, 2006. 624 p.

УДК 37.02

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ПРОЕКТОВ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАГИСТРОВ
В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»
(ДЛЯ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ)**

Е. С. Шестакова¹, М. В. Черезова²,

*¹ кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №1,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

*² кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №1,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам применения метода проектов для организации научно-исследовательской работы с магистрами в рамках дисциплины «иностранный язык» (для неязыковых вузов). Авторы рассматривают отличительные характеристики, анализируют этапы и формы реализации данного метода, применяя эмпирические (изучение источников информации, анализ данных, наблюдение) и теоретические (анализ, классификация) методы.

Ключевые слова: метод проектов, научно-исследовательская работа, обучение иностранному языку, неязыковой вуз.

Summary. The article considers theoretical and practical aspects of project method for organizing research work for master degree students while teaching foreign languages at non-linguistic universities. The authors review distinctive characteristics of this method, analyze the stages and forms of implementation of teaching foreign languages for specific purposes to students of non-linguistic specialties applying theoretical and of implementation of this method, using empirical (data study, data analysis, observation) and theoretical (analysis, classification) methods.

Key words: project method, research work, teaching foreign languages, non-linguistic University.

Скажи мне — и я забуду,
покажи мне — и я запомню,
дай мне сделать — и я пойму.
(Конфуций)

Научно-исследовательская работа студентов приобретает в современных условиях подготовки будущих специалистов особое значение. Это связано с необходимостью в профессиональной адаптации уже на этапе обучения в вузе, поскольку современные реалии профессионального обучения связаны со

значительным ускорением развития и координирования профессиональных навыков и умений в связи с высокой конкурентностью, изменением условий труда, информационной насыщенностью всех сфер знаний. Умение студента взаимодействовать с будущей профессиональной средой связано, прежде всего, с умением получать, обрабатывать, обобщать и презентовать профессионально значимую информацию, а также использовать ее в своих профессиональных интересах.

Обучение студентов уровня магистратуры – задача ответственная и, исходя из того, что она осуществляется в соответствии федеральным государственным стандартом высшего образования третьего поколения (ФГОС ВО), ориентированным на конечный результат, выраженный в компетенциях (общекультурной – ОК, общепрофессиональной – ОПК и профессиональной – ПК), измеримая [2; 3]. Для достижения этой цели в условиях сокращения контактных часов, отведенных на изучение тех или иных областей знаний, особенно важное значение приобретают межпредметные связи и скоординированные действия преподавателей различных дисциплин, включенных в учебный план.

В условиях профессиональной подготовки будущего специалиста особое внимание следует уделять развитию у него критического, аналитического и научного мышления. Эту цель могут и должны ставить перед собой не только преподаватели профессионального цикла дисциплин. В этом смысле дисциплина «иностраный язык», которая, является обязательным компонентом всех федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) в сфере высшего профессионального образования, несет на себе не только общеобразовательную нагрузку, но и является важным инструментарием для развития у студентов способности к выполнению научно-исследовательской работы.

Современные методики преподавания иностранного языка предполагают включение в программу изучения не только стандартных, но и коммуникативных, деятельностных, компетентностных технологий, способных развивать у обучающихся иноязычную коммуникативную компетентность.

Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) представляет собой важный инструментарий в достижении определенного уровня профессионально значимых знаний, умений и навыков. Этот инструментарий целесообразно использовать также в современных условиях изучения иностранного языка.

Среди методов организации научно-исследовательской работы студентов в рамках дисциплины «иностраный язык» (для неязыковых вузов), развития их коммуникативных способностей, умений эффективно общаться в научной и профессионально-деловой среде на международном уровне, представлять результаты собственного научного исследования в творческой форме, участвовать в дискуссиях, выражая и обосновывая собственную научную позицию с учетом соответствующих стилистических языковых форм, на уровне магистратуры наиболее эффективен метод проектов.

В данном контексте понятие «проект» интерпретируется как «способ познания, используемый для достижения некоторой цели образовательного процесса, анализируя и решая определенную проблему и производя реалистичный и осязаемый продукт, который имеет практическое значение и применение в реальных жизненных ситуациях» [6, с. 174–176].

Метод проектов можно определить как совокупность приемов и действий обучающихся в определенной последовательности, направленных на достижение поставленной задачи либо решения определенной проблемы, значимой для учеников и оформленной в виде конечного продукта [8, с. 80].

Возникает вопрос: существуют ли различия между научно-исследовательской работой студентов и методом проектов или это дублирующие виды работ. Рассмотрим несколько параметров.

Согласно типологии Е.С. Полат, основанной на принципах доминирующего метода в проекте, выделяются 7 типов проектных методов: исследовательские, творческие, ролево-игровые, информационные, практико-ориентированные, моно- и межпредметные [4, с. 3-10]. Следовательно, исследование – это одна вариативная составляющая метода проектов. Стоит отметить, что для целей организации научно-исследовательской деятельности магистров в рамках дисциплины «иностраный язык» (для неязыковых вузов) наиболее целесообразны и эффективны именно исследовательские и практико-ориентированные междисциплинарные проекты, имеющие социальную значимость. Однако, опыт показывает, что практически невозможно заниматься каким-то типом проекта в чистом виде, поскольку исследовательские проекты зачастую защищаются в креативной форме, практико-ориентированные проекты могут носить игровой характер и т.д.

Следующий параметр отличия НИРС от метода проектов – этапы выполнения данных видов работы. Существуют разные подходы к выделению этапов проектной деятельности. Так, Сергеев И.С. формулирует этапы проектной деятельности как «пять П»: 1) проблема; 2) проектирование (планирование); 3) поиск информации; 4) продукт; 5) презентация [5, с. 11].

НИРС включает в себя поиск, обработку и систематизацию профессионально значимой, научно обоснованной и подтвержденной информации, которую невозможно охватить в рамках аудиторного преподавания курса той или иной дисциплины. Результатом НИРС является презентация полученных результатов и участие в дискуссии по итогу такой презентации. Таким образом, можно выделить следующие этапы НИРС: 1) ознакомление с темой исследования; 2) сбор теоретических и практических данных по теме в результате изучения специальной литературы и самостоятельно проведенных исследований; 3) обработка и систематизация полученных данных; 4) презентация обработанных знаний; 5) обсуждение полученных результатов с другими участниками НИРС. Такая работа может носить как коллективный (командный), так и самостоятельный характер в соответствии с поставленными целями и задачами ее проведения.

Если рассматривать этапы метода проектов и НИРС более подробно, то можно выделить пятнадцать основных этапов, многие из которых совпадают, однако есть и отличия [7] (Таблица 1.). Так, НИРС подразумевает выдвижение гипотез и теорий, их экспериментальную и теоретическую проверку, а творческие, социальные, информационные и прочие. Проекты могут не выдвигать гипотезу и не проводить исследование.

Для метода проектов характерен этап распределения обязанностей внутри команды. Для обучения иностранному языку важно то, что обычно метод проектов предполагает командную работу, а значит оттачивание меха-

низмов взаимодействия на разных этапах работы над проектом.

Таблица 1. Сравнение этапов реализации метода проектов и научно-исследовательской работы студентов

Этапы реализации метода проектов	Этапы реализации НИРС
1. определение темы проекта, поиск и анализ проблемы	формулирование проблемы, обоснование актуальности выбранной темы
2. -	выдвижение гипотезы
3. постановка цели и конкретных задач исследования	
4. обсуждение возможных вариантов исследования, сравнение предполагаемых стратегий	определение объекта и предмета исследования
5. выбор способа презентации проекта определение формы продукта и требований к продукту	-
6. составление плана работы	
7. распределение обязанностей внутри проектной команды	-
8. выбор методов и методики проведения исследования	
9. сбор теоретических и практических данных по теме в результате изучения специальной литературы и самостоятельно проведенных исследований	
10. выполнение запланированных технологических операций, внесение необходимых изменений	
11. описание процесса исследования	
12. формулирование выводов и оценка полученных результатов	
13. подготовка проекта к защите	написание статьи
14. публичная защита проекта	публикация статьи
15. анализ результатов выполнения проекта, оценка качества выполнения проекта	

Немаловажен этап определения способа презентации проекта, которые зависят от сформированных навыков участников проектной команды. Важное преимущество метода проектов в сравнении с чистыми исследовательскими формами работы состоит в том, что эта педагогическая технология дает больше свободы творчества и места для импровизации. Так, студенты могут представить проект в форме презентации, сайта, видео, анимационной игры, отчета по серии плакатов или макетов с демонстрацией результатов, разработки тура/экскурсии и т.п., что позволяет задействовать широкий спектр умений, в то время как НИРС обычно предполагает конечный продукт в виде написанной и опубликованной статьи по проблематике исследования.

Последний этап работы над проектом посвящен групповому дебрифингу, когда идет обсуждение результата проекта в группе, участники других проектов задают вопросы, комментируют и дают оценку результативности и успешности проекта. С точки зрения иностранного языка это очень важный этап, позволяющий применять различные коммуникативные стратегии.

Следует отметить, что каждый проект должен соответствовать нижеперечисленным характеристикам:

- наличие значимой в исследовательском, творческом, социальном и проч. плане проблемы/задачи;
- ориентированность на интересы студентов (личные и групповые);
- наличие четкого плана действий (с указанием поэтапных результатов и распределением ролей);
- применение исследовательских методов в ходе проекта;
- самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) аудиторная / внеаудиторная деятельность обучающихся;
- четкие временные рамки проекта;
- получение создание конкретного итогового исследовательского или творческого продукта (практического или теоретического);
- консультативно-координирующая функция преподавателя;
- межпредметный характер проектов [1].

В Таврической Академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского применение метода проектов для организации научно-исследовательской деятельности магистров в рамках дисциплины «иностраный язык» для направлений подготовки 05.04.06 «Экология и природопользование» и 05.04.02 «География» уже стало традиционным. Эта практика хорошо зарекомендовала себя в реализации цели развития ключевых компетенций обучающихся через самостоятельную познавательную и исследовательскую деятельность.

Темы, цели и задачи, структура и форма представления проектов были определены участниками исходя из личных и исследовательских интересов при консультативно-координирующей роли преподавателя. Каждый проект опирался на научные методы, включая исследование источников, проведение опросов/анкетирование, полевые исследования, визуализацию в виде построения моделей, анализ, синтез, аналогии, прогнозирование и проч.

В текущем учебном году обучающимися магистратуры были представлены и защищены следующие проекты:

- «Неизвестный Крым». Проект представлен в форме виртуальной англоязычной экскурсии для майских праздников по не самым популярным туристическим локациям Крыма»;
- «Загрязнение Симферопольского водохранилища». Итоговый продукт-фильм в 4х частях;
- «Подводный Крым» — разработка экотура для дайверов (презентация);
- «Разработка бренда для национального природного парка «Тарханкутский» (презентация);
- «Экологический след среднестатистического студента КФУ». (стендовое выступление).

Представленные проекты были успешно защищены их авторами. В результате рефлексии проделанной работы сами обучающиеся сделали следующие выводы:

1. Проектная деятельность значительно расширяет возможности для изучения иностранного языка профессиональной направленности.

2. Проектная деятельность приносит весомые результаты в развитии научного и аналитического мышления.

3. Проектная деятельность успешно формирует навык командной и индивидуальной научно-исследовательской работы.

4. Проектная деятельность вызывает устойчивый интерес к исследуемой теме и предполагает продолжение работы над ней и после реализации проекта.

5. Проектная деятельность способствует не только формированию иноязычной коммуникативной компетентности, но и носит выраженный междисциплинарный характер и помогает расширить объем знаний в специальности, по которой ведется обучение в вузе.

Список использованных источников

1. Давлетбаева И. Х. Критерии оценивания проектной деятельности [Электронный ресурс] // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». Иностранные языки. Общепедагогические технологии. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/516437/> (дата обращения 04.03.2019).

2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 05.04.06 Экология и природопользование (уровень магистратуры) // Приказ Минобрнауки России от 15.10.2015 №1041 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/050406.pdf>, свободный (дата обращения 21.02.2019).

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 05.04.02 География (уровень магистратуры) // Приказ Минобрнауки России от 29.09.2015 № 39030 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/050402.pdf> (дата обращения 22.02.2019).

4. Полат Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 2. – С. 3–10.

5. Сергеев И. С. Как организовать проектную деятельность в школе. Москва: АРКТИ, 2003. 80 с.

6. Черемисина Х. И. Проектное обучения английского языка в Томском Политехническом университете // Молодой учёный. – 2011. – №6. Т.2. – С. 174–176.

7. Чудаева Е. В. Чем исследовательская деятельность отличается от проектной деятельности? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/blog/shkola/obshcheshkolnaya-tematika/all/2012/01/07/chem-issledovatel'skaya-deyatelnost-otlichaetsya> (дата обращения 21.02.2019).

8. Шестакова Е. С., Черезова М. В. Метод проектов в обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Образовательные и воспитательные стратегии в современном обществе: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 мая 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 183 с.

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'373.612.2:379.8.092.2:72.03

МЕТАФОРА КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНЖЕНЕРНОГО ДИСКУРСА)

А. З. Абдурахманова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №1,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Статья представляет результаты исследования архитектурно-строительных терминов-метафор. Проведённое исследование позволило выявить, что концептуальная метафора участвует в процессах терминообразования. В настоящей работе проводится лексико-семантическая классификация терминов-метафор.

Ключевые слова: концептуальная метафора; когнитивная лингвистика; терминоведение; лингвокогнитивная специфика; терминосистема.

Summary. The article presents the results of research of metaphorical terms in civil engineering and architecture. The study reveals the fact that the conceptual metaphor is involved in the process of terminological formation. A lexico-semantic classification of metaphorical terms has been carried out.

Key words: conceptual metaphor; cognitive linguistics; terminology studies; linguo-cognitive specificity; term system.

Важная роль метафоры в формировании терминологии давно уже установлена в современном языкознании. Согласно В. М. Лейчику, в основе терминообразования «старых областей знания» лежит метафоризация [3, с. 34]. Следует отметить, что большая часть архитектурно-строительных терминов сформировалась в период, когда восприятие внешнего мира основывалось не на научном познании, а на образно-ассоциативном мышлении.

Развитие какой-либо отрасли человеческого знания невозможно представить без существования ее терминологии, задачей которой является номинация и унификация всех ее объектов и процессов. Согласно положениям антропоцентрического терминоведения, термин представляет знание об определенном фрагменте мира. По мнению В. Ф. Новодрановой, «закрепив полученную человеком информацию, термин сам становится инструментом познания, поскольку дает возможность обобщать научные факты, умножать знания и передавать их следующим поколениям» [4, с. 68]. Термины характеризуются точностью обозначения, однако следует отметить и важность метафорической терминологии, которая способствует пополнению терминологического корпуса путем «приписывания объектам одной области ранее не выявленных у них свойств, метафора как бы своеобразно направляет научный поиск на обнаружение новых свойств предметов» [2, с. 128]. Актуальным направлением современной лингвистики является исследование когнитивных аспектов терминообразования, в частности анализ механизмов метафорической номинации в когнитивном ракурсе. В лингвистике содержание понятия метафоры варьируется в зависимости от целей и

задач того или иного направления языкознания.

Исследования по метафорическому моделированию подтверждают факт, что национальная специфика лингвистической картины мира отражается в метафорической терминологии различных терминосистем. Это объясняется тем, что любая наука формируется и развивается в тесной связи с общенациональным языком в рамках этнокультурной среды. Научная картина мира включает в себя результаты познавательной деятельности человека, а также элементы общенациональной картины мира, отражающей особое мировосприятие того или иного национального менталитета. Данный факт давно был изучен В.В. Виноградовым: «Между словарем науки и словарем быта – прямая и тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка» [1, с. 164].

В ходе исследования была изучена архитектурно-строительная терминология как на русском, так и на английском языках. Несмотря на «точную» природу термина, не принимающая ничего кроме эмпирически обоснованных фактов, терминология строительного инжиниринга включает в себя метафорические фрагменты.

Целью данной статьи является изучить и представить лингвокогнитивную специфику метафорической номинации в англоязычной терминологии строительной инженерии.

В работе применяются принципы теории концептуальной метафоры, которая начала формироваться в рамках когнитивной лингвистики с середины XX века (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов, Е. С. Кубрякова, И. М. Кобозева и др.). Согласно данной теории, в понятийной системе человека существуют две схемы, в которой заложены две взаимосвязанные понятийные области. В процессе метафорической концептуализации и формирования строительных терминов происходит сложная умственная операция по созданию метафорических моделей с новыми знаниями по аналогии со старыми. Когнитивный подход для изучения семантики термина уделяет пристальное внимание способам представления знаний.

Материал исследования метафорической терминологии в рамках инженерно-строительного дискурса представлен 140 терминологическими единицами английского языка и включает однословные термины-метафоры и метафорические терминологические словосочетания. Источниками отбора лексического материала послужили одноязычные словари английского языка, архитектурно-строительные словари, а также корпус англоязычных текстов профессионального архитектурно-строительного дискурса.

Перевод современных англоязычных архитектурно-строительных терминов на русский язык представляет особую сложность. Прежде всего, это обусловлено различиями в проектно-строительных стандартах, нормах и правилах. Отсутствие достаточного количества словарей усложняет процесс изучения данной терминосистемы.

В результате анализа выделенных метафорических терминов было выявлено, что данные единицы можно разделить на несколько лексико-семантических групп. Метафорическая номинация специальных понятий в архитектурно-строительном подъязыке происходит на основе зооморфной, антропоморфной, фитоморфной, медицинской метафор.

Группа зооморфных метафор функционирует преимущественно для

профессиональной номинации характеристик объектов. Структурным компонентом в подобных метафорах служат названия животных: *fish bellied* – балка с большим заметным прогибом; *gooseneck pipe* – труба в форме гусиной шеи; *fish plate* – путевая накладка; *fish eyes* – поверхностные дефекты (раковины, дутики) на известковой штукатурке; *fish tape* – проволока для протаскивания электропроводов через трубы; *pigtail* – гибкий соединительный проводник; *cat face* – поверхностный дефект накрывочного слоя штукатурки (вмятина); *cat-head* – оголовок (башни) башенного крана; *catstep* – ступенчатый гребень щипцовой стены; *bird house* – крышный вентилятор; *beaver-tail* – главный (основной) домкрат; *big bull* – бригадир, производитель работ; *donkey engine* – вспомогательный двигатель; *herring bone drain* – древовидная дрена; *lamb's tongue* – завиток поручня.

Распространённость анималистических метафор обусловлено их образностью и высоким коннотативным потенциалом. Термины-метафоры с компонентами объектов животного мира являются очень продуктивным средством терминообразования.

Группа антропоморфных метафорических терминов также является преобладающей и включает термины-соматизмы (сравнение с понятиями физиологических и эмоциональных аспектов жизни человека) и бытовые метафоры (сравнение с бытовыми предметами и понятиями жизни человека). Группа антропоморфных метафор в терминологических словосочетаниях используется преимущественно для номинации профессионального объекта. Для более детального анализа данная группа была разделена на несколько подгрупп:

- предметы быта: *bedding mortar* – постель из раствора; *curtain wall* – несущая (навесная) наружная стена, стена из лёгких навесных панелей; *pillow joint* – шаровой шарнир;

- названия частей тела: *dog-legged* – *stair* лестница без просвета между маршами; *backhand welding* – правая сварка; *long-handled float* – гладилка с длинной ручкой; *hand plane* – рубанок; *single-head wrench* односторонний (гаечный) ключ.

- названия предметов одежды: *collar beam* – повышенная затяжка висячих стропил; *collar clamp* – хомут; *running shoe* – отмазка профильной доски штукатурного шаблона; *base shoe* – плинтус.

- социальные аспекты: *age softening* – разупрочнение при старении.

К третьей группе относятся фитоморфные метафоры: *orange peel* – шероховатость окрасочного слоя; *mushroom head* – «размочаленная» головка (ручка долота, деревянной сваи и т.п.); *mushroom (slab) construction* – безбалочное железобетонное перекрытие; *tree structure* – древовидная структура, организация в виде дерева.

Четвертая группа объединяет медицинские метафоры: *excessive bleeding* – чрезмерное водоотделение (бетона), *bar stress* – усилие в стержне (напр. фермы); *fatigue damage* – повреждение от усталости; *sliding shear collapse* – скользящее сдвиговое разрушение. Архитектурно-строительная терминология несмотря на то, что представляет инженерную дисциплину, имеет много общего с медицинской терминологией. Это объясняется тем фактом, что обе сферы отвечают за жизнь человека, где ошибки или некомпетентность специалистов может привести к фатальным последствиям.

Была также предпринята попытка выделить метафоры-биосемизмы и социоморфные метафоры, однако количество отобранных единиц оказалось крайне малым.

Таким образом, метафора является продуктивным способом терминообразования. Исследование лингвокогнитивной специфики термина-метафоры осуществлялось как в языке, так и в дискурсе (тексте), т.к. для выявления истинных свойств и качеств исследуемых объектов следует анализировать их в профессиональном общении, в текстовой и устной формах. В процессе номинации метафора выступает когнитивным механизмом, способствующим осмыслению абстрактных понятий в более конкретных терминах. Метафора может выполнять функцию термина в силу того, что она информативна и способна более точно и детально передать важные признаки предметов и явлений окружающей действительности.

Список использованных источников

1. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С.162–189.
2. Гусев С. С. Наука и метафора. Л., 1984. 152 с.
3. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2009. 256 с.
4. Новодранова В. Ф. Когнитивные науки и терминология / Научно-техническая терминология: науч-техн. рефер. сб. М., 2000. С. 68–70.

УДК 81.322.3:

A TWO-LEVEL MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF THE UZBEK CORPUS

*N. Z. Abdurakhmonova,
PhD, senior teacher of the department of
Information and Contemporary Pedagogical Technology,
Tashkent State University of Uzbek Language and Literature
named after Alisher Navoi, Tashkent*

Аннотация. Статья посвящена созданию морфологического анализатора с использованием технологии FST с целью двухуровневой морфологии для узбекского языка. Во-первых, важно создать концепцию корпуса и определить размер охватываемых текстов в разных жанрах по причине отсутствия полного корпуса узбекского языка в Интернете.

Ключевые слова: двухуровневая морфология, корпус, морфологический анализ, тегирование, грамматические категории.

Summary. The article deals with the making of morphological analyzer using FST technology for two-level morphology for the Uzbek language. First, it is important to create the conception of corpus and define the size of the included texts in different genres because of the lack of complete corpus of the Uzbek language in the Internet.

Key words: two-level morphology, corpus, morphological analyzing, tagging, grammatical categories.

1. About project

Our conducted research is twofold: using HFST tool to analyze morphologi-

cal tokenization, lemmatization, and using UdPipe tool to construct dependency structure of Treebank for the Uzbek language with the purpose to facilitate the Uzbek national corpus (UNC). In this paper, we point out only the two level morphology for analyzing the text embraced in the Uzbek corpus.

2. Conception of the Uzbek national corpus (UNC)

The Uzbek national corpus has not been developed up until now. The latest advancements in computational linguistics do not make it possible yet to digitalize the Uzbek formal language which is proper for NLP. At present, we are creating a contemporary Uzbek language Corpus in order to create other applications in a certain way.

The Uzbek national corpus (UNC) included morphosyntactic annotation of all the forms of the Uzbek language in different genres. In this article, we mainly focus on two basic parts of speech (noun and verb) used in the Uzbek corpus. This work is being implemented with the help of over two millions of tokens in academic, literary, published, and Internet texts.

We have found out basic principles of the structure of the Uzbek corpus relying on the experience gained to create the first Uzbek corpus. Using HFST tool, we analyzed both graphemes (Cyrillic used during 1941–1993 (even part of documentations are still run in Cyrillic) and Latin from 1993 until now)) for the Uzbek corpus:

ўрмон	қалин	ғилдирак	чойнак	шар
oʻrmon	qalin	gʻildirak	choynak	shar

Annotation process is divided into three levels: 1) segmentation; 2) tagging; 3) parsing. Some researchers include the following stages as well “deep syntactic->syntactic->linearized-> morphological” [3, p. 93].

There are some crucial issues related to graphemes in Uzbek. Despite the fact that we have two kinds of graphemes as a lemma, we prefer Latin-based search system. In this case, formal morphology of the Uzbek language was written in both graphemes: alphabet, sets, definition, rules and lexicon. In spite of different files in data, we had to unify them into a single morphological analyzer. Lexicon and grammatical rules were very important point in text analyzing because some orthographical rules and letters did not match each other. Consequently, we came to conclusion to adjust in some content by converting letters to Cyrillic.

Ambiguities are corrected slightly by hand in each level of the analyzed text. In perspective, our tool is to analyze semantic and pragmatic level after correcting words in the texts.

We can edit the resulting concordance in order to filter out incorrect matches and redundant sequences that were recognized. We first select unwanted concordance entries, then use the command Filter to filter out selected lines of the concordance menu and to remove them from the concordance of the disambiguation for all remaining concordance entries.

The corpus comprises 20 M words with the following scale by genres:

Text source	Tokens
Fiction	7M
Press	5M
Science	4M
Official text	4M
Overall	20M

Morphological tagging and syntactic parsing for the texts have partly been carried out. Using UdPipe we can create Treebank of the Uzbek language. We have to overcome problems in analyzing the text with syntactical and morphological ambiguity.

3. Morphotactic opportunity in the Uzbek language

Here morphotactics also plays main role for morphological parsing. After morphological parsing, the components of text are analyzed with the application of semantical approach. Therefore, all legal and illegal positions morphemes are considered in spotlight. In Uzbek morphotactics of words is the following: (1) prefix (2) root + (3) derivative affix + (4) lexical affix+ (5) grammatical affix ((1)ham(2)qishloq(3)lik(4)lar(5)imiz(5)dan). In English (1) Prefix+ (2) root + (3) lexical suffix + (4) grammatical suffix ((1)co(2)work(3)er(4)s).

Additionally, orthographic rules have important role for all agglutinative languages for morphological analysis. Due to the fact that there are so many phonetical changes in the words, a large number of rules exists. From right to left the first vowel is removed when it is analyzed for deleting some possessive cases. So we can see this situation like these: burun+im=>burnim-deleting; obro'+im=> obro'yim – y inserted between o'and i.

Morphological tagging with HFST tool

This work analyzes the Uzbek word forms based on parts of speech, that were implemented in our previous work as an example of machine translation from English into Uzbek [1, p. 155–180].

Uzbek language has 6 cases (nominative is often not listed): Nom, Acc, Gen, Dat, Loc, Abl. We input grammatical categories and features according to universal dependency in order to tag morphology of the Uzbek language.

They occur after a complement noun phrase (or a nominal subordinate clause) and form a single structure with the complement to express its grammatical and semantic relation to another unit within a clause. In the Uzbek language not only case but also adpositions (postposition) also function to identify the place of sentence.

Nom: Nominative (bosh) - > The base form of the noun, typically used as citation form (lemma).

Acc: Accusative (tushum) - >ni Typically, accusative case in Uzbek marks the definite direct object in a sentence. Indefinite direct objects do not receive the accusative suffix, but stays in initial form (Nom).

Shaharni ko'rdim. (I saw the city).

Gen: Genitive case (qaratqich)

Daftarning varog'i (the paper of the copy book, copy book's paper).

Dat: dative (jo'nalish) - >-ga and pospositions (tomon, qarab)

Men universitetga bordim (I went to the university).

Loc: Locative (o'rin payt) is expressed by suffix -da

Men shu ko'chada yashayman (I live in this street).

Abl: Ablative (chiqish) expressed by -dan or represented by pospositions.

Prototypical meaning: direction from some point. The oblique arguments of some verbs and complements (noun phrases) of some postpositions are also required to be in ablative case.

Example: *Men safardan qaytdim.* (I came back after the business trip).

Mood: mood

Ind: indicative

ADP=> adposition-ko'makchilar

In most cases, identifying the syntactic function of a word belongs to the case in grammar.

Subsequently, we should clarify the forms and POS in the Uzbek language. The syntactic structure of words in Uzbek can be in following forms:

- 1) morphemes (affix and stem) – chorvachilik;
- 2) morphological variations which composed different functions of parts of speech – *kitob + lar + im +ga (to my books)*;
- 3) word combinations as syntactic level – *tug'ilgan kun uchun sotib olmoq*;
- 4) compound words – *mashq qilmoq, sotib olmoq*;
- 5) phrasal units represented as unique components — *yuragi dov bermaslik*.

Accuracy of our parser is necessary for morphological analysis and syntactic parsing. In Uzbek ambiguity is crucial matter for analyzing the text. For example:

V+V=>*Sotib olmoq* — **compound verb**

V+V=>*Gulib gapirmoq* — **adverbial clause**

V+V=>*Kulib yubormoq* — **collocation**

To give lexicon and rules will allow us to establish their lexical features. The Helsinki finite state technology (HFST) aims at facilitating the building of finite-state NLP tools [2, p. 15].

A special program intersecting composition was developed in order to facilitate the combining of the lexicon transducer and the two-level rule transducers (TWOLC-two-level compiler) and to avoid excessively large intermediate results [2, p. 19].

LEXICON NumC

+SG: Poss1;

+PL:lar Poss2;

LEXICON NumV

+SG: Poss2;

+PL:lar Poss2;

LEXICON Poss1

+PP1+PSG:m Case;

+PP2+PSG:ng Case;

+PP3+PSG:si Case;

+PP1+PPL:miz Case;

+PP2+PPL:ngiz Case;

+PP3+PPL:i Case;

0:0 Case;

LEXICON CyrPrePrefinal1

0:0 Final;

+PART:ми Final;

+PART:ку Final;

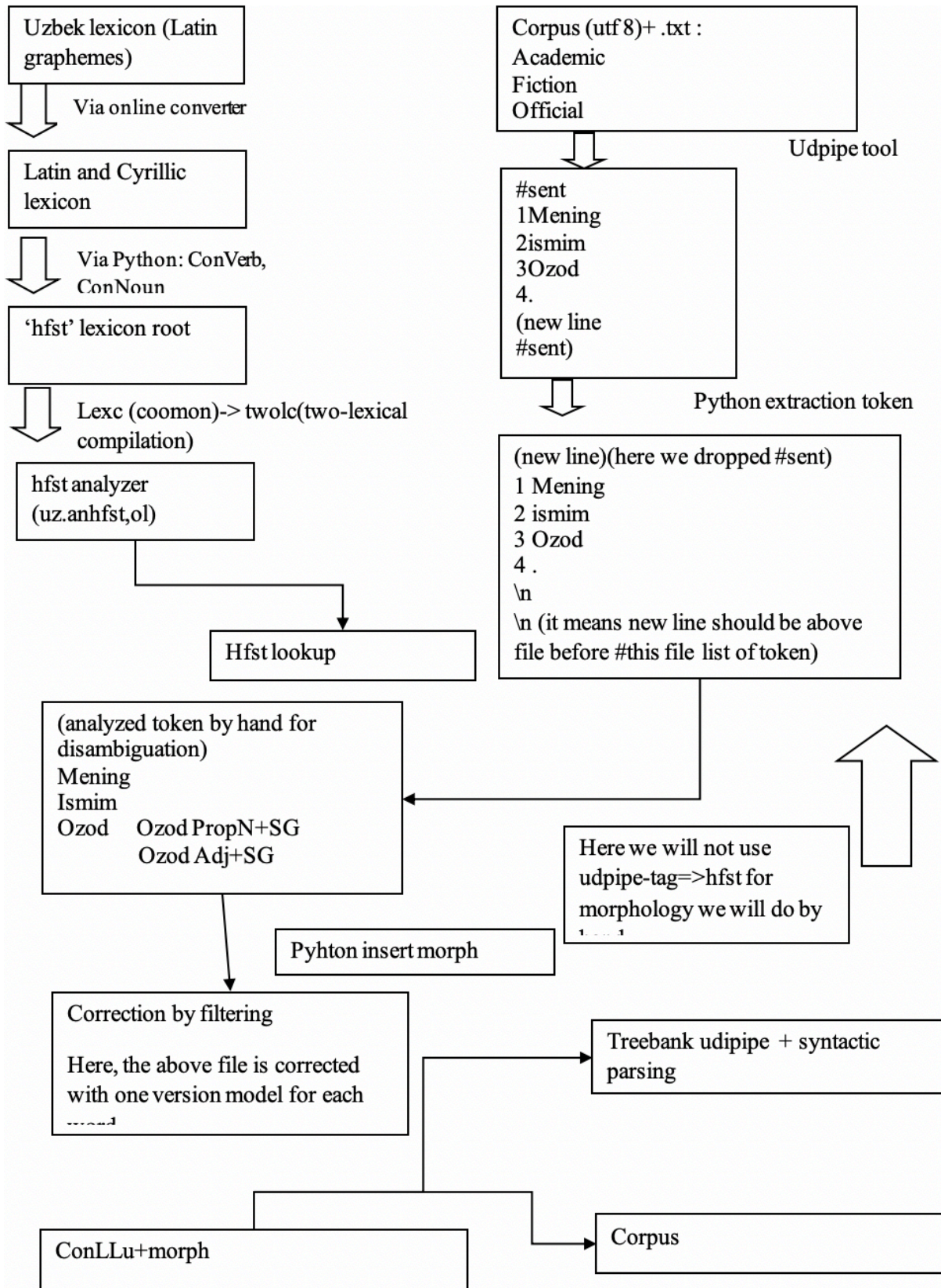
+PART:^Ya Final;

+PART:-да Final;

+PART:-чи Final;

Morphological tagging is used for spell checking program as well. By the way of an example, it checks up any text by analyzing the lexicon and grammatical combination of wordforms.

Here is the scheme of morphological analysis of corpus:

Acknowledgement

I would like to express my sincere gratitude to Doctor Loic Boizou for his expert advice and encouragement throughout this project, as well as Dr. Andrius Utka for his brilliance in the lab.

References

1. Abdurakhmonova N. Modeling grammatical categories of verb in Uzbek as stage of morphological analysis in machine translation / TurkLang. 2017 Proceedings. Kazan, 2017. P. 155–180.
2. Kimmo Koskenniemi HFST: Modular compatibility for open source finite-state tools. Applications of finite state language processing. Cambridge scholars publishing, 2010. P. 15.
3. Bohnet B., Mille S., Wanner L. Computational dependency theory. One step further towards stochastic semantic sentence generation. — 2013. — Vol. 258. — P. 93.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

УДК 02

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВАЯ СИСТЕМА – LIBOSHE

А. С. Ведерникова,

*МБУК Централизованная библиотечная система для взрослых МОГО Симферополь,
Библиотека-филиал №8 имени Леси Украинки, Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматривается проект в информационной поисковой системе по библиотечно-библиографической классификации – LiBoShe.

Ключевые слова: библиотечно-библиографическая классификация (ББК), информационная поисковая система (ИПС), информационно поисковый язык (ИПЯ), проект.

Summary. The article studies the project implementation through the information retrieval system for library-bibliographic classification – LiBoShe.

Keywords: library-bibliographic classification (LBC), information retrieval system (IRS), information retrieval language (IRL), project.

Проводилось анкетирование среди заведующих филиалов и ведущих библиотечкарей относительно количества изданий библиотечно-библиографической классификации. В ходе анкетирования было выявлено, что 20 библиотек-филиалов и Центральная городская библиотека имени А.С. Пушкина имеют в наличии лишь 15 изданий на всю централизованную систему, что очень мало для 106 библиотечных сотрудников.

Следующее, чему стоит уделить внимание, это тому, что ББК в основном информационно устаревшая. Только в одном филиале и в Отделе комплектования и обработки ББК имеются 2 издания 1997 года, 3 — 1986 года, 6 — 1984 года и 4 — 1977 года. Физическое состояние ББК: в основном изношено — 10, потрачено — 4, идеальное — 1.

Необходимо предпринять действия по восполнению информации по библиотечно-библиографической классификации, тем более что за последнее время многое поменялось в стране и в мире. Да и саму ББК переиздавать со всеми изменениями, а также комплектовать, дорого. Было принято решения о создании проекта информационно поисковой системы по библиотечно-библиографической классификации.

Для начала необходимо было выбрать название. В результате выбор был сделан в пользу наименования «LiBoShe» — это первые буквы английских слов «library» — библиотека, «book» — книга и «shift» — сдвиг.

Раскроем каждое упомянутое понятие в нейминге. Графическая особенность написания наименования «LiBoShe» проявляется в том, что шрифт используется Times New Roman — он считается одним из классических шрифтов; из истории типографии известно, что это достаточно молодой шрифт. Этот шрифт начал использоваться в начале 1930 года журналом «Times». Бумага в газете была дешёвой, что иногда затрудняло чтения, а благодаря изменению шрифта информация стала читабельной. Шрифт используется многими издательствами. Этот шрифт в проекте символизирует долгую историю библиотеки.

Прописные и строчные буквы чередуются неспроста. Таким образом мы хотели обратить внимание на то, что «LiBoShe» состоит из нескольких слов; и это выглядит современно.

Существует также необходимость иметь следующую маркетинговую информацию:

- развёрнутое описание производимого продукта (Индексирование, ББК);
- концепция позиционирования продукта (Информационно-поисковая система);
- концепция идентичности бренда (библиотека, библиограф, индексирование).

Разрабатываемая информационно-поисковая система в некоторой степени напоминает Google своим «дружественным» интерфейсом и простотой поиска. Как известно, в ИПС Google используются дополнительные операторы, которые значительно ускоряют и упрощают поиск. Морфологический поисковый контекст и документные поиски будут использоваться и в разрабатываемой нами ИПС на базе индексирования по ББК. ИПС будет построена на основе таблиц ББК для массовых библиотек. Как и Таблицы ББК для массовых библиотек, структура ИПС состоит из нескольких видов таблиц: основных, общих, территориальных и специальных типовых делений. Сочетание их образует развёрнутые таблицы.

Целью проекта является улучшение работы библиотекарей, библиографов и комплектаторов.

Задачи проекта:

- провести анализ МБУК Центральной библиотечной системы для взрослых МОГО Симферополь для создания позитивного образа;
- рассмотреть перспективы создания информационно-поисковой системы;
- найти техническое решение для создания информационно-поисковой системы;
- создать информационно-поисковую системы LiBoShe;
- внедрить информационно-поисковую систему LiBoShe;
- провести обучение сотрудников МБУК Центральной библиотечной системы для взрослых МОГО Симферополь.

Главное отличие от других ИПС — это несколько словарей-таблиц ключевых слов, так называемые внутренние словари-таблицы: словарь «Общие типовые деления» (ОТД), словарь «Территориально типовые деления» (ТТД), словарь «Типовые деления социальных систем» (ТДС) и словарь «Специальные типовые деления» (СТД). Например, по ключевому слову «театр» будут сразу высвечиваться несколько делений: «85.334 Драматический театр», «85.334.3(2) Драматический театр России и СССР», «85.334.3(3) Драматический театр зарубежных стран». Например, если ввести ключевое слово «Германия», мы получим результат «(4Гем) Германия».

Информационное обеспечение представляет собой таблицы классификации (ББК), поисковые слова (ключевые слова), ОТД, ТТД, ТДС и СТД. Со временем таблицы будут дополняться.

Уникальность информационно-поисковой системы состоит в том, что она не только умеет индексировать и шифровать документы по ключевым словам, но и является вполне полноценным маркетинговым продуктом для рынка и может составить конкуренцию ББК в традиционном виде.

Список использованной литературы:

1. Ашманов И. С. Продвижение сайта в поисковых системах. М.: «Вильямс», 2007. 304 с.
2. Библиотечно-библиографическая классификация (ББК): общий обзор, анализ и оценка Национальной классификационной системы Российской Федерации. Москва: Литера, 2014. 312 с.
3. Библиотечно-библиографическая классификация (ББК). Общая характеристика. Основные функции и перспективы развития // Науч.-техн. информация. Сер. 1. Организация и методика информ. работы. — 2008. — №2. — С. 25–30.
4. Библиотечный каталог и поисковая система // Библиотека в истории культуры. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 278–290.
5. Борисова О. О. Рекламная кампания библиотек // Библиография. — 2001. — №6. — С. 56–64.
6. Ведерникова А. С. Нескорые аспекты создания информационно-поисковых систем на базе индексирования по ББК // Материалы VI Республиканской межвузовской студенческой научно-практической конференции «Крымский мир: культурное наследие». Симферополь: ГБОУ ВО РК «КУКИиТ», 2017. С. 255–259.

УДК 02 (477.75)

ПРОЕКТ ПО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ «ВДОХНОВЕНИЕ» КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ИМИДЖА БИБЛИОТЕКИ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ НОВЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

О. С. Кондратюк,

библиотекарь 1 категории МБУК ЦБС для взрослых

МОГО Симферополь, Библиотека-филиал № 2

им. В.А. Жуковского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается работа библиотечного проекта по декоративно-прикладному творчеству «Вдохновение». Проект создан для читателей и гостей библиотеки, которые не представляют свою жизнь без рукоделия, фотографии, рисования и другого творческого занятия.

В работе рассматриваются основные моменты по созданию условий для развития творческих способностей читателей и гостей библиотеки средствами декоративно-прикладного творчества и продвижения проекта на протяжении нескольких лет с момента его создания в 2015 году.

Ключевые слова: библиотечный проект по декоративно-прикладному творчеству «Вдохновение», творческая выставка, художник, рукоделие, библиотека-филиал № 2 им. В.А. Жуковского.

Summary. The article discusses the work of the library project on arts and crafts *Inspiration*. The project is designed for readers and guests of the library who cannot imagine their life without needlework, photography, drawing and other creative activities.

This paper discusses the main points to create the conditions for the development of creative abilities of the readers and the guests of the library by means of arts and crafts and promotion of the project for several years since its creation in 2015.

Key words: library project on arts and crafts Inspiration, creative exhibition, painter, crafts, library-branch № 2 named after V.A. Zhukovsky.

Цель проекта: создание условий для развития творческих способностей читателей и гостей библиотеки средствами декоративно-прикладного творчества; формирование познавательных интересов, расширение познавательного кругозора при изготовлении своих работ.

Задачи:

- привлечь к участию в проекте читателей разного возраста;
- презентовать результаты проекта на выставках и конкурсах в текущем году;
- развивать мотивацию к творчеству;
- воспитывать чувство уважения к далеким предкам, их обычаям, интерес к народно-прикладному творчеству;

В числе социальных партнёров по реализации проекта:

- преподаватели и студенты кафедры дизайна ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры и искусств»;
- изостудия «Лазурит» КРДКП;
- Изостудия «Этюд» ГБОУДО «Дворец детского и юношеского творчества»;
- АНО «ТРК «Крым» (Радио-коллектив «Нескучные дети», руководитель-спецкор Е.В. Иванова);
- профессиональные художники и мастера в области декоративно-прикладного творчества Крыма;
- читатели и гости библиотеки, обладающие творческими способностями на уровне хобби.

Проект по декоративно-прикладному творчеству «Вдохновение» был начат в 2015 году. Руководитель проекта: библиотекарь 1 категории – Кондратюк Оксана Сергеевна.

Сегодня наша жизнь наполнена неотложными делами, насущными проблемами, важными событиями и контактами. И в этом мире повседневной суеты все чаще хочется переключиться на что-то необычное и удивительное, прикоснуться к чему-то глубинному, сокровенному, как к источнику жизненной энергии, новых знаний и положительных эмоций.

Природа заложила в человеке удивительную тягу к творчеству, самовыражению и самопознанию. Ведь творческое самовыражение и является одним из путей познания своего внутреннего мира, душевного восстановления и оздоровления. Творческое созидание гармонизирует и развивает нас духовно.

Проект создан для читателей и гостей библиотеки, которые не представляют свою жизнь без рукоделия, фотографии, рисования и другого творческого занятия. Актуальность данного проекта заключается в том, что каждый образованный человек должен знать культурные традиции своего народа и почитать их, так как изучение этих традиций позволяет приобщиться к национальной культуре, духовно-нравственным ценностям своего народа, сформировать эстетический вкус, воспитывает уважение и интерес к народным традициям.

Основной целью проекта является создание условий для развития творческих способностей читателей средствами декоративно-прикладного творчества; формирование познавательных интересов, расширение познавательного кругозора при изготовлении своих работ.

Планируемый результат: предоставить возможность нашим читателям и гостям библиотеки для самореализации своих творческих талантов.

Презентация продуктов данного проекта:

Ежемесячно в читальном зале библиотеки презентуются персональные и коллективные выставки читателей и гостей библиотеки. На время работы творческих экспозиций читальный зал нашей библиотеки становится местом притяжения для симферопольцев и гостей нашего города. Посетив выставку, каждый находит повод посетить библиотеку еще не один раз. Многие посетители становятся читателями библиотеки и дают рекомендации своим знакомым.

В 2015 году состоялось открытие 12 творческих экспозиций.

В начале работы проекта библиотекари провели большую работу по изучению творческих интересов читателей. В результате кропотливого труда была создана картотека контактов для сотрудничества в проекте «Вдохновение». Необходимо сказать, что работа по обновлению картотеки ведется на протяжении всего существования проекта.

В январе 2015 г. открылись две творческие выставки, которые стали началом работы проекта по декоративно-прикладному творчеству «Вдохновение» [4]. «Зима-рукодельница» – коллективная выставка белоснежных ажурных салфеток, выполненных в различных техниках вязания. Главной участницей выставки стала читательница библиотеки, мастер кружевоплетения в технике фриволите, крымская поэтесса и композитор Тамара Обринская.

Крымские заснеженные пейзажи были представлены на персональной фотовыставке «Зимы прекрасные мотивы». Автором является постоянный читатель библиотеки, фотохудожник, член фото клуба СКУ 09 Маргарита Передерий.

Предлагаю небольшой обзор самых ярких выставок по декоративно-прикладному творчеству, состоявшихся в рамках проекта «Вдохновение».

24 мая 2015 года прошел праздник «Пока язык храним, и в Слове зреет свет – мечтам предела нет!», посвященный Дню славянской письменности и культуры.

В рамках мероприятия состоялось торжественное открытие первой масштабной выставки по декоративно-прикладному искусству симферопольских умельцев «Калейдоскоп фантазий».

Среди авторов — преподаватель «Искусства вышивки» ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» Наталья Красовская и ее ученица Елена Москаленко. Картины Елены находятся в частных коллекциях России, Украины, Китая, Грузии, Германии, США. Нина Таран – еще одна участница выставки, работает учителем начальных классов и увлекается вышивкой шелковыми лентами уже три года. Говорит, что это хобби не только приносит радость, но и успокаивает.

Светлана Белая представила свои работы, выполненные в технике бисероплетения, а Тамара Обринская, крымская поэтесса и композитор, представила свое увлечение плетением, которое называется фриволите. Она не только увлекается этим рукоделием, но и передает свое умение ученицам.

Не менее интересной стала выставка декоративно-прикладного искусства, на которой были представлены Архангельские пряники расписные. Мастер Анна Великородная и её 13-летняя дочь Полина представили свои чудесные пряники зрителям.

22 июня 2015 года открылась персональная выставка работ Дениса Волковича «Чудесный Крым» [3]. На выставке было представлено 7 картин, выполненных в технике живопись маслом. Юному автору всего 16 лет, но уровень его работ просто изумляет.

11 ноября 2015 года открылась коллективная выставка картин «Искусство длиной в жизнь. От 10 до 60». Представленные здесь картины – это творческое вдохновение учеников изостудии «Лазурит».

В 2016 году состоялось открытие 9 выставок. Познакомимся с самыми яркими из них.

1 марта 2016 года презентовали выставку рисунков «Кто сказал «мяу»? учеников изостудии «Этюд», созданной при ГБОУДО «Дворец детского и юношеского творчества» (руководитель Зинченко Анастасия Михайловна). Выставка была приурочена Всемирному дню кошек, который отмечают ежегодно 1 марта. На мероприятии присутствовала, специальный корреспондент АНО ТРК «Крым», ведущая и автор программы «Клуб Шико» Татьяна Шамаева, известная любительница кошек, которая осветила мероприятие в своей программе [6].

В 2017 году в рамках проекта «Вдохновение» состоялось открытие 10 творческих выставок. На них было представлено широкое разнообразие различных техник декоративно-прикладного искусства.

3 октября 2017 года состоялся музыкально-поэтический вечер «И жизнь, и слезы, и любовь...», посвященный Международному дню музыки. В рамках мероприятия прошла презентация персональной творческой выставки кукол-марионеток «Образы древних богинь». Автор представленных работ Ирэна Клименкова. В свое время она была создателем и руководителем Образцового художественного коллектива «Светлячок», где смогла проявить себя как педагог, композитор и мастер по куклам. Кукло-марионеток мастерил сама.

2 ноября 2017 года состоялась презентация коллективной выставки декоративно-прикладного творчества «Народные мелодии голубой гжели», в рамках празднования Дня народного единства в России [5]. Авторы представленных работ — Чупина Валентина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дизайна «Крымского университета культуры и искусств» и студенты направления подготовки «Дизайн интерьера». На выставке представлен 21 экспонат. Каждая тарелочка — особенная, каждая — индивидуальна по красоте бело-синей росписи.

В 2018 году состоялось открытие 11 творческих выставок.

В рамках мероприятия, посвящённого Международному женскому дню, «Женский силуэт на фоне истории» [1], читателям была представлена персональная выставка Натальи Красовской «Фантазии полёт и рук творенье» по декоративно-прикладному творчеству. Наталья Ивановна является членом Ремесленной палаты Крыма и председателем гильдии «Вышивка лентой».

В 2019 году библиотекари стали практиковать двойные выставки, размещенные в читальном зале. Так, например, в рамках мероприятия «Я жил и действовал в реальном мире» [2], посвященного 100-летию со дня рождения русского писателя, сценариста и общественного деятеля Даниила Гранина состоялась презентация двух персональных выставок.

Читателям была представлена персональная выставка фоторабот Маргариты Передерий «Зима – души очарованье» и персональная выставка рисунков в стиле аниме «В мире любимых героев» юного читателя Ильи Гажева. Автор выставки – активный волонтер нашей библиотеки.

6 марта 2019 года состоялся литературно-музыкальный вечер «Очарование романа», посвященный Международному женскому дню. Мероприятие подготовили хорошие друзья и волонтеры библиотеки – Анатолий Шолян, Валерий Таиров и Татьяна Крикун-Таирова.

Приятным подарком для читателей стало открытие персональной выставки картин «Весенние напевы» Татьяны Ефимовны Крикун-Таировой. Татьяна Ефимовна является членом профессионального союза художников, провела более 15 персональных выставок, на нашей выставке представлены работы с использованием 6 разных техник.

Подводя итоги, хочется отметить, что с 2015 года по март 2019 года включительно в стенах библиотеки-филиала № 2 им. В. А. Жуковского состоялось открытие 46 творческих выставок. Из них 24 персональных выставки и 19 коллективных. Самому юному участнику проекта 5 лет, а самому опытному в этом году исполняется 85 лет.

Красота и разнообразие представленных творческих работ всегда радуют и вдохновляют на творчество посетителей библиотеки, привлекают новых читателей и гостей, которые становятся участниками проекта «Вдохновение» и массовых мероприятий библиотеки. Многие из них присоединяются к числу добровольцев библиотеки, активно участвуя в жизни библиотеки.

Список использованных источников

1. Галушко С. М. Женский силуэт на фоне истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lytera.ru/zhenskiy-siluet-na-fone-istorii.html> (дата обращения 13.03.2019).

2. Галушко С. М. Я жил и действовал в реальном мире. МБУК ЦБС для взрослых МОГО Симферополь, 2019. 12 с.

3. Кондратюк О. С. Денис Волкович. Запомните это имя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://c-eho.info/kultura/item/1099-denis-volkovich-zapomnite-eto-ima> (дата обращения 13.03.2019).

4. Приглашаем посетить наши выставки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://simadm.ru/press/government/3377/> (дата обращения 13.03.2019).

5. Творческий проект вуза и библиотек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kukiit.ru/news/tvorcheskij-proekt-vuza-i-bibliotek/> (дата обращения 13.03.2019).

6. Шаманаева Т. Н. В день кошек организовали выставку детского рисунка «Кто сказал «Мяу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ltvcrimea.ru/pages/news/053690-v-den-koshek-organizovali-vystavku-detskogo-risunka-kto-skazal-mjau> (дата обращения 13.03.2019).

РОЛЬ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

О. В. Сиротюк,

*заведующая отделом «Общий читальный зал»,
Крымская республиканская универсальная научная библиотека
имени И. Я. Франко, Симферополь*

Аннотация. Рассматриваются особенности применения игровых технологий в библиотечном пространстве как средства формирования читательских компетенций; представлены материалы, обобщающие опыт проведения специалистами Центральной библиотеки Крыма игр, направленных на повышение культуры чтения подрастающего поколения.

Ключевые слова: чтение, игра, библиотека, квест, литература, викторина, библиокешинг, Крым, читательские компетенции.

Summary. The features of the use of gaming technology in the library space as a way of forming reading competences are considered; materials are presented summarizing the experience of games conducted by the specialists of the Central Library of Crimea aimed at enhancing the reading culture of the younger generation.

Keywords: reading, game, library, quest, literature, quiz, bibliocacheing, Crimea, reading skills.

Библиотекам сегодня необходимы новые форматы взаимодействия с читателем – более «живой» процесс общения. Именно интерактивные формы проведения мероприятий позволяют активизировать читательскую и творческую заинтересованность реальных и потенциальных посетителей библиотек, помогают приобрести библиотеке весомый статус в информационном и культурном пространстве, способствуют повышению ее престижа, развивают интерес к чтению.

Сегодня наблюдается тенденция смещения интереса в сторону нестандартных форм организации и проведения мероприятий, необычных сценариев взаимодействия с пользователем.

Библиотека давно уже перестала быть местом, куда приходят только за книгами и информацией, она стала центром, где можно творить и реализовывать совместные проекты. И здесь будет уместно мнение известного в профессиональном сообществе специалиста, редактора журнала «Библиотечное дело» С. Г. Матлиной: «Без читателей в библиотеке пустота, она не нужна. Мы можем приобретать новую мебель, оснащать библиотеку техникой, автоматизировать процессы. Но выживет та библиотека, которая умеет анализировать свою работу и делать выводы из этого анализа, которая умеет себя преподнести, показать. Выживет библиотека-театр, библиотека-фантазия, играющая библиотека. Необходимо не стоять на месте, всё время учиться, общаться, делиться опытом, чаще встречаться» [4].

Учитывая потребности читателей, реагируя на них и стараясь быть интересными, библиотеки активно внедряют в практику новые и нетрадиционные формы работы, в том числе игровые, что позволяет превратить процесс чтения в увлекательное занятие.

Вспомним слова Ю. М. Лотмана: «...игра – один из основных структурных признаков искусства, но это не означает тождества искусства и игры.

Игра представляет собой овладение умением, тренировку в условной ситуации, искусство – овладение миром (моделирование мира) в условной ситуации. Игра – ”как бы деятельность”, а искусство – ”как бы жизнь”» [3, с. 14].

Можно отметить, что благодаря своей многофункциональности игра для библиотеки является ценным ресурсом. Ведь в новой для него среде (игра) человек легче осваивает правила, стратегии, закономерности и алгоритмы поведения и деятельности. Увеличивается развивающий интеллектуально-духовный ресурс библиотечного пространства.

Особенностью массового обслуживания в библиотеке становится многообразие игровых форм, прочно вошедших в практику. Игра не позволяет библиотеке погрузиться в рутину, будит фантазию, становится мощным импульсом творческого развития личности. Игра выступает в качестве средства организации эмоционального читательского общения, целью которого является не только развлечение, но и общий интерес, рождающийся в процессе игры.

В игре моделируются ситуации, например, путешествие, суд, экскурсия. Игры в библиотеках ориентированы на получение новых знаний, информации. Самыми распространенными играми в библиотеке являются многообразные конкурсы – конкурс на лучшего читателя, лучшее знание книги, литературные конкурсы, семейные конкурсы. В современной библиотечной практике часто используются театрализованные формы проведения мероприятий.

В основе театрализации лежит игровое поведение. Наиболее доступная форма театрализации – театры книги, к возникновению которых приводит творческий потенциал библиотекарей и читателей.

Игра в пространстве библиотеки обладает богатейшими возможностями, может активно содействовать главным миссиям библиотеки. Эффективному развертыванию игровой деятельности в стенах библиотеки способствует комфортная атмосфера библиотечного пространства. Наличие систематизированного собрания книг и других информационных источников, представленных компактно, обозримо и доступно, создает широкий спектр возможностей. Тем самым формируются условия, позволяющие самостоятельно извлекать необходимый ресурс для разных видов игр. Мягкие формы организации игровой деятельности в библиотечном пространстве – фактор, благоприятно сказывающийся на применении игровых технологий [5].

Использование игровых технологий в работе библиотеки дает возможность сделать общение интересным и позитивным, представить библиотечное пространство в качестве площадки активного интеллектуального общения [2]. В работе современных библиотек применяются следующие игровые технологии:

Библиографическая игра – специально организованное развлечение, содействующее развитию информационно-библиографической эрудиции читателей. Она призвана стимулировать обращение посетителей к справочной литературе, библиографическим пособиям, помочь приобрести навыки самостоятельной работы с книгой [8].

Интеллектуальная игра – игра, где успех достигается за счет мыслительных способностей человека, его интеллекта: «Что? Где? Когда?», брейн-ринг, КВН. Такого рода игры дают возможность читателю проявить себя и свои знания, способствуют приобретению опыта работы в коллективе, раз-

вивают быстроту реакции, позволяют проверить смекалку и начитанность. Ее преимущества в том, что она проходит в неформальной обстановке и обладает элементами состязательности.

Интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?» направлена на интеллектуальное развитие личности, расширение кругозора, повышение познавательного интереса, развитие логического мышления, коммуникабельности, умения действовать коллективно, принимать решения и брать на себя ответственность за сделанный выбор.

В каждой игре принимает участие как правило шестерка знатоков. Исход игры во многом зависит от взаимопонимания внутри команды. Игра требует большой образованности и широкого кругозора в различных направлениях, способности быстро, оригинально и неординарно мыслить, внимательности и наблюдательности.

Так, например, в рамках Общероссийского дня библиотек в отделе «Общий читальный зал» состоялась интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?». Формат мероприятия объединил студентов Крымского филиала Академии генеральной прокуратуры Российской Федерации и студентов Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Сотрудники отдела нестандартно подошли к организации соревнования, воссоздав оригинальную атмосферу интеллектуальной телевизионной игры «Что? Где? Когда?», в которой знатоки смогли продемонстрировать свою познавательную активность. Изюминкой игры стали имитация видеовопроса от Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева, блиц-опрос, а также вопрос из «черного ящика».

Литературная игра – представление материала о литературном произведении или творчестве писателя в виде игры, обусловленной определенными правилами, содействующее развитию литературной эрудиции читателей.

Применение литературных игр возможно в работе с читателями всех возрастных групп. Разновидности: ролевые (перевоплощение читателя в литературного героя) и интеллектуальные (в их основе лежит процесс «разгадывания» книги, ее автора и героев) [1].

К числу литературных игр можно отнести путешествия по сказкам и станциям, литературные балы, брейн-ринги, КВНы, пресс-конференции, аукционы, лото, игры по сценариям известных телеигр и множество других.

Популярны такие формы, как литературные загадки (участники угадывают произведения и автора по отрывку из книги, по книжной иллюстрации, по портрету писателя); викторины (занимательные вопросы по содержанию книги, развивающие память и смекалку). Для данного вида игр характерно составление сценарного плана игры: конкурсы, викторины, подвижные и музыкальные паузы в определенной последовательности [8].

Игра-путешествие – форма массовой работы, чаще всего проводимая с целью глубокого ознакомления читателей с культурой, экономикой, наукой своей или других стран. Один из способов соединения интереса к краю с литературой о нем [7].

Цель игры-путешествия – стимулировать познавательную активность, содействовать расширению кругозора, придать содержанию необычность,

обратить внимание на то, что осталось замеченным. Тематика таких игр может быть различной, но как в ее названии, так и в формулировке игровой задачи должны быть «зовущие слова», вызывающие интерес к активной деятельности. Игра-путешествие предполагает наличие соответствующей атрибутики путешественника: карта, путеводитель, маршрут, компас, города (острова, моря, океаны) реальной или фантастической страны. Ключевой элемент – процедура целенаправленного движения группы участников по определенной схеме, обозначенной в маршрутном листе. К особенностям такой игры относятся «превращение» группы читателей в экипаж путешественников, где у каждого своя роль; разработка маршрута путешествия и его оформление в виде красочной карты, где обозначены остановки, имеющие интересные названия; выбор транспорта, с помощью которого совершается путешествие (машина, автобус, ракета, «ковер-самолет» и др.). На остановках происходят основные действия сюжета, которые реализуются за счет использования различных методов, форм, приемов, видов деятельности. Пройденные остановки на карте могут отмечаться флажками или другими знаками [6].

Игра ситуационно-ролевая – средство моделирования отношений и практических ситуаций. Каждый участник в соответствии с целями и задачами игры готовит роль и проигрывает ее на мероприятии, взаимодействуя с другими участниками, исполняющими иные роли. Такие игры можно применять для закрепления правовых знаний среди подростков.

Участники состязания выполняют функции игроков и организаторов, функция зрителей для данной формы не предусмотрена. К ролевым играм можно отнести читательскую конференцию в форме литературного суда, читательскую пресс-конференцию. Классические этапы проведения данной игровой формы: ознакомление участников с правилами игры, общими и индивидуальными вводными, непосредственно само игровое взаимодействие, обмен впечатлениями после игры [6].

Информина – специально организованное интеллектуальное состязание среди старшеклассников или студентов. Команды соревнуются в эрудиции, смекалке и умении работать с электронными ресурсами и справочным аппаратом библиотеки, который включает каталоги, картотеки, энциклопедии, словари, библиографические пособия и др. Местом для проведения информины выбирается помещение библиотеки, сама игра может проходить по типу КВНа и состоять из нескольких этапов [8].

Качели дискуссионные – диалог-обсуждение, построенный на имитации раскачивающихся качелей: два партнера поочередными толчками раскачивают доску-качели, чем сильнее толчок, тем выше взлет качелей. Партнерами становятся две группы людей, расположившиеся друг против друга. Предметом обсуждения на «дискуссионных качелях» может быть все, что окружает и занимает участников, что происходит с ними в жизни, книги, животные, работа, хобби. После того как предложен вопрос для обсуждения, участники от каждой группы поочередно высказывают мнения. Поощряя, корректируя, направляя, усиливая высказывания присутствующих, библиотекарь поддерживает ход и ритм дискуссионных качелей, пока ему не покажется, что силы участников исчерпаны. По завершении дискуссии подводятся ее итоги [8].

Клуб веселых и начитанных (КВН) – познавательно-развлекательная командная игра-соревнование, в которой принимают участие несколько разновозрастных команд. Игра состоит из ряда конкурсов, позволяющих тренировать как отдельные читательские умения, так и весь их комплекс.

Подиум мнений – оригинальная форма представления мнения/отзыва о книгах, прочитанных пользователями библиотеки, которые они сами в интересной форме рекламируют, таким образом предлагая их для прочтения.

Примером может послужить мероприятие, проведенное специалистами отдела «Общий читальный зал», – подиум мнений «Современники против классиков». На встрече присутствовали преподаватели и учащаяся молодежь Крыма, читатели и гости библиотеки.

Необычная форма встречи позволила поделиться своими индивидуальными литературными предпочтениями; поучаствовать в мини-дискуссии, посвященной отличиям современных произведений от классических; выразить свое мнение в поддержку одного из оппонентов; продемонстрировать знание произведений классической литературы и модных жанровых течений XXI века.

Органичным дополнением послужила книжная выставка «Современники или классики?», на которой были представлены книги современных авторов и произведения, являющиеся достоянием мирового литературного наследия.

Ключевым моментом встречи стала интерактивная викторина, которая позволила гостям проявить знания в области художественной литературы.

Кульминацией стало голосование, в ходе которого за классическую литературу было отдано 15 голосов, а за современную – 12. С незначительным перевесом победили классики, доказав, что образцовая классическая литература привлекает больше внимания и остается актуальной и модной во все времена.

Литературный аукцион – это игра, где копируются правила настоящего аукциона. Предлагаются вопросы, каждый из которых предполагает несколько правильных ответов. Например, аукцион литературных талантов, творческих идей, литературных афоризмов, крылатых слов, пословиц и поговорок. Книжный аукцион может быть посвящен книге, ее истории, формам книгопечатания, современным видам книжной продукции и включает конкурсы, викторины, литературные игры, кроссворды, дайджесты, лотереи [8].

Библиокешинг (от греч. библио – «книга» и англ. кэшинг – «поиск тайников») – это поиск книжных сокровищ, которые хранятся в библиотеке. Игра заключается в том, что в определенном месте библиотеки прячется какая-то книга и участникам даются ориентиры для её поиска. Эта игра стала просто находкой для досуга подростков, которые с большим энтузиазмом относятся к подобным играм.

Отличную возможность поучаствовать в настоящем приключении предложила в Год российской истории своим читателям Липецкая областная юношеская библиотека. Инновационно-методический отдел провёл областную молодежную акцию «Отечественная война 1812 года в памяти потомков!». Акция проходила в два этапа: первый – в форме интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?», а финальным этапом стал библиокешинг. На сайте библиотеки

размещались репортажи с состязаний, проходивших в области. В заключительный день победители первого отборочного тура собрались в библиотеке, готовые отправиться на поиски книжных сокровищ. Главным условием было пройти по всем залам библиотеки, найти в каждом из них все тайники, правильно ответить на предложенные вопросы и в итоге открыть клад, спрятанный библиотекарями. В каждом зале участников ждали неожиданные задания и вопросы на смекалку и эрудицию [7].

Литературный квест – один из активных, командных способов формирования у пользователей навыков работы с информационными ресурсами (другие названия – «бродилка», «библиопробег») [8].

Использование квестов в практической деятельности позволяет знакомить читателей со структурой библиотеки, ее информационными ресурсами, новыми интересными книгами, литературными направлениями. Например, в рамках Всероссийской акции «Библионочь» сотрудники отдела «Общий читальный зал» провели литературный квест «Скоромажия. Заочный курс для начинающих». Организаторы постарались продумать увлекательный маршрут, задействовав в игре как можно больше отделов, где библиотекари задавали участникам вопросы, за правильные ответы на которые выдавали конверт со следующим заданием. В ходе литературного квеста все желающие могли окунуться в удивительный мир Магии. Организаторы соревнования на время акции превратили коридоры и кабинеты библиотеки в отличительные места из серии книг о Гарри Поттере. Для всех участников Библионочи была предложена обширная программа: соревнования по теории магии, уроки зельеварения, распределяющая шляпа и многое другое.

В рамках литературного фестиваля «КрымБукФест – 2018» участники попали в квест «ПРОчтение» и провели необычное расследование – поиск героев мировой литературы. Игра включала несколько этапов-заданий:

- блиц-опрос – участники должны ответить на 10 вопросов, содержащих информацию о классиках мировой литературы;
- словесный портрет – команды пытаются узнать героя книги, расшифровывая секретные ключи;
- фоторобот – из составленных фотороботов участники находят авторов книг;
- литературные пазлы – командам необходимо собрать портреты героев из пазлов, на обратной стороне которых находится задание.

Следует отметить, что данный вид командной игры помогает развивать навыки взаимодействия в условиях необходимости принятия быстрых и правильных решений. Способствует развитию коммуникации и личностных качеств участников (внимание, память, мышление), вызывает массу позитивных эмоций и радостных воспоминаний.

В заключение можно отметить, что для настоящего времени характерно развитие библиотечных игр, разнообразие форм игровой деятельности. Библиотеки успешно адаптируют телевизионные игры и игры, предназначенных для открытых площадок, совершенствуя свое мастерство в области игровых технологий.

Однако важно не поддаваться игровому энтузиазму, чтобы не переусердствовать в количестве применяемых в библиотечном пространстве игр, что

может привести к существенному снижению качественной их стороны. В играх всегда присутствует азартная и результативная составляющая, которая снизит мотивацию читательской деятельности, сместив ее в пользу развлекательной. Определение приоритетов игровых технологий – главная задача библиотечных специалистов.

Список использованной литературы

1. Интерактивные формы работы с читателями в библиотеках: метод. рек. / Северо-Казахстанская областная универсальная научная библиотека им. Сабита Муканова; сост. Л. К. Жолаушинова. Петропавловск, 2014. 24 с.

2. Колгина М. В. Игровые технологии в социокультурной практике библиотек [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – №7. – С. 25–28. – Режим доступа: <http://intjournal.ru/igrovye-tehnologii-v-sotsiokulturnoj-praktike-bibliotek/> (дата обращения 01.03.2019).

3. Лотман Ю. М. Об искусстве: структура художественного текста. Семантика кино и проблемы кинопоэтики. СПб.: Искусство, 1998. 704 с.

4. Матлина С. Г. Игра как смыслообразующий феномен библиотечной деятельности // Библиотековедение. – 1996. – № 6. – С. 42–53.

5. Сафонова Н. К. Игры в детской библиотеке: теория, методика, библиотечная практика: учеб. пособие. Челябинск, 2006. 58 с.

6. Современные формы культурно-досуговой работы с читателями / Департамент культуры и туризма Вологодской области; Вологод. обл. универс. науч. б-ка им. И.В. Бабушкина. Вологда: ВОУНБ, 2017. 47 с.

7. Такие разные игры: дайджест / ГБУК АО Архангельская областная научная ордена «Знак Почета» библиотека им. Н. А. Добролюбова. Архангельск, 2015. 21 с.

8. Худякова Т. А. Формы библиотечных мероприятий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://metod.library.karelia.ru/files/689.pdf>. (дата обращения 01.03.2019).

УДК 811.111

СЛОВСОЛОЖЕНИЕ КАК ПРОДУКТИВНЫЙ СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е. А. Богославская,

обучающаяся 2 курса магистратуры

кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель — А. Д. Петренко,

доктор филологических наук, профессор,

заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики,

директор Института иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы неологии английского языка. Особое внимание уделяется такому продуктивному с деривационной точки зрения способу, как словосложение. Этот способ образования является самым частотным в современном английском языке. В ходе анализа использовались аналитический, сопоставительный, деривационный методы исследования.

Ключевые слова: неологизм, словосложение, продуктивный способ словообразования, английский язык.

Summary. The article analyzes the actual issues of the neology of the English language. The particular attention is paid to word compounding, which is a productive way from the derivational point of view. This way of formation is the most frequently used in modern English. The analytical, comparative and derivational methods of research were used in the analysis.

Key words: neologism, compounding, productive way of word formation, the English language.

Новые социальные реалии связаны с ускорением общественного прогресса, с развитием науки и техники. Эти процессы приводят к ускорению и номинативной деятельности. Возникновение новых слов, появление обновленных функциональных наименований, соответствующих сложившимся реалиям и конкретным целям общения – суть эволюции языка. Английский – это язык глобальной коммуникации. Неологизацию в нем необходимо постоянно изучать, так как это важно для развития лингвистики и межкультурной коммуникации.

Неологизм определяется как слово, значение слова или словосочетание, которое появилось в языке не так давно. Новая номинация обозначает прежде неизвестный предмет, явление или выражает новое понятие. Как писал В. С. Виноградов, неологизмы – это «закрепляющиеся в языке новые слова или значения, которые называют новые предметы мысли» [2, с. 121].

Актуальность изучения моделей образования неологизмов в английском языке обусловлена перманентным увеличением словарного запаса языка в качестве реакции на изменения в социальном, культурном и политическом измерениях. Бурно развивается наука и техника, человечество постоянно сталкивается с изменениями условий своей жизни. Как известно, новые единицы формируются по словообразовательным моделям, которые уже существуют в языке. Важно принимать во внимание основную проблему словообразования – продуктивность определенного способа деривации.

Новизна исследования заключается в том, что неологизмы, представленные на сайте www.wordspy.com, образованные словосложением, рассматриваются в деривационном аспекте.

Материалом исследования послужили 53 неологизма английского языка, которые образованы словосложением.

Основные источники, которые закрепляют возникновение новых слов, новых значений и новых выражений, претендующих на фиксацию в словарном издании для общенационального использования, это Интернет и СМИ. Массовая коммуникация вместе с наукой, техникой, информационными технологиями, медициной, политикой, финансами, деловым общением, рекламой, модой в английском языке представляют собой основные источники новых лексических единиц.

В характеристике системы словообразования современного английского языка нет неисследованных областей. Модели образования слов уже определены и детально описаны в российской и зарубежной языковедческой литературе. Но эволюция языка второй половины XX века диктует ряд поправок относительно привычных представлений о моделях создания новых слов и словосочетаний. Традиционно выделяют суффиксацию и словосложение вместе с усечением и конверсией. Широкое распространение получают лексические единицы, которые образованы посредством аббревиации, слияния морфем и их частей. Также популярны смешанные типы формирования лексем.

Самыми активно эволюционирующими стилями и регистрами речи становятся научный стиль, стиль рекламы и публицистический стиль. В начале XXI века стали понятны внеязыковые факторы стремительного развития этих стилей и регистров. Сформировались и требования к новым единицам языка. К ним можно отнести – краткость при передаче сведений, их сжатость. Важный аспект – это удобство в произношении. Важную роль играет способность принимать участие в словоизменительных отношениях парадигматического плана и создании речевых конструкций.

В средствах массовой информации англоязычных стран имеется значительный материал для анализа деривационной специфики современной лексики. В ходе исследования различных деривационных моделей установлены основные тенденции деривации неологизмов.

Неологизмы политсферы, например, образуются по разным способам и моделям деривации. Возможны и разного рода комбинации. Продуктивно образование неологизмов в несколько этапов. Продуктивные способы образования неологизмов политсферы – это словосложение, аффиксация, телескопия. Также используется способ усечения основ. Менее частотными

являются такие способы образования неологизмов сферы политики как лексикализация, декомпозиция, сочетание конверсии и деривации. Самый часто используемый способ – усечение основ (34,42%).

Словосложение является одной из наиболее продуктивных разновидностей образования слов. По мнению Н.Н. Амосовой, сложение слов и формирование выражений больше и разнообразнее всего показывают основную силу любого языка [1, с. 18].

Особенно интенсивно происходят процессы словосложения в настоящее время. Быстро развиваются комплексные понятия в различных сферах многоаспектной жизни человека. Сложение слов значительно увеличивает лексический запас современных языков во всех сферах жизнедеятельности. Это касается как бытовой речи, так и художественно-литературной. Активнейшим образом сложные слова проникают в общественно-публицистическую и научную речь.

Сложные слова предоставляют возможность более полно отразить новые идеи. Такие слова формируют значительную часть словаря современных языков. Терминология применяет сложные слова особенно широко. Возникает необходимость более точно и полно именовать новые феномены научно-технического и производственного плана. Много новшеств существует в социальной человеческой деятельности, что диктует запрос на отражение наиболее значимых признаков.

Сложное слово комбинирует краткость вместе со смысловым насыщением. Такое слово не рассматривается как сумма двух или более слов. По сути, имеет место возникновение новой единицы словаря. Ее смысловое содержание получается более ёмким по сравнению с семантикой отдельно взятых элементов. Количество в этом случае предоставляет новое качество.

Сложение может сопровождаться соединением полных корней и усеченных, в том числе объединение основ и целых слов в той или иной грамматической форме. Данный процесс может проходить по двум направлениям. Это механическое, агглютинирующее сложение слов и органическое, фузионное.

Первое направление даёт сумму значений складываемых компонентов: «*earthday* – земные сутки»; «*week-end* – конец недели, выходные» и др. Второе направление создает ситуацию, при которой семантика целого не равна сумме значений слагаемых элементов: «*typewriter* – это не «шрифт + писец», а пишущая машинка» и т.д.

Тексты СМИ предлагают следующие неологизмы, иллюстрирующие такой способ деривации как словосложение: «*cryptocurrency* – «криптовалюта», это вид валюты цифрового формата»; «*like-bait* – это такой способ создания заголовка, где искажается смысл текстовой информации для того, чтобы привлечь читателя; он возник ввиду того, что рекламодатели выделяют деньги за число переходов с сайта на ту самую страницу, на которой помещён баннер; это также прямые просьбы комментировать и «лайкать» как форма одобрения в соцсетях»; «*tweetstorm* – «твит-шторм», это огромное число сообщений в соцсети Twitter»; «*datalake* – «озеро данных», это значительное по объёму хранилище данных неструктурированного характера, которые созданы или собраны одним предприятием»; «*darkstore* – это вид магазина или склада, который осуществляет торговые операции лишь дистанционно»; «*gig economy* – «гигномика, гиг-экономика», это такая модель

экономики, в которой все большее число людей склонны выбирать частичную форму занятости; в таком случае компании сотрудничают с независимыми исполнителями работы, так называемыми фрилансерами, т.е. сотрудниками, которые не состоят в штате»; «*droneport* – это название аэропорта, откуда взлетают и куда приземляются беспилотные летательные аппараты»; «*skyrunning* – «скайраннинг», высотобег, так называемый высотный забег, когда бег осуществляется на высоте не менее двух тысяч метров и выше над уровнем моря»; «*packrafting* – «пакрафтинг», сплав на небольшой, одноместной лодке при наличии походного рюкзака, сплав налегке, *pack* здесь означает «рюкзак»; «*faceplant* – падение лицом вниз; изначально относится к сфере скейтборда и сноуборда; также это смерть действующего лица в компьютерных играх, где играет много пользователей».

Наблюдаются случаи, когда происходит соединение слов, которые заканчиваются и начинаются на ту же гласную или тот же согласный. В таких случаях один сегмент элиминируется, например, «*netiquette* – образовано с использованием слов *net* + *etiquette* – это общепринятые, существующие в устной форме правила коммуникации или помещения данных в сети Интернет».

Интернет-сайт www.wordspy.com. 38% неологизмов на этом сайте образованы посредством словосложения. Самый частотный вариант представлен сложением двух слов. В этом виде образования новых слов есть ряд моделей. Около половины сложных слов, которые подверглись анализу, созданы по модели объединения двух существительных, которая дает образование нового существительного: «*glasshole* – образовано от «*glass*» + «*hole*» = «очки» + «дыра» – это личность, которая не может использовать приложение Google Glass должным образом»; «*perfectionfatigue* – образовано от «*perfection*» + «*fatigue*» = «совершенство» + «усталость» – это вид психического истощения и стресса, которые вызваны перманентными попытками, направленными на достижение совершенства»; «*nanatechnology* – образовано от «*nana*» + «*technology*» = «бабуля» (сленг) + «технология» – это разновидность технологий, цель которых состоит в улучшении качественных показателей жизни людей в возрасте»; «*frost quake* – образовано от «*frost*» + «*quake*» = «мороз» + «землетрясение» – это краткое по времени дрожание земли, которое вызвано возникновением трещин в подземных водах, подвергшихся замерзанию»; «*ice missile* – образовано от «*ice*» + «*missile*» = «лед» + «ракета» – это ледяной кусок, летящий с крыши транспортного средства, которое находится в движении»; «*life radius* – образовано от «*life*» + «*radius*» = «жизнь» + «радиус» – это дистанция от дома или работы, в радиусе которой человек находится значительную часть времени в ходе дня; это дистанция, в рамках которой личность проживает всю жизнь или большую её часть»; «*parcel mullet* – образовано от «*parcel*» + «*mullet*» = «участок земли» + «вид причёски, когда волосы выстрижены коротко сбоку и спереди, но сзади остаются длинными» – это газон, который подстрижен и благоустроен на дворе перед домом, но не ухожен за домом»; «*peak car* – образовано от «*peak*» + «*car*» = «пик» + «автомобиль» – это временной период, когда число автомобилей у людей на максимуме; потом имеет место уменьшение в виду высоких расходов, возникновения других альтернатив, которые более удобны, или появляется необходимость в оптимизации пропускной возможности дорог» [3].

Получила достаточное распространение модель, в которой имя прилагательное объединяется с именем существительным и образуется новое существительное. Доля таких единиц составляет около трети проанализированных неологизмов: «*smartglasses* – образовано от «smart» + «glasses» = «умный» + «очки» – это очки, которые способны реализовывать много функций ПК; осуществляется доступ в сеть Интернет, используются разные приложения, производится фото- и видеосъемка, применяются такие технологии, как Wi-Fi и GPS»; «*retrocameo* – образовано от «retro» + «cameo» = «ретро» + «эпизодический» – это краткий эпизод, где принимает участие пока еще неизвестный актер, впоследствии ставший таковым»; «*digital hangover* – образовано от «digital» + «hangover» = «цифровой» + «похмелье» – стыд и раскаяние, которое вызвано фото в соцсетях, запечатлевшими непристойное поведение человека; «*sitting disease* – образовано от «sitting» + «disease» = «сидячий» + «заболевание» – повышение веса, болезни сердечнососудистой системы и прочие ухудшения здоровья из-за малоподвижного образа жизни»; «*global weirding* – образовано от «global» + «weirding» = «глобальный» + «странность» – это термин описывает все чаще повторяющиеся случаи поведения природы, которые сложно предсказать».

Неологизмы также содержат сложные слова, которые образованы с помощью сложения имени существительного и глагола, в результате чего появляется существительное: «*binge-read* – образовано от «binge» + «read» = «злоупотребление» + «читать» – сильная концентрация на чтении, в особенности работами определённого автора»; «*binge-listen* – образовано от «binge» + «listen» = «злоупотребление» + «слушать» – сильная концентрация на прослушивании музыкальных произведений».

Менее частотные модели представлены сочетанием глагола и предлога: «*walk-on-by* – наполненный безразличием, слепой к горю чужого человека, не имеющий сострадания, с отсутствием внимания»; «*glassed out* – рассеянный взгляд и погружение в себя, которые вызваны применением Google Glass».

Политические неологизмы. Словосложение представляет самую распространённую модель комбинация двух существительных или прилагательного с существительным, в результате объединения которых образуется существительное: «*high-rise* – дом, состоящий из множества этажей»; «*cloth-cap* – рабочий»; «*ratflink* – предатель»; «*hard-line* – точка зрения, которая не терпит компромиссов»; «*earthday* – сутки на Земле». Отмечается увеличение числа слов, где инициальный элемент – имя собственное: «*Clinton Global Initiative*» – Глобальная инициатива Клинтона», «*Trump bump*» – пинок от Трампа; выступления и поступки Дональда Трампа заставляют СМИ объединяться и работать лучше. Аудитория из читателей и зрителей, со своей стороны, тратят значительные деньги, чтобы подпитать усилия журналистов.

Основосложение (10,65%): «*workstream* – последовательность заданий для того, чтобы улучшить эффективность»; «*funemployment* – период безработицы, который человек использует для досуга и других видов деятельности»; «*mansession* – спад, который больше затрагивает мужчин, чем женщин».

В результате исследования процессов деривации неологизмов английского языка в текстах СМИ был сделан вывод, что словосложение все еще является самым продуктивным способом формирования новых лексических единиц.

Далее идет слияние. Словосложение и слияние – это компактные способы образования слов. Они объединяют два или более понятий в рамках одного слова. Эти способы образования слов характеризуются удобством их применения. На их основе формируются новые лексические единицы, семантика которых ясно прослеживается, используя значения их компонентов в качестве опоры при переводе. Вот почему эти словообразовательные модели широко применяются для наименования новых реалий действительности вокруг нас.

Список использованных источников

1. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Изд-во Лит-ры на ан-х яз-х, 1956. 113 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. Word Spy. The Word Lover's Guide to New Words. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://www.wordspy.com/> (дата обращения 28.02.2018).

УДК 821.14.06

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА В РОМАНЕ АЛКИ ЗЕИ «НЕВЕСТА АХИЛЛЕСА» («ΝΑΡΡΑΒΩΝΙΑΣΤΙΚΙΑ ΤΟΥ ΑΧΙΛΛΕΑ»)

В. Н. Васько,

*обучающаяся 2 курса магистратуры
кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь
Научный руководитель – О. Н. Александрова,
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Цель данного исследования – изучение особенностей функционирования мифа в романе современной греческой писательницы Алки Зеи (Αλκη Ζέη) «Невеста Ахиллеса» («Ναρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα»). В ходе работы использован сравнительно-исторический метод исследования в близкой взаимосвязи с культурно-историческим и системным методами, что позволяет выявить специфику романа и обозначить главные особенности творчества писательницы. Результаты исследования содействуют дальнейшему осмыслению проблемы неомифологизма, а также освещению проблемы идеологической вариативности в интерпретации политических событий в произведениях новогреческой художественной литературы.

Ключевые слова: новогреческая литература, Алки Зея, «Невеста Ахиллеса», роман, античный миф.

Summary. The article describes the features of the functioning of the ancient myth in the novel («Ναρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα») by the modern Greek

writer Alki Zei (Άλκη Ζέη). In the course of the work, a comparative historical research method was used in tight connection with the cultural, historical and systemic methods, which allows to reveal the specifics of the novel and to identify the main features of the writer's work. The main characteristics of this novel include the use of the ancient Greek myth to convey the experience of living in a foreign land, an attempt to recreate personal and national identity, a description of the image of the other and dividing borders, and a nostalgia motive for the native land. The results of the research contribute to further understanding of the problem of neomythologism as well as highlighting the issue of ideological variation in the interpretation of political events in the works of modern Greek literature.

Key words: modern Greek literature, Alki Zei, «Achilles' Fiancée», novel, ancient myth.

Социальные вопросы, личный опыт, исторические события современности и прошлого – главные звенья прозаических произведений современной греческой писательницы Алки Зеи (греч. Άλκη Ζέη, р. 1925, полное имя – Ангелика (Αγγελική)), обращающейся в своём творчестве к читателям разных поколений, как ко взрослым, так и к детям. Творческий метод Алки Зеи опирается на её личный и коллективный социальный опыт современной Греции, переосмысление исторических событий и мифологических сюжетов, сложную технику подачи сюжетной информации (внутренний монолог, чередование рассказчиков, освещение событий с разных точек зрения, ретроспективы и перспективы, комментарии и описания и т. п.). Сама писательница утверждала: «Непреднамеренно, моя жизнь вплелась в историю, и я стала её частью. Поэтому мой писательский труд, хочу я этого или нет, наполнен историей» («Άθελά μου η ζωή μου πλέχτηκε μέσα στην ιστορία κι έγινα κι εγώ ένα κομμάτι της. Το συγγραφικό μου λοιπόν έργο, θέλω δε θέλω, είναι γεμάτο ιστορία») [5, с. 25] (здесь и далее пер. мой – В. В.).

Роман «Невеста Ахиллеса» («Η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα», 1987) был написан в 1987 году на материале трагедий Еврипида (Ευριπίδης, 480–406 гг. до н. э.) «Ифигения в Тавриде» («Ιφιγένεια εν Ταύροις», 414 г. до н. э.) и «Ифигения в Авлиде» («Ιφιγένεια εν Αυλίδι», 407) рассказывающих о предыстории Троянской войны – обращении спартанского царя Менелая ко всем греческим царям с требованием возмездия за оскорбление, нанесённое ему троянским царевичем Парисом, похитившим его супругу царицу Елену, оскорбление, нанесённое царём Агамемноном богине Артемиде и необходимым искуплением – принесении в жертву прекрасной девушки вместо убитой царём на охоте священной лани.

События романа «Невеста Ахиллеса» занимают 30 лет (1940–1970) жизни автобиографического персонажа Алки Зеи, главной героини романа Элени, и политической жизни послевоенной Греции – Второй мировой войны, итальянской и немецкой фашистской оккупации, греческого Сопротивления и последующей за этим гражданской войны, семилетней диктатуры Черных полковников.

Переосмысливая древнегреческий миф, Алки Зеи поднимает в своём романе «Невеста Ахиллеса» многие проблемы современного мира, среди которых, пожалуй, самой востребованной становится проблема эмиграции, жизни человека, живущего в чужой стране. Сюжет строится на материале пьесы

«Ифигения в Тавриде», где миф о перенесении девушки богиней Артемидой в Тавриду переосмысливается не только как необходимость сохранения любви к Родине, но как возвращение домой. По мнению многих исследователей, последние годы жизни Еврипид, оскорблённый неприятием его творчества афинянами, провёл на чужбине, в Македонии.

Сама писательница и её муж, известный греческий писатель Георгос Севастикоглу (Γεωργός Σεβαστίκογλου, 1913–1991) дважды были вынуждены покинуть Грецию. Первый раз они уезжают на 10 лет (1954–1964) сначала в Италию, а затем в Советский Союз, спасаясь от политического преследования вместе со многими участниками греческого Сопротивления, частями Демократической армии. Второй раз они проводят 7 лет (1967–1974) в Париже во время диктатуры Черных полковников. В какой-то мере эти события находят отражения в романе, когда героиня Алки Зеи невеста Ахиллеса – Элени/Дафна следует в ссылку за своим любимым, в чем отразился опыт многочисленных греческих политических беженцев в XX в., и что позволяет включить этот роман в своеобразную «литературу изгнания», чрезвычайно популярную в Греции, позволяющую разрабатывать такие тематические поля как «память» или «забвение исторических событий», вечное сравнение жизни за границей (здесь) и на Родине (там), ностальгии и непреодолимой мечты о возвращении в Грецию (см. например, роман Мицоса Александропулоса (Μήτσος_Αλεξανδρόπουλος, 1924–2008) «Малый органон для репатриантов»).

Название романа «Невеста Ахиллеса», выбранное А. Зеи, изначально должно было подчеркнуть его мифологическую базу, заставить рассматривать персонажи как культурные стереотипы и мифологические архетипы.

Это очевидно из имени главного героя романа, мужа главной героини, напоминающего об ахейском герое Троянской войны Ахиллесе (ο Αχιλλέας). Как и гомеровский герой, Ахиллес в романе – доблестный воин, участник борьбы за свободу, один из лидеров Левых политических сил в Греции.

Очень многое роднит персонажи Гомера, Еврипида и Алки Зеа. Ахиллес Гомера не просто военный вождь, он идеал греческого мужчины и воина, он мужественен и харизматичен. Все эти черты мы находим у героя современной писательницы, как и античный Ахиллес, её герой оказывается неспособным на политический компромисс: гомеровский герой ссорится с верховным ахейским стратигом Агамемноном и всеми греческими вождями, отстаивая свою точку зрения, Ахиллес А. Зеи не способен пойти на компромисс ни с политическими противниками, ни с политическими союзниками, однопартийцами. И эта неспособность к политическому лавированию и коллаборационизму становится причиной вынесения ему смертного приговора.

В трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде» Ахиллес становится идеалом для влюблённой в него Ифигении. Когда девушке сообщают, что она станет невестой самого великого воина в Элладе, это меняет её внутренний мир. Она стремится стать достойной спутницей такого человека. Именно поэтому в конце трагедии Ифигения добровольно жертвует своей жизнью ради интересов Родины. Ахиллес, представленный в романе Алки Зеи, воспринимается его женой как целостная личность, она также стремится стать его помощницей и союзницей в политической борьбе.

Более сложные ассоциации вызывает в романе архетип Ифигении. Алки Зеи рассматривает свою героиню как воплощение двойственности существования человека в этом мире, экзистенциальное противостояние «свой/чужой». Героиня существует в двух ипостасях: в повседневной жизни современного греческого города и в конспиративном мире политической борьбы.

В какой-то мере это проявляется в выборе имён главной героини. Её подлинное имя – Дафна. Но архетип гордой нимфы, посмевавшей отвергнуть любовь бога Аполлона, в романе нарушается. Дафна Зеи – обычная девушка, чуть легкомысленная, стремящаяся к общению с творческими людьми, очень напоминая саму писательницу своим очарованием. Творческие амбиции самой писательницы здесь больше связаны с мужским архетипом Дафниса – сына бога Гермеса, любимца муз. Это её внешнее бытие, философское «есть», её повседневное, бытовое «Я».

Внутреннее «Я» героини воплощено в её втором имени – Елена. С одной стороны, здесь обыгрывается судьба мифической Елены после Троянской войны. А. Зеи обыгрывает миф, изложенный Павсанием (греч. Παυσανίας, лат. Pausanias, 2-я пол. II в.) в «Описание Эллады» («Περιήγησις τῆς Ἑλλάδος») [2], согласно которому, когда сыновья Менелая изгоняют ее из Спарты, и царица бежит туда, где начинается река Истр (современный Дунай), она встречает уже погибшего Ахиллеса и вступает с ним в вечный, бессмертный союз истинной любви. Именно такая любовь соединяет героев романа Ахиллеса и Елену, именно такая любовь соединяла Алки Зею и Георгоса Севастикоглу.

Экзистенциальное противостояние «свой/чужой» необходимо писательнице не только для того, чтобы познать саму себя, это необходимо ей для того, чтобы соединить две половинки души своей героини в одно целое.

Для этого используется античный миф об отсутствии Елены в Трое, разрабатываемый в IV в. до н. э. поэтом Стесихором (Στησίχορος, 2-пол. VII в. до н. э. – ок. 556 до н. э.) [1], согласно которому Елена по воле Геры и Зевса подменяется в Трое призраком и живёт в Египте под защитой мудрого Протея.

Таким образом, мифологическое призрачное существование Елены в романе Алки Зеи становится олицетворением конспиративного «кажется», а реальная жизнь Дафны проявляется в устойчивом «есть».

Объединение сущностей Елены/Дафны оказывается истинной героиней, что подчёркивается названием романа – «Невеста Ахиллеса»: ведь античная невеста Ахиллеса — Ифигения. Более того, героиня воспринимается окружающими людьми только как невеста Ахиллеса: «Они схватили меня только потому, что я невеста Ахиллеса» («Με πιάσανε μόνο και μόνο γιατί είμαι αραβωνιαστριά του καλετάμιου») [3, с. 40].

Таким образом и происходит полное познание героиней своего собственного «Я», может быть, как отметила Мария Леоцини, неожиданного для читателя: «Все произведение предлагает интересное оспаривание названия: «История личной Одиссеи в поисках публичного героя Ахилла» [4].

По мнению Алки Зеи, роман об Ахиллесе и Ифигении оказался лучшим в её творчестве. Когда 2016 году она приезжала в Россию на презентацию своего раннего автобиографического романа «Леопард за стеклом» («Το καλλάκι της βιτρίνας», 1963), на вопрос корреспондента о том, какой из её романов стоит перевести на русский язык в первую очередь, писательница ответила: «Невесту Ахиллеса».

Список использованных источников

1. Избранные произведения Стесихора. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.novemlyrici.net/index.xps?2.5> (дата обращения 15.01.2019).
2. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. Ελλάδος περιήγησις / Пер. С. П. Кондратьева. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hronologia.parod.ru/psausanios.html> (дата обращения 25.11.2018).
3. Ζέη Α. Η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα. Αθήνα: Μεταίχμιο, Α' έκδοση Κέδρος, 1987. 430 σ.
4. Λεοτσίνη Μ. «Στον αλόηχο του έπους: ιδεολογία, μύθος και ιερότητα στην Αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα της Άλκης Ζέη» τόμ. 147ος, τχ. 1723, Μάιος 2000. Αθήνα: Νέα Εστία. Σελ. 772–796.
5. Παλαστεργίου Κατερίνα, «Άλκη Ζέη: δεν είμαι η αρραβωνιαστικιά του Αχιλλέα» συνέντευξη στο περ. Γυναίκα, Αθήνα, 9 Δεκεμβρίου 1987. 22 σ.

УДК 82.2

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ В НОВЕЛЛЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА “THE FOX”

А. Ю. Иваниченко,

обучающаяся 3 курса кафедры английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель – Е. В. Полховская,

кандидат филологических наук, доцент, з

аведующая кафедрой английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматриваются символические образы животных и их роль в творческом наследии английского писателя Д. Г. Лоуренса. Особое внимание уделяется ключевым животным-символам в новелле “The Fox”. Проведённый анализ данного произведения показывает, что символические образы животных имеют важное значение при раскрытии проблематики в новелле “The Fox”.

Ключевые слова: символ, Д. Г. Лоуренс, образ животного, «Лис».

Summary. This article considers symbolic images of animals and their role in the creative heritage of the English writer D.H. Lawrence. Particular attention is paid to the key animal symbols in the novel The Fox. The analysis of this work shows that the symbolic images of animals are important in the disclosure of issues of the novel The Fox.

Key words: symbol, D.H. Lawrence, animal image, The Fox.

Многие писатели использовали в своих литературных шедеврах образы животных, которые несли в себе определённый символический смысл. Такая особенность присуща идиостилю английского писателя Д. Г. Лоуренса. Ярким примером является его произведение “The Fox” («Лис»), написанное и опубликованное во времена Первой мировой войны.

Целью данной статьи является раскрытие особенностей идиостиля Д. Г. Лоуренса на основе анализа символов животных, использованных писателем в произведении “The Fox”. Эта тема, безусловно, вызывает всё больший интерес у учёных-литературоведов, что обуславливает **актуальность** данной работы. В первую очередь, это связано с малоизученностью работ Д. Г. Лоуренса, а также важностью восприятия литературных символов для правильного истолкования художественного текста в целом. Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

1) рассмотрение понятия «символ» и определение его роли в художественном тексте;

2) выявление функционирования символов животных в новеллистике Д. Г. Лоуренса;

3) рассмотрение символической характеристики образов животных в “The Fox”.

Методика данного исследования основывается на комплексном подходе к художественному тексту, который включает в себя: вербальный и стилистический анализ, метод символической интерпретации. В качестве методологической базы исследования выступили работы учёных в сфере изучения творчества Дэвида Герберта Лоуренса.

Прежде чем приступить к анализу произведения, дадим определение понятию «символ» и выявим его основные характеристики. По Павлу Александровичу Флоренскому – русскому православному священнику, учёному, поэту и религиозному философу, – символ – это «нечто, являющее собою то, что не есть он сам, большее его, и однако существенно через него объявляющееся» [3, с. 254].

С греческого же языка «символ» переводится как знак, условное обозначение какого-либо предмета, понятия или явления; художественный образ, условно воспроизводящий устоявшееся мнение, идею, чувства. Если говорить о наиболее важных особенностях символа, то он даёт возможность сконцентрировать в образе широкий круг жизненных явлений, позволяет максимально «сгущать» и гиперболизировать изображаемое. Он представляет собой целую цепочку разных аспектов, понятий и черт, которые сложно отобразить, используя буквальный перевод. Символ использует объект или действие, которые означают нечто большее, чем их обычное, буквальное значение. В качестве примера можно привести фразу «новый рассвет», которая означает не только фактическое начало нового дня, она также несёт в себе и иной смысл: просвещение (в буддизме), надежду, молодость и многое другое.

Так, следует подытожить определение «символа» словами Г.Т. Карипжановой: «Символы определяют манеры словопользования и мастерство писателя» [2]. Символы – это средства образительности, которые способствуют раскрытию через имитации подтекстовой сути, а также усилению образности передаваемой мысли [2]. И чтобы понять суть этих символов, необходимо в полной мере осмыслить содержание художественного текста.

Что же касается новеллы “The Fox”, то она до краёв наполнена разнообразными символами – не только символическими образами животных (к примеру, сон Марч, в котором она видит лиса, несёт в себе символическое значение). “The Fox” – это новелла, написанная в жанре психологического реализма, которую свет впервые увидел в 1922 году. Это впечатляющая история

о мучительном любовном треугольнике, в которой повествуется о жизни двух незамужних женщин и непрошенном госте, угрожающем их любви (здесь проявляется мастерство автора, который недоговаривает об отношениях главных героинь ровно столько, сколько требуется, чтобы банальный любовный треугольник смог превратиться в целую психологическую головоломку).

Как уже было ранее сказано, новелла наполнена разнообразными образами животных, и одним из важнейших символов является лис. Ещё с первых страниц произведения автор сравнивает его с демоном: «*Since the war the fox was a demon*» [1, с. 7]. И этот самый «демон» словно завладевает всем сознанием одной из главных героинь – Эллен Марч, ей кажется, что она знает его также, как и он её: «*She lowered her eyes, and suddenly saw the fox. He was looking up at her. His chin was pressed down, and his eyes were looking up. They met her eyes. And he knew her. She was spellbound – she knew he knew her. So he looked into her eyes, and her soul failed her. He knew her, he was not daunted*» [1, с. 9].

Образ лиса выступает в произведении в качестве мужского начала, от которого героини Марч и Джил отказались, переселившись на ферму. Этот символ также отражает в себе те чувства, которые Марч испытывает к мужскому полу, ведь именно её сознанием полностью завладел этот дикий зверёк. Таким образом, в погоне за лисом героиня словно гонится за противоположным полом, за тем, чего они лишились в результате своего выбора. И здесь следует отметить, что Д. Г. Лоуренс использует местоимение “he”, когда описывает лиса, автор персонифицирует животное, приписывая ему человеческие повадки и характер: «*The fox really exasperated them both <...> And he was so sly. He slid along in the deep grass; he was difficult as a serpent to see*» [1, с. 8]. Автор, применяя местоимение «he» к животному, очеловечивает его, придаёт ему некое особое значение. И важно отметить, что появление лиса в жизни двух женщин является одним из решающих, кульминационных моментов новеллы, поскольку сознание одной из героинь постепенно начинает претерпевать изменения.

Само животное – лис – известен, в особенности в литературе, своей остротой ума и хитростью. Тем не менее, название произведения относится вовсе не к самому животному, усложнившему жизни двух несчастных женщин, но к юному солдату, который вторгся в их спокойную и размеренную жизнь. Своими повадками и поступками Генри действительно напоминает лиса, который рушит привычный уклад жизни Марч и Джил, чтобы поуютнее устроиться на своей охотничьей вотчине.

Для Марч солдат сразу же становится двойником лиса: «*But for March he was the fox. Whether it was the thrusting forward of his head, or the glisten of fine whitish hairs on the ruddy cheek-bones, or the bright, keen eyes, that can never be said: but the boy was to her the fox, and she could not see him otherwise*» [1, с. 15]. И на самом деле, в этом произведении Генри – это лис. Другими словами, автор проецирует образ лиса на Генри. Д. Г. Лоуренс проводит параллель между лисом, появившимся на первых страницах произведения, и человеческим двойником этого животного – молодым солдатом Генри. Этот яркий, детально проработанный автором образ лиса использован в данном произведении для того, чтобы глубже и полнее раскрыть характер одного из героев; мастерски, без лишних слов подчеркнуть черты натуры Генри, его помыслы

и ход мыслей, то есть образ лиса в данном случае использован для раскрытия идеи произведения.

Немного выше было упомянуто о символическом образе лиса – порождении коварства, лжи и алчности. По крайней мере, именно так лис предстаёт во многих произведениях и фольклоре. И новелла Д. Г. Лоуренса «Лис» не является исключением. Тем не менее, во многих культурах, как например у некоторых племён индейцев Северной Америки, лис олицетворяет мудрость, долголетие. Последним качеством он наделён и в странах Востока. Но главного героя Д. Г. Лоуренса Генри можно назвать лишь хитрым и смыслённым. Он легко обыгрывает и воплощает в реальность идею убить Джил, представив всё как несчастный случай. Своей настойчивостью и коварством, а также мастерством оболъщения он добивается желаемого – Марч. Важно также отметить, что помимо лиса, автор сравнивает его с котом и собакой (щенком). Д.Г. Лоуренс только лишь на двух страницах три раза сравнил глаза и лицо Генри с кошачьими: «*his rather wide, cat-shaped face*», «*eyes were shining like a cat's*» и «*cat-like face*» [1, с. 66–67]. И не случайно автор использовал для сравнения именно это животное, ведь оно также символизирует хитроумие, сообразительность, внимательность и даже наглость. В данном контексте кот и лис весьма синонимичны, что даёт возможность сделать вывод, что Д. Г. Лоуренс использовал образы этих двух животных для того, чтобы усилить смысловую нагрузку и обнажить некоторые черты характера Генри. Так, собака символизирует преданность, наивность, искренность. И здесь стоит отметить, что Генри в какой-то степени действительно был яро предан своей цели заполучить согласие Марч выйти за него замуж, а также в какой-то мере юный солдат был искренен с двумя дамами, сидя за столом, когда они вели светские беседы и из-за чего-то смеялись: «*He laughed quickly, wrinkling his nose sharply like a puppy and laughing with quick pleasure, his eyes shining*» [1, с. 37].

Таким образом, в новелле “The Fox” центральный символ лиса был использован с целью усиления характеристики личностных качеств одного из главных героев. Важно отметить, что этот символ также способствует раскрытию идеи произведения, другими словами, он является одной из центральных составляющих новеллы.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что в “The Fox” образ лиса символизирует мужское доминирование над женщинами. В одном из эпизодов новеллы Марч не способна выстрелить в лиса, поскольку женщина словно загипнотизирована его демоническим взглядом. Как главная героиня не в силах контролировать пагубное, практически разрушительное поведение лиса, так Марч и не способна совладать с юным солдатом Генри. В заключение, стоит отметить, что “The Fox” – это литературный шедевр, в котором центральный образ лиса совмещает в себе чувственность с диким, животным желанием.

Список использованной литературы

1. Lawrence D. H. The Fox. М.: Юпитер-Интер, 2005. 184 с.
2. Карипжанова Г. Т. Значения символов в художественном тексте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2012_4_22.pdf (дата обращения 13.12.2018).
3. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Том 2. М.: Академический Проект, 2013. 608 с.

**ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ГЕРМАНИИ**

Е. А. Миргородская,

обучающаяся 4 курса кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель – Э. В. Лихачёв,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуется профессиональная речь преподавателей высших учебных заведений Германии. В ходе электроакустического анализа выделяются просодические особенности высказываний в ходе лекционных занятий. В обобщенном виде представлены результаты электроакустического анализа просодических характеристик речи преподавателей-носителей немецкого языка, читающих лекции. На основании данных, полученных в ходе анализа, показано, что просодическая организация речи учителя определяется форматом коммуникации.

Ключевые слова: просодические особенности, речь преподавателей, дискурс, лекция, немецкий язык.

Summary. In the research there are described prosodic peculiarities of professional speech of teachers of higher educational institutions of Germany. Prosodic features of statements during lectures are under study in the course of electroacoustic analysis. The results of electroacoustic analysis of German high-school teachers are presented in general. Based on the data obtained during the analysis, it is shown that the prosodic organization of the teacher's speech is determined by the format of communication.

Keywords: prosodic features, teachers' speech, discourse, lecture, German.

Наличие в современной лингвистике задачи системного исследования функционирования языка в разных условиях и дискурсах, подчёркивает **актуальность** настоящего исследования. В качестве объекта исследования выступает речь преподавателей университетов Германии.

Одним из видов профессиональной деятельности преподавателей высших учебных заведений являются лекции, послужившие материалом для настоящего исследования. Лекция, как жанр дискурса, необычна и неоднозначна. С одной стороны, лекцию можно отнести к жанру научного дискурса, если имеется в виду лекция, например, научная или нобелевская. Целью такой лекции является решение научной проблемы, презентация актуальных научных достижений. В настоящей статье исследуется речь преподавателей в условиях учебной лекции, как жанра педагогического дискурса. Отнесение учебной лекции к педагогическому дискурсу обуславливается тем, что целью создания такой лекции является передача знаний.

Одной из главных составляющих деятельности учителя во время учебной лекции является общение, от качества которого зависит эффективность и качество учебного процесса. Организация речи преподавателя и способ подачи материала обуславливаются целью создания условий для легкого и полного восприятия информации. Для достижения этой цели педагог использует комплекс лингвистических и паралингвистических средств, среди которых особую роль играет интонационное и просодическое оформление речи преподавателя.

Е. Л. Фрейдина отмечает, что, «приоритетное значение здесь [в академической речи] имеет способность просодии выделять наиболее важные в смысловом отношении единицы текста, подчеркивая главное на фоне второстепенного, новое на фоне старого, существенное на фоне несущественного» [5, с. 151]. Таким образом, достигается просодический контраст, состоящий в резком изменении просодических параметров (тональных (частоты), темпоральных (времени, длительности) и динамических (громкости), что нацелено на привлечение внимания учащихся, стимуляцию умственной деятельности и акцентирование особо важной информации.

Просодические характеристики (свойства) – это субъективные ощущения, возникающие при восприятии речевого сигнала. В Энциклопедическом словаре по психологии и педагогике (2013) просодические характеристики рассматриваются как «особенности речи, не являющиеся фонематическими (или супрасегментными), а как характеризующие речевую мелодию, темпоральные и тембральные особенности голоса и речи, её ритм, словесные тоны, стыки, паузы, интонации (то есть тон на уровне фразы). Обозначают, скорее, некую функцию, определённое намерение, нежели различия в значении сказанного» [6].

Следует отметить, что большинство исследований в области просодики и интонации проводятся с использованием экспериментально-фонетического анализа речи, что, в свою очередь, вызвало необходимость в составлении практических руководств по методам анализа речи.

Исследование речи преподавателей проводилось в ходе аудитивного и электроакустического анализа при помощи программного обеспечения Praat 6.0.48. Видеозаписи лекций преподавателей немецких университетов (Universität Leipzig) были скачаны с видеохостинга YouTube (Einführung in die BWL — Vorlesung vom 10. Januar 2018 — Universität Leipzig). Общая продолжительность записей составила 1 час 22 минуты.

Под частотой основного тона (ЧОТ) понимается частота вибрации голосовых связок. У каждого говорящего частота основного тона индивидуальна и обусловлена особенностями строения гортани. За единицу измерения колебания принят герц, равный одному колебанию в секунду. Средними значениями частоты основного тона являются: от 80 до 210 Гц для мужского голоса, от 150 до 320 Гц – для женского и 260 Гц – для детей. Частота основного тона информантов колеблется на уровне от 150 Гц до 230 Гц. Такой, относительно высокий уровень ЧОТ может быть обусловлен повышенной эмоциональностью высказываний.

Также частота основного тона и интенсивность артикуляции повышается при выделении вводного слова логическим ударением, например: «*Prinzipiell sollte der*

Leiharbeitnehmer die gleichen Arbeits- und Lohnbedingungen wie die Mitarbeiter beim Entleihunternehmer erhalten». На слове *prinzipiell* ЧОТ составляет 230 Гц (при средней ЧОТ 160 Гц).

То же самое происходит со словом *nicht* в высказывании „*die Beschäftigung übersteigt nicht die Dauer von zwei Monaten*“. Также оно выделяется относительно долгой паузой. Подобным образом выделяется сочинительный союз *und* (ЧОТ – 250) и вводное слово *im Prinzip*: „*im Prinzip ist es ne geniale Idee*“ (ЧОТ – 255).

Отличительной особенностью отдельных лекторов является то, что при подаче информации они часто опираются на такие материалы, как презентация, текст лекции и проч. Средняя частота основного тона при чтении преподавателем информации с презентации составляет 160 Гц. Преподаватель при чтении артикулирует информацию быстрее, паузы очень короткие, или вовсе отсутствуют.

Тем не менее, паузация очень важна в речи преподавателей. Делая паузы, преподаватель привлекает внимание студентов к коммуникативно значимым элементам речи, что является приемом смыслового акцентирования. Например, в предложении: «*Das ist auch in den letzten Jahren stark / überarbeitet worden, aber / klar, sollte sein...*» длительность пауз составляет 0,4 секунды и 1,25 секунды.

Л. В. Супрунова делит паузы на «грамматические и неграмматические. Грамматические паузы образуются в местах, предназначенных для членения: граница внутри сложного предложения, конец предложения, границы между синтагмами. При этом, как правило, пауза сопровождается сменой тона. Такое часто наблюдается, например, в речи преподавателя при объяснении нового материала. Неграмматические паузы возникают в местах, не предназначенных для членения. Такие паузы могут возникнуть в силу разных причин: говорящий задумался над тем, как ему выразиться точнее, или случайно отвлекся от предмета речи» [4].

Л. В. Супрунова также отмечает, что «к общим интонационным характеристикам речи преподавателя в ситуации объяснения относятся замедленный темп произнесения новых терминов, большое количество пауз, что, на наш взгляд, позволяет акцентировать внимание студентов на том, что говорит преподаватель, выделить отрезки речи, требующие особенного осмысления» [4].

Наименее изученными являются **динамические** характеристики просодии, т.е. громкость (интенсивность, громкость высказывания). Интенсивность речи – это сила либо слабость произнесения, связанные с усилением или ослаблением выдыхания. Что же касается природы и сути интенсивности, то лучшее объяснение мы можем найти в монографии «Интонационная система русского языка» Н. Д. Светозаровой: «Артикуляционным коррелятом интенсивности является степень произносительного усилия, определяемая величиной подсвязочного давления, активностью дыхательных мышц и напряжением периферийных произносительных органов» [3, с. 51].

Например, в высказывании: „*Der Betragssatz steigt gleitend an, bis er bei 850 Euro den normalen Arbeitnehmeranteil erreicht*“ составляет 60 дБ, максимум достигает 66 дБ (при произнесении слова *normalen*).

Интонация и просодия играют первостепенную роль в оформлении устной речи. Мысли, чувства, настроение сознательно или непроизвольно пе-

редаются с помощью интонационных средств (мелодики, логического ударения, пауз, тона, тембра голоса, темпа речи). Благодаря просодическому оформлению речи сказанное приобретает смысл. Роль интонации настолько велика, что она может изменить даже значение слова, что, в свою очередь, очень важно в педагогическом дискурсе. Дальнейшему изучению интонации уделяется большое внимание в кругах как лингвистов, так и психологов, акустиков и других исследователей.

Список использованных источников

1. Артемов В. А. Очерк психологии речи. М.: Мысль, 1954. 48с.
2. Лихачёв Э. В. Эмотивная функция интонации в немецком футбольном комментарии // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы II Международного научного конгресса. Симферополь, 2017. С. 98—101.
3. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 176 с.
4. Супрунова Л. В. Интонация в речи преподавателя как приём смыслового акцентирования // Наука ЮУрГУ. Материалы 67-й науч. конф. / отв. за вып. С. Д. Ваулин; Юж.-Урал. гос. ун-т. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 472—476.
5. Фрейдина Е. Л. Публичная речь и её просодия. М.: Прометей, МПГУ, 2005. 192 с.
6. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. // Сайт «Академик» / URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/19183/

УДК 82.2

СТИЛЕВАЯ ЭКЛЕКТИКА В ПЬЕСЕ МАЙКА БАРТЛЕТТА «КОРОЛЬ КАРЛ III»

П. Ю. Нечипас,

*обучающаяся 3 курса кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь
Научный руководитель – **Е. В. Полховская,**
кандидат филологических наук, доцент, з
аведующая кафедрой английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие стилевой эклектики на материале пьесы Майка Бартлетта «Король Карл III». Выявляются основные особенности и функции эклектизма в литературе. Делается вывод о том, что пьеса вмещает себя черты таких жанров как политическая драма, политическая комедия и сатирическая комедия. Делается предположение о том, что использование принципа эклектизма автором в пьесе объясняется его желанием привлечь внимание общественности к острым проблемам английского общества и внести разнообразие в существующие жанры политического характера.

Ключевые слова: политическая драма, политическая комедия, Майк Бартлетт, сатира, английская литература, эклектика.

Summary. This article considers the concept of the stylistic eclecticism on the material of the play King Charles III by Mike Bartlett. The main features and functions of eclecticism in the literature are identified. It is concluded that the play contains the features of such genres as political drama, political comedy and satirical comedy. It is assumed that the author's use of the principle of eclecticism in the play is explained by his desire to draw public attention to the acute problems of English society and to diversify the existing genres of a political nature.

Key words: political drama, political comedy, Mike Bartlett, satire, English literature, eclecticism.

Пьеса, о которой пойдёт речь в данной статье, освещает возможные политические преобразования, которые могут ожидать Англию после смерти королевы Елизаветы II. Главные действующие лица – королевская семья, только что потерявшая королеву и вместе с тем обретшая нового короля в лице Чарльза, сына Елизаветы. Однако своеволие будущего короля оборачивается для него предательством собственного сына и потерей трона. В результате поднявшегося бунта против Чарльза, Уильям с легкостью свергает отца и объявляет себя новым королем. Несмотря на, казалось бы, неприемлемый для существующей монархии сюжет, пьеса была поставлена в театре Алмейда в 2014 году и произвела настоящий фурор среди зрителей. В последствии, она была удостоена множества театральных наград, среди которых премии Лоренса Оливье и номинации на Тони и Drama Desk Award за лучшую новую пьесу. Данная пьеса представляет интерес для исследования не только благодаря достаточно смелому сюжету, но и своей жанровой наполненности. В рамках одного произведения переплетаются такие жанры как политическая драма, политическая комедия и сатирическая комедия. Именно поэтому рассмотрение стилевой эклектики в рамках данного произведения представляется возможным.

Таким образом, целью данной работы является рассмотрение стилистической эклектики и ее функций в пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III».

Методология, использованная в данной статье, включает: метод текстового анализа, метод вербального анализа, типологический подход, культурно-исторический подход.

Понятие «**эклектика**» охватывает различные сферы, среди которых можно выделить архитектуру, интерьер, философию и, конечно же, литературу. Под эклектикой понимают соединение разнородных, внутренне не связанных и, возможно, несовместимых взглядов, идей, концепций, стилей и т.д. [3, с. 205]. Эклетика в литературе предполагает смешение стилей, присущих разным жанрам. Появление эклектики как художественного стиля относят ко второй половине XIX века. Данный термин был введён в употребление александррийским философом II века Потамоном [2, с. 35]. Если обратиться к философским трудам того времени, можно выявить, что эклектика воспринималась как необходимость развития широты кругозора за счет соединения различных стилей и жанров. Появление эклектики часто связывают с упадком искусства во всех его проявлениях. Так, в живописи представители Болонской школы полагали, что применяя принцип эклектизма, они станут

ближе к совершенству, заимствуя лучшие черты тех или иных жанров и соединяя их в единое целое.

Говоря о других **функциях** эклектизма, можно выделить самые основные:

- Желание охватить все многообразие жанров;
- Создание принципиально новых жанров;
- Попытка пошатнуть устоявшиеся границы традиционных жанров.

Для эклектики **характерно**:

- Отсутствие логических связей;
- Принцип незаконченности произведения, открытый финал;
- Фрагментарность;
- Противоречивое соотношение стилей.

Возвращаясь к пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III», стоит отметить, что в произведении нами были обнаружены черты сразу трех жанров: политической комедии, политической драмы и сатирической комедии. Прежде чем непосредственно указать данные особенности в рамках рассматриваемой пьесы, следует обозначить их вне произведения.

Так, для **политической драмы** характерно наличие конфликта политического характера, наряду с личностными и межличностными конфликтами, а также наличием обыденной обстановки. В пьесе «Король Карл III» читатели становятся свидетелями внутреннего конфликта Чарльза, а также конфликта с его собственным сыном Уильямом и Парламентом.

Конфликт Чарльза и Уильяма:

«Уильям: Вы не способны ни любить, ни править!

Чарльз: Ты пересёк черту... Ты мне не сын!» [1, с. 59].

Конфликт Чарльза и Парламента:

*«Эванс: Парламент Народом избран,
и законы будет Парламент принимать. Не я! Не вы!*

А в нашем случае скажу еще раз:

Закон составлен, принят. Точка, сэр.

Чарльз: В беседе нашей тоже ставлю точку. [1, с. 23].

Однако основным политическим конфликтом данного произведения является конфликт между монархией и Парламентом, а также его последствия для государства.

Немало черт **политической комедии** могут быть обнаружены в данной пьесе. Так, комедия характеризуется единством времени, места и действия, конфликтом нравов, высмеиванием пороков и недостатков общества а также наличием фарса. Действие в пьесе происходит непосредственно в Лондоне, в резиденции королевской семьи на протяжении не более суток. Конфликт нравов отображается в отношениях старшего и младшего поколения, а именно Чарльза как представителя консервативного взгляда на жизнь, и его младшего сына Гарри, пытающегося всеми силами не иначе как отрестить от королевской семьи. Не обошлось в пьесе и без элементов пародии и фарса. Так, высокопарная речь представителей королевской семьи является не чем иным, как пародией на Шекспировские трагедии и исторические драмы, что становится ясным в противопоставлении со сленгом, используемым окружением Гарри. Бартлетт неслучайно противопоставляет высокопарной речи членов королевской семьи жаргон «простолю-

динов». Тем самым он не только дает читателям понять насколько велика пропасть между этими двумя слоями населения, но и тонко высмеивает чрезмерную чопорность Британской короны.

«Джеймс: А вы как думали? Обычная история, терпите.

Джессика: Мне-то ништяк, а вот Гарри жалко...

Тут такое западалово...

Джеймс: Запа... что? Говорите по-человечески [1, с. 29].

Наконец сатирическая комедия привнесла в пьесы следующие особенности: едкую иронию и критическое изображение реальности. Ироничное отношение членов королевской семьи по крови к таким же членам семьи не имеющих королевских корней очень легко улавливается читателем. Так, можно без труда понять, что избранница Чарльза Камилла никогда не станет членом семьи в полном смысле этого слова, а ведомый Уильям так и не поймет, что Кейт водит его за нос.

«Камилла: Не может ведь великая держава

Так долго оставаться без монарха!

Уильям: Или монархини». [1, с. 3].

Не обошлось в пьесе и без элементов пародии и фарса. Так, высокопарная речь представителей королевской семьи является не чем иным, как пародией на Шекспировские сонеты, что становится ясным в противопоставлении со сленгом, используемым окружением Гарри.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что принцип эклектизма, бесспорно, наблюдается в рассматриваемом нами произведении. Рассмотрев функции эклектики в литературе, можно предположить, что Бартлетт, используя данный принцип в своей пьесе, руководствовался желанием привнести разнообразие в уже существующие жанры, имеющие в своей основе политический конфликт, тем самым создать принципиально новое произведение, обреченное на успех, а также путем соединения сатиры, комедии и драмы, обратить внимание общественности на такие острые вопросы как дальнейшее будущее Великобритании, вечная проблема социального неравенства и пороков общества.

Список использованных источников

1. Бартлетт Майк. Король Карл III / пер. с англ. Т. Тульчинская. М., 2015. 66 с.
2. Дживилегов А. История западно-европейского театра. М., 1994. 614 с.
3. Философский энциклопедический словарь: Советская энциклопедия / Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М., 1983.

УДК 821.111

РОЛЬ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ПРИЁМА «ТЕКСТ В ТЕКСТЕ» В ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКОЙ АНТИУТОПИИ ВЕРОНИКИ РОТ «ALLEGIANТ»

П. В. Петрова,

обучающаяся 3 курса кафедры английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель – **Е. В. Полховская**,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английской филологии,
Институт иностранной филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению одного из художественных приёмов наррации – «текст в тексте» на материале постапокалиптической антиутопии. При проведении исследования использовались методы нарративного, стилистического и структурного анализа. Основное содержание исследования составляет анализ использования приема «текст в тексте» в романе Вероники Рот «*Allegiant*». В статье отражена основная характеристика описываемого приема и специфика его использования в указанном произведении. Также демонстрируется важность его роли в усилении сюжетной линии трилогии «*Divergent*».

Ключевые слова: «текст в тексте», нарративный анализ, повествование, постапокалиптическая антиутопия, научная фантастика, Вероника Рот.

Summary. The article is devoted to the study of the narrative device “text-in-text” in a postapocalyptic dystopian novel. The narrative, stylistic and structural methods were used. The article gives a detailed analysis of the using of the “text-in-text” device in Veronica Roth’s novel “*Allegiant*”. The research shows the main characteristics of the device under consideration and the peculiarity of its use in the novel. Also, it proves its importance for proper intensification of the trilogy “*Divergent*” storyline.

Keywords: “text-in-text”, narrative analysis, narration, postapocalyptic dystopia, science fiction, Veronica Roth.

Современные романы отличаются многогранностью в передаче событий и чувств, что, безусловно, вызывает большой интерес к изучению используемых авторами приемам. Сюжет ряда популярных нынче произведений, как правило, не вписывается в рамки обыденной картины мира, ярко выделяется фантастичностью и неординарностью. В частности, в данной работе продемонстрирована значимость такого повествовательного приема как «текст в тексте» для романа «*Allegiant*» Вероники Рот, и изучена специфика его применения в антиутопии.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей повествовательного приема «текст в тексте» и определении его роли использования в антиутопии «*Allegiant*».

«Текст в тексте» является важным элементом в структуре единого художественного текста, ведь является его неотъемлемой частью. Согласно Н. С. Валгиной, «текст в тексте» – это введение в оригинальный авторский текст чужого текста, который дополняет или уточняет единообразное смысловое пространство текста. В художественном произведении текст в тексте играет смысловую и структурную роль, при этом важен сам аспект органичности слияния текстов [2].

Данный повествовательный прием был использован в упомянутом выше романе-антиутопии «*Allegiant*» – третьей части трилогии «*Divergent*». «*Allegiant*» был написан американской писательницей Вероникой Рот и опу-

бликован издательством *HarperCollins* в октябре 2013 года [4]. По своей структуре роман отличается от предыдущих частей тем, что повествование ведется не одним человеком – главной героиней Трис, а двумя – Трис и Тобиасом.

Нарратив произведения становится еще сложнее, когда в него включаются записи Натали Прайор, матери Трис. Ее дневник, озаглавленный как *Journal*, становится введенным текстом, который освещает события под другим углом. Журнал представлен в главах, в которых повествование ведётся от лица Трис, при этом сами записи составляют 2% объема романа.

Дневник Натали Прайор становится автобиографией героини и состоит из ее рассказов и писем. Натали начинает записи, описывая проведенное в Висконсине трудное детство, совершенное матерью убийство отца, которое изменило мировоззрение тринадцатилетней девочки. Покинув родной дом, она ушла в полную неизвестность под названием *fringe* – край, расположенный за городом. Поступок был рискованным, но у девушки не было другого выбора:

«So when I left I'm sure I was just another item on a long list of awful things that had happened in our neighborhood in the past year.

I knew that if I went anyplace official, like to another city, the government types would just make me go home to my mom, and I didn't think I would ever be able to look at her without seeing the streak of blood my dad's head left on the living room carpet, so I didn't go anyplace official. I went to the fringe, where a whole bunch of people are living in a little colony made of tarp and aluminum in some of the postwar wreckage, living on scraps and burning old papers for warmth because the government can't provide, since they're spending all their resources trying to put us back together again, and have been for over a century after the war ripped us apart. Or they won't provide. I don't know» [3, с. 267].

Также само лексическое значение слова *fringe* указывает на отсутствие полной защищенности человека, находящегося в его пределах: с одной стороны, оно обозначает край, опушку, задворки какой-либо местности; с другой – нечто маргинальное [1, с. 218].

Опасения девушки сбылись – место было небезопасным, и однажды она вынуждена была убить мужчину, чтобы защитить ребенка от насилия. Она понимает, что поступила также, как и ее мать, однако преследовала иную цель – помощь беззащитному. Данный эпизод отсылает к основному тексту, где Трис, убив близкого друга, осознает, что вынуждена была это сделать ради спасения невинных людей. Узнав о схожей истории матери, она перестает корить себя за содеянное и освобождается груза прошлого. История Натали и Трис Прайор развивается по спирали – здесь проявляется необходимость взаимодействия текста введенного и основного, так как главная героиня понимает, что, несмотря на смерть матери, она может ощущать ее присутствие и поддержку.

Кроме того, единственный человек, который связывает героинь в обоих текстах, Дэвид играет одну и ту же роль проводника в новом для них мире. И для Натали, и для Трис Дэвид становится человеком, который объясняет цель существования изобретенного проекта. В прошлом он определил предназначение Натали в Чикаго, разработал план, которого она должна была придерживаться. Молодая Натали должна была пройти Церемонию Избра-

ния, присоединиться к Бесстрашным, затем перейти во фракцию Эрудитов:
«*They'll put me in Dauntless, at first, because I already have tattoos, and that would be hard to explain to the people inside the experiment. The only problem is that at my Choosing Ceremony next year I'll have to join Erudite, because that's where the killer is, and I'm not sure I'm smart enough to make it through initiation. David says it doesn't matter, he can alter my results, but that feels wrong. <...> It will be hard to separate myself from everything I know, but maybe it will be good. Maybe it will be a fresh start*» [3, с. 292-293].

Данный отрывок играет важную роль во взаимодействии двух текстов, ведь приближает Трис к разгадке противостояния дивергентов и эрудитов, ведь прежде казалось, что оно крылось лишь во вражде руководителей фракций. В этом случае, «текст в тексте» выполняет важную функцию, дополняя идейную составляющую романа в целом, делая акцент на важном суждении: человек должен избавляться от прошлого, чтобы разобраться в настоящем и начать жить новой счастливой жизнью.

Однако роль третьего героя, Дэвида, во взаимоотношениях с Натали, по прежнему, остается неясна, поэтому Натали прикрепляет к дневнику письма, адресованные Дэvidу:

«I tap the screen to read the next entry.

Dear David,

I raise my eyebrows. Now she's writing to David?» [3, с. 296].

Трис удивлена появлением писем в дневнике, но потом понимает, что они передают изменения в характере матери, подчеркивают неоднозначность ее отношений с Дэвидом.

Более того, данный переход от первого типа повествования ко второму отражает переломный момент в жизни героини. К своему руководителю она обращается с позиции уже повзрослевшей женщины, а не подростка, чья жизнь лежит в руках чужих людей. Более того, грамматически структура нарратива также отражает её внутренние изменения: в первой части дневников использовано огромное количество глаголов во временах Past Simple и Future Simple, что подтверждает сомнения Натали в содеянном и неясность в будущем (“*grew up*”, “*drank*”, “*went anyplace official*”, “*saw a man*”, “*died*”, “*got snatched*”, “*volunteered to go inside the city*”; “*they will put me*”, “*I'll have to join*”, “*will help the damage*”, “*entries will probably come less*”, “*it will be hard*”), в то время, как во второй части, в основном, использованы глаголы во временах Present Simple и Present Continuous, что говорит об устойчивости и непоколебимости Натали, смене статуса незамужней девушки на статус жены и матери (“*it's not going to happen*”, “*I'm being a stupid teenager*”, “*I'm going to get married*”, “*I hope*”, “*I deserve to have a life of my own*”, “*you want to keep me*”, “*I wish*”).

С другой стороны, духовные изменения Натали подтверждаются точным комментарием Трис, следующем сразу за отрывком:

«I can tell she's getting older in the entries, her language becoming more refined as time separates her from the fringe where she once lived, her reactions becoming more moderate. She's growing up. <...> The tone is different too—not as familiar, more straightforward» [3, с. 300].

Именно таким человеком запоминается Натали в конце своей жизни –

прямолинейной, целомудренной, но в то же время мягкой. Она уважает мнение любого человека, понимает, насколько важна поддержка близких людей. В ее журнале последними словами стали: «*I wish you every happiness*» [3, с. 301], а последним сопровождающим документом – свидетельство о смерти.

Из этого следует, что файл *Journal* является как дополнением к основному тексту, так и целой автобиографией, насыщенной фактами и эмоциями. Он представляет собой своеобразное отражение главного сюжета, ведь обе героини похожи между собой – убивают человека ради защиты невинного, сбегают от прежней жизни, видят свое предназначение в мире в качестве защитниц правды и добра. По сюжетной линии он также дублирует сюжет трилогии и становится ее мини копией: описывает жизнь Натали от подросткового возраста до самой смерти (с Трис читатель также знакомится в юном возрасте в *Divergent*, наблюдает за её взрослением в *Insurgent* и становится свидетелем ее смерти в конце романа *Allegiant*).

Таким образом, Вероника Рот показывает несколько точек зрения, что, свою очередь, как раз и создается за счет приема «текст в тексте», в данном произведении выраженном дневником матери Трис. Этот текст является основой генерирования смысла картины, переключением из одной системы в другую на внутреннем рубеже структуры. Данный дневник в начале исполняет уже несколько ролей: передача ключевых моментов жизни Натали Прайор и порождение нового смысла понимания всей истории. Читателю предоставляется возможность адекватно и цельно воспринимать описываемую картину.

Список использованных источников

1. Аракин В. Д., Выгодская З. С., Ильина Н. Н. Англо-русский словарь: Ок. 36000 слов, 13-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1992. 608 с.
2. Валгина Н. С. Теория текста. Текст в тексте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/21.htm>, свободный (дата обращения 27.11.2018).
3. Roth Veronica. *Allegiant*. New York: Harper Collins Publishers Inc., 2013. 544 p.
4. Biography: Veronica Roth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://veronicarothbooks.com/bio/> (дата обращения 29.08.2018).

УДК 82.3

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ ДЖ. КУТЗЕЕ «ОСЕНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ»

А. В. Сотникова,

обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель — Л. В. Бондаренко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В работе исследуется своеобразие художественной струк-

туры образа русского писателя Ф.М. Достоевского в постмодернистском романе Дж. Кутзее «Осень в Петербурге». Внимание уделяется отражению в нем фактов биографии самого Достоевского, анализу аллюзий и реминисценций на его произведения; анализируются интертекстуальные связи в романах Кутзее и Достоевского на уровне персонажей, а образ главного героя-протагониста рассматривается как форма культурного диалога русской и зарубежной литературы. В исследовании используются герменевтический и структурный подходы, метод рецепции и метод тщательного прочтения.

Ключевые слова: художественный образ, герой-протагонист, постмодернистский роман, Дж. Кутзее, Ф. М. Достоевский.

Summary. The article highlights structural and contextual peculiarities of the artistic image of the main character-protagonist F. Dostoyevsky in the postmodern novel by J. Coetzee *Autumn in St. Petersburg*. Attention is paid to the reflection of the facts of Dostoyevsky's biography, analysis of allusions and reminiscences to his works. Intertextual connections between the personages in Coetzee's novel and Dostoyevsky's works are analyzed and the image of Coetzee's Dostoyevsky is considered as a form of cultural dialogue between Russian and foreign literature. The research is conducted on the basis of hermeneutic and structural approaches, the method of reception and the method of "close" reading are also applied.

Key words: artistic image, the main character-protagonist, postmodern novel, J. Coetzee, F. M. Dostoyevsky.

В мировой литературе Ф. М. Достоевский является центральной фигурой новой эпохи психологизма, начавшейся через 15 лет после его смерти, то есть на рубеже XIX-XX веков. Так, если рецепция Достоевского русским модернизмом приобрела значение важной научной проблемы, подлежащей системному осмыслению, то восприятие классика реалистическим художественным сознанием все еще остается на периферии литературоведческого внимания и рассматривается спорадически. В XX веке интерес к личности и творчеству русского писателя значительно возрос. Для зарубежных писателей Достоевский явился объектом пристального исследования (его духовная жизнь, психика и подсознание). Под влиянием творчества Достоевского существенные изменения претерпели техника эпического повествования и жанровая форма романа, что особенно повлияло на творчество Т. Манна, С. Цвейга и Ф. Кафки. Также, особенности поэтики Достоевского просматриваются в произведениях современного южноамериканского писателя Дж. Кутзее, лауреата Букеровской и Нобелевской премий.

Целью данного исследования является выявление художественных средств создания образа Ф. Достоевского в романе Дж. Кутзее «Осень в Петербурге», для чего необходимо выполнить следующие задачи:

- рассмотреть особенности творческого стиля Дж. Кутзее;
- проанализировать интертекстуальные связи в образах Ф. Достоевского-протагониста и героев его произведений;
- проанализировать аллюзии и реминисценции в романе.

Методика исследования основана на комплексном подходе, сочетающем как традиционные, так и новые литературоведческие методы. Герменевтический подход применяется при анализе тематического содержания романа. Структурный метод применяется при анализе композиционной структуры романа, выяв-

лении жанровых особенностей и стиливых характеристик составляющих фрагментов, в сочетании с методом рецепции и тщательного прочтения.

Художественный образ есть центральная категория литературного творчества и важнейший составной элемент его формы. Воплощение художественного образа в разных произведениях искусства осуществляется с помощью различных средств и материалов – слова, рисунка, мимики. В художественных образах осмысливается общественная деятельность, различные исторические события, чувства человека и характеры людей, их духовные устремления.

В романе Дж. Кутзее «Осень в Петербурге» главным героем-протагонистом выступает всемирно известный русский писатель – основоположник психологического романа Ф. М. Достоевский, творческое наследие которого оказало огромное влияние не только на отечественную, но и на зарубежную литературу, в том числе на таких авторов, как Т. Манн, С. Цвейг и Ф. Кафка. Образ Ф. Достоевского заинтересовал и современного южно-африканского писателя Джона Кутзее, создавшего образ своего героя-протагониста на основе фактов биографии самого Достоевского, вовлекая в литературную игру не только образ русского писателя, но и героев и сюжетные линии его произведений.

Одним из героев романа выступает пасынок Достоевского, Павел. Через его трагическую гибель, Кутзее показывает депрессивное и угнетенное состояние писателя. «Он сознает, что походит больше всего на труп, что этот его, так называемый бес, быть может, не что иное, как собственная его душа, впустую бьющая крыльями. Но в продолжающемся течении жизни ощущается в эту минуту нечто тошное. Лучше быть мертвым. Более того – уничтоженным, истребленным» [1, с. 7]. В своем романе Кутзее погружает Достоевского в «бездну горя, слез и мучительных переживаний» [2, с. 131]. Внутренняя «раздвоенность» героя-Достоевского, основанная на недовольстве самим собой, как отцом-неудачником, который не смог уберечь свое дитя от гибели, приводит к созданию психического двойника.

Ф. М. Достоевский в реальности действительно был человеком замкнутым и депрессивным, который страдал психическими расстройствами. Припадки эпилепсии случались в среднем раз в месяц, иногда и чаще двух в неделю. Частота припадков зависела от внешних условий. Если он жил в благоприятных условиях и не волновался, тогда припадки прекращались на долгое время. После кратковременной эйфории и просветления, у него слабела память, наступало мрачное настроение, мнительность, раздражительность и чувство греха. Психический недуг Достоевского-человека объясняет его «бредовые» идеи о соединении с духом Исаевым и исполнении его последней воли. Протагонист в романе Дж. Кутзее также испытывает душевную боль от потери сына, его сознание трансgressирует, преодолевая пределы возможного, чтобы «прикоснуться» к пасынку, слиться с ним. Достоевский пытается спасти Павла от забвения, а себя от осознания того, что Павел умер: «в такие минуты он уже не отличает себя от Павла. Они сливаются в одного человека...» [1, с. 28]. Этим можно объяснить и перенесение идеи соединения с духом сына в сферу сексуальности.

Влечение Достоевского к Матрене, дочери Анны Сергеевны, не случайно – Федор Достоевский действительно обладал повышенной сексуальностью. Это физиологическое свойство было в нем развито настолько, что ему трудно

было скрыть свои желания, они прослеживались в поведении, жестах, словах. В романе предметом его сексуальных желаний становится Матрена. Возможно, таким образом он хотел избавиться от той боли, которая терзала душу после гибели сына. В романе красочно описывалась сцена, где Достоевский после очередного припадка эпилепсии зашел в комнату к девочке. В итоге «он заключает её в объятия, ощущая её дрожь. Он гладит её волосы, виски. В конце концов, она даёт волю слезам и, припав к нему, прижав кулачки к подбородку, разражается плачем. Ему не составляет труда вообразить эту девочку доведённой до исступления... Дальше этого осквернение не заходит: обнятая девочка, пять его пальцев, белых, онемевших, стискивают ей плечо. Скрежеща зубами, он намеренно причиняет ей боль, потом ещё и ещё, не отрывая взгляда от лица её в ожидании, когда в нём проступит нечто, отличное от гримасы отчаяния. Приласкав её напоследок, он отнимает руку и снова превращается в того человека, каким был с нею прежде» [1, с. 88]. Достоевского тянет к Матрене еще и потому, что эта девочка напоминает ему о сыне – Достоевскому кажется, что для Матрёны «Павел ещё не умер. Он продолжает жить в ней, дышать сладким дыханием юности» [1, с. 18]. Как и Анна Сергеевна, Матрёна для него – способ соединения с духом сына, некое подобие медиума. Не случайно, И. Тургенев назвал Достоевского «русским маркизом де Садом», о чем говорят отношения Федора Михайловича и Анны Сергеевны, главной героиней романа «Осень в Петербурге».

Таким образом, в полном соответствии с западной литературной традицией Кутзее моделирует образ гениального Федора Достоевского, сочетающего в себе контрастную и сложную психику писателя, гордыню и юродство, веру во Христа и абсолютное неверие. Именно в таком ключе понимаются автором слова самого Достоевского. Герой Кутзее мечется между раем и адом, притягивает, завораживает, пугает, ужасает, одновременно вызывает любовь, жалость, и презрение.

С помощью описания пейзажа города, его зданий и улиц, Кутзее пытается передать внутреннее состояние героя. «На третьем этаже шестьдесят третьего номера прямо с лестничной площадки открывается длинный проход. Следуя за девочкой, господин идет темным, кривым, пропахшим капустой и вареной говядиной коридором, мимо открытых дверей уборных, к двери закрытой, выкрашенной в серую краску. Они попадают в длинную, низкую комнату, с тусклым светом из единственного окна, пробитого в стене на высоте головы. Тяжелые, как бы парчовые обои на длинной стене словно усугубляют мрак» [1, с. 1]. Следовательно, именно локусы, которые характеризуются тьмой, грязью, неприятными запахами, насыщенностью пьяных и убогих людей влияют на психологическое состояние героя и способствуют формированию идеи преступления. Так как локусы в произведении чаще изображены в позднее время суток, они приобретают темный цвет, который символизирует смерть. Между противоположными частями оппозиции – день-ночь существуют переходные единицы времени, которые находятся на границе между светом и тьмой, выступающие в романах в виде сумраков и тумана, где осуществляется моральный выбор героя. Петербург есть «источник» пробуждения бесов: у Павла – чувство ненужности, которое толкнуло его на самоубийство, у Нечаева – идея народной расправы, у самого героя-протагониста – вождение к девочке.

Описание интерьера передает волнение Достоевского, переживания, а также ощущение болезненности и бессмысленности всей его жизни. Его мысли затуманены, он в раздумьях над тем, что произойдет дальше, как ему справиться со всеми проблемами.

Художественный образ автора представлен также через его поступки и действия. Мы можем заметить, что герой — любвеобильный человек, который любит красивых женщин. У него в Петербурге осталась молодая жена и ребенок, а он проводит вечера с другой женщиной. «Он ждет полчаса, потом еще полчаса. Потом, прикрывая ладонью свечу, в одних носках выскальзывает из своей комнаты. Огромные тени пляшут по стенам. Поставив свечу на пол, он подкрадывается к нише. В тусклом свете он различает на дальнем краю постели Анну Сергеевну, лежащую спиной к нему, руки ее грациозно, как у танцовщицы, закинута над головой, темные волосы распущены» [1, с. 33].

Ещё одной важной особенностью создания образа русского писателя становится обращение Кутзее к темам и сюжетам произведений Достоевского. Так, например, для раскрытия мифологизированного образа писателя и воссоздания атмосферы «потерянности» в России второй половины XX века Кутзее использует любимый приём Достоевского — описания сна героя. Мотив сна, галлюцинаций, различных видений являются ключевыми для обоих писателей. М. М. Бахтин отмечал: «Пожалуй, во всей европейской литературе нет писателя, в творчестве которого сны играли бы такую большую и существенную роль, как у Достоевского» [1, с. 24]. В произведении Кутзее сон передает критическое состояние человека, его моральное истощение и душевную слабость. Во сне он пытается справиться с болью и преодолеть все свои страхи.

В главе «Павел» герою снится сон, в котором он видит себя в образе старой черепахи, которая медленно плывет по реке. На дне он находит тело своего пасынка, лежащего с закрытыми глазами. Он пытается приблизиться к Павлу, поцеловать его лицо. С этим образом-символом, Дж. Кутзее вызывает у читателей ассоциации с медлительностью и старостью, а панцирь черепахи олицетворяет собой закрытость и отчужденность от мира и людей. Автор описывает воду в произведении. Исходя из этого описания, можно понять, что толщина воды символизирует глубокое чувство вины перед Павлом.

Ещё одним ключевым образом в романе является образ собаки. Впервые читатель сталкивается с ней в главе «Кладбище»: «Что-то неладное с этим псом: со спины идут от хвоста открытые, воспаленные язвы. Время от времени пёс тихо повизгивает или вдруг садится и вгрызается в струпья [1, с. 17–18]. Образ собаки, который мы наблюдаем в романе Кутзее, присутствует и в произведениях самого Достоевского — в повести «Двойник» и в романе «Преступление и наказание», где собака выступает «проводником» в иной мир, а ее образ приобретает мифологическое содержание.

Дж. Кутзее уделил внимание мысли, которая зародилась в голове у Достоевского после встречи с детьми-сиротами. Он думал взять одного ребенка к себе, подарить ему любовь и окружить заботой. «Так, значит, вот чем придется мне заниматься до скончания дней, думает он, — заглядывать в глаза псов и попрошайек?» [1, с. 118]. Почему, вдруг, появилась эта мысль? Зачем Достоевский приводит в дом нищего и укладывает его в свою постель? Он делает это не от любви к детям, не по доброте душевной, а лишь из-за того, что чувствует вину, сильную вину перед

Павлом. Он словно наложил на себя епитимью и теперь вынужден следовать ей.

Таким образом, проведенный анализ художественного образа Достоевского позволяет прийти к следующим выводам. Образ Ф. Достоевского воссоздается максимально близко к исторической личности автора. В произведении тесно переплетаются достоверные факты и вымысел в образе главного героя-протагониста. В полном соответствии с западной литературной традицией Кутзее моделирует сложную и контрастную фигуру Ф. Достоевского. Писатель создает многогранный художественный образ русского писателя с помощью описаний домов, интерьера, городского пейзажа Петербурга, с помощью множества аллюзий и реминисценций. Через создание образа русского писателя Кутзее выявляет типические черты исторической эпохи, а также анализирует механизмы истории в целом. В романе Дж. Кутзее принцип отстранения является ключевым при создании образа главного героя-писателя, для которого характерна двойственность, рефлексия и саморефлексия. В образе Ф. Достоевского автор изображает маргинальное психическое и душевное состояние творческой личности и душевные страдания человека, чувства и желания, освободиться от которых можно лишь в процессе создания текста.

Список использованной литературы

1. Кутзее Дж. М. Осень в Петербурге. М.: Эксмо, 2018. 368 с.
2. Курбак М. С. Исторические взгляды и творческая деятельность Дж. М. Кутзее. Москва, 2012. 179 с.
3. Залесова-Докторова Л. В. Мир Джозефа Максвелла Кутзее. СПб.: Звезда, 2004. С. 131.
4. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 511 с.
5. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 56 с.
6. Сараскина Л. И. Фёдор Достоевский. Одоление демонов. М.: Согласие, 1996. 462 с.
7. Coetzee J. M. The Master of Petersburg. New York: Penguin Books, 1995. 368 p.
8. Popescu M. Waiting for the Russians: Coetzee's The Master of Petersburg and the Logic of Late Post-colonialism // Postcolonialism: South / African Perspectives. Ed. by Michael Chapman. Cambridge Scholars Publishing, 2008. 199 p.

УДК 821.111

ЛИНГВОПОЭТИКА ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ У. Б. ЙЕЙТСА

К. А. Хоронская,

обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель – Е. В. Полховская,

кандидат филологических наук, доцент,

заведующая кафедрой английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. Цель данного исследования – определить художественный замысел поэта путём лингвопоэтического анализа его произведений. В рабо-

те рассматриваются лирические произведения У. Б. Йейтса в контексте английской литературы, а также определяются черты любовной поэтики Йейтса. Исследование выявляет ключевые стилистические приёмы в любовной лирике Йейтса, которые способствуют передаче художественного замысла автора. Данное исследование основано на сочетании методов стилистического и лингвопоэтического анализа, текстового анализа, биографического и культурно-исторического подходов. Теоретическая база исследования основывается на работах отечественных учёных, таких как И. Р. Гальперин, Г. М. Кружков, А. Ф. Лосев, М. Д. Тухарели, В. В. Виноградов, В. Я. Задорнова, А. Н. Веселовский, В. А. Ряполова.

Ключевые слова: Йейтс, любовная лирика, лингвопоэтика, образ, стилистический приём.

Summary. The aim of this research is to find out the poet's artistic intent by the means of the linguopoetic analysis. It examines the poet's creative works on love theme in the context of English literature and defines the main features of his love poems. It reveals the main stylistic devices in Yeats's love lyrics, which convey the artistic intent of the poet. This study is based on the combination of methods of stylistic and linguopoetic analysis, text analysis, biographical method, cultural and historical approach. The theoretical basis of the research consists of the works by: I. R. Galperin, G. M. Kruzhkov, A. F. Losev, M. D. Tukhareli, V. V. Vinigragov, V. Y. Zadornova, A. N. Veselovskiy, V. A. Ryapolova.

Key words: Yeats, love poetry, linguopoetic, image, stylistic device.

У. Б. Йейтс (1865 – 1939) – крупнейший поэт 20 века, который в равной степени принадлежит ирландской и английской литературе. Участник ирландского литературного возрождения, драматург и член многих оккультных обществ, он получил Нобелевскую премию по литературе в 1923 году. Его стихи пользуются любовью читателей во всём англоязычном мире; но в Ирландии У. Б. Йейтс составляет предмет особого культа, сравнимого только с культом А. С. Пушкина в России. Его поэтическое наследие изучено представителями разных литературоведческих школ, по достоинству оценено современниками и последователями. Именно оно оказало огромное влияние на развитие англоязычного стихосложения в 20 веке.

В возрасте 24 лет У. Б. Йейтс познакомился с молодой актрисой и революционеркой Мод Гонн, в которую влюбился, и сохранял это чувство на протяжении многих лет. Но, к сожалению, эти страстные чувства остались неразделёнными. Поэтому один из центральных мотивов в поэтике Йейтса – трагическая и неразделённая любовь поэта к ирландской революционерке. Мод Гонн стала музой и главным женским образом в стихотворениях У. Б. Йейтса. Многие из его работ прямо или косвенно упоминают Гонн. Её образ обладал необычным сочетанием красоты и силы.

Немногие поэты в своих работах воспевали женскую красоту так, как это делал Йейтс. Чтобы создать перед мысленным взором читателей образ возлюбленной, передать свои переживания и настроение, поэт использует разные стилистические приёмы. Для определения художественного замысла поэта, был проведён лингвопоэтический анализ.

По мнению советского лингвиста В. В. Виноградова, «задача лингвопоэтического исследования заключается в том, чтобы изучить эстетическую функ-

цию языковых единиц в произведении словесно-художественного творчества» [1]. То есть лингвопоэтика как метод изучения и анализа текста направлена не на выделение конкретных стилистических приёмов или языковых средств, а на раскрытие скрытого смысла произведения, который хотел донести до нас автор, на основе ассоциативных связей выразительных средств, их комбинаций и расстановки в тексте.

Проведя лингвопоэтический анализ ранних произведений поэта, было установлено, что они характеризуются активным использованием фонетических средств выразительности (аллитерация, ассонанс) и определённых фигур речи (метафора, персонификация, перифраза, аллюзия).

Использование различных акустических приемов имеет особую эстетическую функцию. Так, при регулярном повторении звука [i] в произведении «The Lake Isle of Innisfree» («Остров на озере Иннисфри») создается убаюкивающее чувство умиротворения и спокойствия, а звук [gl] позволяет воспроизвести шум воды:

«And I shall have some peace there, for peace comes dropping slow,
Dropping from the veils of the morning to where the cricket sings;
There midnight's all a glimmer, and noon a purple glow,
And evening full of the linnet's wings» [4].

Аллитерация придаёт речи экспрессивность, а также имеет эмоциональное и эстетическое воздействие. В произведении «The Sorrow of Love» («Печаль любви») чувство грядущих перемен и тревоги передаётся с помощью повторения звука [r] в словах одной строки:

«The quarrel of the sparrows in the eaves,
The full round moon and the star-laden sky, <...>
And now the sparrows warring in the eaves,
The curd-pale moon, the white stars in the sky...» [4].

В произведении «The Sad Shepherd» («Печальный пастух») поэт использует непрямую оноματοпею. Так, звукоподражательные слова «humming», «whisper», и «whirl» создают образ беспокойной пустыни, наполненной светом и звуками:

«There was a man whom Sorrow named his Friend,
And he, of his high comrade Sorrow dreaming,
Went walking with slow steps along the gleaming
And humming Sands, where windy surges wend:
And he called loudly to the stars to bend <...>
But the sad dweller by the sea-ways lone
Changed all he sang to inarticulate moan
Among her wildering whirls, forgetting him» [4].

Данные примеры иллюстрируют приём звукового символизма, где звуки являются не носителями определённого значения, а лишь усиливают эмоциональное и эстетическое воздействие. Создаётся некий акустический образ, где смысловая и фонетическая стороны текста взаимодействуют между собой. Особое внимание также стоит уделить атрибутивным словосочетаниям «heavy story» (тяжёлая история) и «ancient burden» (древнее бремя). По сюжету стихотворения, история лирического героя – это история о его бедах и невзгодах. Слово «story» приобретает дополнительное коннотационное значение –

мучительное и горестное существование. Словосочетание «ancient burden», в свою очередь, выступает в качестве напоминания об изгнании человека из райского сада Эдема и обречение на земные муки. Используется приём персонификации: «whom Sorrow named his friend». Существительное «Sorrow» (скорбь, печаль) в английской поэзии традиционно ассоциируется как мужским, так и с женским началом. Где первое приобретало отрицательную коннотацию, а второе – положительную. В данном произведении Йейтса «Sorrow» олицетворяется как «he» («his friend»), следовательно, несёт отрицательное значение.

Благодаря проведённому анализу в произведениях также были выявлены атрибутивные слова, которые играют роль цветообразующих эпитетов: grey sands, dim, dark hair, snow-white hand, snow-white feet, purple glow, pale, curd-pale, pearl pale, honey-pale, cloud-pale, death-pale, dusty deeds. Прилагательное, повторяющееся в рамках одного контекста, может приобретать дополнительную ассоциацию. Так, в стихотворении «Aedh pleads with the Elemental Powers» (входит в сборник стихов «Ветер в камышах») слово «dim» расширяет свои семантические свойства. В произведении описывается не просто унылый и тусклый пейзаж, а период сумерек, когда грань между потусторонним миром и миром реальным стирается:

«Dim Powers of drowsy thought, let her no longer be
Like the pale cup of the sea,
When winds have gathered and sun and moon burned dim
Above its cloudy rim» [4].

Излюбленные стилистические приёмы Йейтса – метафора и метафорические перифразы: grassy road (земной мир), horses of the sea (волны), dim abode (небеса). Такие метафоры и другие описательные словосочетания, относящиеся к повествовательному типу «описание и волеизъявление», выполняют ассоциативную и гномическую функции. Их использование в произведениях мотивировано контекстом.

В произведении «Adam's Curse» («Проклятье Адама») некоторые конкретные прилагательные и существительные также расширяют свои семантические свойства. Так, существительное «moon» не выступает более атрибутом романтического пейзажа, а ассоциируется с угасанием чувства любви:

«We sat grown quiet at the name of love;
We saw the last embers of daylight die,
And in the trembling blue-green of the sky
A moon, worn as if it had been a shell
Washed by time's waters as they rose and fell
About the stars and broke in days and years.
I had a thought for no one's but your ears:
That you were beautiful, and that I strove
To love you in the old high way of love;
That it had all seemed happy, and yet we'd grown
As weary-hearted as that hollow moon» [4].

Образный план повествования заставляет читателя задуматься, что такое любовь. А благодаря метафоре «time's waters» создаётся образ любви такой же быстротечной, как и наша жизнь.

Таким образом, можно сделать вывод, что в творчестве У. Б. Йейтса атрибутивные словосочетания наряду с метафорами и конкретными существитель-

ными, прилагательными, выполняют ассоциативную функцию для создания образного и отвлечённого плана повествования. А использование акустических приёмов способствует передаче художественного замысла автора.

Список использованных источников

1. Костричкин А. Становление и развитие лингвопоэтики как раздела филологии [Электронный ресурс] // Инфоурок: образовательный портал. — Режим доступа: <https://infourok.ru/stanovlenie-i-razvitie-lingvopoetiki-kak-nauki-2138012.html> (дата обращения 11.01.2019).

2. Шмуль И. А. Лингвопоэтическая стратификация художественных текстов и изучение индивидуального авторского стиля: На материале произведений Шекспира [Электронный ресурс] // disserCat: электронная библиотека диссертаций. — 2001. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/lingvopoeticheskaya-stratifikatsiya-khudozhestvennykh-tekstov-i-izuchenie-individualnogo-avt#ixzz5c6lnMiX> (дата обращения 11.01.2019).

3. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, вып. 29. М.: МАКС Пресс, 2005. 260 с.

4. Project Gutenberg: Book Catalogue. [Electronic Resource] // The Collected Works in Verse and Prose of William Butler Yeats. — Vol. 1. — 2015. — Mode of access: URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/49608> (дата обращения 11.01.2019).

УДК 801'811.112.2

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ

Д. А. Чумаков,

обучающийся 4 курса кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель – Э. В. Лихачёв,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуются просодические особенности немецкой стихотворной речи. В ходе субъективного аудитивного и объективного электроакустического анализа изучаются основные частотные, динамические и темпоральные показатели фрагментов декламаций немецких дикторов. Основное внимание уделяется просодическим экстремумам и их корреляции с сегментным языковым уровнем. Проводится систематизация полученных сведений для дальнейшего изучения просодических особенностей и улучшения компьютерных программ синтеза речи.

Ключевые слова: немецкая стихотворная речь, просодические средства, электроакустический анализ, частотный диапазон, интонация, декламация.

Summary. In the research there are described prosodic peculiarities of German verse speech. The main pitch, dynamic and temporal characteristics are

under study in the course of the subjective auditive analysis and the objective electroacoustic analysis. The paper focuses on the prosodic extremes and their correlation with segment speech level. The obtained results are systematized for the further research and enhancement of the speech synthesis programs.

Keywords: German verse speech, prosodic means, electroacoustic analysis, the pitch range, intonation, declamation.

Развитие информационных технологий способствует повышению интереса к изучению звучащей речи, которая реализуется в рамках искусства декламации и содержит в себе дополнительную просодическую информацию. Одним из видов декламации является стихотворная речь. Это ритмически строго организованная речь, экспрессивно воздействующая на слушателя. Диктор, читающий поэтическое произведение, использует разные просодические средства, такие как мелодика, паузация, длительность, интенсивность, которые определяют линейное членение речевого потока на семантические блоки. Благодаря просодии в искусстве декламации стихотворной речи реализуется весь потенциал выразительных средств языка и достигается высшая степень его воздействия.

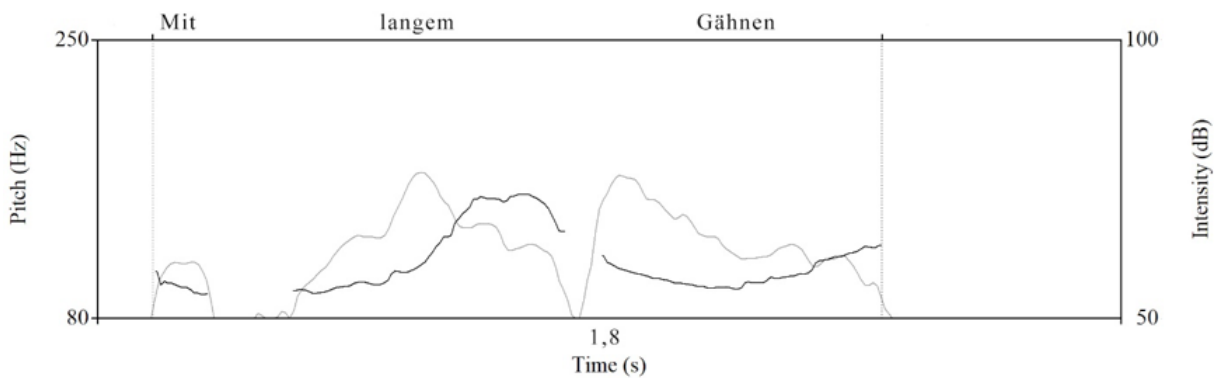
Актуальность данной работы заключается в необходимости изучения просодических средств стихотворной речи, поскольку благодаря просодическим характеристикам речи осуществляется точная передача смысла и эмоций. Практический интерес вызван технологическим прогрессом и связан с передачей и обменом информации, с синтезом речи, а также с желанием изучить те качества звучащей речи, которые способны усилить ее воздействие.

Цель данной работы заключается в выявлении и описании просодических особенностей немецкой стихотворной речи. Данная цель достигается путём решения следующих задач: запись декламаций стихотворных произведений; обработка материала для анализа; электроакустический анализ просодии речи информантов при помощи программы Praat 6.046 и фиксация просодических особенностей их декламации; обобщение полученных данных. Объектом исследования является немецкая стихотворная речь, предметом – просодическая организация звучащей стихотворной речи. Материалом послужили записи декламаций немецких стихотворных произведений таких авторов как И. В. фон Гете и Ф. фон Шиллер общей продолжительностью 60 минут.

Достоверность проводимого исследования достигается путём аудитивного и электроакустического анализа. На этапе аудитивного анализа были прослушаны записи декламаций немецкой стихотворной речи и отобраны фрагменты с наиболее заметными изменениями высоты голоса, громкости и темпа речи. На этапе электроакустического анализа были исследованы реализации отобранных синтагм разными информантами. В целях выявления просодических особенностей звучащей речи были проанализированы следующие показатели: средняя минимальная и максимальная частота основного тона, частота начала и конца фрагмента, средняя максимальная и минимальная интенсивность, динамический диапазон, общая длительность фрагмента, коэффициент паузации.

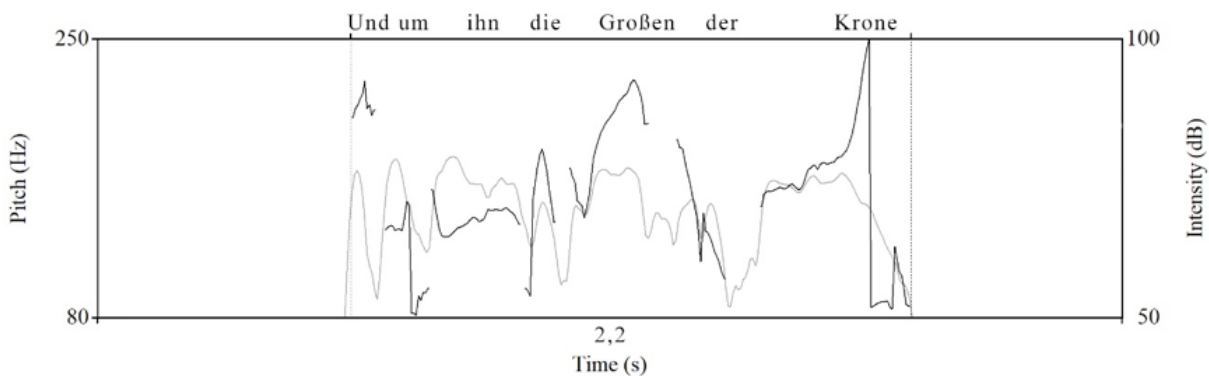
Электроакустический анализ выявил следующие особенности:

1. Темпоральные показатели. Темп речи средний, с замедлениями гласных звуков в корне слов при перечислении. Средняя продолжительность артикуляции таких звуков составляет 1 с. тогда как продолжительность остальных звуков в синтагме равна 85 – 90 мс. (Mit langem Gähnen). Коэффициент паузации (рассчитываемый как отношение общей продолжительности синтагмы к продолжительности без учета пауз) средний (1,1 – 1,2), то есть паузы внутри синтагмы занимают около 15 % времени. Средний коэффициент паузации также указывает на хорошо подготовленную речь (Рис.1).

(Рис. 1)

2. Тональные показатели находятся в рамках спокойного повествования (185 – 200 Гц). Частотными максимумами (233 – 250 Гц) выделяются логические ударения в синтагме (Und um ihn die Großen der Krone). Для частоты основного тона в конце синтагмы характерны низкие показатели (90 – 92 Гц), что свидетельствует о наличии строгого ритмического рисунка в декламации (Рис. 2).

(Рис. 2)

3. Средняя интенсивность соответствует негромкой речи (70 дБ), максимумами выделяются ключевые моменты высказываний Krone «верхушка», Gähnen «зевота» (76 – 78 дБ) (Рис. 1, 2).

Таким образом, просодические средства немецкого языка направлены на интерпретацию художественной коммуникации и раскрытие основной идеи автора. Благодаря просодическим средствам при декламации стихотворного произведения становится возможным выявить ритмическую вариативность, имплицитно заложенную информацию, поэтическую картину мира и образ лирического героя. Для выделения эмотивной доминанты в стихотворной

речи используется просодическая организация. Ритмические единицы служат для структурирования поэтической речи и передачи смысла произведения. Ритм напрямую связан с эстетическим впечатлением, он создаёт определенную упорядоченность, которая обладает силой воздействия на адресата.

Список использованных источников

1. Аксенова Г. Н. К проблеме временной организации единиц речи // Просодия устного текста. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1987. — № 298. – С. 14–22.
2. Андреева С. А. Поэтическое слово в когнитивном аспекте (на материале английских поэтических произведений викторианского периода): автореф. дис. ... кандидата филол. наук. Москва, 1998. 22 с.
3. Антипова А. М. Тембр (качество голоса) как лингвистическая категория // Ритмическая и интонационная организация текста. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1982. – №196. – С. 79–91.
4. Баженова И. С. Обозначение эмоции в художественном тексте (прагматический аспект): автореф. дис. ... доктора филол. наук. Москва, 2003. 48 с.
5. Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.
6. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.
7. Лихачёв Э. В. Эмотивная функция интонации в немецком футбольном комментарии // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы II Международного научного конгресса. Симферополь, 2017. С. 98–101.
8. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 176 с.

УДК 821.111

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕТЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛИЛИИ ДЖЕКСОН БРАУН «КОТ, КОТОРЫЙ СМОТРЕЛ НА ЗВЕЗДЫ»)

Э. С. Шамиева,

обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Научный руководитель – Е. В. Полховская,

кандидат филологических наук, доцент,

заведующая кафедрой английской филологии,

Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В.И. Вернадского», Симферополь

Аннотация. В статье исследуется «лингвокультурный типаж» на материале произведения Лилии Джексон Браун «Кот, который смотрел на звезды». Лингвокультурный типаж представляет собой феномен базовый для лингвокультурологии в целом. Описание лингвокультурных типажей даёт возможность создания новых перспектив в исследовании литературных персонажей. Основной метод исследования – лингвокультурологический и

текстовой анализ.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, литературный тип, Лилиан Джексон Браун.

Summary. The article analyses the phenomenon of «linguocultural type» on the material of the «The Cat Who Saw Stars» by Lilian Jackson Braun. Linguocultural type is a basic phenomenon for linguoculturology in general. The description of the linguocultural types enables to create new perspective in the study of literary characters. The main research method is the linguoculturological and textual analysis.

Key words: linguocultural type, literary type, Lilian Jackson Braun.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить основные характеристики лингвокультурных типажей в современном детективе на материале произведения Л. Браун «Кот, который смотрел на звезды».

Методология исследования. В данном исследовании использованы следующие подходы и методы: лингвокультурный анализ, структурный подход, рецептивный метод, метод стилистического анализа, метод текстового анализа, метод вербального анализа.

Лингвокультурный типаж является особым типом лингвокультурных концептов, важнейшие характеристики которого состоят в типизируемости определённой личности, значимости этой личности для лингвокультуры, возможности её как фактического (реального), так и фикционального (вымышленного) существования, её упрощенной и карикатурной репрезентации. Лингвокультуролог В. А. Маслова разрабатывает понятие «ключевые концепты культуры», под которым подразумевает «ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [7, с. 51]. Лингвокультурное моделирование языкового сознания и коммуникативного поведения стало одним из ведущих направлений конца XX – начала XXI веков. Основные теоретические положения исследования лингвокультурных типажей были выдвинуты лингвистами Волгоградской лингвистической школы (В. И. Карасик, О. А. Дмитриева и др.). По их мнению, лингвокультурный типаж представляет собой «совокупность признаков определенного узнаваемого индивида и черт, характерных для социальной и этнической группы, к которой он принадлежит» [2, с. 20]. Понятие «лингвокультурный типаж» соотносится с такими понятиями, как «лингвокультурный концепт», «образ», «роль», «стереотип», «амплуа», «персонаж», «имидж», «речевой портрет», имеет с ними общие и различные черты [4, с. 10]. Однако, М. В. Радван утверждает, что лингвокультурный типаж не оказывает глобального воздействия на культуру: «лингвокультурный типаж представляет собой набор знаний о том, как ведет себя человек, который выступает в качестве представителя соответствующей группы» [7, с. 156]. Лингвистический и культурный типы характеризуются следующими признаками: распознавание и ассоциативность, повторяемость, формирование характера, широкое признание, символизм яркость, типичность, приоритет [1, с. 5]. Для определения типизированной личности изучается коллективная языковая личность. Также, выделяются аспекты в зависимости от конкретной области знания, которая является первоначальной для создания моде-

ли языковой личности. Лингвокультурологический подход является одним из подходов для исследования языковой личности, который основывается на определении типов языковой личности как носителя какой-либо культуры. В лингвокультурном типаже «мы акцентируем внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры, и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учётом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке)» [10, с. 22]. Для описания внутреннего содержания исследуемого типажа выявляются его характерные признаки, которые отражены в словарных дефинициях, осуществляется анализ следующих характеристик: биосоциальные (пол, возраст, внешность, социальный статус, этническая принадлежность и т.п.), интеллектуальные, нравственные, коммуникативные. При этом особое внимание уделяется описанию ценностной составляющей лингвокультурного типажа, отображённой в высказываниях с оценочным контекстом, фразеологизмах, афоризмах.

Классификации лингвокультурных типажей находятся в стадии разработки. Этим вопросом занимаются В. В. Деревянская, О. А. Дмитриева, В. И. Карасик, И. А. Мурзинова. «Существует классификация, которая строится на следующих основаниях:

- по признаку принадлежности к тому или иному социуму (этнокультурные, социокультурные);
- по признаку оценочного знака (положительные, отрицательные);
- по степени выраженности узнаваемых характеристик (яркие, неяркие);
- по признаку реальности языковой личности (реальные, фикциональные);
- по ассоциативному признаку (фиксированные, дисперсные) и др.» [2, с. 6].

Следует указать на взаимоналожение понятий «литературный тип» и «лингвокультурный типаж». Понятие «литературный тип» является обобщённым образом человеческой индивидуальности, наиболее возможной, характерной, для определенной общественной среды в определенное время. Также, это единство индивидуального и типического, причем «типическое» не является синонимом «усредненному»: тип всегда вбирает в себя все самые яркие черты, характерные для конкретной группы людей. Тип – готовая форма личности. В. Е. Красовский определяет «литературный тип как совокупность персонажей близких по своему социальному положению или роду занятий, мировосприятию и духовному облику» [8, с. 1]. Отметим, что понятия «лингвокультурный типаж» и «литературный тип» могут коррелировать. Литературный тип может являться лингвокультурным типажом, отражённым в художественном тексте и объединяющим в конкретном персонаже речевые, поведенческие, ценностные характеристики определенной социо-, этно- и других групп. Так как лингвокультурный типаж изучается как разновидность концепта, основные методы анализа типизируемых личностей заимствуются из лингвоконцептологии. Прежде всего, исследуются тексты классической и современной художественной литературы, публицистики, кинофильмов.

В данной статье мы анализируем персонажей из современного детективного произведения Л. Д. Браун «Кот, который смотрел на звезды».

Следует начать с общей характеристики самого провинциального городка Мусвилл и его жителей. Этот городок когда-то приносил пользу соседним городам, так как там были полезные ископаемые, которые обеспечивали большую часть страны, но после войны обстоятельства изменились и жизнь здесь стала ровной и однообразной. Жители Мусвилла знают друг о друге все. Они любят свой городок, следят за новостями, принимают активное участие в различных праздниках и сборах; например, об открытии нового ресторана мгновенно узнали все жители и активно обсуждали событие. Местные жители общими усилиями организуют мероприятия. Одна из активисток, Фрэн, из числа самых привлекательных и талантливых молодых женщин Пикакса, занимается отделкой пикакского отеля, но ее главным увлечением является Театральный клуб. Поэтому она решает сделать из сарая летний театр. Она – эстет, но ее взгляды на прекрасное мало кто разделяет. Рассматривая, данный персонаж как языковую личность, стоит отметить, что она использует грубые эпитеты и не задумывается о том, что они могут оскорбить окружающих: «*One city zooty with dyed blonde*» [10, с. 9]. Возвращаясь к лингвокультурному типу «житель провинциального городка», следует отметить, что такая активная социальная жизнь нужна жителям для того, чтобы не деградировать, что является одной из самых главных проблем жителей маленьких городов. Ещё одной разновидностью лингвокультурного типажа является модельная личность, понимаемая как типичный представитель определенной социальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального поведения и выводимой ценностной ориентации. Например, Шарон Хенстейбл – многодетная мать, работает неполный день, в прошлом, как и ее муж была учительницей. Она бросила карьеру ради семьи, чтобы успевать уделять время своим детям: «*This is hard work and serious responsibility, which requires tremendous knowledge, but gives a lot of joy, said Sharon. So, we spend more time with our children*» [10, с. 20]. Главной ценностью для нее является ее семья. Следующий лингвокультурный типаж «учитель». Примером является Миссис Бабби. Учительница на пенсии, она борется за правильность и чистоту английского языка. Данному типу свойственно обучать, воспитывать наставляя, особенно ярко это выражается в ее газетной статье:

«*YOU AIN'T SEEN NOTHIN' YET, HARDLY*

Do you like the way folks speak in Moose Countey?» [10, с. 60]

Исходя из данной цитаты, можно сделать вывод, что общается мисс Бабби с соотечественниками с помощью СМИ, желая, привлечь больше внимания к проблеме неграмотной речи жителей.

Еще одним из важнейших в данном произведении персонажей является Джим Квиллер. Он – мужчина средних лет, консервативный, получивший большое состояние и умело им управляющий. Джим Квиллер достаточно рассудительный персонаж – «*the only one, who listened to the gossip without contributing to*» [10, с. 3]. Его мнение уважаемо остальными жителями. Он является литературным воплощением лингвокультурного типажа «журналиста-интеллектуала». Квиллер воплощает в себе идеал джентльмена, за что его и любят местные жители. В словаре ген-

дерных терминов описываются качества, присущие джентльмену, например: «Джентльмену присуще спокойствие и уверенность в себе, отличающая независимого человека. Он владеет собой, что важно в деле правления...Он, правдив, но говорить правду без надобности не станет. Он доверяет другим и сам вызывает доверие. Джентльмен упорен в преодолении трудностей. Его отличает немногословность и недоверие к слишком эмоциональным оценкам. Тактичность, выполнение взятых на себя обязательств, готовность пойти на помощь. Он живет, подчиняясь определенным социальным и моральным устоям. Самооценка Джима Квиллера заставляет нас верить, что он уникальный и самый выдающийся детектив в мире. Вот несколько примеров. Джим демонстрирует свою «легкость» в раскрытии любого дела: *«It was completely obvious the first time ...»* [10, с. 3]. В образе Джима Квиллера хорошо раскрыты многие типичные характеристики свойственные данному лингвокультурному типу. Он проявляет себя как истинный интеллеktуал, внимателен, рассудителен, хорошо воспитан, что подтверждает следующее: приверженность принципам джентльменского поведения, эксцентричность, рациональность, сдержанность, хладнокровие.

Основные результаты. Будучи ментальными образованиями, лингвокультурные типы обнаруживают определённое сходство и различие по отношению к другим типовым представителям. В детективном произведении Л. Браун «Кот, который смотрел на звезды» были выявлены следующие лингвокультурные типы: «учительница», «журналист-интеллектуал», «житель маленького городка», «искусствовед». Данные типы соотносятся с узнаваемыми реальными людьми, являются многомерными представлениями, а не заданными упрощенными черно-белыми образами.

Выводы. Проанализировав понятие лингвокультурный тип, можно сказать, что он возникает и меняется в результате развития и изменений в обществе. Концептуальная природа ЛКТ проявляется в том, что средством его экспликации, как и для других типов концептов, служит ассоциативное поле. Лингвокультурные типы обладают национально-культурными спецификами и стереотипизированными характеристиками, которые реализуются в языке. Лингвокультурные типы находят своё отражение в художественной литературе.

Список использованных источников

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурная концепция. М., 2004. С. 10–50.
2. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный тип: на определение понятия // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типы: сб. научный тр. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
5. Кон И. С. Личность как субъект общественных отношений. М.: Знание, 1966. 47 с.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие.

М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.

7. Радван В. М. Американский супермен как лингвокультурный типаж // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. Волгоград, 2005. С. 155–166.

8. Справочник абитуриента. Литература. М.: АСТ, 2002.

9. Федоров В. В. История англо-американской журналистики и основные этапы ее развития // Вестник НГЛУ, язык и культура. — 2013. — №10. — С. 105–115.

10. British Library Cataloguing in Publication Data Braun. Lilian Jackson «The Cat Who Saw Stars» ISBN 07-7472-1735-1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдурахманова А. З. кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Абдурахманова Н. З. кандидат наук (PhD), старший преподаватель, Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы имени Алишера Навои, Ташкент

Александрова О. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Андрющенко И. А. кандидат культурологии, доцент, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Аникеева Е. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Арбузова Н. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Асютина О. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Багумян Е. В. доцент кафедры иностранных языков, зав. отделением международного сотрудничества, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Севастополь

Банах Л. С. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Баширов А. М. аспирант Института прикладной семиотики, Академия наук Республики Татарстан, Казань

Беловенцева М. В. ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Березина Ю. В. кандидат филологических наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров

Бобик А. А. обучающаяся 2 курса кафедры русского языка и литературы, Факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», Симферополь

Богославская Е. А. обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Бондаренко Л. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Борзова И. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Борисенко Т. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации, факультет мировой политики, Московский государственный университет М. В. Ломоносова, Москва

Бочкарёва Т. В., старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Брюховецкая С. А. обучающаяся 2 курса лечебного факультета, Медицинская академия имени С.И. Георгиевского (сп), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вазиновская И. К. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Васильева О. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Васько В. Н. обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Ведерникова А. С. МБУК Централизованная библиотечная система для взрослых МОГО Симферополь, Библиотека-филиал №8 имени Леси Украинки, Симферополь

Вершицкая Е. Р. кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента, Институт экономики и управления, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Витковская Г. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Вовк Н. А. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Воронцова Н. К. ассистент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гавришева Г. П. кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гаркуша Л. Г. кандидат филологических наук, доцент кафедры те-

ории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гатиатуллин А. Р. кандидат технических наук, заведующий отделом Института прикладной семиотики, Академия наук Республики Татарстан, Казань

Глухенькая Л. Н. аспирант 1-го года обучения кафедры русской и зарубежной литературы, Факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (сп), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Григорьева М. А. аспирант кафедры английской филологии, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва

Гриценко В. Д. обучающаяся 4 курса направления подготовки «Филология», Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь

Гольдберг Г. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гулакова И. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Гулевец Н. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Джемилова С. С. обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Доминенко Н. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Доу Чуньяо соискатель факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Дьякова Н. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Евстафьева Н. М. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Емельянова Т. А. ассистент кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Жарко Л. Н. преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Зекаг Мавахед аспирантка кафедры турецкого и русского языков, факультет арабского и восточных языков, Алжирский университет

Иваниченко А. Ю. обучающаяся 3 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Исаев Э. Ш. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Исаева О. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Каколири И. магистр филологии, преподаватель кафедры новогреческой филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар

Карпенко А. В. кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Карпова Е. О. обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кириченко Д. А. кандидат филологических наук, Севастопольский академический русский драматический театр имени А.В. Луначарского, Севастополь

Кислицына Е. А. обучающаяся 3 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кислицына Н. Н. кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кислухина М. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Клюева В. Г. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Князева Н. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кобазева Ю-К. Д. обучающаяся кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Колчевская В. А. преподаватель кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий, факультет романо-германской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар

Колянда Д. Н. старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кондратюк О. С. библиотекарь I категории МБУК ЦБС для взрослых МОГО Симферополь, Библиотека-филиал № 2 им. В.А. Жуковского, Симферополь

Кот Т. О. аспирант кафедры терапии, гастроэнтерологии, кардиологии и общей врачебной практики (семейной медицины), Факультет подготовки медицинских кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования (ДПО), Медицинская академия имени С.И. Георгиевского, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Котолупова О. В. аспирант кафедры терапии, гастроэнтерологии, кардиологии и общей врачебной практики (семейной медицины), Факультет подготовки медицинских кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования (ДПО), Медицинская академия имени С.И. Георгиевского, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кохан О. Н. преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кочергина Л. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Кравинская Ю. Ю. старший преподаватель кафедры иностранных языков №2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Креер М. Я. кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой «Иностранные языки», Финансовый университет при Правительстве РФ, Санкт-Петербург

Кушнарева Т. И. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Левицкий А. Э. доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Лесова-Юзефович Н. С. кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», Симферополь

Лихачёв Э. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Лысова В. С. обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Майборода С. В. старший преподаватель кафедры русского языка, Медицинская академия имени С.И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Макеева Л. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь

Марценюк М. А. обучающаяся 4 курса кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мележик К. А. кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мельниченко Т. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Меметова З. С. обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мерзлякова О. А. преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Мермига Деспина (Μέρμηγα Δέσποινα) аспирант, кафедра языка, филологии и культуры стран Причерноморья, Университет Фракии им. Демокрита, Греческая Республика

Миколайчик М. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Миргородская Е. А. обучающаяся 4 курса кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Науменко Н. П. старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Нечипас П. Ю. обучающаяся 3 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Никейцева О. Н. старший преподаватель кафедры иностранных языков №1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Николаос Димулас (Νικόλαος Δημουλάς) учитель, командированный министерством образования, науки и религии Греции в центр греческого языка, район Ессентуки, Греческая Республика

Новикова Е. А. преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец Т. М. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Обухова О. Н. кандидат филологических наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров

Онищенко Ю. В. преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Павловская И. Ю. доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Паршикова В. О. обучающаяся 2 курса лечебного факультета, Медицинская академия имени С.И. Георгиевского (сп), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Перепечкина С. Е. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Першин П. П. аспирант 1-го года обучения кафедры психиатрии, наркологии с курсом общей и медицинской психотерапии, Медицинская академия имени С.И. Георгиевского, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Петренко А. Д. доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Петренко Д. А. кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Петрова П. В. обучающаяся 3 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Погосян К. Э. обучающаяся факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Полховская Е. В. кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английской филологии, Институт иностранной филологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Пономарёва А. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Порческу Г. В. кандидат филологических наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров

Радченко Т. А. ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Романова А. В. обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Рыжикова М. Д. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Сахно Е. М. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Сдобнова С. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Семёнова Д. И. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Сердюк Е. Н. ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Силин В. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Сиротюк О. В. заведующая отделом «Общий читальный зал» Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Крымская республиканская универсальная научная библиотека имени И. Я. Франко», Симферополь

Сказочкина Т. В. кандидат педагогических наук, преподаватель Академической гимназии СПбГУ имени К.Д. Фаддеева, Санкт-Петербург

Скурихина О. В. кандидат педагогических наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров

Склярченко А. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Соловьёва К. К. обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры те-

ории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Сотникова А. В. обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Стрембицкая Н. С. старший преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Сулейманов Д. Ш. доктор технических наук, директор Института прикладной семиотики, Академия наук Республики Татарстан, Казань

Сыроватская Г. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры международной коммуникации, факультет мировой политики, Московский государственный университет М. В. Ломоносова, Москва

Тарева Е. Г. доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой французского языка и лингводидактики, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва

Татаренко Е. Н. старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Теплова Л. И. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь

Трунченкова Н. Н. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Турчина Д. О. магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Тюменцева Е. С. обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Тяллева И. А. кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и зарубежной филологии, Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Хаджиев Б. (Hacıyev Baylar) профессор, глава департамента английского языка, факультет культуры и искусств, Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

Хлыбова Н. А. кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков № 2, доцент, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Хоронская К. А. обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Хорошилова О. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий, Кубанский государственный университет, Краснодар

Цебровская Т. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Цзя Юннин аспирант кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени А. М. Горького, Москва; старший преподаватель факультета русского языка Сианьского нефтяного университета, Сиань, КНР

Чекалина Т. В. старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чемезова Е. Р. кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Институт филологии, истории и искусств, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Ялта

Черезова М. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чернобай С. Е. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Черныш И. В. старший преподаватель кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чернышова Т. Г. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чиковани Т. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков №2, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Чумаков Д. А. обучающийся 4 курса кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шамиева Э. С. обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шапошник Н. А. старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шаронова А. С. обучающаяся 4 курса кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шевель В. Г. преподаватель кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шестакова Е. С. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №1, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шibaева И. В. старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шик Е. Н. обучающаяся 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Шиманович А. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Ягенич Л. В. кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ИНОСТРАННАЯ ФИЛОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

МАТЕРИАЛЫ IV МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО КОНГРЕССА

Симферополь,
1 – 19 апреля 2019 г.

Редактор: *Полховская Е.В.*

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 28,83. Тираж 60 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru